801-17
1507

Л 78
286

Гелльвальдъ.

Исторія культуры.

При участіи профессоровъ Гааза, Бюхнера, Лефманна, Хорна, Гольма, Генне амъ,-Рина, Людвига Гейгера, Филиппсона и др.

1

Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи.

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи **М. Филиппова.**

Съ таблицами рисунковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1897.

Дозволено цензурою. Спб. 10 Іюля 1897 г.

2014028449

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее русское изданіе перваго отдѣла извѣстной книги Гелльвальда представляетъ переработку послѣдняго нѣмецкаго изданія. Нами сдѣланы нѣкоторыя стилистическія сокращенія и исключены нѣкоторыя главы, представляющія, по нашему мнѣнію, излишній балластъ; взамѣнъ этого значительно расширены и дополнены главы, относящіяся къ сущности предмета. Особенно значительны добавленія, относящіяся къ первобытной культурѣ.

Первобытная эпоха.

Ближайшимъ предкомъ человѣка слѣдуетъ считать антропопитека (Pithecanthropus erectus), открытаго Дюбуа въ отложеніяхъ, по всей вѣроятности, принадлежащихъ къ третичному періоду. Общая фигура человѣка и его прямостоячее положеніе легче всего, вѣроятно, могутъ быть объяснены тѣмъ, что его древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ, подобно тому, какъ у обезьянъ, было дерево. Лазящій образъ жизни и привычка охватывать дерево при влѣзаніи вверхъ, всего проще объясняютъ превращеніе передней конечности изъ органа перемѣщенія въ хватательный органъ. Вѣдь и теперь есть не мало дикихъ племенъ, предпочитающихъ устраивать жилища на деревьяхъ; впрочемъ, первобытный человѣкъ, вѣроятно, при случаѣ предпочиталъ спать не на деревьяхъ, а въ пещерахъ или же подъ нависшими скалами; а можетъ быть онъ выкапывалъ или выгребалъ ямы въ пескѣ или просто подстилалъ листья и траву, что еще и теперь дѣлаютъ бушмены. Разсказываетъ же Тацитъ о древнихъ германцахъ, что они еще въ началѣ нашей эры пользовались ямами, выкопанными въ землѣ и покрытыми соломой или же затвердѣвшимъ навозомъ!

Настоящіе люди развились лишь посредствомъ постепеннаго превращенія звукового языка животныхъ въ членораздѣльную рѣчь, при чемъ рука объ руку подвигалась болѣе высокая степень дифференцированія гортани и мозга. Но этотъ переходъ отъ безсловеснаго обезьянообразнаго человѣка къ настоящему или говорящему человѣку потребовалъ весьма продолжительнаго времени, такъ какъ различные языки обнаруживаютъ такую высокую степень различія, что допустить ихъ общее происхожденіе отъ одного первобытнаго языка совершенно невозможно; стало быть, отсюда вытекаетъ, что раздѣленіе человѣчества на бѣлую, черную, желтую, коричневую и т. п. расы должно было совершиться еще до раздѣленія языковъ. Если далѣе мы вспомнимъ, что, по даннымъ языкознанія, человѣческая рѣчь должна была воз-

никнуть раньше, чѣмъ любое орудіе, изобрѣтенное человѣкомъ для своего употребленія, то отсюда приходится заключить, что человѣческій родъ обладаетъ невѣроятно чудовищной древностью. До-историческое время, очевидно, длилось несравненно болѣе, чѣмъ историческое или чѣмъ то, которое удостовѣрено преданіями. Возможно, что на самыхъ раннихъ стадіяхъ развитія языка, существовало чудовищное количество языковъ, такъ называемыхъ нарѣчій, позднѣе слившихся въ болѣе крупныя нарѣчія и коренные языки—процессъ, еще теперь наблюдаемый въ Австраліи и въ Америкѣ. Теологическая гипотеза происхожденія человѣческаго рода отъ одной пары, поэтому, становится понятною развѣ при содѣйствіи извѣстнаго разсказа о вавилонскомъ смѣшеніи языковъ.

Итакъ, если, какъ часто дѣлали, отнести процессъ превращенія низшихъ формъ въ человѣка къ началу четвертичнаго періода или къ дилювію, то это предположеніе окажется невѣрнымъ уже потому, что всѣ извѣстные остатки человѣка, находимые въ дилювіи, сравнительно обнаруживаютъ еще слишкомъ ничтожное приближеніе къ животному типу. Поэтому не остается ничего, какъ допустить существованіе весьма спорнаго „третичнаго человѣка" и отнести процессъ пріобрѣтенія человѣческихъ признаковъ къ одному изъ трехъ подраздѣленій великаго третичнаго періода, что и сдѣлано большинствомъ ученыхъ, компетентныхъ въ этой области [1]).

Ясно, что человѣка, во всякомъ случаѣ, нельзя поставить отдѣльно отъ прочихъ живыхъ существъ; совершенно напрасный трудъ искать для него такого отдѣльнаго положенія. Человѣкъ—естественный продуктъ, какъ и всѣ прочія существа, хотя стоящій на самой высокой ступени и тѣснѣйшимъ образомъ связанный со всѣмъ, стоящимъ ниже его, міромъ живыхъ существъ, частью наложившимъ на него свою неизгладимую печать. Этотъ міръ живыхъ существъ образуетъ, впрочемъ, связное цѣлое. Никто въ настоящее время не въ состояніи сказать, гдѣ граница между двумя, повидимому, такъ значительно различающимися мірами, каковы міръ растеній и міръ животныхъ; они связаны тѣснѣйшими переходами въ области скрытыхъ для невооруженнаго глаза живыхъ существъ—микроскопическихъ простѣйшихъ или протистовъ. Точно также невозможно указать принципіальное различіе между животнымъ и человѣкомъ, несмотря на про-

[1]) Сравн. Büchner, Thatsachen und Theorien aus dem naturwissenschlaflichen Leben der Gegenwart. Berlin 1887, стр. 37 и слѣд.

тесты, раздающіеся до сихъ поръ съ извѣстной стороны. Морфологія (т. е. ученіе о формахъ тѣла животныхъ) убѣждаетъ въ томъ, что человѣкъ представляетъ лишь наивысшую форму уже высоко развитой формы высшаго млекопитающаго; сообразно съ этимъ, и психическая сторона его природы является лишь наивысшимъ развитіемъ задатковъ и способностей, существующихъ въ животномъ мірѣ.

Теперь всѣ уже признаютъ нелѣпою геоцентрическую точку зрѣнія, придававшую солнцу и звѣздамъ движеніе вокругъ земли, какъ общаго центра. Точно также и антропоцентрическая точка зрѣнія, превратившая человѣка въ цѣль и средоточіе всей вселенной, признана несоотвѣтствующею фактамъ. Вполнѣ несостоятельна точка зрѣнія, защищаемая напр. Нуаре [1]); этотъ авторъ пытается доказать, что слѣдуетъ различать антропоморфизмъ, т. е. уподобленіе всѣхъ явленій человѣку, отъ антропоцентризма, т. е. пріуроченія всѣхъ явленій къ человѣку, какъ центру вселенной. Различіе, дѣйствительно, существуетъ, но обѣ точки зрѣнія одинаково несостоятельны. По словамъ Тита Виньоли [2]), „у человѣка выполняются органическія и физіологическія функціи ощущенія, воспріятія, воспоминанія, мышленія, воспроизведенія и соціальныхъ отношеній, совершенно такимъ же образомъ, какъ и у животныхъ". То самое различіе, которое существуетъ между животнымъ и человѣкомъ, замѣчается также между высшими и низшими животными. Можно даже сказать, что психическія проявленія низшихъ животныхъ въ гораздо большей степени различаются отъ психической жизни высшихъ животныхъ, чѣмъ этихъ послѣднихъ по сравненію съ человѣкомъ. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что между тѣлесными, какъ и душевными свойствами человѣка и животныхъ нѣтъ качественнаго различія, но лишь количественное; нельзя провести никакой опредѣленной границы между умомъ и инстинктомъ. Человѣкъ и животное обладаютъ умомъ и инстинктомъ, лишь съ тѣмъ различіемъ, что у человѣка преобладаетъ умъ, а у животнаго инстинктъ. Предположеніе, что животныя руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно слѣпымъ и непроизвольнымъ инстинктомъ, давно опровергнуто; съ другой стороны, во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка, направленныхъ къ самосохраненію и къ сохраненію вида, въ свою очередь, рас-

[1]) Noiré, Die Welt als Entwickelung des Geistes.
[2]) Tito Vignoli, Ueber das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreich.

и оznается дѣйствіе инстинкта, какъ происшедшаго естественнымъ путемъ и передающагося посредствомъ наслѣдственности природнаго стремленія.

Также въ моральномъ отношеніи нѣтъ никакого опредѣленнаго различія между человѣкомъ и животнымъ. Это послѣднее обладаетъ зачатками всѣхъ пороковъ и всѣхъ добродѣтелей человѣка, порою даже въ болѣе рѣзко выраженной степени [1]).

Такимъ образомъ падаютъ, одинъ за другимъ, воображаемые предѣлы, по прежнимъ воззрѣніямъ отдѣлявшіе непроходимой бездной человѣка отъ животнаго; и даже душевная природа, повидимому, ставящая человѣка выше всей природы, представляетъ лишь послѣднее выраженіе величественнаго, нигдѣ рѣшительнымъ образомъ не прерывавшагося процесса развитія. Душевная и тѣлесная природа такъ же неразрывно связаны между собою, какъ сила и вещество. Такъ называемый *дуализмъ*, видѣть-ли въ немъ противоположность духа и природы, содержанія и формы, сущности и явленія, или чего угодно, для нашего времени является міросозерцаніемъ, отжившимъ свой вѣкъ. Наступаетъ господство *монизма*.

Древность и первобытное состояніе человѣчества.

Среди наивысшимъ образомъ организованныхъ животныхъ формъ, а именно млекопитающихъ, обладающихъ не только дѣтскимъ мѣстомъ (плацентою), но и отпадающей оболочкой (послѣдомъ, decidua), предки человѣка занимали, безспорно, уже высокое мѣсто, благодаря пріобрѣтеннымъ способностямъ, обезпечившимъ имъ побѣду въ борьбѣ за существованіе. Эти предки могли въ теченіе многихъ тысячелѣтій произвести человѣка въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова лишь *постепенно*, поэтому выраженіе: первый человѣкъ лишено всякаго смысла. „Перваго человѣка" никогда не могло быть, поэтому нельзя дать хронологическое указаніе, опредѣляющее точный возрастъ человѣчества на земномъ шарѣ. Достовѣрно лишь одно, а именно, что человѣкъ—современникъ мамонта, ископаемыхъ видовъ носорога, пещернаго медвѣдя и всѣхъ мощныхъ исполиновъ ледниковой и послѣ-ледниковой эпохи. Послѣ различныхъ находокъ до-историческихъ слѣдовъ че-

---

[1]) Сравн. Büchner, Aus dem Geistesleben der Thiere, 4 Aufl. Leipz. 1896, и его же Liebe und Liebes leben der Thiere. 1885.

ловѣка, въ особенности не подлежитъ никакому сомнѣнію, что человѣкъ жилъ въ теченіе обѣихъ ледниковыхъ эпохъ, раздѣленныхъ такъ называемой межледниковой эпохой; онъ жилъ въ началѣ плейстоцена или диловія или же, вѣроятно, уже въ концѣ третичнаго періода. Онъ присутствовалъ, въ теченіе тысячелѣтій, при постепенномъ наростаніи и исчезновеніи ледниковъ, отступая отъ надвигающихся ледниковъ и слѣдуя за отступающими. Для разсматриваемаго вопроса безразлично, допустимъ-ли мы лишь двѣ ледниковыя эпохи или же, по примѣру нѣкоторыхъ изслѣдователей, станемъ разсматривать четвертичный періодъ какъ рядъ поочередныхъ ледниковыхъ и межледниковыхъ эпохъ. Весьма вѣроятно, что новокаменный (неолитическій) или послѣдній отдѣлъ такъ называемаго каменнаго вѣка совпадаетъ съ концомъ ледниковаго періода; этотъ послѣдній отдѣлъ ледниковой эпохи, по вычисленіямъ Кролля, Фореля и др., отстоитъ отъ насъ за 80.000—100.000 лѣтъ, тогда какъ знаменитый геологъ Ляйэлль опредѣляетъ продолжительность всей ледниковой эпохи въ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ. Въ новѣйшее время, впрочемъ, непосредственно доказано до-ледниковое существованіе человѣка: это показали раскопки д-ра Гикса (Hicks) въ Уэльсѣ или Валлисѣ, предпринятыя по порученію британской ассоціаціи. Теоретическія основанія заставляютъ принять существованіе человѣка еще въ третичномъ періодѣ; весьма правдоподобно, что въ древнѣйшія времена человѣкъ жилъ далеко не въ одной какой-либо ограниченной области, вродѣ нашей части свѣта; по всей вѣроятности происходили поселенія болѣе культурныхъ племенъ, являвшихся съ юга или съ востока.

Изобразить настоящее первобытное состояніе человѣчества мы не въ состояніи, такъ какъ здѣсь мы лишены какой бы то ни было точки опоры или возможности провести параллель. Дѣйствительно, даже самые грубые изъ современныхъ дикарей, во всякомъ случаѣ, находятся на болѣе высокой ступени развитія, нежели та, какую мы можемъ приписать первобытному человѣку. По образу жизни онъ вѣроятно немногимъ отличался отъ своихъ звѣроподобныхъ предковъ. Подобно имъ, ему приходилось вести суровую борьбу за существованіе; борьбу эту онъ ведетъ и теперь, хотя въ существенно измѣненномъ видѣ. Тѣ же законы, которые имѣютъ значеніе въ жизни животныхъ, господствуютъ и надъ жизнью человѣка, хотя, вслѣдствіе его высшаго ум-

ственнаго уровня, они въ значительной степени видоизмѣняютъ свою форму. Прежде всего борьба происходила изъ-за пищи, затѣмъ—ради удовлетворенія половыхъ потребностей: но, въ существенныхъ чертахъ, то же происходитъ и теперь. Шиллеръ сказалъ, что міръ управляется голодомъ и любовью.

Проводили-ли древнѣйшіе люди жизнь парами, какъ хищныя животныя, или же стадами, ордами, подобно многимъ копытнымъ животнымъ и обезьянамъ? Существовало ли у нихъ одноженство, многоженство или общность женъ? На этотъ счетъ можно высказывать только догадки. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ ниже, когда придется говорить о началахъ семьи.

Въ *политическомъ* отношеніи—если позволено пользоваться этимъ выраженіемъ—сначала господствовало полное равенство особей, что въ теченіе долгаго времени должно было задерживать успѣхи цивилизаціи. Изъ животныхъ наивысшей степени культуры достигли тѣ, которыя жили въ обществѣ и въ упорядоченномъ общежитіи, заслуживающемъ названіе государства; но то же справедливо и для человѣческихъ расъ. Итакъ, если уже у животныхъ можно доказать зачатки государственнаго союза, какой мы видимъ, въ весьма развитой формѣ, у пчелъ и муравьевъ [1]), то слѣдуетъ признать, что также у человѣка стадная жизнь развила первые зачатки раздѣленія труда, какъ основу и причину организаціи и органической государственной жизни.

Соціальные законы.

Силы природы, усиленіе ихъ степени (потенцированіе).

Желая заранѣе указать на конечную цѣль изслѣдованія, мы скажемъ, что постараемся доказать слѣдующее:

1) Исторія человѣческой культуры, какъ и естественная исторія, есть по-просту исторія развитія.

2) Человѣчество, хотя часто косвеннымъ путемъ, всегда слѣдуетъ естественнымъ законамъ и притомъ всѣмъ естественнымъ законамъ, въ ихъ совокупности.

3) Исторія есть послѣдовательный рядъ „принудительныхъ необходимостей“.

---

[1]) Гораздо правильнѣе считать общину пчелъ или муравьевъ сложною формою семьи, нежели государства. *Перев.*

Дѣйствительно, исторія не есть простой рядъ событій, связанныхъ между собою лишь хронологическою послѣдовательностью; она представляетъ, наоборотъ, связную цѣпь причинъ и слѣдствій, соединенныхъ между собою великимъ, господствующимъ какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ, принципомъ причинности. Невозможно допустить, чтобы въ исторіи человѣчества существовалъ хотя одинъ моментъ, когда въ его развитіе вступалъ элементъ, чуждый природѣ и способный оторвать человѣчество отъ произведшей его почвы.

На ряду съ принципомъ причинности, существуетъ еще принципъ *цѣлесообразности*, охватывающій всѣ матеріальныя и соціальныя явленія и представляющійся намъ, въ примѣненіи къ человѣческому обществу, какъ *нравственность*. Однако, при этомъ нельзя проглядѣть того, что новѣйшее естествознаніе превратило выполненіе цѣлей изъ конечной цѣли сотворенія въ причину возникновенія существъ,—а это безконечно далеко отъ близорукихъ воззрѣній телеологическаго міросозерцанія (отъ слова телосъ—конечная цѣль). Все, что можно еще сказать относительно отдѣльныхъ моментовъ исторіи развитія, оказывается самоочевиднымъ слѣдствіемъ изъ вышеупомянутыхъ трехъ пунктовъ. Лишь тотъ, кто отвергаетъ эти три положенія и проходитъ мимо вещественныхъ познаній, доставленныхъ естественными науками,—можетъ съ своей точки зрѣнія поставить крестъ надъ нашими выводами. Къ сожалѣнію, еще находится не мало историковъ культуры, напр., въ Германіи, раздѣляющихъ телеологическую точку зрѣнія. Въ числѣ ихъ есть люди передовые, даже радикалы въ вопросахъ политики; но въ другомъ отношеніи эти „либеральные обскуранты“ весьма похожи на такъ сильно поносимыхъ ими „клерикальныхъ обскурантовъ“. Истина *одна*, и, стало быть, кто отъ нея уклоняется, тотъ говоритъ неправду, уклоняется-ли онъ на одинъ волосъ или на десять верстъ. Мнимо „свободомыслящіе“ люди точно такъ же упорно противятся истинѣ, какъ и люди, воображающіе, будто наука потрясла основы. Тѣ и другіе по-своему правы, такъ какъ естественно-научныя знанія разрушаютъ въ одинаковой степени и либеральную фразу, и старую догму.

Въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ природѣ, всѣ явленія представляютъ слѣдствія *не какихъ-либо абсолютныхъ принциповъ*, но разнообразныхъ отношеній взаимодѣйствую-

щихъ силъ. Добро и зло, польза и вредъ, правда и неправда, удовольствіе и страданіе, разсматриваемыя съ соціальной точки зрѣнія, слагаются изъ опредѣленнаго количества внѣшнихъ проявленій дѣятельности отдѣльныхъ членовъ общества или же цѣлаго организма. Лишь результату этого общаго дѣйствія могутъ соотвѣтствовать общія понятія о добрѣ и злѣ, пользѣ и вредѣ, удовольствіи или страданіи. *Понятія эти представляютъ не что иное, какъ разнообразныя состоянія человѣческаго общества, разсматриваемыя съ разныхъ точекъ зрѣнія* или же формы человѣческаго пониманія общественныхъ отношеній. Это зналъ уже Спиноза. Эти и подобныя соображенія приводятъ къ понятію о борьбѣ за существованіе, выставленному со временъ Дарвина. Борьба приводитъ къ усиленію степени естественныхъ силъ и имѣетъ значеніе не только для органической природы, но и для человѣческаго общества. Всякая высшая степень есть лишь родъ уплотненія низшей, усиливающагося въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія. Отсюда проистекаетъ законъ тройственнаго согласованія въ послѣдовательности, совмѣстности и по іерархическимъ ступенямъ, т. е. во времени, въ пространствѣ и въ интенсивности—законъ, неопровержимо доказанный теоріей происхожденія видовъ. Пользуясь этимъ закономъ, можно доказать, что каждый человѣкъ, въ послѣдовательныхъ стадіяхъ своего развитія, проходитъ всѣ эпохи низшаго историческаго развитія, при чемъ проявляется и значительное различіе между человѣкомъ и животнымъ, не смотря на все ихъ родство. Дѣйствительно, вся нервная система человѣка, со включеніемъ мозга, гораздо выше и лучше развита, нежели нервная система наиболѣе высоко развитаго животнаго, и именно это различіе есть результатъ историческаго развитія человѣка. Въ теченіе этого развитія, религія, наука, искусство, обычай, нравственность, право и т. д., вызывали тѣ силы, которыя постепенно и путемъ тяжкой борьбы и испытаній возвысили животное до человѣка. Всѣ высшіе интеллектуальные и моральные задатки человѣка могутъ быть, до извѣстной степени, разсматриваемы какъ развитіе силъ, которымъ человѣкъ обязанъ своему соціальному развитію. Но что всѣ эти задатки существовали, въ зародышѣ, уже въ животномъ, а частью даже развились у животныхъ выше, чѣмъ у человѣка, это доказывается безчисленными наблюденіями. Можно даже прослѣдить постепенное развитіе каждаго изъ этихъ

задатковъ отъ дѣтства до зрѣлаго возраста у каждой отдѣльной личности. Подобно тому, какъ животное, въ своемъ эмбріологическомъ развитіи, проходитъ низшія ступени животной жизни, такъ точно и человѣкъ, въ постепенномъ развитіи своей нервной системы, проходитъ низшія ступени жизни человѣчества. Подобно всѣмъ прочимъ способамъ умноженія силъ природы, также и силы человѣка достигаютъ различныхъ ступеней развитія. Лишь немногіе достигаютъ высшей ступени. Масса человѣчества представлена низшими ступенями умственнаго и нравственнаго развитія. Высшее всюду образуетъ лишь немногія свѣтлыя точки, немногія выдающіяся вершины. Даже наивысшіе культурные народы еще теперь содержатъ въ своей средѣ разнообразнѣйшія ступени соціальнаго, этическаго, умственнаго и матеріальнаго развитія; этихъ различныхъ ступеней достигаютъ отдѣльные индивидуумы, отдѣльныя соціальныя группы, даже цѣлыя сословія, соотвѣтствующія развитію первобытнаго человѣка или дикаря. Это разнообразіе представляетъ человѣческое общество еще теперь, въ исторіи же оно обнаруживается и совмѣстно, и послѣдовательно.

Соціальный законъ развитія.

Разсматривая соціальный законъ развитія, мы вскорѣ увидимъ, что онъ согласуется съ біологическимъ ученіемъ.

Біологія утверждаетъ, что филогенезисъ, или развитіе вида, является механической причиной онтогенезиса, или развитія особи. Сообразно съ этимъ можно выставить два положенія: каждый человѣкъ, отъ отдаленнѣйшихъ стадій эмбріональнаго развитія до полной зрѣлости проходитъ всѣ эпохи историческаго развитія человѣчества совершенно такимъ же образомъ, какъ человѣческій зародышъ проходитъ въ низшихъ стадіяхъ періоды развитія низшихъ органическихъ формъ.

Другое предложеніе гласитъ: стадіи человѣческаго эмбріональнаго развитія каждой особи соотвѣтствуютъ прогрессивному соціальному развитію цѣлаго человѣческаго рода въ его постепенномъ развитіи, въ теченіе всей исторіи человѣчества. Но такъ какъ этотъ процессъ постепеннаго развитія, повторяющійся у каждой особи, происходилъ также въ теченіе всей исторіи развитія человѣчества, то поэтому не только психическія свойства, но и физическое развитіе мозга остальныхъ

расъ сходно съ развитіемъ мозга дѣтей передовыхъ расъ. По Бишофу, извилины человѣческаго мозга достигаютъ уже у семимѣсячнаго утробнаго плода развитія, свойственнаго извилинамъ мозга взрослаго павіана. Но до достиженія полной зрѣлости, мозгъ человѣка проходитъ еще длинный рядъ дальнѣйшихъ эволюцій. Что означаютъ эти эволюціи? На это можетъ быть лишь одинъ отвѣтъ: въ нихъ вкратцѣ отпечатлѣвается цѣлая исторія человѣчества. Поэтому также у низшихъ расъ раньше наступаетъ остановка въ развитіи, чѣмъ у высшихъ.

Но такъ какъ различныя человѣческія расы развѣтвились, на пути человѣческаго прогресса, въ разныя эпохи и на разныхъ ступеняхъ развитія, то является вопросъ: по какому масштабу можно опредѣлить ступень развитія каждаго отдѣльнаго человѣка, или каждой расы? Отвѣтъ даетъ общій законъ развитія, установленный К. ф.-Бэромъ. Сообразно съ этимъ развитіе опредѣленной органической формы опредѣляется двумя отношеніями: 1) прогрессивнымъ развитіемъ организма посредствомъ возрастающаго гистологическаго и морфологическаго расчлененія (дифференціаціи); 2) преобразованіемъ болѣе общей формы даннаго типа въ болѣе особенную. *Степень* развитія животнаго тѣла состоитъ въ болѣе значительномъ гистологическомъ и морфологическомъ дифференцированіи; *типъ* же есть отношеніе положенія органическихъ элементовъ и органовъ. Типъ существенно отличается отъ степени развитія, такъ что одинъ и тотъ же типъ можетъ существовать на разныхъ ступеняхъ развитія, и обратно, одна и та же ступень развитія достигается разными типами. Лишь сочетаніе степени развитія съ типомъ образуетъ болѣе крупныя группы животныхъ, именуемыя классами.

Если мы примѣнимъ этотъ важный законъ къ человѣческимъ расамъ и племенамъ, то окажется, что различныя расы и племена могутъ произвесть разные типы, но не будутъ поэтому выше или ниже другихъ по степени развитія. Нѣмецъ, итальянецъ, французъ, англичанинъ могутъ представлять разные типы національностей, откуда еще не слѣдуетъ, чтобы именно *поэтому* слѣдовало признать высшій или низшій типъ развитія. Еще важнѣе примѣненіе того же закона къ образованію разныхъ общественныхъ группъ. Если мы возьмемъ, напр., демократическій, олигархическій, аристократическій элементы и признаемъ ихъ за особые типы соціальнаго строя, или если примемъ формы правленія республиканскую, монархическую, деспотическую за разные типы государственнаго строя, то придется отличать эти типы отъ степени развитія общественнаго организма. Монархически-аристократическое государство можетъ при извѣстныхъ условіяхъ оказаться стоящимъ на болѣе

высокой степени развитія, нежели демократическо-республиканское, а при другихъ условіяхъ можетъ наступить обратное. Законъ этотъ поэтому ниспровергаетъ укоренившійся предразсудокъ, свойственный извѣстнымъ тенденціознымъ мыслителямъ, а именно, что тотъ или иной политическій *типъ* всегда обусловливаетъ и высшую *степень* развитія. Что типъ, по которому построилась та или иная соціальная группа, не совпадаетъ съ степенью развитія, вытекаетъ уже изъ слѣдующаго обстоятельства: уже въ первобытной исторіи человѣчества мы имѣемъ представителей *всѣхъ* государственныхъ формъ: монархической, аристократической, олигархической и демократической; точно также отношенія соціальнаго строя, встрѣчающіяся еще теперь на всѣхъ ступеняхъ варварства и цивилизаціи, были заложены еще въ первобытныя времена.

Обращаясь къ разсмотрѣнію первобытнаго состоянія человѣчества, необходимо прежде всего вооружиться противъ чрезвычайно распространеннаго заблужденія, а именно, что въ первобытную эпоху существовалъ будто бы первобытный народъ, отличавшійся завиднымъ блаженствомъ и оставившій теперь лишь выродившееся потомство. Въ этомъ смыслѣ поэты говорили, а порой говорятъ и теперь, о «золотомъ вѣкѣ», но такого вѣка никогда не существовало. Какъ разъ наоборотъ, наука учитъ насъ, что первобытное состояніе человѣчества не было вѣкомъ блаженства и что настоящее вовсе не представляетъ собою вырожденія. Золотой вѣкъ—это прелестный миѳъ, произведенный глубокимъ, болѣе или менѣе безсознательнымъ стремленіемъ человѣческаго сердца къ лучшему или идеальнѣйшему состоянію вещей, чѣмъ то, при которомъ человѣку приходится жить, бороться и страдать. Такъ какъ никогда не было такого времени, которое доставляло бы полное самодовольство, то человѣкъ охотно мечтаетъ о лучшемъ вѣкѣ, называя его золотымъ. Но золотой вѣкъ существуетъ сегодня или не существовалъ никогда. Итакъ, его не было никогда и въ началѣ вещей, и никакое паденіе не могло лишить первобытнаго человѣка счастія, которымъ онъ никогда не обладалъ. Необычайные труды и долгое время потребовались для того, чтобы человѣку удалось подняться отъ первичнаго полуживотнаго состоянія до того, чѣмъ онъ сталъ теперь. Насколько хватаетъ нашъ умственный взоръ, человѣкъ нигдѣ не видитъ опусканія съ прежней высоты, но лишь поднятіе. Временный застой и упадокъ, даже вымираніе отдѣльныхъ вѣтвей на великомъ деревѣ человѣчества не препятствуетъ признанію непрерывнаго *прогресса*.

Какъ членъ общества, отдѣльный человѣкъ,—подобно тому, какъ клѣтка въ организмѣ,—подчиняется не только закону дивергенціи (уклоненія или расхожденія), но и закону *за*-

держки; исторія, антропологія и статистика доставляютъ многочисленные примѣры этого закона въ области соціальной эмбріологіи. Здѣсь также дѣйствуетъ законъ послѣдовательности, совмѣстности и наслоенія. При этомъ возможны два случая: простая задержка или настоящій регрессъ. Къ числу задержекъ развитія относятся напр. микроцефалія или малоголовость и особый родъ задержекъ, атавизмъ или возвращеніе къ типу предковъ. Особи племена, расы, народы не могутъ однако *остановиться* въ своемъ физическомъ или умственномъ развитіи: возможенъ лишь обратный путь отъ высшей ступени въ низшей. Низшія расы этому болѣе подвержены, чѣмъ высшія, особенно при близкомъ соприкосновеніи первыхъ съ послѣдними. Однако, нѣкоторыя соціальныя отношенія могутъ оказать прямое или косвенное вліяніе на такія движенія вспять въ жизни народовъ [1]).

Но какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческомъ обществѣ, законъ задержки ни мало не противорѣчитъ закону прогрессивнаго совершенствованія. Только здѣсь мы не въ состояніи опредѣлить, *что такое совершенствованіе и прогрессъ сами по себѣ.* Эти слова имѣютъ лишь болѣе или менѣе относительное значеніе. Въ природѣ развитіе, совершенствованіе и прогрессъ состоятъ въ постоянно возрастающей дифференціаціи и интеграціи силъ. Первая обнаруживается въ постояно возрастающей спеціализаціи или детальномъ развитіи формъ, вторая—въ возрастающемъ сплоченіи ихъ въ одно цѣлое. Совмѣстное дѣйствіе обоихъ этихъ фактовъ обусловливаетъ развитіе и прогрессъ. Лишь тотъ соціальный организмъ можетъ считаться выше развитымъ, въ которомъ оба указанныя свойства соединены. Рука объ руку съ развитіемъ соціальной группы подвигается и развитіе особи.

Но на ряду съ прогрессомъ мы наблюдаемъ и регрессъ, встрѣчающійся въ соціальныхъ отношеніяхъ такъ же, какъ и въ природѣ. Только здѣсь, въ обществѣ, дифференціація и интеграція отдѣльныхъ частей, какъ и цѣлаго, болѣе разнообразна и одностороння. При этомъ возможно, что нѣкоторыя самостоятельныя или же принадлежащія къ той же системѣ вѣтви, далеко обгонятъ другія, или ихъ вытѣснятъ и подавятъ, или же стѣснятъ ихъ развитіе. Одна сторона соціальной жизни можетъ развиться на счетъ другой усиленно и скорымъ шагомъ, напр., матеріальная сторона на счетъ умственной; да и въ матеріальной сферѣ земледѣліе на счетъ промышленности, торговля на счетъ земледѣлія и промышленности и т. д., или же въ умстенной области—наука на счетъ

[1]) Lilienfeld, Gedanken über die Sozialwissenschaft der Zukunft Павелъ Лиліенфельдъ, „Мысли о соціальной наукѣ будущаго". Митава, 1873.

религіи искусства или наоборотъ. Отдѣльныя области знанія, умѣнія или вѣрованія могутъ другъ друга вытѣснить или же подавить. Собственность можетъ умножиться на счетъ правъ, право на счетъ силы; сила можетъ одержать верхъ надъ собственностью и правомъ; свобода можетъ быть подавлена собственностью, правомъ или моралью или наоборотъ; однимъ словомъ, всѣ сферы, какъ матеріальной такъ и умственной, и нравственной жизни, могутъ, каждая сама по себѣ или одновременно, подвигаться впередъ или же назадъ. Эти колебанія происходятъ еще и теперь, при чемъ, въ общемъ, развитіе становится все многостороннѣе, выше и разнообразнѣе. Каждое колебаніе, какъ въ обществѣ, такъ и въ природѣ, состоитъ изъ двухъ различныхъ проявленій дѣятельности — изъ дѣйствія и противодѣйствія. За каждымъ дѣйствіемъ должна, по необходимости, слѣдовать реакція и обратно. И этотъ законъ находитъ примѣненіе какъ въ матеріальной, такъ и въ этической, умственной и соціальной области. Изъ всѣхъ экономическихъ, правовыхъ и политическихъ принциповъ, тенденцій и построеній, можетъ выйти регрессивное или прогрессивное движеніе, можетъ получиться плюсъ или минусъ, высшее или низшее внутреннее усиленіе или внѣшнее дифференцированіе, такъ какъ всѣ они обусловлены однимъ и тѣмъ же закономъ дѣйствія и противодѣйствія силъ [1]).

Демократія, аристократія, олигархія, монархія, республика—всѣ эти соціальныя и политическія учрежденія представляютъ лишь различные типы, развивающіеся и устанавливающіеся посредствомъ внутренняго приспособленія къ индивидуальному характеру народовъ и къ внѣшнимъ обстоятельствамъ. При этомъ могутъ наступить и болѣзненныя явленіи. Такъ демагогія есть патологическая форма народнаго правленія, а деспотизмъ—болѣзненная форма монархическаго принципа. Вообще, каждый кризисъ есть болѣзненное взаимодѣйствіе между дѣйствіемъ и противодѣйстріемъ соціальныхъ силъ. Можно ли теперь утверждать, что какой бы то ни было изъ названныхъ типовъ соціальнаго состоянія, напр., аристократическій, демократическій, олигархическій, теократическій при *всевозможныхъ* обстоятельствахъ и отношеніяхъ обусловливаетъ прогрессъ или же регрессъ въ человѣческомъ обществѣ? Исторія показываетъ намъ, что какъ прогрессъ, такъ и регрессъ, проявлялся у всѣхъ типовъ, въ разныя времена, у различнѣйшихъ расъ и при разнообразнѣйшихъ обстоятельствахъ.

[1]) Погоня за механическими аналогіями приводитъ автора къ политическому индифферентизму, едва-ли умѣстному на практикѣ. *Перев.*

Причина состоитъ въ томъ, что умноженіе индивидуальныхъ и соціальныхъ силъ, высшая степень ихъ дифференцированія и интегрированія не параллельны тому или иному типу соціальныхъ отношеній, но зависятъ отъ результатовъ взаимодѣйствія соціальныхъ силъ. Типы, какъ и всѣ явленія въ обществѣ и въ природѣ, производятся дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ силъ. Аристократія производится стремленіемъ общества къ дифференцированію на основаніи принципа кровнаго родства. Но это дифференцированіе не можетъ привлечь къ полной замкнутости кастъ сословій и корпорацій, не угрожая связи цѣлаго. Сама природа поэтому заботится о томъ, чтобы «деревья не выростали до неба». Чрезмѣрному дѣйствію принципа дифференціаціи препятствуетъ интеграція. Обособленность различныхъ класовъ нарушается, и постепенно или внезапно наступаетъ съ торжествомъ демократическихъ порядковъ.

Законъ развитія въ исторіи человѣчества занималъ мыслителей всѣхъ временъ. Гегель видѣлъ совершенствованіе человѣчества въ расширеніи человѣческой свободы, и конечно не подлежитъ сомнѣнію, что на ряду съ совершенствованіемъ человѣчества должно приходить и расширеніе свободы. Однако, видѣть въ этомъ расширеніи *весь* прогрессъ, это роковая односторонность. Соціальный организмъ. подобно всякому единичному организму, развивается въ трехъ направленіяхъ: экономическомъ (физіологическомъ), юридическомъ (морфологическомъ) и политическомъ (объединяющемъ). Наконецъ, умственная сфера образуетъ сама по себѣ реальный организмъ, развивающійся и совершенствующійся умноженіемъ собственности, права, морали и своаоды. Въ этой сферѣ умноженіе собственности обозначаетъ высшее умноженіе косвенныхъ нервныхъ дѣятельностей, чрезъ посредство письма, книгопечатанія и др. способовъ; умноженіе права обозначаетъ болѣе разнообразную специализацію умственной области; умноженіе силы—высшее единство психической дѣятельности, болѣе цѣлесообразное подчиненіе низшаго—высшему.

Наиболѣе прочную точку опоры, надежнѣйшее мѣрило совершенствованія и прогресса человѣческаго рода представляетъ особь, какъ уменьшенное и сокращенное повтореніе совокупнаго цѣлаго. Такъ какъ индивидъ проходитъ всю исторію развитія своей расы, то средній человѣкъ можетъ считаться среднимъ уровнемъ развитія соціальной совокупности или своей расы. Средній европеецъ — болѣе развитое существо, нежели средній китаецъ или негръ, и средній представитель ученаго сословія — болѣе высоко развитое существо, чѣмъ представитель многихъ другихъ сословій. Несомнѣнно, что индивидуальное развитіе, въ общихъ чертахъ, должно

идти рука объ руку съ развитіемъ соціальнымъ. Судя по высшему развитію европейца, необходимо поэтому заключить, что въ соціальной жизни Европы, вообще говоря, проявляются въ большей степени принципы собственности, права, силы и свободы, нежели въ Азіи и въ Африкѣ.

Хотя, поэтому, въ умственной области нисколько нельзя сомнѣваться относительно прогресса у культурныхъ націй, однако высота достигнутаго совершенства нисколько не является мѣриломъ *качественнаго* усовершенствованія человѣческаго рода. То, что обыкновенно подразумѣваютъ подъ прогрессомъ цивилизаціи или культуры, есть въ сущности не что иное, какъ высшая степень предпріимчивости и ловкости въ дѣлѣ эксплуатаціи природы въ пользу человѣка, въ организаціи общества, въ удовлетвореніи все новыхъ потребностей посредствомъ все новыхъ открытій, — словомъ въ улучшеніи внѣшней жизненной обстановкѣ. Однимъ словомъ, человѣкъ *улучшаетъ* свои внѣшнія жизненныя отношенія, но онъ *не улучшается* въ смыслѣ собственнаго совершенства. Но это именно тѣ самыя способности и функціи, которыя встрѣчаются у животныхъ, достигая, напр., у насѣкомыхъ такой степени совершенства, какой человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не превзошелъ [1]).

Также соціальныя явленія измѣняются лишь по стольку, по скольку они проявляются въ разныя эпохи различнымъ образомъ; по существу дѣла, они, однако, остаются неизмѣнными. Существуетъ прогрессъ въ механическихъ работахъ, но онъ не всегда является улучшеніемъ труда, а лишь облегченіемъ рабочаго (да и то не всегда. *Перев.*). Въ области такъ наз. гуманности. разума и нравственности не замѣтно особаго прогресса даже въ теченіе тысячелѣтій. Благороднѣйшіе идеалы настоящаго времени провозглашались уже 3000 лѣтъ тому назадъ мыслящими философами береговъ Нила и Ганга, а понятіе о красотѣ не повысилось со времени эллинской древности. Въ теченіе 2000 лѣтъ исторической эпохи человѣческая психика не измѣнилась существеннымъ образомъ. Работа постоянно примѣнялась лишь къ усовершенствованію комфорта. Благороднѣйшее изъ всего того, что соз-

---

[1]) О прогрессѣ у животныхъ см. любопытную рѣчь д-ра К. Ледеганка Совершенство инстинкта животныхъ, по поводу 50-лѣтняго юбилея Société des sciences médicales et naturelles въ Брюсселѣ. Извлеченіе см. въ Ausland, 1873 г., № 5. Сравн. Эспинасъ Общества животныхъ. Что *вообще* человѣкъ будто бы не улучшается вмѣстѣ съ улучшеніемъ своей внѣшней обстановки—это утвержденіе, равносильное отрицанію всякаго вліянія культуры и цивилизаціи на интеллектуальное и моральное улучшеніе человѣческаго рода. Во всякомъ случаѣ, этотъ важный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, не принимая во вниманіе важнаго факта наслѣдственности. Сравн. Büchner, Die Macht der Vererbung etc. Leipzig, 1882.

далъ человѣческій духъ для своей расы, не принесло плодовъ; ни одно зерно не попало на плодородную почву. Душа людей есть каменистая почва евангельской притчи. Сущность каждой вещи есть именно сохраненіе своего тожества. Во всѣ времена и всюду на земномъ шарѣ человѣческое общество управлялось одними и тѣми же основными законами, лишь форма явленія была иная. Трудъ, вѣрованія, семья, государство, владычество, война, торговля, наука, искусство—не говоря уже о чисто человѣческихъ потребностяхъ, чувствахъ и страстяхъ,—всегда были тѣми факторами, на которые могла быть разложена исторія человѣчества, изъ этихъ границъ она никогда не выходила. Способъ видоизмѣненія и проявленія этихъ факторовъ различенъ въ разное время, но сущность устойчива, неизмѣнна. Простое объясненіе состоитъ въ томъ, что во всѣхъ человѣческихъ дѣяніяхъ господствуютъ *законы природы*—всегда одинаковые. Есть ли земля газообразный шаръ или же твердое тѣло, во всякомъ случаѣ, ею будутъ управлять одни и тѣ же законы [1]); всѣ измѣненія, происходящія на землѣ и въ землѣ произойдутъ въ силу этихъ законовъ; строеніе и форма нашей планеты были въ разныя эпохи различны, законы—никогда. То-же можно примѣнить къ органическому міру и, въ концѣ концовъ, къ человѣку. Его знанія умножились, идеи расширились, но его внутренняя природа осталась неизмѣнною. Исторія не можетъ привести ни одного примѣра открытія первой человѣческой страсти, новаго душевнаго волненія; нѣтъ также ни одного примѣра, чтобы подобныя способности исчезали. Итакъ, если рѣчь идетъ о человѣческомъ прогрессѣ, то можно примѣрно задать аналогичный вопросъ: слѣдуетъ ли считать каменноугольный періодъ прегрессомъ по сравненію съ силурійскимъ? Является ли позвоночное представителемъ прогресса по сравненію съ моллюскомъ? [2]). Естествоиспытатель пользуется вмѣсто этого болѣе правильнымъ выраженіемъ—*развитіе*, при чемъ оставляетъ открытымъ вопросъ, скрыта ли здѣсь идея лучшаго. Развитіе, дѣйствительно, можно себѣ представить точно также въ нисходящемъ, какъ и въ восходящемъ направленіи. Законы измѣненія органическихъ существъ, законы развитія—это не такіе законы, которые естествоиспытатель могъ бы разсматривать, какъ безусловно включающіе въ себѣ понятіе о совершенствованіи. Но такъ какъ не только въ человѣческой жизни, но и въ остальной органической природѣ, неоспоримо существуетъ непрерывное измѣненіе во внѣшнихъ проявленіяхъ, и такъ какъ въ то же время слѣдуетъ признать, что всѣ эти измѣненія въ совокупности и порознь относятся къ умноженію, къ усложненію, то, конечно, можно допустить и прогрессъ, разумѣется, въ томъ предположеніи, что въ немъ не слѣдуетъ видѣть ничего, кромѣ ариѳметической формулы, выражающей не болѣе того, что обозначается самымъ словомъ. Прогрессъ означаетъ поступательное движеніе; въ этомъ смыслѣ 2 есть прогрессъ по сравненію съ 1. Такъ смотритъ на дѣло знаменитый изслѣдователь Бернгардъ ф. Котта, когда говоритъ въ своей „Геологіи настоящаго времени (стр. 208—209)“: „Исторія человѣческаго рода указываетъ намъ снова на рядъ развивающихся формъ, подобный ряду видовыхъ формъ въ органическомъ и даже въ неорганическомъ мірѣ. Особи, націи, мысли, открытія умножаются помощью суммированія и не безъ вліянія окружающей природы. Особи, націи и даже открытія переживаютъ себя и вымираютъ, какъ и виды. Кремневое огниво, огниво съ трутомъ, лодка съ веслами, ручная прялка, песочные часы и т. п., это вымершія или вымирающія изобрѣтенія. Но всѣ прежнія открытія и изобрѣтенія дѣйствовали на позднѣйшія даже въ томъ случаѣ, если сами предавались забвенію. Въ общемъ, необходимъ и несомнѣненъ прогрессъ въ смыслѣ увеличенія разнообразія, и это мѣрило обыкновенно принято признавать показателемъ высшаго уровня развитія. Но въ сущности это относительное понятіе. Если подъ высшимъ подразумѣвать *лучшее, благороднѣйшее* или *совершеннѣйшее*, то послѣдовательныя стадіи развитія вовсе не соотвѣтствуютъ этимъ понятіямъ. Въ дѣйствительности онѣ обозначаютъ лишь умноженіе разнообразія посредствомъ суммированія эффектовъ, при чемъ безразлично, проявляется ли это въ численности индивидуальныхъ различій, въ болѣе сложномъ построеніи отдѣльныхъ особей или въ увеличеніи умственнаго развитія. Повышеніе организаціи само по себѣ есть не неизбѣжное слѣдствіе закона развитія, а лишь *вѣроятное*, но именно поэтому часто наступающее въ дѣйствительности. Исторія народовъ, т. е. собственно ихъ умственнаго развитія, какъ и исторія органическихъ видовъ, довольно часто обнаруживаетъ то, что принято называть регрессомъ, потому что это явленіе не соотвѣтствуетъ нашему идеалу восходящаго ряда. Но законъ развитія, какъ сказано, не тожественъ съ процессомъ усовершенствованія; высшая организація или усовершенствованіе, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, есть лишь средній необходимый результатъ увеличенія разнородности. Эти регрес-

[1]) Законы не болѣе, какъ отношенія между явленіями; съ измѣненіемъ матеріаловъ, измѣняются и законы, напримѣръ законъ движенія газообразнаго шара совпадаетъ съ закономъ движенія твердаго лишь по скольку рѣчь идетъ объ общихъ условіяхъ движенія, зависящихъ отъ массы и т. п.; но есть и глубокія различія. *Перев.*

[2]) Прогрессъ въ природѣ, какъ показано Дарвиномъ, не можетъ быть представленъ въ видѣ простого линейнаго ряда, но лишь въ видѣ многовѣтвистаго дерева.

сивныя явленія, заключаетъ Котта, представляютъ, стало быть, не исключенія изъ закона, но также необходимыя его формы". Съ этихъ точекъ зрѣнія также многія сбивающія къ толку, неопредѣленныя и неясныя понятія, господствующія въ соціальной жизни, напр. относительно реакціоннаго, консервативнаго, либеральнаго, радикальнаго направленія, пріобрѣтаютъ ясное значеніе, способное умиротворить страсти. Подъ реакціоннымъ въ широкомъ смыслѣ слова слѣдуетъ подразумѣвать возвращеніе къ прошедшему и отжившему, а никакъ не сохраненіе или возстановленіе спеціально ультра-консервативныхъ принциповъ. Точно также подъ консерватизмомъ можно было бы подразумѣвать приверженность къ существующему, подъ либеральнымъ и радикальнымъ—постепенное или внезапное освобожденіе отъ существующаго, и все это независимо отъ принциповъ, выраженныхъ въ существующемъ или въ нововведеніяхъ. Но простой тенденціи къ сохраненію существующаго еще недостаточно для приписыванія ей консервативнаго характера въ научномъ смыслѣ слова. Для этого необходимо еще другое условіе, а именно то, которое соотвѣтствуетъ сущности устойчивыхъ клѣтокъ и тканей въ организмѣ въ противоположность образующимъ клѣткамъ и тканямъ. Но спрашивается, каковы же прочнѣйшія, неразрывныя реальныя узы, связывающія между собою клѣтки соціальнаго организма и служащія исходнымъ пунктомъ реальной связи, существующей между отдѣльными частями человѣческаго общества?

Эти узы не что иное, какъ *кровное родство* между послѣдовательными поколѣніями и основанная на этомъ родствѣ наслѣдственность физическихъ и психическихъ свойствъ, способностей, стремленій и потребностей. Кровное родство является исходнымъ пунктомъ и основаніемъ реальной связи между отдѣльными частями соціальнаго организма въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Поэтому, рожденіе и происхожденіе, какъ въ первобытной исторіи человѣчества, при совершенномъ отсутствіи упорядоченныхъ брачныхъ узъ, такъ и въ патріархальномъ состояніи и на высочайшихъ степеняхъ культуры, всегда составляло и будетъ составлять прочнѣйшую реальную связь. Экономическая, правовая и объединяющая замкнутость семействъ, племенъ, кастъ, а частью также сословій, народностей и т. д., болѣе или менѣе обусловлена рожденіемъ. На кровномъ родствѣ, въ концѣ концовъ, основано все, что мы называемъ въ политическомъ, юридическомъ, экономическомъ и соціальномъ смыслѣ консервативнымъ. Въ то время какъ реакціонные и консервативные элементы, въ нѣдрахъ человѣческаго общества, стремятся возстановить и сохранить все, что можетъ усилить и поощрить возникновеніе и развитіе устойчивыхъ клѣтокъ и тканей,—либеральные элементы, наоборотъ, стремятся преобразовать эти устойчивыя клѣтки и ткани въ образующіе элементы, устраняя, ослабляя и уничтожая все, могущее содѣйствовать наслѣдственности, основанной на кровныхъ узахъ. Мыслимо ли послѣ этого соціальное общежитіе, совершенно лишенное консервативныхъ или либеральныхъ элементовъ, тенденцій, стремленій? Немыслимо точно такъ же, какъ невозможенъ организмъ, совершенно лишенный устойчивыхъ или, наоборотъ, образовательныхъ клѣтокъ! Какъ то, такъ и другое должно считаться *необходимымъ* явленіемъ. Здоровый и согласный съ природою прогрессъ не можетъ поэтому состоять въ подавленіи или вытѣсненіи одного изъ этихъ факторовъ другимъ; онъ возможенъ лишь при ихъ взаимномъ проникновеніи. Природа и культура, сохраненіе и поступательное движеніе, прошедшее и будущее должны идти рука объ руку, а не отрицать и уничтожать другъ друга взаимно. Кто можетъ усвоить этотъ взглядъ и проникнуться имъ, тотъ откажется отъ всякой страстности, отъ узкой замкнутости понятій, какъ при обсужденіи научныхъ вопросовъ, такъ и въ сутолокѣ практической жизни. Онъ точно также отнесется къ политическимъ и соціальнымъ бурямъ и къ враждѣ партій, какъ и къ борьбѣ между природными стихіями. Событія и потрясенія политической и соціальной жизни представятся ему по преимуществу съ точки зрѣнія *вѣчнаго, необходимаго, неизмѣняемаго закона природы* и въ самой борьбѣ онъ увидитъ зародышъ новой, лучшей, высшей жизни. Подобно вооруженному микроскопомъ естествоиспытателю, такой наблюдатель будетъ въ состояніи заглянуть въ глубочайшіе основные мотивы соціальной жизни Въ общемъ онъ станетъ разсматривать все, какъ ряды отношеній или зависимостей; онъ все пойметъ и поэтому все проститъ [1]). Главной задачей историка культуры является, поэтому, *объясненіе*, а не *оцѣнка* явленій. При этомъ я, однако, охотно допускаю, *что въ объясненіи культурнаго явленія можетъ уже скрываться его оцѣнка.*

Нравственный законъ и естественный законъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что человѣкъ, для того, чтобы дѣйствовать цѣлесообразнѣйшимъ способомъ въ обществѣ себѣ подобныхъ, т. е. чтобы уцѣлѣть въ борьбѣ за

[1]) Здѣсь снова необходимо подчеркнуть, что авторъ смѣшиваетъ научный объективизмъ съ индифферентизмомъ. *Перев.*

существованіе внутри того соціальнаго организма, къ которому онъ самъ принадлежитъ, вынужденъ слѣдовать основамъ господствующей морали, которымъ подчиняется самый соціальный организмъ. Дѣйствительно, собственность, право, мораль, власть (Macht—собственно сила) и всѣ основанныя на ней умноженія силъ представляютъ результатъ соціальной борьбы и соціальнаго подбора, и эти послѣдніе, въ свою очередь, обусловливаются первыми. Но нѣтъ ничего легче, чѣмъ доказать, что нравственные законы основаны единственно на требованіяхъ общественнаго блага, и что поэтому они должны быть измѣнчивы въ такой же мѣрѣ, какъ и самая вытекающая изъ нихъ соціальная борьба. На самомъ дѣлѣ, исторія особей, какъ и исторія народовъ, показываетъ, что въ различныя времена мыслили совершенно различно о нравственныхъ предметахъ, и что въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, у разныхъ народовъ часто роль моральныхъ законовъ играли самыя противорѣчивыя мнѣнія. Даже извѣстное предписаніе—твори добро и избѣгай зла— не можетъ считаться общеобязательною руководящею нитью, такъ какъ понятія о „добрѣ" и „злѣ" сами чрезвычайно относительны и шатки, и такъ какъ множество людей живутъ при совсѣмъ иныхъ нравственныхъ законахъ, нежели мы. Также и мы сами живемъ при отношеніяхъ, представляющихъ часто вопіющія противорѣчія между правомъ и закономъ или между заповѣдями природы и общественной морали. Наглядный и рѣзкій примѣръ представляютъ наши нравственныя понятія о цѣломудріи, особенно—женскомъ. Отъ женщины мы требуемъ порою полнаго полового воздержанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это обусловлено грубымъ нарушеніемъ предписаній природы. Наши понятія о нравственности возвышаютъ умственныя и моральныя стороны половой любви на счетъ физическихъ: эти послѣднія представляются чѣмъ-то дурнымъ и порочнымъ. Такое заблужденіе карается природою, посылающею физическія и моральныя страданія. Множество болѣзней и пороковъ являются слѣдствіями принудительнаго воздержанія, отравляя жизнь людей обоего пола и подрывая благосостояніе будущихъ поколѣній. Совершенно напрасно ожидать здѣсь какого-либо улучшенія, пока зло не будетъ вырвано съ корнемъ. Но этому противодѣйствуетъ наша враждебная законамъ природы мораль. Самое нормальное, но лишенное соціальной санкціи удовлетвореніе естественныхъ стремленій она разсматриваетъ, какъ

нѣчто противное нравственности. А между тѣмъ, сплошь и рядомъ эта мораль чужда другимъ народамъ; поэтому мы признаемъ ихъ безнравственными, мѣряя на свой аршинъ. Поведеніе некультурныхъ народовъ заставляетъ, правда, допустить, что существуютъ нѣкоторыя повсемѣстно распространенныя моральныя чувства; однако, нѣтъ никакого основанія предположить однообразіе этихъ чувствъ. Наоборотъ, все показываетъ, что какъ мышленіе, такъ и моральныя понятія и чувства разныхъ людей и человѣческихъ расъ обнаруживаютъ радикальныя различія. Если, напр., кочующій дикарь убиваетъ ставшихъ ему въ тягость родителей, а порою даже пожираетъ ихъ, то обѣ стороны признаютъ, что это вполнѣ въ порядкѣ вещей [1]), тогда какъ у насъ убійство родителей считается однимъ изъ тягчайшихъ преступленій. Такъ какъ извѣстные инстинкты и поступки, называемые нами нравственными, присущи также и животнымъ, и такъ какъ, далѣе, разные роды животныхъ обнаруживаютъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи послѣдовательное возвышеніе отъ низшихъ ступеней къ высшимъ, то можно въ одинаковой мѣрѣ допустить, что и у каждаго, даже грубѣйшаго человѣка существуютъ, въ повышенномъ состояніи, моральные зачатки, свойственные уже животному міру; но съ такимъ же правомъ можно признать, что исторія нравовъ содержитъ наилучшее обоснованіе болѣе высокаго достоинства человѣчества—достоинства, обезпечивающаго людямъ ихъ положеніе на вершинѣ органическаго міра. Но это и все, что можно сказать. Отсюда ни малѣйшимъ образомъ не вытекаетъ, чтобы нравственный законъ имѣлъ универсальный характеръ.

Изъ этой неопредѣленности и измѣнчивости идей о нравственности пытались прійти къ выводу, что нравственный законъ не есть естественный законъ. Законъ природы, говорятъ намъ, постояненъ, всеобщъ и неизмѣненъ. Онъ не можетъ ни противорѣчить себѣ, ни упраздняться, тогда какъ нравственному закону, какъ сказано, не свойственен ни одинъ изъ этихъ признаковъ. Но все это возраженіе основано на недоразумѣніи или, по малой мѣрѣ, на узкомъ пониманіи того, что называютъ законами природы. Законы при-

---

[1]) Изъ разсказовъ Дарвина объ огнеземельцахъ слѣдуетъ вывести нѣсколько иное заключеніе: Дарвинъ утверждаетъ, что въ эпоху голодовокъ, старухи, ожидая быть съѣденными, вовсе не покорялись участи, а въ ужасѣ спасались въ горы, гдѣ ихъ, однако, ловили и безжалостно убивали. *Перев.*

роды это не только тѣ вѣчные и неизмѣнные законы, по которымъ движется вся вселенная и для которыхъ избрано названіе по аналогіи съ человѣческими законами; да и эти законы составляютъ лишь антропоморфическое обозначеніе для абсолютной необходимости фактовъ и состояній, связанныхъ между собою. Но законами природы являются и тѣ, которые возникли въ теченіе естественнаго развитія посредствомъ воздѣйствія естественныхъ причинъ на жизнь природы и человѣка, при посредствѣ борьбы за существованіе. Вѣдь и сама борьба за существованіе, со включеніемъ соціальной борьбы, есть такой же законъ природы, возникшій вслѣдствіе дѣйствія естественныхъ причинъ, въ теченіе естественнаго и соціальнаго развитія; но этотъ законъ долженъ былъ бы вступить въ непримиримое столкновеніе съ законами природы, въ вышеуказанномъ смыслѣ слова. Но если такъ, то и моральный законъ слѣдуетъ признать *настоящимъ* закономъ природы, вызваннымъ принудительною силою обстоятельствъ и общественною необходимостью. Законъ этотъ основанъ не на какомъ-либо договорѣ, какъ насъ увѣряютъ юристы, и не на „врожденномъ" голосѣ совѣсти, давно отнесенномъ къ области сказокъ, но все еще играющемъ роль у моралистовъ. Безъ нравственнаго закона само человѣческое общество стало бы невозможностью. Безъ нравственности нѣтъ общественности, безъ общества нѣтъ человѣка! Первую основу доставила семейная жизнь, какую мы видимъ теперь у крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, напр., у гориллы; позднѣе отсюда развилась племенная и государственная жизнь. При переходѣ къ земледѣлію, люди рѣшительно слѣдовали „закону природы", когда организовались въ общинныя группы и тѣмъ самымъ положили основу общественной морали. Быть можетъ, первыя начала человѣческой морали можно разсматривать также какъ простое продолженіе уже развитыхъ у общественныхъ и живущихъ семьями животныхъ моральныхъ склонностей или стремленій, хотя многія и даже очень многія животныя въ моральномъ отношеніи очевидно стоятъ далеко выше, чѣмъ дьявольски жестокій противъ себѣ подобныхъ свирѣпый человѣкъ.

Человѣческій родъ давно прекратилъ бы свое существованіе вслѣдствіе бѣшеннаго стремленія къ взаимному истребленію, если бы этому не воспрепятствовало стремленіе къ самосохраненію. Въ высшей степени яркій свѣтъ на эти отношенія и на происхожденіе морали проливаетъ тотъ

извѣстный фактъ, что моральныя предписанія, играющія роль у дикихъ племенъ, всегда относятся лишь къ ихъ собственному племени и соблюдаются внутри племени. Это соблюденіе очевидно есть слѣдствіе опыта, показавшаго, что, не будь этого, самое племя должно было бы погибнуть, тогда какъ, наоборотъ, по отношенію къ чуждымъ племенамъ эти моральныя или правовыя соображенія совершенно отпадаютъ и всякое жестокое или позорное дѣяніе не только дозволяется, но даже признается большой заслугой и награждается почестями. Существуютъ племена, у которыхъ ни одна дѣвушка не приметъ мужа, не способнаго показать одного или нѣсколькихъ череповъ или скальповъ съ убитыхъ враговъ, при чемъ безразлично, добыты-ли эти черепа въ открытомъ бою или же посредствомъ плутовства или хитрости.

Понятіе всеобщей человѣчности или имѣющаго всеобщее значеніе человѣческаго права есть уже пріобрѣтеніе культурно-историческаго развитія новаго времени, какъ и вообще всѣ моральные инстинкты и понятія человѣческой души развились лишь постепенно при содѣйствіи важнаго фактора *наслѣдственности*. Тѣмъ не менѣе, рудименты или остатки дикаго первобытнаго міросозерцанія до сихъ поръ весьма легко распознаются въ національной ненависти и шовинизмѣ, а также въ жестокостяхъ, проявляющихся при международныхъ и при гражданскихъ войнахъ, даже у цивилизованныхъ народовъ.

Главнымъ образомъ невозможно провести принципіальное различіе между естественнымъ и нравственнымъ закономъ. Тѣ же законы и процессы, которые господствовали при развитіи видовъ, играли роль и въ развитіи морали. Англійскій историкъ цивилизаціи Бокль превосходно показалъ, на основаніи ряда примѣровъ, какое тѣсное, не только косвенное, но и прямое соотношеніе существуетъ между законами природы и дѣйствіями людей. По Боклю, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи нѣтъ мѣста для случая, но существуетъ лишь законосообразность. „Исторія человѣческаго духа можетъ быть понята лишь въ томъ случаѣ, если съ нею связать исторію и явленія, происходящія въ природѣ".

Можно сказать, даже еще рѣзче Бокля, выразилъ одинъ нѣмецкій мыслитель (Фрауэнштедтъ въ статьѣ „Естественные законы нравственнаго міра") необходимую связь нравственнаго міра съ естественнымъ. По Фрауэнштадту также не существуетъ никакого различія между естествен-

нымъ и нравственнымъ закономъ, и дуализмъ подобнаго рода долженъ быть вычеркнутъ изъ новѣйшей науки, какъ и психологическій дуализмъ. Извѣстный „категорическій императивъ“ Канта, по которому нравственный законъ не имѣетъ никакого эмпирическаго источника, но вытекаетъ изъ разума апріорно, по Фрауэнштедту представляетъ лишь великій предразсудокъ, передъ которымъ до сихъ поръ неразумно преклонялись. Не существуетъ единаго категорическаго императива, но есть весьма различные и лишь относительные императивы. Поэтому не существуетъ и одного и того же нравственнаго мѣрила для всѣхъ; нѣтъ и такъ наз. „нормальнаго человѣка“. Нравственная руководящая нить, которая могла бы служить для всѣхъ во всякомъ положеніи, привела бы только къ безнравственности. Познанія нравственнаго закона мы также можемъ достигнуть не иначе, какъ путемъ опыта. Естественное и нравственное—это совпадающія понятія; чувство и склонность—источники добродѣтели. Слѣдуетъ признавать традиціоннымъ предразсудкомъ мнѣніе, это въ природѣ существуетъ лишь *необходимое*, а въ нравственномъ мірѣ лишь *должное*; во всѣхъ случаяхъ господствуетъ безусловная необходимость [1]). „Нравственность“, въ абстрактномъ смыслѣ этого слова, вообще говоря, не существуетъ. Нравственность не метафизическое, но чисто человѣческое, измѣняющееся въ зависимости отъ времени, народа и потребностей, понятіе, и по историческому ученію не можетъ вовсе назваться принципомъ. Въ исторіи вообще нѣтъ „принциповъ“, существуютъ лишь естественные законы, которымъ чужда всякая этика или нравственность. Исторія, культура развиваются по законамъ природы, а не этики. Этимъ мы не желаемъ присоединиться къ тому мнѣнію, по которому умственныя силы признаются, по сравненію съ такъ наз. моральными силами человѣка, главными двигателями поступательнаго развитія человѣчества. Наоборотъ, именно этимъ моральнымъ свойствамъ или силамъ слѣдуетъ приписать высокое значеніе, предполагая, что слово „моральный“ разсматривается лишь какъ противоположность интеллектуальному, и что оно не отожествляется, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, съ „хорошимъ“. Также и дурныя качества имѣютъ моральное значеніе, и въ указанномъ смыслѣ ни подъ какимъ условіемъ не должны

[1]) Сравн. подробное изслѣдованіе Dr. Löwenhardt'a, Die Identität der Moral und Naturgesetze, Leipz. 1863.

быть устраняемы. Не существуетъ добродѣтели безъ противоположнаго ей порока и почти всегда порокъ является лишь преувеличеніемъ добродѣтели: такъ, скупость есть преувеличеніе бережливости, надменность—преувеличеніе самоуваженія и т. д. Подобно тому, какъ для физика холодъ есть не противоположность теплоты, но лишь уменьшенная теплота, и поэтому граница между тепломъ и холодомъ, т. е. точка нуля выбирается произвольно, такъ и для историка культуры совершенно невозможно предпринять раздѣленіе различныхъ моральныхъ свойствъ. Но затѣмъ, хотя онъ отказывается отъ понятій о морально-благомъ и дурномъ, навѣрное, онъ не сможетъ отказать даннымъ моральнымъ силамъ въ величайшемъ уваженіи. На эти моральныя силы, какъ мощные рычаги для воли и дѣйствованія, мы наталкиваемся всюду, какъ бы глубоко мы ни опустились по ступенямъ человѣческаго развитія. Какъ сказано, мы находимъ эти силы даже у животныхъ. Также происхожденіе моральнаго чувства или совѣсти можно прослѣдить даже въ животномъ царствѣ. Подобно животнымъ, человѣкъ извлекаетъ наибольшую долю своей силы и энергіи изъ своихъ мощно-развитыхъ соціальныхъ побужденій, и эти побужденія, вопреки всякимъ юридическимъ и инымъ догмамъ, образуютъ для человѣка настоящій категорическій императивъ.

Народность и исторія.

Зависимость человѣка отъ природы.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчество развилось изъ низшей формы, то самъ по себѣ этотъ фактъ не даетъ ничего, кромѣ вывода, что человѣкъ, какъ продуктъ природы, не можетъ быть отдѣленъ отъ нея. Это познаніе, конечно, не замедлитъ оказать существенное вліяніе на изображеніе хода историческаго развитія культуры. Однако, есть еще много предварительныхъ вопросовъ, которые настоятельно необходимо рѣшить въ томъ или въ другомъ смыслѣ, прежде чѣмъ намъ удастся приступить къ объясненію культурныхъ отношеній, какъ въ общемъ, такъ и въ частности. Дѣйствительно, культура не представляетъ чего-либо равномѣрнаго; она, какъ извѣстно, измѣняется не только съ временемъ, но и съ мѣстомъ. Культуру нельзя изобразить какъ продол-

жительную, медленно и непрерывно восходящую линію, идущую отъ начала вещей до настоящаго времени. Наоборотъ, мы знаемъ, что, съ одной стороны, эта линія много разъ прерывается, съ другой, — вообще, не всюду можетъ быть отыскана. Есть мѣста на нашей планетѣ, для которыхъ не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было культурѣ, не говоря уже о культурномъ развитіи. Что бросается сейчасъ въ глаза въ такихъ областяхъ, это своеобразныя отношенія пластики почвы, климата, животнаго и растительнаго міра — однимъ словомъ, *внѣшней*, окружающей человѣка природы, а также самого человѣка, его физической и особенно психической внутренней природы. Легко изучить вліяніе обоихъ этихъ моментовъ, значеніе которыхъ не могло ускользнуть въ обыденной жизни ни отъ одного мыслящаго наблюдателя, также на развитіе культуры и указать ихъ въ роли объяснительныхъ факторовъ, на что мы имѣемъ полное право. Какъ и многое другое, это развитіе осталось бы вѣчной тайной, если бы мы не захотѣли попытаться объяснить его естественнымъ путемъ. Нынѣшняя наука не можетъ допустить загадокъ тамъ, гдѣ она не видитъ общаго или частнаго противорѣчія великимъ законамъ, управляющимъ всей природой. Въ природѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, и хотя нѣкоторыя явленія не могутъ быть объяснены удовлетворительно, но это зависитъ единственно отъ недостаточности нашего знанія, а никакъ не отъ того обстоятельства, чтобы здѣсь были замѣшаны какія-либо сверхъестественныя причины. Весьма возможно, даже почти достовѣрно, что познаніе нѣкоторыхъ вещей навсегда останется закрытымъ для человѣческой способности пониманія, но это нимало не измѣняетъ справедливости моего утвержденія. Мы можемъ считать очень высокою достигнутую нами ступень умственнаго развитія и знанія; мы можемъ признать огромность разстоянія между современнымъ человѣкомъ и тѣмъ, который жилъ въ эпоху младенчества человѣчества, или даже между современнымъ культурнымъ человѣкомъ и грубымъ дикаремъ; но мы не имѣемъ все же ни малѣйшаго основанія чваниться и быть самодовольными. Мы были и останемся ничѣмъ инымъ, какъ органами великаго организма природы, частями великаго цѣлаго, и проникнуть взоромъ въ это цѣлое мы неспособны уже потому, что составляемъ его часть. Ничтожна сила нашей руки и нашего духа — по отношенію даже къ простѣйшимъ законамъ природы, и наша единственная и величайшая

сила основана на истинномъ познаніи этихъ законовъ и пользованіи ими. Чѣмъ правильнѣе познаніе и пользованіе, тѣмъ выше культура. Впрочемъ, земной шаръ продолжаетъ неутомимо двигаться далѣе и далѣе, обращаясь вокругъ солнца и черпая отъ него свѣтъ, одинаково освѣщающій счастье и несчастье, дающій тепло человѣку, животному, растенію, и все это не потому, чтобы кто-либо хотѣлъ, но потому, что такъ необходимо. И подобно тому, какъ человѣкъ не обращаетъ вниманія на червяка, случайно растоптаннаго его ногою, такъ и онъ самъ, со всей своей высокой культурой, со всей мечтой о своемъ величіи остается лишь атомомъ во вселенной.

Подобныя соображенія особенно слѣдуетъ рекомендовать тому, кто берется изложить ходъ развитія культуры, оставаясь на почвѣ естествознанія. Мысли этого рода заставятъ его тѣмъ болѣе изслѣдовать зависимость культуры отъ вліяній природы, чѣмъ болѣе будетъ пріобрѣтаться убѣжденіе, какъ мало способенъ человѣкъ освободиться отъ этихъ вліяній. Что касается внѣшнихъ узъ, которыми люди, повидимому, связаны въ теченіе своего историческаго развитія, то съ нѣкоторыхъ поръ имъ стали удѣлять надлежащее вниманіе. Земной шаръ — та внѣшняя арена, на которой разыгрываются *дѣла* человѣка, стало быть, гдѣ должна процвѣтать и культура, — изслѣдованъ и изученъ въ его отношеніяхъ къ человѣческому развитію. Конечный и верховный законъ этихъ изслѣдованій можетъ быть выраженъ въ формулѣ, гласящей, что строеніе земной поверхности и зависящія отъ него различія явнымъ образомъ господствуютъ надъ ходомъ развитія человѣчества. Измѣненія мѣстныхъ условій указали культурѣ ея пути, такъ что взглядъ на карту, изображающую поверхность земного шара, приводитъ насъ къ выводу, что раздѣлъ суши и воды, низменностей и возвышенностей, стало быть, вертикальное и горизонтальное распредѣленіе суши, позволяетъ намъ усмотрѣть съ самаго начала предначертанное руководство человѣческими судьбами. Въ способностяхъ, результатахъ дѣятельности и судьбахъ жителей мы усматриваемъ родъ зеркальнаго отраженія природы данной мѣстности. Въ европейцѣ и въ его высокомъ умственномъ развитіи мы изумляемся произведенію прекраснѣйшей, наиболѣе расчлененной части земной поверхности, тогда какъ въ негрѣ видимъ продуктъ замкнутаго и неуклюжаго матеріала.

Гораздо менѣе тщательно были до сихъ поръ изучаемы тѣ моменты, которые я назвалъ *внутренними*; высокое зна-

ченіе ихъ теперь едва-ли ускользаетъ отъ кого-либо. Рѣчь идетъ о различіи самихъ людей. На самомъ дѣлѣ стоитъ мысленно обозрѣть земной шаръ, чтобы замѣтить величайшее разнообразіе какъ во внѣшнемъ видѣ, такъ и въ поведеніи людей. Цвѣтъ кожи, выраженіе лица, тѣлесное строеніе подвержены точно такимъ же перемѣнамъ, какъ и языкъ, понятливость, идеи и чувствованія. Однимъ словомъ, мы различаемъ разныя расы, чѣмъ мы желаемъ выразить, что каждая изъ нихъ характеризуется извѣстными особенностями, замѣтно отличающими ее отъ другихъ и тотчасъ ее характеризующими. Совершенно различныя душевныя способности разныхъ расъ естественно должны были оказать глубокое вліяніе на направленіе ихъ развитія, какъ матеріальное, такъ и умственное, и должны были поэтому отразиться несомнѣннымъ образомъ на ихъ культурномъ развитіи. Если въ томъ или иномъ случаѣ *этническій* моментъ пренебрегается историками непамѣренно или намѣренно, то это доказываетъ печальное отсутствіе знаній, игнорированіе сокровищъ современныхъ этнологическихъ знаній, или же служитъ свидѣтельствомъ неспособности проникнуть въ суть вещей. Если изъ обоихъ названныхъ моментовъ, т. е. внѣшней и внутренней природы, пользуются лишь однимъ для объясненія человѣческихъ нравовъ, то всегда остается достаточно простора для внесенія сверхъестественныхъ элементовъ въ исторію развитія, съ цѣлью заполнить пробѣлы въ объясненіи. Но при равномѣрномъ удѣленіи вниманія обоимъ этимъ моментамъ, пробѣлы заполняются вполнѣ естественнымъ образомъ.

Здѣсь дѣйствительно умѣстно говорить о врожденныхъ предрасположеніяхъ или зачаткахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ давно устраненными наукою врожденными идеями. Эти предрасположенія опредѣляютъ природу вліянія, которое должно быть оказано внѣшними моментами на развитіе природы. Поэтому вліяніе внѣшнихъ моментовъ имѣетъ здѣсь относительный характеръ; его вліянія выступаютъ сильнѣе или слабѣе, смотря по степени воспріимчивости врожденныхъ предрасположеній данной народности. Другими словами, раса придаетъ психическій, какъ и физическій характеръ. Изъ предшествующаго вытекаетъ здѣсь послѣдствіе: въ событіяхъ исторіи точно также есть своя логика, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей. Эта логика существуетъ не только для нравовъ, но и для законовъ, религій, литературъ. И такъ какъ въ природѣ все, что случается, происходитъ по

необходимости, но въ этомъ смыслѣ также справедливо сказать, что исторія есть рядъ *принудительныхъ необходимостей*.

Первобытное мѣстопребываніе, образованіе и разселеніе расъ.

Въ настоящее время (подъ этимъ терминомъ мы подразумѣваемъ всю продолжительность историческаго періода) земной шаръ населяютъ весьма различныя человѣческія расы. Это простой фактъ, и рѣчь идетъ лишь о томъ, какимъ образомъ согласовать это разнообразіе съ утвердившимся теперь мнѣніемъ относительно общности происхожденія всѣхъ организмовъ отъ одной первобытной формы.

Довольно безразлично, примемъ-ли мы, что человѣкъ происходитъ отъ одной или отъ нѣсколькихъ паръ. Но далеко не все равно, допустимъ-ли мы существованіе лишь одной или многихъ расъ. Исторія и народовѣдѣніе указываютъ намъ на расы, какъ нѣчто настолько своеобразное и существенно различное, въ физическомъ и въ психическомъ отношеніи, что на первый взглядъ нельзя и мыслить о первоначальномъ единствѣ, если только не принять во вниманіе необычайно продолжительныхъ промежутковъ времени, потребовавшихся для постепеннаго образованія расъ. Однако, понятіе о расѣ само по себѣ есть нѣчто настолько неопредѣленное, что число человѣческихъ расъ, допускаемыхъ разными учеными, колеблется между 2 и 16, а нѣкоторые ученые допускаютъ даже, что ихъ не менѣе 60. Это показываетъ, что существуетъ множество промежуточныхъ или переходныхъ формъ и что различныя выраженія человѣческаго типа, обозначаемыя обыкновенно, какъ „человѣческія расы“, представляютъ лишь второстепенныя разновидности одного и того же человѣческаго вида или первобытнаго корня, изъ котораго уже въ весьма отдаленныя времена отдѣлились различныя расы.

Все приводится къ такъ часто подвергавшемуся изслѣдованію и получавшему такія различныя рѣшенія вопросу относительно единства или множества человѣческаго рода вообще—вопросу, какъ извѣстно, бывшему поводомъ къ безконечнымъ препирательствамъ ученыхъ, раздѣлившихся на два лагеря, *моногенистовъ* и *полигенистовъ*. Въ этомъ спорѣ, въ сущности, отражается старинная, устраненная лишь со временъ Дарвина, неясность относительно значенія и про-

исхожденія понятія о такъ наз. *видъ*. Поэтому и весь вопросъ, со временъ Дарвина, утратилъ значительную долю своего прежняго значенія, и по этой же причинѣ, по собственному мнѣнію Дарвина, весь споръ между моногенистами и полигенистами понемногу заглохнетъ, какъ только эволюціонная теорія станетъ общепринятою. Дѣйствительно, разъ допущена возможность преобразованія антропоморфнаго типа въ человѣческій, произошло-ли это постепенно или даже скачками путемъ случайнаго рожденія индивидуальной варіаціи или разновидности съ особенно развитымъ мозгомъ,—во всякомъ случаѣ, довольно безразлично, происходило-ли это преобразованіе однажды или много разъ, въ томъ или въ этомъ мѣстѣ, и зависятъ-ли нынѣшнія различія между отдѣльными человѣческими расами отъ постепенныхъ преобразованій первично единаго типа, или же отъ первичныхъ различій въ происхожденіи.

Съ научной точки зрѣнія, также вполнѣ безразлично, можно-ли примѣнить старинное, имѣвшее такія разнообразныя значенія, понятіе вида къ человѣку, со всѣми его разновидностями и выродившимися формами. Лишь для теологовъ или теологически настроенныхъ естествоиспытателей, исходящихъ изъ легендарныхъ доказательствъ единства человѣческаго рода, этотъ споръ представляетъ еще принципіальное значеніе. Во всякомъ случаѣ, какъ сказано, вопросъ о единствѣ или множествѣ человѣческаго рода и о его происхожденіи утратилъ наибольшую долю своего прежняго значенія, и рѣшеніе его вообще приводится къ отвѣту на вопросъ о высшемъ единствѣ всѣхъ органическихъ формъ.

Также отвѣтъ на вопросъ, на какомъ мѣстѣ земного шара впервые возникло первобытное человѣческое племя, довольно безразличенъ для нашихъ цѣлей и едва-ли когда-либо получитъ окончательное рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, такое первобытное мѣстопребываніе человѣчества должно было гдѣ-либо существовать, и невозможно допустить, чтобы человѣкъ былъ туземцемъ на всемъ земномъ шарѣ. Въ пользу одного такого мѣстопребыванія можно привести тотъ фактъ, что, за рѣдкими исключеніями, уединенные океаническіе острова, при первомъ ихъ открытіи, оказывались необитаемыми, и что, стало быть, человѣкъ впервые появился на континентахъ. На это указываетъ, напр., О. Пешель [1]). Въ пользу такого

[1]) O. Peschel, Ueber die Wanderungen der frühesten Menschenstämme, Ausland. 1869. S. 1105—1110.

мнѣнія говоритъ также аналогія, относящаяся къ географіи растеній и животныхъ и показывающая, что у каждаго изъ нихъ есть своя родина, откуда произошло распространеніе въ другія области. Но для человѣка областью распространенія сталъ весь земной шаръ, хотя, повидимому, это разселеніе произошло весьма медленно.

Что касается самой первобытной родины, большая часть авторовъ, какъ, напр., Уоллэсъ, Дарвинъ, Гэккель, ищутъ этого воображаемаго рая въ тропическомъ или тепломъ поясѣ, напр., въ южной Азіи, тогда какъ Морицъ Вагнеръ [1]) и др. считаютъ возможнымъ высказаться скорѣе за Европу и сѣверную Азію. М. Вагнеръ допускаетъ, что наступленіе ледниковаго періода повліяло на существенное измѣненіе образа жизни антропоидныхъ, измѣнивъ ихъ пищу и т. д., что до извѣстной степени принудило къ прогрессу, тогда какъ теплый, равномѣрный тропическій климатъ Африки или Азіи не благопріятствовалъ процессу превращенія, а скорѣе долженъ былъ служить ему помѣхой. Не будь ледниковаго періода и извѣстныхъ географическихъ состояній и перемѣнъ, въ такомъ случаѣ, по мнѣнію М. Вагнера, никогда не могъ бы возникнуть человѣкъ съ его культурой. Если это справедливо, то происхожденіе человѣка слѣдовало бы отнести къ пліоцену, т. е. къ концу великаго третичнаго періода, когда геологическое развитіе нашей планеты вступило въ сравнительно болѣе спокойный и равномѣрный фазисъ, еще не подверженный жестокимъ катастрофамъ и значительнымъ климатическимъ перемѣнамъ, происшедшимъ въ концѣ ледниковой эпохи. Съ другой стороны, французскій ученый Катрфажъ признаетъ, что раскопки во Франціи доказали существованіе человѣка въ міоценовую (средне-третичную) эпоху, при чемъ этотъ человѣкъ уже зналъ употребленіе огня и умѣлъ грубо обтесывать кремни. По Катрфажу, первобытный человѣкъ былъ косозубымъ или прогнатикомъ (съ выдающеюся челюстью), имѣлъ рыжеватые жесткіе волосы, желтую кожу, говорилъ на односложномъ языкѣ. Остатки этого человѣка, по Катрфажу, слѣдуетъ искать только въ Азіи.

Морицъ Вагнеръ въ томъ смыслѣ правъ, что факторы переселенія и изолированія онъ основательно признаетъ какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, существенною причиною

[1]) M. Wagner, Neue Beiträge zu den Streitfragen des Darwinismus.

образованія расъ [1]). Дѣйствительно, стоитъ напомнить только о поразительныхъ измѣненіяхъ, испытываемыхъ всѣми европейцами послѣ сравнительно даже кратковременнаго пребыванія въ Америкѣ или въ Австраліи! Каждая иная область земного шара, каждый иной климатъ развиваетъ извѣстные, содержащіеся въ первичномъ корнѣ зародыши, тогда какъ другіе зародыши подавляются. Поэтому форма человѣческаго тѣла теперь вездѣ измѣнена мѣстными приспособленіями и настоящая первичная форма, вѣроятно, вымерла. Однако, при справедливой оцѣнкѣ этого обстоятельства не слѣдуетъ забывать, что новая или измѣненная раса никогда не представляетъ простого продукта, но всегда является результатомъ *двухъ* причинъ — первичной расы и природы среды. Поэтому двѣ различныя расы, напр., арійцы и семиты, могутъ значительно измѣниться въ чуждомъ климатѣ, однако никогда не образуютъ одной расы. Забвеніе этого важнаго обстоятельства привело къ ряду недоразумѣній.

Если мы такимъ образомъ разсматриваемъ отдѣльныя человѣческія формы, какъ различныя разновидности одного и того же вида, то не слѣдуетъ обманываться насчетъ того, что въ культурномъ историческомъ смыслѣ этимъ выиграно немногое или ровно ничего не выиграно. Намъ придется постоянно имѣть дѣло съ рѣзко выраженными особенностями отдѣльныхъ расъ. Мало того, грандіозный процессъ наслѣдственности превратилъ различныя человѣческія расы въ различныхъ областяхъ въ такіе устойчивые типы, что существеннаго измѣненія этихъ типовъ вовсе нельзя болѣе ожидать или же можно допустить, въ крайнемъ случаѣ, второстепенныя видоизмѣненія внутри довольно узкихъ предѣловъ. Во всякомъ случаѣ, эти видоизмѣненія заходятъ такъ далеко, что при измѣнившихся климатическихъ условіяхъ проявляются также иныя формы, какъ, напр., англо-американцы и англо-австралійцы. Извѣстно, какъ дѣйствуетъ климатъ на цвѣтъ кожи; утверждаютъ даже, что наблюдается измѣненіе формы черепа. Но съ другой стороны извѣстно, что эти измѣненія не такъ глубоки, чтобы изгладить расовыя особенности, наслѣдственно передаваемыя въ теченіе тысячелѣтій; примѣромъ можетъ служить необычайная устойчивость еврейскаго типа, при всевозможныхъ климатическихъ условіяхъ.

Если подвесть итогъ нашимъ соображеніямъ, то придется

[1]) M. Wagner, Die Darwin'sche Theorie und das Migrationsgesetz. Leipz. 1868. Его же, Ueber den Einfluss der geogr. Isolierung etc. München 1870.

прійти къ тому заключенію, что хотя въ первобытную эпоху географическія вліянія содѣйствовали развитію расъ или разновидностей, но, съ другой стороны, количество особенностей, накопленныхъ въ новыхъ мѣстахъ жительства, до такой степени ослабило всякія дальнѣйшія вліянія, что уничтоженіе разновидности стало невозможнымъ. Другими словами: силѣ внѣшней природы, географическихъ и климатическихъ вліяній противостоитъ еще большая сила внутренней природы, наслѣдственность врожденнаго характера расы, опредѣляющая болѣе или менѣе всѣ дѣянія народовъ.

Вліяніе этническихъ различій.

Изъ сказаннаго очевидно, какъ ошибаются писатели, пытающіеся объяснить дѣйствія и стремленія народовъ исключительно религіей, законами, государственными учрежденіями и т. п. Такъ, напр., то утвержденіе, что религія сообщаетъ характеру каждаго народа опредѣленный отпечатокъ и руководитъ его дѣйствіями, опровергается тѣмъ фактомъ, что, съ одной стороны, одна и та же религія производила у разныхъ народовъ дѣйствія, съ другой стороны, у разныхъ народовъ она принимала разныя формы. Такъ, вліяніе христіанства на варварскіе народы европейскаго сѣвера оказалось гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ на культурные народы Стараго Свѣта. Варвары были облагорожены, тогда какъ для культурныхъ народовъ былъ ускоренъ часъ гибели. Но также характеръ одной и той же религіи измѣняется, смотря по характеру народовъ. Такъ, буддизмъ въ Китаѣ совсѣмъ не то, что въ Индіи и въ Тибетѣ; католицизмъ въ Италіи не то, что въ Германіи, въ Польшѣ, во Франціи, въ Испаніи. Наоборотъ, у родственныхъ народовъ весьма сходныя религіозныя представленія и учрежденія образуются изъ разныхъ религіозныхъ системъ: германскіе католики немногимъ отличаются отъ протестантовъ. Итакъ, религія не опредѣляетъ характера народа, но, наоборотъ, сама къ нему примѣняется.

То же можно сказать о законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Одни и тѣ же законы и учрежденія приносятъ одному народу благодатные плоды, тогда какъ другой приводятъ къ гибели. Достаточно вспомнить, какое различное вліяніе оказали либеральныя учрежденія у англосаксонскихъ и у латинскихъ націй.

То же относится къ внѣшнимъ вліяніямъ, каковые почва, климатъ, географическое положеніе: они оказываются лишь условіями для проявленія тѣхъ или иныхъ чертъ народнаго характера; они налагаютъ своеобразную печать на этотъ характеръ, но не создаютъ его.

Это можетъ быть доказано многими историческими примѣрами, когда, напр., различные народы поочередно населяли одну и ту же страну и, однако, выступили совершенно различнымъ образомъ на историческое поприще. Стоитъ подумать о чудовищномъ различіи состоянія древнихъ культурныхъ народовъ, каковы населявшіе Грецію, Италію, Египетъ, Сѣверную Африку, долину Евфрата и т. д., въ прежнее время и теперь; или же указать на злополучную Испанію, гдѣ сначала благополучно владычествовали арабы, затѣмъ свирѣпствовали монахи и инквизиторы; или на не менѣе злополучную Мексику, гдѣ старинная и почтенная культура была уничтожена чужеземными завоевателями и т. п.

Не только народы, но и индивиды отличаются между собою идеями и склонностями. Однако, были и есть ученые, допускавшіе или допускающіе, что человѣкъ родится на свѣтъ, какъ настоящая „гладкая доска“, и что воспитаніе можетъ написать на этой доскѣ все, что угодно. Это воззрѣніе оказалось радикально ложнымъ. Главную суть всегда составляетъ прирожденный характеръ человѣка, могущій, правда, измѣниться до извѣстной степени, но никогда не способный совершенно преобразоваться или быть подавленнымъ. То же относится и къ народамъ, представляющимъ лишь великія коллективныя индивидуальности. Ихъ хорошія или дурныя свойства опредѣляли ихъ умственныя или матеріальныя дѣянія и ихъ высокое или низкое положеніе въ исторіи. И если отдѣльныя великія личности совершали многое и до извѣстной степени повышали уровень своего народа, то лишь потому, что имѣли передъ собой хорошій или же способный къ развитію матеріалъ. Какъ характеръ отдѣльныхъ личностей, такъ и характеръ народовъ есть нѣчто постоянное, устойчивое.

Итакъ, если, оставивъ область естествознанія, переходимъ въ область исторіи культуры, то мы можемъ съ полнымъ правомъ и основаніемъ разсматривать различные типы человѣчества на земномъ шарѣ, какъ нѣчто заранѣе данное. Пусть умственная одаренность угасшей первичной формы была вездѣ одинакова, все же мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія признать одинаковость первичной умственной одаренности всѣхъ человѣческихъ разновидностей. Мы поэтому не впадемъ въ противорѣчіе съ опытомъ, что неизбѣжно постигнетъ людей, воображающихъ, будто „среднее“ негритянское дитя и „средній“ европейскій ребенокъ обладаютъ одинаковой способностью усвоить наличное наслѣдіе человѣческаго знанія. Конечно, еслибы мы, въ цѣломъ ряду поколѣній, могли устраивать брачные союзы интеллигентныхъ негровъ съ такими же негритянками, и если бы нашелся тираннъ, способный устроить виѳлеемское избіеніе всѣхъ младенцевъ, не удовлетворяющихъ требованію высшаго развитія, то въ среднемъ уровень негритянской расы могъ бы вскорѣ повысить. Но это еще не доказательство равенства расъ. Можно даже доказать, что такое равенство недостижимо. Безспорно, бѣлая и черная расы обѣ подвинулись теперь по сравненію съ тѣмъ, что было 1000 лѣтъ тому назадъ, однако, нѣтъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу того, чтобы черная раса прогрессировала скорѣе бѣлой. Наоборотъ, существуютъ многочисленныя доказательства противнаго, и это весьма понятно. Допустимъ, что обѣ расы прогрессируютъ даже одинаково, напр., въ геометрической прогрессіи, и обозначимъ первоначальный уровень бѣлой расы числомъ 2, а черной 1. Тогда получимъ двѣ прогрессіи, вродѣ слѣдующихъ:

Бѣлая раса . . .	2:4:8:16:32:64
Низшая „ . . .	1:2:4 : 8:16:32

Такимъ образомъ, даже при этомъ предположеніи, благопріятномъ для низшей расы, окажется, что *различіе* между нею и высшей расой постоянно увеличивается, образуя рядъ чиселъ 1, 2, 4 и т. д., въ свою очередь составляющій геометрическую прогрессію.

Поэтому нѣтъ надежды на заполненіе пробѣловъ между расами. Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о настоящихъ расахъ, а не о простыхъ культурныхъ различіяхъ.

Народъ, стоящій теперь ниже другого, какъ показываетъ исторія, часто опережаетъ другіе народы, раньше занимавшіе болѣе высокую ступень: народы, какъ и особи, возвышаются, упадаютъ, погибаютъ. Полудикимъ германцамъ принадлежало будущее, утраченное одряхлѣвшими римлянами: но здѣсь арійцы стояли противъ арійцевъ, не было никакого расового различія. Исторія не знаетъ, однако, ни одного примѣра, чтобы когда-либо могли изгладиться различія между бѣлой

средиземноморской и какой-либо иной расой, черной, желтой или красной; не говорю уже о томъ, чтобы черная раса обогнала бѣлую. Наоборотъ, исторія именно и показываетъ, что, по мѣрѣ прогресса культуры, бездна между бѣлыми средиземноморскими народами и прочими расами становится все болѣе непроходимою. Правда, существуетъ средство, предупреждающее это обостреніе расовыхъ различій, а именно *скрещиванье*. Но можно почти сказать, что въ этомъ случаѣ средство хуже, нежели самое зло. Тамъ, гдѣ высокостоящая раса скрещивается съ низшею, возникаетъ, правда, продуктъ, занимающій середину между обѣими, но если низшая раса при этомъ выигрываетъ, облагораживается, то высшая теряетъ, понижаетъ уровень развитія. Такимъ образомъ, правда, достигается родъ нивеллировки, но вовсе не облагораживаніе человѣческаго рода; такое улучшеніе человѣчества, взятаго въ цѣломъ, существуетъ лишь тамъ, гдѣ улучшается не только худшее, но и лучшее изъ существующаго. Лишь среди расъ и народовъ, и безъ того этнически близкихъ между собою и обыкновенно близкихъ въ культурномъ отношеніи, результатъ скрещиванья можетъ быть благопріятнымъ. Природа—величайшая аристократка; всякій проступокъ противъ чистоты крови жестоко карается ею. Подобное слѣдуетъ соединять лишь съ подобнымъ, какъ въ человѣческой, такъ и въ животной, и въ растительной жизни. Сочетанія между неоднороднымъ неизмѣнно приводятъ къ появленію выродковъ.

Обсужденіе и точное изслѣдованіе вліянія такихъ скрещиваній, тамъ, гдѣ оно наступало, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оставлялось безъ всякаго вниманія, хотя здѣсь, быть можетъ, находится ключъ къ пониманію многихъ соціальныхъ явленій.

Ходъ культурнаго развитія [1]).

По сравненію съ естественной исторіей, исторія культуры располагаетъ лишь ограниченною областью, относящеюся исключительно къ развитію наивысшаго существа на земномъ шарѣ—человѣка. Исторія культуры начинается тамъ, гдѣ человѣкъ начинаетъ мыслить и сознательно дѣйствовать, стало

[1]) Значительная часть этой главы написана извѣстнымъ ученымъ Отто Генне амъ Риномъ. Въ нѣмецкомъ изданіи расположеніе главъ нѣсколько иное. *Ред.*

быть—тамъ, гдѣ его душевная жизнь повышается надъ уровнемъ животнаго. Всѣ люди, исключая маленькихъ дѣтей и взрослыхъ идіотовъ, обладаютъ слѣдующими способностями, едва-ли свойственными даже высшимъ животнымъ: самопознаніемъ, употребленіемъ огня и приготовленныхъ орудій, членораздѣльною рѣчью, способностью наблюдать природу, умѣньемъ различать отдѣльные виды растеній и животныхъ и называть ихъ разными именами, семейной и племенной организаціей, различеніемъ степеней родства, способностью составлять абстрактныя понятія, сознаніемъ необходимаго наступленія смерти и погребальными церемоніями [1]). Совокупность этихъ свойствъ образуетъ *культуру*, названіе, подъ которымъ подразумѣвается все, что произведено людьми обдуманно, а не по природному принудительному побужденію. Такое творчество свойственно всѣмъ отраслямъ человѣчества: еще не было открыто ни одно человѣческое племя, лишенное какой бы то ни было культуры. Вся жизнь человѣка, на сколько она была изслѣдована во времени и въ пространствѣ, состоитъ въ борьбѣ между культурой и некультурностью, т. е. склонностью къ пребыванію, близкому къ скотской природѣ, и къ отказу отъ высшаго культурнаго развитія. Въ этой борьбѣ погибаютъ и безслѣдно исчезаютъ не только безчисленныя личности, но и цѣлые народы. Другіе народы выплываютъ наружу изъ этой борьбы и прокладываютъ себѣ путь. Нѣкоторые народы повышаютъ уровень своей культуры, другіе падаютъ еще ниже, чѣмъ они стояли раньше. Многіе народы оказываютъ вліяніе на культуру сосѣдей или же вытѣсняютъ ихъ. Отдѣльные люди и цѣлые народы пребываютъ въ низшихъ состояніяхъ или же возвращаются къ такимъ состояніямъ послѣ того, какъ уже достигли высшихъ. Съ большимъ упорствомъ удерживаются низшія состоянія даже на высокихъ стадіяхъ культуры; сюда, напр., относится жестокость, сварливость, распутство, суевѣріе.

Но если мы зададимся вопросомъ, какова цѣль, къ которой стремится развитіе, то на такой вопросъ нельзя дать иного отвѣта, нежели тотъ, что эта цѣль состоитъ въ возможномъ совершенствѣ того, чего достигаютъ люди и что

[1]) Авторъ еще добавляетъ «измѣненіе образа жизни смотря по временамъ года». Но въ такомъ случаѣ пришлось бы признать людьми всѣхъ животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ; да и многія другія изъ приведенныхъ авторомъ различій не абсолютны. Такъ, несомнѣнно, что и животныя различаютъ разные виды животныхъ и растеній; собака, напр., превосходно отличаетъ кошку не только отъ собакъ, но и отъ лошадей, коровъ и людей. *Ред.*

они выполняютъ. Но человѣкъ всегда остается существомъ несовершеннымъ, а поэтому можетъ достичь лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ того, что относится къ совершенству.

Болѣе важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что при всемъ различіи, существующемъ между людьми и между культурами, и тѣ и другія имѣли общій источникъ или корень. Между всѣми людьми всѣхъ расъ существуетъ общность не только въ тѣлесномъ строеніи, но и въ основныхъ чертахъ нравовъ, обычаевъ, мнѣній, свидѣтельствующихъ объ общности происхожденія.

Сходство нравовъ и мнѣній, наблюдаемое, правда, не во всѣхъ случаяхъ у всѣхъ народовъ земного шара, но часто встрѣчаемое у народовъ, раздѣленныхъ между собою огромными разстояніями, свидѣтельствуетъ о невозможности непосредственнаго заимствованія. Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о наслѣдствѣ, доставшемся отъ общихъ родоначальниковъ. Таковы, напр., разные обычаи привѣтствія, вродѣ весьма распространеннаго соприкосновенія носами, паденія низшихъ на землю передъ высшими и т. п. Сюда относится и обрѣзаніе и другія изуродованія, въ особенности операціи, производимыя надъ достигшими половой зрѣлости юношами, затѣмъ, раскрашиванье и татуировка тѣла; торжественное заключеніе дружескихъ союзовъ посредствомъ смѣшиванія крови, обмѣна именами и т. п.; далѣе, выказываніе вдовами зависимости отъ умершихъ мужей посредствомъ ношенія ихъ череповъ или посредствомъ самосожиганія при погребеніи; чудовищный обычай сооруженія зданій надъ человѣческими трупами; собираніе кучъ камней на памятныхъ мѣстахъ; обязанность жениться на вдовѣ брата; переходъ материнскаго права въ отцовское и вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ къ упорядоченнымъ семейнымъ учрежденіямъ. Можно назвать еще рядъ обычаевъ, свойственныхъ различнымъ народамъ и исключающимъ возможность непосредственнаго заимствованія.

Такъ, у многихъ народовъ мы видимъ боязнь какихъ бы то ни было сношеній между тещею и зятемъ; мы видимъ, что отецъ новорожденнаго притворяется больнымъ, какъ будто онъ самъ—роженица (обычай кувады); также распространенъ обычай похищенія женщинъ и воспоминаніе его при свадебныхъ обычаяхъ; не менѣе распространены человѣческія жертвы и каннибализмъ, лѣтосчисленіе по лунѣ и солнцу, запрещеніе прикасаться къ извѣстнымъ предметамъ (табу на Южномъ Морѣ) или страхъ передъ разнаго рода пищей, признаваемой нечистою; тайныя общества съ религіозными, нравственными или судебными цѣлями, наименованіе созвѣздій по именамъ животныхъ; представленія о странствіяхъ души въ другой міръ; наука и практика волшебства; почитаніе звѣздъ, камней, растеній, животныхъ и душъ умершихъ; вѣра въ счастливое или несчастливое значеніе извѣстныхъ дней и чиселъ, въ значеніе того или иного поведенія животныхъ, или встрѣчи съ животными и людьми, или въ значеніе разныхъ случайностей, бывающихъ на празднествахъ и при выполненіи обычаевъ; весьма распространены также вѣра въ вѣдьмъ, въ дурной глазъ, превращеніе людей въ животныхъ, вѣра въ духовъ и въ призраки; вѣра въ предзнаменованіе смерти, въ существованіе баснословныхъ животныхъ и людей въ звѣриномъ образѣ; разсказы и преданія о богахъ, герояхъ, князьяхъ и т. п., объ ихъ битвахъ съ драконами, путешествіяхъ въ адъ; легенды о сотвореніи міра, о потопахъ, о концѣ міра, о разрушеніи человѣческихъ сооруженій, о происхожденіи пустынь, озеръ и морей на ихъ мѣстѣ и проч., и проч.

Допустить, чтобы такое безчисленное множество поразительно сходныхъ обычаевъ, воззрѣній и сказаній, встрѣчающихся на отдаленнѣйшихъ пунктахъ земной поверхности, возникло по случайности, независимо другъ отъ друга,—допустить это такъ же немыслимо, какъ и то, чтобы эти обычаи перешли отъ однихъ народовъ къ другимъ въ эпоху, когда еще не было никакихъ сношеній между различными частями свѣта. Дѣйствительно, малокультурные народы, живущіе въ разныхъ частяхъ свѣта, и теперь не имѣютъ между собою сношеній, да и въ одной и той же части свѣта сношенія между отдаленными народами достигаются лишь чрезъ посредство европейцевъ. Остается, стало быть, лишь одинъ исходъ, а именно допустить, что эти часто встрѣчающіяся культурныя явленія распространились по земному шару постепенно, вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ; стало быть, они возникли на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые возникло самое человѣчество.

Этимъ, однако, вовсе не сказано, чтобы всѣ названныя черты культуры достигли своего полнаго развитія уже въ первичномъ мѣстопребываніи человѣчества. Разъ были даны основныя черты, онѣ могли впослѣдствіи частью расшириться и разукраситься во время различныхъ странствій по направленію къ позднѣйшимъ мѣстопребываніямъ тѣхъ или иныхъ народовъ; частью, наоборотъ, могли исчезнуть, отъ чего

и зависятъ различныя формы, наблюдаемыя тамъ и сямъ въ этихъ проявленіяхъ культуры.

Эти различныя формы культуры связаны также съ физическими различіями между людьми различныхъ частей свѣта; различія эти, однако, далеко не такъ значительны и не такъ глубоки, какъ совпаденія и сходства [1]). Впрочемъ, эти различія не представляютъ какихъ-либо рѣзкихъ разграниченій, но допускаютъ многочисленные переходы. Въ общемъ, однако, эти различія тѣмъ значительнѣе, чѣмъ отдаленнѣе другъ отъ друга различные народы, т. е. чѣмъ дальше они удалились во время своихъ первыхъ переселеній отъ первичнаго мѣстопребыванія человѣчества, такъ что можно признать, что особенности народовъ являются исключительно слѣдствіемъ этихъ странствованій и вліянія климата и вообще условій новой среды. Для допущенія нѣсколькихъ, удаленныхъ между собою колыбелей человѣчества нѣтъ ни малѣйшей точки опоры; было бы величайшимъ чудомъ, если бы такія вообще сходныя между собою въ физическомъ и психическомъ отношеніи существа, каковы люди, могли произойти независимо другъ отъ друга въ разныхъ пунктахъ земной поверхности. Это было бы гораздо труднѣе объяснимо, нежели постепенное распространеніе изъ одного мѣста по всей обитаемой части суши, при чемъ слѣдствіемъ этого разселенія явились разныя особенности людей.

Упомянутыя уклоненія, различающія обитателей разныхъ странъ, относятся къ росту (высотѣ), къ формѣ черепа, цвѣту глазъ и волосъ, свойствамъ волосъ, языку и культурѣ. Но между всѣми этими различіями нѣтъ никакой связи. Неизвѣстно никакихъ народностей, племенъ или иныхъ группъ, которыя отличались бы между собою всѣми этими свойствами или представляли бы радикальное различіе хотя бы нѣкоторыхъ свойствъ. Всѣ эти свойства скорѣе перемѣшаны между собою, и народы, сходящіеся въ одномъ, т. е. въ существенномъ, расходятся во многомъ другомъ. Это служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что, по причинѣ непрерывнаго смѣшенія между сосѣдними народами, не осталось ни одной чистокровной народности, если вообще когда-либо такія народности существовали.

---

1) Читатель видитъ, что Отто Генне амъ Ринъ придаетъ далеко не такое существенное значеніе расовымъ различіямъ, какъ проф. Бюхнеръ. Вообще, отъ книги, составленной многими авторами, нельзя ожидать полнаго единства взглядовъ.

Ред.

Этотъ фактъ дѣлаетъ всякое раздѣленіе человѣчества на расы иллюзорнымъ или даже невозможнымъ. Можно только признать существованіе расовыхъ различій съ безчисленными, порою незамѣтными переходами. Всего легче можно было бы еще установить подраздѣленіе человѣчества по различнымъ языкамъ,—если бы этому не препятствовалъ тотъ фактъ, что народы часто усваивали другіе языки, по сравненію съ тѣми, на которыхъ они говорили раньше. Значительное большинство жителей Индіи говоритъ теперь на арійскихъ языкахъ, вмѣсто прежнихъ дравидійскихъ; кельты и иберійцы говорятъ по англійски, по французски и по испански; славяне эльбскаго и одерскаго бассейна—по нѣмецки и т. п. Языкъ поэтому вовсе не служитъ вѣрнымъ признакомъ племенного родства и не рѣшаетъ вопроса о положеніи, занимаемомъ говорящими на этомъ языкѣ по отношенію къ стадіямъ культуры.

Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ трудностей, мы должны, если только желаемъ ради удобства подраздѣлить людей на группы, оставить совершенно въ сторонѣ физическіе признаки, подразумѣвая подъ этимъ какъ тѣлесные признаки въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ и психо-физическіе, какъ, напр., языкъ. Приходится искать чисто-психическаго принципа, и мы находимъ его въ понятіи *культуры*.

Но и самая культура, какъ и тѣлесная форма человѣка, есть произведеніе географическаго положенія и климата. Оба эти фактора рѣшаютъ вопросъ, подвигается-ли культура быстро или медленно, и не стоитъ-ли она на извѣстномъ пунктѣ, а именно томъ, который, какъ показано выше, общъ всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, очень многимъ, значительно удаленнымъ между собою народностямъ.

Если мы произведемъ бѣглый обзоръ обитаемой части суши, то прежде всего замѣтимъ значительное различіе очертаній, принимаемыхъ сушею по отношенію къ омывающему ее морю.

Суша земного шара едва занимаетъ половину поверхности, занятой моремъ. Нашу планету можно объѣхать кругомъ, не коснувшись суши; но нельзя совершить кругосвѣтнаго путешествія, не пользуясь нигдѣ морскимъ путемъ. Сверхъ того, почти вся суша сосредоточена на одномъ полушаріи, середину котораго занимаютъ страны южной и восточной Европы, т. е. тѣ, которыя достигли наивысшей культурной ступени; эти же страны отличаются тѣмъ, что море глубоко врѣзы-

вается здѣсь со всѣхъ сторонъ и суша представляется лишь сочетаніемъ полуострововъ.

Море—великій воспитатель человѣка, приведшій его къ высшей культурѣ. Но для этого воспитанія требуется приготовительная школа въ области менѣе значительныхъ водъ. Первыя воды, гдѣ отваживаются плавать на судахъ, это рѣки и образованныя ими озера. Продолженіе рѣкъ составляютъ морскіе берега близь ихъ устьевъ. Лишь послѣ долгаго плаванія вдоль береговъ рѣшаются пуститься въ открытое море; сначала плаваютъ въ закрытыхъ, „средиземныхъ“ моряхъ и лишь подъ конецъ рѣшаются плыть по міровымъ морямъ, т. е. океанамъ. Рѣки были пособницами культуры въ странахъ, гдѣ она одержала первые крупные успѣхи; такъ, напр., можно назвать Гоанго и Кіангъ въ Китаѣ, Гангъ и Индъ въ Индіи, Евфратъ и Тигръ въ Вавилоніи, Нилъ въ Египтѣ. Для южной Европы и прочихъ прибрежныхъ странъ, находящихся у Средиземнаго моря, это море было школою; но народы на сѣверѣ и западѣ Европы должны были искать на Атлантическомъ океанѣ условій, сдѣлавшихъ ихъ владыками океановъ. Этотъ океанъ указалъ имъ путь въ Новый Свѣтъ, Индійскій океанъ доставилъ морской путь въ восточную Азію, Великій или Тихій океанъ позволилъ объѣхать кругомъ земной шаръ.

Родъ и способъ сочетанія между сушей и водой оказываетъ на развитіе культуры значительное вліяніе. Острова малой и средней величины, по причинѣ своего малаго протяженія, на которомъ люди могутъ устроить немногое, лишены значенія для исторіи культуры. Въ этомъ они сходятся со своей противоположностью, а именно съ скрытыми внутри большихъ материковъ областями, лишенными удобнаго соединенія съ моремъ. Поэтому острова Южнаго Моря и средней Америки, зап. Африки и скандинавской Европы такъ же мало содѣйствовали успѣхамъ культуры, какъ и степи средней Азіи, пустыни Аравіи и Африки, преріи Сѣверной Америки, льяносы и пампасы Южной Америки. Эти области, правда, по причинѣ своей большей частью плоской поверхности и ландшафтнаго однообразія, представляютъ сходство съ моремъ, но имъ не хватаетъ чарующей силы морской стихіи, представляющей, несмотря на бури, меньше трудностей для переѣзда, нежели песчаные холмы, травянистыя степи и солончаковыя болота этихъ негостепріимныхъ мѣстностей.

Почти такое же важное значеніе по отношенію къ нашему умственному развитію, какъ и распредѣленіе суши и моря, принадлежитъ устройству внутренней поверхности суши. Также и здѣсь мы встрѣчаемъ крайности, неблагопріятныя этому развитію, а именно, съ одной стороны, однообразныя и непривлекательныя равнины, съ другой—непроходимыя высокія горы. Такъ, въ Азіи, низменныя равнины Сибири и Туркестана, плоскогорья Монголіи и горныя цѣпи Тибета не только не доставили процвѣтанія культуры, но по временамъ выбрасывали опустошительныя орды, разрушавшія культуру прекраснѣйшихъ странъ. Точно также сарматская низменность въ Европѣ и обширная поверхность бассейна Миссиссипи лишь съ большимъ трудомъ, да и то не вполнѣ, подчинились культурѣ.

Третье и важнѣйшее различие между крайностями, на ряду съ различіемъ въ очертаніяхъ суши и моря и внутреннимъ устройствомъ суши, образуетъ различіе климата. Старинное, но хорошее подраздѣленіе земной поверхности на жаркій, два умѣренныхъ и два холодныхъ пояса оправдывается главнымъ образомъ по отношенію къ развитію культуры. Это послѣднее доказываетъ неопровержимо, что четыре изъ пяти поясовъ сами по себѣ не произвели никакой высшей культуры, по причинѣ крайностей зноя и холода, или же вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія находящихся тамъ областей. Приморскія страны составляютъ золотую середину между отдаленными отъ материковъ островами и удаленными отъ морей внутренними областями; точно такой же серединой являются страны, богатыя горами, холмами и террасами, по сравненію съ обширными равнинами и чисто горными странами; но то же можно сказать, сравнивая сѣверный умѣренный поясъ со всѣми прочими, и это тѣмъ болѣе, что въ немъ мы видимъ наиболѣе благопріятныя отношенія между приморскими ландшафтами и террасами. Южный холодный поясъ весь необитаемъ, сѣверный—по большей части. Жаркій поясъ, по причинѣ крайняго зноя, препятствуетъ всякой самостоятельной дѣятельности, и южный умѣренный, хотя уже значительно болѣе благопріятный культурѣ, имѣетъ съ нимъ то общее, что находящіяся въ немъ страны раздѣлены между собою обширными морями и поэтому лишены связи и взаимнаго сообщенія культурныхъ пріобрѣтеній, если эти послѣднія не сообщены имъ Европой. Наоборотъ, сѣверный умѣренный поясъ включаетъ всѣ страны земного шара, создавшія высшую культуру или давшія ей дальнѣйшее развитіе.

Другими словами: исторія культуры имѣетъ своей исключительной ареной ю. Азію, с. Африку, Европу и С. Америку, да и то лишь тамъ, гдѣ явились колоніи, высланныя европейскими странами. Климатъ названныхъ областей умѣренный и по преимуществу морской, т. е. свободенъ отъ слишкомъ рѣзкихъ крайностей; ихъ части расчленены на острова, полуострова, террасы; они, наконецъ, непосредственно связаны со „Старымъ Свѣтомъ", и океанъ, отдѣляющій этотъ Старый Свѣтъ отъ Сѣв. Америки, по своей малой ширинѣ не можетъ быть сопоставленъ съ Индійскимъ или съ Тихимъ океаномъ. Внутри этого пояса, благопріятнаго для высшей культуры, нельзя, однако, не замѣтить существеннаго различія между юго-восточнымъ азіатско-африканскимъ поясомъ и сѣверо-западнымъ европейскимъ. Азіатско-африканскія страны развились при посредствѣ большихъ рѣкъ, европейскія—помощью Средиземнаго моря, но на крайнемъ сѣверо-западѣ, — какъ и въ европейско-американскихъ колоніяхъ, развитіе произошло при посредствѣ Атлантическаго океана. Первыя создали вполнѣ своеобразныя культуры, вторыя были ихъ учениками. Съ другой стороны, первыя, совершивъ все для нихъ возможное, остановились или даже пошли вспять, тогда какъ вторыя самостоятельно развили далѣе заимствованныя у первыхъ культурныя блага, послужившія для нихъ началомъ новаго, неисчерпаемаго прогресса. Это доказываютъ, съ одной стороны, примѣры Китая, Индіи, Вавилона и Египта, съ другой—примѣры Греціи, Италіи, сѣверо-западной Европы и С. Америки. Отрицательное доказательства доставляютъ примѣры большихъ острововъ и благопріятно расположенныхъ полуострововъ и террасъ, находящихся, однако, въ жаркомъ или холодномъ поясѣ. Таковы Мадагаскаръ, Зондскіе о-ва, Индокитай, Гренландія, Камчатка, Лабрадоръ и т. д. Всѣ эти страны остались безъ какого-либо значенія для исторіи культуры.

Изъ предыдущаго вытекаетъ обобщеніе, которое можно было бы назвать „желѣзнымъ закономъ культуры". Оно гласитъ слѣдующее:

> Массивныя, нерасчлененныя, удаленныя отъ открытаго моря, весьма холодныя или весьма жаркія части земной поверхности производятъ культуру, остающуюся на низкой ступени, неблагопріятную прогрессу. Значительно расчлененныя, обращенныя къ морю (непосредственно или чрезъ посредство рѣкъ) страны съ умѣреннымъ климатомъ создаютъ богатую, болѣе или менѣе быстро прогрессирующую культуру.

Культура, безъ сомнѣнія, есть дѣло человѣка; но почему человѣкъ становится такимъ, что производитъ менѣе или болѣе значительную культуру, этимъ онъ обязанъ географическому положенію и климату той части земного шара, на которой онъ развился.

Поэтому прежде всего должно быть два типа народностей, существенно различающихся по степени созданной ими культуры, а именно съ одной стороны жители названныхъ культурныхъ странъ нашего сѣвернаго умѣреннаго пояса, съ другой—жители прочихъ частей земного шара, за исключеніемъ переселившихся сюда изъ Европы колонистовъ. Первыхъ называютъ культурными народами, вторыхъ—„дикарями". Это названіе не слѣдуетъ, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что „дикари" будто бы лишены всякой культуры. Смыслъ названія скорѣе тотъ, что природа оказываетъ на эти народы сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ они—на природу. Этимъ народамъ недостаетъ обузданія силъ природы при посредствѣ путей сообщенія, вродѣ дорогъ, каналовъ и т. д.; у нихъ нѣтъ городовъ въ историческомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ никакого комфорта и украшенія жилищъ, нѣтъ высшаго идеальнаго воззрѣнія на бракъ и семью, нѣтъ государства въ смыслѣ заботы объ общемъ благѣ, нѣтъ систематической и характеризованной типичными божествами религіи; у нихъ отсутствуетъ всякое безкорыстное нравственное ученіе, всякое стремящееся къ красотѣ искусство, всякая письменность, кромѣ образнаго письма и всякой науки. Сюда принадлежатъ туземцы тропической и южной Африки, такъ наз. австралійскаго материка, острововъ Великаго океана, Америки и сѣв. полярныхъ странъ со включеніемъ Сибири. Сюда же надо причислить пещерныхъ обитателей и жителей свайныхъ построекъ Европы и другихъ частей свѣта.

Итакъ, хотя „дикарямъ" также свойственна извѣстная культура, мы все же называемъ „культурными народами" тѣ группы людей, которыя научились оказывать на природу болѣе значительное вліяніе, нежели природа—на нихъ. Они достигли того, что посредствомъ всякаго рода сообщеній подчинили себѣ природу, построили городскія твердыни, придали человѣческому жилищу уютность, связали бракъ и семью съ высшими идеями. Они создали высокія религіозныя системы съ этическимъ основаніемъ, государства съ упорядо-

ченнымъ устройствомъ и съ учрежденіями, имѣющими цѣлью благосостояніе народовъ; они развили искусство до служенія красотѣ и науку до служенія истинѣ; изобрѣли звуковую систему письма. Сюда относятся китайцы, японцы, индусы, персы, вавилоняне и ассиріяне, финикіяне и евреи, египтяне, арабы, армяне, разные малоазіатскіе народы, почти всѣ европейцы и происходящіе отъ нихъ колонисты, все болѣе съуживающіе области, обитаемыя дикарями.

Конечно, предки нынѣшнихъ культурныхъ народовъ, въ свою очередь были нѣкогда дикарями, но переходъ отъ „дикой“ культурной стадіи къ культурѣ въ узкомъ смыслѣ слова былъ такимъ постепеннымъ и медленнымъ, что для современныхъ культурныхъ народовъ онъ или совсѣмъ забытъ или же продолжаетъ жить еще только въ древнихъ сказаніяхъ. Другія племена едва пытались развиться въ культурные народы, какъ имъ воспрепятствовало грубое разрушеніе ихъ культуры. Таковы мексиканскіе ацтеки и подданные перуанскихъ инковъ. Дальнѣйшую группу образуютъ народы, поднявшіеся не выше положенія учениковъ извѣстныхъ культурныхъ народовъ и оставшихся, поэтому, на средней стадіи развитія. Таковы монголы, манчьжуры, корейцы, народы Индокитая, малайцы, дравиды, тибетцы, турки, берберы (варварійцы), абиссинцы и т. д. Не оставшись настоящими дикарями, но и не научившись ничему отъ культурныхъ народовъ, пребываютъ въ полуварварскомъ состояніи такіе народы, какъ афганцы, курды, кавказскіе горцы, албанцы. Наконецъ, на нашихъ глазахъ происходитъ переходъ отъ дикаго къ культурному состоянію у обитателей многихъ островныхъ группъ Южнаго моря, или, по крайней мѣрѣ, мы видимъ попытку съ ихъ стороны. Какъ среди дикарей, такъ и между культурными народами мы можемъ, впрочемъ, замѣтить группы, различающіяся между собою своеобразными чертами своей культуры. Это обстоятельство доставляетъ намъ возможность подраздѣлить поверхность земного шара на *культурныя области*, вродѣ ботаническихъ и зоологическихъ областей; такое подраздѣленіе устраняетъ неудобства, обусловленныя невозможностью установить надежныя расовыя области.

Такъ какъ дикари живутъ въ весьма далеко отстоящихъ другъ отъ друга областяхъ, раздѣленныхъ морями и пустынями, то это подраздѣленіе необходимо должно было вызвать появленіе у нихъ различныхъ культурныхъ типовъ,

естественно распредѣляющихся по частямъ свѣта или по климатическимъ поясамъ. Мы такимъ образомъ получаемъ области: африканскую, австраліиско-океанійскую, американскую и арктическую. Всѣ эти области были раньше гораздо болѣе распространены, нежели теперь. Онѣ съуживаются постепенно подъ напоромъ культурныхъ народовъ. Африканская культурная область, занимающая середину и югъ Африки, но все болѣе отступающая во-внутрь передъ арабами и европейцами, характеризуется устойчивостью своего населенія. За исключеніемъ, быть можетъ, готтентотовъ и бушменовъ, африканскія племена весьма далеки отъ постепеннаго вымиранія, постигающаго дикарей. Африканцамъ свойственны маленькія деспотическія государства, отличающіяся собачьей преданностью жителей, процвѣтаніемъ рабства и фетишизмомъ съ человѣческими жертвами. *Австралійско-океанійская культурная область*, мало-по-малу захватываемая европейцами, населена по большей части мореплавателями. У нихъ господствуетъ обычай татуировки; религія ихъ есть культъ душъ съ необычайно строгими предписаніями относительно чистоты (табу); у нихъ мы видимъ чрезвычайно искусно организованныя семейныя учрежденія съ своеобразными наименованіями степеней родства.

Такъ наз. индѣйцы, прежніе обладатели *американской* культурной области, успѣли уже уступить почти всю свою область европейцамъ и ихъ потомкамъ. Индѣйцы отличаются нечувствительностью боли, жестокостью, мстительностью, краснорѣчіемъ; изъ обычаевъ у нихъ характерна окраска или же украшеніе рубцами; они отличаются пристрастіемъ къ охотѣ, тѣмъ, что различаютъ племена помощью изображеній животныхъ и растеній, что связано съ почитаніемъ подобныхъ существъ (тотемизмъ). Учрежденія у нихъ аристократическія, но не допускающія главенства одного вождя; они почитаютъ призраки или духовъ въ образѣ явленій природы; у нихъ существуютъ разнообразныя преданія о сотвореніи міра, о потопѣ, о томъ свѣтѣ и о кончинѣ міра. Арктическая область гораздо болѣе отдѣлена отъ прочихъ своимъ географическимъ положеніемъ. Область эта захватываетъ сѣверныя приморскія страны Европы, Азіи и С. Америки. Жители этой области — кочевники, при томъ охотники, рыбаки или же скотоводы, держащіе сѣверныхъ оленей; они подраздѣляются на малыя племена. Ихъ религія есть суевѣріе и боязнь духовъ, и у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ у про-

чихъ дикарей, хотя подобнымъ же образомъ, господствуютъ знахари, шаманы; все болѣе и болѣе отступаютъ они на сѣверъ.

Мы уже замѣтили, что въ длинномъ ряду культурныхъ рядовъ замѣчаются глубокія различія между европейскими и внѣ-европейскими націями. Въ то время, какъ европейскіе культурные народы соединились постепенно въ одно культурное цѣлое, азіатскіе и африканскіе народы раздѣляются, по теченію рѣкъ, обусловливающихъ ихъ культуру, на четыре различныя культурныя области, изъ которыхъ каждая включаетъ одинъ главный народъ и различные, усвоившіе его культуру второстепенные народы, таковы: китайская область (Китай, Японія, Корея, Аннамъ), индійская (передняя Индія, Тибетъ, Бирма, Сіамъ, о-ва Суматра и Ява), халдейско-персидская и египетско-арабская. Такимъ образомъ, существуетъ пять культурныхъ областей; принадлежащихъ народамъ, стоящимъ на высшей ступени культуры; обрисовать развитіе этихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ этого труда. На всей же землѣ мы различаемъ, какъ видно изъ предыдущаго, *девять* культурныхъ областей, которыя, въ концѣ концовъ, всѣ подчиняются одной — европейской.

Четыре области, населенныя „дикарями", играютъ, однако, въ исторіи развитія человѣчества незначительную, почти совершенно ничтожную роль; поэтому имъ мѣсто главнымъ образомъ въ *этнографіи*, а не въ исторіи культуры. Въ противоположность культурнымъ народамъ, рѣзко раздѣляющимся по ступенямъ культурнаго развитія, дикари представляютъ почти однообразное цѣлое. Различая въ пространствѣ девять культурныхъ областей, мы поэтому различаемъ во времени пять культурныхъ стадій.

Живущіе въ узкой сферѣ племенныхъ интересовъ, безгосударственные малокультурные народы, къ которымъ относятся также предки нынѣшнихъ культурныхъ народовъ, образуютъ первую культурную ступень, а именно *до-историческую*. На этой стадіи не существуетъ общаго сознанія, свойственнаго обширнымъ массамъ людей; не существуетъ никакого сознанія государства или отечества. Вторую ступень,—для исторической эпохи она является первою — образуютъ внѣ-европейскіе культурные народы въ ихъ древнѣйшую эпоху. Это живущія обособленно, самодовлѣющія націи, вродѣ китайцевъ и (прежнихъ) японцевъ, индусовъ и

тибетцевъ, вавилонянъ и ассиріянъ, мидянъ и персовъ, израильтянъ и финикіянъ. Третью ступень образуютъ народы, уже не живущіе замкнуто, но образующіе союзы, правда, подъ гегеноніей какого-либо одного, благопріятствуемаго счастьемъ народа. Эта стадія выработалась вокругъ Средиземнаго моря, сначала въ эллинскихъ колоніяхъ, затѣмъ въ римскомъ всемірномъ государствѣ, а въ промежуткѣ между ними—въ царствѣ, возникшемъ изъ завоеваній Александра Македонскаго. Выступленіе на арену обѣихъ міровыхъ религій [1]) — христіанства и ислама—обозначаетъ четвертую ступень, на которой народы, соединенные общими вѣрованіями, въ то же время сами по себѣ самостоятельны, но между обѣими группами происходитъ неустанная борьба. Концомъ этого періода является паденіе магометанской и разцвѣтъ христіанской культуры, а также открытіе новыхъ странъ внѣ такъ наз. Стараго Свѣта. Съ этой перемѣны декорацій начинается пятая и пока наивысшая культурная ступень, а именно періодъ всемірныхъ сношеній при непрерывномъ возрастаніи господства европейскихъ народовъ.

Въ этомъ ходѣ развитія внѣевропейскія культурныя страны отступаютъ назадъ, уступая арену европейской культурѣ, которую уже нельзя подраздѣлить по странамъ и народамъ. Отсюда мы выводимъ новый законъ исторіи культуры, гласящій:

> Чѣмъ болѣе въ общемъ подвигается культура, тѣмъ болѣе отдѣльные народы примыкаютъ другъ къ другу, образуя болѣе обширныя, переступающія границы народностей сферы согласующихся между собою культурныхъ явленій.

Давно уже искусство и наука перешагнули черезъ національныя границы. Религіозныя исповѣданія также не спрашиваютъ о языкѣ, племени и правительствѣ. Техническія усовершенствованія по самой своей природѣ космополитичны. Единственный пунктъ, помимо политики, носящій еще національный отпечатокъ, это поэзія: но у всѣхъ культурныхъ народовъ поэтическое творчество уже имѣло свою цвѣтущую пору; сверхъ того, всѣ культурныя націи заимствуютъ другъ отъ друга поэтическія произведенія помощью переводовъ и подражаній. Сверхъ того, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ полнаго и неограниченнаго господства *одного* какого-либо языка.

[1]) Буддизмъ это религія монаховъ, а не народная религія.

Отсюда мы въ правѣ заключить, что, хотя и въ далекомъ будущемъ, человѣчество идетъ на встрѣчу возрастающей ассимиляціи, постепенному слiянію, и наконецъ, и полному упраздненію всѣхъ расовыхъ и національныхъ особенностей.

Эта возможность не встрѣтитъ помѣхи отъ дальнѣйшей политической отдѣльности государствъ. Но если государства будутъ различаться между собою лишь какъ политическія тѣла, то соединеніе ихъ *во всемірный союзъ государствъ* есть лишь вопросъ времени. Однако, все, что сдѣлано прекраснаго и прочнаго любымъ народомъ, все это останется неувядаемымъ, пока существуетъ земля и ея обитатели.

Изъ того непререкаемаго обстоятельства, что въ настоящее время представители матеріальныхъ интересовъ превосходятъ по силѣ представителей идеальныхъ произведеній, можно было бы, повидимому, вывесть, что въ культурѣ будущаго времени, математика, естествознаніе, промышленность, торговля, пути сообщенія и соціальныя стремленія рѣшительно одержатъ верхъ и въ общемъ повлекутъ за собою наступленіе великой матеріальной эпохи; изъ этого вышло бы, что будущая культура сойдется въ этомъ отношеніи съ древнѣйшимъ періодомъ культуры, съ чисто матеріалистическимъ состояніемъ дикарей! Но такое предположеніе оказалось бы въ рѣшительномъ противорѣчіи съ первымъ закономъ культуры, а именно съ закономъ *прогресса*. Если этотъ законъ справедливъ, то будущее развитіе человѣчества по разносторонности не только не уступитъ нынѣшнему, но должно, наоборотъ, превзойти его. Поэтому, и въ будущемъ не можетъ быть недостатка въ идеализмѣ; но, послѣ того, какъ изгладятся національныя особенности, что̀ произойдетъ, разумѣется, весьма медленно и незамѣтно, идеализмъ этотъ приметъ новый видъ и будетъ относится къ инымъ объектамъ. Вмѣсто національнаго явится *вселенскій* (космополитическій) идеализмъ; онъ проявится во вселенскихъ религіи, искусствѣ и литературѣ. Латинскій шрифтъ уже теперь, хотя и весьма медленно, понемногу завоевываетъ міръ—въ этомъ едва ли можно усомниться. Далѣе, несомнѣнно, что извѣстные языки, напр., нѣмецкій, англійскій (и русскій) постепенно распространяются, тогда какъ другіе, какъ, напр., испанскій и французскій, утрачиваютъ свое распространеніе, а есть и такіе, какъ, напр., языкъ басковъ, кельтскіе языки, нѣкоторыя славянскія нарѣчія, какъ, напр., лужицкое, почти вымерли; нѣкоторыя, какъ, напр., чешскій и мадьярскій языки напрасно

еще борются съ своей судьбой частью насильственными средствами [1]), такъ что число языковъ на земномъ шарѣ несомнѣнно убываетъ.

Но съ вселенскимъ ихъ началомъ (космополитизмомъ) соединяется еще другое стремленіе, ведущее борьбу съ націонализмомъ, а именно *индивидуализмъ*. Уже въ концѣ средневѣковаго періода индивидуализмъ началъ свою работу. Все, что прежде было въ рукахъ профессіональныхъ корпорацій, теперь перешло въ руки выдающихся личностей, безъ различія круга, изъ котораго они вышли. Въ древности и въ средніе вѣка существовали лишь типы извѣстныхъ землячествъ и корпорацій. Периклъ могъ блистать лишь какъ аѳинянинъ, Цезарь лишь какъ римлянинъ, Вальтеръ фонъ-деръ Фогельвейде лишь какъ странствующій рыцарь, Ѳома Аквинскій лишь какъ монахъ; внѣ этихъ сферъ великіе умы древности и среднихъ вѣковъ были бы невозможны. Личность новаго времени начинается изолироваться съ Данте. Его произведеніе не есть тэма флорентинскаго гражданина: это міровое произведеніе, такъ что въ другомъ отечествѣ пришлось бы только посадить другихъ людей въ адъ и въ огненную печь. Тѣмъ не менѣе, Данте все еще находится въ основѣ дуализма, двойственности папства и императорства. Свободнѣе и чаще выступаютъ универсальные умы, не связанные ни сословіемъ, ни опредѣленнымъ отечествомъ, ни горизонтомъ опредѣленной эпохи, но представляющіе человѣчество, какъ цѣлое, уже въ XV вѣкѣ, еще болѣе въ XVI и слѣдующихъ вѣкахъ. Какое дѣло намъ, какова была профессія и родина Коперника, Колумба, Лютера, Рафаэля, Сервантеса, Шекспира? Даже національность этихъ великихъ умовъ придаетъ ихъ произведеніямъ лишь извѣстный колоритъ и ни мало не вліяетъ на ихъ міровое значеніе. Знаменитости древности и среднихъ вѣковъ, собственно говоря,

---

[1]) Едва ли доводы автора удачны. Въ средніе вѣка, во всей западной Европѣ былъ *одинъ* литературный языкъ—латинскій, тогда какъ теперь ихъ десятокъ. Чешскій языкъ не вымираетъ, а, наоборотъ, въ качествѣ литературнаго возродился и процвѣтаетъ; на нашихъ глазахъ возникла болгарская литературная рѣчь; датская литература сравнительно недавно отдѣлилась отъ норвежской; даже отдѣльныя нарѣчія не погибаютъ, а возрождаются, какъ, напр., малороссійское, лишь недавно получившее въ Россіи право гражданства и достигшее значительнаго разцвѣта въ Галичинѣ. Вообще, доводы автора въ пользу грядущаго слiянія всѣхъ культуръ въ одну очень слабы; увеличеніе общенія и солидарности націй вовсе не требуетъ полнаго однообразія; по крайней мѣрѣ, авторъ не доказалъ противнаго, да и онъ самъ признаетъ, что разнородность, въ концѣ концовъ, даже усилится, хотя и не на національной почвѣ. *Ред.*

не могли создать ничего новаго; они лишь усиливали то, что постепенно развивалось въ ихъ отечествѣ или въ ихъ профессіональномъ кругу. Умы новаго времени, наоборотъ, внесли новыя мысли въ міръ, внесли то, о чемъ прежде никто не смѣлъ и помыслить [1]). Это поворотный пунктъ, слишкомъ мало обращавшій на себя вниманіе, и это направленіе все болѣе усиливается. Культъ выдающихся личностей развивается все болѣе въ литературѣ, въ искусствѣ и въ политикѣ и навѣрное проложитъ далѣе свой уже намѣченный путь.

Этимъ, въ общихъ чертахъ, намѣченъ необходимый *ходъ* исторіи культуры. Но что касается *содержанія*, то опредѣлить его слѣдуетъ такимъ образомъ: исторія культуры разсматриваетъ то, что, независимо отъ законовъ природы, создано, развито, разработано, т. е. что касается всего крупнаго и значительнаго, относящагося къ мыслящимъ существамъ. Исторія культуры есть изображеніе великихъ и важныхъ событій и состояній въ человѣческой жизни, не объяснимыхъ законами природы. Она содержитъ повѣствованіе о томъ, что совершено человѣкомъ, безъ побужденій со стороны природы; она есть „исторія“ въ наивысшемъ чистѣйшемъ смыслѣ этого слова. Менѣе значительное, обыкновенное и обыденное, насколько оно вообще стоитъ сохраненія въ памяти людей, относится къ исторіи культуры въ указанномъ крупномъ масштабѣ, какъ отдѣльныя явленія природы къ природѣ какъ цѣлому. Все это предметы отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя, если вставить ихъ въ исторію культуры, затруднятъ ея полетъ. Всѣ подробности принадлежатъ къ этимъ второстепеннымъ изображеніямъ, относящимся къ исторіи культуры, какъ планеты къ солнцу. Такими планетами въ исторической дѣятельности являются такъ наз. политическая исторія, т. е. исторія развитія власти, разсматриваемая въ деталяхъ, далѣе—исторія права, исторія торговли, промышленности, открытій, изобрѣтеній, сельскаго хозяйства, костюмовъ, жилищъ, религіи, культа, искусствъ, литературы и наукъ во всѣхъ ихъ личныхъ и мѣстныхъ проявленіяхъ. Всѣ эти отрасли знанія коренятся въ исторіи культуры и въ ней же увѣнчиваются; исторія эта содержитъ наиболѣе достойное познанія изъ всѣхъ этихъ областей, а именно то, что содѣйствовало усовершенствованію человѣчества.

[1]) Здѣсь авторъ снова преувеличиваетъ. Развѣ мысли пиѳагорейцевъ, отвергавшихъ неподвижность земли, не были еще болѣе „новыми“, нежели мысль Коперника, знавшаго о пиѳагорейцахъ? Такую же односторонность обнаруживаетъ авторъ, разсуждая о культѣ героевъ. *Ред.*

Такой идеалъ исторіи культуры, конечно, еще долгое время будетъ ожидать своего мастера и арену придется предоставить болѣе или менѣе счастливымъ піонерамъ. Однако, уже честное стремленіе „стоитъ пота благороднаго человѣка“.

Географическое перемѣщеніе культуры [1]).

Есть мыслители, усматривающіе въ движеніи вселенной и въ исторіи человѣчества разумный порядокъ. Такіе люди не безъ основанія могли бы утверждать, что Старый Свѣтъ пользуется особымъ покровительствомъ Провидѣнія. Въ трехъ совершенно различныхъ какъ по внѣшности, такъ и по пространственному протяженію, формахъ, проявляется суша на земномъ шарѣ. Австралійскій материкъ, съ многочисленными тучами острововъ, покрывающихъ синее Южное море, этотъ материкъ, гдѣ люди, животныя и растенія сохраняютъ еще видъ ископаемыхъ формъ, можетъ быть оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Такимъ образомъ, остается лишь сравненіе между такъ называемымъ Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Физическое превосходство перваго надъ вторымъ извѣстно и общепризнано, какъ относительно строенія и географическаго распредѣленія, такъ и относительно населяющихъ его животныхъ и мучнистыхъ злаковъ. Лишь въ необычайной роскоши формъ относительно растительнаго міра новый континентъ, повидимому, стоитъ выше прежняго. Во всякомъ случаѣ Старый Свѣтъ богаче всѣми естественными и искусственными пособіями культуры, содѣйствующими людямъ въ борьбѣ за существованіе. Весьма естественнымъ послѣдствіемъ является также превосходство умственныхъ силъ по эту сторону океана, сравнительно съ туземцами Новаго Свѣта, гдѣ культура преслѣдовала совсѣмъ иныя цѣли и привела къ совершенно отличающемуся отъ нашего оригинальному развитію.

Присмотримся сначала къ Старому Свѣту. Придется сказать, что все, происшедшее здѣсь развитіе культуры, разыгралось въ области, которую можно, если сдѣлать даже значительныя прирѣзки, ограничить тропикомъ Рака на югѣ и 60^0 широты на сѣверѣ. Арена всего нашего культурнаго развитія заключена поэтому между широтою Стокгольма или Петербурга и градусомъ параллели, проходящимъ черезъ Мекку и, находящимся на какихъ-нибудь 16 нѣмецкихъ миль

[1]) Эта глава написана проф. Бюхнеромъ.

къ югу отъ тропика Рака. Но колыбель культуры слѣдуетъ искать на востокѣ. На крайнемъ востокѣ, тамъ, гдѣ Тихій океанъ омываетъ берега Стараго Свѣта, уже въ сѣдую старину теплится искра своеобразной китайской культуры. Нѣсколько позднѣе, а можетъ быть и одновременно съ Китаемъ, возникаетъ арійская культура на берегахъ могучаго Ганга, вытекающаго изъ священныхъ озеръ Гималая. Къ западу, на иранскомъ плоскогорьѣ и въ примыкающей къ нему месопотамской низьменности возникли также въ самой отдаленной древности государства, основанныя народами, употреблявшими клинообразныя письмена, вавилонянами, ассиріянами, мидянами и персами, съ ихъ цивилизаціей, внѣдрившейся глубоко въ Малую Азію, въ настоящее время пришедшую въ полный упадокъ. На сирійскомъ берегу, омываемомъ волнами Средиземнаго моря, жили уже въ древности одушевленные торговымъ духомъ израильтяне и финикіяне, тогда какъ далѣе къ югу, въ африканской нильской странѣ возникла, быть можетъ, древнѣйшая изъ всѣхъ достовѣрно извѣстныхъ намъ культуръ. Лишь гораздо позднѣе культура эта утвердилась на лежащихъ надъ моремъ, сіяющихъ весельемъ поляхъ Греціи и Италіи, надъ которыми поднимается почти вѣчно ясный лазурный небесный сводъ. Въ древности Римъ былъ конечнымъ пунктомъ всякаго культурнаго развитія. Все, что можно сказать объ оригинальной культурѣ къ западу отъ Италіи, едва ли можетъ выдержать хотя какое-либо сравненіе съ указаннымъ выше.

Мысленное перемѣщеніе отъ береговъ Гоанго къ берегамъ Тибра въ то же время указываетъ и на приблизительное шествіе культуры въ древности. За единственнымъ существеннымъ исключеніемъ Египта, который, повидимому, никѣмъ не превзойденъ по древности культуры и можетъ быть еще за исключеніемъ Ирана, культура подвигается съ поразительною правильностью по направленію видимаго движенія солнца съ востока на западъ. При этомъ необходимо замѣтить своеобразное предпочтеніе, оказываемое этимъ движеніемъ около-тропическимъ (субтропическимъ) странамъ: никогда оно не переступаетъ 40° сѣв. широты и лишь въ самое послѣднее время переходитъ эту границу въ Римѣ (42° сѣв. ш.). Лишь въ средневѣковую эпоху культура медленно пролагаетъ себѣ путь сначала далѣе на западъ, а затѣмъ постепенно также на сѣверъ. По очереди слѣдуютъ Испанія, Франція, Англія, Германія.

Это поступательное движеніе, первоначально со востока на западъ, внушило многимъ ученымъ мысль объ общемъ кругосвѣтномъ движеніи культуры. Они усмотрѣли продолженіе этого движенія черезъ океанъ въ волшебную страну— Америку, откуда, по ихъ мнѣнію, быть можетъ чрезъ посредство австралійскаго моста, культура возвратится въ свое первичное мѣстопребываніе, чтобы вновь повторить свой круговоротъ. Но подобныя догматическія представленія очень трудно согласовать съ фактами. Не видимъ ли мы въ настоящее время, что въ ходѣ культуры наступилъ поворотный пунктъ, о чемъ слишкомъ часто забываютъ! Достигнувъ Атлантическаго океана, ходъ культуры повернулъ въ понятномъ направленіи къ болѣе сѣвернымъ странамъ. Въ то время, какъ злополучная Испанія близка къ погибели, а Франція и Англія потерпѣли сильные удары, Германія достигла необычайнаго разцвѣта. Настоящія сѣверныя государства сохраняютъ однажды добытую ими культуру, а на востокѣ находятся народы, все болѣе стремящіеся вступить на путь, переданный имъ по наслѣдству ихъ западными сосѣдями, и даже вносятъ добытое глубоко внутрь Азіи, до самыхъ древнихъ мѣстопребываній минувшаго величія. Такимъ образомъ, теперь въ самомъ Старомъ Свѣтѣ мы видимъ движеніе культуры съ запада на востокъ, противоположное прежнему движенію, тогда какъ американская и англо-австралійская культура довольствуется собою и о ея проникновеніи далѣе въ западномъ направленіи нѣтъ и рѣчи. Въ противоположность представителямъ космополитическихъ воззрѣній [1]), мы, поэтому, твердо придерживаемся того мнѣнія, что культурное развитіе тѣсно связано съ крупными материками и что отдѣльныя культурныя области въ своей исторіи подвержены лишь общему закону происхожденія, бытія и погибели, который господствуетъ также надъ всякимъ отдѣльнымъ существомъ въ природѣ и въ исторіи. Для Европы, во всякомъ случаѣ, эпоха, когда наступитъ упадокъ ея культуры и когда руководящая роль перейдетъ съ другой части свѣта,— эта эпоха еще очень отдаленна. Если на самомъ дѣлѣ,—въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго и что многіе признаютъ весьма вѣроятнымъ,—если европейское культурное развитіе погибнетъ вслѣдствіе ужасной міровой войны между европейскими государствами, или по крайней, мѣрѣ, будетъ за-

[1]) Сравн. предыдущую статью О. Генне амъ Рина. *Ред.*

держано на долгое время, то намъ придется лишь утѣшиться мыслью, что самая культура приэтомъ все же не погибнетъ, но перейдетъ въ другую, болѣе счастливую часть свѣта, населенную также европейскими расами: тамъ безпримѣрное развитіе и неисчерпаемыя средства позволятъ блестящимъ образомъ воскресить эту утраченную культуру.

Первыя начала культуры.

Происхожденіе и развитіе языка.

Мы не можемъ задаться цѣлью рѣшить трудный вопросъ о происхожденіи языка: ограничимся сводкою изслѣдованій по этому предмету. Много въ этой области, правда, не является результатомъ положительнаго изслѣдованія, но составляетъ выводъ чистаго умозрѣнія; значеніе этого вывода основано на „внутренней вѣроятности“ и еще болѣе на аналогіи съ явленіями въ животномъ мірѣ, съ которыми человѣчество неразрывно связано. Однако и тотъ, кто отвергаетъ подобную аналогію, долженъ, по крайней мѣрѣ, признать, что люди образовали уже нѣкоторое сообщество, когда возникъ языкъ для взаимнаго пониманія. Происхожденіе языка, въ новѣйшее время, по причинѣ импульса, даннаго теоріей развитія, часто становилось предметомъ подробныхъ изслѣдованій, не приведшихъ, однако, ни къ какому общепринятому выводу. Можно признать лишь за достовѣрное, что, въ виду рѣзкихъ различій между языками, господствующими въ разныхъ областяхъ земного шара, всѣ попытки найти общій источникъ человѣческой рѣчи приводили пока къ отрицательному результату. Прежняя мысль о существованіи всеобщаго человѣческаго языка находила тѣмъ меньше послѣдователей, чѣмъ далѣе подвигались по пути сравнительнаго языкознанія. Этотъ первобытный языкъ былъ и остается вымысломъ фантазіи, хотя порою все еще находятся лингвисты, возвращающіеся къ попыткамъ возстановить его. Поэтому, почти всѣ теперь признаютъ, что древнѣйшій человѣкъ не обладалъ членораздѣльною рѣчью. Этотъ безсловесный человѣкъ, Homo alalus, какимъ его признаютъ не только Гэккель, но и лингвисты, вродѣ Шлейхера, Ф. Мюллера и др., представляетъ родъ посредствующаго звена между человѣкомъ, одареннымъ словомъ, и антропоморфными. Разумѣется,

этотъ Homo alalus не былъ глухонѣмымъ; онъ былъ способенъ выражать жестами и нечленораздѣльными звуками свои потребности, чувствованія, настроенія; онъ могъ сообщаться съ себѣ подобными, какъ сообщаются уже животныя. Безъ сомнѣнія, психическія состоянія первобытнаго человѣка не заходили за предѣлы такихъ чувствъ и потребностей, которыя вполнѣ могли выражаться указанными средствами, о чемъ можно заключить по аналогіи съ животными. Въ эпоху существованія „безсловесныхъ“ людей не могло еще быть народностей, но были расы.

Вопросъ, какъ и какимъ образомъ изъ этого безсловеснаго первобытнаго человѣка развился говорящій человѣкъ,— это задача, надъ которой ломали голову многіе ученые. Во всякомъ случаѣ, должно было пройти весьма много времени, прежде чѣмъ совершилось такое превращеніе, и если есть сомнѣнія на счетъ способовъ, то, какъ замѣчаетъ Летурно, невозможно сомнѣваться въ самомъ фактѣ. Развѣ такое же превращеніе не совершается ежедневно передъ нашими глазами? Развѣ безсловесный младенецъ не превращается въ говорящаго человѣка? Никто не скажетъ, конечно, чтобы новорожденное дитя обладало способностью членораздѣльной рѣчи. Тотъ, кто признаетъ, что способность рѣчи радикально отличаетъ человѣка отъ животныхъ, долженъ, чтобы остаться послѣдовательнымъ, признать новорожденнаго не человѣкомъ. Правда, маленькія дѣти и въ другомъ отношеніи не похожи на людей: развѣ ихъ можно считать „двуногими“ существами, пока они продолжаютъ ползать на четвереренькахъ?

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что существуютъ безсловесные люди, и не только наши грудные младенцы лишены дара слова, но и нѣкоторые взрослые идіоты. Сверхъ того, извѣстны достовѣрные примѣры, показывающіе, что человѣкъ, выросшій безъ всякаго воспитанія и безъ общенія съ людьми, остается безсловеснымъ и издаетъ одни лишь нечленораздѣльные звуки. Даже болѣе того: люди, одаренные способностью рѣчи и разумомъ и вынужденные жить въ полнѣйшемъ одиночествѣ, постепенно утрачиваютъ даръ слова,—не говоря уже о глухонѣмыхъ, какъ явленіи ненормальномъ. Безсловесность маленькихъ дѣтей можно признать прямымъ доказательствомъ существованія древняго Homo alalus.

Что касается собственно происхожденія членораздѣльной рѣчи, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это пріобрѣтеніе произошло медленно и постепенно, начавшись

съ грубѣйшихъ зачатковъ и лишь постепенно достигнувъ нынѣшняго совершенства. Какъ и все на свѣтѣ, каждый языкъ имѣетъ свое начало, эпоху роста, развитія и прогресса и, наконецъ, эпоху упадка. Языкъ развивался по такимъ же законамъ необходимости и такъ же опредѣленно, какъ и тѣло, и духъ человѣка; онъ возникъ первоначально изъ нечленораздѣльныхъ, сопровождаемыхъ жестами звуковъ или криковъ, выражавшихъ радость, боль, печаль, удовольствіе и т. п. Сначала образовались, по всей вѣроятности, лишь восклицанія, выражающія ощущенія и чувствованія, съ существеннымъ пособіемъ интонаціи и мимики; вслѣдъ затѣмъ явились подражательные звуки (ономатопоэ), при чемъ подражали звукамъ природы.

Дарвинъ полагаетъ, что, подобно тому, какъ теперь у гиббоновъ, подражаніе музыкальнымъ звукамъ помощью членораздѣльныхъ звуковъ послужило началомъ словамъ, выражавшимъ разныя сложныя возбужденія. У обезьянъ, у нашихъ дѣтей и у дикарей, какъ извѣстно, развита страсть къ подражанію; эта страсть, вѣроятно, играла существенную роль въ дѣлѣ происхожденія языка, какъ средства взаимнаго пониманія. Основнымъ элементомъ, однако, является крикъ, издаваемый подъ вліяніемъ ощущенія или чувства.

Подобно тому, какъ въ психическомъ отношеніи различіе между человѣкомъ и высшими животными имѣетъ скорѣе качественный характеръ, нежели количественный, такъ и человѣческая рѣчь отличается отъ языка животныхъ, какъ продуктъ дальнѣйшаго развитія, основываясь на способности выраженія весьма распространенной въ животномъ мірѣ [1]). Само собою разумѣется, что нельзя, игнорируя постепенность эволюціи, прямо сопоставить наиболѣе развитую форму языка съ звуками, издаваемыми животными. Прошло много тысячелѣтій, прежде чѣмъ человѣкъ, путемъ рудиментарнаго сочетанія или послѣдовательности отдѣльныхъ словъ и корней безъ всякаго обозначенія лица, рода, чиселъ и т. п., достигъ синтетической формы языка. Бликъ [2]) полагаетъ, что для развитія языка понадобилось *по малой мѣрѣ* 100000 лѣтъ, а для германскихъ языковъ отъ 30 до 50000 лѣтъ: эти числа почти согласуются съ выводами Мортилье, относящимися къ первобытной культурѣ. Извѣстный филологъ Шлейхеръ [3]) придерживается того мнѣнія, что до-историческое существованіе языка гораздо продолжительнѣе историческаго, и что, вѣроятно, въ до-историческое время погибло гораздо болѣе оставшихся намъ совершенно неизвѣстныхъ языковъ, чѣмъ сколько ихъ существуетъ до сихъ поръ. Впрочемъ, также этотъ авторъ высказывается въ томъ смыслѣ, что исходная точка всѣхъ вообще языковъ, а именно такъ наз. знаменательные звуки (Bedeutungslaute) или простые звуковые образы, или звуковыя формы интуицій, представленій, понятій и т. д. были безъ всякаго грамматическаго значенія. Эти начала изъ корня первоначально образовались во множествѣ, однако, всюду нормально одинаковымъ образомъ, совершенно такъ же, какъ образуются органическія клѣтки; такъ что, правда, слѣдуетъ допустить безчисленное количество первобытныхъ языковъ, но для всѣхъ ихъ надо принять одинаковую форму развитія. Это сходно съ образованіемъ простѣйшихъ формъ органической жизни, о которыхъ трудно сказать, животныя ли они или растенія, хотя образованіе всѣхъ ихъ болѣе или менѣе сходно.

[1]) Сравн. Dr. C. Francke въ Kosmos, 1886, стр. 98 и слѣд.
[2]) Bleck, Origin of Languages (нѣм. перев., 1868 г.).
[3]) A. Schleicher, Die Darwin'sche Theorie und die Sprachwissenschaft, 1863.

Во всякомъ случаѣ, первоначально господствовало такое разнообразіе языковъ, что даже сосѣдніе народы или племена, какъ въ настоящее время у индѣйцевъ Скалистыхъ горъ или въ Ю. Америкѣ, а также у горцевъ Кавказа и у австралійцевъ, не понимаютъ другъ друга. Вѣроятно, существовало чудовищное количество „семейныхъ языковъ“, при чемъ на каждомъ говорило ничтожное количество людей— семейныя группы; количество такихъ языковъ уменьшилось прежде всего благодаря соединенію этихъ семейныхъ группъ въ болѣе крупные союзы, напр. въ племена и народы. Этотъ процессъ сліянія объясняетъ также безъ труда то своеобразное обстоятельство, что языки некультурныхъ народовъ, при бѣдности ихъ въ другихъ отношеніяхъ и при отсутствіи названій для большей части абстрактныхъ понятій, отличаются замѣчательнымъ богатствомъ такъ назыв. гомонимами, или словами, обозначающими одно и то же понятіе или предметъ, при чемъ большинство такихъ названій или пріобрѣтаютъ новый смыслъ, или совсѣмъ выходятъ изъ употребленія. Во всякомъ случаѣ, для проведенія сравненія между языкомъ животныхъ и человѣка, необходимо дать отвѣтъ на вопросъ, обладаютъ-ли животныя для взаимнаго пониманія какимъ-либо языкомъ, аналогичнымъ человѣческому и отличающимся отъ него не по *роду*, а по *степени*. Собственно говоря, от-

вѣтъ на этотъ вопросъ содержится уже въ допущеніи животнаго происхожденія самого человѣка. Дѣйствительно, такъ какъ невозможно допустить, чтобы различіе между языкомъ человѣка и животныхъ превышало разницу между душою человѣка и животныхъ, и такъ какъ существуетъ лишь связный прогрессъ органическаго и душевнаго развитія во всей области живыхъ существъ, и трудно допустить гдѣ-либо перерывъ или скачокъ въ развитіи, то слѣдуетъ признать, что и языкъ животныхъ коренится на той же почвѣ, какъ и языкъ человѣка. Но даже независимо отъ этихъ теоретическихъ основаній, прямое сопоставленіе, основанное на наблюденіяхъ вродѣ тѣхъ, какія были произведены Іэгеромъ и Дж. Ромэнсомъ, приводятъ къ тому же выводу [1]).

Существенной опорой для развитія способности рѣчи было постепенно утвердившееся прямостоячее положеніе, при чемъ грудь пріобрѣла способность болѣе свободнаго выдыханія, необходимаго во время рѣчи и пѣнія. Это болѣе свободное развитіе движеній грудной клѣтки отсутствуетъ у четвероногихъ, тогда какъ болѣе прямостоячая поза птицъ дозволяетъ имъ болѣе свободное употребленіе голосовыхъ органовъ. Изъ числа млекопитающихъ можно, однако, указать на гиббона, какъ животное, всего легче и охотнѣе принимающее прямостоячее положеніе на землѣ; и какъ разъ гиббонъ всего способнѣе къ употребленію своихъ голосовыхъ органовъ. Одинъ видъ гиббона, именно Hylobates agilis, есть, быть можетъ, единственное млекопитающее, о которомъ можно сказать, что оно *поетъ*. Интервалы весьма музыкальныхъ звуковъ, издаваемыхъ этими обезьянами, различаются между собою на полутоны, а полная школа обнимаетъ октаву. „Смѣло могу сказать,—пишетъ Брэмъ,—что я никогда еще не слышалъ голоса млекопитающаго, исключая человѣка, болѣе полнозвучнаго и музыкальнаго, нежели голосъ этой длиннорукой обезьяны. Сначала я былъ изумленъ, затѣмъ восхищенъ“. Конечно, всякій видъ животнаго, смотря по образу жизни и способамъ перемѣщенія и сохраненія покоя, вырабатываетъ различныя привычки выдыханія, въ свою очередь, опредѣленнымъ образомъ дѣйствующія на образованіе голоса.

Развитіе языка происходило одновременно и въ сочетаніи съ развитіемъ мозга и органовъ рѣчи. Даръ слова, безспорно, образуетъ существенный факторъ въ развитіи человѣческаго духа. Дѣйствительно, языкъ есть тотъ элементъ этого развитія, котораго впервые начинается образованіе представленій и понятій, стало быть, настоящее явленіе.

[1]) Сравн. Romanes, Mental Evolution in Animals и его же Animal intelligence и Jäger, Aus Natur und Menschenleben. Leipz. 1893.

Понятіе возникаетъ посредствомъ слова. Языкъ создалъ разумъ и обратно, разумъ создалъ языкъ. Рѣчь и мысль дополняютъ и совершенствуютъ другъ друга взаимно; поэтому, греческое слово *логосъ* обозначаетъ въ одно и то же время и рѣчь, и разумъ. При посредствѣ языка человѣческая душа возвысилась надъ душою животнаго; лишь съ пріобрѣтеніемъ дара слова, человѣкъ отдѣлился отъ животныхъ. Хотя очевидно неправильно утвержденіе нѣкоторыхъ лингвистовъ, будто безъ способности рѣчи вообще невозможно мышленіе, тѣмъ не менѣе, остается справедливымъ, что языкъ, въ своемъ постепенномъ развитіи, былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ „очеловѣченія“ и столько же содѣйствовалъ психическому развитію, какъ и обратно, испытывалъ его содѣйствіе. Лишь съ достиженіемъ, быть можетъ весьма поздно пріобрѣтенной, способности рѣчи, человѣкъ могъ выступить на арену исторіи въ своемъ настоящемъ человѣческомъ достоинствѣ. Лишь членораздѣльная рѣчь, въ связи съ лучшимъ развитіемъ гортани, органовъ рѣчи и мозга и совмѣстно съ прямостоячимъ положеніемъ и улучшеннымъ употребленіемъ рукъ, — лишь все это сдѣлало человѣка тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Въ особенности же изслѣдованія анатомовъ и патологовъ, занимавшихся изученіемъ мозга, показали, что человѣческій мозгъ обладаетъ на своей поверхности особымъ органомъ рѣчи, который — вполнѣ или отчасти—отсутствуетъ даже у самыхъ высшихъ животныхъ, а у человѣка выработался подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Если этотъ органъ отсутствуетъ или вырождается отъ болѣзни, то наступаетъ афазія, неспособность рѣчи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что крупныя человѣкообразныя обезьяны не могутъ говорить, не смотря на существованіе у нихъ голосовыхъ органовъ, сходныхъ съ человѣческими, и мозга, вообще весьма сходнаго съ человѣческимъ, но менѣе развитаго какъ разъ въ переднихъ доляхъ.

Ледниковая эпоха [1])

Эпоха отъ конца третичнаго періода до нашихъ дней чрезвычайно коротка, если сравнить ее съ чудовищною продолжительностью болѣе раннихъ эпохъ исторіи земли. Она, однако, достаточно продолжительна, если сравнить ее съ какими-нибудь нѣсколькими тысячелѣтіями культурной традиціи человѣчества.

Ожидать весьма крупныхъ перемѣнъ въ очертаніяхъ суши мы здѣсь не можемъ. Въ концѣ послѣдняго отдѣла третичной эпохи, т. е. пліоцена, суша и море окончательно устанавливаются въ ихъ главныхъ очертаніяхъ. Такимъ образомъ, само собою становится невозможнымъ отложеніе посреди нашихъ континентовъ мощныхъ морскихъ осадковъ, которые, затвердѣвъ въ плотную породу, могли бы оставить такіе внушительные памятники, какъ это мы видимъ для болѣе древнихъ геологическихъ эпохъ. Заложены уже, какъ продукты третичнаго періода, всѣ важнѣйшія и высочайшія горныя цѣпи и хотя смѣна поднятій и опусканій все еще продолжается, хотя вытеканіе вулканическихъ массъ и трещинъ все еще не прекращается, но во всякомъ случаѣ наступаетъ періодъ сравнительнаго покоя во всемъ, что касается сдвиговъ, сжатія и измѣненія формы частей коры земного шара. Тѣмъ не менѣе, само собою разумѣется, что продолжительный рядъ тысячелѣтій (если выбрать даже наименьшую возможную мѣру времени) проходитъ не безслѣдно, такъ какъ мы знаемъ, что передъ нашими глазами одно какое-либо тысячелѣтіе, изслѣдованное исторически, представляетъ рядъ глубокихъ перемѣнъ. Неутомимо гложетъ воздушная оболочка земли находящуюся подъ нею твердую почву. То, что создалъ третичный періодъ, теперь неумолимо разрушается. Причудливо нагроможденныя вершины новыхъ горъ подвергались еще во время появленія на свѣтъ дѣйствію вывѣтриванія. Не удивительно, если у нихъ подошвы въ теченіе послѣ-третичныхъ эпохъ нагромоздились колоссальныя массы валуновъ и вершины пришли въ состояніе разрыхленія. Равнины, частью освободившіяся лишь въ позднія третичныя эпохи и вновь

[1]) Эта глава принадлежитъ В. Бельше (W. Bölsche, Entwickelungsgeschichte der Natur) и составляетъ *добавленіе* русскаго изданія.

отторгнутыя отъ моря, покрылись наносными слоями отъ дѣйствія рѣкъ и отъ песковъ, нанесенныхъ вѣтрами,—явился первый слой новой формаціи или системы; именно по своей юности онъ представляется намъ яснѣе, чѣмъ всѣ другіе слои, когда идетъ рѣчь о картинѣ равнинной поверхности. Когда эти четвертичные наносы называютъ общимъ именемъ „дилювія“, то не слѣдуетъ думать, что рѣчь идетъ о дилювіи, т. е. всемірномъ потопѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Эти наносы образовались посредствомъ процессовъ, которые мы можемъ и теперь наблюдать повсемѣстно. Для человѣка юный дилювій необычайно важенъ. Основательно назвали его „хлѣбной формаціей“ по тому значенію, которое онъ имѣетъ для нашего почвеннаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ онъ представляется намъ еще тѣснѣе связаннымъ съ настоящею эпохой. А когда намъ говорятъ, что въ глинѣ дилювія погребены также древнѣйшія остатки первобытной человѣческой культуры, то, кажется, исчезаетъ послѣдняя граница: отъ золотистой нивы нашихъ дней взоръ проникаетъ до предѣловъ третичнаго періода; всюду онъ видитъ одну и ту же тихо копошащуюся и ведущую борьбу работу природы, тогда какъ человѣкъ грандіозно развивается отъ жалкихъ зачатковъ до блестящаго экономическаго пользованія дарами и свойствами природы.

На землѣ есть довольно мѣстъ, гдѣ дѣйствительно третичный періодъ приводитъ, путемъ незамѣтныхъ переходовъ, къ настоящему. Въ достопамятныхъ пампасовыхъ отложеніяхъ Южной Америки, гдѣ человѣкъ—быть можетъ, древнѣйшій изъ всѣхъ пока извѣстныхъ людей—охотился за мегатеріями, макрауxеніями и токсодонтами и сооружалъ хижины изъ твердаго, какъ камень, исполинскаго панцыря глиптодона—въ этихъ отложеніяхъ нигдѣ нельзя провести рѣзкой геологической границы и лишь древнія вымершія животныя формы обозначаютъ разрывъ между дилювіемъ и современной эпохой—впрочемъ, не внезапный разрывъ, а скорѣе переходъ, пережитый самимъ человѣкомъ. Такое постепенное вымираніе древнихъ формъ безъ рѣзкихъ измѣненій почвы замѣчательно: оно указываетъ на условія въ борьбѣ за существованіе, еще не выясненныя нашей наукой. Однако, въ общемъ, мы остаемся здѣсь въ рамкахъ спокойнаго постепеннаго развитія. Также у насъ въ Европѣ при подобномъ спокойномъ переходѣ отъ третичнаго періода къ новѣйшему, не понадобилось бы рѣзкаго разрыва. Пліоценовая Европа, климатъ которой прибли-

зительно соотвѣтствовалъ нынѣшнему, давала еще пріютъ крупнымъ слонамъ—южному слону и древнему слону,—а также бегемоту. Можно было бы предположить, что эти животныя медленно выселились въ неотдѣленную еще отъ Европы Африку или же вымерли еще по эту сторону Средиземнаго моря. Хорошую аналогію съ этимъ представляетъ левъ; еще въ историческую эпоху въ Ю. Европѣ жили львы, не отличавшіеся отъ нынѣшнихъ западно-азіатскихъ и африканскихъ, но теперь, повидимому, послѣдовавшіе за слонами. Однако на самомъ дѣлѣ въ сѣверномъ полушаріи, и въ томъ числѣ въ Европѣ, событія вовсе не протекли такъ гладко. Наоборотъ, великое и поразительное явленіе разрываетъ здѣсь стадіи развитія. Посмотримъ, каковы слѣды этого явленія.

Передъ зданіемъ Берлинскаго музея красуется огромная гранитная чаша. Глыба, изъ которой сдѣлана эта чаша, привезена изъ окрестностей Фюрстенвальде, гдѣ нѣсколько такихъ глыбъ, длиною отъ $5\frac{1}{2}$ до 8 метровъ, украшали лѣсъ. Какимъ образомъ попали подобныя глыбы въ песчаную область, гдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ гранитныхъ вершинъ? Мѣстность представляетъ всюду признаки дилювіальной глины. Какъ бы мы ни представляли себѣ происхожденіе этой части сѣверогерманской низменности, всего здѣсь можно было бы ожидать, кромѣ гранитныхъ массъ. Даже въ глубоко лежащихъ слояхъ, какъ, напр., въ Рюдерсдорфѣ подлѣ Фюрстенвальде, мы находимъ древнія осадочныя породы вторичной эры, но ни въ какомъ случаѣ не гранитъ. А между тѣмъ оказывается, что весь сѣверогерманскій дилювій буквально напичканъ совершенно неправильно разбросанными каменными глыбами родственнаго характера—гранитами, гнейсами, порфирами, содержащими ископаемыя обломками силурійской системы и т. п. Эти глыбы не могли быть вымыты изъ глубины, не могли также свалиться съ горъ, такъ какъ подходящихъ горъ здѣсь нигдѣ нѣтъ. Гранитныя глыбы въ Фюрстенвальде замѣчательны лишь своей величиною; меньшія глыбы и мелкіе валуны валяются всюду, болѣе или менѣе прочно укрѣпленные въ почвѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ, когда уже процвѣтала культура, но еще не имѣли понятія о геологіи; поселянинъ, которому эти камни мѣшали пахать, могъ утѣшать себя развѣ мыслью, что эти твердые камни вкраплены въ хорошую землю. Особенно огромные камни, вродѣ фюрстенвальдскихъ, считались принесенными самимъ дьяволомъ. Но какъ только послышался первый лепетъ геологіи, пришлось отказаться отъ бабьихъ сказокъ и дать хотя подобіе объясненія.

Первая мысль была та, что надо обратиться къ ближайшимъ настоящимъ горамъ. Такими оказались срединныя германскія горы—правда, онѣ находятся немножко далеко, но все же это родина большихъ рѣкъ, текущихъ по низменности и наносящихъ глину, въ которой и оказываются приблудные камни. Попробовали допустить, что рѣки принесли всѣ эти камни. Но даже если оставимъ въ сторонѣ огромность нѣкоторыхъ глыбъ, приходится сказать, что видъ камней совсѣмъ не таковъ, какъ тѣхъ, которые округляются дѣйствіемъ воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ камни были такого вида, какъ будто прямо свалились съ крутой горы. Затѣмъ являлось еще болѣе серьезное сомнѣніе: какъ всѣ тѣ части германскихъ горъ, откуда могъ бы явиться весь этотъ матеріалъ, представляли породы, такъ же отличавшіяся отъ приблудныхъ камней, какъ, напр., раковинный известнякъ, находимый въ глубинѣ подлѣ Рюдерсдорфа. За то было найдено удивительное сходство какъ разъ съ горными породами тѣхъ мѣстностей, откуда рѣки никакъ не могли ничего принести. Путешественники-геологи, какъ, напр., Гаусманнъ (1806 г.) и Леопольдъ фонъ-Бухъ (1808) съ изумленіемъ нашли въ Скандинавіи первозданныя породы и камбрійскія, а также силурійскія отложенія, въ которыхъ находятся исполинскія плотныя массы какъ разъ изъ матеріала, разсѣяннаго въ видѣ многихъ тысячъ валуновъ и щебня по всей сѣверной Германіи. Спрашивается, откуда эта связь? О перенесеніи глыбъ длиною въ 8 метровъ (приблизительно 4 сажени) черезъ все Балтійское море не могъ бы помыслить даже самый первый „виновникъ“ этого событія—дьяволъ. А между тѣмъ, связь очевидна! Пришлось привыкнуть къ мысли, что германскіе валуны представляютъ „эрратическіе“, т. е. приблудные или, какъ иногда переводятъ, „блуждающіе“ камни. Какимъ-то непонятнымъ образомъ они *должны* были переселиться изъ Швеціи и Норвегіи черезъ море. Гипотезы вродѣ той, что въ Сѣв. Германіи происходили изверженія, при которыхъ были выброшены эти камни изъ земныхъ нѣдръ, помимо всей ихъ невѣроятности, не могли согласоваться съ очевидной аналогіей между германскими и скандинавскими валунами.

Первымъ указаніемъ ва рѣшеніе задачи было знаніе того обстоятельства, что такіе же эрратическіе валуны на-

ходятся въ другой хорошо изученной области, а именно вокругъ Альпъ. Такая задача была гораздо проще. Находили, напр., съ обращенной къ Альпамъ стороны Юрскихъ горъ колоссальныя глыбы гнейса и гранита, т. е. первозданныхъ породъ центральнаго кряжа Швейцарскихъ Верхнихъ Альпъ. Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, апріорно представлялось возможнымъ, что эти приблудные камни дѣйствительно происходили отъ настоящаго альпійскаго массива и были насильно отторгнуты лишь посредствомъ какой либо катастрофы, а затѣмъ перенесены. Сила, произведшая это перемѣщеніе, могла считаться меньшею, чѣмъ въ Сѣв. Германіи, такъ какъ здѣсь не было ни моря, ни такихъ огромныхъ разстояній. Во всякомъ случаѣ было мыслимо, что, рѣшивъ этотъ болѣе узкій вопросъ о происхожденіи эрратическихъ альпійскихъ валуновъ, удастся попасть и на слѣдъ пути скандинавско-германскихъ валуновъ, если только оба явленія можно приписать общей причинѣ.

Первымъ, кто попытался дать объясненіе для Швейцаріи, былъ Соссюръ въ концѣ прошлаго вѣка. Сила, перемѣстившая альпійскіе валуны, по его мнѣнію, происходила просто отъ чудовищнаго напора потоковъ воды. Чудовищная катастрофа, соединенная съ землетрясеніемъ, раздробившимъ скалы, будто бы внезапно освободила огромные морскіе резервуары, съ незапамятныхъ временъ замкнутые, по мнѣнію Соссюра, въ альпійской области, и воды, ниспадая, снесли валуны въ долины. Этотъ взглядъ пользовался большимъ успѣхомъ. То была эпоха господства школы Вернера, и всемогущая роль воды не представляла ничего поразительнаго; никого не изумило также предположеніе чудовищной катастрофы, а позднѣе, подъ вліяніемъ идей Кювье, эта мысль казалась даже вполнѣ въ порядкѣ вещей. Многія указанія были также прямо въ пользу перенесенія водою и, несмотря на всю искуственность гипотезы, она все же давала болѣе ясныя представленія, нежели возникшая тогда же гипотеза Долемье (Dolomieu), будто Альпы нѣкогда образовали наклонную плоскость, достигавшую мѣста, гдѣ теперь находятся валуны, такъ что эти послѣдніе по-просту скатились. Ученіе Соссюра было систематически разработано Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. Уже Соссюръ придавалъ огромное значеніе землетрясенію, освободившему замкнутыя воды. Бухъ усилилъ значеніе этого фактора, въ духѣ новой школы вулканистовъ, выступившихъ противъ нептунизма Вернеровской школы. Настоящимъ толчкомъ для разсѣянія древняго „Швейцарскаго моря“ и для перемѣщенія

всѣхъ валуновъ было, въ концѣ концовъ, поднятіе альпійскаго массива и такъ какъ это поднятіе, въ смыслѣ тогдашнихъ взглядовъ, произошло посредствомъ изверженія расплавленныхъ массъ, то въ концѣ концовъ рѣчь шла скорѣе о взрывѣ парового котла съ разбрасываніемъ осколковъ, чѣмъ о настоящемъ водопадѣ. Разъ дошли до такихъ объясненій, то для скандинавскихъ горообразованій понадобилось лишь немного усилить предполагаемое дѣйствіе, чтобы представить себѣ, что гранитные осколки, заключенные въ массы кипящаго ила, были переброшены черезъ все Балтійское море къ Фюрстенвальде. Съ другой стороны, гдѣ только возникалъ хотя нѣкоторый скептицизмъ противъ подобныхъ „геологическихъ застѣнковъ“, какъ выражался Гете, какъ разъ это чудовищное преувеличеніе гипотезы возбудило сильнѣйшія сомнѣнія. Эшеръ донъ-деръ-Линтъ, правда, торжествуя указывалъ на прорывъ одного альпійскаго озера въ кантонѣ Валлисъ, происшедшій въ 1818 г., какъ разъ во время дебатовъ, и служившій нагляднымъ хотя и миніатюрнымъ примѣромъ катастрофы, происшедшей при помощи воды. Эли де-Бомонъ привлекъ къ объясненію еще глетчеры, однако, лишь съ тѣмъ, чтобы ихъ вода, тая отъ вліянія жара, могла оказать содѣйствіе силамъ, фигурирующимъ въ геологическомъ романѣ фонъ-Буха. Однако, гипотеза не могла уже выдержать критики.

Позднѣйшія работы фонъ Буха явились одновременно съ работами Ляйэлля; этотъ ученый началъ свой побѣдоносный походъ противъ теоріи „застѣнковъ“ и катастрофъ и попытался, въ свою очередь, дать новую, гораздо простѣйшую теорію появленія сѣверо-германскихъ валуновъ, въ которой не выходилъ изъ рамокъ процессовъ, совершающихся въ природѣ передъ нашими глазами. Онъ основалъ такъ называемую теорію *дрифта*. Дрифтъ обозначаетъ по-англійски все вообще уносимое потокомъ, т. е. *наносъ*; но Ляйэлль подразумѣвалъ собственно льдины, уносимыя водою. Уже въ началѣ нашего столѣтія, берлинскій математикъ *Вреде*, хотя онъ еще наивно воображалъ, что эрратическіе валуны изъ области Одера происходятъ отъ средне-германскихъ горъ, проницательно указывалъ, что также здѣсь рѣчь идетъ о перемѣщеніи на плавучихъ льдинахъ, а не о непосредственномъ перемѣщеніи водою.

Нѣсколько позднѣе (1817 г.) Вентури предположилъ, что Верхніе Альпы были окружены морскимъ поясомъ, черезъ который движущіяся льдины перенесли валуны. Между тѣмъ

проницательные путешественники по арктическимъ странамъ, какъ, напр., Скоресби, поставили внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что въ полярныхъ странахъ постоянно обрываются колоссальныя ледяныя горы, часто включающія множество каменныхъ глыбъ до самыхъ чудовищныхъ массъ включительно. Гонимыя теченіями къ высокимъ широтамъ и тамъ плавящіяся, эти льдины переносили камни далеко отъ родины, въ мѣста, гдѣ ихъ нельзя было бы ожидать. Этими фактами воспользовался Ляйэлль въ 1830 году. Въ древнія эпохи, по его словамъ, Скандинавія обладала обширными, достигающими моря, глетчерами на своей южной сторонѣ. Отъ этихъ глетчеровъ отдѣлялись нагруженныя камнями ледяныя горы и плыли по теченію черезъ Балтійское море. Въ то время сѣвернонѣмецкая низменность находилась болѣе или менѣе подъ водою, ледяныя горы поэтому плыли еще дальше и таяли часто лишь подъ нашими широтами, такъ что ихъ скандинавскій каменный грузъ, падая на дно, попадалъ на почву нынѣшней германской сѣверной окраины; здѣсь мы ихъ находимъ и въ настоящее время.

Эта теорія „дрифта", которую въ числѣ прочихъ съ жаромъ отстаивалъ также Дарвинъ (въ 1832 году), представляла огромныя преимущества надъ теоріей катастрофы. Особенное значеніе она пріобрѣла потому, что ею впервые былъ подчеркнутъ тотъ фактъ, что, кажется, было время, когда *Скандинавія обладала гораздо болѣе мощными глетчерами, нежели теперь*. Отсюда должна была уже явиться мысль, что въ дилювіальную эпоху климатъ всей Европы былъ холоднѣе нынѣшняго. Недостаткомъ „теоріи дрифта" была ея неприменимость къ Альпамъ; однако, и для Альпъ она дала важное указаніе: если не прямо, то чрезъ посредство полярныхъ странъ она указала на глетчеры, какъ родину ледяныхъ горъ. Въ Альпахъ, гдѣ изслѣдователь всюду окруженъ глетчерами, это понятіе должно было внезапно пріобрѣсть значеніе откровенія для всей теоріи эрратическихъ валуновъ.

На ряду съ „теоріей дрифта" была теперь выставлена „теорія глетчеровъ". Ея основная мысль состоитъ въ слѣдующемъ:

Подъ „глетчеромъ" подразумѣваютъ одно изъ самыхъ странныхъ и замѣчательныхъ образованій, какія только можно встрѣтить на земномъ шарѣ. Выше извѣстной высоты, различной, смотря по положенію горъ на земномъ шарѣ, какъ извѣстно, всѣ осадки принимаютъ форму снѣга, и лишенный

всякой возможности таять, этотъ горный снѣгъ долженъ постепенно образовать чудовищныя накопленія. Однако, собственная тяжесть снѣговыхъ массъ постоянно заставляетъ ихъ опускаться внизъ. Онѣ достигаютъ границы таянія, гдѣ путемъ частичнаго, поверхностнаго таянія и новаго замерзанія воды въ болѣе внутреннихъ, болѣе холодныхъ частяхъ, образуется болѣе замкнутая зернистая масса или крупа, называемая въ Швейцаріи фирномъ (Firnschnee). Эта крупа снова стремится внизъ. На крутомъ спускѣ она порою быстро низвергается, какъ лавина, въ долину, гдѣ таетъ безъ остатка. Но если склонъ имѣетъ лишь малую покатость или даже образуетъ мелкій бассейнъ (Mulde) въ долинѣ, то сложное, медленное совмѣстное дѣйствіе таянія, перемерзанія и постояннаго давленія образуетъ постепенно компактную ледяную массу, свѣшивающуюся подобно чудовищной ледяной сосулькѣ съ горнаго снѣга и съ плоскогорья, покрытаго снѣжной крупой. Такъ образуется *глетчеръ*, или ледникъ. Постепенно оттаивая внизу, глетчеръ постоянно стремится сверху внизъ, такъ что, какъ цѣлое, онъ представляетъ лишь *кажущуюся* неподвижность, тогда какъ на самомъ дѣлѣ образуетъ безостановочный *ледяной потокъ*, направленный внизъ и сохраняющій постоянную величину лишь посредствомъ вѣчнаго оттаиванія снизу. Величины этой нельзя переступить до тѣхъ поръ, пока температура страны въ общемъ не измѣнится. Отъ страннаго внутренняго движенія этой колоссальной ледяной сосульки зависитъ то обстоятельство, что она непрерывно обрабатываетъ и перемѣщаетъ горныя породы. Каменныя массы съ горныхъ вершинъ, вывѣтрившись въ самыхъ верхнихъ областяхъ и обвалившись на ледяную поверхность, медленно, но постепенно увлекаются ледниковымъ потокомъ въ долину, гдѣ на мѣстѣ оттаиванія, т. е. далеко ниже, они отлагаются подъ именемъ такъ называемой фронтальной морены (Stirn-Moräne, есть валлисское провинціальное выраженіе, означающее накопленіе глетчерныхъ валуновъ). Даже глыбы съ домъ величиною могутъ быть этимъ путемъ переносимы внизъ на далекія пространства и притомъ въ едва измѣненномъ состояніи, сохраняя острыя грани. Своеобразная податливая масса глетчера обусловливаетъ, однако, при своемъ опусканіи частыя трещины и разломы льда: образуются глетчерныя щели и по мѣрѣ нарушенія въ глубину ледяного потока этихъ путешествующихъ внизъ каменныхъ грудъ, образуется также родъ морены на днѣ ледяного потока; это

такъ наз. грунтовая морена. Камни здѣсь плотно смерзаются съ льдомъ и при движеніи глетчера впередъ волочатся по горной поверхности, обрабатывая ее какъ гвозди каблука, нанося царапины, при чемъ горная порода частью совершенно истирается въ песокъ, или же своеобразно обтирая, выглаживая и покрывая штрихами болѣе твердыя породы. Внизу, на мѣстѣ оттаиванія, во фронтальной моренѣ, конечно, эти пески и камни грунтовой морены подъ конецъ также выходятъ на свѣтъ и примѣшиваются къ острограннымъ поверхностнымъ глыбамъ. Одновременно съ этимъ, также настоящія опоры глетчера, каменныя стѣны, по которымъ и близъ которыхъ глетчеръ опускается со своимъ каменнымъ грузомъ, испытываютъ замѣчательныя перемѣны. Скалы грунта, а также стѣнъ, сначала прекрасно округляются ползущей по нимъ ледяной массой,—можно сказать, даже полируются. Но въ эту полировку врѣзываются въ то же время многочисленныя тонкія царапины и полосы, которыя всего легче объясняются волоченьемъ твердыхъ горныхъ породъ грунтовой морены. Движеніе внизъ глетчера, увлекая за собою грунтовую морену, приводитъ къ тому, что появляются полосы, параллельныя направленію оси, по которой движется глетчеръ. Такимъ образомъ глетчеръ представляетъ съ одной стороны чрезвычайно удобное средство для перемѣщенія многихъ крупныхъ каменныхъ массъ съ горныхъ вершинъ черезъ границу вѣчнаго снѣга до сравнительно удаленныхъ мѣстъ, съ другой стороны онъ доставляетъ намъ безспорные документы своего существованія, даже послѣ того, какъ его собственныхъ слѣдовъ давно уже не осталось: по виду перенесенныхъ камней и по поверхности скалъ, испытавшихъ движеніе глетчера, можно опредѣлить его древній путь. Здѣсь *глетчерная теорія* оказывается вполнѣ послѣдовательной. Эрратическіе валуны и теперь переносятся глетчерами на далекія разстоянія; прежде валуны переносились гораздо дальше, потому что глетчеры были гораздо крупнѣе. Но о существованіи древнихъ чудовищныхъ глетчеровъ мы можемъ судить по природѣ самихъ перенесенныхъ каменныхъ породъ и по свойству скалъ, находящихся между нынѣшнимъ мѣстомъ нахожденія и ближайшими горными цѣпями. Опытный глазъ находитъ въ долинахъ, гдѣ теперь нѣтъ и слѣда ледниковыхъ потоковъ, слѣды древнихъ ледяныхъ исполиновъ въ видѣ шлифовки и царапинъ. Далеко отъ нынѣшнихъ глетчеровъ находятъ еще мощныя фронтальныя морены и т. п.

Настоящимъ научнымъ основателемъ ледниковой теоріи былъ Жанъ Шарпантье, директоръ Бэкскихъ солеваренъ въ кантонѣ Ваадтѣ, написавшій классическій трудъ о глетчерахъ и эрратическихъ валунахъ Ронскаго бассейна (1841 г.). Грубый очеркъ теоріи, правда, былъ данъ раньше его, а именно англичаниномъ Джономъ Плэферомъ еще 1815 г., по случаю его путешествія въ Швейцарію, норвежцемъ Эсмаркомъ, изучившимъ древне ледниковое состояніе Норвегіи (въ 1827 г.) и швейцарскимъ инженеромъ Венецомъ: этого послѣдняго самъ Шарпантье называетъ истиннымъ творцамъ теоріи. Въ числѣ творцовъ былъ также *никто иной, какъ Гете.*

Въ причудливомъ хаосѣ мыслей, находящемся въ Вильгельмѣ Мейстерѣ (кн. II гл. 10) и напечатанномъ въ 1829 году, находится слѣдующее замѣчательное мѣсто по поводу бесѣды героя романа о происхожденіи земли: „Въ концѣ концовъ двое или трое молчаливыхъ гостей захотѣли призвать на помощь также эпоху суроваго холода и вздумали вообразить погружающіеся далеко внизъ, идущіе отъ высочайшихъ горныхъ вершинъ глетчеры, какъ бы катки для тяжелыхъ каменныхъ массъ изъ первозданныхъ породъ; массы эти должны подвигаться по гладкому пути все дальше и дальше. При наступленіи эпохи оттаиванія, онѣ должны погружаться и навсегда оставаться на чуждой почвѣ. Возможно также, что плавучія льдины содѣйствовали перемѣщенію чудовищныхъ каменныхъ глыбъ съ сѣвера. Эти добрые люди, однако, не могли никого убѣдить своими холодными соображеніями. Признавалось гораздо болѣе естественнымъ, что міръ произошелъ съ колоссальнымъ трескомъ и поднятіемъ, съ бурными потрясеніями и огненными изверженіями!“

Много ломали себѣ голову надъ тѣмъ, какія сочиненія здѣсь подразумѣвалъ Гете, говоря о глетчерной теоріи и о теоріи дрифта, но, мнѣ кажется, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ спорныхъ вопросахъ науки, высказалъ выработанное имъ въ тиши собственное сужденіе,—тѣмъ болѣе, что онъ былъ проницательнымъ наблюдателемъ въ области геологіи и весьма хорошимъ знатокомъ Швейцаріи. Если онъ не формулировалъ своей теоріи строго научно, то частью по недостатку времени, частью же потому, что ему надоѣло враждебное отношеніе маленькихъ спеціалистовъ. Какъ естественно было такое рѣшеніе вопроса, всего лучше доказываетъ утвержденіе Шарпантье (сказать кстати, воздавшаго должное Гете,

какъ предшественнику), что у умныхъ швейцарскихъ охотниковъ за сернами и дровосѣковъ въ мѣстностяхъ, богатыхъ валунами, прежнее существованіе огромныхъ ледниковъ, стащившихъ внизъ валунный матеріалъ, признавалось чѣмъ-то самоочевиднымъ: кстати, это недурной примѣръ противоположности между наивнымъ, но неиспорченнымъ міросозерцаніемъ и прихрамывающей ему въ догонку кабинетной мудростью.

Изслѣдованія Шарпантье были дополнены и довершены въ особенности Агассизомъ. Прежнее ледниковое покрытіе Альпъ оказывалось тѣмъ болѣе мощнымъ, чѣмъ глубже изучался вопросъ. На различныхъ другихъ горахъ Европы, на Пиринеяхъ, Карпатахъ, на французскомъ центральномъ плато, находили подобные же древніе слѣды дѣйствія ледниковъ. Такимъ образомъ, наконецъ, возникло понятіе о *ледниковой эпохѣ*, ненормальной эпохѣ чрезвычайной стужи во всей Европѣ, во время диллювія. Зданіе теоріи было увѣнчано, когда, наконецъ, сгало яснымъ также въ Сѣв. Германіи, что „теорія дрифта“ стала излишней и что скандинавскій глетчерный ледъ, дѣйствительно, временно достигалъ, въ видѣ плотной массы, до подошвы срединныхъ германскихъ горъ. Превосходнымъ доказательствомъ является, между прочимъ, выдѣляющаяся изъ дилювіальной глины глыба раковиннаго известняка въ Рюдерсдорфѣ близъ Берлина: эта глыба, несомнѣнно, отполирована и покрыта шрамами отъ дѣйствія подошвы и грунтовой мореиы нѣкогда бывшаго здѣсь глетчера.

Картина ледниковаго покрова въ эпоху европейскаго дилювія, въ настоящее время довольно точно набросанная нукой, настолько чудовищна, что фантазія едва способна за ней слѣдовать. Ради наглядности, я говорилъ до сихъ поръ лишь объ эрратическихъ валунахъ сѣверогерманской низменности. Но на самомъ дѣлѣ, эти валуны представляютъ лишь произвольно взятый отрѣзокъ отъ валуннаго матеріала, начинающагося въ Англіи, продолжающагося черезъ Голландію и всю Сѣв. Германію до Россіи, а далѣе, черезъ Волгу до самаго Урала. Южную границу образуютъ въ Германіи повсюду поднятія горъ—Тевтобургскій лѣсъ, Гарцъ, Рудныя Горы, Исполиновы Горы, Карпаты. На всемъ этомъ огромномъ протяженіи матеріалъ существенно одинаковъ,—прежде всего, первозданныя породы (гранитъ) и древнія камбрійскія и силурійскія отложенія, указывающія на сѣверъ—на Норвегію, Швецію, Данію, Финляндію. Итакъ, если рѣчь идетъ о глетчерахъ, начинающихся въ Скандинавіи и тамъ воспринявшихъ обломки вывѣтрившихся породъ, то тѣло этихъ глетчеровъ простиралось черезъ все Балтійское море, находилось, между прочимъ, и на Рюдерсдорфскихъ известковыхъ холмахъ подлѣ Берлина, гдѣ оно шлифовало и царапало эти породы, а фронтальная морена отлагала валуны въ южныхъ горныхъ отрогахъ, гдѣ либо по ту сторону Дрездена. Но совершенно такіе же глетчеры, переступавшіе черезъ замерзшее Нѣмецкое море, простирались до Англіи и Голландіи,—на востокѣ же были глетчеры, простиравшіеся черезъ русскую низменность до Кіева по Днѣпру, до Нижняго Новгорода и южнѣе по Волгѣ. Если же мы разсмотримъ всѣ эти глетчеры, какъ одно цѣлое, то мы вынуждены представить себѣ такую чудовищную массу льда, что на первый взглядъ становится страшнымъ даже за самую теорію. Однако, теорія установлена прочно. Въ Швейцаріи, гдѣ основные факты теоріи и теперь стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія, древніе глетчеры принимали по истинѣ чудовищные размѣры. Ронскій глетчеръ ледниковаго періода простирался отъ источниковъ Роны на С. Готардѣ черезъ озера Женевское и Нефшательское до Юры, гдѣ онъ выложилъ свои мореновые валуны высоко на горахъ. Какіе валуны переносились подобными глетчерами, можно судить по такъ наз. Pierre des Marmettes. Это глыба, перенесенная съ Монблана въ Ронскую долину и имѣющая вѣсъ свыше семи милліоновъ килограммовъ (на вершинѣ ея построенъ домъ съ садомъ). Какіе размѣры имѣли эти до-историческія „ледяныя сосульки“, можно судить по тому, что еще теперь подъ Ронскимъ глетчеромъ стѣны скалъ представляютъ слѣды характеристичной полировки отъ дѣйствія льда до высоты 70 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ.

Во всякомъ случаѣ, даже эти чудовищные размѣры позволили бы сомнѣваться въ возможности существованія глетчеровъ, покрывавшихъ пространства въ милліоны километровъ, если бы мы не имѣли и теперь передъ глазами картины ледниковаго покрова цѣлыхъ странъ. Типичнымъ примѣромъ въ сѣверномъ полушаріи является Гренландія. Здѣсь, исключая узкой береговой полосы, вся поверхность суши болѣе чѣмъ на два милліона квадратныхъ километровъ покрыта плотнымъ ледниковымъ покровомъ, и чудовищная тяжесть этого внутренняго льда, надъ которымъ возвышаются

подлѣ морского берега лишь немногія горныя вершины, со всѣхъ сторонъ выпираетъ чудовищные глетчеры въ море, а отъ нихъ отдѣляются грозныя ледяныя горы, плавающія по сѣверной части Атлантическаго океана. Возможно, что главная масса южныхъ полярныхъ странъ представляетъ внутри ту же картину, хотя ея еще не видѣлъ ни одинъ человѣческій глазъ, тогда какъ Гренландія извѣстна теперь до 650 с. ш. благодаря смѣлому путешествію Нансена. Представимъ себѣ непосредственно отношенія нынѣшней Гренландіи отъ Скандинавіи до Англіи, до подошвы германскихъ Срединныхъ горъ и до сердца Россіи: мы значительно приблизимся къ ледниковой эпохѣ. Поверхность, которую долженъ былъ покрывать ледъ, по осторожному вычисленію Пенка, занимала во всякомъ случаѣ поверхность свыше *шести милліоновъ квадратныхъ километровъ*. Толщина льда должна была быть, во время наибольшаго развитія ледяныхъ массъ, соотвѣтственно колоссальною. Самое значительное развитіе высоты, безъ сомнѣнія, замѣчалось въ сѣверныхъ исходныхъ пунктахъ, главнымъ образомъ въ Скандинавіи; отсюда толщина льда постепенно повышалась, хотя еще у среднегерманскихъ горъ стояла довольно высокая ледяная стѣна. Опредѣлить толщину можно, конечно, лишь приблизительно. Неймайръ считаетъ въ средней Скандинавіи высоту свыше 2 тыс. метровъ; то-же онъ признаетъ для Финляндіи и русскаго Прибалтійскаго края, гдѣ, очевидно, находились временно исполинскіе ледниковые центры. Среднюю толщину сѣверно-европейскихъ ледниковъ никакъ нельзя принять меньше 1000 метровъ, а если разсчитать по поверхности, то получимъ, круглымъ числомъ, объемъ въ 70 милліоновъ кубич. километровъ.

Если сюда причислить чудовищную массу тогдашнихъ швейцарскихъ глетчеровъ, если вспомнить о глетчерахъ Пиринеевъ, Средней Франціи, Шварцвальда, Вогезовъ, Исполиновыхъ горъ, Татровъ (верхніе Карпаты) и Великобританіи, то ты увидимъ, что рѣчь идетъ о весьма широкомъ явленіи. Но еще болѣе мы убѣдимся въ этомъ, когда мысленно перенесемся въ С. Америку. Здѣсь ледники простирались еще далѣе къ югу; ледъ достигалъ 39° сѣв. широты, стало быть, приблизительно широты Лиссабона. Мощность ледниковаго слоя была, по малой мѣрѣ, такъ велика, а можетъ быть, и гораздо больше, чѣмъ въ Сѣв. Европѣ. Въ общемъ, если мы присоединимъ поверхность с. американскаго льда къ европейской, то получимъ, по Пенку, область въ 490.000 кв.

миль, лежавшую цѣликомъ подъ льдомъ, чѣмъ по крайней доказывается то предложеніе, что ледниковая эпоха для *сѣвернаго полушарія* дѣйствительно составляла универсальное явленіе. Если въ сѣв. Азіи и не было связной толщи льда, какъ въ Европѣ и С. Америкѣ, то это, кажется, зависѣло отъ мѣстныхъ препятствій, препятствовавшихъ образованію крупныхъ глетчерныхъ центровъ. Отдѣльные слѣды глетчеровъ, однако, доказаны въ Сибири, а крупныя срединныя горы, Алтай, Тянь-шань, Гималаи, подобно нашимъ Альпамъ, имѣли свою эпоху особаго процвѣтанія глетчеровъ. Долѣе время, при первыхъ усердныхъ поискахъ, поднялась возможность отыскать старинную шлифовку скалъ глетчерами даже въ весьма теплыхъ и тропическихъ странъ, не исключая Сахары и тропической Бразиліи. Но эти наблюденія оказались ошибочными, и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ картина, разрисованная Агассизомъ еще во вкусѣ старинной теоріи катастрофъ,—картина ледниковой эпохи, какъ всеобщаго, уничтожившаго слѣды всякой жизни, оледенѣнія отъ полюса до экватора. Эта преувеличенная картина, впрочемъ, самымъ грубымъ образомъ противорѣчитъ связи нынѣшней фауны и флоры жаркихъ странъ съ позднѣйшею третичною, при чемъ порою можно установить полный рядъ связующихъ звеньевъ, не позволяющій допустить никакой ледниковой катастрофы. Само собою разумѣется, что ледниковая эпоха не могла пройти *безслѣдно* для экваторіальныхъ странъ, но вездѣ, гдѣ дозволяли обстоятельства, ледники старались проникнуть ближе къ экватору, въ чемъ убѣждаютъ, правда, весьма ограниченные слѣды глетчеровъ на Меридскихъ Кордильерыхъ, въ Венецуэлѣ и др. слѣды ледниковъ въ Ю. Америкѣ. Съ этими оговорками, ледники были, однако, распространены по всему земному шару въ томъ смыслѣ, что мы находимъ ихъ слѣды и въ высокихъ широтахъ южнаго полушарія. Тамъ, мы видимъ мощные дилювіальные глетчерные центры, теперь исчезнувшіе или, по крайней мѣрѣ, значительно съузившіеся; таковы центры въ южной части Ю. Америки, въ южно-австралійскихъ Альпахъ и на Новой Зеландіи, нѣкоторые пункты на мысѣ Доброй Надежды и острова, еще и теперь окружающіе вполнѣ оледенѣвшія южно-полярныя страны. Если только это распространеніе льда на югѣ произошло одновременно съ ледниковымъ періодомъ сѣвера, то объясненіе должно имѣть общій характеръ, т. е. относиться ко всему земному шару.

Полнаго объясненія этихъ явленій мы и до сихъ поръ

не имѣемъ, хотя были предложены различныя гипотезы, напр., гипотеза Джемса Кролля. Не мѣшаетъ прежде всего замѣтить, что, судя по многимъ даннымъ, слѣдуетъ признать не одну, а нѣсколько ледниковыхъ эпохъ, даже изолированныхъ другъ отъ друга. Такъ, въ сѣв. Швейцаріи, въ кантонахъ Цюрихскомъ и Сентъ Галленскомъ, нашли дилювіальныя углесланцевыя отложенія, вѣроятно остатки древнихъ торфяныхъ болотъ, съ многочисленными костями животныхъ и отпечатками растеній, указывающими на сравнительно мягкій климатъ и безусловно свободную отъ ледниковъ, мѣстами роскошно покрытую растительностью почву. Не могло конечно, быть и рѣчи о томъ, чтобы здѣсь мы имѣли передъ собой флору и фауну настоящей ледниковой эпохи. Что выказалось въ эту эпоху кое-гдѣ по краямъ мощныхъ глетчеровъ, могло сравниться развѣ съ скудной жизнью нынѣшней сѣверо-сибирской тундры или же Гренландіи, и остатки такой флоры и фауны, дѣйствительно, находятся по всей области глетчеровъ ледниковой эпохи. Тѣмъ не менѣе, также эти швейцарскіе угольные сланцы лежатъ на моренныхъ валунахъ и другихъ остаткахъ глетчеровъ, и надъ ними, въ свою очередь, находятся подобныя же ледниковыя образованія. Такимъ образомъ здѣсь мы очевидно имѣемъ передъ собою *межледниковую эпоху* съ болѣе умѣреннымъ климатомъ. Нѣчто подобное найдено и во многихъ другихъ мѣстахъ. Особенно въ С. Америкѣ колебанія отъ настоящей ледниковой эпохи до болѣе умѣренной промежуточной эпохи и новые переходы къ интензивному оледенѣнію, могутъ быть рѣзко прослѣжены по поднятію и опусканію уровня воды въ большихъ внутреннихъ озерахъ. На сѣверо-германской низменности также можно прослѣдить обѣ эпохи оледенѣнія по направленію замерзшихъ массъ и сообразно съ породами эрратическихъ валуновъ. Здѣсь также мы находимъ флору и фауну сухой теплой степи, включенную посреди оледенѣлыхъ тундръ. Нѣкоторыя новѣйшія изслѣдованія позволяютъ предположить даже существованіе *трехъ* одинаковыхъ эпохъ съ двумя умѣренными промежуточными эпохами. Судить о времени, протекшемъ для каждой изъ этихъ эпохъ, невозможно иначе, какъ по догадкамъ. Одинъ изъ компетентнѣйшихъ изслѣдователей въ этой области, Альбрехтъ Пенкъ, полагаетъ, что продолжительность каждой изъ двухъ умѣренныхъ промежуточныхъ эпохъ превышаетъ время, протекшее отъ конца послѣдней ледниковой эпохи до настоящаго времени.

Во всякомъ случаѣ, въ европейскомъ дилювіи мы вправѣ различать нѣсколько главныхъ стадій. Сначала мы видимъ такъ наз. до-ледниковыя образованія, примыкающія къ концу третичнаго періода.

Сюда принадлежатъ прежде всего васьма богатыя ископаемыми отложенія на берегу Норфолька въ Англіи, такъ наз. форестъ-бедъ или лѣсные пласты, названные такъ по многочисленнымъ находящимся въ нихъ стволамъ. Эти древесные стволы, вмѣстѣ съ многочисленными остатками животныхъ, образуютъ весьма наглядную картину европейскихъ лѣсовъ на поворотѣ отъ третичной эпохи къ четвертичной, отъ пліоцена къ дилювію. Аналогичныя германскія образованія этой предледниковой эпохи найдены между прочимъ въ Люнебургской степи. Почти навѣрное можно сказать, что бассейнъ Балтійскаго моря, какимъ мы его знаемъ, тогда почти совсѣмъ не существовалъ. Вѣроятно, отъ Помераніи до Швеціи существовала непрерывная или почти непрерывная суша. Къ западу ея берегъ долженъ былъ омываться водами Нѣмецкаго моря, проникавшими надъ потопленными частями Шлезвигъ-Гольштейна и Ютландіи; на востокѣ, гдѣ подлѣ Эльбинга въ В. Пруссіи находятся предледниковыя морскія отложенія, примыкала особая морская бухта, быть можетъ соединявшаяся черезъ Ладожское озеро съ Бѣлымъ моремъ,— родъ канала съ зачатками будущаго Балтійскаго моря. Вслѣдъ за этими доледниковыми слоями существуютъ и настоящія ледниковыя образованія. Въ Сѣв. Европѣ грубо и рѣзко можно различить отложенія по крайней мѣрѣ двухъ ледниковыхъ эпохъ, изъ которыхъ первый обозначается такъ наз. нижней или синей валунной глиной (Geschiebelehm), тогда какъ второй, не такъ далеко простирающійся къ югу, обозначенъ верхней или желтой глиной. Въ эти эпохи произошло перенесеніе безчисленныхъ обломковъ сѣверныхъ горныхъ породъ. Ледъ надвинулся въ описанныхъ размѣрахъ не только на область нынѣшняго Балтійскаго моря вглубь Германіи, но даже черезъ Балтійское море отъ Скандинавіи до Англіи, гдѣ восточный берегъ наполненъ характерными гранитами, сіенитами, гнейсами и порфирами Норвегіи, и гдѣ ледъ остановился лишь передъ самостоятельными ледниковыми массами, спустившимися съ оледенѣвшихъ вершинъ шотландскихъ горъ. Въ Нѣмецкомъ морѣ и въ тонкомъ рукавѣ, представлявшемъ зачатокъ Балтійскаго моря, вода

превратилась въ ледъ быть можетъ на сотни метровъ или вымерзла до дна.

Между различными ледниковыми образованіями находятся, наконецъ, такъ наз. межледниковые пласты, отложенія той эпохи, когда глетчеры на время отступили; вслѣдствіе болѣе мягкаго климата стало возможнымъ богатое развитіе органической жизни. Въ Швейцаріи мы видимъ этотъ важный отдѣлъ дилювія уже въ угольномъ сланцѣ. Въ Сѣв. Германіи важнѣйшее мѣстонахожденіе для растеній это торфяники Лауэнбурга близь Эльбы, для животныхъ Риксдорфъ—берлинскіе пески. Въ межледниковыя отложенія вторгается совершенно своеобразная формація, играющая огромную роль въ никогда не покрывавшихся ледниками областяхъ остальной Европы, напр. въ рейнской долинѣ; это такъ наз. лессъ. Подъ лессомъ подразумѣваютъ залежи рыхлой, известковатой, желтобурой глины, легко дающей отвѣсные обвалы. Относительно способа образованія лесса много спорили. Послѣ того какъ неудачно объясняли его то какъ водное отложеніе, то какъ ледниковый илъ и т. д., удалось, наконецъ, руководствуясь капитальными изслѣдованіями Рихтгофена въ Китаѣ, признать лессъ настоящимъ сухопутнымъ отложеніемъ—продуктомъ страшныхъ бурь, нагромоздившихъ сухія массы пыли необычайной мощности. Этому превосходно соотвѣтствуетъ нахожденіе включенныхъ раковинъ нѣкоторыхъ сухопутныхъ улитокъ, тогда какъ тонкія, вертикальныя трубочки, отличающія лессъ, представляютъ, вѣроятно, полости, образованныя корнями степныхъ травъ. Истинная обѣтованная страна лесса это Китай, гдѣ такія навѣянныя вѣтромъ массы особенно въ области Гоанго (Желтой рѣки, названной такъ благодаря лессу) образуютъ залежи до 500 метровъ высоты, куда врѣзываются глубочайшія ущелья, при чемъ стѣны образуютъ самыя причудливыя террасы. Во всякомъ случаѣ и у насъ лессъ былъ очень развитъ въ дилювіальную эпоху. Способъ его происхожденія проливаетъ изумительный свѣтъ на отношенія, господствовавшія въ Европѣ въ межледниковыя и послѣледниковыя эпохи: мы можемъ себѣ представить степную мѣстность съ ужасными песчаными ураганами и безконечными пространствами однообразныхъ травянистыхъ безлѣсныхъ мѣстностей. Конечно, стоило труда возстановить эту картину: только она впервые даетъ ключъ, указывающій на отношенія дилювіальнаго животнаго и растительнаго міра, какимъ онъ является въ сохранившихся остаткахъ.

Въ этой флорѣ и фаунѣ различныя фазы, очевидно зависящія отъ многократнаго полнаго измѣненія ландшафта, перемѣшаны самымъ страннымъ образомъ. Прежде всего естественно слѣдуетъ выдѣлить ту древнѣйшую флору и фауну, которая, какъ доледниковая, еще непосредственно примыкаетъ къ пліоценовой. Далѣе мы видимъ радикально отъ нея отличающуюся флору, сходную лишь съ тою, которую мы видимъ теперь въ полярныхъ странахъ и прежде всего въ такъ наз. тундрахъ. Тундры, окаймляющія теперь широкой полосой сѣв. полярный поясъ, представляютъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ ландшафтовъ. Почва, промерзлая уже на незначительной глубинѣ, болѣе не въ состояніи питать крупные корни, такъ что лѣсъ не растетъ и видна лишь безконечная равнина, покрытая почти одними мхами и лишайниками, а на ней движутся полярныя животныя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тундровая флора и фауна дилювія обозначаетъ ландшафты, находившіеся у самой подошвы ледниковъ. Какъ въ настоящее время вокругъ полюса, такъ въ то время въ сердцѣ сѣверной Европы можно было видѣть тундру. Послѣ отступленія ледниковъ, она отступила назадъ, за область таянія, и, наконецъ, оказалась снова на сѣверѣ. На ея мѣстѣ должна была появиться какъ въ межледниковую, такъ и въ нынѣшнюю, послѣледниковую эпоху, новая фауна и флора; найдены несомнѣнные слѣды ея. Эти слѣды указываютъ на *степной* ландшафтъ, какой имѣется теперь на ю. Сибири и ю. Россіи. Такой ландшафтъ требуетъ значительно болѣе теплаго климата съ очень сухимъ лѣтомъ. Онъ враждебенъ лѣсной растительности и на безлѣсной степи часто бушуютъ свирѣпыя бури, несущія тучи пыли. Это была эпоха образованія *лесса*. Возможно, что уже въ то время, между тундровой и степной эпохой, была болѣе кратковременная эпоха лѣсной растительности съ смѣшанной фауной, на что также есть указанія. Послѣдняя послѣледниковая степь исчезла, вѣроятно, подъ вліяніемъ влажнаго климата; „первобытный“ лѣсъ, найденный еще Тацитомъ и Пдиніемъ въ Германіи, вѣроятно, занялъ мѣсто этой степи и былъ въ свою очередь постепенно вытѣсненъ лишь человѣкомъ съ его земледѣльческой культурой. Вся наша историческая эпоха, быть можетъ, составляетъ лишь фазисъ третьей или четвертой межледниковой эпохи, и возможно, что мы находимся на пути къ превращенію лѣса въ тундру, т. е. на пути къ новой ледниковой эпохѣ.

Присмотримся теперь къ фаунѣ дилювія.

Многія обстоятельства привели къ тому, что мамонтъ пріобрѣлъ особое положеніе среди вымершихъ животныхъ. Представимъ себѣ сѣверный пейзажъ. вродѣ сѣверогерманскаго: покрытую красноватымъ верескомъ степь, холмы съ желтыми одуванчиками, безконечный рядъ бурыхъ стволовъ и темнозеленыхъ хвой; потребуется не малое усиліе воображенія, чтобы представить себѣ въ этой обстановкѣ стада мощныхъ слоновъ, съ исполинскими клыками, колоссальными, колоннообразными ногами, тяжелой походкой, подъ которой кустарники ломаются, какъ соломенки. Но и это представленіе не соотвѣтствуетъ истинѣ. Надо представить себѣ этихъ чудовищъ. уцѣлѣвшихъ съ мясомъ и шкурой въ ледяныхъ массахъ, гуляющими въ обстановкѣ полярнаго климата.

Давно уже не было сомнѣнія, что въ сравнительно близкую къ намъ геологическую эпоху, водились въ Сибири несмѣтныя стада мамонтовъ. Въ нашихъ странахъ также находили огромныя кости въ дилювіальномъ пескѣ и въ лессѣ, приписывая ихъ то великанамъ (напр., библейскому Гогу и Магогу), то святымъ (зубы св. Христофора); въ прежнія времена такія кости хранили не только въ кунсткамерахъ, но и въ церквахъ. Иногда утверждали, немногимъ болѣе основательно, что это остатки слоновъ, павшихъ во время перехода Аннибала черезъ Альпы. Но все это отдѣльныя находки. Не то въ Сибири, гдѣ существуетъ цѣлый классъ промышленниковъ, собирающихъ „слоновую кость“. Около трети всей вообще слоновой кости, имѣющейся въ продажѣ, вывозится изъ Россіи и добывается въ дилювіальной почвѣ сѣверной Сибири, гдѣ есть пласты, буквально напичканные мамонтомъ: въ торговлю ежегодно поступаютъ клыки не менѣе чѣмъ отъ двухсотъ мамонтовъ, а добываніе ведется съ незапамятныхъ временъ. Уже Өеофрастъ зналъ ископаемую слоновую кость, а китайцы вывозили ее изъ Сибири еще до начала христіанской эры: въ ихъ лѣтописяхъ разсказано не мало чудесъ о легендарномъ звѣрѣ.

У тунгузовъ существуетъ легенда, будто мамонты и теперь живутъ подъ землею, какъ кроты: клыки ихъ принимаются тунгузами за рога. Тунгузы, несомнѣнно, не разъ находили мамонтовъ съ мясомъ, изъ котораго еще сочилась кровь: не удивительно, что явилась мысль о недавно умершемъ животномъ. По туземному повѣрію, стоитъ мамонту выйти на свѣтъ, онъ тотчасъ погибаетъ.

Бюффонъ считалъ, однако, всѣ разсказы о мамонтахъ бабьими сказками. Но въ 1806 году естествоиспытатель Адамсъ, услышавъ о томъ, что близъ устья рѣки Лены найденъ трупъ мамонта, поспѣшилъ туда. По разсказу Окена, Адамсъ прибылъ въ Кумакъ-Сурку, гдѣ жило 40—50 тунгузскихъ семействъ. Старшина тунгузовъ, Осипъ Шумаховъ, нашедшій животное, сопровождалъ Адамса, вмѣстѣ съ егеремъ, тремя казаками и десятью тунгузами. Черезъ два дня они достигли Ледовитаго океана, гдѣ на правомъ берегу Лены, на о-вѣ Тамудъ, раскинули палатки за нѣсколько сотъ шаговъ отъ трупа. По разсказу Шумахова, онъ въ 1799 г. пріѣхалъ сюда съ женой искать клыковъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ массѣ льда безформенную глыбу, но не могъ разобрать, что тамъ такое. Годъ спустя онъ нашелъ тамъ скелетъ моржа; глыба немного оттаяла. На слѣдующее лѣто показался бокъ животнаго и клыкъ. Мѣстные старики разказывали, что уже видѣли здѣсь подобное чудовище и что вся семья увидѣвшаго перемерла. Это испугало старшину до того, что онъ заболѣлъ. Но когда онъ выздоровѣлъ, мысль добыть огромные клыки привлекла его до того, что онъ рѣшился ѣхать снова. Ему удалось это лишь въ 1804 г. Ледъ оттаялъ и мамонтъ лежалъ на песчаной отмели.

Въ мартѣ 1804 г. Шумаховъ отпилилъ мамонту оба клыка и вымѣнялъ на товаръ, цѣною на 50 р. Два года спустя Адамсъ нашелъ трупъ животнаго на томъ же мѣстѣ, но совсѣмъ обезображенный. Якуты вырѣзали мясо, бросивъ его своимъ собакамъ; бѣлые медвѣди, волки, россомахи и лисицы покончили остальное. Скелетъ былъ однако, цѣлъ, исключая одной передней ноги. Голова была покрыта высохшей кожей, одно ухо хорошо сохранилось и было покрыто космами щетинообразныхъ волосъ; сохранились еще глаза и мозгъ; ноги, покрытыя кожей, сохранили еще подошвы. Шумаховъ разсказывалъ, что мамонтъ выглядѣлъ толстымъ и хорошо откормленнымъ, брюхо висѣло до колѣнъ. Мамонтъ былъ самецъ съ очень длинной гривой на шеѣ. Отъ кожи туловища осталось три четверти: она была темно-сѣрая, покрытая рыжеватыми волосами и черными щетинами, болѣе толстыми, чѣмъ волосъ моржа. Высота скелета была 9 парижнихъ футовъ, длина до крестца семь, клыкъ 9 футовъ, и каждый клыкъ вѣсилъ 275 фунтовъ, а одна голова 400 фунтовъ. Адамсъ снялъ шкуру; десять человѣкъ едва могли сдвинуть ее съ мѣста, а съ земли собрали 35 фунтовъ волосъ. Все

это послали въ Петербургъ, но по дорогѣ находка пострадала такъ, что со шкуры слѣзли всѣ волосы. Въ окрестности нашли еще массу клыковъ подлѣ огромныхъ стволовъ, сплавленныхъ рѣками. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ не удавалось найти такъ же превосходно сохранившагося трупа. Мы должны себѣ, очевидно, представить, что мамонтъ, сохранившійся во льду, жилъ въ мѣстности, вродѣ нынѣшней Гренландіи или крайняго сѣвера Сибири: такъ, на Ляховомъ о-вѣ, одномъ изъ Новосибирскихъ, Толль находилъ огромные слои льда, стоящіе открыто, подобно углю или сланцу. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи 1885—86 г. замѣчаетъ, что если бы здѣсь хотя на короткое время температура стояла выше нуля, то весь островъ обратился бы въ кашу. Въ такой почвѣ находятъ и таинственныя кладбища мамонтовъ. Новыя изслѣдованія русскихъ ученыхъ показываютъ, что трупы мамонтовъ лежатъ собственно не въ самомъ глетчерномъ льду, но въ сильно замерзшихъ слояхъ глины на льду или подлѣ льда, вмѣстѣ съ остатками растеній, а по близости прѣсноводныхъ отложеній съ раковинами и постройками личинокъ, водящихся въ водѣ. Толль полагаетъ, что картину можно представить себѣ такъ. Надъ обширными ледниковыми поверхностями возвышались отдѣльные не обледенѣвшіе холмы, вродѣ гренландскихъ нуннатекеровъ (эскимосское названіе вершинъ выдающихся изъ внутренняго льда Гренландіи). „Мы видимъ,—пишетъ Толль, ледниковыя озера, дно котерыхъ образовалъ еще отчасти ледъ, но вода настолько тепла, что тамъ могла развиться фауна моллюсковъ и насѣкомыхъ; на берегахъ озеръ росли ивовые и березовые кустарники, достаточные для того, чтобы кормить мамонтовъ, носороговъ, мускусныхъ быковъ и т. п.; ледъ, у подошвы котораго они странствовали, былъ причиной, сохранившей ихъ муміи въ теченіе тысячелѣтій.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія, что мамонты жили именно въ этихъ мѣстахъ. Трупъ, найденный въ 1846 году Бенкендорфомъ, еще стоялъ прямо въ замерзшей почвѣ: вѣроятно животное увязло въ торфяномъ болотѣ, которое, послѣ оттаиванья на короткій срокъ, снова замерзло и сохранило животное въ теченіе тысячелѣтій. Въ складкахъ коренныхъ зубовъ петербургскаго экземпляра, найденнаго Адамсомъ, Брандтъ нашелъ въ полупережеванахъ остаткахъ пищи главнымъ образомъ кусочки хвой. По внѣшней формѣ мамонтъ рѣзко отличался отъ слона своими рыжими,

густыми волосами,—указаніе на постоянное жительство въ холодномъ климатѣ. Этотъ рыжій исполинъ долженъ былъ представлять, вообще, весьма странный видъ. Черепъ болѣе всего похожъ на черепъ индійскаго слона; но клыки гораздо больше, достигая иногда 15 ф. длины и 250 фунтовъ вѣса. Ихъ кривизна такова, что туземцы часто смѣшиваютъ ихъ съ рогами. Мамонтовъ находятъ не только близь устьевъ Лены и на Новосибирскихъ о-вахъ, но (разумѣется, одни скелеты) также на о. Байкальскомъ и у Каспійскаго моря, затѣмъ отъ Аляски и Канады до Техаса, Флориды и Мексики, отъ Англіи до средней Италіи, и Испаніи. Все указываетъ на устойчивую расу, чувствовавшую себя хорошо не только близь глетчерныхъ озеръ. Стада, быть можетъ особой не косматой породы, достигавшія до Флориды и Мексики, были значительно удалены отъ области ледниковъ, а въ средней Европѣ мамонтъ оставался гостемъ и по исчезновеніи тундры въ межледниковую и послѣледниковую эпоху. Въ теченіе всей ледниковой эпохи, но въ особенности въ болѣе позднія времена, мамонту пришлось сталкиваться съ опаснѣйшимъ изъ враговъ, а именно *съ человѣкомъ*.

Послѣднія усилія скептицизма, отрицающаго существованіе „охотниковъ за мамонтами“, оказались напрасными. Остатки первобытной человѣческой культуры до того перемѣшаны съ мамонтовыми костями и многія кости до того ясно обнаруживаютъ слѣды обработки ихъ въ свѣжемъ видѣ человѣкомъ, что никакой скептицизмъ не умѣстенъ. Въ дилювіальномъ лессѣ Пшедмостья въ Моравіи графъ Вурмбрандъ и Маска нашли слой съ пепломъ, раздробленными костями и грубыми кремневыми орудіями. Посреди этихъ остатковъ находили также остатки сотенъ мамонтовъ всякаго возраста; многіе были искусно обработаны и выкрашены охрой, другіе включали еще обломанныя остроконечія каменныхъ орудій.

Одинъ изъ отъявленныхъ противниковъ теоріи, Стеенструпъ (недавно умершій маститый естествоиспытатель), правда, не хотѣлъ признать значенія и этой „мамонтовой стоянки“. Онъ утверждалъ, что древній человѣкъ открылъ кладбище мамонтовъ и искалъ тамъ клыковъ. Эта послѣдняя гипотеза падаетъ при внимательномъ анализѣ фактовъ, относящихся къ мѣсту нахожденія клыковъ въ лессѣ. Но разъ мы допустимъ, что человѣкъ охотился за живыми мамонтами, то не увидимъ ничего невѣроятнаго въ находкѣ, сдѣланной въ одной, французской пещерѣ (La Madeleine въ Перигорѣ); здѣсь

посреди другихъ остатковъ доисторической, дилювіальной культуры найдена пластинка мамонтовой „слоновой кости“, на которой нацарапанъ грубый, но весьма характерный рисунокъ, изображающій мамонта съ хоботомъ, загнутыми вверхъ клыками и длинной шерстью. Правда, были попытки доказать, что этотъ рисунокъ—поддѣлка. Главные доводы, однако, чисто теоретическаго характера: утверждали, что грубые люди каменнаго вѣка не могли бы такъ искусно рисовать. Но рисунки, изображающіе животныхъ, найдены въ разныхъ мѣстахъ, да и теперь у весьма мало культурныхъ расъ мы порою находимъ рисунки, довольно вѣрно изображающіе хорошо извѣстныхъ дикарямъ животныхъ. Такимъ образомъ, этотъ доводъ слѣдуетъ признать несостоятельнымъ.

Важнѣе тотъ фактъ, что въ другомъ аналогичномъ случаѣ (въ Тайингенѣ подлѣ Шаффгаузена въ 1874 году) дѣйствительно былъ обнаруженъ при подобныхъ находкахъ грубый обманъ. Но и отсюда далеко до непосредственныхъ выводовъ относительно даннаго случая. Обманъ, происшедшій въ Тайингенѣ, былъ быстро обнаруженъ; относительно рисунка въ Маделенѣ пока не приведено никакихъ фактовъ, позволяющихъ подозрѣвать безкорыстіе нашедшихъ его лицъ. Если этотъ рисунокъ, дѣйствительно, подлинный, онъ является не только доказательствомъ современности человѣка съ мамонтомъ, но и замѣчательнымъ памятникомъ древнѣйшаго искусства.

Зоологія давно уже показала, что по исторіи происхожденія и по строенію организма, *носорогъ* далеко не сходенъ съ мамонтомъ. Однако, образъ жизни въ ледниковую эпоху значительно сблизилъ обоихъ животныхъ. Тѣ же промерзлыя тундры Сѣв. Сибири, гдѣ находятъ мамонтовъ въ естественныхъ ледникахъ, скрываютъ и множество свѣжихъ труповъ двухъ видовъ носорога. У этихъ животныхъ кожа была безъ складокъ и, какъ у мамонта, покрыта густымъ шерстянымъ покровомъ. Одна великолѣпно сохранившаяся мумія головы носорога (Rhinoceros Merckii) еще покрыта пестрой, рыжей съ бѣлымъ шкурой. Рога достать очень трудно—ими овладѣваютъ туземцы. У лучше всѣхъ сохранившагося экземпляра носорога (Rh. tichorhinus), изслѣдованнаго Брандтомъ, также не хватаетъ роговъ; переносье, вѣроятно, было украшено двумя рогами; отдѣльные рога удавалось находить—они были до трехъ футовъ длины. Въ коренныхъ зубахъ также найдены остатки хвой, ивовыхъ и березовыхъ листьевъ, указывающихъ

на холодный климатъ. Возможно, что шерсть была наслѣдіемъ еще до-ледниковой эпохи; даже теперь новорожденные носороги покрыты шерстистыми волосами, что указываетъ на волосатыхъ предковъ. Во всякомъ случаѣ, густая шерсть ледниковой эпохи доставляла прекрасную охрану, и покрытые шерстью носороги бродили въ большихъ количествахъ вдоль всей ледниковой стѣны, отъ Китая до сердца Европы. Подобно мамонту, они вымерли въ сѣверныхъ странахъ лишь гораздо позднѣе, черезъ долгое время послѣ растаянія ледниковъ. Въ преданіяхъ юкагировъ (въ Сибири) можно найти указанія на какихъ-то чудовищныхъ птицъ: оказывается, что рога носороговъ принимались за когти исполинскихъ птицъ; можетъ быть, отголоски такихъ легендъ находятся и въ греческихъ миѳахъ о чудовищныхъ птицахъ. Радловъ приводитъ народную пѣсню южно-сибирскихъ тунгузовъ объ исполинскомъ быкѣ съ однимъ рогомъ на лбу: рогъ былъ будто бы такой, что на сани укладывался одинъ экземпляръ животнаго. Въ южныхъ частяхъ Сибири и въ Россіи, рѣже въ з. Европѣ, находятъ подлѣ мамонта и обоихъ видовъ носорога, еще кости чудовища, вѣроятно и послужившаго источникомъ для легендъ о „единорогахъ“. Это такъ наз. эласмотерій, чудовище съ черепомъ длиною около метра; черепъ сходенъ съ носорожьимъ, но выше и вверху куполообразно поднятъ, такъ что возможно, что, дѣйствительно, на лобной кости торчалъ одинъ огромный рогъ; на кончикѣ носа былъ еще другой рогъ, очень малый; быть можетъ, былъ и небольшой хоботъ.

Мамонтъ, носороги и эласмотерій представляютъ трехъ наиболѣе характерныхъ животныхъ типа дилювіальной эпохи; кромѣ эласмотерія, они отличаются еще большей устойчивостью: животныя эти противостояли перемѣнѣ климата, жили на тундрахъ, на сухихъ степяхъ, въ болотистыхъ лѣсахъ, и, быть можетъ, были истреблены лишь человѣкомъ. Остальныя крупныя и выдающіяся животныя дилювіальной эпохи гораздо тѣснѣе примыкаютъ къ еще живущимъ формамъ сѣверныхъ странъ. Конечно, теперь намъ порою очень трудно найти связь, особенно въ Европѣ. Въ сравнительно короткій періодъ времени, съ тѣхъ поръ какъ культурный человѣкъ сталъ владыкой послѣледниковой лѣсной области въ Европѣ, онъ успѣлъ произвести чудовищныя опустошенія въ дилювіальной фаунѣ. Въ 1746 году былъ убитъ въ Саксоніи послѣдній дикій экземпляръ чудеснаго лося (Cervus alces); въ 1776 году—послѣдній въ Силезіи. Теперь этотъ испо-

линъ среди германскихъ копытныхъ живетъ лишь въ паркахъ, въ В. Пруссіи, напр. въ Ибенгорстскомъ лѣсу подлѣ Тильзита, есть стадо, состоящее изъ менѣе чѣмъ сотни головъ. Въ томъ же восточномъ углу Пруссіи, подлѣ Тильзита, былъ въ 1755 г. убитъ послѣдній германскій экземпляръ зубра, тогда какъ въ Россіи зубры искусственно сохраняются еще въ Бѣловѣжской пущѣ (въ Гродненской губерніи). Въ Германіи совершенно уже истребленъ послѣдній изъ крупныхъ дилювіальныхъ хищниковъ—бурый медвѣдь; онъ исчезаетъ уже въ Тиролѣ и Швейцаріи, но все еще встрѣчается въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ Балканахъ, Пиренеяхъ, Трансильванскихъ Альпахъ, въ горахъ Скандинавіи. Европейскій бобръ, крупнѣйшій изъ европейскихъ грызуновъ, былъ въ XVI вѣкѣ, когда его описывалъ старикъ Геснеръ, „во всѣхъ странахъ обыкновеннымъ животнымъ"; теперь его находятъ лишь по среднему теченію Эльбы. Въ средніе вѣка, судя по хроникамъ Сентъ-Галленскаго монастыря (въ Швейцаріи), въ средней Европѣ бродили еще дикія лошади; коегдѣ встрѣчаются преданія о „буйномъ турѣ", и т. п. животныхъ, при чемъ иногда трудно догадаться, о какомъ именно звѣрѣ идетъ рѣчь.

Въ торфяныхъ болотахъ Ирландіи находятъ великолѣпно сохранившіеся скелеты оленя, который, по величинѣ роговъ, превосходилъ даже вымирающаго теперь лося. Рога имѣли отъ одного конца до другого 3½ метра, что вдвое шире, чѣмъ у лося; у болѣе древней разновидности, находимой въ междениковыхъ отложеніяхъ подлѣ Веймара и Вормса, рога нѣсколько меньше. Настоящій исполинскій олень (Cervus euryceros), кромѣ Ирландіи, попадается въ ископаемомъ состояніи во всей Средней Европѣ, въ Россіи и въ Верхней Италіи, однако довольно рѣдко. Въ Ирландіи, наоборотъ, кости его встрѣчаются такъ часто, что однажды изъ остатковъ костей устроили костеръ въ честь битвы при Ватерлоо—довольно грубое отношеніе къ драгоцѣннымъ остаткамъ старины! Обладая такими чудовищными рогами, этотъ олень едва-ли былъ любителемъ густыхъ лѣсовъ и сомнительно, чтобы онъ попадался въ лѣсистой Германіи въ историческую эпоху. Полагали, что олень, о которомъ идетъ рѣчь въ Нибелунгахъ, это и есть исполинскій олень. Но зоологія Нибелунговъ, вообще, сомнительна тамъ, напр., идетъ рѣчь о львахъ, которые, несомнѣнно, давно исчезли изъ Европы. Въ Нибелунгахъ, вѣроятно, идетъ рѣчь о лосѣ. Ни въ одной сокровищницѣ и ни

въ одной церкви не сохранилось роговъ этого оленя, тогда какъ хранились рога носороговъ, зубы нарваловъ, ребра китовъ и т. п.

Настоящимъ ледниковымъ животнымъ былъ также сѣверный олень (Cervus tarandus). Онъ меньше лося и исполинскаго оленя, подвижнѣе ихъ и менѣе притязателенъ; до сихъ поръ этотъ олень сохранился во всѣхъ полярныхъ сѣверныхъ странахъ. При надвиганіи ледниковъ, онъ, подобно мамонту, вѣроятно, прибылъ изъ Сѣвер. Азіи. Пока Сѣвер. Европа была еще подъ компактной массой льда, онъ подвигался къ юго-западу, до Франціи включительно: здѣсь остатки сѣвернаго оленя находятъ массами въ древнихъ пещерахъ. Когда ледъ отступилъ, то олень постепенно также отступилъ къ сѣверу. Это прирожденный житель сѣвера, болѣе упорно державшійся холоднаго климата, но именно поэтому во-время успѣвшій перейти въ мѣстности, обѣщавшія ему сохраненіе жизни. Какъ долго сѣверный олень еще возвращался, кочуя по окраинѣ позднѣйшей лѣсной германской полосы,—рѣшить трудно. Судя по описанію Цезаря, въ лѣсахъ на правомъ берегу Рейна бродилъ какой-то олень, повидимому сѣверный. Однако, сомнительно, чтобы тогда еще этотъ видъ жилъ по Рейну: въ Прибалтійскомъ краѣ это еще возможно. Сѣверный олень имѣетъ двоякое значеніе: кромѣ того, что онъ—ледниковое животное, уцѣлѣвшее до сихъ поръ, важно его давнишнее тѣсное соприкосновеніе съ человѣкомъ. Въ пещерахъ Франціи, сохранившихъ вѣрное изображеніе тѣхъ временъ, мы видимъ цѣлую культуру, построенную, такъ сказать, на сѣверномъ оленѣ. Его рога и кости доставляютъ матеріалъ для необходимыхъ орудій. Всюду онъ былъ необходимъ человѣку: для оружія, ремесленныхъ орудій, украшеній, первобытнаго шитья, даже какъ модель для рисованія. Его мясо было главной пищей; охота за мамонтомъ была, вѣроятно, великимъ геройскимъ подвигомъ, тогда какъ охота за сѣвернымъ оленемъ—первымъ обыденнѣйшимъ занятіемъ мужчинъ. Весьма понятно, что тоже необходимое и неопасное животное превратилось въ долговременную собственность человѣка, т. е. стало домашнимъ животнымъ. Да и теперь этотъ олень представляетъ полезное домашнее животное для жителей крайняго сѣвера. Олень доставляетъ имъ пищу и одежду, облегчаетъ какъ вьючное животное, ихъ кочевую жизнь.

Какъ значительна древность прирученія сѣвернаго оленя, это, конечно, установить трудно; но несомнѣнно, что она очень велика, и еслибы сѣверный олень не исчезъ изъ Германіи или изъ Франціи еще въ до-историческую эпоху подъ вліяніемъ болѣе теплаго климата и надвигающагося лѣса, то мы навѣрное имѣли бы передъ собою одно изъ самыхъ древнихъ домашнихъ животныхъ. Вѣдь мы видимъ еще другихъ животныхъ изъ современниковъ сѣвернаго оленя, болѣе прочно удерживавшихся на мѣстѣ, воспитанныхъ человѣкомъ въ теченіе тысячелѣтій и превратившихся въ домашнихъ животныхъ, въ болѣе полномъ смыслѣ этого слова. Важнѣйшія изъ этихъ животныхъ—это корова и лошадь.

Первобытная родина бычачьяго рода—это Азія. Здѣсь еще и теперь водится на Целебесѣ переходная форма къ антилопамъ, аноа (Probubalus depressicornis). Съ палеонтологической точки зрѣнія начало быковъ—въ Азіи, въ верхне-міоценовыхъ сиваликскихъ слояхъ, отсюда разные виды быковъ распространились въ Африкѣ, С. Америкѣ и Европѣ. Въ дилювіальную эпоху въ Европѣ жило много крупныхъ формъ; объ ихъ положеніи въ систематикѣ много спорили. Въ настоящее время установленнымъ можно считать лишь слѣдующее. Въ европейскомъ дилювіи слѣдуетъ рѣзко различать двѣ группы бычачьихъ. Представителемъ одной изъ нихъ въ Европѣ является только вымирающій видъ—зубръ (Bison europaeus); въ дикомъ видѣ онъ встрѣчается еще изрѣдка на Кавказѣ, а въ полудикомъ—въ Бѣловѣжской пущѣ. Родственный ему американскій бизонъ (B. americanus) также близокъ къ вымиранію. Въ древнемъ дилювіи представителемъ этого рода былъ древній бизонъ (B. priscus), весьма близкій къ нынѣшнему американскому. Отъ него произошелъ зубръ; всѣ эти виды оставались постоянно дикими, свирѣпыми звѣрями, испытавшими печальную участь—истребленіе человѣкомъ. Современникомъ древняго бизона былъ первобытный быкъ (Bos primigenius). Видъ этотъ теперь также вымеръ; но, повидимому, еще въ XVIII вѣкѣ онъ, подобно зубру, попадался въ лѣсахъ. Еще римскіе писатели указывали на германскихъ дикихъ быковъ, отличавшихся отъ зубровъ и носившихъ названіе туровъ. Судя по описанію, это были мощные черные быки съ сѣрыми рогами, заканчивающимися черными остріями. Ближайшею къ нимъ современною породою являются полудикіе быки, водящіеся въ шотландскихъ паркахъ. Они, однако, всегда бѣлаго цвѣта.

Нельзя, впрочемъ, сказать, что быки эти вполнѣ вымерли, такъ какъ ихъ потомками слѣдуетъ считать наши домашнія породы. Правда, нельзя считать доказаннымъ, чтобы всѣ эти породы имѣли одного дикаго родоначальника, но все же настоящій туръ игралъ, повидимому, главную роль.

Судьбу буйнаго тура, родоначальника мирныхъ домашнихъ животныхъ, раздѣляла и лошадь. Первые слѣды настоящей лошади мы находимъ въ третичныхъ отложеніяхъ въ Ю. Азіи; отсюда лошадь еще въ третичную эпоху перешла въ Ю. Европу, и нѣкоторыя нынѣшнія лошадиныя породы близко примыкаютъ къ сѣверно-нѣмецкой дилювіальной лошади. Трудныя изслѣдованія, приведшія къ этому коротенькому предложенію, положили конецъ одному старинному упорному филологическому заблужденію. Многіе, особенно Викторъ Генъ (Henn), затративъ массу филологическаго труда «доказали», что лошадь, какъ *культурный* продуктъ, также является даромъ Востока и ввезена изъ Азіи. Всѣ эти карточные домики филологовъ опрокинуты навсегда палеонтологическимъ изслѣдованіемъ. Лошадь съ самаго начала стала для европейца дружественнымъ животнымъ, товарищемъ охоты.

Не мѣшаетъ упомянуть еще о двухъ характеристичныхъ животныхъ сѣверно-германскаго дилювія, исчезнувшихъ въ средней Европѣ. Одно изъ нихъ представляетъ собою ледниковую эпоху, другое—эпоху развитія степей. Типичное животное нынѣшней сѣверо-американской тундры—это длинношерстый овцебыкъ и мускусный быкъ (Ovibos moschatus), величиною съ быка, но видомъ напоминающій огромнаго барана. Въ эпоху, когда срединныя германскія горы примыкали къ ледникамъ, это странное животное было товарищемъ косматаго носорога и мамонта. Когда тундра уступила мѣсто цвѣтущей степи, часъ мускуснаго быка пробилъ; за то явилось не менѣе типичное степное животное — сайга (Antilope saiga). Теперь его можно встрѣтить въ Азіатской Россіи. Голова ея неуклюжа, но по быстротѣ бѣга въ сайгѣ нельзя не узнать антилопы. Въ дилювіи сайга встрѣчалась до долины Темзы въ Ю. Англіи.

Спутниками крупныхъ копытныхъ млекопитающихъ обыкновенно бываютъ крупные хищники. Въ настоящее время бѣлый медвѣдь водится въ широтахъ, гдѣ нѣтъ уже ни одного растенія. Не удивительно, что и въ ледниковую эпоху чудовищные хищники уживались среди льдовъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить пещернаго медвѣдя (Ursus spelaeus). Это самое обыкновенное изъ дилювіальныхъ хищныхъ животныхъ; тысячи особей погребены въ глиняной почвѣ иныхъ пещеръ, вѣроятно служившихъ убѣжищемъ многимъ поколѣніямъ. Пещерный медвѣдь былъ крупнѣе всѣхъ существующихъ теперь видовъ медвѣдей. Его черепъ съ высокимъ лбомъ значительно превосходитъ величиною черепъ бураго медвѣдя; этотъ послѣдній, впрочемъ, былъ уже товарищемъ перваго въ позднѣйшую дилювіальную эпоху. Рѣже встрѣчаются, но болѣе поражаютъ насъ, когда мы находимъ ихъ гдѣ-нибудь въ

Германіи, кости могучихъ кошачьихъ видовъ. Таковъ пещерный левъ (Felis spelaea), крупнѣе нынѣшняго африканскаго, но очень на него похожій; великолѣпный экземпляръ найденъ, напр., въ Слоунской пещерѣ въ Моравіи. Находятъ также пантеръ и чудовищныхъ кошекъ съ кинжалоподобными зубами, такъ назыв. махайродовъ. Это даетъ понятіе о тогдашнихъ хищникахъ. Пещерная гіена значительно похожа на нынѣшнюю пятнистую; другой ископаемый видъ, древняя гіена, попадающійся напр., во Франціи, болѣе похожа на нынѣшнюю полосатую гіену. Значительно распространены были россомахи (Gulo borealis), теперь совершенно вытѣсненныя на сѣверъ.

Что касается собакъ, первые слѣды домашней собаки мы находимъ въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ на швейцарскихъ озерахъ и въ кухонныхъ отбросахъ, въ Даніи. Характерно обглоданныя кости указываютъ на то, что собака была другомъ человѣка. Происхожденіе собачьихъ породъ отъ одного дикаго родоначальника сомнительно; гораздо вѣроятнѣе, что онѣ произошли отъ разныхъ видовъ шакаловъ, волковъ и дикихъ собакъ и позднѣе преобразовались подборомъ и скрещиваніемъ.

Какимъ образомъ собака сдружалась съ человѣкомъ? Прежде всего она слѣдовала ради собственной выгоды за охотникомъ, поѣдая отбросы. Отсюда не далеко до пользованія собакою, какъ животнымъ, выслѣживающимъ дичь, какъ ночнымъ сторожемъ, наконецъ какъ забавнымъ товарищемъ. Собака не была обращена въ жалкое рабство и могла развить постепенно свой мозгъ. Въ до-историческую эпоху особенно распространена была собака «бронзоваго вѣка»; черепъ ея напоминаетъ черепа овчарки и пуделя.

Для опредѣленія смѣны дилювіальныхъ климатовъ и ландшафтовъ, важныя указанія доставляются грызунами. Такъ, въ настоящее время лемминги (Myodes)—грызуны, знаменитые своими странствованіями, — типичны для крайняго сѣвера Европы и являются спутниками сѣвернаго оленя. Остатки ихъ въ средне-европейскомъ дилювіи вновь указываютъ на тундры. Но когда мы находимъ въ лессѣ прыгающихъ мышей, хомяковъ, сусликовъ и т. п., жителей широкой теплой степи, напр. южно-русской, то приходится допустить болѣе теплый степной климатъ.

Итакъ, ледниковая эпоха всюду оставила свои слѣды. Это послѣднее крупное геологическое событіе непосредственно примыкаетъ къ тому, что мы называемъ «исторической эпохой». Мы ограничились почти одной Европой: но подобныя же явленія происходили, напр., въ Сѣверной Америкѣ. Ледниковая эпоха—это послѣдняя крупная станція геологической исторіи.

Дальнѣйшія крупныя измѣненія на земной поверхности были уже произведены *человѣкомъ*.

Нѣтъ момента въ исторіи развитія, болѣе таинственнаго и болѣе привлекательнаго, чѣмъ тотъ, когда мы впервые находимъ слабые, едва замѣтные слѣды присутствія на землѣ человѣка. Когда астрономъ указываетъ намъ въ отдаленной, мутной туманности зародыши развивающейся звѣздной системы, то величіе этой картины потрясаетъ насъ, но она въ то же время черезчуръ величественна для того, чтобы произвести цѣльное впечатлѣніе. Когда геологъ показываетъ намъ на древней каменной пластинкѣ камбрійской эпохи отпечатокъ какого-либо древняго животнаго, то этотъ голосъ жизни уже ближе къ нашему существу. Поднимаясь все выше и выше, мы достигаемъ слоевъ, гдѣ находимъ кости мамонта и въ одной изъ нихъ—наконечникъ стрѣлы. Мы извлекаемъ изъ глины панцырь глиптодона и находимъ подъ нимъ слѣды искусственнаго очага. Мы слѣдуемъ обломокъ кремня: онъ заостренъ, отесанъ — это орудіе, потребовавшее умственнаго труда. И сразу для насъ становится яснымъ, что произошло что-то необычайное; родился человѣкъ.

Но гдѣ это произошло? Въ какой странѣ онъ появился, когда именно? Какого онъ роду и племени? Чудовищная бездна отдѣляетъ насъ отъ до-исторической культуры. Мы видимъ, что культура, современная мамонту, достигла уже извѣстной высоты.

Само собою разумѣется, что происхожденіе человѣка такъ же темно, какъ и любого животнаго, такъ только мы задаемся цѣлью изслѣдовать его въ деталяхъ. Предположимъ, напр., что человѣкъ возникъ впервые въ Ю. Америкѣ подлѣ мегатерія и токсодона. О предкахъ и первобытной родинѣ мегатерія и токсодона мы пока ровно ничего не знаемъ; почему же насъ удивляетъ незнаніе предковъ человѣка?

Мы ровно ничего не знаемъ о ближайшихъ предкахъ обезьянъ: существуютъ лишь догадки объ ихъ генеалогіи.

Но если мы не знаемъ *деталей*, то не слѣдуетъ думать, что мы ничего не знаемъ. Еще слишкомъ распространено мнѣніе, что происхожденіе человѣка отъ какой-либо низшей формы не болѣе, чѣмъ «недоказанная гипотеза».

А что касается деталей, ихъ открываютъ каждый день; важнѣйшимъ изъ такихъ открытій является недавнее отысканіе костей антропопитека (Pithecanthropus erectus).

Въ средне-третичную эпоху млекопитающія обладали уже почти законченными формами. Въ міоценѣ мы уже находимъ настоящихъ человѣкообразныхъ обезьянъ.

Нынѣшнія крупныя антропоморфныя обезьяны въ молодости болѣе похожи на человѣка (или, точнѣе, болѣе похожи на нашихъ дѣтей), нежели въ зрѣломъ возрастѣ; такъ, напр., у самца гориллы черепъ представляетъ странные костные бугры, значительно отличающіе его отъ человѣка. Это указываетъ на общихъ предковъ, давшихъ независимыя вѣтви, и никто, разумѣется, не предполагаетъ, будто какая-либо изъ живущихъ теперь обезьянъ имѣетъ право считаться предкомъ человѣка. Существуетъ вѣроятность въ пользу мнѣнія, что древнѣйшая антропоморфная форма, бывшая предкомъ человѣка, существовала въ третичную эпоху. Долгое время на самомъ дѣлѣ полагали, что такой формой является дріопитекъ. Однако, когда была найдена челюсть дріопитека, то Годри убѣдился, что она менѣе похожа на человѣческую, даже чѣмъ челюсть шимпанзе.

Вопросъ затемняется еще тѣмъ, что мы не знаемъ также, когда собственно сложилась типичная форма человѣческаго черепа. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что сравнительно поздніе человѣческіе черепа дилювіальной эпохи представляютъ еще въ высшей степени много обезьяньихъ чертъ. Рѣшительнымъ доказательствомъ признается черепъ, извѣстный подъ именемъ Неандертальскаго. Онъ былъ найденъ въ 1856 году въ маленькомъ известковомъ гротѣ Неандерталя подлѣ Дюссельдорфа. Черепъ этотъ отличается весьма плоскимъ лбомъ и чудовищнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ, при въ высшей степени звѣрскихъ, обезьянообразныхъ очертаніяхъ. По несчастью, настоящій геологическій возрастъ этого интереснаго обломка черепа (сохранилась лишь верхняя часть) не опредѣлимъ по мѣсту нахожденія. Собственно форму черепа рѣзко раскритиковалъ Вирховъ, пришедшій къ выводу, что рѣчь идетъ о черепѣ идіота. Споръ нельзя назвать рѣшеннымъ до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что другого подобнаго черепа не удалось найти. Правда, подлѣ Люттиха былъ найденъ другой, такъ наз. Энгійскій черепъ, въ которомъ также указывали первобытныя черты, но, по несчастью, и здѣсь геологическій возрастъ трудно опредѣлимъ, тогда какъ черепа, найденные въ несомнѣнно дилювіальныхъ слояхъ, совершенно сходны съ черепомъ живущаго Homo sapiens. Если еще принять во вниманіе довольно высокую культуру, развившуюся въ Европѣ въ такъ наз. каменномъ вѣкѣ, то едва-ли возможно допустить, чтобы дилювіальный человѣкъ обладалъ обезьянообразнымъ черепомъ. Очевидно, что остатковъ первобытной формы надо искать въ третичныхъ отложеніяхъ.

Однако, если уже дилювіальный человѣкъ возбудилъ столько споровъ, то о третичномъ человѣкѣ мы почти ничего не знаемъ. Такъ, находили надрѣзы на костяхъ животныхъ, раздробленныя кости и т. п. Однако, опыты показали, что такіе результаты могли быть произведены зубами различныхъ животныхъ. Указывали на кремни третичнаго происхожденія, въ которыхъ также видѣли обработку. Правда, наши знанія о дилювіальномъ человѣкѣ также начались съ изслѣдованія кремней. Въ 1833 году Буше де-Пертъ основалъ свои капитальныя изслѣдованія Аббевильскаго дилювія на находкѣ кремней. Но въ дилювіальныхъ пластахъ мы находимъ камни съ весьма характерными признаками обработки; сверхъ того находятъ еще другіе слѣды культуры, сопровождающіе эти камни. Третичные обломки попадаются изолированно и имѣютъ такой видъ, что здѣсь легко заподозрить простое вліяніе физическихъ условій. По Циттелю и теперь въ Сахарѣ находятъ порою почву, покрытую обломками кремней, получившимися отъ растрескиванія камня. Единственное мѣсто земного шара, гдѣ съ спокойною совѣстью можно еще предположить существованіе третичнаго человѣка, это Южная Америка. Въ такъ наз. пампасской формаціи, примыкающей весьма близко къ пліоцену, (а можетъ быть и на самомъ дѣлѣ частью принадлежащей къ пліоцену, въ пользу чего есть сильныя геологическія доказательства) мы видимъ остатки человѣка, не обнаруживающіе очень низкаго строенія. Одинъ такой скелетъ нашли подъ мощнымъ панцыремъ глиптодонта. Находятъ длинноголовые и короткоголовые черепа. Одинъ скелетъ имѣлъ 18 позвонковъ, вмѣсто 17, и продырявленную грудную кость, но эти признаки встрѣчаются и теперь. Мегатеріи и глиптодонты жили въ этой области съ древнѣйшихъ временъ и даже еще дальше къ югу. Не оттуда-ли явился человѣкъ? Но такъ какъ онъ является впервые въ пліоценѣ, то вѣроятнѣе, что онъ, наоборотъ, прибылъ изъ Сѣв. Америки, подобно мастодонтамъ и кошачьимъ. Это объясняетъ, почему его не находятъ въ болѣе древнихъ глиптодонтовыхъ слояхъ передъ образованіемъ Панамскаго перешейка. Едва-ли не важнѣйшее значеніе имѣетъ недавняя находка антропопитека на о-вѣ Явѣ.

Типичный человѣкъ дилювіальной эпохи принадлежитъ исторіи культуры. Правда, и здѣсь многое не выяснено. Такъ, еще не вполнѣ доказано, найдены-ли истинные остатки доледниковой культуры. Первые несомнѣнные слѣды культуры найдены въ межледниковомъ лёссѣ, т. е. въ степной формаціи, раздѣляющей двѣ ледниковыя эпохи. Довольно наглядную картину даетъ лишь послеледниковая, послѣдняя эпоха дилювія Въ общемъ, здѣсь оканчивается палеолитическій или древнекаменный вѣкъ. Названіе „каменнаго вѣка“ выражаетъ, въ общихъ чертахъ, что люди еще не обладали никакими металлическими орудіями; даже каменныя орудія палеолитическаго вѣка обнаруживаютъ самую грубую работу—те-

саніе камней. Значительная роль, которую играли тогда сѣверные олени, позволяетъ говорить также о вѣкѣ сѣвернаго оленя. Изъ особенно замѣчательныхъ животныхъ мы все еще видимъ мамонта. Хотя культура еще весьма низка, однако, разныя изображенія, какъ, напр., рисунки мамонта, дикой (а можетъ быть и домашней? *Перев.*) лошади и т. п., указываютъ на то, что зачатки культуры уже стали развиваться. Отъ древнекаменнаго вѣка мы незамѣтно переходимъ къ новокаменному, упсъ нимъ оставляемъ дилювій и переходимъ постепенно къ отребленію металловъ—сначала бронзы, затѣмъ мѣди, наконецъ желѣза. Человѣкъ начинаетъ приручать домашнихъ животныхъ и переходитъ къ земледѣлію. Замѣчательны рисунки, найденные во французскихъ пещерахъ, въ Перигорѣ, начерченные на костяхъ сѣвернаго оленя. На одномъ изображенъ стоящій человѣкъ, обнаженный, съ прутомъ въ рукѣ и подлѣ него виднѣются двѣ лошадиныя головы; на другомъ—двѣ повидимому дикія лошади. Въ Шафгаузенѣ найденъ до-историческій очень искусный рисунокъ, изображающій сѣвернаго оленя. Замѣчательные остатки первобытной культуры представляютъ свайныя постройки, найденныя въ торфянистамъ днѣ швейцарскихъ озеръ. Не мѣшаетъ, однако, помнить, что въ Европѣ слѣды до-исторической культуры находятся въ сравнительно недавнюю эпоху, напр. въ первомъ тысячелѣтіи до Р. Х., когда на Востокѣ давно уже наступила историческая эпоха. Во внутренней Бразиліи Карлъ фонъ-денъ Штейненъ нашелъ на р. Шингу индѣйцевъ, до сихъ поръ пребывающихъ въ каменномъ вѣкѣ.

Вѣрованія и идеалъ.

Каковы бы ни были отношенія мыслителя къ господствующимъ религіознымъ представленіямъ, исторія культуры не можетъ не обратить величайшаго вниманія на религіозныя представленія древняго, какъ и новаго времени; ихъ важная роль въ культурно-историческомъ развитіи человѣчества не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вѣдь показываетъ этнографія, что тѣ или иныя религіозныя вѣрованія доставляютъ довольно безошибочное мѣрило культурной стадіи, достигнутой обладателями этихъ вѣрованій! Это обстоятельство ни мало не находится въ противорѣчіи съ основными началами теоріи развитія. Можно, наоборотъ, утверждать, что лишь съ помощью теоріи развитія и при ея посредствѣ можетъ быть достигнуто пониманіе столь разнообрасныхъ явленій духовнокультурной жизни въ теченіе исторіи человѣчества. Въ числѣ этихъ явленій, вѣрованія, или—говоря вообще—религія занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Этотъ взглядъ ни мало не касается вопроса о сущности и значеніи религіозныхъ вѣрованій. Онъ въ одинаковой мѣрѣ можетъ быть усвоенъ и тѣмъ, для кого религія вообще или опредѣленная вѣроисповедная форма является высочайшей истиной, а также тѣмъ, кто придерживается обратнаго мнѣнія. Религіозныя вѣрованія, какъ и другія идеи, движущія человѣчество, для историка культуры представляютъ нѣчто положительно данное,—безъ различія, признается ли это данное заблужденіемъ или же истиной. Но такъ какъ каждая вѣроисповѣдная форма признаетъ себя обладающей истиною, то не требуется доказательства того, что всѣ онѣ содержатъ примѣси человѣческихъ заблужденій.

Эволюціонное ученіе не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на рѣшеніе всѣхъ міровыхъ загадокъ; оно, наоборотъ, скромно сознается въ томъ, что можетъ рѣшить лишь нѣкоторыя загадки. Правда, оно питаетъ надежды, что въ будущемъ границы нашего познанія природы станутъ расширяться все далѣе и далѣе; оно съ успѣхомъ отражаетъ утвержденія людей, желающихъ установить вполнѣ опредѣленныя, якобы абсолютныя границы; но естествознаніе не желаетъ никому навязать мысли, что никакихъ границъ не существуетъ. Если ктоли-бо желаетъ оставаться при убѣжденіи, что наука никогда не будетъ въ состояніи объяснить этотъ міръ явленій, то эволюціонное ученіе не въ состояніи помѣшать этому. Съ однимъ этимъ признаніемъ, оно уже воздаетъ должное религіи, отличаясь этимъ отъ догматическаго матеріализма, какъ и отъ спиритуализма. Тотъ и другой—въ одинаковой мѣрѣ произведенія метафизическаго мышленія и, какъ таковыя, недоступны истинному пониманію. Мы свели чудеса первобытныхъ эпохъ на дѣйствія естественныхъ законовъ. Но что такое естественный законъ? Ни что иное, какъ усмотрѣніе того, что извѣстныя явленія должны правильно возвращаться при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Что̀ такое законъ природы сверхъ этого, мы не знаемъ. Мы можемъ объяснить всѣ до сихъ поръ намъ неизвѣстныя явленія „естественно“, при чемъ мы включаемъ ихъ въ кругъ извѣстныхъ намъ, или же приводимъ ихъ къ отношенію причинной связи, господствующему надъ всею природой. Вселенная и есть эта самая связь и не имѣетъ никакой причины, лежащей внѣ ея. Наука перевела древнія олицетворенія боговъ съ языка фантазіи на

языкъ разсудка и сдѣлала изъ прежнихъ боговъ—мыслимыя или допущенныя причины явленій природы. Таже способность человѣческаго духа, которая создала въ древности боговъ и ихъ изображенія, въ настоящее время создала вѣру въ силы природы и ихъ дѣйствія.

Эволюціонная теорія, отказываясь объяснить то, что еще необъяснимо научными средствами нашего времени, отказывается отъ обширнаго поля, которое еще подлежитъ завоеванію. Всѣ философскія системы, стремясь построить, на основаніи знаній своего времени, стройное міросозерцаніе, оставляли такой неразрѣшимый, ирраціональный остатокъ, которымъ спѣшитъ всегда овладѣть фантазія, создавая вѣрованія. Но всякая эпоха, всякій народъ дополняетъ этотъ остатокъ субъективно. Поэтому всякія вѣрованія имѣютъ существенно-антропоморфическій характеръ.[1])

Происхожденіе первобытныхъ вѣрованій.

У животныхъ можно уже замѣтить первыя начала языка и государственнаго правленія; точно также, ихъ чувства указываютъ на зачатки чего-то, подобнаго вѣрованіямъ, а именно на неопредѣленный страхъ передъ неизвѣстнымъ или таинственнымъ, возбуждаемый также и въ душѣ человѣка. Въ связи съ невѣжествомъ и съ вѣрованіями въ загробное существованіе души и въ призраки мертвецовъ, этотъ страхъ приводитъ къ установленію первобытныхъ вѣрованій.

Наши домашнія животныя выражаютъ страхъ и возбужденіе при грозѣ, землетрясеніи и солнечныхъ затменіяхъ. Большія человѣкообразныя обезьяны, находясь въ неволѣ, обнаруживали во время грозы признаки величайшаго страха и возбужденія. О весьма храбрыхъ павіанахъ баронъ ф.-деръ-Деккенъ [2]) сообщаетъ, что одна единственная лягушка могла обратить въ бѣгство цѣлое стадо павіановъ и что они точно также боятся невинныхъ ужей и ящерицъ. Собака, отличающаяся своими умственными способностями, устрашается или пугается ночью при видѣ подвижныхъ тѣней или же безжизненныхъ предметовъ, если они движутся отъ невидимаго вліянія; она пугается громоподобнаго шума, если не

[1]) Конецъ этой главы опущенъ, какъ *неудобный* для перевода. Фактическаго опъ, впрочемъ, ничего не содержитъ. *Ред.*

[2]) Reisen in O. Afrika, 1869.

знаетъ его причины, но этотъ страхъ исчезаетъ, если собака усматриваетъ естественную причину [2]).

Волки обнаруживаютъ ночью болѣе сильный страхъ передъ горящимъ факеломъ, чѣмъ передъ сворой собакъ, потому что собаки знакомы имъ по опыту, тогда какъ ночной свѣтъ имъ неизвѣстенъ. Точно также дѣти боятся темной комнаты, а суевѣрные люди — мертвеца. Человѣческій духъ боится неизвѣстнаго гораздо болѣе, нежели сильнаго, чему можно привести много примѣровъ изъ исторіи и опыта. Стоитъ вспомнить всадниковъ Кортеца, или же страхъ, обнаруживаемый дикарями передъ пароходами, или разсказъ о іерихонскихъ трубахъ и литаврахъ, или столь страшную для римлянъ боевую пѣснь германцевъ, и т. п. У грубыхъ людей здѣсь присоединяется еще вліяніе все преувеличивающей фантазіи, господствующей у необразованныхъ еще больше, чѣмъ у образованныхъ.

Конечно, на порогѣ этихъ изслѣдованій возбуждается трудный вопросъ: что же собственно слѣдуетъ подразумѣвать подъ словомъ религія, объ этимологическомъ происхожденіи котораго спорили уже древніе римляне. Отецъ церкви Августинъ производилъ это слово отъ латинскаго religare (связывать), выводя отсюда связь съ Божествомъ,—объясненіе, которое встрѣтило сочувствіе всего христіанскаго міра и удержалось въ существенныхъ чертахъ до сихъ поръ. Другое словопроизводство,—кажется, болѣе согласное съ филологическими данными,—выводитъ слово религія изъ латинскаго relegere, что означаетъ не только перечитывать, но и вновь обдумывать, откуда вытекаетъ совсѣмъ иное, гораздо болѣе широкое объясненіе слова, такъ что съ этой точки зрѣнія религіей будетъ, напр., всякая вѣра въ осуществленіе идеаловъ на землѣ и въ счастье человѣческаго рода. Дарвинъ, Тайлоръ и др. расширяютъ это понятіе, примѣняя его ко всякой вѣрѣ въ сверхъестественное или сверхчувственное, при чемъ минимальнымъ опредѣленіемъ религіи является *вѣра въ духовныя существа*, каковы бы они ни были. Это, однако, ни мало не противорѣчитъ утвержденію, что существуютъ вѣрованія, которыя можно назвать атеистическими, такъ какъ въ нихъ нѣтъ собственно идеи божества; существуютъ также нерелигіозные народы, которые, не смотря на противорѣчія теологовъ и отдѣльныхъ ученыхъ, несомнѣнно не дошли даже

[1]) Сравн. Romanes, Mental Evolution in animals. (Есть нѣм. перев. Die geist. Entwickelung im Tierreich, 1885).

до различенія между „естественнымъ“ и „сверхъестественнымъ“.

Стадія такъ наз. анимизма не можетъ считаться въ полномъ смыслѣ слова стадіей религіознаго развитія, пока человѣкъ не имѣетъ ни идоловъ, ни храмовъ, ни жертвенныхъ обрядовъ,—вообще ничего, имѣющаго характеръ религіи или набожности; онъ тогда просто еще не различаетъ между собственнымъ „я“ и окружающей природой и по собственному образу создаетъ всеобщую жизненность и одушевленность природы, въ которой видитъ лишь себя или свое собственное я, не зная ничего болѣе высокаго, почему приписываетъ всѣмъ, какъ живымъ, такъ и неживымъ существамъ, душу, аналогичную своей собственной. Къ анимизму примыкаетъ *фетишизмъ* или же то грубое, чувственное суевѣріе и вѣра въ волшебство, которой также неизвѣстны ни храмы, ни идолы, ни жертвы, ни жрецы, ни молитвы, ни вѣра въ будущую жизнь, ни какія-либо точки соприкосновенія съ моралью или съ нравственностью. Многіе ученые думаютъ усмотрѣть здѣсь самую раннюю форму вѣрованій, хотя на самомъ дѣлѣ эту стадію слѣдуетъ признать лишь предварительной, составляющей не религію, а лишь исходный ея пунктъ. Любой предметъ можетъ быть сдѣланъ фетишемъ, и негръ полагаетъ, что съ помощью фетиша можно совершать чары и дѣйствовать сверхчеловѣческими силами; если же фетишъ не оправдываетъ ожиданій, негръ ломаетъ его или наказываетъ, или замѣняетъ другимъ [1]).

Настоящей религіей фетишизмъ становится лишь съ переходомъ въ стадію *тотемизма* или поклоненія чувственнымъ образамъ и тѣламъ природы, въ которыхъ подозрѣваютъ присутствіе высшихъ существъ или божествъ, обитающихъ землю въ скрытомъ видѣ и оказывающихъ вліяніе на судьбы людей. Тотемизмъ можетъ возникнуть лишь у такихъ народовъ, которые начинаютъ понимать различіе между „естественнымъ“ и „сверхъестественнымъ“ и приписываютъ душамъ или духамъ особое, отдѣльное отъ вещей существованіе. Сюда принадлежитъ поклоненіе солнцу, лунѣ, звѣздамъ,—культъ неба, земли, горъ, деревьевъ, священныхъ дубравъ или камней,

[1]) Авторъ напрасно признаетъ фетишизмъ *первичной* стадіей, слѣдуя въ этомъ случаѣ мнѣнію Конта. Фетишизмъ возникаетъ изъ предположенія, что неодушевленный предметъ *одержимъ* вселившимся въ него духомъ, стало быть, фетишизму предшествуетъ вѣра въ духовные призраки. Фетишизмъ есть то, что авторъ описываетъ далѣе, какъ тотемизмъ; его не слѣдуетъ смѣшивать съ первобытнымъ анимизмомъ, состоящимъ въ томъ, что всѣ необычайные, мощные и малоизвѣстные дѣятели природы признаются живыми существами.

Перев.

вулкановъ и огня, грома, молніи, вѣтра, воды, моря, рѣкъ, озеръ, колодцевъ и т. д., наконецъ, разныхъ животныхъ, въ видѣ такъ наз. зоолатріи, при чемъ *змѣя* играетъ самую выдающуюся роль. Этотъ культъ змѣй или служеніе змѣямъ настолько распространено и проявляется въ такой различной формѣ, что многіе изслѣдователи разсматриваютъ его какъ нѣчто особенное, и даже была сдѣлана попытка признать этотъ культъ первобытной религіей человѣческаго рода. Наряду съ культомъ змѣй, однимъ изъ самыхъ распространенныхъ видовъ зоолатріи былъ культъ быковъ и коровъ. Индусы покланяются почти каждому живому существу; а склонность египтянъ къ зоолатріи показываетъ, что этотъ родъ религіи просуществовалъ еще въ начальныя эпохи цивилизаціи. Далѣе слѣдуетъ стадія *шаманства*, когда божества помѣщаются уже не на землѣ, но въ другомъ мірѣ и оттуда вдохновляютъ отдѣльныхъ выдающихся личностей; затѣмъ является *идолопоклонство*, при чемъ искусственно изображаютъ божества и оказываютъ имъ почитаніе. Большею частью боги изображаются въ человѣческой формѣ, въ видѣ статуй, рисунковъ и т. д., при чемъ представляли себѣ, что боги обладаютъ и человѣческими слабостями, что ихъ можно уговорить и упросить и т. п. Боги размножаются въ связи съ весьма распространеннымъ вѣрованіемъ въ блужданіе по землѣ душъ или призраковъ, при чемъ между этими душами устанавливается іерархія, благодаря тому, что почитаютъ души вождей, царей, жрецовъ, выдающихся людей и т. п., порою еще при жизни возводимыхъ въ рангъ божествъ и почитаемыхъ наравнѣ съ богами: въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ обоготвореніе людей въ самомъ подлинномъ значеніи этого слова. Первый поводъ къ этому культу людей, быть можетъ, поданъ семейными отношеніями. Отецъ семейства соединялъ въ своей особѣ чувства религіознаго страха и любви членовъ семьи, а эти чувства распространялись на старѣйшинъ или вождей племени. На этой стадіи развитія, образующей, въ связи съ возрастаніемъ монархической власти вождей, переходъ къ антропоморфизму, съ его жертвами, храмами, жрецами и т. д., на мѣсто прежнихъ колдуновъ и заклинателей является формальное жреческое сословіе; его значительныя личныя преимущества въ роли посредниковъ между мертвыми и живыми, между небомъ и землею, вскорѣ становятся ясными для его кліентовъ.

Во всякомъ случаѣ, на этой стадіи боги все еще играютъ

подчиненную роль, не представляясь самотворящими существами, но зависия, какъ это было у грековъ, отъ нѣкоторой стоящей надъ ними власти. Это измѣняется лишь по наступленіи вѣры въ невидимыя и непостижимыя сущности, представляющіяся частью какъ творческія силы, частью на подобіе человѣческихъ властителей, какъ повелѣвающія или правящія силы неба и земли. Земные цари или вожди при этомъ начинаютъ признаваться представителями боговъ, а жрецы—ихъ помощниками, и издаваемые ими законы считаются выраженіями воли боговъ.

За этой стадіей политеизма или многобожія является *монотеизмъ* или вѣра въ единое божество. Первоначально одинъ богъ признается лишь главнымъ, другіе же ему подчиняются, образуя родъ феодальной системы. Однако, всякій народъ признаетъ своего національнаго бога: такимъ былъ даже Іегова, и лишь христіанство и магометанство провозгласило единаго Бога для всего человѣчества.

При дальнѣйшемъ развитіи единобожія, исчезаютъ всѣ подчиненные и посредничающіе боги, остается лишь одинъ Богъ и рядомъ съ нимъ человѣческія безсмертныя души, напоминающія о прежнихъ представленіяхъ.

Почитаніе мертвецовъ или просто почтеніе, оказываемое мертвымъ тѣламъ, и сооруженіе могилъ находятся въ тѣсной связи съ указанными представленіями. То и другое, какъ извѣстно, достигло широкаго развитія въ Египтѣ. Менѣе величественны, но гораздо болѣе распространены памятники до-историческаго періода, извѣстные подъ именемъ мегалитовъ (могилы исполиновъ, могилы, приписываемыя гуннамъ, Hünengräber), дольмены въ видѣ плитъ, курганныя могилы, кромлехи или круговыя ограды, менгиры и т. п. могильныя сооруженія, встрѣчающіяся почти повсюду на земномъ шарѣ. Они распространены многими тысячами или даже сотнями тысячъ по всей Европѣ, с. Африкѣ и большей части Азіи.

Изъ могильнаго культа и культа мертвыхъ тѣлъ вполнѣ послѣдовательно развился *жертвенный культъ*, распространившійся не только на животныхъ, но и на человѣка. То же сочетаніе идей, которое привело къ возникновенію культа мертвыхъ тѣлъ и къ зоолатріи, привело также, въ связи съ жертвеннымъ культомъ, къ весьма широко распространенному обычаю людоѣдства (антропофагіи или иначе каннибализма), хотя и нельзя сказать, чтобы всюду, гдѣ были въ употребленіи человѣческія жертвы, неизбѣжно съ ними свя-

зывался каннибализмъ. Было придумано много теорій происхожденія каннибализма, хотя, принимая во вниманіе природу человѣка, объясненіе почти такъ же излишне, какъ и для каннибализма у животныхъ [1]). Во всякомъ случаѣ, нельзя считать единственной причиной недостатокъ пищи, такъ какъ извѣстно, что этотъ, съ нашей точки зрѣнія столь отвратительный обычай существовалъ и теперь существуетъ даже у такихъ охотничьихъ племенъ, которыя никогда не испытывали недостатка въ мясѣ. Слѣдуетъ, поэтому, предположить, что отвращеніе отъ употребленія человѣческаго мяса не есть нѣчто врожденное, но, подобно стыдливости, морали, чувству собственности, чувству справедливости, лишь постепенно пробуждается въ человѣческой природѣ, благодаря успѣхамъ цивилизаціи. Ни одинъ народъ, ни одна эпоха, ни одна часть свѣта не могутъ быть признаны вполнѣ невиновными въ этомъ отношеніи. Всюду можно найти слѣды каннибализма либо непосредственно, либо въ миѳахъ, легендахъ и т. д., и безъ преувеличенія можно сказать, что не существуетъ теперь ни одной человѣческой расы, у которой въ прошломъ не было бы случаевъ каннибализма, частью зависящаго отъ суевѣрій, частью отъ обжорства и рѣже отъ дѣйствительнаго голода. Одинъ миссіонеръ напрасно пытался убѣдить дикаря, что пожирать своего ближняго преступно или дурно. Дикарь самымъ наивнымъ образомъ отвѣтилъ: „Но увѣряю тебя, что человѣческое мясо вовсе не дурно, а очень вкусно“.

Весьма возможно, судя по многимъ даннымъ, что антропофагія была гораздо болѣе распространена въ неолитическую, т. е. позднѣйшую эпоху, нежели въ древнѣйшую, палеолитическую. Нельзя также утверждать, что людоѣды стоятъ на весьма низкой ступени духовнаго развитія. Наоборотъ, оказывается, что каннибалы и народы, приносившіе человѣческія жертвы,—что практиковалось еще въ Мексикѣ съ ея высокой цивилизаціей, въ эпоху покоренія испанцами,—эти племена стояли выше въ тѣлесномъ и въ умственномъ отношеніи, нежели ихъ сосѣди, гнушавшіеся людоѣдства, превосходя послѣднихъ по земледѣлію, промышленности, искусствамъ и даже законодательству. Оскаръ Пешель ссылается въ своемъ „Народовѣдѣніи“ на новозеландскихъ маори, на жителей о-вовъ Вити, на негровъ племенъ Фанъ и Ньямъ-Ньямъ

[1]) Трудность объясненія зависитъ отъ того, что, судя по строенію зубовъ и по сравненію съ антропоморфными обезьянами, человѣкъ не принадлежитъ къ числу хищныхъ, но скорѣе приспособленъ къ питанію плодами и кореньями.

въ экваторіальной Африкѣ. Поэтому существованіе каннибализма у первобытныхъ европейцевъ не можетъ еще считаться признакомъ низкаго развитія.

До какихъ чудовищныхъ предѣловъ еще и теперь доходитъ каннибализмъ, въ этомъ убѣждаютъ сообщенія заслуживающихъ довѣрія путешественниковъ о племенахъ внутренней Африки и Ю. Америки. Можно также сослаться на совершенно недавнее сообщеніе апостолическаго викарія областей, состоящихъ подъ германскимъ протекторатомъ въ Австраліи и на Южномъ морѣ, епископа Кунце изъ Новой Помераніи. Здѣсь людоѣдство превратилось въ дьявольски-утонченное обжорство; въ пищу служатъ не только побѣжденные—побѣдителямъ, но бываютъ случаи, что дѣти убиваютъ родителей и пожираютъ ихъ.

Открытіе искусственнаго добыванія огня и послѣдствія этого изобрѣтенія.

Употребленіе огня, этого драгоцѣннаго блага, для всевозможныхъ цѣлей будничной жизни представляетъ для насъ, культурныхъ людей, нѣчто до такой степени подразумѣвающееся само собою, что мы едва въ состояніи перенестись мыслью въ тѣ времена или эпохи, когда это употребленіе было неизвѣстно человѣку. И тѣмъ не менѣе, искусство зажиганія и употребленіи огня было открыто лишь въ сравнительно позднюю эпоху первобытной исторіи человѣчества, послѣ того, какъ протекло продолжительное, лишенное огня время. Это искусство должно быть разсматриваемо также, какъ одно изъ важнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся человѣческихъ изобрѣтеній и какъ одинъ изъ самыхъ мощныхъ культурныхъ рычаговъ или, до извѣстной степени, какъ фундаментъ всей культуры.

Важное значеніе огня было такъ хорошо понято уже въ древнѣйшія времена, что почти у всѣхъ древнихъ культурныхъ народовъ, на-ряду съ традиціями о „безъогненномъ" времени, имѣются слѣды поклоненія огню и миѳы о первыхъ изобрѣтателяхъ искусственнаго огня или о людяхъ, похитившихъ огонь съ неба, какъ нѣчто божественное и неземное. Также у многихъ дикихъ племенъ существуютъ легенды о происхожденіи огня, что доказано, напр., д-ромъ Ф. Боасомъ (изъ Нью-Іорка) для миѳологіи приморскихъ племенъ с. з. Америки. Всѣ эти легенды, большею частію связанныя съ легендами о звѣряхъ, изображаютъ добываніе огня, какъ нѣчто сопряженное съ величайшими трудностями.

Остатки тѣхъ древнихъ представленій, которыя разсматривали или почитали огонь, какъ нѣчто божественное, находятся въ греческомъ миѳѣ о Прометеѣ, въ почитаніи индійскаго бога огня Агни, въ народномъ служеніи Миорѣ, въ семитическомъ культѣ Молоха и т. п. Слѣды огнепоклонничества можно усмотрѣть даже теперь у нѣмецкихъ крестьянъ, въ такъ называемомъ Nothfeuer, игравшемъ важную роль уже въ германской древности и теперь еще зажигаемомъ крестьянами разныхъ европейскихъ странъ въ видѣ защиты отъ болѣзней, скотскаго падежа, колдовства и т. п., съ соблюденіемъ особыхъ пріемовъ. Этотъ „священный огонь", якобы совершенно отличающійся отъ простого огня, обладаетъ будто бы особой волшебной силой—взглядъ, до сихъ поръ еще раздѣляемый индійскими браминами, такъ какъ они думаютъ, что добываемый треніемъ священный огонь, зажигаемый для жертвоприношеній въ храмахъ, представляетъ нѣчто лучшее и высшее, нежели обыкновенный огонь. Подобное же суевѣріе побуждало древнихъ римлянъ зажигать священный огонь весталокъ помощью зажигательныхъ стеколъ, посредствомъ солнечныхъ лучей. Неугасаемыя лампады католиковъ имѣютъ аналогичное происхожденіе.

Это суевѣріе, конечно, съ древнѣйшихъ временъ поддерживалось жречествомъ, изображавшимъ собою намѣстниковъ неба и оставившимъ за собою право добывать и поддерживать священный огонь. Поэтому мы почти всюду находимъ огнепоклонничество въ тѣсной связи съ жречествомъ; поэтому же шаманы, служившіе огню, могутъ считаться первыми жрецами, соединявшими человѣческія и божественныя силы въ одномъ лицѣ. Многіе ученые даже полагаютъ, что источникъ жречества приводится именно къ огнепоклонничеству.

Сказанное выше, въ связи съ результатами языкознанія, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что огонь не могъ быть извѣстенъ первобытному человѣку съ самаго начала, но что его изобрѣтеніе разсматривалось какъ особо-важное событіе. По разсказамъ путешественниковъ, и теперь еще есть лишенные употребленія огня народы или по крайней мѣрѣ такіе, которые не въ состояніи сами добывать его, а поэтому поддерживаютъ вѣчные костры. Однако, другіе путешественники отвергаютъ это.

Нѣкоторые ученые высказали мнѣніе, что человѣкъ вообще не въ состояніи жить безъ огня. Однако, можно сослаться на то, что эскимосы, несмотря на чудовищные морозы, не топятъ своихъ жилищъ, по причинѣ рѣдкости и дороговизны топлива. Австралійцы, хотя имъ было извѣстно употребленіе огня и у нихъ существовали даже легенды объ изобрѣтеніи огня, до прибытія европейцевъ не имѣли понятія о варкѣ или жареніи пищи. Ихъ главную пищу составляли сырыя морскія животныя, вродѣ тѣхъ, которыми питались доисторическіе приморскіе жители, нагромоздившіе кучи такъ наз. Kjökkenmöddings или кухонныхъ отбросовъ, главнымъ образомъ—раковинъ. Также таитяне до прибытія европейцевъ не знали *варки* пищи, не обладая никакими сосудами и не имѣя представленія о кипяченіи воды. Они довольствовались печеніемъ или жареніемъ въ земляныхъ ямахъ, помощью раскаленныхъ камней.

Жители Маріанскихъ острововъ, а также нѣкоторыхъ другихъ малыхъ острововъ Тихаго океана, при прибытіи европейцевъ испытывали необычайный страхъ передъ неизвѣстнымъ имъ огнемъ, признавая его дикимъ, змѣевиднымъ, пожирающимъ дерево чудовищемъ. Древніе писатели, какъ, напр., Плиній, Діодоръ, Павзаній, Плутархъ и др., разсказываютъ о народахъ, не знавшихъ огня: по словамъ Помпонія Мелы, одинъ такой народъ жилъ въ Антіохіи, когда туда пріѣхалъ Эвдоксъ съ цѣлью открытія новыхъ странъ. Люди эти, не зная, что такое огонь, обнимали его.

Впрочемъ, огонь, несмотря на его огромное значеніе, далеко не игралъ такой роли у нашихъ древнѣйшихъ предковъ, какъ можно было бы думать, судя по его нынѣшней роли. Человѣкъ третичнаго періода (если только онъ существовалъ) и такъ наз. рѣчной человѣкъ въ началѣ четвертичнаго періода (въ до-ледниковую эпоху) жилъ въ тепломъ и равномѣрномъ климатѣ и не нуждался въ согрѣваніи, исключая развѣ холодныхъ ночей, когда онъ, какъ еще теперь, вѣроятно устраивалъ лагерь вокругъ открытаго костра. Еще менѣе нуждался въ огнѣ позднѣйшій „пещерный человѣкъ“, такъ какъ онъ, при тѣсномъ сожительствѣ въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ, такъ же мало чувствовалъ внѣшній холодъ, какъ нынѣшній эскимосъ.

Также жаренье мяса и проч. на открытомъ огнѣ или же между раскаленными камнями явилось лишь позднѣе, такъ какъ первобытный человѣкъ, подобно крупнымъ антропоморфнымъ обезьянамъ, первоначально былъ вегетаріанцемъ и лишь позднѣе сталъ всеяднымъ животнымъ, при чемъ сначала поѣдалъ все въ сыромъ видѣ. Въ особенности пожирался въ сыромъ видѣ костный мозгъ убитыхъ животныхъ, составлявшій чрезвычайно лакомое блюдо. Ѣли также полусгнившее мясо, что и теперь еще дѣлаютъ австралійцы [1]) съ китами, прибитыми къ берегу.

Почти еще важнѣе, чѣмъ для приготовленія пищи, былъ огонь для сооруженія и выдалбливанія челноковъ, на которыхъ до-историческій человѣкъ, подобно нынѣшнему дикарю, переплывалъ моря и рѣки. Но особаго значенія достигъ огонь лишь въ такъ наз. неолитическую или новокаменную эпоху, послѣ того какъ земледѣліе доставило необходимый матеріалъ для производства важнѣйшаго пищевого продукта—хлѣба. Многочисленные куски хлѣба, найденные среди остатковъ знаменитыхъ до-историческихъ свайныхъ построекъ, доставляютъ достаточно убѣдительное доказательство. Въ то же время развилось и горшечное искусство, также одинъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ культуры,—быть можетъ, самый важный послѣ огня,—и доставило подходящіе сосуды для варки пищи. Это замѣнило варку раскаленными камнями, состоявшую въ томъ, что камни, вынутые изъ огня, бросались въ воду, налитую въ яму, устланную шкурою животныхъ, пока вода не закипала.

Изъ всего предыдущаго можно вывести, что, какъ уже замѣчено, употребленіе огня и искусство его добыванія не есть какая-либо прирожденная особенность человѣка, но принадлежитъ сравнительно болѣе поздней эпохѣ человѣческаго развитія. Однако, эта эпоха не можетъ быть названа ни очень древней, ни очень поздней, такъ какъ на европейской почвѣ, почти всюду, гдѣ найдены достовѣрные слѣды первобытнаго человѣка, находятъ и не менѣе достовѣрные слѣды огня, а именно очаги изъ гладкихъ камней, уголья, пепелъ, полусожженныя кости, закопченные глиняные черепки и т. п. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы европейскіе жители, приготовлявшіе знаменитые кремневые топоры или кремневыя орудія, выказывающія свое до-историческое происхожденіе и выдѣланныя посредствомъ отбиванія кусковъ, могли не замѣтить искръ, которыя навѣрное являлись при работѣ надъ кремнемъ; это должно было привести ихъ къ открытію

[1]) Аналогичные факты объ огнеземельцахъ см. Ч. Дарвинъ, «Путеш. на кор. Бигль». *Пер.*

огня, если только огонь не былъ имъ извѣстенъ раньше. Прежнее знакомство могло быть доставлено огнемъ, происшедшимъ отъ удара молніи въ горючій предметъ, отъ вулканическаго изверженія, отъ горящихъ источниковъ газа и т. п.

Отъ этого простого ознакомленія, которое могло привесть къ сохраненію драгоцѣннаго дара посредствомъ поддерживанія вѣчнаго огня, конечно, еще далеко до искусственнаго добыванія огня. Могло пройти не мало времени, прежде чѣмъ человѣкъ научился добывать огонь самостоятельно, посредствомъ взаимнаго тренія двухъ кусковъ дерева. Первый и простѣйшій способъ этого добыванія, вѣроятно, состоялъ въ быстромъ передвиженіи туда и сюда куска дерева въ желобѣ другого сухого куска, плотно укрѣпленнаго въ почвѣ и обложеннаго сухими листьями или другими легко воспламеняющимися предметами. Отсюда развилось болѣе сложное, но гораздо болѣе дѣйствительное, такъ называемое сверлильное огниво, родъ бурава, въ различномъ видѣ распространеннаго почти по всему земному шару и до сихъ поръ еще употребляемаго дикарями. Древнемексиканскія изображенія показываютъ, что этотъ родъ добыванія огня былъ распространенъ тамъ повсюду и, вѣроятно, былъ въ рукахъ жрецовъ. Значительный шагъ впередъ при употребленіи этого орудія былъ сдѣланъ посредствомъ изобрѣтенія „ременнаго“, „снабженнаго дугой“ и, наконецъ, „поршневаго“ бурава, при чемъ ручная сила была замѣнена болѣе цѣлесообразными механическими приспособленіями. Индійскіе брамины, говорятъ, еще и теперь употребляютъ сверлильное огниво (что дѣлали и древніе греки) для добыванія священнаго огня. Въ Швейцаріи мальчики устраиваютъ себѣ такое огниво въ видѣ игрушки, хотя владѣть имъ требуетъ не малаго упражненія и ловкости [1]).

Также обычай сожженія труповъ, поклоненія предкамъ и человѣческія жертвы находятся въ связи съ изобрѣтеніемъ огня. Поклоненіе звѣздамъ весьма легко и тѣсно слилось съ культомъ огня и съ магіей. Не удивительно также, что и лучезарному солнцу стали приносить жертвы съ помощью огня; сначала люди добровольно предавали себя въ жертву священному огню, чтобы подняться въ видѣ свѣтлыхъ душъ къ солнцу. Дальнѣйшимъ логическимъ слѣдствіемъ былъ взглядъ на болѣзнь, какъ на запятнаніе, омраченіе, оскверненіе свѣтлаго огня, образующаго душу; лѣченіе превратилось въ очищеніе. Шаманы, служившіе огню, были первыми лѣкарями. Еще теперь знахари американскихъ индѣйцевъ напоминаютъ о древней врачебной дѣятельности жрецовъ и даже у христіанъ врачебное искусство долго сосредоточивалось въ монастыряхъ и лѣченіе тѣла было связано съ лѣченіемъ души.

[1]) Авторъ добавляетъ, что сверлильное огниво, быть можетъ, послужило источникомъ фаллическаго культа, при чемъ производительная сила мужчины якобы разсматривалась какъ искра Прометея. Здѣсь очевидна натяжка, а потому мы опустили это мѣсто въ текстѣ. *Перев.*

Вѣра въ безсмертіе и обряды погребенія мертвыхъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ религіозными стремленіями находится вѣра въ безсмертіе, находящая свое живѣйшее выраженіе въ обычаяхъ, примѣняемыхъ къ погребенію мертвыхъ. Само собою разумѣется, что такая вѣра могла развиться первоначально лишь послѣ образованія индивидуальнаго понятія о душѣ. Слѣдами ея въ до-историческую эпоху являются круглыя отверстія въ каменныхъ кладкахъ мегалитическихъ памятниковъ: полагаютъ, что эти дыры имѣли цѣлью предоставить душѣ возможность улетѣть или же возвратиться назадъ. Сюда же относятся остатки отъ погребальныхъ празднествъ и отъ культа мертвецовъ, найденные во многихъ могильныхъ пещерахъ того времени, а также въ безчисленныхъ кладбищахъ нѣсколько позднѣйшихъ временъ. Такъ, напр., многочисленные предметы, вродѣ пищи и питья, которыми снабжали умершихъ, обозначаютъ вѣру въ продолженіе жизни послѣ смерти, хотя бы и въ самой чувственной формѣ. Родъ и способъ представленія этой жизни, конечно, былъ въ доисторическія времена такимъ же причудливымъ и грубымъ, какъ у нынѣшнихъ дикарей. Эти послѣдніе, если только вѣрятъ вообще въ будущую жизнь, представляютъ ее себѣ какъ простое продолженіе земной жизни, съ такими же потребностями, страстями и наслажденіями.

Также родъ и способъ погребенія, сооруженія могильныхъ памятниковъ, могильныхъ холмовъ или каменныхъ кучъ, надгробныхъ камней и т. д., у многихъ дикихъ или полудикихъ племенъ еще теперь совсѣмъ таковъ, какимъ онъ былъ въ неолитическую эпоху. Но въ древнѣйшую палеолитическую эпоху первобытный человѣкъ повидимому не болѣе заботился о своихъ мертвецахъ, нежели животныя. Онъ предоставлялъ ихъ на открытой землѣ разрушительному дѣйствію непогоды и зубовъ дикихъ животныхъ—обычай, впрочемъ, до сихъ поръ уцѣлѣвшій у нѣкоторыхъ монгольскихъ племенъ

Средней Азіи для труповъ бѣдняковъ; у нѣкоторыхъ же американскихъ индѣйцевъ существуетъ обычай вѣшать мертвецовъ на деревьяхъ или на особыхъ столбахъ, предлагая трупы въ пищу грифамъ и воронамъ.

Однимъ изъ слѣдствій вѣры въ безсмертіе въ древнѣйшую эпоху былъ также возмущающій насъ обычай,—въ случаѣ смерти вождей или выдающихся людей, обрекать ихъ женъ, служанокъ, рабовъ и т. п. смерти, для служенія умершему на томъ свѣтѣ. Также отвратительный обычай индусовъ—сожиганіе вдовъ—отчасти относится къ той же категоріи.

Впрочемъ, не существуетъ какого-либо исконнаго, свойственнаго всему человѣчеству, вѣрованія въ загробное существованіе, и совершенно ошибочно думать, что народы, лишенные такой вѣры, представляютъ выродившихся потомковъ болѣе цивилизованныхъ расъ. Допущеніе первобытнаго совершенства человѣка лишено всякаго основанія. Существуютъ дикари, у которыхъ даже самая остроумная софистика не можетъ доказать существованія вѣры въ безсмертіе. Достаточно напомнить о бесѣдѣ сэра Бэкера съ вождемъ негровъ племени Латука на Бѣломъ Нилѣ: напрасно было стараніе Бэкера убѣдить этого вождя въ справедливости догмата загробнаго существованія. Общеизвѣстно, что даже въ классической древности вѣра въ безсмертіе была мало распространена и мало интензивна, и что эта вѣра получила настоящую силу и распространеніе лишь подъ вліяніемъ христіанства. Даже „избранный народъ Божій", евреи, до вавилонскаго плѣненія не усвоили этого догмата, а ихъ наиболѣе вліятельная секта, саддукеи, прямо отвергала догматъ безсмертія до самой христіанской эры. Религія, числящая за собою наиболѣе послѣдователей, а именно буддизмъ, въ своей первоначальной формѣ знаетъ такъ же мало о томъ свѣтѣ, какъ и Капила и китайскій мудрецъ Конфуцій. Да и теперь такой высокоразвитый народъ, какъ японцы, едва вѣритъ въ личнаго Бога и не вѣритъ въ загробную жизнь. У древнихъ грековъ догматъ безсмертія развился подъ вліяніемъ Платона и особенно неоплатониковъ; Птолемей Филадельфъ счелъ даже необходимымъ запретить признаніе этого догмата, тогда какъ теперь многія государства запрещаютъ обратное.

Каково бы ни было наше отношеніе къ вопросу о безсмертіи души, историкъ культуры не вправѣ игнорировать того, что это вѣрованіе имѣло цивилизующее значеніе. Гдѣ еще

не могло быть автономной морали, важна была мораль, опиравшаяся на это вѣрованіе.

Мысль о душѣ, независимой отъ тѣла и, стало быть, безсмертной, есть сложный продуктъ. Однимъ изъ факторовъ, создавшихъ эту идею, были сновидѣнія. Непонятное явленіе смерти, въ связи съ явленіями сна, обморока, галлюцинацій, бреда и т. д.,—все это соединилось въ идеѣ души. Въ особенности смерть представляли себѣ не какъ естественное событіе, но какъ нѣчто, причиненное враждебными силами, чарами и т. п. Даже у наиболѣе развитыхъ народовъ земного шара мы видимъ приписываніе болѣзней тѣла извѣстнымъ мистическимъ причинамъ, тогда какъ душевныя болѣзни признавались прямо „одержимостью" злыми духами.

Соединенный съ этимъ страхъ передъ больными распространялся также на мертвыхъ и подалъ поводъ съ самымъ страннымъ обычаямъ. Даже у народовъ, уже вступившихъ въ стадію цивилизаціи, находятъ представленіе о нечистотѣ умершаго и о соединенное съ этимъ отвращеніе къ виду смерти, что мы видимъ у древнихъ евреевъ и у мидійскихъ и персидскихъ маговъ. Отсюда нерѣдко весьма неласковое обращеніе, которое встрѣчаютъ у разныхъ народовъ, когда рѣчь идетъ объ умирающихъ и умершихъ.

Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, одерживаетъ верхъ противоположное чувство, подавая поводъ оставшимъ въ живыхъ не только къ воплямъ у трупа или у гроба умершаго, но и къ особому обращенію съ трупомъ при послѣдующемъ торжественномъ погребеніи. Первый долгъ, который воздавали бездушной оболочкѣ, состоялъ въ закрываніи умершему глазъ и рта. Затѣмъ трупъ обмывали, умащали благовонными маслами, окутывали пеленою или драгоцѣнными одеждами, и наконецъ помѣщали на убранную постель въ первой комнатѣ дома.

Какъ только земные останки умершаго предавались землѣ, устраивался погребальный пиръ, слѣды котораго можно указать уже на древнѣйшихъ кладбищахъ. Всѣ эти обычаи отчасти удержались до нынѣшняго дня, за исключеніемъ сожженія труповъ, общераспространеннаго въ древности. Этотъ обычай, какъ языческій, былъ устраненъ побѣдоноснымъ христіанствомъ. Также у дикарей порою наблюдаются великія заботы въ пользу умершаго, при чемъ отдѣльные останки, какъ, напр., голову, стараются удержать у себя такъ долго, какъ только возможно. Нѣкоторыя караибскія племена даже пьютъ обращенныя въ порошокъ кости своихъ

умершихъ, примѣшавъ къ напиткамъ. Разсмотримъ теперь ближе вопросъ о томъ, какое представленіе обыкновенно дѣлали о состояніи душъ послѣ смерти. Мы увидимъ здѣсь, прежде всего, извѣстную теорію переселенія душъ, впрочемъ, принявшую весьма различную форму у разныхъ народовъ. Порою рѣчь идетъ о животныхъ, растеніяхъ или другихъ людяхъ, въ которыхъ превращается мертвый; иногда умершія души удаляются на небо, въ преисподнюю, на солнце, на луну. Впрочемъ, въ эпоху, когда географическія познанія были въ постоянномъ младенчествѣ, не представлялось даже надобности обращать взоры внѣ земли или подъ землю: можно было искать будущаго мѣстожительства души также въ отдаленныхъ областяхъ земли. Въ особенности мысль объ отдаленномъ морскомъ путешествіи послѣ смерти представляла много привлекательнаго для народной фантазіи; поэтому могильнымъ холмамъ придавали форму корабля, или внутри ставили челнъ. Существуютъ также символическія указанія на древній „корабль, перевозившій мертвецовъ“.

При этомъ представляли себѣ, что путешествіе мертвеца соединено съ опасностями разнаго рода, почему не мѣшаетъ предпринять его въ довольно общирномъ обществѣ. Это могло быть также причиной для уже упомянутаго принесенія въ жертву женщинъ, слугъ и рабовъ на гробѣ умершихъ. Если такъ же, какъ обыкновенно, приносили въ жертву животныхъ, то это могло счесться доказательствомъ, что тогда разсматривали душу животнаго, какъ нѣчто сходное съ душою человѣка, стало быть, были логичнѣе нынѣшняго.

Послѣднимъ доказательствомъ заботливости нашихъ предковъ о своихъ умершихъ являются памятники и мѣста успокоенія. Очевидно, склонялись къ тому, чтобы разсматривать не одну душу, какъ остающееся, но также признать за мертвымъ тѣломъ нѣкоторое человѣческое достоинство и человѣческія потребности; потому умершему указывали мѣсто успокоенія, сходное съ жилищемъ, которое онъ занималъ при жизни, снабжая это мѣсто пищею, оружіемъ, монетою, украшеніемъ и т. п. въ предположеніи, что умершій будетъ этимъ пользоваться и наслаждаться. Между тѣмъ, символизированіе дѣлало все большіе успѣхи, пока, наконецъ, не достигли того, что стали символизировать самую могилу и на мѣсто исполинскихъ построекъ древности придумали гробъ, имѣвшій цѣлью также по возможности защищать трупъ отъ разложенія. Всего лучше выполнялъ эту цѣль древній каменный гробъ.

Однако, не только форма и расположеніе гроба, но и положеніе, которое порою придавали тамъ трупу, показываетъ, что тѣло разсматривалось какъ нѣчто большее, нежели трупъ; считалось возможнымъ, что онъ послѣ короткаго промежутка времени встанетъ и сможетъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Должна была произойти перемѣна въ этихъ воззрѣніяхъ, когда погребеніе въ землѣ было замѣнено обычаемъ *сожиганія труповъ*. И какъ ни старъ этотъ обычай, все же онъ долженъ быть новѣе перваго. Наивысшаго развитія онъ достигъ лишь въ такъ наз. желѣзномъ вѣкѣ, хотя былъ въ употребленіи уже въ предыдущемъ бронзовомъ. Останки тогда складывались въ глиняныя урны. Въ древнѣйшую каменную эпоху тѣла выбрасывались прямо на открытое поле; позднѣе стали дѣлать каменную ограду или же помѣщали ихъ въ пещеру.

Впрочемъ, какъ въ бронзовомъ, такъ и въ желѣзномъ вѣкѣ, оба рода погребенія въ землѣ и посредствомъ сожженія существовали рядомъ, что ясно видно на знаменитомъ Галльштадтскомъ кладбищѣ; точно также на знеменитомъ итальянскомъ кладбищѣ Чертози подлѣ Болоньи изъ древнѣйшаго желѣзнаго вѣка, гдѣ число сожженныхъ костей относится къ числу несожженныхъ, какъ 46 къ 100; или же на могильномъ полѣ Вилланова подлѣ Болоньи, гдѣ между 139 гробницами въ видѣ урнъ нашли 17 гробовъ съ скелетами. Быть можетъ, сожженіе было преимуществомъ вельможъ или людей состоятельныхъ, такъ какъ оно было, вообще говоря, связано съ большими церемоніями, хлопотами и издержками. Въ Германіи и въ древнемъ Римѣ обычай сожженія труповъ, такъ наглядно описанный со всѣми подробностями въ пѣснѣ Нибелунговъ по случаю смерти Зигфрида, сохранялся еще долго, пока, наконецъ, побѣда христіанства и догматъ о воскресеніи не положили этому конца.

Также у многихъ дикарей теперь встрѣчаются оба рода погребенія рядомъ, а у цивилизованныхъ народовъ началась агитація въ пользу сожженія труповъ.

Начало семьи.

Подобно первому появленію человѣка на землѣ, исчезаетъ въ туманной дали также начало человѣческаго общества.

Тѣмъ не менѣе, общество должно признаваться первымъ началомъ или основаніемъ всего человѣческаго развитія. Человѣкъ, какъ и многія животныя, есть существенно-общественное существо и не можетъ достичь цѣли своего существованія, какъ единичная личность: онъ достигаетъ этой цѣли лишь въ сообществѣ съ себѣ подобными. Уже его вынужденная борьба съ чудовищными звѣрями до-исторической эпохи должна была доставить ему великія преимущества отъ обобществленія. И дѣйствитель, но всѣ до-историческія находки болѣе или менѣе указываютъ на такую общественность уже съ древнѣйшаго времени. Конечно, это обобществленіе было не то, что въ нынѣшнюю цивилизованную эпоху, основу которой составляетъ бракъ и семейная жизнь. Впрочемъ, всѣ признаки указываютъ на то, что такъ наз. „орда" образовала первое начало человѣческаго общества, и что такъ назыв. общинный бракъ или безпорядочное смѣшеніе половъ, которому придали совершенно неподходящее названіе гетеризма, было первоначально правиломъ—подобно тому, какъ это мы видимъ у нѣкоторыхъ общественныхъ животныхъ. Правда, можно указать извѣстное число животныхъ, у которыхъ однобрачіе или моногамическая связь и семейная жизнь выработаны до такой степени, что эти животныя могутъ послужить образчикомъ многимъ людямъ. Но изъ этого обстоятельства нельзя вывесть никакого заключенія относительно человѣка. Ближайшая къ нему антропоморфная обезьяна, горилла, сколько извѣстно, живетъ въ состояніи однобрачія. Но, какъ мы уже не разъ указывали, восходящая лѣстница отъ животнаго къ человѣку не имѣетъ вида простого линейнаго ряда, а представляетъ древовидно-развѣтвленную систему. Далѣе мы знаемъ, напр., что ближайшая къ гориллѣ обезьяна, а именно шимпанзе, живетъ, повидимому, скорѣе обществами, чѣмъ стадами. Также изъ не-антропоидныхъ обезьянъ, среди которыхъ, по всей вѣроятности, находятся близкія къ родоначальнымъ формамъ человѣка, большая часть видовъ живутъ не семьями, а стадами и ордами.

Одиночный бракъ или бракъ вообще въ его современномъ видѣ представляетъ не что-либо первичное, но продуктъ передового человѣческаго развитія, и притомъ продуктъ сравнительно новый. Это доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ что большая часть древнихъ народовъ (египтяне, китайцы, индусы, греки и т. п.) обладаютъ традиціями о происхожденіи брака. Такъ, напр., у китайцевъ существуетъ преданіе о легендарномъ Фо-Ги, освободившемъ народъ отъ состоянія коммунальнаго брака посредствомъ введенія свадебнаго обряда. У классическихъ писателей мы также находимъ многія весьма характеристичныя мѣста объ общности женъ у прежнихъ племенъ—общности, удержавшейся у нѣкоторыхъ грубыхъ народовъ въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара. Хотя въ примѣрахъ этого рода не всюду идетъ рѣчь о послѣдовательно проведенномъ коммунизмѣ, въ смыслѣ общности женъ, но все же состояніе нравовъ настолько было свободнымъ, что можно говорить почти о полной общности. Даже европейское настоящее представляетъ въ разныхъ мѣстностяхъ нравы и обычаи, указывающіе на подобное прежнее состояніе. Есть нѣкоторыя мѣстности, гдѣ невинная дѣвушка менѣе цѣнится, нежели дѣвушка уже рожавшая [1]). Въ древности мы видимъ то же начало въ такихъ учрежденіяхъ, каковы гетеризмъ и проституція, практиковавшаяся въ храмахъ; такова же проституція, имѣвшая характеръ гостепріимства; таковы и браки, заключаемые у нѣкоторыхъ народовъ на срокъ: все это рудименты или остатки прежней общности женъ. Лишь похищеніе женщинъ изъ чужого племени было, какъ кажется, главнымъ побужденіемъ къ одиночному браку. Соединенная съ этимъ стыдливость также развилась лишь постепенно.

Примѣромъ остатокъ старинной общности женъ является также господствующее еще у многихъ арабскихъ племенъ право, называемое *правомъ на три четверти*. Каждой замужней женщинѣ тамъ разрѣшено черезъ три дня на четвертый выбирать себѣ какого угодно любовника. Нѣчто подобное мы видимъ у сѣверно-калифорнійскихъ индѣйцевъ, которые часто отдаютъ женъ взаймы; тотъ же обычай господствуетъ еще теперь у эскимосовъ, у разныхъ индѣйскихъ племенъ и у различныхъ народностей Африки, Австраліи, Полинезіи; въ отдаленной классической древности существовалъ обычай предоставлять женъ именитымъ гостямъ.

Также бракъ между братьями и сестрами, весьма распро-

[1]) Авторъ утверждаетъ, что такія мѣстности есть между прочимъ въ Россіи. Это не точно; однако, несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ «согрѣшившая» дѣвушка, если она только не скрыла своего грѣха, а открыто повинилась обществу, пріобрѣтаетъ права на уваженіе. Такъ, въ Малороссіи весьма дурно смотрятъ на дѣвушку, имѣвшую связь и не повязавшую на голову платка. Но если она это сдѣлала, предварительно попросивъ прощенія у всѣхъ односельчанъ, то такая „покрытка" цѣнится не менѣе всякой другой невѣсты и порою даже скорѣе находитъ жениховъ, нежели ея невинныя подруги.

Перев.

страненный въ древности у персовъ, египтянъ, перуанцевъ и т. д. и по сейчасъ еще господствующій въ королевскомъ домѣ властителей Мадагаскара, затѣмъ также весьма распространенное право первой ночи, существующее еще кое-гдѣ въ Индіи, въ Кашмирѣ, Бирмѣ, Ю. Аравіи, на Мадагаскарѣ и на Новой Зеландіи,—право, принадлежащее раньше жениха его родственникамъ и друзьямъ,—упоминается уже Діодоромъ, какъ обычай, господствовавшій на Балеарскихъ о-хъ. Это право, въ свою очередь, должно быть причисляемо къ остаткамъ варварскаго безбрачнаго прошедшаго, тогда какъ позднѣе проявившійся страхъ передъ кровосмѣшеніемъ составляетъ продуктъ позднѣйшей стадіи цивилизаціи. Даже поліандрія, или многомужество, прежде весьма распространенное и оставившее слѣды даже у древнихъ германцевъ, мидянъ, бритовъ, пиктовъ, готовъ и т. д., является остаткомъ отъ состоянія прежняго гетеризма. Точно также замѣчательный и несомнѣнно представляющій одинъ изъ самыхъ странныхъ культурныхъ явленій обычай гетеризма дѣвушекъ при строгомъ цѣломудріи женщинъ, находится въ связи съ свойственнымъ древности религіознымъ культомъ, вродѣ культа Венеры, Милитты, Афродиты и т. д., требовавшаго пожертвованія дѣвическою невинностью. По показанію Суайо (Soyaux), въ З. Африкѣ есть одинъ народецъ, у котораго невинность невѣсты является предметомъ публичной продажи до брака [1]).

Въ новѣйшее время, правда, раздаются весьма сильные голоса противъ теоріи, утверждающей всеобщее смѣшеніе половъ въ первобытную эпоху. Достаточно назвать Старке, Вестермарка, Циглера, Брентано и др.; однако, имъ можно противопоставить не менѣе вѣскій научный авторитетъ такихъ изслѣдователей, каковы Морганъ, Бахофенъ, Макъ-Леннанъ, Леббокъ, Спенсеръ, Постъ, Липпертъ и др. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать весьма смѣлымъ мнѣніе, діаметрально противорѣчащее воззрѣніямъ, въ пользу которыхъ есть столько фактическихъ и теоретическихъ основаній. Быть можетъ здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, истина лежитъ посерединѣ; возможно, что въ первобытныя времена существовали поочередно разныя формы моногаміи, полигаміи и общиннаго брака, что въ дѣйствительности найдено въ самое недавнее

[1]) Soyaux, Aus Westafrika. Leipz. 1879.

время Карломъ фонъ-денъ Штейненомъ во время его второй экспедиціи къ Шингу, во внутренней Бразиліи [1]).

Во всякомъ случаѣ, на сторонѣ теоріи смѣшенія половъ есть то преимущество, что она даетъ легчайшее и удобнѣйшее объясненіе такъ наз. материнскаго права, по которому жена или мать являлась средоточіемъ и главою семьи, тогда какъ отецъ оставался совершенно въ сторонѣ. Ближайшимъ поводомъ къ происхожденію этого своеобразнаго и рѣзко противорѣчащаго нашимъ правамъ учрежденія, былъ, вѣроятно, общинный бракъ или всеобщее смѣшеніе, причемъ становилось совершенно невозможнымъ узнать личность отца. Сюда присоединялось и то, что, вслѣдствіе ложнаго пониманія процессовъ зачатія, роль отца признавалась по отношенію къ потомству вполнѣ второстепенною, при чемъ признавалось необходимымъ считать кровное родство только по матери. Отсюда то странное явленіе, что родственники матери были единственными наслѣдниками и что дядя и племянникъ по женской линіи имѣли болѣе значительныя притязанія на семью и болѣе значительныя преимущества, нежели родныя дѣти даннаго отца, и родство съ дядей, т. е. братомъ матери, считалось важнѣе всякихъ прочихъ родственныхъ узъ.

Это странное опредѣленіе родства только по женщинѣ, плодъ древняго варварскаго состоянія, слѣды котораго необычайно многочисленны какъ въ этнологіи, такъ и въ исторіи, неизбѣжно привело къ формальному господству женщинъ (гинекократіи). Причина тѣмъ болѣе ясна, что слѣды такого состоянія до сихъ поръ можно наблюдать у гуроновъ и прокезовъ [1]). Здѣсь дѣти принадлежатъ всецѣло матери, тогда какъ мужъ является какъ бы гостемъ въ домѣ. Семья угасаетъ со смертью матери. Политическое господство также нерѣдко въ рукахъ женщинъ.

Подобныя же отношенія мы находимъ въ Ю. Америкѣ, Африкѣ, Индіи, на о-вѣ Явѣ, въ царствѣ древнихъ инковъ и т. п. Въ Африкѣ мужчины не мало старались покончить съ древней гинекократіей. Съ этой цѣлью мужчина оставлялъ наслѣдство не дѣтямъ отъ своей настоящей жены, а наслѣдникамъ, происшедшимъ отъ связи съ рабыней—это первый шагъ къ замѣнѣ гинекократіи патріархатомъ. У басковъ, по показанію Кордье [2]) старинное семейное право

[1]) K. v. Steinen, Unter den wilden Naturvölkern Brasiliens, 1894.
[2]) Сравн. статью P. Richter'а въ Globus 1865 №№ 1—2.

требуетъ, чтобы родъ велся по женѣ или по мужу, смотря по тому, былъ-ли первый ребенокъ мужского или женскаго пола. Несмотря на введенiе французскаго гражданскаго кодекса, этотъ обычай удержался и въ то время, когда писалъ Кордье.

Эти и другiе подобные факты невольно приводятъ къ мысли придать нѣкоторою вѣру разсказамъ древнихъ историковъ о существованiи такъ наз. государствъ амазонокъ, гдѣ мужья находились въ подчиненiи или куда мужчинъ вовсе не допускали. Возможно также, что есть основанiе въ легендахъ о древнихъ ожесточенныхъ битвахъ между обоими полами, окончившихся пораженiемъ и подчиненiемъ женщинъ, которымъ не благопрiятствовала ихъ физическая организацiя.

На такое насильственное порабощенiе указываетъ также переходъ отъ состоянiя древняго варварства къ нынѣшнему браку, какъ основѣ семьи въ широкомъ смыслѣ слова. Не любовь, а сила, не индивидуальная склонность или выборъ, а похищенiе женъ знаменуетъ этотъ переходъ отъ общиннаго брака къ одиночному—хотя первоначально оба состоянiя долго существовали рядомъ. Почти всѣ ученые, занимавшiеся этимъ вопросомъ, согласны въ томъ, что происхожденiе одиночнаго брака заключается въ похищенiи, а затѣмъ въ покупкѣ женъ въ чужомъ племени. Конечно, такой результатъ научнаго изслѣдованiя въ значительной степени шокируетъ идеальныя чувства нашего времени; мы привыкли соединять съ понятiями брака и семьи идею свободнаго выбора, взаимнаго уваженiя и обоюдной склонности, брачнаго счастiя и т. п.; но какъ и всякое начало цивилизацiи, такъ и это начало теряется во мракѣ грубыхъ до-историческихъ временъ и нравовъ.

Обычай, состоявшiй въ добыванiи женъ не убѣжденiемъ, а силою, явился противоположностью прежней эндогамiи или внутри-племенному браку. Происхожденiе экзогамiи или брака съ женщинами другого племени, впрочемъ, не вполнѣ еще выяснено. Во всякомъ случаѣ, съ появленiемъ этого обычая, была противопоставлена мощная преграда общинному браку. Похищенiе женщинъ, нерѣдко подвергавшее опасности жизнь похитителя, было единственнымъ способомъ, предоставлявшимъ мужчинамъ право признавать жену своей исключительной собственностью и устранять соплеменниковъ; а это и послужило первымъ началомъ одиночнаго брака.

[1]) E. Cordier, Les droits de famille aux Pyrenées, Paris 1859.

Первобытная связь между бракомъ и насилiемъ прочно укоренилась въ памяти народовъ, и множество свадебныхъ обычаевъ, символически изображающихъ притворное похищенiе или уводъ силою, сохранилось въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земного шара. Символъ остался и тогда, когда необходимость дѣйствительнаго выполненiя давно исчезла.

Со временемъ похищенiе или уводъ жены, ставъ всеобщимъ обычаемъ и переставъ возбуждать враждебныя столкновенiя между племенами, превратился въ родъ покупки, при чемъ родственники похищенной женщины, для согласiя на это похищенiе, должны были получить тотъ или другой выкупъ. Еще позднѣе прямая покупка дочерей у ихъ родителей (обычай, распространенный теперь почти по всему земному шару) вытѣснила похищенiе, при чемъ за невѣсту платили то деньгами, то скотомъ. Впрочемъ, и теперь похищенiе женщинъ въ его первоначальной формѣ существуетъ еще во многихъ мѣстахъ, при чемъ несчастныя похищенныя испытываютъ порою жестокiя истязанiя. Родственники похищенной мстятъ такимъ же похищенiемъ или же вымогательствомъ выкупа. Даже въ странахъ, гдѣ уже введенъ настоящiй бракъ, еще долго удерживается обычай похищенiя. Гомеровскiе герои какъ извѣстно, очень занимались этимъ; при такихъ взглядахъ на прелюбодѣянiе и внѣбрачныя связи смотрѣли, разумѣется, сквозь пальцы.

Что заключенный такимъ образомъ бракъ былъ весьма далекъ отъ идеала цивилизованныхъ народовъ, это очевидно само собою. Здѣсь нѣтъ не только болѣе утонченныхъ чувствъ, но, вообще говоря, никакихъ формъ или обрядовъ. Союзъ между мужемъ и женой также очень непроченъ и состоитъ лишь въ подчиненiи жены, разсматриваемой не какъ равноправная подруга, но какъ родъ домашняго скота. Съ этимъ сообразно и обращенiе. Это въ сущности лишь родъ урегулированнаго рабства; разводъ очень не труденъ по желанiю мужа.

Также для введенiя *полигинiи* или многоженства похищенiе и насилiе или же покупка были первыми поводами. Частью для удовлетворенiя своей страсти, частью же для умноженiя своихъ удобствъ, мужчина, имѣющiй на то средства, старается добыть себѣ многихъ женъ. Негръ обыкновенно работаетъ лишь до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ возможности купить себѣ корову и жену. Если средства позволяютъ, онъ покупаетъ вторую жену, третью и т. д.,

и жена должна работать на мужа, который съ этихъ поръ тунеядничаетъ.

Очевидно, что въ до-историческія времена многоженство было весьма распространено и составило естественный переходъ отъ состоянія безпорядочнаго сожительства къ настоящему браку,—предполагая, разумѣется, что въ женщинахъ не было недостатка.

Гдѣ ихъ было мало, тамъ, какъ теперь еще въ странахъ, гдѣ господствуетъ полигамія, много женъ было у богачей, вождей, царей, жрецовъ и т. д., тогда какъ простой народъ довольствовался *одной* женой или даже прибѣгалъ къ многомужеству (поліандріи). Эта форма брака не только не возбуждала отвращенія, но придавала мужчинѣ большой почетъ и даже освящалась религіей. Она образовала также источникъ богатства, когда продажа дочерей стала очень выгоднымъ дѣломъ. Когда путешественникъ Клаппертонъ сталъ разсказывать неграмъ Габуна объ однобрачіи англичанъ, они громко расхохотались, такъ какъ имъ это показалось слишкомъ нелѣпымъ.

Даже христіанство, сдѣлавшее бракъ таинствомъ, не могло справиться съ многоженствомъ, пока въ 393 году не было издано запрещеніе этого обычая для Римской имперіи. Переходъ отъ многоженства къ одноженству произошелъ не непосредственно по нравственнымъ или религіознымъ побужденіямъ, но чрезъ посредство такъ наз. *конкубината*, представлявшаго въ Римѣ родъ посредствующаго звена между чисто чувственной похотью, выражающеюся въ проституціи, и идеальной любовью, къ которой стремится моногамическій бракъ. Общеизвѣстно, что конкубинатъ удерживается и теперь весьма прочно, хотя нравы и законъ его осуждаютъ.

Главными причинами введенія моногамическаго брака является прежде всего численное равновѣсіе между полами, рѣдко испытывающее значительныя нарушенія, а затѣмъ установленіе личной и наслѣдственной собственности, наслѣдуемой уже не односторонне отъ отца или матери, но равномѣрно отъ обоихъ родителей. Также усиленіе моральныхъ чувствъ и мотивовъ, на-ряду съ предписаніями церкви, возымѣло свое вліяніе.

Съ переходомъ отъ общиннаго брака къ одиночному—все равно, идетъ-ли рѣчь о моногаміи или о полигаміи—побѣда мужского начала надъ женскимъ и замѣна материнскаго права—патріархатомъ стала рѣшеннымъ дѣломъ. Ка-

кимъ образомъ пользовалась этой побѣдой побѣдоносная сторона въ разныхъ странахъ, или какъ она ею злоупотребляла, это извѣстно изъ исторіи и этнографіи. Высокое уваженіе, которымъ пользовались женщины, напр., у древнихъ германцевъ и у египтянъ, можно разсматривать, какъ отголосокъ древняго материнскаго права. У другихъ выдающихся народовъ древности, напр., у римлянъ и грековъ мы видимъ совсѣмъ иное.

Само собою ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, также примыкающая къ одиночному браку *семейная жизнь*, которую мы привыкли разсматривать, какъ истинную основу общества и государства, весьма мало могла соотвѣтствовать идеалу цивилизованнаго настоящаго. Уже подчиненное положеніе женщины дѣлало семейную жизнь, въ нашемъ смыслѣ, столько же невозможною, какъ теперь у негровъ или индѣйцевъ. Шоутеръ говоритъ о каффрахъ, что у нихъ жена работаетъ на мужа, какъ волъ; онъ слышалъ однажды, какъ каффръ говорилъ о своей женѣ: „Я ее купилъ, поэтому она должна работать“.

Сюда присоединяется абсолютная власть отца или обоихъ родителей надъ дѣтьми, которыхъ по произволу продавали или заставляли вступать въ бракъ съ самой ранней молодости, ни малѣйшимъ образомъ не интересуясь ихъ склонностями. Это была чистая сдѣлка, при чемъ то, что мы подразумѣваемъ подъ именемъ „семейнаго чувства“, оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Въ особенности у дѣтей (какъ, повидимому, у большинства животныхъ) отсутствовало всякое чувство любви къ родителямъ; порою господствовала даже вражда между отцами и дѣтьми.

Ставъ самостоятельными, дѣти утрачивали всякую связь съ родителями и терялись въ ордѣ. Леббокъ полагаетъ, что отношеніе дѣтей къ семьѣ установилось такимъ образомъ: сначала дѣти признавали свое родство исключительно съ племенемъ, затѣмъ съ матерью, но не съ отцомъ, и, наконецъ, съ обоими родителями. Тѣмъ не менѣе, въ противорѣчіи съ этой первоначальной безформенностью брака и семьи, у большинства варварскихъ и полуварварскихъ народовъ постепенно сложилось множество самыхъ странныхъ и часто другъ другу совершенно противорѣчащихъ нравовъ, предписаній или обычаевъ относительно заключенія брака, взаимныхъ отношеній между супругами, родственныхъ отношеній и т. д. Перечисленіе всего этого могло бы наполнить цѣлые томы. Впрочемъ,

совершенно невозможно, руководствуясь одними этнологическими фактами и точками опоры, набросать хотя бы приблизительно правильное или достаточное изображеніе семейныхъ отношеній до-историческаго прошлаго. Поліандрическія, полигамическія, матріархальныя, патріархальныя, моногамическія, гетеристическія, кровосмѣсительныя учрежденія—самыя разнообразныя и запутанныя семейныя и племенныя обыкновенія—перемѣшиваются у разныхъ племенъ, такъ что выводъ какого-либо общаго правила отсюда невозможенъ. Особенно сложны и разнообразны опредѣленія родства и наслѣдованія; эти опредѣленія пріобрѣтали значеніе тѣмъ болѣе, чѣмъ больше первичный коллективизмъ и коммунизмъ переходилъ въ индивидуализмъ, приводящей къ введенію личной собственности и наслѣдственнаго права. Первоначальная дикость и бѣдность первобытныхъ племенъ все болѣе замѣнялась осѣдлостью и накопленіемъ драгоцѣнныхъ имуществъ. Если разсмотрѣть всѣ безчисленные относящіеся сюда этнологическіе факты, то общій результатъ приводится къ тому, что для этого развитія нѣтъ никакого всеобщаго или абсолютнаго закона, и что приходится довольствоваться лишь указаніемъ самыхъ общихъ очертаній этого развитія, восходящаго отъ племенного или общиннаго брака къ матріархату, отсюда къ господству мужа или патріарха и, наконецъ, —къ моногамическому браку и къ нынѣшнему понятію о семьѣ. Но безчисленныя уклоненія и неправильности, являющіяся при этомъ, доказываютъ, что воззрѣніе многихъ философовъ и особенно метафизиковъ на правильное закономѣрное шествіе культурнаго развитія человѣчества не можетъ быть правильнымъ. Различіе расы, климата, среды, одаренности и т. д. обусловливаетъ величайшія различія въ ходѣ развитія. Нѣтъ такого нелѣпаго или смѣшного обычая или привычки, которая не встрѣчалась бы въ той или иной формѣ, въ томъ или иномъ мѣстѣ, при чемъ нельзя указать для этого никакого разумнаго основанія. Да и сами выполнители не знаютъ основанія и на вопросъ способны только отвѣтить: это у насъ такъ водится. Дикіе или полудикіе народы находятся подъ господствомъ правилъ относительно обхожденія; у нихъ существуютъ моды, обычаи, привычки, образующія, быть можетъ, самую ужасную тираннію, какую только можно себѣ представить, и въ сравненіи съ нею наши порою весьма безсмысленныя моды представляются верхомъ естественности. Всего хуже здѣсь многочисленныя глупыя

предписанія, причиной которыхъ является ужасное суевѣріе; далѣе формы вѣжливости, безосновательное запрещеніе разныхъ родовъ пищи, покрытіе лица покрываломъ и т. п.

Одною изъ самыхъ поразительныхъ и странныхъ привычекъ, которую, однако, нельзя пропустить молчаніемъ по причинѣ ея тѣсной связи съ описаннымъ развитіемъ брачныхъ и семейныхъ отношеній, является такъ наз. *кувада* или притворная болѣзнь отца послѣ рожденія дитяти. Обычай этотъ, замѣчательнымъ образомъ, сохранился кое гдѣ даже въ Европѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что послѣ рожденія дитяти въ постель вмѣсто матери ложится отецъ и соблюдаетъ правила, предписываемыя роженицамъ; главнымъ образомъ, онъ постится, порою даже въ теченіе полугода, такъ какъ предполагается, что употребленіе той или иной пищи отцомъ можетъ принести огромный вредъ ребенку.

Когда впервые появились сообщенія о кувадѣ, многіе сочли все это за басню, но вскорѣ появились свѣдѣнія настолько достовѣрныя, что сомнѣніе оказалось невозможнымъ.

Относительно причинъ или побудительныхъ мотивовъ этого своеобразнаго обычая высказывались различныя мнѣнія. Кажется, однако, что кувада является остаткомъ отъ того времени, когда полигамическая или моногамическая семья начала одерживать верхъ надъ „материнствомъ“, и мужъ былъ вынужденъ добиться признанія своего „отцовства“ посредствомъ какого-либо внѣшняго знака, яснаго для соплеменниковъ. Материнская семья, безъ сомнѣнія, долго и упорно боролась, порою не безъ успѣха, противъ вторженія отцовской семьи; въ пользу этого говоритъ то обстоятельство, что обычай кувады удержался главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ система материнскаго права была все болѣе распространена, а частью еще и теперь уцѣлѣла. Кувада представляетъ поэтому попытку освободиться отъ этой системы и сдѣлать ясными права мужа въ семьѣ. Это выраженіе индивидуализма, выступающаго противъ первобытнаго коллективизма. Избранное средство, конечно, очень грубо и странно, но въ общественномъ состояніи, гдѣ не было еще никакихъ метрическихъ записей и т. п., оказывалось цѣлесообразнымъ. Мнѣніе, что поведеніе отца, лежащаго въ постели роженицы, можетъ принести вредъ ребенку, было простымъ присоединеніемъ обычнаго суевѣрія и удержалось, послѣ того какъ первичный поводъ былъ давно забытъ. Одинъ испанецъ, сказавшій американскому туземцу,

что испанцы въ такихъ случаяхъ ѣдятъ больше обыкновеннаго и что это ни мало не вредитъ дѣтямъ, получилъ въ отвѣтъ: „Но вы испанцы; если ваша ѣда не вредитъ вашимъ дѣтямъ, то вы можете навѣрное сказать, что для нашихъ это было очень вредно". Суевѣріе и предразсудокъ всегда даютъ подобные отвѣты на разсудочные доводы.

Доисторическія европейскія культуры [1].

До середины 60-хъ годовъ господствовало мнѣніе объ азіатскомъ происхожденіи арійцевъ. Каковы бы ни были доказательства филологовъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ одной филологіей и что палеонтологія и археологія должны сказать здѣсь рѣшительное слово.

Были ли современники мамонта предками существующихъ расъ, этого, при современномъ состояніи науки, мы не знаемъ. Но, переходя къ новокаменному вѣку, т. е. къ послѣ-ледниковой эпохѣ, мы уже имѣемъ болѣе опредѣленныя указанія.

Такъ наз. вѣка — каменный, бронзовый и желѣзный — не слѣдуетъ разсматривать, какъ хронологически опредѣленныя эпохи. Такъ, напр., Греція была въ желѣзномъ вѣкѣ, когда Италія была еще въ бронзовомъ, а средняя Европа въ каменномъ. Въ XV вѣкѣ гуанчи, туземцы Канарскихъ о-вовъ, открытыхъ тогда испанцами, находились еще въ каменномъ вѣкѣ.

Бронзовый вѣкъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ соотвѣтствуетъ образованію всѣхъ важнѣйшихъ этнографическихъ различій, господствующихъ въ Европѣ до сихъ поръ; является вопросъ, было ли то же въ новокаменномъ вѣкѣ, т. е. въ эпоху орудій изъ полированнаго камня? Бронзовое оружіе не было принесено въ Европу азіатскими завоевателями, но распространилось мирнымъ путемъ, главнымъ образомъ при содѣйствіи финикіянъ. Свайныя постройки въ средней Европѣ, появлявшіяся уже въ каменномъ вѣкѣ, существовали въ теченіе всего бронзоваго вѣка до желѣзнаго; это также указываетъ не на завоеваніе, а на постепенную замѣну каменнаго оружія бронзовымъ и желѣзнымъ. Древнѣйшіе типы орудій изъ мѣди и бронзы возникли постепенно изъ типовъ каменныхъ орудій: въ этомъ убѣждаетъ форма бронзовыхъ орудій, сначала напоминавшая форму каменныхъ и костяныхъ издѣлій.

[1] Добавлено переводчикомъ по соч. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte и Tylor, The Origin of Aryans.

Въ то время, какъ въ древнекаменномъ вѣкѣ климатъ былъ суровъ и человѣкъ, современникъ мамонта, не зналъ посуды, жилъ въ пещерѣ, былъ охотникомъ, — въ неолитическомъ вѣкѣ климатъ, распредѣленіе суши и воды были сходны въ нынѣшними; въ пещерахъ уже рѣдко жили: тамъ стали хоронить мертвыхъ. Многія животныя были приручены. Стали выдѣлывать посуду.

Мортилье полагаетъ, что древнекаменный вѣкъ начался за 240.000 лѣтъ тому назадъ, тогда какъ новокаменный не болѣе, чѣмъ за 20.000 лѣтъ. Цифры эти разумѣется, весьма гадательны; приходится судить на основаніи положенія свайныхъ построекъ. Такъ между озерами Біеннскимъ и Нефшательскимъ есть свайная постройка на 900 метровъ внутрь отъ нынѣшняго берега озера. По вычисленію проф. Жилліерана относительно скорости образованія осадковъ, *наименьшая* древность постройки составляетъ 6750 лѣтъ; но весьма возможно, что постройка еще древнѣе. Существуютъ, однако, гораздо болѣе позднія свайныя постройки. Такъ древность одной изъ нихъ, въ Шамблонѣ, менѣе 3500 лѣтъ (1500 л. до Р. Х.). Впрочемъ, вычисленія разныхъ авторовъ не одинаковы.

Такъ Моро опредѣляетъ возрастъ нѣкоторыхъ свайныхъ построекъ отъ 6 до 7 тыс. лѣтъ, тогда д-ръ Келлеръ для тѣхъ же сооруженій даетъ вдвое меньшую цифру. Впрочемъ, въ южной Германіи находятъ свайныя постройки, несомнѣнно, гораздо древнѣйшаго происхожденія, а именно относящіяся къ періоду, когда не было ни домашнихъ животныхъ, ни земледѣлія. Моро полагаетъ, что неолитическій вѣкъ въ Швейцаріи восходитъ за 6400 и болѣе лѣтъ, тогда какъ за 3000 лѣтъ до нашего времени появилась бронза. Въ долинѣ р. По также найдены неолитическія сооруженія, разрушенныя нашествіями этрусковъ въ бронзовомъ вѣкѣ. Открытыя Шлиманомъ могилы въ Микенахъ, относящіяся къ XII—XIII в. до Р. Х., принадлежатъ къ бронзовому вѣку. Въ средней Галліи еще въ 400 г. до Р. Х. бронза не была замѣнена желѣзомъ.

Что касается датскихъ кухонныхъ отбросовъ, они имѣютъ болѣе первобытный характеръ, чѣмъ свайныя постройки Швейцаріи. Здѣсь мы не видимъ ни слѣда земледѣлія и скотоводства; домашнимъ животнымъ была лишь собака, тогда какъ свайныя постройки Швейцаріи указываютъ уже на прирученіе коровы, а можетъ быть, овцы и козы. Образованіе этихъ кучъ раковинъ заняло много времени. Нѣкоторыя кучи болѣе 70 метр. длины и 30—60 ширины, высота иногда достигаетъ 3 метровъ. Онѣ состоятъ изъ раковинъ, костей сухопутныхъ животныхъ и рыбъ; встрѣчаются также обломки грубой посуды, и орудія изъ кремня и кости.

Кремневыя орудія въ этихъ кучахъ весьма обильны. Населеніе жило исключительно рыболовствомъ и охотой, а стало быть было разсѣяно. Если плотность была такова, какъ въ Патагоніи, то во всей Даніи жило меньше 1000 душъ. Отсюда ясно, что такія огромныя кучи отбросовъ и орудій требовали для накопленія цѣлыхъ вѣковъ.

Нѣкоторыя кучи теперь вдалекѣ отъ моря, что произошло отъ медленнаго возвышенія почвы.

Въ Даніи было три послѣдовательныхъ растительныхъ періода, считая съ начала неолитическаго вѣка. Каменный вѣкъ былъ вѣкомъ сосны, и частью дуба; бронзовый соотвѣтствуетъ господству дуба, а желѣзный — преобладанію бука. Кухонные остатки начала новокаменнаго вѣка относятся къ вѣку сосны: это ясно изъ нахожденія костей тетерева (Tetrao urogallus), питавшагося молодыми побѣгами сосны, и изъ того, что каменныя орудія—того же типа, какъ въ кухонныхъ отбросахъ, находимыхъ также въ торфѣ между обломками сосновыхъ стволовъ.

Проф. Стеенструпъ на этомъ основаніи вычислилъ, что потребовалось болѣе 10.000 лѣтъ для накопленія нѣкоторыхъ кучъ и для замѣны сосенъ дубами, и дубовъ буками. Измѣненіе флоры зависѣло отъ значительныхъ климатическихъ перемѣнъ.

Разсмотримъ теперь формы черепа у неолитическихъ обитателей Европы, причемъ примемъ слѣдующую классификацію:

Черепной показатель.	Названіе.
Меньше 75	длинноголовый
75—78	полудлинноголовый
78—80	прямоголовый
80—83	полуширокоголовый
Больше 83	короткоголовый.

Не менѣе важенъ глазной показатель, т. е. отношеніе высоты орбиты и ея ширины: у черныхъ расъ онъ составляетъ отъ 79—85, у тасманійцевъ 61, у желтыхъ расъ отъ 82 до 95, у европейцевъ отъ 83 до 85. Наконецъ, важны форма и свойства волосъ.

У монгольской расы волосы круглые, у негровъ сплющенные, лентовидные, у европейцевъ овальные.

Въ общемъ, можно установить два крайнихъ типа—монгольскій—круглоголовый, круглоглазый и кругловолосый и негритянскій—длинноголовый, длинноглазый и плосковолосый. Европейцы представляютъ средній — овальный типъ: голова, биты, волоса овальны, причемъ на востокѣ европейскій типъ приближается къ азіатскому, а на югѣ къ африканскому. Мѣсто происхожденія человѣческаго рода неизвѣстно. Дарвинъ стоитъ за Африку, Катрфажъ за Азію, М. Вагнеръ за Европу.

Европейцы могли бы быть или общимъ корнемъ азіатовъ и африканцевъ или же мѣстомъ встрѣчи азіатскаго типа съ африканскимъ.

Во время господства теоріи, по которой арійцамъ приписывалось происхожденіе изъ средней Азіи, археологи утверждали, что до переселенія арійцевъ, Европа, достигшая неолитической культуры, была занята финнами; ихъ покорили и истребили арійцы, вооруженные бронзовымъ оружіемъ и привезшіе съ собою большую часть домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеній.

Теорія введенія бронзоваго оружія изъ Азіи опровергнута окончательно изслѣдованіями Келлера. Свайныя постройки Швейцаріи и Италіи особенно свидѣтельствуютъ противъ этой теоріи. Въ Швейцаріи озерныя поселенія расположены въ мѣстахъ, до сихъ поръ обитаемыхъ, и непрерывность развитія здѣсь очевидна. Въ долинѣ р. По, накунѣ историческаго періода, жили умбры, народъ арійской расы, у котораго переходъ отъ камня къ бронзѣ также произошелъ постепенно; однако, умбрійская культура погибла сравнительно внезапно подъ ударами этрусковъ. Любопытно свайное поселеніе на Фимонскомъ озерѣ, разрушенное раньше перехода умбровъ отъ пастушества къ земледѣлію. Здѣсь есть два слоя: древнѣйшій относится цѣликомъ къ неолитическому вѣку. Жители жили, главнымъ образомъ, охотою. Кости кабана и оленя многочисленны, бычачьи и бараньи—рѣдки; злаковъ не найдено, но нашли запасы орѣховъ и желудей, которые жарили въ глиняныхъ горшкахъ. Болѣе новый слой содержалъ многочисленные осколки кремня и бронзовые топоры; злаки все еще отсутствуютъ, но найдены орѣхи, желуди, кизиль, кости оленя и кабана становятся болѣе рѣдкими, а кости быка и барана встрѣчаются часто.

Судя по расположенію поселеній, легко убѣдиться, что употребленіе металловъ пришло въ Европу не съ востока, а съ юга. Поселенія, принадлежащія исключительно каменному вѣку, находятся на сѣверѣ отъ р. По, а содержащія бронзу—къ югу. Въ Швейцаріи поселенія каменнаго вѣка многочисленнѣе у Констанцкаго озера, бронзоваго—на озерахъ Женевскомъ, Бріенскомъ и Нефшательскомъ.

Относительно Англіи еще въ 1880 г. Бойдъ-Даукинсъ доказывалъ, что завоеватели, построившіе ограды (см. ниже), одолѣли мѣстныхъ жителей, силуровъ, помощью бронзоваго оружія. Однако, и здѣсь доказана постепенность перехода. Такъ въ самыхъ древнихъ могилахъ съ оградами бронза весьма

рѣдка; самое древнее бронзовое оружіе было по формѣ сходно съ каменнымъ, и лишь позднѣе эту форму, какъ неудобную для бронзы, замѣнили другою. Нерѣдко могилы, содержащія архаическую бронзу, содержатъ и каменное оружіе.

Всѣ эти факты гибельны для теоріи покоренія туземнаго финскаго населенія цивилизованными пришельцами изъ Азіи. Знакомство съ металлами, распространявшееся отъ Средиземнаго моря, вѣроятно, зависѣло отъ расширенія финикійской торговли. Филологи, доказывавшіе высоту цивилизаціи арійцевъ, утверждали напр., что названія лошади (по санскритски açva т. е. быстрый) и собаки (по санскритски çvan) почти во всѣхъ арійскихъ языкахъ не заимствованы, а поэтому было предположено, что лошадь происходящая изъ степей средней Азіи, гдѣ и теперь еще есть дикіе виды, были приручены арійцами и привезены въ Европу. Однако, существуютъ доказательства, что дикая лошадь въ древнѣйшія времена существовала и въ Европѣ въ дикомъ состояніи, въ чемъ убѣждаютъ остатки ея, находимые въ древнѣйшихъ палеолитическихъ поселеніяхъ. Лошадь составляла обычную пищу жителей. Въ древнѣйшихъ свайныхъ поселеніяхъ Швейцаріи остатки лошади рѣдки; позднѣе они встрѣчаются чаще, а въ концѣ бронзоваго вѣка найдены удила — несомнѣнное доказательство прирученія. Существованіе въ арійскихъ языкахъ имени лошади, поэтому, имѣетъ такое же значеніе какъ и существованіе имени волкъ. Собака, какъ доказали изслѣдованія Ляйэлля и Лёббока, была, однако, въ домашнемъ состояніи въ эпоху образованія датскихъ кухонныхъ остатковъ: это выводятъ изъ того, что кости птицъ и четвероногихъ, которыми могли бы питать собакъ, отсутствуютъ въ кухонныхъ остатокъ, т. е. съѣдены собаками, валяются же здѣсь кости собакъ, волковъ и лисицъ, которыхъ собаки не стали бы ѣсть, хотя мясо этихъ животныхъ могло служить пищею человѣку.

Итакъ, датскіе кухонные остатки соотвѣтствуютъ грубѣйшей культурѣ, полному отсутствію земледѣлія; это слѣды пиршествъ дикарей, питавшихся главнымъ образомъ раковинами и не имѣвшихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ. Въ древнѣйшихъ поселеніяхъ Германіи и Швейцаріи мы находимъ народъ, въ которомъ можно видѣть предковъ кельтовъ. Народъ этотъ жилъ главнымъ образомъ охотою, однако, обладалъ уже и скотомъ. Первоначально онъ одѣвался въ шкуры, затѣмъ сталъ ткать рогожи изъ древесной коры и наконецъ, перешелъ къ земледѣлію и сталъ прясть ленъ. Изъ домашнихъ животныхъ онъ имѣлъ сначала быковъ, затѣмъ приручилъ козу, барана, свинью, — наконецъ лошадь. Въ то же время мы видимъ постепенный переходъ отъ каменнаго вѣка

къ бронзовому и отъ бронзоваго къ желѣзному. Въ сѣв. Италіи мы наблюдаемъ переходъ отъ охотничьяго быта къ земледѣлію; развитіе скотоводства сопровождалось переходомъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому: и все это у предковъ умбрійскаго народа, принадлежавшаго несомнѣнно къ арійской расѣ и близкаго къ латинской вѣтви.

Подводя итогъ результатамъ филологическихъ изслѣдованій, исправленныхъ археологіей, мы видимъ, что первобытные арійцы были кочевниками, приручившими собаку; они бродили по равнинамъ Европы въ повозкахъ, запряженныхъ быками, выдалбливали челноки изъ древесныхъ стволовъ, но не знали употребленія металловъ, исключая, быть можетъ, самородной мѣди; лѣтомъ они жили въ шалашахъ, построенныхъ изъ вѣтвей, съ кровлею изъ камыша; зимою — въ круглыхъ ямахъ, выкопанныхъ въ землю, съ кровлею изъ жердей, прикрытыхъ кускомъ дерна или навозомъ. Одѣвались они въ кожи, сшитыя помощью костяныхъ иголокъ; умѣли добывать огонь треніемъ кусковъ дерева или ударами куска кремня и умѣли считать до ста. Земледѣліе едва ли существовало: но они собирали и толкли въ каменныхъ ступахъ зерна дикой полбы и дикаго ячменя. Бракъ былъ соціальнымъ учрежденіемъ; многоженство и кровавыя человѣческія жертвы были распространены, но сомнительно, чтобы существовалъ каннибализмъ по отношенію къ убитымъ врагамъ. Первобытные арійцы имѣли шамановъ, но не идоловъ; у нихъ не было боговъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Доказательствомъ того, что арійцы, до своего лингвистическаго раздѣленія находились въ каменномъ вѣкѣ, служитъ отсутствіе арійскаго самостоятельнаго названія для *металловъ*; греческое слово „металлонъ" заимствовано у финикіянъ. Нѣтъ общаго арійскимъ языкамъ названія для кузнечнаго искусства и многія изъ словъ, сюда относящихся, произошли отъ другихъ относившихся къ обработкѣ камня. Кельтское гоба (кузнецъ) не имѣетъ ничего общаго съ латинскимъ faber, греческимъ chalkeus (собственно означающимъ мѣдникъ), тевтонскимъ Smid и т. д.

Что касается урало-алтайцевъ, они заимствовали названія металловъ отъ арійцевъ: названіе кузнеца заимствовано финнами у литовцевъ, лапландцами у скандинавовъ, мадьярами у славянъ.

Замѣчательно, что греческія названія кузнечныхъ принадлежностей совершенно не сходны съ латинскими и даже индусскіе съ иранскими (исключая развѣ горна, быть можетъ обозначавшаго сначала всякую печь). Первыми металлами, извѣстными арійцамъ, вѣроятно, были золото и мѣдь, встрѣчающіяся въ самородномъ видѣ; однако до своего раз-

дѣленія арійцы не знали золота. Греческое chrüsos (сравн. древне-еврейское харуцъ) семитическаго происхожденія: золото было ввезено финикіянами въ Элладу не раньше XII в. до Р. Х. Раскопки въ Микенахъ, подлѣ Спарты и т. д. указываютъ на вліяніе финикійскаго искусства, а частью египетскаго: въ могилѣ въ Ялисосѣ на Родосѣ, найденъ золотой жукъ съ клеймомъ Аменготепа III; эта древнѣйшая могила относится къ XIII в. до Р. Х. Въ Италіи золото извѣстно не раньше XI в. до Р. Х.: даже въ свайныхъ сооруженіяхъ бронзоваго вѣка, гдѣ находятъ уже янтарь, полученный путемъ торговыхъ сношеній съ берегами Балтійскаго моря, не найдено ни золота, ни серебра. Въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи неолитическаго вѣка золотое украшеніе найдено лишь однажды, а въ бронзовомъ вѣкѣ золото находятъ весьма рѣдко. Латинское *aurum* означаетъ блестящій и происходитъ отъ слова aurora, заря; кельтское *or* заимствовано съ латинскаго и притомъ въ позднюю эпоху, такъ какъ древняя латинская (или собственно сабинская) форма была *ausum*, эту форму, вѣроятно, заимствовали литовцы. У пруссовъ золото называлось *ausis*. Слѣдуетъ думать, что литовцы обмѣнивали янтарь на золото, которое получали изъ Италіи.

Индо-иранцы знали золото до своего раздѣленія: санскритское hiranya тожественно съ зендскимъ zaranya, и аналогичныя названія мы встрѣчаемъ въ языкахъ афганскомъ, белуджійскомъ и осетинскомъ. Иранцы и скиѳскія племена иранскаго корня передали это названіе восточнымъ финнамъ (sarn и т. п.). Тевтонско-славянне gulth, злато (желтый) указываетъ, повидимому, на заимствованіе славянами у тевтоновъ или же на общее происхожденіе до раздѣленія славянъ съ тевтонами. Итакъ, золото было неизвѣстно первобытнымъ арійцамъ, но стало извѣстнымъ индоиранцамъ и тевтонославянамъ до раздѣленія тѣхъ и другихъ, а грекамъ и латинамъ послѣ ихъ раздѣленія.

Открытіе мѣди задолго предшествовало открытію золота: мѣдь находятъ въ свайныхъ постройкахъ швейцаріи и Италіи въ значительномъ количествѣ. Вавилонскіе и египетскіе памятники, въ свою очередь, указываютъ, что мѣдь была первымъ открытымъ металломъ. Арійцы, по Шрадеру, знали мѣдь или бронзу еще до раздѣленія. Санскритское ayas соотвѣтствуетъ латинскому aes, готскому aiz, германскому erz, англійскому ore. Названія эти имѣютъ разныя значенія: мѣдь, вообщее металлъ, руда, бронза, сплавъ, желѣзо; однако древнѣйшее его значеніе не относится къ желѣзу, такъ какъ несомнѣнно, что первобытные арійцы не дожили до желѣзнаго вѣка: оно не относится и къ бронзѣ: дѣйствительно въ арій-

скихъ языкахъ нѣтъ общаго названія для олова, входящаго въ составъ бронзы. Греческое названіе слова kassiteros ассирійскаго происхожденія. Два слитка олова нашли въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ бронзоваго вѣка. Вѣкъ мѣди долженъ былъ предшествовать бронзѣ и древнѣйшіе металлическіе предметы, сдѣланные на манеръ каменныхъ, выдѣланы изъ мѣди, а не изъ бронзы. Однако греки, повидимому, заимствовали мѣдь отъ финикійцевъ. Этимологія греческаго названія мѣди (chalkos) еще не выяснена: слово это сопоставляли то съ названіемъ города Халкиды, происшедшимъ отъ пурпуровыхъ раковинъ (chalke) за которыми пріѣзжали финикіяне, то съ еврейскимъ халакъ, гладкій. Въ свайной постройкѣ каменнаго вѣка на Констанцскомъ озерѣ, единственнымъ металлическимъ предметомъ, найденнымъ между каменными иструментами, былъ сломанный мѣдный топоръ. Рѣдкость орудій изъ мѣди, по Ивансу, объясняется тѣмъ, что послѣ изобрѣтенія бронзы, мѣдныя орудія перешли въ бронзовыя. Самородное серебро встрѣчается рѣдко и металлъ этотъ былъ неизвѣстенъ кельтамъ до ихъ вторженія въ Италію. Кельтское argat италійскаго происхожденія (argentum): арійскій корень arg означаетъ бѣлый, свѣтлый. Греческое и санскритское названія образовались изъ того же корня, но съ другимъ суффиксомъ, откуда весьма вѣроятно независимое происхожденіе. Тевтоны и славяне заимствовали названіе серебра (сребро, Silber) у семитовъ.

Вѣкъ желѣза безъ сомнѣнія, позднѣе бронзоваго. Греческое chalkeus (кузнецъ) происходитъ отъ мѣди. Свайныя постройки каменнаго и бронзоваго вѣка не содержатъ и слѣдовъ желѣза. По Варрону, этрусская эра началась въ XI в. до Р. Х., т. е. въ эпоху, современную вторженію дорянъ въ Грецію. Эта эпоха есть конецъ бронзоваго вѣка для ю. Европы: желѣзо было неизвѣстно умбрамъ въ Италіи въ эпоху вторженія этрусковъ. Раскопки Шлимана въ Троѣ относятся къ бронзовому вѣку и здѣсь не обнаружено ни слѣда желѣза. Однако, желѣзо играетъ роль въ Иліадѣ, но это служитъ лишь доказательствомъ сравнительно поздняго происхожденія гомеровскихъ поэмъ. Съ другой стороны, раскопки того же Шлимана въ Микенахъ, относящіяся къ первобытной цивилизаціи, разрушенной дорянами, обнаруживаютъ желѣзные ножи лишь въ менѣе древнихъ слояхъ; такимъ образомъ, многочисленныя доказательства приводятъ къ утвержденіямъ, что въ XII и даже XI в. до Р. Х. желѣзо было неизвѣстно

въ Аргосѣ. Еще во времена созданія гомеровскихъ поэмъ, желѣзо было рѣдкимъ и дорогимъ металломъ по сравненію съ бронзой; но въ эпоху Гезіода (IX в. до Р. Х.), хотя желѣзо не вытѣснило бронзы, оно было уже дешевле мѣди.

Трудъ, какъ законъ природы.

Мы не можемъ успѣшно изслѣдовать начала культуры, не прибѣгая къ сравненію съ нынѣшними дикарями. Подобно тому, какъ въ біологіи постепенное развитіе зародыша является сокращеннымъ повтореніемъ исторіи цѣлой породы, такъ и существующія стадіи культуры обозначаютъ путь, намѣченный исторіей развитія культуры цѣлаго человѣчества. Вопросъ о томъ мѣстѣ земного шара, гдѣ впервые началось культурное развитіе, долженъ, къ сожалѣнію, остаться безъ отвѣта: указать этого мѣста мы не въ состояніи. Почти навѣрное можно, однако, предположить, что это мѣсто находилось въ умѣренномъ поясѣ. Дѣйствительно, въ жаркомъ поясѣ большею частью мы встрѣчаемъ племена, лишенныя исторіи. Исключая узкаго сѣвернаго края Африки и плодоносной долины Нила, гдѣ уже давно разцвѣла культура, мы находимъ далеко вглубь Африки лишь варварскія племена, безъ исторіи, безъ традицій. Правда, уровень этой культуры далеко не такъ уже низокъ, какъ обыкновенно принято утверждать и чему обыкновенно вѣрятъ: такъ, во всякомъ случаѣ, племена, живущія въ этихъ тропическихъ странахъ, выше племенъ, живущихъ на сѣверѣ Сибири и на оледенѣлыхъ равнинахъ крайняго сѣвера Америки. Тамъ можно найти лишь слабый слѣдъ того, что можно назвать еще человѣческимъ обществомъ. Нѣчто подобное мы находимъ и на обращенной къ южному полюсу оконечности Патагоніи и на Огненной Землѣ, гдѣ обвѣваемый бурями мысъ Горнъ одиноко и мрачно выситcя надъ волнами океана. Умѣренный климатъ, повидимому, наиболѣе пригоденъ для развитія умственной культуры. По прежнимъ понятіямъ, это думали объяснить тѣмъ, что въ сѣверныхъ областяхъ холодъ, а въ южныхъ—зной стѣсняетъ процвѣтаніе животныхъ и растеній, т. е. дѣлаетъ ихъ неплодовитыми, тогда как умѣренный поясъ единственно пригоденъ для удовлетворенія потребностей человѣка. Если это еще примѣнимо къ крайнему сѣверу, то никакъ не относится къ тропическимъ странамъ, превосходящимъ богатствомъ

своихъ произведеній всѣ другія страны. Иногда отсюда обратно выводили, что если уже умѣренныя страны стали мѣстопребываніемъ культуры, то тѣмъ болѣе благопріятны для культуры должны были бы быть тропическія страны. Что это не такъ, ясно изъ слѣдующаго: повышеніе культуры обусловливается не тѣмъ, что природа производитъ требуемое для поддержанія жизни, но тѣмъ, *какъ* она производитъ. Не просто потому, что жаркій климатъ дѣйствуетъ разслабляюще на духъ и тѣло, но потому, что тропическая природа производитъ все необходимое для человѣка въ изобиліи и безъ участія человѣка, — по этой именно причинѣ тропическія страны не были способны стать колыбелью культуры. Здѣсь человѣкъ для своего прокормленія не нуждается ни въ работѣ, ни въ сопряженной съ нею умственной дѣятельности. Безъ напряженія мысли срываетъ онъ сочный плодъ съ дерева, какъ и теперь еще мы видимъ на многихъ островахъ Тихаго Океана, и остается сыномъ природы, дикаремъ. Иное дѣло въ умѣренномъ климатѣ, гдѣ природа менѣе щедра, гдѣ плодъ извлекается изъ почвы лишь помощью тяжелаго труда, гдѣ лѣсныя ягоды и немногіе туземные плоды едва въ состояніи поддержать жизнь. Здѣсь человѣку пришлось думать и работать.

Такимъ образомъ мы стоимъ здѣсь уже на порогѣ культуры. Первымъ культурнымъ человѣкомъ былъ тотъ, который впервые сталъ работать. Съ *работою* соединяется все культурное развитіе человѣчества; она является опредѣляющимъ факторомъ.

Матеріальный трудъ впервые потребовалъ умственной дѣятельности, и развитіе труда и ума находится во взаимной зависимости. Но что побуждало къ работѣ? Прежде всего, конечно, нужда, другой чисто матеріальный факторъ. Это необходимо прежде всего отмѣтить, такъ какъ пробужденіе умственной дѣятельности порою приписываютъ сверхъестественнымъ моментамъ. Мы усматриваемъ въ трудѣ первый культурно-историческій, но въ то-же время и первый политико-экономическій факторъ. И такъ какъ судьба человѣческаго рода, развитіе государствъ и народовъ, въ концѣ концовъ, сводится на экономическіе законы, то изученіе различныхъ формъ трудовой дѣятельности представляетъ первостепенное значеніе. Трудъ есть явленіе, испытавшее измѣнчивую судьбу въ исторіи человѣчества, но тѣмъ не менѣе остающееся постояннымъ, по существу неизмѣннымъ факторомъ. Форма

проявленія труда различна, смотря по эпохѣ и народу, но самый трудъ остается со всѣми его тягостями и тираническими законами. Работа *необходима*, въ той или въ иной формѣ. Не существенно то обстоятельство, что съ развитіемъ культуры является на ряду съ „физическимъ“ еще „умственный“ трудъ. И если, стремясь объяснить сущность труда, мы ищемъ аналогіи въ природѣ, то невольно усматриваемъ въ ней вѣчную работу разныхъ силъ. Всякое дѣйствіе силы есть работа, и хотя мастерскія природы порою укрываются даже отъ глазъ естествоиспытателя, все же, напр., прорастаніе и цвѣтеніе есть работа, происходящая по законамъ необходимости. Другими словами, въ природѣ, какъ и въ жизни человѣчества, работа обозначаетъ процессъ происхожденія, развитія. Этимъ въ то же время объясняется, почему трудъ во всѣхъ (?) сферахъ человѣческаго развитія принимаетъ неизмѣнно господствующее положеніе, которое всегда будетъ принадлежать ему. Трудъ именно и есть естественный законъ.

Первобытныя формы собственности.

Естественнымъ результатомъ труда было добытое имъ, или же *собственность*. Если признать трудомъ проявленіе грубой силы, то, пожалуй, нельзя ничего возразить и противъ пресловутаго изреченія Прудона. Но, съ другой стороны, часто высказываемое положеніе, что собственность основана на самой природѣ человѣка или что она до извѣстной степени составляетъ его вторую природу и что достаточно быть человѣкомъ, чтобы обладать правомъ собственности—это положеніе, по нашему мнѣнію, неосновательно. Собственность установилась скорѣе путемъ „вступленія во владѣніе“, т. е. посредствомъ приложенія работы—или же грубой силы. Происхожденіе собственности относится еще къ эпохѣ, которую можно назвать „безправною“. Моральное происхожденіе собственности такъ же мало прирождено человѣку, какъ и вообще мораль: оно развилось лишь постепенно съ возрастаніемъ вліянія индивидуализма и основаннаго на его почвѣ соціальнаго расчлененія. Отсюда значительная склонность всѣхъ первобытныхъ племенъ къ воровству и обману [1]).

[1]) Это не безусловно правильно. Многіе мало-культурныя племена чрезвычайно честны и правдивы, какъ, напр., бодо и дималы. *Перев.*

Первобытное состояніе собственности основывалось на принципѣ общности. Начальныя стадіи общественной жизни характеризуются общностью женъ и дѣтей и общностью имущественныхъ благъ. Коммунизмъ былъ началомъ соціальной жизни, тогда какъ нынѣшніе коммунисты считаютъ его конечною цѣлью соціальнаго развитія. Индивидуальное присвоеніе земли, въ особенности, является очень поздно въ исторіи развитія, тогда какъ первоначально съ полнымъ правомъ и основаніемъ земля разсматривалась какъ общая собственность поселившейся на ней орды, племени или народа.

Въ настоящее время замѣчается движеніе, во многихъ отношеніяхъ вполнѣ справедливое—возвратиться къ этому общинному землевладѣнію. Общее владѣніе землею, а частью даже и движимостью до сихъ поръ еще встрѣчается въ разныхъ частяхъ Африки, Америки и Австраліи и то-же было въ Перу въ эпоху покоренія, и при томъ на весьма широкомъ государственномъ основаніи. На Явѣ еще повсюду существуетъ общинное землевладѣніе и устройство, весьма близкое къ русской сельской общинѣ или міру; то же въ разныхъ формахъ находимъ также въ Сербіи, Хорватіи (Кроаціи) и у многихъ азіатскихъ полукочевыхъ народовъ. Графъ Кавуръ былъ величайшимъ поклонникомъ этой системы, которая, не смотря на противодѣйствующее ей вредное вліяніе крѣпостнаго права, дѣйствовала благотворно, особенно при колонизаціи такой огромной страны, какова Россія: сельская община достигала такихъ же результатовъ, какъ средневѣковыя монастырскія общины. Она дѣлала то, что не по силамъ отдѣльному человѣку. У монгольскихъ кочевниковъ не только пастбище, но и самыя стада составляютъ общую собственность племени. Въ Китаѣ индивидуальное присвоеніе земли явилось лишь какъ слѣдствіе ряда насильственныхъ мѣръ и узурпацій. То же справедливо для Японіи, гдѣ завоеватели монгольской расы ввели силою феодальную систему. Индусы до англійскаго завоеванія не имѣли понятія ни о безусловномъ правѣ отчужденія поземельной собственности, ни о правѣ завѣщанія: это послѣднее вовсе не представляетъ „естественнаго права“, но является лишь позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ и особенно развилось въ Римѣ. У древнихъ евреевъ поземельная собственность, правда, была семейною, но каждыя 50 лѣтъ происходилъ передѣлъ. Также въ Греціи и въ Римѣ общность земель предшествовала частной собственности. Въ Спартѣ воспрещеніе продажи земли и отсутствіе права завѣ-

щанія долгое время содѣйствовало равенству имуществъ. По Плутарху, древніе лакедемоняне имѣли право пользоваться чужими лошадьми, собаками и орудіями сосѣдей, если послѣдніе оставляли ихъ безъ употребленія. Въ Аѳинахъ Солонъ и его преемники подчинили частную собственность тяжелымъ ограниченіямъ, вѣроятно въ видѣ воспоминанія о первобытной общности имуществъ. Даже въ Римѣ частная земельная собственность лишь постепенно выработалась изъ общинной. Лишь законъ XII таблицъ и введеніе права продажи и завѣщанія дали частной собственности перевѣсъ. Крупное землевладѣніе постепенно стало поглощать мелкое, и въ Римской Имперіи, наконецъ, дошло до такихъ неестественныхъ условій, какія мы видимъ теперь въ Англіи и особенно Ирландіи, какъ послѣдствіе завоеванія и феодальнаго права.

Также и въ остальной Европѣ римскіе завоеватели почти всюду встрѣтили болѣе или менѣе ясно выраженныя общинныя начала, какъ, напр., въ Галліи, Испаніи, Германіи, Далмаціи: стоитъ прочесть объ этомъ показанія Діодора, Юлія Цезаря, Страбона и др. Въ Германіи общинная территорія клана, называвшаяся *маркой* или *альмендой*, включала пахатныя земли, лѣсъ, луга и воды, какими только пользовались семьи. Остатки такого первобытнаго состоянія сохранились еще и теперь въ швейцарскихъ альмендахъ, гдѣ лѣса и луга находятся въ общемъ владѣніи. Въ различныхъ формахъ то же встрѣчается въ Голландіи, Италіи, Португаліи, Франціи, Эльзасѣ и въ уже упомянутыхъ славянскихъ земляхъ. Лишь римское право, съ его чрезмѣрнымъ подчеркиваньемъ индивидуализма и частной собственности, положило конецъ прежнему положенію дѣлъ и довело право личной собственности до крайняго развитія, приведя къ появленію „пролетаріата".

Первобытныя дикія орды такъ же мало признавали частную земельную собственность, какъ и многіе нынѣшніе дикари. Впрочемъ, при охотничьемъ или рыболовномъ образѣ жизни прочная поземельная собственность едва-ли возможна и мыслима. Лишь оружія или орудія, выдѣланныя отдѣльнымъ лицомъ или пріобрѣтенныя въ обмѣнъ, могли становиться личной собственностью. Охотничья территорія была общей собственностью и охранялась лишь отъ вторженія чуждыхъ племенъ. Но даже когда явилось скотоводство и земледѣліе, то пахотная или луговая земля осталась во владѣніи

общины и въ общинномъ пользованіи, или отдавалась лишь въ пользованіе частныхъ лицъ. Позднѣе явился раздѣлъ земли между отдѣльными семьями, находившимися всецѣло подъ деспотическимъ главенствомъ родоначальника, при чемъ семейная собственность замѣнила племенную [1]). Однако, луга и лѣса все же оставались внѣ раздѣла. Сверхъ того, постепенный переходъ участковъ земли въ частное владѣніе еще далеко не включалъ права продажи.

Изъ сказаннаго такъ же мало можно вывесть абсолютную необходимость какой-либо опредѣленной формы права собственности, какъ абсолютную необходимость въ той или иной формѣ брака и семьи. Наилучшій порядокъ не одинаковъ съ точки зрѣнія дикаря и цивилизованнаго человѣка; что именно лучше всего въ данный моментъ этого нельзя сказать апріорно, а надо изучить по природѣ человѣка, по его потребностямъ, чувствамъ, по обычнымъ слѣдствіямъ его поступковъ. Наилучшій порядокъ становится правомъ, или, по крайней мѣрѣ входитъ въ правосознаніе.

Въ общемъ, право собственности постоянно приспособляется къ сферѣ общественныхъ интересовъ. Гдѣ эти интересы не выходятъ изъ предѣловъ деревни, тамъ мы видимъ лишь общинное землевладѣніе; но порою сфера съуживается до индивидуума, какъ въ нашихъ обществахъ, движимыхъ себялюбивыми мотивами, и это приводитъ къ рѣзко выступающей индивидуальной собственности.

Война и миръ.

Война представляетъ родъ слѣда или воспоминанія о той первобытной порѣ жизни человѣчества, когда наши варварскіе предки, подобно лѣснымъ звѣрямъ, жили въ постоянной борьбѣ за существованіе—то съ чудовищами первобытныхъ временъ, то съ себѣ подобными. Если въ настоящее время война разнуздываетъ страсти и инстинкты, сдерживаемые упорядоченнымъ общественнымъ состояніемъ, то вліяніе этой наслѣдственности выказывается очень рѣзко во многихъ явленіяхъ, позволяющихъ этимъ свирѣпымъ инстинктамъ и стремленіямъ выступать съ неожиданной силой

[1]) Изслѣдованія М. Ковалевскаго доказываютъ, что „сосѣдская община" возникла изъ „семейной общины". *Перев.*

и могуществомъ. Это происходило бы даже въ еще усиленной степени, если бы тому не противодѣйствовала желѣзная дисциплина новѣйшихъ военныхъ учрежденій.

Трудно рѣшить и едва-ли когда либо рѣшатъ, откуда происходятъ эти дикіе и воинственные инстинкты, эта прирожденная страсть къ убійству, свойственная человѣческой природѣ и всегда дѣлавшая человѣка жесточайшимъ врагомъ человѣку. Даже теперь инстинкты эти такъ могущественны, что самая высокая цивилизація нашихъ дней едва способна противопоставить этому стремленію слабую задержку. Посмотрите хотя-бы на вѣчныя драки и ссоры школьниковъ или на происходящія по самому ничтожному поводу кровавыя побоища между представителями низшихъ классовъ. Даже въ ближайшемъ къ человѣку животномъ мірѣ нельзя указать ничего, сколько-нибудь аналогичнаго драчливости человѣка, что дозволило-бы вывесть ее исключительно изъ атавизма или изъ наслѣдственности отъ низшихъ формъ. Лишь у животныхъ, далеко отстоящихъ отъ человѣка и имѣющихъ совсѣмъ иное происхожденіе, каковы осы, пчелы, муравьи и т. п., мы можемъ усмотрѣть подобныя же явленія. Быть можетъ изобрѣтеніе искусственныхъ средствъ убійства и смертоноснаго оружія не мало возбудило и повысило воинственные инстинкты.

Дикари прошедшихъ временъ, конечно, не отличались отъ нынѣшнихъ. Это была эпоха взаимныхъ убійствъ и прямая противоположность голубиной кротости и невинности. Сюда присоединялась неслыханная адская жестокость или истребительная ярость противъ враговъ, побѣжденныхъ или плѣнныхъ и такое пренебреженіе къ человѣческой жизни, о какомъ мы не способны составить себѣ ни малѣйшаго представленія. Нѣчто подобное представляетъ развѣ жестокость дѣтей по отношенію къ животнымъ. Очевидно, что эти побоища и человѣческія жертвы не мало способствовали необычайному замедленію размноженія человѣческаго рода. Прямымъ свидѣтельствомъ являются многочисленные знаки пораненія, оставшіеся въ человѣческихъ костяхъ у до-историческихъ людей каменнаго вѣка. Въ началѣ исторіи человѣчества война и борьба представляла нормальное состояніе. „Мы больше не мужи, мы не можемъ драться“ — жаловались новокаледонцы на французское владычество и на миссіонеровъ“. Лишь тамъ, гдѣ жили изолированныя племена или гдѣ горькій опытъ принудилъ членовъ племени жить

между собою въ мирѣ, подобныя общины могли продолжительно существовать безъ истребительной борьбы. Многіе мыслители пытались отстоять войну въ принципѣ, ставя ее на одинъ уровень съ борьбой за существованіе или видя въ ней также родъ естественнаго закона, отъ котораго человѣкъ не могъ бы освободиться. Но это сравненіе неумѣстно въ томъ смыслѣ, что борьба за существованіе далеко не всегда обозначаетъ взаимную истребительную войну, какъ можно было бы думать на основаніи прямого смысла термина. Гораздо чаще состязаніе имѣетъ мирный характеръ. Но у человѣка мирное состязаніе становится тѣмъ болѣе обезпеченнымъ, тѣмъ болѣе удобнымъ, чѣмъ болѣе личность отдѣльнаго человѣка освобождается отъ первобытнаго безправія и насилія. Право имѣетъ чисто человѣческое происхожденіе; оно возникаетъ изъ группировки въ общество, тогда какъ въ природѣ господствуетъ лишь *одно* право, а именно право силы или насилія. Отъ этого естественнаго состоянія насъ освободила цивилизація, дозволивъ построеніе правового государства, такъ что теперь исходъ борьбы рѣшается уже не воинственностью отдѣльныхъ лицъ или племенъ, но, вообще говоря, посредствомъ зрѣлаго обсужденія государственныхъ интересовъ крупныхъ политическихъ тѣлъ. Не грубая страсть къ разрушенію, но интересъ самосохраненія (хотя порою ложно понятый) побуждаетъ теперь народы вынимать мечъ.

Охотничьи, рыболовныя, пастушескія и земледѣльческія племена.

Трудъ, этотъ истинный источникъ собственности, не совсѣмъ чуждъ и самымъ низшимъ культурнымъ стадіямъ; но само собою разумѣется, что онъ повышается по мѣрѣ повышенія уровня развитія. Старинные историки культуры выставили особый шаблонъ, по которому всѣ племена начинаютъ, будто-бы, съ охоты и рыболовства, затѣмъ становятся пастухами и, наконецъ, земледѣльцами. Сколько бы ни было истины въ этой формулѣ, во всякомъ случаѣ она не можетъ быть строго проведена. Сначала до-историческій человѣкъ долженъ былъ питаться тѣмъ, что ему щедро предоставляла сама природа, т. е. плодами, ягодами, орѣхами, кореньями, клубнями, дикимъ медомъ, птичьими и черепашьими яйцами,

насѣкомыми, червями, мелкими пресмыкающимися, моллюсками, полусгнившимъ мясомъ выброшенныхъ на берегъ рыбъ или морскихъ млекопитающихъ и т. п. Знаменитые кухонные отбросы (Kjökkemöddings) или кучи раковинъ на берегу морей, большихъ озеръ и рѣкъ, показываютъ, какой неистощимый запасъ пищевыхъ средствъ предоставляла природа добровольно народамъ, живущимъ на морскомъ берегу. Менѣе добровольно, но тѣмъ болѣе щедро доставлялась пища охотой, такъ какъ дичь была болѣе обильна и отличалась менѣе пугливымъ нравомъ, а охотникъ обладалъ болѣе острымъ зрѣніемъ, обоняніемъ и слухомъ. Очень крупныхъ звѣрей, вродѣ слоновъ, быть можетъ ловили, заставляя ихъ падать въ прикрытыя ямы, что̀ еще и теперь дѣлаютъ готтентоты. Съ другой стороны, употребленіе ядовитыхъ стрѣлъ или дротиковъ и значительныя преимущества совмѣстной охоты и хитрости позволяли охоту на быстроногихъ и сильныхъ звѣрей, вродѣ оленя, сѣвернаго оленя, медвѣдя, дикаго кабана. Масса оленьихъ роговъ, найденныхъ въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, доказываетъ, что тогдашніе лѣса были буквально населены оленями и что охота на этого звѣря была не изъ особенно трудныхъ. Кромѣ благороднаго оленя, въ Средней Европѣ большими стадами водился также сѣверный олень, а также дикая лошадь—они служили главною пищею до-историческаго европейца. Дѣйствительно, кости и остатки этихъ звѣрей находятъ чудовищными массами при разныхъ до-историческихъ раскопкахъ. Также собачье жаркое было, повидимому, лакомымъ блюдомъ.

Для диллювіальнаго обитателя пещеръ, кромѣ названныхъ животныхъ, главною дичью долженъ былъ служить медвѣдь. Кости его находятъ въ видѣ несмѣтныхъ массъ. Звѣря этого порою ловили, какъ и слона, въ ямы и западни, иногда убивали отравленными стрѣлами или просто нападали на него облавой. Вообще до-историческій человѣкъ не пренебрегалъ никакимъ мясомъ и ѣлъ львовъ и лисицъ наравнѣ съ мышами, крысами и ежами.

Охота была для до-историческаго человѣка не удовольствіемъ, какъ для насъ, но трудомъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ примѣръ нынѣшнихъ дикихъ охотничьихъ племенъ, которыя обязаны охотѣ не только своей пищей, но и одеждой и большей частью полезныхъ или необходимыхъ въ ихъ быту предметовъ.

Лѣса, въ которыхъ жили охотники, конечно, не могли

быть густо населены. Въ вѣчной борьбѣ съ быстроногою дичью, грубый охотникъ нуждается въ большомъ просторѣ. На значительномъ пространствѣ можетъ питаться лишь ничтожное населеніе, состоящее изъ охотниковъ. Охота не совмѣстима съ развитіемъ высшей культуры. Развитіе народовъ находится въ строгой, хотя и не абсолютной зависимости отъ способа питанія. Лишь тамъ мы находимъ первые и уединенные свѣточи человѣческой общественности, гдѣ населеніе всего легче могло сгуститься; охота способна пропитать лишь весьма рѣдкое населеніе. Если охотничье племя размножается, то его члены, частью вслѣдствіе нужды, частью по причинѣ сознанія своего численнаго превосходства, неизбѣжно станутъ вторгаться въ чужія охотничьи территоріи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ будутъ вѣчныя распри, вѣчная борьба за существованіе, при чемъ сильнѣйшее племя выгонитъ или вытѣснитъ слабѣйшее; послѣднее должно вытѣснить какое-либо третье племя или вынуждено погибнуть. Сильныя охотничьи племена поэтому легко распространяются, но не сгущаются.

Быть можетъ, нѣсколько большіе задатки культурнаго развитія слѣдуетъ приписать *рыбакамъ*, уже вслѣдствіе ихъ большей осѣдлости. Рыбакъ ведетъ борьбу уже не только противъ отдѣльныхъ существъ, но противъ цѣлой стихіи—воды. Побѣда надъ природой переходитъ здѣсь, такъ сказать, во вторую стадію. Рыбаки поэтому живутъ болѣе тѣсно и порою, вслѣдствіе коварства водяной стихіи, вынуждены оказывать другъ другу взаимную помощь. У нихъ поэтому приходится искать первые слѣды болѣе прочной общественности. Область, требующаяся для каждаго рыбака, менѣе обширна, чѣмъ для охотника; мѣстами мы замѣчаемъ также первыя грубыя начала судоходства, конечно, въ зависимости отъ того или иного очертанія береговъ.

Ядъ, дротикъ, стрѣла и удочка служили первобытному человѣку средствами рыболовства, а въ эпоху сооруженія свайныхъ построекъ сюда присоединились уже сѣти. Болѣе крупныхъ рыбъ и морскихъ млекопитающихъ били гарпунами, какъ показываютъ приготовленные изъ костей или изъ оленьяго рога, снабженные крючьями гарпуны, находимые при раскопкахъ. Эти гарпуны необыкновенно похожи на тѣ, которые мы находимъ у нынѣшнихъ эскимосовъ или огнеземельцевъ. Въ металлическій вѣкъ эти костяныя орудія, конечно, замѣнились металлическими.

Слѣдующей ступенью является пастушеская стадія. Здѣсь животное служитъ человѣку не только послѣ смерти, но и при жизни, при чемъ для пропитанія животнаго требуется сравнительно малая поверхность. Самъ человѣкъ становится кротче, его склонности обращаются къ дающимъ молоко животнымъ, образующимъ его богатство; искусственное разведеніе увеличиваетъ это богатство. Вмѣстѣ съ привязанностью къ животному усиливается также склонность людей къ взаимному сближенію, чему содѣйствуютъ и другія принудительныя условія.

Пастушеская жизнь тѣсно связана съ кочеваньемъ. Охотники и рыбаки не могутъ, въ строгомъ смыслѣ слова, называться номадами. Возвращаясь въ свои первичныя области, они не подчиняются никакой внутренней необходимости, тогда какъ пастухъ, конечно, вынужденъ оставлять выпасенныя пастбища и искать другихъ, но возвращается затѣмъ на прежнее мѣсто. Настоящій номадъ всегда сынъ степей, покрывающихъ необозримыя равнины въ обоихъ полушаріяхъ. Впрочемъ, странствующій пастухъ свойственъ почти исключительно Старому Свѣту. Исключая центральной Америки, гдѣ бродили стада ламъ, американскіе народы не имѣли никогда понятія о пастушеской жизни и о молочномъ хозяйствѣ, тогда какъ обширныя степи Азіи питали огромныя племена пастуховъ. Въ общемъ, жизнь степныхъ номадовъ въ высшей степени однообразна. Она сводится къ заботѣ о стадахъ и къ войнѣ, главнымъ образомъ съ завоевательными цѣлями.

Обозрѣвая культурныя пріобрѣтенія пастушеской стадіи, мыслящій наблюдатель пойметъ все ея значеніе. Жизнь стала весьма дѣятельной, потребности умножились, человѣкъ научился сооружать себѣ прочныя жилища, хотя еще не устойчивыя. Въ то время какъ охотники, въ лучшемъ случаѣ, образуютъ племена въ нѣсколько сотъ или тысячъ душъ, пастухи соединяются уже сотнями тысячъ подъ начальствомъ общаго вождя. Какъ у охотниковъ, этотъ вождь пользуется обыкновенно деспотическою властью, и эта власть надъ жизнью и смертью замѣняетъ законъ. У пастуховъ уже можетъ быть рѣчь о богатствѣ: собственность приняла конкретныя формы, и въ естественной плодовитости стадныхъ животныхъ было включено умноженіе собственности. Сверхъ того, натуральное богатство возрастаетъ—при условіи общности имуществъ и при отсутствіи торговли—прямо пропорціонально численности племенъ. Пастушеская жизнь, по сравненію съ низшими стадіями, уже обнаруживаетъ существенное уплотненіе и главное условіе для высшаго разцвѣта культуры.

Съ переходомъ отъ каменнаго вѣка къ металлическому и съ всеобщимъ введеніемъ земледѣльческой культуры наступаетъ культурно-историческое настоящее. Однако, нельзя доказать еще никакой опредѣленной зависимости между способомъ пропитанія и умственными и нравственными стадіями. Мы встрѣчаемъ, напр., уходъ за деревьями у весьма грубыхъ народовъ, тогда какъ кочующіе бедуины Аравіи до и послѣ Магомета занимались наукою и искусствами.

Нельзя также сказать, чтобы всѣ перечисленныя стадіи были необходимы. Многія племена перескакиваютъ черезъ ту или другую стадію, тогда какъ другія остаются на низшей ступени развитія. Такимъ образомъ и въ настоящее время есть не мало охотничьихъ, рыбачьихъ и пастушескихъ племенъ и даже такихъ, которыя все еще пребываютъ въ каменномъ вѣкѣ. Въ эпоху открытія Америки, ея великія культурныя державы пребывали еще одной ногой въ до-металлическомъ вѣкѣ; употребленіе каменныхъ орудій и оружія встрѣчается и въ европейской исторіи даже въ средніе вѣка. Подобное же можно утверждать о многихъ нравахъ и обычаяхъ, уцѣлѣвшихъ какъ остатки прошедшаго. Во всякомъ случаѣ, начало земледѣлія задолго предшествуетъ употребленію металловъ. Всего лучше можно показать постепенный переходъ трехъ культурныхъ стадій на примѣрѣ знаменитыхъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, разсмотрѣвъ три послѣдовательныя группы ихъ. Въ первой изъ этихъ группъ преобладаютъ кости дикихъ звѣрей надъ костями домашнихъ животныхъ. Здѣсь, при совершенномъ отсутствіи металла, скотоводство и земледѣліе играютъ еще сравнительно-незначительную роль, тогда какъ охота является главнымъ средствомъ существованія. Во второй группѣ, къ которой принадлежитъ большинство западно-швейцарскихъ свайныхъ построекъ, лучшая обработка каменныхъ орудій,—между которыми есть и сдѣланныя изъ привозныхъ камней,—и присутствіе болѣе изящной глиняной посуды обозначаютъ существенный прогрессъ культуры, тогда какъ лишь третья, принадлежащая металлическому вѣку, группа указываетъ на слѣды народа, пользовавшагося, при полномъ развитіи земледѣлія и скотоводства, извѣстнымъ благосостояніемъ и прогрессивною культурою. Здѣсь уже также столь важная для насъ домашняя свинья (вѣроятно, потомокъ дикаго кабана, Sus scrofa) играетъ роль весьма прибыльнаго пище-

вого средства, тогда какъ лошадь, необычайно часто встрѣчающаяся въ древнекаменномъ вѣкѣ, теперь встрѣчается въ озерныхъ поселеніяхъ сравнительно рѣдко. Зато тѣмъ чаще мы встрѣчаемъ остатки оленя и быка; кости оленей и вообще дикихъ звѣрей особенно часто попадаются въ древнѣйшихъ изъ свайныхъ поселеній, какъ, напр., въ Моосзедорфѣ, Ваувилѣ (Wauwyl), Робенгаузенѣ и т. п.

Такъ какъ домашній скотъ требуетъ зимою правильнаго кормленія, то приходится допустить, что одновременно съ разведеніемъ скота существовало уже земледѣліе, еще совершенно неизвѣстное племенамъ, сваливавшимъ кучи раковинъ и другихъ „кухонныхъ отбросовъ". И, дѣйствительно, подъ остатками свайныхъ построекъ удавалось находить большія массы зерна, изъ котораго дѣлали тѣсно или же родъ хлѣба. Найдены также разные овощи и плоды. Обѣдъ жителей свайныхъ построекъ былъ, поэтому, довольно богатымъ. Питьемъ служило молоко, быть можетъ и напитокъ изъ дикаго меда, далѣе плодовый квасъ, а позднѣе и пиво.

Проф. Гееръ полагаетъ, что всѣ культурныя растенія свайныхъ построекъ указываютъ на связь съ средиземно-морскими странами, откуда, вѣроятно, получали разные роды зерна. Вполнѣ возможно, что позднѣйшіе обитатели европейскихъ свайныхъ построекъ косвенно испытали вліяніе египетской культуры. Вообще, многіе ученые полагаютъ, что дилювіальные пещерные жители Европы не могли самостоятельно перейти отъ охотничьей и рыбачьей жизни къ скотоводству и земледѣлію, и что этотъ переходъ объясняется лишь прибытіемъ чуждыхъ или новыхъ племенъ съ юга. Этому, однако, противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ различныхъ французскихъ пещерахъ найдены многочисленные остатки домашнихъ животныхъ, и что также постепенный переходъ отъ фауны и флоры дилювія къ нынѣшней говоритъ въ пользу допущенія европейскаго происхожденія нынѣшнихъ туземныхъ домашнихъ породъ. Такъ, по мнѣнію проф. Жервэ, прирученіе лошади относится еще къ началу ледниковой эпохи, а Туссенъ, на основаніи многихъ признаковъ, полагаетъ, что знаменитыя лошади изъ Солютрэ не были предметомъ охоты, но служили домашними животными, которыхъ на мѣстѣ убивали, разрѣзывали и поѣдали.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ эпоху сооруженія свайныхъ построекъ переходъ къ земледѣлію былъ уже законченъ. Дѣйствительно, ни въ одномъ

изъ свайныхъ поселеній Европы не найдено слѣдовъ крупныхъ животныхъ предшествующей дилювіальной эпохи, разныхъ толстокожихъ, крупныхъ кошачьихъ и медвѣдей и т. п. Даже сѣверный очень исчезаетъ, тогда какъ на его мѣсто выступаютъ четыре древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ— корова, овца, коза и собака.

Существуетъ мнѣніе, что земледѣліе есть „дитя горъ" или, по крайней мѣрѣ, горныхъ склоновъ, такъ какъ низины рѣчныхъ долинъ представляютъ трудности, съ которыми грубый человѣкъ не могъ бы справиться. Лишь постепенно человѣкъ спускается въ долины и слѣдуетъ вдоль по теченію рѣкъ, начавъ съ основанія поселеній у ихъ источниковъ. Всюду, гдѣ растительность доставляетъ человѣку обильную пищу, онъ можетъ поселяться, стать осѣдлымъ и заняться земледѣліемъ; но строгая осѣдлость является впервые съ культурой деревьевъ, что замѣчено уже Цезаремъ [1]) для кочевыхъ племенъ древнихъ германцевъ и что можно видѣть также теперь у многихъ индѣйскихъ племенъ Сѣв. Америки. Дѣйствительно, деревья растутъ медленно и не мѣняютъ мѣста, такъ что и понятіе о недвижимой собственности стало укрѣпляться благодаря культурѣ древесныхъ растеній. Такимъ образомъ, настоящимъ мѣриломъ осѣдлости является продолжительное занятіе земледѣліемъ. Человѣку не приходится болѣе искать вдали того, что у него всегда подъ рукою. Это положеніе дѣлъ въ то же время всего благопріятнѣе для постепеннаго образованія государства. Естественная необходимость, а не свободная воля, принуждаетъ человѣка организоваться въ группы народовъ или государства, хотя и принимающія, смотря по расѣ и по уровню развитія, разную форму, но все же обнаруживающія поразительныя сходства между собою на одинаковой стадіи. Такимъ образомъ, источникомъ государственности является не народная воля, не разумъ, не повелѣніе свыше, а природа, въ смыслѣ совокупности всѣхъ условій, находящихся внѣ сферы человѣческаго могущества. Однимъ словомъ, государство основано на дѣйствіи природныхъ силъ и является поэтому продуктомъ природы.

Къ какой эпохѣ относится образованіе первыхъ государствъ, этого, конечно, никто не скажетъ. Ясно, однако, что религія, жречество, военный и семейный строй должны уже

---

[1]) Caesar, De Bello gallico. VI, 22.

были достичь извѣстнаго развитія, прежде чѣмъ каждый изъ этихъ элементовъ могъ вступить во взаимодѣйствіе съ другими, какъ того требуетъ сущность государства.

Этнологія и до-историческая культура.

Не легко опредѣлить значеніе понятія, обозначаемаго словомъ „культура". Тайлоръ подразумѣваетъ подъ этимъ знанія, вѣрованія, искусство, мораль, законъ, нравственность и прочія способности и привычки, свойственныя человѣку, какъ члену общества, тогда какъ О. Пешель подразумѣваетъ подъ культурностью всѣ преимущества, добытыя человѣкомъ путемъ мышленія и воздѣйствія на природу, т. е. облагороженіе даровъ природы, болѣе легкіе способы добыванія и улучшенія пищевыхъ веществъ, изобрѣтенія, имѣющія цѣлью сохраненіе труда, организацію упорядоченной совмѣстной жизни, наконецъ, самопознаніе и стремленіе къ идеалу или къ достиженію наивысшихъ благъ человѣчества. Какъ, вообще, сложилась первая стадія культуры, никто въ настоящее время не въ состояніи въ точности опредѣлить, такъ какъ нигдѣ нельзя встрѣтить людей вполнѣ не-культурныхъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ психическомъ отношеніи наши дѣти до нѣкоторой степени повторяютъ исторію всего человѣчества, и въ этомъ смыслѣ можно говорить о „дѣтствѣ народовъ", о ихъ „возмужалости и дряхлости"; это не простая аналогія, но указаніе на параллелизмъ развитія. Поэтому же изученіе „дикарей" представляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ, содѣйствующихъ выясненію исторіи культуры. Достаточно указать на сходство нѣкоторыхъ до-историческихъ находокъ съ тѣмъ, что теперь еще находятъ у дикарей. Это можно сказать о дольменахъ и о кучахъ кухонныхъ отбросовъ, о свайныхъ постройкахъ и такъ наз. „могилахъ гунновъ" или „богатырскихъ могилахъ". Этнологія является важнѣйшимъ пособіемъ для оцѣнки до-исторической культуры.

До-историческія эпохи.

Для лучшаго обозрѣнія изслѣдованій въ области первобытной исторіи, удобно подраздѣлить относящееся къ ней чудовищное время на различные періоды, причемъ основою

для классификаціи служитъ матеріалъ, которымъ человѣкъ пользовался въ эти различныя эпохи для выдѣлки оружія и орудій. Первымъ подходящимъ матеріаломъ былъ, безъ сомнѣнія, *камень*, такъ сказать, самъ собою представлявшійся первобытному человѣку, въ особенности же кремень, который, по причинѣ своихъ отличныхъ качествъ, служилъ наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ и поэтому вывозился изъ странъ, гдѣ онъ всего чаще встрѣчается, какъ, напр., изъ Франціи, въ самыя отдаленнѣйшія мѣстности. Такимъ же образомъ, впрочемъ, употребляли и почти всѣ прочіе сорты камней. Кремень для отдаленнѣйшихъ эпохъ былъ такимъ же культурнымъ камнемъ как желѣзо по справедливости можетъ считаться „культурнымъ металломъ". Быть можетъ, безъ кремня все позднѣйшее развитіе культуры и господство человѣка надъ природой и надъ соперничающими съ нимъ животными было бы совершенно невозможнымъ. Безъ помощи кремневыхъ ножей, первобытный человѣкъ не могъ бы взяться за столь важную для него обработку дерева, рога и костей для разнообразнѣйшихъ цѣлей домашней, какъ и общественной жизни. Кремневые топоры и каменныя дубины служили ему отчасти оружіемъ для охоты и войны, частью же имѣли отношеніе къ мирнымъ цѣлямъ, служа для рубки деревъ, для колки дровъ, сооруженія жилищъ, древесныхъ челноковъ и т. п. Первоначально брали камни прямо въ руки, позднѣе придумали, для большаго удобства, деревянныя, роговыя, костяныя рукояти, придѣлывая ихъ съ помощью прочнаго цемента изъ земляной смолы или привязывая жилами животныхъ, совершенно такъ, какъ еще и теперь дѣлаютъ дикари, пользующіеся каменнымъ оружіемъ.

Гораздо легче стало прикрѣпленіе каменныхъ клинковъ къ рукояти послѣ того, какъ было открыто искусство сверленія дыръ въ камняхъ. Теперь рукоять или прямо вбивалась въ отверстіе или же такое сочлененіе укрѣплялось ремнями, веревками, жилами. Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, какъ и въ сѣверныхъ торфяныхъ болотахъ, находятъ еще такія, хорошо сохранившіяся, рукояти, въ томъ числѣ каменныя дубины и каменныя долота съ рукоятью изъ оленьяго рога; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ условія сохраненія менѣе выгодны, эти рукояти давно истлѣли.

Къ каменнымъ топорамъ всего болѣе подходятъ именно долота, различаясь отъ нихъ главнымъ образомъ, по способу прикрѣпленія. То-же можно сказать о разнаго рода скреб-

кахъ, скобеляхъ и лощилахъ, посредствомъ которыхъ очищали шкуры отъ волосъ; орудія эти удивительно напоминаютъ тѣ, которыя до сихъ поръ еще употребляются съ тою же цѣлью эскимосами и родственными съ ними гренландцами.

Находятъ молоты, а также соединеніе молотковъ съ топорами—вродѣ кирки. Попадаются также круглые и овальные камни съ углубленіями съ обѣихъ сторонъ. Камни эти, вѣроятно, брали, захватывая съ одной стороны большимъ пальцемъ, съ другой—остальными пальцами и пользовались этими камнями такъ же, такъ молотками или колотушками. Сверлилами служили орудія, имѣвшія видъ шила, но такъ какъ кремень легко лопается при сверленіи, то эти орудія дѣлали предпочтительно изъ діорита, серпентина или базальта. Изъ діорита, гранита и гнейса дѣлали также ступы и толкачи, очень сходные съ нынѣшними. Эти ступы служили для дробленія зеренъ. Кремень употребляли для выдѣлки, порою весьма искусно выработанныхъ и требовавшихъ большого терпѣнія для ихъ производства пилъ, которыя вдѣлывались продольно въ деревянныя или роговыя рукояти, вставляя въ желобы и укрѣпляя тамъ клейкой массой или цементомъ. Обыкновенные кремни, слегка обдѣланные нѣсколькими ударами, служили для метанія.

Само собою разумѣется, что въ новокаменномъ вѣкѣ обработка оружія и орудій должна была отличаться большимъ разнообразіемъ формъ и различіемъ цѣлей, для которыхъ она предназначалась, а также болѣе совершенной техникой. Это относится не только къ предметамъ, выдѣланнымъ изъ камня, но еще въ большей степени къ предметамъ, выдѣланнымъ изъ костей, рога, дерева, раковинъ, зубовъ и т. п. матеріала. Опираясь на всѣ эти различія, различаютъ поэтому древнекаменный, среднекаменный и новокаменный вѣкъ, при чемъ еще сопоставляютъ эту классификацію съ характеромъ фауны. Палеолитическій или древнекаменный вѣкъ есть, дѣйствительно, въ то же время вѣкъ вымершихъ видовъ животныхъ, каковы мамонтъ, виды носорога, пещерный медвѣдь, пещерный левъ и т. п. Месолитическій вѣкъ есть вѣкъ переселившихся животныхъ (сѣвернаго оленя, серны, видовъ антилопы или сайги, россомахи и т. п.); наконецъ, неолитическій вѣкъ есть эпоха еще теперь живущихъ млекопитающихъ. Другіе ученые предлагаютъ болѣе точную классификацію. Такъ, французскій ученый Мортилье, весьма свѣдущій директоръ галло-римскаго музея въ С.-Жерменѣ, имѣвшій, болѣе кого-либо другого,

удобные случаи видѣть и сравнивать между собою до-историческія каменныя орудія, различаетъ, судя по большему или меньшему совершенству кремневыхъ топоровъ и другихъ каменныхъ орудій, не менѣе пяти эпохъ. Между четвертой эпохой (дилювіемъ) и пятой (аллювіемъ) онъ усматриваетъ значительный пробѣлъ, пока еще не заполненный. По мнѣнію Мортилье, въ это время, вѣроятно, произошло поселеніе болѣе культурной расы, явившейся съ Востока, вытѣснившей племена первыхъ четырехъ эпохъ или смѣшавшейся съ ними, подобно тому, какъ въ Америкѣ тольтеки и ацтеки вытѣсняли первобытныхъ обитателей. Другіе изслѣдователи допускаютъ такія поселенія чужихъ расъ и, стало быть, измѣненіе въ первичномъ европейскомъ населеніи не однажды, а много разъ. По Мортилье, такія перемѣны потребовали сотенъ тысячъ лѣтъ.

Правда, приведенное здѣсь подраздѣленіе каменнаго вѣка на палеолитическій, месолитическій и неолитическій, часто подвергались сомнѣнію. Указывали на то, что различія въ каменныхъ орудіяхъ объясняются не столько постепеннымъ усовершенствованіемъ техники производства, сколько различіемъ примѣненныхъ къ дѣлу каменныхъ породъ, такъ какъ твердыя, обнаруживающія острый или раковистый изломъ породы, какъ, напр. кремень, яшма, обсидіанъ, порфиръ, серпентинъ, нефритъ и т. д., могутъ быть обрабатываемы лишь съ помощью огня или иныхъ своеобразныхъ пріемовъ, тогда какъ смѣшанныя или же кристаллическія породы, напр., гнейсъ, гранитъ, діоритъ, песчаникъ, сланецъ, зеленый камень (грюнштейнъ) и др., болѣе пригодные къ полировкѣ или къ просверливанію, доставляли матеріалъ для полированныхъ, шлифованныхъ и просверленныхъ предметовъ.

По этому воззрѣнію, палеолитическій и неолитическій вѣкъ это не двѣ отдѣльныя эпохи, но, смотря по свойству мѣстныхъ горныхъ породъ, могутъ встрѣчаться одновременно или въ разныя времена. Однако, каменныя орудія и оружія, обладающія рѣзко выраженнымъ неолитическимъ характеромъ, т. е. шлифованныя или полированныя, частью же награвированныя и съ нацарапанными фигурами, обладающія дырами или выемками для рукояти и, вообще, обнаруживающія болѣе тонкую и искусную работу,—всѣ такіе предметы никогда не находятся совмѣстно съ остатками дилювіальныхъ млекопитающихъ или же въ отложеніяхъ несомнѣнно дилювіальной эпохи; наоборотъ, грубыя орудія палеолитиче-

ской эпохи встрѣчаются вмѣстѣ съ этими остатками. Сверхъ того, различіе между палеолитическими и неолитическими каменными орудіями—независимо отъ шлифовки—по отношенію къ искусству выдѣлки такъ велико и поразительно, что оно не можетъ ускользнуть даже отъ совершеннѣйшихъ профановъ. Наконецъ, въ связи съ полированными неолитическими орудіями находятъ столько слѣдовъ и признаковъ прогрессивной культуры, что было бы совершеннымъ забвеніемъ принципа постепеннаго прогресса, если бы мы стали отрицать, что этотъ вѣкъ долженъ былъ наступить позднѣе палеолитическаго. Замѣчательно въ томъ же отношеніи, что во всей Скандинавіи, Сѣверной Германіи и на берегахъ альпійскихъ озеръ находятъ почти исключительно неолитическія оружія и орудія, тогда какъ палеолитическія отсутствуютъ. Это слѣдуетъ привести въ связь къ событіями уже упомянутой ледниковой эпохи; палеолитическія расы могли тогда существовать лишь на самой окраинѣ великой европейской глетчерной области, тогда какъ неолитическій человѣкъ занялъ свое мѣсто лишь по окончаніи этой эпохи. Отсюда столько слѣдовъ палеолитическаго человѣка, съ его несовершенными кремневыми топорами, въ богатой кремневыми глыбами, свободной отъ льда Франціи, тогда какъ ихъ было такъ мало въ Германіи и въ Швейцаріи. Лишь послѣ отступленія великихъ глетчеровъ, могли явиться поселенія палеолитическихъ людей въ Германіи и въ Швейцаріи; слѣды ихъ мы находимъ у Брауншвейга, Геры, Шуссенрида, Таубаха, Таингена и т. д.

Правда, противники этого подраздѣленія правы въ томъ отношеніи, что они не допускаютъ *рѣзкой* границы между палеолитическимъ и неолитическимъ вѣкомъ, но указываютъ на многочисленные переходы и помѣси. Дѣйствительно, находятъ часто или даже почти всегда оба вида каменныхъ издѣлій совмѣстно, такъ какъ въ началѣ неолитическаго вѣка все еще мы находимъ преобладающее количество тесаныхъ камней. Мы находимъ даже отдѣльные предметы частью тесаные, частью полированные. Было уже замѣчено, что, сверхъ того, между обѣими крайними стадіями слѣдуетъ вставить еще среднюю или месолитическій вѣкъ, характеризуемый главнымъ образомъ массивнымъ появленіемъ такъ называемыхъ каменныхъ ножей или ножеподобныхъ орудій, вмѣстѣ съ необычайно многочисленными остатками сѣвернаго оленя, такъ что эту эпоху, вообще, принято обозначать

также кратко общимъ названіемъ „вѣкъ сѣвернаго оленя“; ей можно было бы придать также названіе „періода кремневыхъ ножей“. Употребительно у археологовъ также называть тогдашняго человѣка „человѣкомъ эпохи сѣвернаго оленя“. Впрочемъ, сѣверный олень жилъ уже раньше, совмѣстно съ животными палеолитической эпохи, каковы: мамонтъ, ископаемый носорогъ, пещерный медвѣдь и т. п. Но лишь въ этотъ періодъ сѣверный олень появляется массами.

Тѣ-же возраженія, которыя были сдѣланы противъ подраздѣленія каменнаго вѣка на три отдѣла, были выставлены также—и, быть можетъ, съ большимъ основаніемъ—противъ подраздѣленія слѣдующаго за каменнымъ вѣкомъ металлическаго вѣка на бронзовый, мѣдный и желѣзный, такъ что съ этой точки зрѣнія остается лишь различіе между металлическимъ и не-металлическимъ вѣкомъ. Пытались подорвать и это послѣднее различіе, указывая на то, что между металлическимъ и каменнымъ вѣкомъ также нельзя провести строгой границы; какъ было уже замѣчено, употребленіе каменнаго оружія и орудія можетъ быть прослѣжено еще въ историческую эпоху. Однако, всѣ подобныя выраженія, въ общемъ, т. е. не принимая во вниманіе частныхъ исключеній, выражаютъ вполнѣ правильно постепенное повышеніе культуры отъ употребленія камня до употребленія металла. Хотя и эта послѣдняя стадія начинается еще въ до-историческія времена, однако, лишь она дѣлаетъ возможнымъ дѣйствительный прогрессъ на пути культуры и цивилизаціи. Слѣдуетъ, однако, сказать, что настоящая культура начинается собственно не съ введенія металловъ вообще, но съ введенія наиболѣе цѣннаго изъ нихъ, а именно желѣза. Но между камнемъ и желѣзомъ въ разныхъ странахъ является еще промежуточная стадія, которую называютъ то мѣднымъ, то бронзовымъ вѣкомъ. Очевидно, бронза, т. е., сплавъ, состоявшій большею частью изъ 9 ч. мѣди и 1 олова, будучи тверже желѣза, но мягче стали, представляетъ менѣе совершенный матеріалъ, нежели желѣзо; однако, введеніе ея представляетъ, по сравненію съ употребленіемъ камня, такой же крупный шагъ впередъ, какъ введеніе желѣза по сравненію съ бронзой. Дѣйствительно, путемъ обработки и отливки, бронзѣ можно придавать какую-угодно форму, тогда какъ для камня существуютъ весьма тѣсныя ограниченія. Однако, не слѣдуетъ представлять себѣ, что между этими различными эпохами камня и металла можно провести рѣзкія разграниченія;

наоборотъ, здѣсь замѣчается такой же постепенный переходъ, какъ и между различными фазисами каменнаго вѣка. Такія отношенія въ различныхъ странахъ настолько различны, что въ иныхъ мѣстахъ бронза не предшествовала желѣзу, но слѣдовала за нимъ или даже вовсе не была извѣстна. Такъ по Ленорману, негры средней и южной Африки никогда не знали бронзы, мѣдью же пользовались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, тогда какъ въ обработкѣ желѣза и добываніи его изъ рудъ они обнаружили довольно значительное, хотя и грубое искусство. Наоборотъ, китайцы представляютъ примѣръ довольно продолжительнаго бронзоваго вѣка, который предшествовалъ желѣзному. Точно то же было въ сѣверной Европѣ, куда бронза привозилась сначала изъ другихъ мѣстностей, но впослѣдствіи стала туземною, и гдѣ въ теченіе долгаго времени существовалъ бронзовый вѣкъ въ самомъ чистомъ видѣ. Наоборотъ, въ южной и средней Европѣ желѣзо стало вытѣснять бронзу, когда ледниковыя эпохи были въ полномъ развитіи. Въ Египтѣ употребленіе желѣза и приготовленіе стали было извѣстно уже въ эпоху пирамидъ, за 4000—5000 л. до Р. Х., тогда какъ въ Италіи оно является лишь въ началѣ великой этрусской эпохи, въ Галліи около 800 г. до Р. Х., а въ Скандинавіи еще позднѣе. Въ Индіи и въ Персіи желѣзная культура возникла очень рано, какъ туземная, тогда какъ бронза была привезена извнѣ. Справедливо также, что отдѣльныя мѣста, гдѣ находятъ *только* бронзу, безъ примѣси камня и желѣза, довольно рѣдки. Наконецъ, находятъ не мало могилъ или другихъ мѣстъ, каковы свайныя постройки и дольмены, гдѣ камень появляется вмѣстѣ съ бронзой и даже съ желѣзомъ, при чемъ камень, по причинѣ дороговизны металла, вообще говоря, оказывается чрезвычайно преобладающимъ.

Между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ слѣдуетъ вставить, какъ сказано, еще такъ наз. мѣдный вѣкъ. До недавняго времени полагали, что существованіе мѣднаго вѣка можно съ опредѣленностью доказать лишь для Америки, гдѣ на верхнихъ озерахъ мѣдь, большею частью самородная, встрѣчается массами, тогда какъ олово отсутствуетъ. Допускали, что этотъ мѣдный вѣкъ соотвѣтствовалъ европейскому бронзовому. Такъ напр., величественныя сооруженія тольтековъ въ Центральной Америкѣ сооружены при помощи мѣдныхъ орудій; лишь ацтеки впервые узнали употребленіе бронзы и въ эпоху покоренія Мексики находились въ самомъ разгарѣ бронзоваго

вѣка, не зная желѣза. Въ то же время они были мастерами и въ дѣлѣ обработки обсидіана. Въ мѣстностяхъ подлѣ Верхняго озера, были найдены развалины весьма обширныхъ древнихъ мѣдныхъ рудниковъ и знаменитые американскіе *маунды* или земляные валы скрываютъ многочисленныя мѣдныя орудія разнаго рода. Въ новѣйшее время, однако, прежнее существованіе мѣднаго вѣка доказано также для различныхъ мѣстъ Европы, какъ, напр., для Испаніи, Венгріи, Англіи, Швейцаріи, Австріи, прусской Польши, Россіи и т. д.

Также и въ Германіи можно найти ясные слѣды этой стадіи. Въ норійскихъ горахъ также нашли до-историческіе мѣдные рудники, относящіеся частью къ эпохѣ верхне-австрійскихъ свайныхъ построекъ, частью же къ эпохѣ знаменитыхъ Галльштедтскихъ могилъ. Частое присутствіе мѣдныхъ орудій въ австрійскихъ свайныхъ постройкахъ, вмѣстѣ съ неолитическими орудіями или же чрезвычайно сходнымъ съ этими послѣдними, а также нахожденіе подобныхъ же предметовъ въ Венгріи и въ Прусской Польшѣ, навело австрійскихъ ученыхъ на мысль, что бронзовому вѣку предшествовала здѣсь эпоха совмѣстнаго употребленія мѣдныхъ и каменныхъ орудій. По мнѣнію этихъ ученыхъ, спеціально арійскія племена, при своемъ поселеніи, хотя еще находились, вообще говоря, въ каменномъ вѣкѣ, однако, уже обладали на ряду съ неолитическимъ оружіемъ и орудіемъ, также и мѣднымъ. Всего продолжительнѣе былъ мѣдный вѣкъ въ свайныхъ сооруженіяхъ Западной Швейцаріи, а именно въ Фенелѣ.

Гораздо древнѣе, чѣмъ въ Европѣ, былъ азіатскій мѣдный вѣкъ; недавно въ ю. Вавилоніи, среди развалинъ древняго города, нашли на ряду со многими другими предметами, идола изъ чистой мѣди, древность котораго опредѣлена Оппертомъ въ 4000 л. до Р. Х. Въ египетскихъ могилахъ также находятъ утварь изъ чистой мѣди между бронзовыми предметами, и среди предметовъ, которые приносились въ видѣ дани народами Сиріи и Ассиріи египетскому царю Тутмозису III, упоминается также мѣдь, въ видѣ грубыхъ, массивныхъ слитковъ.

Сравнительно быстрое вытѣсненіе мѣди бронзою въ Европѣ и Азіи (чего мы не видимъ въ Америкѣ) легко объясняется трудностью обработки мѣди и ея сплавовъ, тогда какъ, обратно, бронза по легкоплавкости, высокой способности къ шлифовкѣ и полировкѣ и прекрасному золотисто-желтому цвѣту,

была въ высшей степени пригодна для всевозможныхъ цѣлей вооруженія, украшенія, выдѣлки сосудовъ и т. п; продукты бронзовой эпохи до сихъ поръ еще возбуждаютъ восхищеніе всѣхъ знатоковъ. Возможно, что открытіе производства бронзы произошло случайно при выплавкѣ металла изъ рудъ.

Впрочемъ, какъ уже было замѣчено, въ Европѣ бронза нетуземнаго происхожденія, но привезена извнѣ. Она происходитъ, по всей вѣроятности, изъ какой либо древней культурной мѣстности Азіи, оттуда занесена финикійской торговлею и колонизаціею въ Европу, при чемъ развилась по преимуществу въ Этруріи. Отсюда и изъ самой Финикіи, вѣроятно, происходятъ наиболѣе цѣнные предметы бронзовой промышленности, находимые на сѣверѣ Европы. Позднѣе, правда народы, къ которымъ бронза привозилась извнѣ, научились сами выдѣлывать ее, что доказывается нахожденіемъ многочисленныхъ формъ для отливки бронзы, сдѣланныхъ изъ камня, глины и изъ самой бронзы. Въ Швеціи и въ Даніи, но также въ бассейнѣ Рейна и Роны, а въ недавнее время и въ Швабіи, найдены въ большомъ количествѣ такія формы для отливки оружія, орудій и утвари всякаго рода.

Весьма богатыя мѣстонахожденія продуктовъ или остатковъ бронзоваго вѣка представляютъ также замѣчательныя, уже не разъ упомянутыя, озерныя или свайныя поселенія въ Швейцаріи, Италіи и т. д., въ особенности пригодныя для провѣрки описаннаго хода культуры или подраздѣленія первобытной исторіи на каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ, со вставкою мѣднаго вѣка. Не рѣдко мы находимъ два или три совершенно различныхъ культурныхъ слоя, непосредственно одинъ надъ другимъ.

Нижніе слои представляютъ каменный вѣкъ, средніе—бронзовый, верхніе—желѣзный. Но и отдѣльныя озерныя поселенія явственно обнаруживаютъ свою принадлежность къ одной изъ названныхъ эпохъ. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, грубыя постройки далеко преобладаютъ въ каменномъ вѣкѣ. Гораздо болѣе совершенный способъ постройки и признаки уже довольно высоко развитой цивилизаціи обнаруживаютъ находящіяся въ западной Швейцаріи поселенія бронзоваго вѣка. Оружіе и орудія изъ камня, рога и костей, правда, все еще здѣсь встрѣчаются; однако, по мѣрѣ распространенія употребленія металлическихъ сплавовъ, становятся все болѣе рѣдкими.

Само собою разумѣется, что переходъ отъ бронзоваго

вѣка къ желѣзному произошелъ не сразу, но постепенно. Могли пройти столѣтія и даже тысячелѣтія, когда оба рода культуры были смѣшаны такимъ образомъ, что желѣзо служило по преимуществу или исключительно для приготовленія оружія, тогда какъ утварь, сосуды, украшенія и вообще предметы ежедневнаго обихода приготовлялись изъ бронзы. Наиболѣе поразительный примѣръ этого смѣшенія бронзовыхъ издѣлій съ желѣзными представляетъ знаменитое „могильное поле“ въ Галльштадтѣ, въ Австріи; далѣе, Нидамскій торфяникъ въ Шлезвигъ-Голльштейнѣ, могильныя поля Эсте въ Италіи и др. Но преобладаніе желѣза начинается лишь въ такъ наз. Ла-Тенскій періодъ, слѣдующій за Галльштадтскимъ: лишь въ это время въ Сѣверной Германіи утверждается желѣзный вѣкъ.

Изъ сказаннаго, стало быть, вытекаетъ съ полной ясностью, что между бронзой и желѣзомъ должна была пройти значительная промежуточная эпоха, при чемъ бронза лишь медленно и постепенно была вытѣснена желѣзомъ, что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ весьма скуднымъ указаніямъ исторіи и литературы на этотъ переходъ. Начало желѣзнаго вѣка также вполнѣ относится къ до-исторической области. Въ Европѣ, вообще говоря, начало этого вѣка относится приблизительно за 1000 лѣтъ до начала европейской исторіи, тогда какъ въ Африкѣ и въ Азіи желѣзо явилось гораздо ранѣе. Такъ, въ Египтѣ, судя по находкамъ въ пирамидахъ и изображеніямъ, желѣзу слѣдуетъ приписать возрастъ отъ 4 до 6 тысячъ лѣтъ. Египтяне знали также, безъ сомнѣнія, способъ приготовленія стали, въ которой нуждались для обработки твердыхъ камней; вѣроятно, сталь приготовлялась нагрѣваніемъ желѣза съ верблюжьимъ навозомъ. Матеріалъ привозился, должно быть, извнѣ, что слѣдуетъ сказать и о бронзѣ, ввезенной, впрочемъ, въ Египетъ значительно позднѣе. Существованіе высоко развитой металлической промышленности и спеціально производства желѣза въ Индіи, Персіи и Китаѣ еще въ до-историческія времена доказывается многочисленными фактами.

Очевидно, желѣзо было первоначально очень дорогимъ металломъ, какъ бронза въ концѣ каменнаго вѣка. Ясное доказательство этой дороговизны доставляетъ тотъ фактъ, что находятъ украшенія и деньги изъ желѣза, желѣзные мечи съ бронзовыми рукоятями и даже бронзовые мечи съ припаянными желѣзными лезвеями. Насколько высоко цѣнилось

желѣзо еще въ гомерическія времена, показываетъ то мѣсто Иліады, гдѣ Ахиллесъ, въ качествѣ побѣдителя на военныхъ играхъ, получаетъ въ видѣ награды кусокъ желѣза. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ также показаніямъ европейскихъ путешественниковъ относительно дикихъ племенъ, которымъ раньше было незнакомо употребленіе желѣза. Для такихъ дикарей желѣзный гвоздь представляетъ драгоцѣнную собственность и они не могутъ достаточно надивиться тому, какъ низко цѣнятъ желѣзо европейцы, вбивающіе гвозди въ каблуки своихъ сапогъ.

Причиною такой дороговизны была трудность добыванія желѣза изъ руды. Вѣроятно, прежде, чѣмъ удалось побѣдить эту трудность, пользовались лишь сравнительно рѣдко встрѣчающимся метеорнымъ желѣзомъ, въ пользу чего, въ особенности, говоритъ тотъ фактъ, что египетскія и древнегреческія названія желѣза обозначаютъ „небесный металлъ“.

Впрочемъ, до-историческія желѣзоплавильни найдены въ изобиліи въ Австріи (въ Крайнѣ, въ Чешско-моравскихъ горахъ и т. п.), въ бернской Юрѣ и т. п. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя, какъ полагаютъ, дѣйствовали еще въ римскія времена и даже въ средніе вѣка.

На сѣверѣ Европы производство желѣза, вѣроятно, явилось въ римскую эпоху, хотя, по Леббоку, римляне нашли уже здѣсь обработку желѣза. На югѣ Европы, желѣзная культура несомнѣнно явилась еще въ до-римскій періодъ. Швейцарскія озерныя поселенія явственно обнаруживаютъ желѣзную культуру; но хронологія здѣсь, вообще, сомнительна.

Желѣзный вѣкъ занялъ довольно значительное протяженіе времени, хотя его продолжительность не допускаетъ даже отдаленнаго сравненія съ каменнымъ вѣкомъ. Поэтому приходится различать древній, средній и новый желѣзный вѣкъ. Другіе различаютъ лишь древній и новый желѣзный вѣкъ и признаютъ, что переходъ отъ древняго къ новому желѣзному вѣку въ сѣв. Европѣ произошелъ не раньше 500—700 года послѣ Р. Х. Мы теперь пребываемъ въ новомъ или даже новѣйшемъ желѣзномъ вѣкѣ, въ его полномъ разцвѣтѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено металла, еще болѣе пригоднаго для выполненія культурныхъ цѣлей. Вся наша культура немыслима безъ желѣза. Исторія желѣзнаго вѣка гораздо древнѣе историческаго періода и изученіе ея есть плодъ науки, которую можно было бы назвать археогеологіей—соединенія археологіи съ геологіей.

Пещерная эпоха.

Древнѣйшіе слѣды присутствія человѣка находятся или будутъ еще найдены въ позднѣйшихъ и среднихъ отложеніяхъ третичнаго періода. Однако, эти слѣды, не смотря на значительную теоретическую вѣроятность, все еще не доказаны съ полной достовѣрностью. Наоборотъ, свидѣтельства существованія человѣка въ началѣ четвертичнаго періода несомнѣнны. Въ валунныхъ, песчаныхъ и глинистыхъ отложеніяхъ, образованныхъ дѣйствіемъ дилювіальныхъ водъ на земной поверхности, мы находимъ, вмѣстѣ съ костями или остатками дилювіальныхъ животныхъ, вродѣ мамонта, шерстистаго носорога, исполинскаго оленя, пещернаго медвѣдя, пещерной гіены и т. д., знаменитые, выдѣланные человѣческой рукой кремневые топоры грубѣйшей яйцевидной или миндалевидной формы; ихъ принято называть палеолитическими, и со времени открытія ихъ французскимъ ученымъ Буше де Пертомъ въ долинѣ Соммы во Франціи, они возбудили не одинъ жаркій споръ. На первыхъ порахъ не хотѣли вѣрить, чтобы человѣчество могло быть настолько древнимъ и пытались прибѣгнуть къ невозможнымъ объясненіямъ, пока, наконецъ, истина не могла болѣе оставаться подъ спудомъ.

Вскорѣ оказалось, что подобныя же издѣлія находятся въ отложеніяхъ, образованныхъ многими французскими и англійскими рѣками и почти во всѣхъ наносныхъ образованіяхъ этихъ странъ; то же было найдено въ Бельгіи, Германіи, Италіи, Испаніи и даже на востокѣ Европы. Подобные же предметы удалось найти въ различнѣйшихъ мѣстностяхъ земного шара: въ музеяхъ разныхъ странъ въ общемъ собрано уже нѣсколько сотенъ тысячъ подобныхъ предметовъ. Кромѣ настоящихъ топоровъ, находятъ также множество ножей, кинжаловъ, скребковъ, наконечниковъ для стрѣлъ и дротиковъ и т. п., такъ что мѣстами подобные предметы вывозились цѣлыми возами и употреблялись на мостовыя. Слѣдуетъ допустить, что мѣстами въ древности существовали настоящія фабрики для производства каменныхъ орудій. Подобныя мѣста мы находимъ подлѣ мѣловыхъ горъ, содержащихъ кремневыя глыбы, изъ которыхъ обыкновенно выдѣлывались подобныя орудія; первобытный человѣкъ вѣроятно всюду откапывалъ ихъ своими несовершенными орудіями, вродѣ оленьихъ роговъ и медвѣжьихъ челюстей,—стараясь добыть драгоцѣнный матеріалъ.

Особенно богатая добыча продуктовъ каменнаго вѣка находится въ знаменитыхъ пещерахъ, игравшихъ важную роль для первобытнаго человѣка, которому онѣ служили то жилищемъ, то прибѣжищемъ или крѣпостью, то кладовою или мастерскою, то, наконецъ, кладбищемъ. Пещеры эти были, вѣроятно, населены въ теченіе весьма долгаго времени, такъ какъ онѣ содержатъ порою цѣлый рядъ наслоенныхъ одинъ надъ другимъ, такъ называемыхъ, „культурныхъ слоевъ"; по разнымъ отдѣленіямъ этихъ слоевъ можно прочесть исторію первобытнаго человѣка и характеръ послѣдовательныхъ эпохъ, какъ по листамъ книги. Эти пещеры съ ихъ слоями могутъ быть названы настоящими музеями для всего, имѣющаго отношеніе къ тѣмъ временамъ; по своему содержанію, онѣ въ состояніи доставить почти полную картину жизни и дѣятельности своихъ прежнихъ обитателей. Добыча, доставленная нѣкоторыми изъ этихъ пещеръ археологамъ, просто чудовищна. Въ особенности кости и зубы изъ которыхъ послѣдніе сохранились особенно хорошо, часто встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что ихъ можно вывозить цѣлыми возами. Отсюда общее названіе „костяныхъ пещеръ", хотя не всѣ пещеры одинаковы въ этомъ отношеніи.

Число открытыхъ въ послѣднія десятилѣтія и основательно изслѣдованныхъ пещеръ такъ велико, что описаніе ихъ могло бы наполнить цѣлые томы. Въ одной Франціи, классической странѣ до-исторической археологіи, еще въ 1874 году Бертранъ насчитывалъ не менѣе 400 изслѣдованныхъ пещеръ, а въ горахъ Прованса трудно найти хотя бы одинъ гротъ или углубленіе въ скалѣ, гдѣ бы не было слѣдовъ прежнихъ обитателей. То-же видимъ въ другихъ странахъ, отъ Бельгіи и Англіи до Бразиліи. Въ послѣдней однимъ Лундомъ изслѣдовано отъ 700 до 800 пещеръ. Въ Германіи были особенно населены многочисленныя пещеры франконской и швабской Юры или Вестфаліи, въ Австріи— пещеры Моравіи. Существуютъ не только естественныя, но и многочисленныя *искусственныя* пещеры, которыя выдалбливалъ для себя первобытный человѣкъ въ сравнительно легко доступныхъ раскопкѣ мѣловыхъ горахъ. Въ Галичинѣ, подлѣ селенія Бубнишекъ, въ долинѣ верховьевъ Днѣстра, найдена одна мѣловая скала, превращенная въ настоящій каменный домъ съ многочисленными четыреугольными камерами, куда можно добраться лишь по высокимъ лѣстницамъ. Подобныя же жилища находятся почти по всей долинѣ Днѣстра. Въ Америкѣ также находили большими массами подобныя искусственныя каменныя жилища. Природныя пещеры служили, понятнымъ образомъ, прежде всего убѣжищами для дикихъ звѣрей, а именно для мощныхъ до-историческихъ пещерныхъ медвѣдей, жившихъ въ то время въ невѣроятныхъ количествахъ; это видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ пещерахъ находятъ остатки сотенъ и даже тысячъ этихъ животныхъ, въ томъ числѣ порою цѣлые, хорошо сохранившіеся скелеты. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что животное жило и кончило жизнь въ пещерѣ. Тамъ же находятъ кости другихъ хищниковъ и многихъ травоядныхъ, очевидно служившихъ хищникамъ пищею.

Это обстоятельство, быть можетъ, было также причиною того, что пещеры самаго ранняго или палеолитическаго вѣка сравнительно мало были населены людьми, а иногда и вовсе не могли служить людямъ, слишкомъ слабымъ по сравненію съ мощными звѣрями, оспаривавшими у нихъ подобныя жилища. Лишь позднѣе, послѣ того, какъ человѣкъ научился побѣждать этихъ животныхъ превосходствомъ своихъ умственныхъ способностей, ему удалось занять ихъ мѣсто въ пещерахъ. Поэтому лишь въ весьма условномъ смыслѣ можно говорить объ особой эпохѣ пещерныхъ людей, принимаемой нѣкоторыми изслѣдователями вообще за самую первобытную эпоху, въ противоположность такъ называемому „рѣчному человѣку", жившему на открытыхъ рѣчныхъ долинахъ. Вѣроятно, привычка жить въ пещерахъ относится лишь къ сравнительно болѣе позднему отдѣлу каменнаго вѣка, тогда какъ въ болѣе раннюю эпоху, когда климатъ былъ гораздо мягче, человѣкъ вовсе не нуждался въ кровѣ, доставляемомъ пещерами. Отличный знатокъ англійскихъ пещеръ, Бойдъ Даукинсъ, имѣлъ поэтому полное основаніе, пользуясь данными, доставленными англійскими пещерами, подчеркнуть опредѣленное различіе между только что упомянутымъ „рѣчнымъ человѣкомъ" или обитателемъ рѣчныхъ наносовъ—человѣкомъ, жившимъ вѣроятно еще до начала четвертичнаго періода и вступившимъ въ Европу въ сообществѣ древнѣйшаго вида слона (Elephas antiquus),—и пещернымъ человѣкомъ, жившимъ въ болѣе позднемъ отдѣлѣ диловіальной эпохи, одновременно съ мускуснымъ быкомъ и сѣвернымъ оленемъ. Этотъ современникъ сѣвернаго оленя, пришедшій съ сѣверо-запада, повидимому, вытѣснилъ рѣчного человѣка, который, отступая на югъ отъ

надвигающихся ледниковъ, удалился вмѣстѣ съ гіенами и слонами и уступилъ мѣсто пещерному человѣку. По Даукинсу, какъ рѣчной, такъ и пещерный человѣкъ въ Англіи принадлежитъ еще къ палеолитической эпохѣ; у нихъ не было никакихъ полированныхъ камней, не было гончарнаго искусства, не было ни земледѣлія, ни скотоводства, ни домашнихъ животныхъ. Эти люди одѣвались въ звѣриныя шкуры и жили охотой; черепъ у нихъ принадлежалъ къ длинноголовому косозубому типу. Когда, по прошествіи ледниковой эпохи, вновь стала прибывать теплота, пещерный человѣкъ былъ постепенно вытѣсненъ человѣкомъ неолитическаго вѣка, пришедшимъ изъ Азіи и болѣе никогда окончательно не вытѣсненнымъ. Этотъ человѣкъ неолитическаго вѣка былъ уже способенъ сооружать дома и жилища; поэтому пещеры постепенно утратили свое значеніе, какъ жилища, и съ этихъ поръ стали играть роль лишь мѣстъ погребенія.

Впрочемъ, обычай поселяться въ пещерахъ не достигъ такимъ образомъ прекращенія; при особыхъ обстоятельствахъ и поводахъ, онъ существуетъ еще и теперь. Такимъ образомъ въ эпоху гоненія на христіанъ, а также во время средневѣковыхъ религіозныхъ войнъ, пещеры служили преслѣдуемымъ желаннымъ убѣжищемъ. Также и теперь у дикихъ народовъ внѣевропейскихъ странъ жизнь въ пещерахъ весьма обыкновенна; и въ самой Европѣ мы еще встрѣчаемъ тамъ и сямъ отдѣльныхъ пещерныхъ жителей. Въ Италіи и въ Китаѣ и теперь еще сплошь и рядомъ можно встрѣтить обитателей пещеръ. Особенно распространены такія обитаемыя пещеры въ до-металлическомъ вѣкѣ, и это легко объясняется отѣмъ обстоятельствомъ, что обладаніе металлическими орудіями доставляло человѣку большее удобство для сооруженія собственныхъ жилищъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ между многочисленными большими и малыми пещерами департамента Дордонъ въ юго-западной Франціи пещера или гротъ Магдалины (Маделенъ), такъ какъ здѣсь впервые найдены знаменитые, въ высшей степени важные для исторіи культуры рисунки, свидѣтельствующіе о давно уже пробудившемся художественномъ чувствѣ ихъ обитателей. Это рисунки разныхъ предметовъ, главнымъ образомъ, животныхъ, нацарапанные помощью кремневыхъ остроконечій на камнѣ, кости, слоновой кости, рогѣ, крупныхъ зубахъ и т. п. Сюда относится знаменитое изображеніе мамонта, найденное на до половины сломанной пластинкѣ слоновой кости; оно позволяетъ различить очертанія не менѣе трехъ, идущихъ другъ за другомъ мамонтовъ. Рисунки еще большей степени совершенства, изображающіе сѣвернаго оленя, лошадь, каменнаго барана, змѣю, лосося и т. п., найдены въ пещерѣ Брюникель. Нашли также рукояти отъ кинжаловъ изъ рога или кости, съ изображеніями тѣхъ же животныхъ. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ въ южной и сѣверной Франціи сдѣлано много подобныхъ находокъ, такъ что количество разнаго рода рукоятей, а также зубовъ, снабженныхъ нацарапанными рисунками или вырѣзанными фигурами, теперь уже необычайно велико въ французскихъ коллекціяхъ [1]). Въ числѣ этихъ фигуръ есть весьма искусныя изображенія разнаго рода млекопитающихъ, какъ напр. слона, пещернаго медвѣдя, зубра, оленя, лошади, сѣвернаго оленя, козы, каменнаго барана, тюленя, на ряду съ изображеніями птицъ, пресмыкающихся, рыбъ и т. п. Не мало есть также изображеній охотничьихъ сценъ, а также человѣческихъ фигуръ, частью нацарапанныхъ, частью вырѣзанныхъ. На стѣнахъ искусственныхъ пещеръ, вырытыхъ въ Мѣловыхъ Горахъ есть также рельефныя и скульптурныя изображенія; большею частію изображены кремневые топоры съ рукоятьями.

Въ Швейцаріи, въ знаменитой котловинѣ у Таингера близъ Шафгаузена тоже сдѣланы подобныя же находки, пріобрѣтающія особый интересъ по той причинѣ, что на-ряду съ другими животными здѣсь большею частью изображается малорослая, косматая лошадь дилювіальной эпохи, служившая тогда человѣку главною пищею. Правда, нѣкоторыя изъ подобныхъ находокъ оказались дерзкими фальсификаціями; однако, этого никакъ нельзя сказать о всѣхъ случаяхъ, и въ числѣ подлинныхъ есть рисунокъ, изображающій на оленьемъ рогѣ голову мускуснаго быка, жившаго одновременно съ мамонтомъ и сѣвернымъ оленемъ и теперь удалившагося на крайній сѣверъ. Точно также въ недавно открытой до-исторической стоянкѣ Швейцербильдъ подлѣ Шафгаузена, гдѣ найдены замѣчательные остатки прежняго европейскаго карличнаго населенія, I. Науэ нашелъ въ нижней части желтаго культурнаго слоя, между костями и зубами сѣвернаго оленя, лошади и альпійской куропатки, известковую пластинку, покрытую съ обѣихъ сторонъ весьма характерными изображеніями лошади и сѣвернаго оленя.

Невольно напоминаютъ эти до-историческія произведенія

[1]) Nadallac, Die ersten Menschen нѣм. перев. 1884 г.

искусства о самопроизвольныхъ попыткахъ нашихъ дѣтей рисовать; рисунки эти до того поразительно сходны съ искусствомъ дилювіальныхъ людей, что порою сходство вводило въ обманъ даже ученыхъ; такое же сходство можно замѣтить между рисунками нашихъ дѣтей и тѣми, которые находимъ у дикарей. Талантъ къ рисованію гораздо больше распространенъ у дикарей, чѣмъ принято думать.

Австралійцы, бушмены, эскимосы, африканскіе негры, вообще говоря, не только хорошіе рисовальщики, но и искусные рѣзчики; ихъ произведенія напоминаютъ рѣзьбу романтическаго бернскаго Оберланда, гдѣ мужчины, женщины и даже дѣти изъ года въ годъ заняты этой своеобразной индустріей.

Подобно тому, какъ въ эпоху сѣвернаго оленя главнымъ предметомъ изображенія былъ этотъ олень, такъ въ Швейцаріи, съ ея характерными сернами, главнымъ предметомъ изображенія является именно серна.

Можно еще указать, въ видѣ аналогіи съ до-исторической живописью и скульптурой, на искусство эскимосовъ, весьма правдиво изображающее людей и животныхъ въ видѣ статуэтокъ, выдѣланныхъ изъ бивней моржа.

Къ концу каменнаго вѣка и съ началомъ металлическаго, искусство европейскаго дилювіальнаго человѣка — быть можетъ подъ вліяніемъ войнъ и борьбы съ чужеземными вторженіями,—было болѣе или менѣе утрачено, и мы находимъ его снова лишь въ грубыхъ и частью еще загадочныхъ изображеніяхъ на каменныхъ глыбахъ, такъ называемыхъ металлическихъ памятникахъ и могильныхъ холмахъ. Многія изъ этихъ скульптурныхъ изображеній представляютъ рисунки каменныхъ топоровъ съ рукоятью или безъ нея; другія изображаютъ листья папоротниковъ или же мы видимъ несовершенные рисунки кораблей. Нѣкоторыя представляютъ сходство съ рисунками на бронзовыхъ ножахъ; но еще чаще встрѣчаются геометрическія фигуры, въ родѣ круговъ, спиралей, змѣевидныхъ линій, черточекъ, ромбовъ и т. д., при чемъ мы не въ состояніи объяснить смысла этихъ изображеній.

Относительно числа вѣковъ, протекшихъ со времени существованія европейскихъ пещерныхъ жителей, мнѣнія ученыхъ до того расходятся, что мы не рѣшается привесть ихъ утвержденія. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что когда первобытные обитатели Европы боролись съ мощными звѣрями дилювіальной эпохи, имѣя лишь жалкое каменное ору-

жіе, когда они заползали въ пещеры или жили въ деревянныхъ избушкахъ на сваяхъ, питаясь охотою и рыбной ловлей—въ это время по ту сторону Средиземнаго моря, въ долинѣ Нила, уже процвѣтали мощные города, существовали развитыя искусства и наука и велась оживленная береговая торговля. И все это длилось столько тысячелѣтій, что для египтянъ, жившихъ въ эпоху такъ наз. новаго царства, т. е. около 1500 г. до Р. Х., времена средняго и древняго царства должны были представляться гораздо болѣе отдаленными, чѣмъ для насъ средніе вѣка или даже сѣдая древность.

Но какіе промежутки времени должны были пройти съ тѣхъ поръ, когда египетскій первобытный человѣкъ, въ свою очередь, боролся каменнымъ и роговымъ оружіемъ!

Вѣдь и Египетъ, какъ уже доказано рядомъ изслѣдованій, имѣлъ свой каменный вѣкъ, на много тысячелѣтій болѣе древній, чѣмъ каменный вѣкъ другихъ народовъ земного шара.

Мегалитическій вѣкъ.

Этотъ вѣкъ, послѣдовавшій за пещернымъ, характеризуется упомянутыми уже мегалитами (большими камнями) или металлическими памятниками и надгробными сооруженіями, распространенными цѣлыми тысячами или даже сотнями тысячъ по всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и значительной части Азіи.

Въ одной Франціи можно найти много тысячъ этихъ памятниковъ; они встрѣчаются въ Америкѣ и даже въ Австраліи. Можно сказать, что почти весь земной шаръ усѣянъ подобными могилами и что обычай сооружать на могилахъ курганы или же каменныя плиты для обозначенія мѣста погребенія или для предохраненія трупа отъ разрушенія — этотъ обычай былъ общераспространенъ въ позднѣйшія времена доисторической эпохи. Наиболѣе величественныя изъ всѣхъ такихъ сооруженій, это, конечно, египетскія пирамиды; значеніе ихъ, какъ надгробныхъ памятниковъ, теперь не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. По сравненію съ пирамидами, даже крупнѣйшіе изъ мегалитовъ представляютъ лишь слабыя попытки строительнаго искусства.

Мегалиты, это частью такъ наз. „могилы гунновъ“ или „могилы богатырей“ или „исполиновъ“; ихъ прежде считали могилами исполинскаго племени (нѣмецкій простой народъ

смѣшивалъ этихъ воображаемыхъ великановъ съ гуннами). Частью сюда же относятся дольмены или каменныя плиты въ видѣ столовъ и родственные имъ менгиры и кромлехи. Это вообще мощныя, каменныя сооруженія. Ихъ предназначеніемъ было, большею частью, служить могильными склепами. Принадлежа въ большинствѣ случаевъ новѣйшему каменному вѣку, эти памятники порою, однако, скрываютъ и каменныя орудія палеолитической формы. Съ другой стороны внутри ихъ находятъ также бронзу, желѣзо, мѣдь и даже остатки римской и византійской эпохи; однако, преобладаніе оказывается на сторонѣ каменныхъ издѣлій.

Способъ погребенія былъ различный: частью закапыванье, частью сожженіе. Иногда сожигали не весь трупъ: повидимому, порою отдѣляли мясо отъ костей и сожигали, тогда какъ скелетъ предавали землѣ. Чаще всего встрѣчаютъ глиняныя урны съ пепломъ и полусожженными костями.

Эти могилы богатырей, сооруженныя изъ мощныхъ каменныхъ глыбъ, либо устраивались на естественныхъ холмахъ, иибо искусственно воздвигались послѣ насыпки холма. Эпоха рхъ сооруженія продолжалась въ сѣверной и западной Европѣ приблизительно отъ начала неолитическаго вѣка до введенія христіанства. Древнѣе этихъ кургановъ, но весьма близки къ нимъ, *дольмены*, встрѣчаемые особенно часто въ Бретани во Франціи. Дольмены состоятъ изъ вертикально поставленныхъ камней, покрытыхъ поперечными пластинками; порою, вслѣдствіе прикрытія землей, дольмены превращаются въ могильные холмы, тогда какъ другіе остаются безъ покрытія. Въ нихъ одерживаетъ перевѣсъ, сообразно ихъ большей древности, простое зарываніе труповъ, тогда какъ сожженіе труповъ достигаетъ наивысшаго развитія лишь при появленіи желѣзной культуры. Дольмены порою настолько велики и конструкція ихъ такъ трудна, что они могли явиться лишь результатомъ продолжительныхъ усилій осѣдлыхъ народовъ. По всей вѣроятности, эти дольмены служили общими семейными или даже племенными склепами, гдѣ хоронили множество труповъ.

Впрочемъ, во Франціи и въ Англіи подобныя сооруженія воздвигались еще въ VIII и IX вѣкѣ; родственные съ ними менгиры или отдѣльныя, вертикально поставленныя длинныя каменныя глыбы, служившія то могильными плитами, то пограничными камнями, то памятниками важныхъ историческихъ событій, воздымались въ Шотландіи и въ Скандинавскихъ странахъ вплоть до XIII столѣтія.

Соединеніе менгировъ съ дольменами представляютъ такъ наз. кромлехи или каменныя ограды, состоящія изъ поставленныхъ въ кругъ камней, причемъ посрединѣ находится обыкновенно дольменъ или же курганъ.

Чаще всего такія сооруженія встрѣчаются въ Великобританіи: такова знаменитая каменная ограда Стонхэнджъ изъ высокихъ, тесаныхъ каменныхъ столбовъ, сооруженная, вѣроятно, въ теченіе многихъ поколѣній. Еще величественнѣе болѣе древній храмъ Эвбери въ графствѣ Уильтширъ, занимавшій поверхность въ 9—10 десятинъ и состоявшій первоначально изъ 650 большихъ камней.

„Каменныя аллеи“ это покрытыя землею каменныя галлереи, служившія склепами или входомъ въ склепы. Такія усыпальницы, часто обильныя драгоцѣнными сокровищами, предметами искусства и человѣческими останками, особенно часто находятся подъ дольменами. Кто были строители этихъ замѣчательныхъ памятниковъ? На этотъ счетъ мнѣнія ученыхъ чрезвычайно раздѣляются. Возможно, что это были арійцы, т. е. наши непосредственные до-историческіе предки.

Частью древнѣе, частью новѣе этихъ мегалитическихъ памятниковъ—упомянутыя уже свайныя постройки; остатки ихъ впервые найдены въ швейцарскихъ озерахъ, но съ тѣхъ поръ ихъ находили почти во всѣхъ европейскихъ странахъ и убѣдились въ томъ, что еще и теперь милліоны людей въ различныхъ странахъ, особенно въ в. Азіи, сооружаютъ подобныя постройки, вообще встрѣчающіяся не только на берегу озеръ или рѣкъ, но такъ же часто и на сушѣ. Уже Геродотъ и Гиппократъ упоминаютъ о нѣкоторыхъ племенахъ Ѳракіи и близъ рѣки Фазисъ, жившихъ въ подобнаго рода свайныхъ постройкахъ, причемъ Геродотъ даже довольно вѣрно описываетъ образъ жизни въ этихъ постройкахъ.

Въ настоящее время въ одной Швейцаріи изслѣдовано болѣе 300 свайныхъ сооруженій и постоянно открываютъ новыя или изслѣдуютъ старыя. Эти поселенія должны были служить обитателямъ въ теченіе весьма долгаго періода времени, въ чемъ убѣждаетъ упомянутое уже обстоятельство, что эти постройки относятся къ мѣдному, бронзовому и желѣзному вѣку, причемъ возрастающее искусство обитателей весьма ясно сказывается въ величинѣ и способѣ сооруженія построекъ. Многія изъ этихъ поселеній такъ велики и об-

ширны, что покрываютъ тысячи квадратныхъ метровъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдено не менѣе ста тысячъ свай рядомъ, въ извѣстномъ разстояніи отъ берега. Это разстояніе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ позднѣе періодъ сооруженія, колеблясь между 40 и нѣсколькими сотнями метровъ. Вбиваніе свай, при малыхъ техническихъ средствахъ той эпохи, должно было представлять весьма трудную работу и въ описанныхъ размѣрахъ могло быть лишь трудомъ длиннаго ряда поколѣній. Обработка самыхъ свай выказываетъ значительныя различія между тѣми, къ которымъ были примѣнены каменныя орудія, и тѣми, которыя обработаны металлическими орудіями.

Само собою понятно, что относительно самыхъ свайныхъ построекъ, большею частью погибшихъ, вѣроятно, отъ пожаровъ, трудно было бы составить себѣ опредѣленное понятіе, если бы внѣ Европы и теперь еще не уцѣлѣли такія сооруженія. Сверхъ того, счастливый случай позволилъ при изслѣдованіи знаменитаго дилювіальнаго мѣстонахожденія въ Шуссенридѣ найти въ торфяникѣ, расположенномъ на мѣстѣ высохшаго мелкаго озера, отлично сохранившіеся остатки такой постройки каменнаго вѣка. Хижина эта раздѣлена на два большихъ помѣщенія, соединенныхъ дверью: одно, вѣроятно, было одновременно кухней, кладовой и даже стойломъ, тогда какъ другое служило для семьи. Единственная входная дверь была соединена съ берегомъ мосткомъ. Полъ хижины былъ укрѣпленъ на нѣсколькихъ довольно толстыхъ слояхъ глины, раздѣленныхъ слоями круглыхъ бревенъ, тогда какъ самый полъ состоялъ изъ круглыхъ плотно сложенныхъ досокъ.

Цѣлью такого сооруженія была, вѣроятно, защита отъ внезапныхъ враждебныхъ нападеній. Сюда присоединялся неисчерпаемый запасъ пищи въ видѣ рыбы, привлекаемой кухонными отбросами. Свайныя постройки доставляли также прекрасную защиту противъ нападенія дикихъ звѣрей, и сверхъ того суша была покрыта густымъ лѣсомъ, что затрудняло сооруженіе на ней построекъ. Аналогичныя причины еще и теперь побуждаютъ къ сооруженію свайныхъ построекъ на Новой Гвинеѣ, Зондскихъ о-вахъ, въ Индо-Китаѣ, на болотахъ Евфрата, въ Африкѣ, ю. Америкѣ, на разныхъ океаническихъ о-вахъ и т. п. При этомъ, однако, дѣйствовала не одна выгода близости воды: въ этомъ убѣждаетъ существованіе свайныхъ построекъ также на полусухой или совсѣмъ сухой почвѣ. Защита отъ дикихъ звѣрей, отъ многихъ пресмыкающихся, частью же отъ наводненій, также играла роль. Нѣкоторую роль игралъ и опытъ, показавшій вредъ почвенныхъ міазмовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Камбоджѣ туземцы живутъ въ бамбуковыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, не только вдоль береговъ, по рѣкамъ, но и въ громадныхъ внутреннихъ лѣсахъ и даже въ мѣстностяхъ, никогда не подверженныхъ наводненіямъ. Вообще, страны, населенныя малайцами, къ которымъ принадлежатъ и даяки, по преимуществу могутъ быть названы мѣстностями, гдѣ существуютъ еще свайныя постройки.

Изслѣдованіе свайныхъ построекъ доставило чрезвычайно богатую добычу превосходно сохранившихся предметовъ, позволяющихъ близко присмотрѣться къ тогдашнимъ культурнымъ условіямъ. Платья и остатки тканей и плетеній всякаго рода, порою обнаруживающихъ значительную ловкость и искусство, предметы украшеній, въ особенности относящіеся къ бронзовому періоду, соединяются съ костями домашнихъ животныхъ, каковы: быкъ, овца, коза, собака, лошадь, свинья, оселъ, и съ остатками поджаренныхъ хлѣбныхъ зеренъ и разныхъ плодовъ; встрѣчаютъ даже выпеченный хлѣбъ. Все это показываетъ, что обитатели свайныхъ построекъ достигли уже довольно высокой ступени цивилизаціи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также ихъ оружіе и орудія для рыбной ловли и для охоты и, наконецъ, многочисленные остатки грубыхъ челноковъ, на которыхъ обитатели свайныхъ построекъ плавали по озерамъ или поддерживали сношеніе съ сушей.

Вѣкъ металловъ.

Настоящій и существенный шагъ впередъ на пути къ культурѣ и цивилизаціи сталъ возможенъ лишь съ переходомъ отъ каменнаго вѣка къ вѣку металловъ: мы замѣтили, что этотъ послѣдній еще цѣликомъ относится къ до-исторической эпохѣ. Настоящая культура, какъ было уже замѣчено, явилась не съ употребленіемъ металловъ вообще, но съ употребленіемъ опредѣленнаго металла, а именно *желѣза*. О хронологическомъ соотношеніи отдѣльныхъ стадій металлическаго вѣка между собою и къ каменному вѣку было уже

сказано въ главѣ о до-исторической эпохѣ; здѣсь достаточно напомнить, что различные народы достигли той или иной ступени культуры въ весьма различныя времена. Тогда какъ на Востокѣ и въ Нильской долинѣ уже процвѣтала высоко-развитая цивилизація, во многихъ отношеніяхъ напоминающая настоящее время, въ Европѣ дикій, покрытый звѣриными шкурами дикарь охотился со своимъ несовершеннымъ каменнымъ оружіемъ за могучими звѣрями первобытной эпохи и спалъ въ темныхъ и грязныхъ пещерахъ, а построители дольменовъ пытались почтить своихъ умершихъ, воздвигая огромныя каменныя или земляныя сооруженія. Свайныя постройки Швейцаріи, Италіи, Франціи были, вѣроятно, населены еще въ ту эпоху, когда греки основывали города (вродѣ Марсели) на берегахъ Средиземнаго моря. Многія изъ этихъ построекъ относятся даже къ римской эпохѣ, когда югъ Европы уже обнаруживалъ высокую культуру. Въ Элладѣ успѣла развиться та богатая художественная жизнь, которая и теперь возбуждаетъ справедливое изумленіе потомства, а въ Италіи процвѣталъ промышленный народъ этрусковъ, бывшій учителемъ Рима. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка лапландцы (лопари) жили въ „каменномъ вѣкѣ" и до сихъ поръ въ цивилизованныхъ странахъ коегдѣ пользуются острогранными кусками обсидіана и кремня для разныхъ цѣлей.

Что касается взаимнаго отношенія между бронзою и желѣзомъ, то, какъ уже замѣчено, въ теченіе продолжительнаго переходнаго времени оружіе и рѣжущія орудія, главнымъ образомъ, выдѣлывались изъ желѣза, тогда какъ предметы роскоши, сосуды и посуда для обыкновеннаго употребленія были изъ бронзы. Наивысшаго фабричнаго развитія достигла техника обработки бронзы, какъ уже замѣчено, у обладавшаго художественными стремленіями народа этрусковъ, который, какъ извѣстно, за много лѣтъ до основанія Рима былъ господствующимъ народомъ Италіи и, вѣроятно, прибылъ съ сѣвера. Безъ сомнѣнія, этрускамъ было извѣстно уже производство и обработка желѣза; судя по нѣкоторымъ итальянскимъ раскопкамъ, въ верхней Италіи существовала смѣшанная бронзово-желѣзная культура еще задолго до этрусскаго культурнаго періода. У многихъ народовъ, пользовавшихся желѣзомъ и бронзою, въ томъ числѣ у этрусковъ, быть можетъ, обработка желѣза даже предшествовала фабрикаціи бронзы [1]).

[1]) Таково мнѣніе, нынѣ покойнаго, перваго составителя настоящей книги, Гелльвальда. Гелльвальдъ указалъ на то, что ковка желѣза извѣстна многимъ грубѣйшимъ племенамъ, не имѣющимъ еще ни малѣйшаго понятія о сплавахъ.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ желѣзо всюду одержало побѣду въ теченіе дальнѣйшаго хода культурнаго развитія народовъ. Древнѣйшій миѳъ о послѣдовательныхъ вѣкахъ—золотомъ, серебряномъ и желѣзномъ,—хотя въ немъ и есть доля основанія, опровергнутъ въ томъ смыслѣ, что золотой вѣкъ вовсе не оказывается наилучшимъ. Наоборотъ, желѣзный вѣкъ обозначаетъ развитіе культуры. Искусство обработки желѣза до того усовершенствовалось, что въ средніе вѣка кузнечное мастерство признавалось однимъ изъ первыхъ, наиболѣе почетныхъ, и съ его происхожденіемъ связывались всевозможныя легенды и преданія. Наивысшаго развитія, однако, достигъ желѣзный вѣкъ лишь въ настоящее время; дѣйствительно, желѣзо и его широкое употребленіе всего болѣе налагаетъ печать на нашу культуру, особенно съ тѣхъ поръ, какъ употребленіе желѣза связано съ познаніемъ исполинскихъ силъ перегрѣтаго водяного пара, т. е. съ пользованіемъ тѣми мощными молекулярными силами, которыя Тиндаль такъ искусно назвалъ „переодѣтыми великанами". Но мы выполняемъ съ помощью желѣза не только мощную или грубую работу: желѣзомъ мы пишемъ, шьемъ, дѣлаемъ хирургическія операціи. Значеніе желѣза можно сравнить развѣ съ значеніемъ бумаги, и наше время по справедливости можно назвать бумажно-желѣзнымъ вѣкомъ. Прочно-ли преобладаніе желѣза? Нѣтъ-ли металла, способнаго вытѣснить его? На это можно смѣло дать утвердительный отвѣтъ. Существуютъ неисчерпаемые источники для добыванія другого металла, а именно содержащагося въ глинѣ алюминія, дающаго превосходные сплавы, напр. алюминіевую бронзу. Дороговизна этого металла пока еще препятствуетъ его побѣдѣ надъ желѣзомъ: однако, это со временемъ можетъ измѣниться; вѣдь и желѣзо было прежде дороже мѣди. Еще въ 1854 году килограммъ алюминія стоилъ въ Германіи 2400 марокъ, а теперь его цѣна необычайно понизилась и уже пытаются строить алюминіевыя суда, имѣющія преимущества большой легкости. Алюминіевая посуда вводится уже въ арміяхъ [1]). По всей вѣроятности, алюминій и есть „культурный металлъ будущаго".

Швейцарскія свайныя постройки [2]).

(По Ранке; составлено переводчикомъ).

Даже въ тѣхъ культурныхъ странахъ, какова Германія, воспоминанія народной массы не восходятъ далѣе нѣсколькихъ

[1]) Недавно началось введеніе ея въ русской арміи. *Перев.*

[2]) Эта глава представляетъ подробное изложеніе одного изъ отдѣловъ извѣстной книги Ranke, Der Mensch (изд. 1894 года).

сотенъ лѣтъ. Исполинская стѣна, нѣкогда воздвигнутая римлянами на германской почвѣ для защиты отъ варваровъ, представляется теперь народу дѣломъ сверхъестественныхъ силъ: это „чертова стѣна". Въ народныхъ преданіяхъ смѣшаны „гунны" съ „великанами", въ этихъ сказаніяхъ фигурируютъ даже безголовые люди и лошади, вѣдьмы, „дикіе охотники" и т. п. существа, а въ находимыхъ порою въ землѣ драгоцѣнностяхъ народъ видитъ лишь „таинственные клады", вмѣсто которыхъ, конечно, по причинѣ „дьявольскаго навожденія", часто оказываются черепки да уголья.

Въ особенности на сѣверѣ Европы и на британскихъ о-вахъ часто находятъ исполинскіе каменные памятники далекаго прошлаго. Ученые первоначально полагали, особенно въ Англіи, что эти древніе мегалитическіе памятники представляютъ священные жертвенники и лобныя мѣста; эти мѣста мысленно населяли друидами и священными жрицами, которыя, съ вѣнкомъ изъ чертополоха на головѣ, гадали судьбу по дымящейся крови принесенныхъ въ жертву плѣнныхъ, зарѣзывая ихъ каменнымъ ножомъ. Были придуманы цѣлыя ученыя преданія или миѳы, связанные съ героической борьбой предковъ нынѣшнихъ британцевъ противъ римлянъ. Новый періодъ изслѣдованій начался со времени изслѣдованій въ Сѣверной Германіи и въ скандинавскихъ странахъ. Здѣсь исторія ровно ничего не говоритъ о римлянахъ, стало быть приходилось объяснить многочисленные памятники мѣстными причинами. На первомъ планѣ были могилы. Вскорѣ научились различать разные способы погребенія. Въ однихъ изъ нихъ были лишь грубыя каменныя орудія, въ другихъ превосходные бронзовые мечи, кинжалы, топоры и такъ называемые цельты и украшенія; въ третьихъ—бронзовыя и иныя украшенія, серебряныя и золотыя вещи, а частью чудесные желѣзные мечи и другое оружіе. Подраздѣленіе культурныхъ эпохъ на каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ и каменнаго вѣка на древній, дилювіальный, на палеолитическій и новый или неолитическій было первымъ шагомъ доисторической археологіи. Позднѣйшія изслѣдованія значительно видоизмѣнили эту классификацію.

Присмотримся къ эпохѣ дилювіальнаго человѣка. Въ средней Европѣ, въ ледниковую эпоху мы встрѣчаемъ не вполнѣ достовѣрные слѣды человѣка, который жилъ, подобно эскимосамъ, но не успѣлъ еще приручить собаки. Откуда взялся дилювіальный человѣкъ? Прибылъ-ли онъ по слѣдамъ мускуснаго быка и сѣвернаго оленя и удалился-ли онъ тѣмъ же путемъ снова въ арктическія области? Не признать-ли нынѣшнихъ эскимосовъ и самоѣдовъ прямыми потомками дилювіальнаго человѣка? Таково мнѣніе Бойдъ-Даукинса. Скелеты людей, вродѣ представителей кро-маньонской расы, причи-

сляемые большинствомъ французскихъ авторовъ къ дилювію, дѣйствительно похожи на нѣкоторыя великорослыя племена эскимосовъ, имѣя такія же длинныя головы, широкія лица и значительный объемъ черепа и мозга. Однако, есть не мало данныхъ и въ пользу того предположенія, что многіе изъ потомковъ дилювіальныхъ расъ живутъ среди насъ. Во Франціи, гдѣ условія были особенно благопріятны, дилювіальный человѣкъ, повидимому, пережилъ перемѣну климатической эпохи, такъ что здѣсь едва-ли возможно установить рѣзкую пограничную черту между дилювіальнымъ или палеолитическимъ вѣкомъ и алювіальнымъ или неолитическимъ. Бойдъ-Даукинсъ и Ранке того мнѣнія, что во Франціи и въ Бельгіи, гдѣ древніе и новые слои часто перепутаны, особенно въ пещерахъ и гротахъ, многія находки, приписываемыя дилювію, въ сущности принадлежитъ гораздо новѣйшей эпохѣ: такъ, напр., при позднѣйшихъ погребеніяхъ въ пещерахъ, почва раскапывалась и древніе слои могли попадать наружу. Въ среднегерманскихъ пещерахъ, по Ранке, порою въ одномъ и томъ же слоѣ перемѣшаны остатки самыхъ различныхъ культурныхъ эпохъ.

Иное дѣло въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были покрыты ледниками. Здѣсь дилювіальный человѣкъ не могъ жить; эти мѣстности стали обитаемыми лишь въ аллювіальную эпоху и древнѣйшіе остатки человѣка здѣсь принадлежатъ къ неолитическому періоду. Картина, представляемая швейцарскими свайными постройками и грудами раковинъ на берегу Нѣмецкаго моря представляетъ поэтому гораздо большее значеніе для опредѣленія характера отдѣльныхъ эпохъ. Можно считать, однако, неоспоримымъ фактомъ, что неолитическая культура съ исключительнымъ употребленіемъ камня, дерева, кости и рога, наступила въ разныхъ странахъ Европы не одновременно и что каменныя орудія и частью даже оружія просуществовали даже послѣ наступленія металлическихъ эпохъ. Такъ, священная утварь часто выдѣлывалась изъ камня, напр., въ эпоху великаго переселенія народовъ. Каменные талисманы также были въ большомъ употребленіи. Такъ, напр. серпентиновые амулеты, по формѣ сходные съ предметами, бывшими въ употребленіи въ каменномъ вѣкѣ, до сихъ поръ еще тысячами выдѣлываются въ южной и средней Германіи, гдѣ ихъ навѣшиваютъ дѣтямъ, воображая, что это хорошо при прорѣзываніи зубовъ или что это можетъ избавить отъ перепуга (такіе амулеты называютъ въ Германіи страшными камнями Schrecksteine). Кремневое огниво до сихъ поръ въ большомъ употребленіи, а въ нѣкоторыхъ уединенныхъ долинахъ южнаго Тироля до сихъ поръ еще примѣняютъ къ высѣканію огня кремневые осколки, совершенно сходные съ первобыт-

нымъ типомъ ножей и скребковъ. Вирховъ нашелъ въ одной лавочкѣ въ Боценѣ подобные новѣйшіе кремневые ножи и пилы, получаемые изъ Верхней Италіи. Тотъ же Вирховъ привезъ съ Кавказа ступку для толченія соли изъ выдолбленнаго дерева, куда вложенъ слегка вогнутый діоритовый камень: эта ступка значительно напоминаетъ орудія каменнаго вѣка. Фридсль нашелъ въ окрестностяхъ Берлина новѣйшія костяныя и роговыя издѣлія, значительно напоминающія первобытныя орудія.

Въ скандинавскихъ странахъ и на берегахъ Балтійскаго моря неолитическій вѣкъ длился гораздо больше, чѣмъ на югѣ Европы, куда культурныя вліянія легче могли проникнуть изъ средиземноморскихъ областей. Славянскія племена очень долго пользовались каменными орудіями даже послѣ того, какъ узнали употребленіе металловъ.

Главныя формы каменныхъ орудій всюду были поразительно одинаковы. У всѣхъ вообще народовъ высшее культурное развитіе, повидимому, имѣетъ въ основѣ неолитическую стадію; но хронологически каменный вѣкъ для разныхъ странъ далеко не совпадаетъ. Египтяне уже 6000 лѣтъ тому назадъ знали обработку металловъ, хотя, по Флайндерсу, они долго пользовались (какъ и израильтяне) каменною утварью для богослуженія. Недавнія изслѣдованія Якобсена на Аляскѣ показали, что племена, уже употребляющія металлическое оружіе, могутъ, въ общемъ, пребывать въ каменномъ вѣкѣ. Для многихъ цѣлей туземцы предпочитаютъ камень, зубы моржа, мамонтовую слоновую кость, рогъ сѣвернаго оленя, даже обожженное дерево. Женщинамъ обычай строго воспрещаетъ рѣзать рыбу желѣзными ножами: существуетъ повѣрье, будто въ этомъ случаѣ пропадетъ вся рыба въ морѣ, т. е. уплыветъ куда-то въ бездну. Какъ только родится дитя, шаманы и знахари вырѣзываютъ фетиша изъ дерева и вѣшаютъ въ хижинѣ. Въ присутствіи ребенка нельзя работать въ хижинѣ желѣзными орудіями, иначе дитя будто бы заболѣетъ.

Вирховъ указываетъ на то обстоятельство, что для сѣверныхъ странъ, несмотря на богатство и великолѣпіе доисторическихъ находокъ, сужденіе о древности ихъ трудно по той причинѣ, что тамъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сохранились остатки построекъ.

Въ этомъ отношеніи швейцарскія свайныя постройки неоцѣнимы: здѣсь мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное развитіе культуры. Открыты эти постройки Ф. Келлеромъ и подробно изслѣдованы его ученикомъ и послѣдователемъ Т. Гроссомъ.

Первые обитатели Швейцаріи селились почти исключительно на озерахъ и болотахъ; напрасно искали одновременныхъ наземныхъ жилищъ: лишь Нюшъ (Nuesch) нашелъ близь Шафгаузена у одной скалы остатки неолитическаго лагеря. Уже первые обитатели свайныхъ построекъ Швейцаріи, въ теченіе чисто каменнаго вѣка, были, какъ показалъ Келлеръ, существенно пастушескимъ народомъ, имѣвшимъ коровъ, лошадей, овецъ, козъ, свиней, собакъ. Они занимались также земледѣліемъ, воздѣлывая пшеницу, ячмень, ленъ. Занимались также рыбной ловлей и охотой, ѣли дикіе плоды, одѣвались въ шкуры, но частью и въ холстъ. Это было осѣдлое населеніе, находившееся, какъ показалъ Келлеръ, въ связи съ Азіей и съ средиземноморскими странами. Правда, нѣкоторые ученые, какъ, напр. Жоли, упорно отвергаютъ азіатское происхожденіе домашнихъ животныхъ и растеній, находимыхъ въ свайныхъ постройкахъ въ Азіи и въ Египтѣ, признавая ихъ туземными. Штудеръ и др. указываютъ, что бронзовый вѣкъ былъ эпохой, когда обнаружилась перемѣна въ породахъ домашнихъ животныхъ и растеній.

Гроссъ различаетъ три періода сооруженія свайныхъ построекъ, предшествующихъ полному развитію бронзовой культуры. Первая или древнѣйшая соотвѣтствуетъ полному отсутствію металловъ. Каменные топоры малы, едва полированы и состоятъ изъ подручнаго матеріала; роговыя и костяныя орудія грубы; глиняныя издѣлія грубо вылѣплены безъ гончарнаго станка; на оружіи, орудіяхъ и утвари нѣтъ настоящихъ орнаментовъ.

Второй періодъ, къ которому относится большая часть построекъ каменнаго вѣка въ западной Швейцаріи, обнаруживаетъ замѣтный успѣхъ. Оружія и орудія совершенствуются, каменные топоры порою просверлены для скрѣпленія съ рукоятью, отлично сработаны и тщательно отполированы, нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ положительно колоссальныхъ размѣровъ. Матеріалъ для каменныхъ орудій все тотъ же: однако отъ 5 до 8% орудій сдѣланы изъ особенно твердыхъ минераловъ—нефрита, жадеита и хлoромеланита, совершенно отсутствующихъ въ первомъ, но также и въ третьемъ періодѣ. Металла еще нѣтъ, лишь въ видѣ исключенія попадаются среди свай мѣдныя, рѣже бронзовыя пластинки. Гончарное искусство значительно улучшается, посуда выдѣлана изъ лучшей глины, и мы видимъ начало орнамента въ видѣ продырявленныхъ возвышеній и такъ наз. «волчьихъ зубовъ».

Третій періодъ, наконецъ, относится къ переходному времени отъ камня къ металлу. По Гроссу, этотъ періодъ характеризуется для Швейцаріи производствомъ орудій и оружія изъ чистой мѣди. Здѣсь встрѣчаемъ также искусно просверленные каменные топоры и орудія изъ костей, рога и дерева.

Особенно разнообразны глиняные сосуды. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ ручками, большая часть украшена орнаментомъ, сдѣланнымъ надавливаніемъ пальцами или же перетяжкою мягкой глины посредствомъ нитей (такъ называемый веревочный орнаментъ).

Франкъ подробно описалъ открытую имъ въ Шуссенридѣ свайную постройку. Хижина имѣла полъ, въ формѣ прямоугольника въ 10 метровъ длины и 7 ширины, состояла изъ двухъ комнатъ, соединенныхъ дверью. Входная дверь, въ метръ ширины, была съ южной стороны. Первая комната въ $6^1/_2$ м. длины и 4 ширины. Въ одномъ углу былъ родъ мостовой—груда камней: это, вѣроятно, очагъ; здѣсь, повидимому были кухня и стойло для скота. Вторая комната въ $6^1/_2$ м. длины и 5 ширины не имѣла прямого сообщенія съ окружающимъ. Стѣны хижины состояли изъ расколотыхъ пополамъ дубовыхъ бревенъ, плоскость расщепленія направлена во внутрь. Столбы, поддерживавшіе кровлю, были вбиты въ дно озера.

Каменные предметы, встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ между сваями, по Келлеру, непосредственно или косвенно обработаны изъ кремня или посредствомъ кремня. Утварь и оружіе, однако, не необходимо кремневые. Каменные топоры и долота, вообще говоря, прекрасно сработаны и тщательно отшлифованы. Величина ихъ колеблется между 2 и 20 сантиметрами, но иногда достигаетъ и 30 сантиметровъ: такіе огромные топоры, вѣроятно, были знаками и украшеніями вождей или же религіозными символами. Матеріаломъ для топоровъ и долотъ служили большею частью валуны, бывшіе вездѣ подъ рукою; въ Швейцаріи болѣе всего серпентинъ, діоритъ, габбро и соссюритъ, при чемъ замѣтно предпочитали зеленые камни. Работа была вовсе не такъ продолжительна, какъ можно думать и, судя по неоконченнымъ предметамъ, производилась такъ: выбирали подходящій булыжникъ, иногда такой величины, что изъ него можно было сдѣлать два топора; брали пилообразный кремневый ножъ и съ помощью песка и воды надпиливали камень съ обѣихъ сторонъ достаточно глубоко, а затѣмъ разбивали его ударами. Оба обломка обработывали сначала твердымъ камнемъ, затѣмъ точильнымъ камнемъ. Форель, дѣйствуя этимъ способомъ, въ теченіе пяти часовъ сдѣлалъ изъ булыжника топоръ, совершенно сходный съ тѣми, которые находятъ въ свайныхъ постройкахъ. Топоры почти всегда имѣли рукояти изъ дерева и рога или изъ того и другого вмѣстѣ. Въ мѣдномъ вѣкѣ явились другіе способы укрѣпленія, при чемъ лезвіе топора ставилось поперекъ продольной оси рукояти. Топоры и долота выдѣлывали также изъ болѣе дорогихъ, порою великолѣпныхъ зеленыхъ камней, вродѣ нефрита, жадеита, хлоромеланита.

Рѣже встрѣчаются бусы и наконечники стрѣлъ изъ нефрита; нефритовые топоры вообще чаще встрѣчаются въ вост. Швейцаріи, жадеитовые крупнѣе ихъ и обыкновенно находятся въ зап. Швейцаріи.

Еще и теперь нефритъ цѣнится въ восточной Азіи, какъ полу-драгоцѣнный камень. Дезоръ и П. Фишеръ отстаиваютъ теорію, по которой нефритъ и жадеитъ, а можетъ быть и хлоромеланитъ привезены въ Европу изъ средней Азіи, гдѣ, дѣйствительно, находятъ много нефрита; но въ послѣднее время удалось найти нефритъ въ Европѣ, напр., въ Цобтенѣ, подлѣ Бреславля.

Лишь въ концѣ каменнаго вѣка напали на мысль просверливать самый клинокъ топора для прикрѣпленія къ рукояти. Эти топоры, болѣе ломкіе, служили, впрочемъ, по преимуществу какъ украшенія; большею частью это топоры, соединенные съ молотками—лишь въ рѣдкихъ случаяхъ лезвея бываютъ съ обѣихъ сторонъ. Ихъ форма различна: такъ, нѣкоторые швейцарскіе топоры по красотѣ могутъ сравниться съ самыми лучшими находками, встрѣчаемыми на сѣверѣ Европы. Способъ просверливанія долго изощрялъ остроуміе изслѣдователей древности. Сначала склонялись къ предположенію, что для этого былъ необходимъ металлическій буравъ, что подтверждалось еще частымъ нахожденіемъ подлѣ этихъ камней металлическихъ предметовъ; но Келлеръ, Форель и др. доказали, что при содѣйствіи воды и песку любая полая кость, любой роговой и даже деревянный цилиндръ достаточенъ для просверленія самаго твердаго камня.

На сѣверѣ, при обиліи кремней, изъ нихъ выдѣлывали также шлифованные топоры и долота, но въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ мы видимъ иное. Кремневыя издѣлія, однако, часты во всѣ три эпохи каменнаго вѣка въ свайныхъ постройкахъ; наиболѣе часто встрѣчаются скребки и ножи, извѣстные уже въ дилювіи. Изъ пластинокъ средней величины выдѣлывали ножи и пилы, которыя часто укрѣплялись на рукояти, снабженной дырою для подвѣшиванія. Весьма рѣдки въ свайныхъ постройкахъ болѣе крупные, серповидные каменные клинки. Великолѣпные кинжалы, у которыхъ рукоять и клинокъ сдѣланы изъ одного цѣльнаго куска, попадающіеся на сѣверѣ, вовсе не находятся въ свайныхъ постройкахъ. За то часто находятъ острые кремневые клинки, иногда съ рукоятью, служившіе кинжалами. Клинокъ прикрѣпляли сначала смолой, затѣмъ прикручивали чесанымъ льномъ или же пенькою. Наконечники для стрѣлъ или дротиковъ выдѣлывали изъ кремня съ большой тщательностью; большею частью съ обратной стороны сдѣланы зацѣпки для болѣе удобнаго при-

крѣпленія рукояти. Одинъ только экземпляръ найденъ изъ горнаго хрусталя. Камни частью брались изъ мѣстныхъ породъ, частью привозились; и способъ обработки былъ тотъ же, какъ у нынѣшнихъ дикарей.

Къ концу каменнаго вѣка появляется уже привезенный съ сѣвера янтарь, но въ большихъ количествахъ его находятъ въ Швейцаріи лишь начиная съ бронзоваго вѣка.

Предметы, выдѣланные изъ оленьяго рога и изъ костей, необычайно разнообразны. Оленій рогъ — матеріалъ весьма пригодный для вырѣзыванія. Изъ самыхъ толстыхъ частей оленьяго рога выдѣлывали вставки или зажимы для топоровъ и молотковъ съ дырой, куда вставляли деревянную ручку. Изъ окончаній роговъ дѣлали родъ крючковъ или дубинъ, служившихъ опаснымъ оружіемъ.

Другія орудія напоминаютъ лопаты и мотыки и служили, вѣроятно, для земледѣлія. Рыболовные снаряды, чрезвычайно обильные въ бронзовомъ вѣкѣ, были еще сравнительно рѣдки въ каменномъ вѣкѣ; однако, удавалось найти удочки изъ оленьяго рога и хорошо сработанные гарпуны, длиною въ 22 сантиметра съ 11 крючьями. Находятъ также остатки сѣтей; удалось отыскать даже цѣлую сѣть. Были также каменные снаряды, имѣвшіе цѣлью погруженіе сѣти на дно. Изъ оленьяго рога выдѣлывали еще маленькіе, снабженные ушками, для подвѣшиванія, кубки; затѣмъ бусы для ожерельевъ, весьма искусно сдѣланныя серьги, большія, порою украшенныя, пуговицы, иголки съ ушками, маленькіе гребни, стрѣлы и большой выборъ головныхъ булавокъ, порою съ головками, иногда съ боковыми просверленными отверстіями, вѣроятно для продѣванія нитей.

Такъ какъ кость гораздо тверже оленьяго рога, то ею часто пользовались для производства орудій и оружій. Изъ коровьихъ и оленьихъ реберъ выдѣлывали также, просверливая ихъ на одномъ концѣ и соединяя нитями по три, гребни для чесанія льна. Большая часть кинжаловъ была также изъ кости; рукоятью служила естественная поверхность сочлененія, порою же закрѣпляли костяной клинокъ въ особой рукояти изъ оленьяго рога. Часто также находятъ костяные наконечники для стрѣлъ или дротиковъ и при томъ гораздо чаще кремневыхъ, что неудивительно, такъ какъ кость легче обработывать. Костяной наконечникъ привязывали къ деревянной ручкѣ веревкой и еще приклеивали березовою смолою. Изъ кости дѣлали шила и долота разныхъ величинъ и формъ. Зубы звѣрей, особенно волка, медвѣдя, собаки, просверливали и носили, какъ талисманы, быть можетъ, нанизывая ихъ въ видѣ ожерелья.

Не мало находятъ также деревянныхъ предметовъ, кромѣ уже описанныхъ ручекъ и вставокъ. Особенно важенъ фактъ нахожденія ярма, какимъ и теперь еще пользуются, чтобы править волами. Изъ дерева, особенно изъ самшита, выдѣлывали прекрасные гребни. Этотъ предметъ туалета, поражающій насъ у такихъ мало-культурныхъ племенъ, большею частью выдѣлывался въ видѣ двухъ малыхъ гребней, соединенныхъ посредствомъ двухъ деревянныхъ пластинокъ. Зубья гребня сдѣланы изъ самшитовыхъ пластинокъ, заострены съ обоихъ концовъ и загнуты другъ о друга, а сверхъ того искусно соединены между собою протянутыми нитями.

Нерѣдки также челноки, выдолбленные изъ ствола. Одинъ изъ наибольшихъ и лучше сохранившихся сдѣланъ, какъ и другіе, изъ дубоваго дерева, но отличается отъ другихъ по формѣ. Обыкновенно задняя часть округлена, но у этого челнока четыреугольна, какъ у нашихъ нынѣшнихъ лодокъ; передняя часть украшена удлиненіемъ въ видѣ шпоры. Длина челнока $9^1/_2$ метровъ, ширина отъ 75 до 90 сантиметровъ. По краямъ боковыхъ стѣнокъ сдѣланы круглыя выемки, вѣроятно для веселъ.

Удалось найти нѣсколько луковъ. Одинъ изъ нихъ, изъ самшитоваго дерева, имѣетъ въ длину 160 сантиметровъ; по обоимъ концамъ еще остались выемки для тетивы. Нашли также маленькій лукъ, очевидно принадлежавшій къ бураву для сверленія или же для огнива. Найдены деревянныя чашки, порою съ ушками, ложки, молотки, даже кораблики, вѣроятно служившіе игрушкою дѣтямъ. Въ Бернскомъ музеѣ собраны даже обломки столовъ, скамеекъ и дверей изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка.

Древній Египетъ.

Составлено д-ромъ Г. *Шеферомъ* (H. Schäfer), помощникомъ директора египетскаго отдѣла Берлинскаго этнографическаго музея.

Положеніе и характеръ страны.

Всякая культура зависитъ отъ положенія, устройства поверхности и климата данной страны; но для немногихъ странъ справедливость этого общаго положенія такъ очевидна, какъ для Египта. У границы между Азіей и Африкой находится долина Нила, включенная между обширными пустынными плоскогорьями. Вытекая изъ большихъ озеръ средней Африки и изъ абиссинскихъ горъ, Нилъ прорылъ свое узкое извилистое ложе, употребивъ на это тысячелѣтнюю работу.

Путь былъ не легкій. Приходилось, по большей части, прорываться чрезъ твердый песчаникъ, часто перемежающійся съ гранитомъ; слѣдовало преодолѣть много препятствій, но многочисленные пороги — ихъ обыкновенно считаютъ всего шесть — свидѣтельствуютъ объ исполинской работѣ, которую пришлось здѣсь выполнить. Мы можемъ даже приблизительно измѣрить эту работу. Цари средняго царства сдѣлали на скалахъ многочисленныя мѣтки по близости къ крѣпости Семнехъ въ Нубіи, гдѣ была тогда южная граница египетскаго господства: эти мѣтки обозначаютъ наивысшій тогдашній уровень воды. Такъ какъ Нилъ въ настоящее время отстаетъ отъ этихъ мѣтокъ на 6—8 метровъ, то отсюда слѣдуетъ, что рѣка, въ теченіе около 4000 лѣтъ, врѣзалась въ песчаниковыя скалы еще на 6—8 метровъ. Послѣдній изъ пороговъ находится приблизительно подъ 24° с. широты, между о-вами Филэ и Элефантиной. Это естественная граница настоящаго Египта, образуемая крупной гранитной массой, проходящей здѣсь чрезъ рѣчную долину. Послѣ того, какъ верхняя нильская долина стала прочнымъ достояніемъ Египта, часто дѣлали попытки облегчить водяное сообщеніе посредствомъ удаленія каменныхъ глыбъ. Многочисленныя надписи на стѣнахъ скалъ свидѣтельствуютъ объ этихъ работахъ. Еще разъ рѣкѣ приходится прорваться вскорѣ послѣ этого сквозь песчаниковыя скалы близъ Сильзилиса; затѣмъ она вступаетъ въ область известняковъ. До сихъ поръ это была узкая рѣка, всего около 150 метровъ ширины, и долина ея была родомъ ущелья, сдавленнаго мрачными гранитными скалами и почти черными песчаниковыми стѣнами. Теперь она вдругъ расширяется, достигая ширины отъ 2200 до 5200 метровъ. Безъ дальнѣйшихъ препятствій течетъ теперь Нилъ приблизительно до 60° широты, сопровождаемый справа и слѣва большею частью обрывисто и круто вырѣзанными бѣлыми склонами известковаго плоскогорья. Здѣсь, недалеко отъ древняго Мемфиса, начинается та часть Египта, которую греки обозначили удачнымъ выраженіемъ: „даръ Нила“. Въ незапамятное время рѣка впадала здѣсь въ большую треугольную морскую бухту; но илистыя массы, которыя она несла съ собою, постепенно заполнили всю эту бухту, и такимъ образомъ возникла своеобразная страна, съ болотистыми низменностями, по которымъ течетъ Нилъ, вливаясь, наконецъ, въ море нѣсколькими рукавами. Греки признавали семь устьевъ Нила. По ихъ примѣру, эту болотистую мѣстность еще и теперь называютъ дельтой, по сходству съ греческой буквой Δ. Почти всѣ препятствія, которыя приходится преодолѣть Нилу, происходятъ съ восточной стороны, т. е. со стороны такъ называемой арабской пустыни. Это пустынное плоскогорье образовано почти цѣликомъ кристаллическими каменными породами, часто поднимающимися въ видѣ живописныхъ горныхъ хребтовъ. Здѣсь съ правой стороны находились большія каменоломни, доставлявшія матеріалъ для исполинскихъ сооруженій. Караванные пути, доставлявшіе сообщеніе съ берегомъ Краснаго моря, были здѣсь также многочисленны.

Западная пустыня, называемая ливійскою, состоитъ, большею частью, изъ известняка или изъ песчаника. Рудниковыхъ и тому подобныхъ промысловъ тамъ не было; но пустыня эта содержитъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Нильской долины и параллельно ей, такъ называемые оазисы, плодоносныя углубленія, о которыхъ часто упоминается ради доставляемаго ими вина.

Самый сѣверный изъ этихъ оазисовъ, такъ называемый Файумъ, былъ въ незапамятныя времена искусственно соединенъ съ Нильской долиной, для доставленія доступа одному изъ рукавовъ рѣки. Такимъ образомъ явился весьма плодоносный клочокъ земли, общеизвѣстный по той причинѣ, что здѣсь находится часто упоминаемое озеро Моэрисъ.

Климатъ Верхняго Египта жаркій и сухой, тогда какъ климатъ дельты влажный и теплый. Въ то время, какъ въ дельтѣ, по крайней мѣрѣ, зимою, есть родъ дождливаго времени года, да и вообще часто идетъ дождь, — въ Верхнемъ Египтѣ паденіе дождя въ высшей степени рѣдко. Въ одной египетской надписи сказано, что высшему государственному сановнику слѣдуетъ доносить о каждомъ выпаденіи дождя. Однако, климатъ Верхняго Египта становится болѣе сноснымъ по той причинѣ, что въ теченіе почти цѣлаго года, съ короткими промежутками, дуютъ сѣверные вѣтры. „Пріятный сѣверный вѣтеръ“ упоминается несчетное число разъ въ надписяхъ, какъ нѣчто особенно желанное. Кромѣ пріятности эти вѣтры доставляютъ еще не малую пользу для водяного сообщенія, облегчая путь вверхъ по рѣкѣ, который, безъ этого содѣйствія, потребовалъ бы значительной работы веслами. Поэтому-то въ египетскомъ письмѣ позади буквъ, означающихъ слово *hut* (плыть вверхъ по рѣкѣ) большею частью изображаютъ корабль, плывущій на парусахъ, тогда какъ слово *hd* (обозначающее плыть внизъ по рѣкѣ) пишется при посредствѣ рисунка, обозначающаго судно, передвигаемое съ помощью веселъ и вообще безъ парусовъ. При недостаткѣ дождя, верхняя долина Нила была бы безлюдна и, по крайней мѣрѣ, земледѣліе и скотоводство, т. е. основы египетской культуры никогда не могли бы возникнуть, если бы не было ежегодныхъ рѣчныхъ наводненій. Когда въ областяхъ, гдѣ находятся источники Нила, въ дождливое время года ежедневно

идетъ дождь, Нилъ начинаетъ постепенно подниматься. Въ іюлѣ начинается поднятіе воды, достигая наивысшаго предѣла въ сентябрѣ. Приблизительно чрезъ три недѣли рѣка снова спадаетъ и достигаетъ въ маѣ своей обычной высоты. Наступленіе полноводья ожидается съ необычайнымъ напряженіемъ; дѣйствительно, отъ высоты воды зависитъ, достаточно-ли будутъ покрыты ею поля и достаточно-ли будетъ нанесено водою плодороднаго ила Нѣсколькими локтями ниже или выше поднимется вода — и это приведетъ къ голоду или, наоборотъ, къ обильному урожаю.

Все благо и всѣ бѣдствія страны зависѣли поэтому отъ Нила. Водяныя сооруженія были крайне необходимы для возможно большаго распространенія полезнаго дѣйствія наводненія. Уже съ древнѣйшихъ временъ предпринимались величественныя сооруженія, сооружались шлюзы и каналы. Такъ какъ подобныя работы могутъ быть предпринимаемы лишь большими партіями людей, то возможно, что въ этомъ былъ главный импульсъ къ образованію политическихъ союзовъ. Правильное возвращеніе полноводья и значеніе этого событія, вѣроятно, привело къ наблюденію совпадающихъ съ ними астрономическихъ явленій. Наводненія, наконецъ, часто уничтожали границы между отдѣльными владѣніями и ихъ приходилось устанавливать снова. Такимъ образомъ, уже въ отдаленной древности жителямъ пришлось пріобрѣсть нѣкоторое искусство землемѣрія [1]) Въ миѳологіи египтянъ Нилъ изображается въ видѣ гермафродитнаго существа, несущаго водяныя растенія, птицъ и т. п.

Монотонна, но не лишена своеобразной прелести картина, представляемая египетскими ландшафтами. Сюда не мало присоединяется полное отсутствіе лѣсовъ. Каждый клочокъ земли утилизируется для земледѣлія; для дикорастущихъ деревьевъ здѣсь нѣтъ мѣста. Лишь кое-гдѣ попадались еще въ древности дикія акаціи, сикоморы, тамариски и т. п. Уже въ древнѣйшее время этотъ недостатокъ въ лѣсномъ матеріалѣ сказывается въ искусномъ сколачиваніи кусковъ дерева въ гробахъ и въ большихъ статуяхъ. Египтяне умѣли, однако, цѣнить прохладную древесную тѣнь. Одно изъ часто встрѣчающихся изображеній на гробахъ новаго египетскаго царства — это изображеніе богини, подающей изъ-за вѣтвей дерева прохладительное питье мертвецу. Часто цари съ гордостью разсказывали о томъ, что они ввезли живыя заграничныя деревья; прудъ, окаймленный деревьями, составляетъ неизбѣжную принадлежность описанія счастливой жизни. Но, какъ сказано, деревья не употреблялись въ качествѣ строеваго лѣса. Если мы находимъ въ надписяхъ или въ сохранившихся деревянныхъ памятникахъ довольно крупные куски хорошаго дерева, оно почти всегда оказывается привезеннымъ изъ-за границы. Суковатое, трудно обработываемое дерево мѣстной сикоморы годилось лишь для самыхъ грубыхъ работъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ чаще всего встрѣчаются въ изображеніяхъ финиковая пальма и пальма *думъ*.

[1]) Авторъ говоритъ о размежеваніи, какъ будто рѣчь идетъ объ установленіи границъ частной собственности. Но въ Египтѣ, какъ и всюду, поземельная собственность не сразу стала частною и рѣчь шла скорѣе о передѣлахъ земли. *Перевод.*

Очень богата, но не видами, а количествомъ, остальная растительность Египта. Что не приносило пользы, то было вытѣснено или только разводилось въ садахъ богачей, какъ прихоть. Такъ, напр., папирусъ, съ тѣхъ поръ, какъ явился пергаментъ (а затѣмъ и бумага), почти совсѣмъ исчезъ изъ Египта и найти его можно лишь гораздо выше, за Хартумомъ. Въ Египтѣ, какимъ мы его знаемъ по памятникамъ, всюду были еще чащи папируса. Папирусъ имѣлъ огромное хозяйственное значеніе; онъ употреблялся на разныя цѣли, напр., на всякаго рода плетеныя издѣлія. Главное употребленіе, однако, состояло въ выдѣлкѣ изъ него бумаги, которая получила отъ него свое названіе въ нѣкоторыхъ европейскихъ языкахъ. Болота, поросшія папирусомъ и оживленныя присутствіемъ всякихъ птицъ, были вообще любимыми мѣстами отдыха. Поѣздка туда для рыбной ловли или охоты за птицами часто служила темою художникамъ. Здѣсь росли также любимые цвѣты, безъ которыхъ необходилось ни одно украшеніе, а именно два вида лотоса (Nymphaea caerulea и N. Lotos). Цвѣты эти родственны нашимъ кувшинкамъ или водянымъ лиліямъ. По египетскому преданію, на одномъ изъ такихъ цвѣтковъ, при сотвореніи міра, вынырнуло солнце изъ морскихъ пучинъ. Въ Египтѣ воздѣлывали два хлѣбныхъ злака—ячмень и пшеницу—но также, вѣроятно, и много воздѣлываемую теперь дурру или африканское просо. Виноградъ во всѣ времена воздѣлывался въ Египтѣ въ большомъ количествѣ.

Такимъ же характеромъ, какъ растительный міръ, отличался также и животный міръ древняго Египта. Исключая немногочисленныхъ видовъ,—подобно бегемоту и крокодилу, жившихъ въ рѣкѣ или въ поросшихъ папирусомъ болотахъ, здѣсь почти нѣтъ настоящихъ дикихъ звѣрей. Даже антилопъ часто держали въ полуручномъ состояніи. Ихъ, по крайней мѣрѣ, изображаютъ на могилахъ древняго царства совершенно наравнѣ съ любимыми домашними животными—быками. Лошадь была ввезена изъ Азіи лишь въ началѣ новаго царства.

Этого краткаго очерка страны достаточно для доставленія правильнаго масштаба, позволяющаго судить о народѣ, къ ко-

торому мы теперь обращаемся. Простая красота страны соотвѣтствуетъ характеру ея искусства, которое, правда, на первый взглядъ также представляется нѣсколько разнообразнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи все болѣе и болѣе выигрываетъ въ прелести, именно вслѣдствіе своей простоты и отказа отъ внѣшнихъ средствъ приманки. Тѣсное сотрудничество, вынуждаемое характеромъ мѣстности, произвело такую однородность, какая съ трудомъ можетъ быть найдена въ народной массѣ другихъ странъ. Наличность этой однородной народной массы сдѣлала возможнымъ построеніе пирамидъ и другихъ памятниковъ, еще и теперь возбуждающихъ изумленіе. Съ другой стороны, именно тяжелый трудъ и придалъ мышленію египтянъ почти механическій характеръ, кажущійся намъ порою крайне причудливымъ.

Исторія египтянъ.

О происхожденіи египтянъ много спорили и спорятъ. Языкъ ихъ указываетъ на древнюю связь съ семитическими народами, тогда какъ антропологи находятъ тѣсное родство между египтянами и народами верхней долины Нила. Указываютъ на то, что кромѣ тѣлесныхъ особенностей, въ Египтѣ мы видимъ нѣкоторыя удивительныя, но издавна общеупотребительныя издѣлія, какъ, напр., головную подпорку и странный серповидный мечъ — предметы, встрѣчающіеся почти въ томъ же видѣ у народовъ верхней Нильской долины. Вопросъ этотъ, однако, не выясненъ. Нѣкоторыя соображенія указываютъ на то, что, по крайней мѣрѣ, часть народа переселилась въ долину Нила съ сѣвера; особенно это видно изъ того, что вмѣсто *на югъ*, египтяне говорили *впередъ*, востокъ считался налѣво, а западъ направо [1]). Сами египтяне, однако, ровно ничего не знали о переселеніи. Они называли себя туземцами, жившими въ странѣ „съ самаго начала". Страну свою они называли не Египтомъ, а Кеметъ, т. е. черноземомъ, въ отличіе отъ болѣе свѣтлой почвы пустыни, простирающейся справа и слѣва. Изъ четырехъ расъ, на которыя, по ихъ древнимъ воззрѣніямъ, дѣлился человѣческій родъ, сами египтяне назывались ромтъ, т. е. людьми, тогда какъ остальные назывались неграми, азіатами и ливійцами. Въ древнѣйшее время, извѣстное намъ лишь по миѳологическимъ представленіямъ, египтяне такъ мало знали объ окружающихъ земляхъ,

[1]) Это еще не доказательство. Такія названія могутъ зависѣть оттого, что страны свѣта опредѣлялись по положенію солнца въ полдень, причемъ солнце представлялось передъ наблюдателемъ, мѣсто его восхода налѣво, а мѣсто захода направо.

Перев.

что полагали, будто источники Нила находятся въ области перваго порога, гдѣ Нилъ, будто бы, вытекаетъ изъ земли изъ двухъ источниковъ. Этотъ разсказъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ воспроизведенный Геродотомъ, ясно показываетъ, какъ мало извѣстна была египтянамъ эта мѣстность въ тѣ отдаленныя времена. Еще въ историческую эпоху сохранилось въ административной практикѣ преданіе, что египетская граница нѣкогда находилась подлѣ Эль-Кадъ, т. е. около 25° с. ш. Мѣстность къ югу отъ этого пункта принадлежала къ административному округу нубійскаго намѣстника. Къ тому же времени, вѣроятно, относится тотъ взглядъ, что солнце восходитъ и заходитъ за ближайшими горами, окаймляющими долину Нила, и что вся земля, какъ и Нильская долина, представляетъ узкую вытянутую полосу, — что воспроизводится іероглифомъ, обозначающимъ землю.

Другой выводъ изъ позднѣйшихъ учрежденій состоитъ въ томъ, что нѣкогда существовало множество малыхъ независимыхъ княжествъ, которыя еще въ до-историческій періодъ слились въ два царства, Верхній и Нижній Египетъ. Дальнѣйшее соединеніе обоихъ царствъ преданіе связало съ именемъ Менеса, перваго изъ царей исторической эпохи. Предшествующее ему время египтяне заполнили длиннымъ рядомъ царствованій боговъ. Историческую эпоху, отъ Менеса до завоеванія Египта Александромъ Македонскимъ, по примѣру Манеѳона, ученаго птолемеевской эпохи, написавшаго по-гречески исторію Египта, принято раздѣлять на 30 „династій", приблизительно соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ смѣнамъ династій. Такъ какъ египтяне никогда не имѣли опредѣленной эры, но вели хронологію всегда по годамъ правленія царей, то совершенно невозможно разобраться во множествѣ царскихъ именъ. Поэтому дѣленіе Манеѳона по династіямъ оказывается весьма удобнымъ. Къ тому же, у насъ не сохранилось полнаго списка царей и числа лѣтъ ихъ царствованія; сочиненіе Манеѳона дошло до насъ лишь отрывками, и единственный, повидимому, полный древне-египетскій списокъ царей въ туринскомъ „Царскомъ папирусѣ" сохранился лишь въ видѣ скудныхъ отрывковъ. Точная хронологія поэтому совершенно невозможна и лучше привыкнуть къ пособію подраздѣленія на династіи, т. е. къ приблизительному опредѣленію времени, нежели пользоваться завѣдомо недостовѣрными числами, которыя для древнѣйшихъ періодовъ могутъ дать ошибку, достигающую даже 1000 лѣтъ. Дальнѣйшимъ существеннымъ облегченіемъ является соединеніе династій въ болѣе крупныя группы. Династіи съ 3 по 6 называютъ «древнимъ царствомъ», съ 11 по 16 — среднимъ, съ 17 по 20 — новымъ; съ 21 по 23 — ливійской эпохой, остальную же эпоху, начиная приблизительно съ 700

года до Р. Х.—позднѣйшей эпохой. Смыслъ нѣкоторыхъ изъ этихъ названій разъяснится изъ дальнѣйшаго.

Начало египетской исторіи относятъ приблизительно къ 4000 до Р. Х., 18-я династія относится приблизительно къ XV вѣку до Р. Х. 26-я династія начинается съ 663 до Р. Х., и лишь съ этихъ поръ хронологія имѣетъ твердую почву подъ ногами.

Отъ первыхъ династій сохранился лишь рядъ царскихъ именъ. Памятники начинаются лишь съ 3-й династіи, но на первыхъ же порахъ въ началѣ исторіи стоятъ внушающія почтеніе сооруженія—мощныя могилы царей древняго царства, пирамиды. Древнѣйшая изъ нихъ—это ступенчатая пирамида въ Саккарѣ, могила царя Дьосера 2-й династіи. Наиболѣе значительныя пирамиды относятся къ царямъ 4-й династіи; это сооруженныя Хеопсомъ, Хефреномъ и Микериномъ пирамиды въ Гизехѣ. Особенное же значеніе пріобрѣли для насъ пирамиды 6-й династіи, содержащія древнѣйшіе литературные памятники „пирамидные тексты". Вокругъ пирамидъ находятся гробницы вельможъ государства, главнымъ городомъ котораго былъ тогда Мемфисъ. Потребовалось необычайное непряженіе всѣхъ силъ страны для того, чтобы воздвигнуть эти каменныя громады; такое впечатлѣніе производятъ и надписи на частныхъ гробницахъ, съ ихъ уже тщательно выработанною системою ранговъ и титуловъ. Военные походы противъ Синайскаго полу-о-ва и живущихъ у перваго порога нубійскихъ племенъ. часто упоминаются въ этихъ надписяхъ. По обѣихъ сторонамъ находились рудники, весьма важные для египтянъ. Есть также упоминанія о продолжительныхъ торговыхъ походахъ, быть можетъ, во внутрь Судана. Величайшее благосостояніе (?) повидимому, господствовало при пятой династіи: ея гробницы обозначаютъ наивысшій пунктъ въ развитіи искусства древняго царства.

За древнимъ царствомъ слѣдуетъ эпоха, когда Египетъ, повидимому, распался на много мелкихъ государствъ.

Въ исторіи Египта постоянно повторяется то явленіе, что всякій разъ, когда верховная властъ начинаетъ ослабѣвать, мелкіе князьки, подчинившіеся государству, поднимаютъ головы и стремятся къ самостоятельности.

Объединеніе явилось вновь лишь при царяхъ „средняго царства"; цвѣтущій его періодъ приходится во время 12-й династіи. Властелины этой эпохи носятъ имена *Аменемгетъ* и *Везертезенъ*. Внутреннія отношенія царства были упорядочены, началось и завершилось серьезное покореніе Нубіи. Граница была отодвинута, посредствомъ сооруженія крѣпости Семнехъ, до 2-го порога. Съ сирійскими землями также существовала тѣсная связь, такъ что одинъ писатель могъ возбудить интересъ, описавъ подробно приключенія египетскаго изгнанника въ Палестинѣ. Но всего болѣе замѣчательны цари этой династіи своими заботами объ орошеніи страны. Сами они, повидимому, жили въ Фаиумѣ, съ которымъ ихъ имена навсегда связаны величественными сооруженіями, вродѣ лабиринта и озера Моэрисъ.

Далѣе слѣдуетъ эпоха упадка, отъ которой остался длинный рядъ именъ царей, но почти не осталось памятниковъ. Продолжительность этого періода не можетъ быть опредѣлена даже приблизительно. Въ концѣ эпохи Египетъ былъ покоренъ азіатскимъ народомъ—гиксами, владычествовавшими здѣсь долгое время. Освобожденіе отъ этого ига было дѣломъ ѳивскаго (египетскаго) княжескаго рода, быть можетъ, раньше состоявшаго въ вассальныхъ отношеніяхъ къ чужеземцамъ. Послѣ продолжительной борьбы варвары были изгнаны: ихъ преслѣдовали до самой Палестины. Амозисъ побѣдитель гиксовъ, является основателемъ новаго царства. Въ первое время еще значительно опирались на „среднее царство" во всемъ, что касалось искусства. одежды, управленія, но постепенно во всѣхъ этихъ вещахъ наступилъ полный переворотъ. Преслѣдованіе варваровъ было первымъ шагомъ къ Азіи—шагомъ величайшей важности. Онъ подготовилъ эпоху великихъ завоевательныхъ войнъ, превратившихъ Египетъ въ міовую державу. Обладаніе Палестиной и Сиріей стало съ этого времени и до конца египетской исторіи вопросомъ, постоянно стоявшимъ на первомъ планѣ политическихъ интересовъ. Усложненія, вызванныя этимъ вопросомъ, въ концѣ концовъ подготовили паденіе египетскаго царства; но безъ отношеній къ передней Азіи, Египетъ существовалъ бы для насъ не болѣе, нежели какое-либо изъ древне-американскихъ государствъ.

На этомъ-то пути черезъ сѣверную Сирію, Кипръ и берега Киликіи, Египетъ оказалъ вліяніе на культуру греческихъ о-вовъ, вліяніе, выступающее всюду при могильныхъ раскопкахъ „Микенской" эпохи; съ другой стороны, однако и самъ Египетъ испыталъ не малое вліяніе, въ чемъ убѣждаетъ изученіе памятниковъ. Въ передней Азіи египтяне встрѣтили культуру, такъ сильно подвергнувшуюся вліянію Вавилона, что даже донесенія египетскихъ подданныхъ писались не египетскими гіероглифами, а вавилонскимъ клинообразнымъ письмомъ. Эти, недавно найденныя въ Египтѣ, (въ Телль-эль-Амарна) глиняныя таблицы проливаютъ яркій и совершенно неожиданный свѣтъ на тѣсныя соотношенія между Сиріей, даже Вавилоніей и Египтомъ въ ту эпоху. Войны въ Нубіи и торговыя экспедиціи къ странамъ, богатымъ благовонными куреніями, т. е. къ южной оконечности Краснаго моря, относятся

къ этой же эпохѣ. Крупныя сооруженія во всѣхъ частяхъ страны предпринимались всюду; особенное вниманіе оказывалось богу столицы — т. е. стовратныхъ Ѳивъ — Амону. Амонъ былъ высочайшимъ изъ всѣхъ боговъ и почти всякій царь считалъ своей обязанностью строить что-либо въ его храмѣ въ Карнакѣ. Ѳутмозисъ III и Аменоѳисъ III — самые выдающіеся цари этой эпохи. Вообще говоря, 18-я династія была эпохой настоящаго могущества, одушевленной величіемъ; это одна изъ симпатичнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Египта. Замѣчательнымъ завершеніемъ этой династіи является царствованіе Аменоѳиса IV. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, онъ вздумалъ ввести, на мѣсто безчисленныхъ египетскихъ боговъ, единаго бога „солнечный дискъ". Фанатически преслѣдовалъ онъ другихъ боговъ, особенно Амона Ѳивскаго. Всюду самое имя этого бога изглаживалось изъ надписей. Свое собственное имя Аменоѳисъ, куда также входило ненавистное ему имя бога, онъ превратилъ въ Хуніатону, что значитъ „блескъ солнечнаго диска". Такъ какъ въ Ѳивахъ все напоминало ему объ Амонѣ, онъ оставилъ городъ и построилъ подлѣ нынѣшняго Телль-эль-Амарна новую столицу. О подробностяхъ этихъ въ высшей степени любопытныхъ событій мы, къ сожалѣнію, почти ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ его реформа недолго просуществовала. Послѣ непродолжительныхъ смутъ, прежній порядокъ вещей былъ возстановленъ. (Сравн. прибавленіе переводчика).

Въ теченіе короткаго періода времени, когда дѣла Сиріи на время перестали интересовать Египетъ, въ первой произошли важныя перемѣны. На сѣверѣ отъ египетской провинціи возникло могущественное царство хетовъ (хетитовъ), представлявшее серьезную угрозу для египетскихъ владѣній. Трудныя войны пришлось вести царямъ 19-й династіи, Сеѳосу и Рамессу (Рамзесу) II. Конецъ этимъ войнамъ положилъ сохранившійся до нашего времени мирный договоръ. Едва-ли хотя одинъ царь оставилъ столько памятниковъ во всѣхъ частяхъ страны, отъ Палестины до Нубіи, какъ Рамзесъ II. По этой причинѣ онъ сталъ извѣстнѣйшимъ изъ египетскихъ царей. Почти всѣ великія дѣла другихъ царей были приписаны ему легендой. Греки превратили его въ Сезостриса. Невольно, однако, чувствуется, что весь этотъ внѣшній блескъ прикрывалъ внутреннюю пустоту. Двое изъ его преемниковъ, Меренпта и Рамзесъ III вынуждены были уже отражать походы иноземцевъ на Египетъ. Сирійскія владѣнія были утеряны и послѣдніе цари 20-й династіи были лишь маріонетками въ рукахъ всемогущихъ верховныхъ жрецовъ Амона, изъ которыхъ одинъ, Григоръ (Hrihor), наконецъ, самъ вступилъ на престолъ. Но эти царственные жрецы владѣли уже не цѣлымъ царствомъ.

Верхній и Нижній Египетъ были раздѣлены между двумя царствующими домами, впрочемъ, состоявшими между собою въ дружественныхъ отношеніяхъ. Упавшее египетское царство стало, наконецъ, добычею чуждыхъ завоевателей.

Безчисленные чужеземные наемники, вторгнувшіеся въ страну при царяхъ 19-й и 20-й династій, пріобрѣтали все большее могущество. Ихъ вожди, въ особенности ливійцы, стали господствовать въ государствѣ. Наконецъ, одному изъ нихъ, Шошонку I, удалось сдѣлаться царемъ цѣлаго Египта. Изгнанные жрецы Амона удалились въ Нубію, гдѣ основали самостоятельное царство. Однако, и царство „ливійцевъ" просуществовало недолго. Правда, самъ Шошонкъ — библейскій Шишакъ—могъ еще напасть снова на Сирію и вмѣшаться въ ссору послѣдователей Соломона; но слѣдующіе за нимъ властители имѣли довольно заботъ дома, и царство скоро постепенно разложилось на рядъ мелкихъ княжествъ. Верхній Египетъ вскорѣ попалъ въ руки нубійскихъ царей, потомковъ жрецовъ Амона, и одинъ изъ нихъ, Піанхи, попытался уже напасть на Нижній Египетъ. Однако, лишь одному изъ его преемниковъ, Сабакону, удалось покорить также и Нижній Египетъ. Эти властители, которые по внѣшности уже сильно приблизились къ подвластнымъ имъ нубійцамъ, выступили противъ ливійцевъ, какъ представители чистаго египетскаго начала; народъ и жречество охотно приняли ихъ, какъ своихъ. Ихъ стремленіе къ древнимъ формамъ языка и титуловъ связано съ національными притязаніями. Между тѣмъ Сирія превратилась во владѣніе Ассирійской державы. Эѳіопъ Таграко почувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы протянуть туда руку. При всѣхъ возстаніяхъ, происходившихъ въ Палестинѣ противъ ассирійскаго владычества, Таграко дѣйствовалъ подъ рукою. Чтобы положить конецъ этимъ проискамъ, появилось, наконецъ ассирійское войско въ Египтѣ, которое, послѣ продолжительной борьбы, происходившей съ перемѣннымъ счастьемъ, наконецъ, совершенно изгнало эѳіоповъ изъ Египта. Такимъ образомъ, страна подъ властью Ассаргаддона и Ассурбанипала долгое время оставалась египетской провинціей. Внутреннія смуты вынудили, однако, ассирійцевъ удалить свои войска изъ Египта.

Наслѣдникомъ могущества ассиріянъ былъ одинъ изъ мелкихъ князей, Псамметихъ, изъ Саиса, родственникъ эѳіопской династіи. Съ помощью греческихъ наемниковъ онъ подчинилъ прочихъ мелкихъ князьковъ. Онъ соединилъ еще разъ весь Египетъ подъ своимъ скипетромъ и ввелъ вновь порядокъ. Правленіе его и его преемниковъ обозначаетъ послѣдній цвѣтущій періодъ страны. Это цвѣтущее время продолжалось приблизительно 150 лѣтъ. Уже начатое эѳіопами возвращеніе къ

древнему царству становится теперь полнымъ внѣшнимъ подражаніемъ. Въ области искусства работы временъ 26-й династіи отличаются чрезвычайной тонкостью, но все же болѣе невозможно было пробудить къ новой жизни духъ, воодушевлявшій прежніе образцы. Попытки нѣкоторыхъ царей, какъ напр., Нехо и Гофры, снова овладѣть Сиріей, потерпѣли крушеніе при столкновеніи со свѣжими силами нововавилонскаго царства при Набу-кудуръ-усурѣ (Навуходоносорѣ). Вскорѣ послѣ этого Египетъ палъ подъ ударами персидскихъ войскъ Персидскіе цари, правда, никогда не касались обычаевъ и воззрѣній египтянъ, но въ непрерывныхъ, частью счастливыхъ, частью несчастныхъ возстаніяхъ народъ истощилъ силы. Послѣ паденія Персидскаго царства, Египетъ достался Александру Македонскому, обезсмертившему здѣсь свое имя основаніемъ Александріи. Подъ искуснымъ правленіемъ его преемниковъ, Птолемеевъ, Египетъ сталъ могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ изъ государствъ у восточной части Средиземнаго моря. Въ 30 г. до Р. Х. Египетъ сталъ, послѣ долгихъ попытокъ, владѣніемъ всепоглощавшаго римскаго государства, для котораго былъ важнѣйшею изъ провинцій по причинѣ своего неисчерпаемаго богатства зерновыми продуктами. Правда, римскіе императоры, какъ раньше ихъ Птолемеи, щадили учрежденія и обычаи египтянъ; но это была лишь искусственная поддержка. Самостоятельное творчество Египта давно изсякло. Надвигающійся эллинизмъ одержалъ здѣсь легкую побѣду.

Уже въ 1 вѣкѣ послѣ Р. Х. христіанство должно было проникнуть въ Египетъ. Для древнѣйшей исторіи христіанства Египетъ имѣлъ весьма важное значеніе: такъ, напр., здѣсь возникло отшельничество и монашество. Въ теченіе 4-хъ тысячелѣтій своей исторіи, египтяне естественно не оставались всегда на одной и той же ступени въ государственномъ устройствѣ, въ искусствѣ, одеждѣ и т. д.; въ теченіе этой эпохи происходили огромныя перемѣны. Чтобы дать мѣрило огромныхъ промежутковъ времени, протекшихъ въ египетской исторіи, указывали, напр., на то, что эпоха Рамзеса II настолько же удалена отъ эпохи пирамидъ, какъ наше время отъ эпохи Карла Великаго.

Религія, храмы, жрецы.

Какъ и всѣ древнія религіи, вѣрованія египтянъ возникли изъ почитанія непосредственно-окружающей природы. Таинственныя явленія физическаго міра, жизнь растеній и

животныхъ—все это были для человѣка загадки, не допускавшія иного рѣшенія, кромѣ того, что всѣ окружающіе предметы и существа наполнены и одушевлены—враждебно или же дружественно настроенными духовными существами. Среди ихъ, естественно, былъ цѣлый рядъ существъ, которыя человѣкъ считалъ наиболѣе способными вліять на него. Онъ старался примирить ихъ почитаніемъ и принесеніемъ даровъ или выказать имъ свою благодарность за доставленную помощь. Не только отдѣльный человѣкъ, но и каждая общественная группа вскорѣ признаетъ себя состоящею подъ совершенно особой охраной одного изъ этихъ духовъ. Такъ мы находимъ почти въ каждомъ египетскомъ городѣ „городского“ бога, защитой котораго въ особенности пользуются жители. Еще Ювеналъ разсказываетъ въ своей извѣстной 15-ой сатирѣ объ ожесточенной борьбѣ жителей Омбоса и Дендеры изъ-за того, что одни изъ нихъ оскорбили боговъ другой стороны. Если даже въ этомъ разсказѣ есть преувеличеніе, то все же несомнѣнно, что расщепленіе на безчисленныя мелкія религіозныя области, хотя и не въ такой рѣзкой формѣ, существовало во всѣ времена. Несмотря на то, „городской богъ“ не является единственнымъ владыкой въ своей области: ему приходится дѣлить власть со всевозможными другими божествами. Если богъ одного города оказался особенно могущественнымъ, то ему поклоняются также въ другихъ городахъ. Это мы видимъ особенно ясно на судьбѣ бога Амона. Первоначально онъ былъ лишь богомъ города Ѳивъ, о которомъ внѣ этого города почти не упоминали; по мѣрѣ политическаго возрожденія Ѳивъ въ новомъ царствѣ, онъ становится величайшимъ изъ всѣхъ боговъ и всюду почитаемымъ. Для большинства египетскихъ божествъ было бы напраснымъ трудомъ объяснять каждое изъ нихъ опредѣленными силами природы. Мы можемъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что Атумъ, богъ Геліополиса, былъ богомъ солнца; Хонсъ, котораго почитали въ Ѳивахъ, былъ богомъ луны, а Минъ, богъ Коптоса, вѣроятно, былъ богомъ жатвы. Далѣе этого идти трудно. Простыя воплощенія абстрактныхъ понятій, вродѣ истины и т. п., мы, конечно, оставляемъ здѣсь въ сторонѣ. Точно также не возможно установить, не представлялъ ли цѣлый рядъ „городскихъ божествъ“ въ прежнее, недоступное для насъ время, *одного и того же* лица. Обратно, теологическое умозрѣніе постоянно стремилось сливать во-едино мѣстныя божества. Такъ, со времени основа-

нія „новаго царства“ цѣлый рядъ боговъ мужского пола былъ провозглашенъ тожественнымъ съ солнечнымъ богомъ Ре (Ра). Въ позднѣйшее время это сліяніе все усиливалось и что было первоначально лишь умствованіемъ, стало, наконецъ, народною вѣрою. Въ римскую эпоху, напр., боги, принадлежащіе къ циклу Озириса, поглотили почти всѣхъ другихъ. Это обнаруживаютъ не только тогдашнія изображенія боговъ, но и показанія Плутарха и др. писателей.

Изъ предыдущаго само собою очевидно, что формы, подъ которыми представляли себѣ боговъ, были весьма различнаго рода. Какая либо особенно бросающаяся въ глаза скала, дерево и т. п. были мѣстами для жертвоприношеній; всюду въ особенности было распространено почитаніе солнца подъ разными именами. Къ сожалѣнію, къ намъ не дошли изображенія боговъ отъ эпохи древняго царства. Мы поэтому не можемъ сказать, съ какихъ поръ стали представлять себѣ боговъ въ человѣческомъ образѣ: во всякомъ случаѣ это воззрѣніе очень старо. Древнѣйшіе письменные памятники ставятъ всегда позади имени бога знакъ, имѣющій видъ ястреба. Повидимому, въ ту эпоху боговъ всего охотнѣе представляли себѣ въ видѣ хищныхъ птицъ. Позднѣе былъ введенъ вмѣсто этого знакъ, имѣющій видъ человѣка. Наиболѣе распространено было повѣрье, что боги охотно поселяются въ извѣстныхъ животныхъ. Едва-ли есть въ Египтѣ хотя одно животное, которое не признавалось бы гдѣ-либо священнымъ. Такимъ образомъ уже въ глубочайшей древности, вѣроятно, существовалъ обычай содержать въ храмахъ отдѣльныхъ животныхъ и хоронить ихъ послѣ смерти съ величайшими почестями. Но, кажется, лишь позднѣе напали на мысль признавать каждаго ибиса, каждую кошку и т. п. достойными бальзамированія; по крайней мѣрѣ величественныя каменныя гробницы, наполненныя тысячами мумій животныхъ, относятся къ позднѣйшему времени. Насаживая въ своихъ изображеніяхъ головы священныхъ животныхъ на человѣческія тѣла, египтяне создали множество фигуръ, поражающихъ насъ своей странностью. Были ли это настоящія священныя изображенія или же на ряду съ этимъ существовали еще статуи священныхъ животныхъ—сказать трудно, такъ какъ, вообще, нѣтъ доказательствъ существованія настоящихъ изображеній, служащихъ цѣлямъ культа въ смыслѣ идоловъ. Многочисленныя статуи, особенно позднѣйшаго времени, служили торжественными дарами храму: это большею частью

упомянутыя уродливыя смѣшанныя формы. Несомнѣнно, однако, что позднѣйшія изображенія древнихъ священныхъ изображеній представляютъ типы, сохранившіеся для нѣкоторыхъ боговъ, напр., для Озириса, Пта (Ptah), Мина, и для одного божества, почитаемаго въ видѣ сокола или ястреба, сохранились до позднѣйшаго времени. Древнее неуклюжее изображеніе этихъ боговъ приписывали тому, что эти боги, какъ полагаютъ, представлялись въ видѣ мумій.

Въ настоящее время египетскія божества представляются весьма безцвѣтными образами, которые различаются нами лишь съ трудомъ. Но иное было для самихъ египтянъ. Навѣрное для нихъ боги явственно характеризировались ихъ миѳами и легендами. Изъ всѣхъ этихъ миѳовъ, однако, до насъ не дошло почти ни одного. Особнякомъ стоятъ разсказы о солнечномъ богѣ, о постигающихъ его болѣзняхъ, объ уничтоженіи человѣческаго рода и т. п. Довольно связна лишь легенда объ Озирисѣ и его циклѣ, да и то она сохранена лишь чрезъ посредство грековъ. Только съ помощью извѣстнаго разсказа, находящагося у Плутарха, возможно понять разные намеки, находящіеся въ египетскихъ текстахъ, и установить между ними связь. Озирисъ мирно царствовалъ въ Египтѣ, но его братъ Сетъ обманнымъ образомъ убилъ его; трупъ былъ брошенъ въ рѣку. Такимъ образомъ Сетъ сталъ владыкою, но Изида, сестра и жена Озириса, послѣ продолжительныхъ поисковъ нашла снова трупъ и погребла его. Изида воспитала своего сына отъ Озириса, Горуса, въ болотахъ дельты, какъ мстителя за убитаго отца. Послѣ трудной борьбы Горусъ побѣдилъ Сета, — однако и самъ получилъ тяжелую рану. Въ „большомъ залѣ“ Геліополиса борьба была улажена. Врагъ Озириса и Горуса, Сетъ, пользовался большимъ почетомъ еще въ „новомъ царствѣ“: онъ считался богомъ войны и многіе цари назвали себя его именемъ. Мѣстопребываніемъ Сета считалась, главнымъ образомъ, восточная дельта. Вскорѣ по окончаніи эпохи „новаго царства“, Сетъ превратился, однако, въ прототипъ всякаго зла. Почти всѣ древнія изображенія Сета были уничтожены и можно почти сказать, что всякое неиспорченное изображеніе Сета относится не ранѣе, чѣмъ къ „новому царству“.

Отдѣльные типы божествъ, конечно, постепенно все глубже очерчивались; но мы не въ состояніи точно слѣдить за этимъ процессомъ, такъ какъ мало понятныя выраженія хвалебныхъ гимновъ еще не достаточно сопоставлены и изучены.

Но мы едва-ли въ состоянiи надѣяться встрѣтить такъ ясно обдуманныя системы, какiя мы находимъ, напр., въ „Изидѣ и Озирисѣ“ Плутарха. Въ такихъ произведенiяхъ факты, конечно, египетскаго происхожденiя, но того-же нельзя сказать о связывающихъ эти факты философскихъ идеяхъ.

Попытка взаимнаго соподчиненiя отдѣльныхъ боговъ, естественно, относятся къ самымъ древнимъ временамъ. Наиболѣе распространено сопоставленiе въ видѣ семьи, напр., троичное, состоящее изъ отца, матери и дитяти. Въ Гелiополисѣ боги соединялись въ девятиричныя группы. Такiя группы были усвоены большинствомъ храмовъ: каждый изъ нихъ лишь поставилъ во главѣ группы своего главнаго бога. Къ сожалѣнiю, обо всемъ этомъ сохранились лишь сухiе списки именъ или разрозненные намеки. Въ большей части случаевъ совершенно невозможно усмотрѣть основанiй для этихъ распредѣленiй; нельзя также понять ихъ временнаго и мѣстнаго соотношенiя между собою.

Невозможность говорить о всеобщей египетской миѳологiи всего лучше обнаруживается въ одной области, гдѣ всего легче было бы надѣяться встрѣтить опредѣленную систему для опредѣленной эпохи. Рѣчь идетъ о воззрѣнiяхъ на сотворенiе мiра. Самымъ простымъ было представленiе о землѣ, какъ продолговатой пластинкѣ, плавающей по океану. По краямъ земли поднимаются высокiя горы, на которыхъ покоится небо—плоская кровля такой же формы, какъ и земля. Небо устроено точно такъ-же какъ и земля; подобно Египту, небо раздѣлено на двѣ части, имѣетъ рѣку и озера, по которымъ плаваютъ звѣзды. По другому представленiю, звѣзды были лампадками, висящими на небесномъ куполѣ. Третье представленiе болѣе символично. Земля и небо были сначала тѣсно соединены, какъ мужъ и жена. Въ началѣ сотворенiя богъ Схоу (Shhow) проникъ между ними, приподнялъ богиню неба и такимъ образомъ „отдѣлилъ небо отъ земли“. Изъ соединенiя обоихъ, однако, возникло солнце. Другой народъ удовлетворился бы этимъ поэтическимъ образомъ, но для превращенiя этого превосходнаго сравненiя въ дѣйствительность, для того, чтобы намалевать эту картину, не утративъ къ ней вкуса,—для всего этого едва-ли годенъ хотя одинъ народъ, кромѣ египтянъ. Это весьма характеристично для всего ихъ мiросозерцанiя. По другому представленiю, небо не женщина, а корова. Всѣ эти различныя воззрѣнiя пестро перемѣшиваются въ текстахъ. Лишь къ первому подходитъ часто повторяющееся изображенiе, состоящее въ томъ, что солнце плыветъ по небу на кораблѣ. Здѣсь еще сравнительно легко раздѣлить различныя составныя части; но въ другихъ египетскихъ миѳахъ это пока совершенно невозможно. Систематичныя изложенiя египетской миѳологiи не сохранились до нашего времени.

Постепенный ходъ развитiя египетской религiи былъ однажды, а именно въ эпоху 18-ой династiи, нарушенъ попыткою Аменоѳиса IV ввести на мѣсто всѣхъ прочихъ боговъ почитанiе солнечнаго лика. Это предпрiятiе, относительно котораго кое-что сообщено выше въ историческомъ очеркѣ, было, однако, въ свою очередь, насильственно подавлено и осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствiй.

Весьма чуткое религiозное чувство одушевляло, однако, египетскiй народъ во всѣ времена. Постоянно старались выполнять волю божества и оказывать ему почитанiе. Во всякомъ домѣ, на всякомъ полѣ или перекресткѣ были, вѣроятно, маленькiя часовни съ изображенiями боговъ. Въ этомъ отношенiи, страна имѣла, вѣроятно, такой видъ, какъ нѣкоторыя нынѣшнiя католическiя страны. Но объ этомъ можно заключить лишь по отдѣльнымъ указанiямъ; до нашего времени дошли лишь крупныя святыни, лишь iероглифическiе знаки сохранили намъ древнѣйшую форму египетскаго храма. Эти знаки позволяютъ различить простой шалашъ, построенный изъ жердей и рогожъ. Каменныхъ храмовъ не сохранилось отъ эпохи древняго царства; есть лишь скудные остатки отъ средняго царства, указывающiе, однако, на планъ сооруженiя, сходный съ господствовавшимъ въ новомъ царствѣ. Путь, которымъ мы приближаемся къ храму, образованъ двумя рядами сфинксовъ — символическими изображенiями царя; прежде всего мы приходимъ къ двумъ мощнымъ привратнымъ башнямъ, украшеннымъ флагштокомъ: это, такъ наз., пилоны. Узкiе ворота между пилонами ведутъ въ обширный, окаймленный колоннадами, дворъ. Отсюда мы вступаемъ въ настоящее зданiе и черезъ одну или нѣсколько украшенныхъ колоннами залъ входимъ въ святое-святыхъ, вокругъ котораго находятся различныя комнаты, посвященныя служенiю второстепеннымъ богамъ или какимъ-либо инымъ цѣлямъ. Таковы, приблизительно, главныя составныя части большихъ египетскихъ храмовъ. Въ окрестностяхъ храма находились многочисленныя административныя и служащiя для складовъ зданiя и помѣщенiя для служителей храма. Всѣ эти пост-

ройки окружались стѣною. Причтъ храма состоялъ изъ 4—10 лицъ; ихъ чины и обязанности были строго упорядочены. Подробности культа и многочисленныя формулы были опредѣлены въ точности до мелочей. Жертвоприношеніе, украшеніе и облаченіе статуи бога, а также ношеніе ея въ торжественной процессіи — таковы были важнѣйшія изъ богослужебныхъ дѣйствій. Жертвоприношенія состояли большею частью въ куреніяхъ и приношеніи питья и пищи. Сожженіе жертвъ было, повидимому, неизвѣстно у египтянъ.

Разсматривая изображенія, покрывающія внутреннія стѣны храма, едва-ли можно было бы когда-либо напасть на мысль, что жречество въ Египтѣ порою становилось всемогущимъ. Въ этихъ изображеніяхъ жертвы всегда приноситъ царь: жрецы появляются рѣдко или играютъ подчиненную роль. По теоріи, все богослуженіе въ большихъ храмахъ происходитъ отъ имени царя. Однако, уже въ древнемъ царствѣ жречество весьма многочисленно и обладаетъ значительнымъ имуществомъ. Почти каждый изъ вельможъ царства располагаетъ, кромѣ своей государственной должности, одною или нѣсколькими жреческими должностями. Лишь въ болѣе позднѣе время, приблизительно начиная съ конца новаго царства, жречество, повидимому, пріобрѣтаетъ господствующее положеніе, какое изображаютъ намъ греческіе писатели. Для этого времени, особенно при слабыхъ монархахъ, идеалъ царя въ смыслѣ жрецовъ, какой, между прочимъ, изображенъ Діодоромъ, довольно часто соотвѣтствовалъ дѣйствительности.

Жрецы, вообще говоря, постоянно были обладателями и хранителями египетскаго просвѣщенія. Это, въ связи съ крупными матеріальными богатствами храмовъ, въ достаточной мѣрѣ объясняетъ мощное вліяніе жрецовъ. Какъ значительно было состояніе крупнѣйшихъ капищъ страны, въ этомъ убѣждаютъ, напр., подробныя перечисленія даровъ, принесенныхъ царями храмамъ. Дары эти сохранились отъ новаго царства до позднѣйшаго времени въ большомъ количествѣ и число ихъ таково, что на первый взглядъ представляется невѣроятнымъ.

Умершіе.

Представленія египтянъ о жизни послѣ смерти такъ же мало разработаны, какъ и вся ихъ миѳологія. Здѣсь также перемѣшиваются разнообразнѣйшія представленія. Для каж-

даго человѣка, не имѣющаго какихъ-либо готовыхъ убѣжденій, внезапное прекращеніе жизни представляетъ нѣчто непонятное. Даже мы, люди новаго времени, должны сотни разъ сызнова рѣшать эту загадку. Египтяне, какъ и большая часть народовъ, представляли себѣ душу, какъ существо, независимое отъ тѣла. Послѣ смерти она покидаетъ тѣло и теперь обладаетъ способностью принимать всевозможныя формы. Всего охотнѣе представляли себѣ души въ видѣ птицъ; быть можетъ, въ гораздо позднѣйшее время былъ созданъ для нихъ особый типъ: стали представлять себѣ птицъ съ человѣческою головою. „Переселеніе душъ“, при которомъ душа должна принять постепенно рядъ опредѣленныхъ формъ для своего очищенія, неизвѣстно египтянамъ; по крайней мѣрѣ въ текстахъ о немъ не упоминается. Кромѣ души, по египетскому представленію, существуютъ еще другія духовныя составныя части: опредѣлить ихъ отношеніе къ душѣ довольно трудно. Важнѣйшая изъ этихъ составныхъ частей, упоминаемая въ каждомъ поминальномъ текстѣ, это, такъ называемый, Ка, духовный двойникъ человѣка: у дитяти такимъ Ка является дитя, у мужчины—мужчина и т. д. Этотъ Ка обозначается въ текстахъ знакомъ, имѣющимъ видъ двухъ рукъ, согнутыхъ въ локтѣ подъ прямымъ угломъ, при чемъ предплечье и кисть руки приподняты вертикально. Быть можетъ разныя составныя части человѣческой души первоначально представляли разныя мѣстныя понятія о той же душѣ, впослѣдствіи слившіяся и принятыя за разныя части одного цѣлаго. Для культа умершихъ уже съ древнѣйшихъ временъ играетъ роль только Ка. Если душа обладаетъ самостоятельною *жизнью*, то, для сохраненія ея, она, разумѣется, должна *ѣсть*, такъ какъ жизнь невозможна безъ пищи. Именно поэтому приносили жертву, т. е. дѣлали приношеніе пищи душѣ. Объ этомъ могло еще заботиться поколѣніе умершаго и, быть можетъ, ближайшіе за нимъ; дальнѣйшія надежды были бы напрасны. При наилучшей доброй волѣ, было бы невозможно приносить жертвы отдаленнѣйшимъ предкамъ, число которыхъ умножается въ геометрической прогрессіи. Поэтому, уже съ давнихъ поръ позаботились о томъ, чтобы обезпечить за душою необходимое содержаніе. Въ опредѣленные храмы жертвовали извѣстныя суммы на поминовеніе души, съ обязательствомъ, приносить ей жертвы. Но еще лучше было позаботиться объ этомъ посредствомъ сверхъестественныхъ средствъ. Необходимые съѣстные припасы при-

готовляли изъ дерева или изъ камня: въ гробницу умершаго вкладывали маленькія изображенія кухонъ и хлѣбныхъ магазиновъ. Вѣдь были извѣстны заговоры, посредствомъ которыхъ можно было доставить умершимъ пользованіе всѣми этими вещами. Ту-же цѣль преслѣдовали изображенія на стѣнахъ склеповъ. Каждый набожный человѣкъ, проходя мимо могилы, также былъ обязанъ подумать о благѣ умершаго. Почти на каждомъ могильномъ камнѣ написана просьба къ прохожимъ произнесть завѣдомо дѣйствительный заговоръ: „Тысячу кружекъ пива, тысячу булокъ, тысячу быковъ, тысячу утокъ и т. д. за душу усопшаго такого-то“.

Мѣстопребываніемъ душъ умершихъ признавался то западъ, гдѣ находится великая ливійская пустыня и гдѣ заходитъ солнце, то подземный міръ. Нѣкоторые представляли себѣ звѣзды—душами умершихъ, другіе вѣрили въ блаженную жизнь на небѣ среди боговъ. Тамъ, гдѣ, какъ мы видѣли, представляли себѣ такія же отношенія въ загробномъ мірѣ, какъ и на землѣ, мертвые занимались любимой работой египтянъ, земледѣліемъ, которое, однако, давало мертвымъ совсѣмъ иные плоды, чѣмъ земнымъ жителямъ. „Тамъ“ хлѣбъ вышиною въ 7 локтей и изъ нихъ три идутъ только на колосья. Со временъ „средняго царства“ напали на мысль облегчить мертвымъ даже эту работу. Мертвецамъ вкладывали въ могилу маленькія фигурки съ земледѣльческими орудіями, надписывая на нихъ имя умершаго; написавъ особый заговоръ, дѣлали для мертваго возможнымъ пользоваться этими орудіями.

Владыкою царства мертвыхъ въ древнѣйшее время признавался, повидимому, Анубисъ; его священный звѣрь, шакалъ, бродитъ, подобно привидѣнію, въ пустынѣ, вокругъ могилъ, какъ бы сторожа ихъ. Однако, уже въ весьма раннюю пору Анубисъ былъ вытѣсненъ образомъ Озириса, „великаго бога Абидоса, перваго изъ тѣхъ, что на западѣ“ и сталъ второстепеннымъ богомъ. Чрезвычайно древнимъ было воззрѣніе, что мертвые живутъ не только подъ властью Озириса на томъ свѣтѣ, но просто растворяются въ немъ, т. е. сами становятся Озирисомъ. Отсюда уже съ древнѣйшихъ временъ вошло въ обычай называть умершаго „Озирисъ такой-то“.

На пути къ своему будущему мѣстопребыванію, душа должна была перенести много опасностей. Разные демоны подстерегали ее; ей приходилось шагать черезъ ворота, охраняемыя дурными сторожами, или же попасть въ зависимость отъ милости своего провожатаго. Противъ всего этого были могучіе заговоры, но именно ихъ слѣдовало знать, а ихъ было много и знать ихъ не легко. Поэтому ихъ надписывали и клали мертвому въ могилу. Это и есть, такъ наз., книги мертвыхъ, составляющія наибольшую часть сохранившихся египетскихъ папирусовъ. Приблизительно въ началѣ „новаго царства“ содержаніе и порядокъ такой книги были урегулированы. Подобные тексты содержатся уже, однако, въ надписяхъ на пирамидахъ 6-ой династіи.

Не каждый умершій пользовался радостями того свѣта. Уже въ древнѣйшихъ текстахъ подчеркивается необходимость безгрѣшности умершаго, а въ позднѣйшее время судьба души была поставлена въ зависимость отъ приговора 42 грозныхъ судей надъ мертвымъ, передъ которыми умершій долженъ доказать свою невиновность. Съ этимъ тѣсно связано представленіе о взвѣшиваніи сердца, при чемъ вмѣсто гири положенъ знакъ, обозначающій правду. Что дѣлается съ душами, не выдержавшими этого испытанія? На этотъ вопросъ пока не найдено отвѣта въ памятникахъ. Судъ этотъ происходилъ, однако, въ *подземномъ мірѣ* и, вѣроятно, лишь непониманіе этого обстоятельства вызвало извѣстный разсказъ Діодора о судѣ, производимомъ на землѣ, передъ погребеніемъ.

Въ настоящее время, произнесеніе слова Египетъ невольно напоминаетъ о муміи. Въ теченіе всей исторической эпохи, и до христіанскихъ временъ, въ Египтѣ существовалъ обычай бальзамировать трупы.

Находятъ лишь весьма скудные слѣды другихъ способовъ погребенія. Руководящей мыслью является здѣсь та, что для души облегчается узнаваніе тѣла, на случай, если она вновь вздумаетъ отыскать его. Сюда, кажется, относится также обычай ставить умершему статую съ возможно точнымъ изображеніемъ чертъ его лица. Однако, все это лишь простыя догадки.

При бальзамированіи вынимали легко гніющія внутренности и помѣщали ихъ въ 4 особыхъ сосуда, крышки которыхъ были съ изображеніями 4 боговъ, считавшихся особыми покровителями умершаго. Первоначально вмѣсто сердца вкладывали,—вѣроятно, для предохраненія его отъ всякихъ злыхъ вліяній, — камень. Отсюда возникъ затѣмъ обычай класть снаружи на тѣло, на мѣстѣ, гдѣ находится сердце,

камень въ видѣ священнаго жука; на этомъ камнѣ изображены надписи, гдѣ сказано, что умершій проситъ свое сердце, „полученное имъ отъ матери“, не высказаться противъ него на страшномъ судѣ въ подземномъ мірѣ. Затѣмъ трупъ обработывали разными способами и, наконецъ, обрачивали массою полотнятыхъ повязокъ, въ которыя вкладывали тамъ и сямъ различные амулеты. Число этихъ амулетовъ и формальностей, соблюдавшихся при погребеніи, стало въ позднѣйшія времена невѣроятнымъ. Изъ многихъ символическихъ дѣйствій надъ набальзамированной мумией однимъ изъ важнѣйшихъ было, такъ наз., „раскрываніе рта“, о значеніи котораго мы, впрочемъ, ровно ничего не знаемъ.

Формы гробовъ постепенно много разъ измѣнялись. Положеніе, величина и украшеніе гробницъ, конечно, зависѣли отъ мѣста, времени и отъ имущества обладателей. Гробницы царей древняго царства, пирамиды, стали существеннымъ признакомъ Египта. До самой 17-ой династіи форма пирамидъ,—правда, весьма скромной величины,—удержалась для царскихъ гробницъ. Подобно большей части египетскихъ могилъ, онѣ находятся на западномъ берегу и въ области, которой болѣе не достигаетъ наводненіе. Эти исполинскія каменныя громады содержатъ внутри лишь сравнительно малый склепъ и проходъ, необходимый для внесенія туда гроба. Если въ пирамидѣ содержится нѣсколько ходовъ, это почти всегда служитъ доказательствомъ измѣненія первоначальнаго плана. Древнѣйшія пирамиды совершенно лишены надписей. Лишь съ 6-ой династіи вошло въ обычай расписывать внутреннюю поверхность священными текстами. Эти тексты (пирамидные тексты), конечно, возникли гораздо раньше 6-ой династіи и должны, по всей вѣроятности, считаться вообще самыми древними изъ сохранившихся памятниковъ египетской литературы. Къ каждой пирамидѣ принадлежалъ храмъ, служившій культу соотвѣтственнаго царя. Въ нижней части Египта, гдѣ стѣны скалъ, включающія долину, менѣе высоки, гробницы состоятъ изъ свободно поднимающихся на плоскости сооруженій. Всего важнѣе здѣсь гробницы древняго царства, такъ называемыя мастабас. Глубокая шахта ведетъ внутрь земли къ настоящему гробовому склепу. Устье этой шахты окаймлено огромной каменной массой, обладающей формою сильно притупленной пирамиды. Лишь съ одной стороны въ зданіи вообще вполнѣ массивномъ оставлено маленькое помѣщеніе, служащее для поклоненія умершему. Эти

помѣщенія изображены или описаны въ многочисленныхъ рисункахъ и надписяхъ древняго царства. Настоящій могильный склепъ почти всегда остается неописаннымъ. На западной сторонѣ камеры, служащей для культа, всегда находится изображеніе двери, указывающее на то мѣсто, передъ которымъ слѣдовало произносить молитвы по умершемъ. Передъ этой дверью, которая находится почти въ каждой гробницѣ по всему Египту, находится жертвенный столъ, а сзади находится по большей части малое помѣщеніе, содержащее статуи, изображающія умершаго. Отъ гробницъ позднѣйшаго времени въ Нижнемъ Египтѣ сохранились почти однѣ развалины: ясно, что гробницы эти строились не такъ прочно, какъ прежнія.

Въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ область наводненія тѣсно примыкаетъ къ высокимъ стѣнамъ, окаймляющимъ долину, мы находимъ менѣе свободныя могильныя сооруженія. Сюда принадлежатъ, прежде всего, гробницы „средняго царства“ съ ихъ малыми пирамидами, извѣстными особенно по изображеніямъ могильныхъ камней. Верхній Египетъ въ особенности представляетъ развитіе каменныхъ построекъ. Мощные ходы и залы, прорытые здѣсь египтянами въ скалахъ, еще и теперь возбуждаютъ наше изумленіе. У этихъ гробницъ, высѣченныхъ въ скалахъ, комнаты для поклоненія находились то въ скалѣ, то (если было достаточно мѣста) въ особыхъ храмахъ, сооруженныхъ для этой цѣли передъ гробницами на равнинѣ. Такъ, напр., почти всѣ большіе храмы на западной сторонѣ Ѳивъ представляютъ такія усыпальницы.

Почти всѣ эти большія гробницы предназначены собственно лишь для одного лица, хотя также иногда въ одной могилѣ съ мужемъ хоронили также жену и дѣтей. Но никогда нѣтъ фамильныхъ склеповъ въ томъ смыслѣ, чтобы уже заранѣе былъ сооруженъ склепъ для погребенія многихъ поколѣній одной семьи. Такъ какъ преемники заботились лишь о своихъ собственныхъ могилахъ, то предшественники не могли на нихъ разсчитывать. Кто могъ, сооружалъ себѣ гробницу еще при жизни, по возможности близъ могилы отца, чтобы быть съ нимъ вмѣстѣ, и притомъ на почвѣ, которою раньше еще не пользовались для могилы. Само собою разумѣется, что послѣднее не всегда строго соблюдалось. Кто умеръ на чужбинѣ, еще до смерти долженъ былъ позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы быть погребеннымъ въ своемъ родномъ городѣ. Кто только могъ, тотъ заклады-

валъ свою могилу по близости отъ знаменитаго святилища или, по крайней мѣрѣ, ставилъ туда памятникъ (поминальный камень). Въ „среднемъ царствѣ“ особенно предпочитали съ этой цѣлью Абидосъ, древній городъ Озириса.

Отдѣльную гробницу, конечно, могли себѣ сооружать лишь состоятельные люди. Для бѣднѣйшихъ классовъ заботились о сооруженіи общихъ могилъ; вѣроятно, существовали для этого особые подрядчики. Даже для бальзамированія существовало по крайней мѣрѣ три способа разной доброкачественности и цѣны. Гробы общихъ могилъ украшены просто, тѣсно наслоены другъ на друга и, конечно, содержатъ лишь совсѣмъ простыя приношенія. Въ греческую и римскую эпоху способъ погребенія низшихъ классовъ, кажется, былъ особенно хорошо упорядоченъ. Изъ селеній посылались муміи въ большіе города и тамъ ихъ хоронили въ общихъ кладбищахъ. Отдѣльнымъ муміямъ привѣшивали ярлыки съ именами, съ обозначеніемъ сословія и происхожденія, и такихъ ярлыковъ сохранилось множество.

Кажется, какъ будто египтянамъ только и было дѣла, что заботиться о своихъ гробницахъ. Это навѣрное не доходило до такой степени, какъ можно было бы судить по показаніямъ греческихъ писателей, особенно позднѣйшихъ. Но, во всякомъ случаѣ, для ремесленной и художественной жизни египтянъ работы по украшенію могилъ имѣли величайшее значеніе. Мы, люди новой эпохи, можемъ только поблагодарить египтянъ за дѣятельность: почти все, что намъ извѣстно о жизни Египта, выведено изъ изображеній и приношеній, находимыхъ въ гробницахъ; при сухости климата, все это сохранилось такъ, какъ ни въ какой иной странѣ.

Искусство.

Если на первый взглядъ кажется, какъ будто египтяне во всѣ времена стояли на одинаковой ступени развитія, то этому виной главнымъ образомъ тотъ способъ, какимъ они передали намъ свою внѣшность и жизнь въ произведеніяхъ пластическаго искусства. Основныя начала этого искусства остались незыблемыми. Что первоначально зависѣло отъ недостаточнаго умѣнья, постепенно превратилось въ старину, намѣренно сохранявшуюся по преданію. Сюда присоединяется то обстоятельство, что при своеобразности этихъ правилъ,

отказаться отъ нихъ—значило бы произвести настоящую революцію, особенно въ области рисовальнаго искусства. Но египтяне больше всего боялись переворотовъ.

Единственный серьезный переворотъ былъ у нихъ предпринятъ, какъ уже замѣчено, Аменофисомъ IV, но этотъ переворотъ былъ насильственно подавленъ, и когда позднѣе, при Птолемеяхъ, греческое искусство впервые представилось египтянамъ въ сколько-нибудь полномъ видѣ, то искусство Египта, даже при величайшей доброй волѣ, болѣе не было способно самостоятельно переработать новыя идеи. Даже въ области скульптуры, гдѣ подобное предпріятіе представляло наименѣе трудностей и гдѣ, дѣйствительно, были попытки подобнаго рода, явились лишь жалкія помѣси, неспособныя удовлетворить кого бы то ни было. Впрочемъ, долгая привычка рѣдко позволяла возникнуть сознанію неестественности многихъ изображеній. Даже намъ въ настоящее время еще не очень трудно присмотрѣться къ египетскому способу изображенія. Разъ мы усвоимъ египетскія правила, то поймемъ, что египтяне сдѣлали все, что было возможно въ этихъ предѣлахъ.

Начнемъ съ рисованія человѣческой фигуры, такъ какъ эта сторона египетскаго искусства всего больше насъ шокируетъ. Голову всегда рисуютъ въ профиль. Рѣзко выраженная склонность египтянъ ко всему характеристичному находила удовлетвореніе всего болѣе въ профилѣ, позволяющемъ всего проще нарисовать настоящій портретъ. Плечи, однако, разсматривались спереди, такъ какъ такимъ образомъ всего легче можно было воспроизвести трудное сочлененіе. Ноги опять рисовались сбоку. Между ними и плечами туловище помѣщается такъ, что задній контуръ представляетъ видъ туловища, разсматриваемаго спереди, тогда какъ передній контуръ даетъ профильное изображеніе; область пупка видима до половины въ профиль.

Нѣкоторыя другія подробности, какъ, напр., глаза, всегда направленные впередъ, кисти рукъ, видимыя всегда съ тыльной стороны, при невозможномъ положеніи большого пальца,—все это бросается въ глаза на большинствѣ рисунковъ. Поразительная увѣренность, съ которою придѣланы другъ къ другу эти разрозненные члены, на практикѣ совсѣмъ уничтожаетъ тревожное чувство, которое явилось бы при теоретическомъ построеніи фигуры по такимъ правиламъ.

Гораздо болѣе удовлетворительны рисунки, изображающіе

животныхъ. Здѣсь сразу представлялся ясный контуръ; сверхъ того, египтяне всегда очень любили животныхъ, и пріятно видѣть, какъ художникъ, можно сказать, углубляется въ характеръ животнаго. Рисунки вродѣ быковъ, антилопъ и птицъ на гробницахъ древняго царства могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями другихъ народовъ.

Какимъ образомъ египтяне обходились совсѣмъ безъ перспективы, рисуя деревья, утварь и т. п., это потребовало бы слишкомъ долгихъ разъясненій. Всюду изумляетъ ловкость, съ которою они умѣютъ изобразить рѣзкое очертаніе предмета. При этомъ, конечно, на каждомъ шагу попадаются диковинки: такъ, напр., часто изображается рыбная ловля помощью копьевъ, при чемъ прудъ рисуютъ съ птичьяго полета, посреди чащи папирусовъ. Для пониманія большихъ египетскихъ рисунковъ всегда слѣдуетъ помнить, что нагроможденное сверху почти всегда слѣдуетъ представить себѣ стоящимъ рядомъ съ изображеннымъ ниже.

Древнѣйшія дошедшія до насъ рельефныя изображенія временъ 4-ой династіи выказываютъ уже такую-же высоту техники, какъ наилучшія позднѣйшія изображенія; но здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе извѣстную суровость рисунка и расположенія. Эта суровость, достигающая порою грубости, однако, совершенно исчезаетъ въ превосходныхъ могильныхъ рельефахъ 5-ой династіи, изъ которыхъ наилучшіе это рельефы Ти, Сабу и Манофера, но въ особенности рельефъ Птахготепа (Ptahhotep). Въ композиціяхъ, заимствованныхъ почти исключительно изъ обыденной жизни, господствуетъ такая свѣжесть, живость и ясность, что ихъ разсматриваешь всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ. Прекрасный известнякъ Мокаттамскихъ горъ подлѣ Каира представлялъ въ этомъ случаѣ отличный матеріалъ для художниковъ.

Среднее царство немного присоединило къ произведеніямъ древняго царства. Нѣкоторыя, часто встрѣчающіяся, группы обработаны болѣе тонко. Въ особенности же появляются, хотя и въ одиночку, новые типы изображеній, напр., являются сцены воинственныхъ подвиговъ, изображаются иноземныя народности и, что особенно стоитъ замѣчанія, являются изображенія погребальныхъ процессій. Полное измѣненіе положенія государства въ новомъ царствѣ также наложило свою печать на изображенія той эпохи. Рядъ изображаемыхъ событій значительно возрастаетъ, композиціи становятся болѣе богатыми и, кажется, какъ будто египтяне были на хорошей

дорогѣ къ техникѣ, болѣе соотвѣтствующей нашимъ воззрѣніямъ. Нигдѣ не проявляется порою поражающая насъ увѣренность египетскаго рисунка такъ явственно, какъ на покрытыхъ рисунками стѣнахъ ѳивскихъ гробницъ 18 династіи, сооруженныхъ, какъ мы знаемъ, въ скалахъ. Художники новаго царства берутся даже за пейзажи, они пытаются рисовать группы домовъ, при чемъ, впрочемъ, обнаруживаютъ своеобразное смѣшеніе плана съ фасадомъ, дающее порою причудливыя фигуры. Болѣе удачны изображенія сутолоки животныхъ на охотѣ или на птичьемъ дворѣ. Но спокойный ходъ развитія былъ прерванъ внезапнымъ вмѣшательствомъ реформатора Аменоѳиса IV. Пытаясь замѣнить прежнюю религію новой, онъ въ то же время ввелъ и другія реформы; въ искусствѣ также то, что только было намѣчено, внезапно получило полное развитіе. Много новыхъ мыслей является въ выборѣ предметовъ и въ рисункѣ. Но такъ какъ это новое искусство было тѣсно связано съ религіозной ересью и вѣрность природѣ часто стала переходить въ каррикатуру, то, къ сожалѣнію, послѣ подавленія этого религіознаго движенія, совершенно были уничтожены и эти зачатки новаго искусства.

Въ то время, какъ искусство 18-ой династіи болѣе всего отличается тѣмъ, что, при всѣхъ своихъ новыхъ идеяхъ, все же постоянно сознаетъ границы своего умѣнья, — художниковъ позднѣйшей эпохи новаго царства нерѣдко покидало такое благоразуміе. До сихъ поръ военные походы прославляли почти исключительно посредствомъ типическаго изображенія царя, который убиваетъ военноплѣннаго. Теперь художники отважились изображать также свалку въ большомъ сраженіи. Но эту попытку постигла неудача, чего и слѣдовало ожидать. Вскорѣ отказываются и отъ этихъ попытокъ, и этимъ собственно оканчивается развитіе новыхъ идей въ живописи. Въ гробницахъ съ этихъ поръ господствуютъ изображенія погребальныхъ процессій и изображенія загробной жизни, а на общественныхъ зданіяхъ повторяются надоѣдливо-типичныя изображенія разныхъ церемоній. Даже „возрожденіе", т. е. эпоха 26-ой династіи, не даетъ болѣе ничего новаго. Работы этой эпохи, правда, представляютъ нѣкоторую прелесть, но, въ сущности, это не болѣе, чѣмъ простыя подражанія произведеніямъ древняго царства.

Вышеизложенныя правила дѣлаютъ яснымъ, что для египтянъ живопись и рельефъ, въ сущности, представляютъ одно

и то-же. Рельефъ для египтянина есть лишь прочно сдѣланная картина. Въ самомъ легкомъ моделлированіи внутреннихъ поверхностей уже древнее царство достигло самаго большаго, чего только можно было достигнуть. Работы послѣдующей эпохи, за немногими исключеніями, въ этомъ отношеніи не могутъ сравняться съ древнѣйшими работами. Слѣдуетъ отличать два рода рельефа: полный рельефъ и полурельефъ (relief en creux у французовъ). Различіе это становится яснымъ при первомъ взглядѣ на памятники. Живопись у египтянъ работаетъ лишь покрывающими красками, выполняя ими контуры. Количество употребляемыхъ красокъ и цвѣтовъ ограничено, но употребленіе ихъ разсчитано на живой эффектъ.

Разсматривая рельефы, мы видимъ еще нѣкоторое прогрессированіе въ умѣньи до самаго новаго царства; иное дѣло статуи. Здѣсь, въ общемъ, наблюдается постепенный упадокъ. Немногія сохранившіяся произведенія 3-ей династіи, правда, обнаруживаютъ еще извѣстную неумѣлость; но какъ жизненны, напр., нѣсколько грубоватыя черты кораблестроителя въ Британскомъ Музеѣ. Совершенство достигается въ статуяхъ 4-ой и 5-ой династій, изъ которыхъ общеизвѣстны Ра-Готепъ и его жена, сидящій на корточкахъ писецъ [1]) и, въ особенности, такъ называемый—Шейхъ-эль-беледъ. Отъ средняго царства, правда, сохранились напр. статуи, сохранившія намъ изображеніе костляваго лица Аменемфета III; затѣмъ находящіеся въ Гизехскомъ музеѣ сфинксы—все это мастерскія произведенія; но, въ общемъ, работы этой эпохи далеко уступаютъ произведеніямъ древняго царства. Трудно обработываемый матеріалъ—гранитъ, которымъ въ древнемъ царствѣ еще неохотно пользовались для статуй, подвергся въ среднемъ царствѣ такой обработкѣ, которая, пожалуй, представила бы трудности даже для новѣйшей техники.

Статуи новаго царства начинаютъ уже выказывать ту гладкость, которая такъ непріятно дѣйствуетъ въ позднѣйшихъ египетскихъ произведеніяхъ. Портреты идеализируются, является стремленіе къ изяществу, которое особенно наслаждается мелочной передачей складокъ одежды. Но, во всякомъ случаѣ, напр., находящаяся теперь въ Туринѣ статуя Рамзеса II, одна безъименная голова царицы и рядъ мелкихъ статуй могутъ быть названы славными произведеніями.

[1]) Эта статуя находится теперь въ Парижѣ, въ Луврѣ; она относится къ эпохѣ около 3000 л. до Р. Х. *Перев.*

Одна статуя реформатора Аменоѳиса IV вообще является лучшей изъ дошедшихъ къ намъ царскихъ статуй. Изъ немногихъ сохранившихся фигуръ животныхъ, изваянныя при Аменоѳисѣ III фигуры львовъ, находящіяся теперь въ Британскомъ музеѣ, едвали могутъ быть превзойдены въ дѣлѣ передачи спокойной, мощной силы.

Кажется, какъ будто „новое царство" хотѣло вознаградить себя за недостатокъ художественности посредствомъ увеличенія статуй до чудовищныхъ размѣровъ. Извѣстные колоссы Мемнона, изображающіе Аменоѳиса III, имѣютъ вышину 17 метровъ. Правда, этихъ великановъ можно представить себѣ лишь въ связи съ высокими храмовыми постройками. У этихъ исполиновъ также мы видимъ нѣкоторое достоинство, а именно увѣренность, съ которою скульпторъ владѣетъ матеріаломъ и соблюдаетъ пропорціи. Сохраняемая въ Британскомъ музеѣ голова одной статуи Аменоѳиса III показываетъ, какъ хорошо знали египтяне, что при такой вышинѣ статуи необходимо позаботиться о перспективномъ дѣйствіи посредствомъ малыхъ отступленій отъ точнаго слѣдованія природѣ.

Въ позднѣйшее время виртуозность въ дѣлѣ обработки камня постепенно всецѣло одерживаетъ верхъ надъ стремленіемъ къ выраженію идеи. Головы этой эпохи, большею частью сладко ухмыляющіяся, мало радуютъ взоръ. Съ внѣшней стороны онѣ приближаются къ произведеніямъ древняго царства.

Назначеніе статуй быть жилищами для душъ умершихъ или же служить частями архитектурныхъ произведеній предоставило просторъ развитію лишь немногихъ типовъ. Для обѣихъ цѣлей представлялась египтянамъ подходящею лишь одна серьезная, полная достоинства поза, которая естественно всегда удерживалась въ изображеніяхъ царскихъ фигуръ. Среди изображеній боговъ, нѣкоторыя, какъ, напр., Минъ, Пта (Ptah), Озирисъ и др., представляютъ лишь копіи древнихъ священныхъ предметовъ культа, т. е. являются возобновленіемъ давно пережитой старины.

Для оцѣнки статуй вообще не слѣдуетъ забывать, что египтяне испытывали не малое препятствіе отъ самаго матеріала: мраморъ, матеріалъ греческихъ мастеровъ, совершенно у нихъ отсутствовалъ.

Египетскій орнаментъ есть, по преимуществу, растительный орнаментъ, при чемъ основныя растительныя формы

очень искусно примѣняются къ данному стилю. Лотосъ и папирусъ, разумѣется, играютъ главную роль. Прекрасные, свободно нарисованные растительные орнаменты находятся на развалинахъ дворца въ Телль-эль-Амарна. Линейный орнаментъ, порою чрезвычайно красивый, объясняется въ значительной мѣрѣ образчиками пряжи и тканей: такъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ орнаментовъ представляетъ не что иное, какъ связанные въ бахромки концы нитей отъ ткани. Дальнѣйшее протяженіе улиткообразныхъ линій въ „новомъ царствѣ“, вѣроятно, зависитъ отъ иностраннаго вліянія, особенно рѣзко выступающаго въ эту эпоху. Въ вязкомъ и равномѣрномъ нильскомъ илѣ египтяне обладали легко обработываемымъ матеріаломъ, годнымъ для обычныхъ построекъ. Еще теперь домики бѣдныхъ египетскихъ крестьянъ не болѣе, какъ грубо слѣпленныя землянки. Болѣе искусно сооруженныя зданія сдѣланы изъ кирпича; но это не кирпичъ въ новѣйшемъ смыслѣ слова. Древне-египетскій кирпичъ почти никогда не обожженъ, но по-просту высушенъ на воздухѣ. Такимъ образомъ было построено большинство служащихъ въ обыденной жизни домовъ, и отсюда происходитъ, что изъ нихъ почти ни одинъ не сохранился до нашего времени. Но немногія изображенія на рельефахъ указываютъ на легкія постройки, а не на тѣ массивныя сооруженія, которыя невольно представляются уму при мысли объ „египетской архитектурѣ“. Дѣйствительно, цѣликомъ сохранились для насъ лишь „дома вѣчности“, храмы и гробницы, сооруженные изъ болѣе прочнаго матеріала, и служившіе для болѣе серьезныхъ цѣлей.

Такъ какъ въ другомъ мѣстѣ будетъ рѣчь объ устройствѣ различныхъ зданій, то здѣсь я скажу лишь о важнѣйшихъ формахъ, которыми пользуется египетское строительное искусство.

Происхожденіе Египта изъ нильскаго ила объясняетъ, почему стѣны зданій въ Египтѣ почти всегда обнаруживаютъ косыя внѣшнія поверхности. Массы ила получаютъ при такомъ способѣ постройки болѣе устойчивости. Почти никогда главныя стѣны не встрѣчаются подъ острымъ угломъ; онѣ почти всегда замкнуты круглымъ столбомъ, обвитымъ перевязками. Сверху надъ круглымъ столбомъ стѣны замыкаются желобкомъ (какой въ архитектурѣ называется голькелемъ, отъ нѣмецкаго Hohlkehle). Для покрытія внутреннихъ комнатъ, по крайней мѣрѣ со временъ новаго цар

ства, употреблялись кирпичные своды. Каменные своды не встрѣчаются, но порою меньшія комнаты покрыты ложными сводами. Подпорками для кровли служили разнаго рода колонны: „папирусные столбы“, изображающіе сте ель папируса съ распустившейся листвой; „пучки“ изъ нѣсколькихъ связанныхъ стеблей папируса; „пальмовые столбы“, „систрумовые“ столбы и разнаго рода косяки. Въ дѣлѣ изобрѣтенія и улучшенія новыхъ формъ колоннъ мы встрѣчаемъ замѣчательныя произведенія даже въ позднѣйшую эпоху Птолемеевъ. Внутреннее устройство въ высшей степени разнообразно. Любимой идеей египтянина было при этомъ представить себѣ домъ въ видѣ изображенія вселенной. Пруды, кишащіе утками и рыбами, и густыя чащи покрываютъ полъ, откуда поднимаются столбы въ видѣ пальмъ и папирусовъ; наверху высится потолокъ, покрытый изображеніемъ неба съ летающими птицами или съ звѣздами.

Литература и наука.

Если что-либо въ особенности содѣйствовало тому, что имя Египта было окружено таинственнымъ ореоломъ, то, конечно, главнымъ образомъ, представленіе о глубокой, необычайно древней мудрости, яко-бы скрывающейся въ надписяхъ. Едва-ли есть мечта, до такой степени опровергнутая наукой, какъ эта. Въ египетскихъ надписяхъ нельзя найти ничего, что могло бы служить въ ея пользу. Надежда открыть въ іероглифахъ еще первобытное образное письмо также не осуществилась. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, египтяне выступаютъ передъ нами уже съ *готовой* цивилизаціей.

Основаніемъ египетскаго письма являются 24 знака, обозначающіе согласныя. Что касается гласныхъ, то египетское письмо, подобно семитическимъ, не содержитъ для нихъ обозначеній. Такъ, напр., если надо написать слово, хорвъ (horw), обозначающее день, то пишутъ три согласныя, обозначающія h, r, w, и присоединяютъ знакъ ⨀, обозначающій солнце. Этотъ послѣдній знакъ относится къ числу такихъ, которые ставятся при каждомъ словѣ, съ цѣлью намека на приблизительный его смыслъ. Такъ, напр., знакъ,

похожій на сидящаго на корточкахъ человѣка, приложившаго указательный палецъ ко рту, обозначаетъ ѣсть, говорить и т. п. Знакъ въ видѣ удлиненнаго въ горизонтальномъ направленіи четыреугольника (не вполнѣ сомкнутаго въ серединѣ нижняго основанія) обозначаетъ планъ дома, зданіе. Знакъ, имѣющій видъ прямоугольника съ фигуркой на серединѣ верхняго основанія, вродѣ узла съ двумя концами веревки, обозначаетъ свитокъ папируса, а также—отвлеченныя понятія. Знакъ вродѣ руки съ оружіемъ обозначаетъ, кромѣ прямого смысла, также насиліе; знакъ, обозначающій двѣ ноги, значитъ также стоять и ходить; знакъ, обозначающій кусокъ шкуры, обозначаетъ также кожаныя вещи и т. д. Іероглифы представляли поэтому простое и ясное письмо; однако, вопросъ нѣсколько усложняется тѣмъ, что сохранилось еще много остатковъ отъ древняго образнаго письма и отъ переходнаго времени. Большая часть іероглифовъ—это словесные знаки, первоначально обозначавшіе предметъ.

Такъ, напр., знакъ, обозначающій зайца, обозначаетъ вообще сочетаніе звуковъ *wn*, выражающее фонетически не только зайца, но и открывать, быть и т. п. Знакъ въ видѣ танцора обозначаетъ не только танцовать, но и вообще сочетаніе звуковъ *trf*. Знакъ въ видѣ лютни или гитары обозначаетъ вообще *nfr*, а поэтому обозначаетъ и слово добрый; знакъ въ видѣ горизонтально поставленнаго выпуклой стороной внизъ молодого мѣсяца обозначаетъ губу и вообще сочетаніе звуковъ *spr*, почему обозначаетъ и понятіе достиженія. Рисунокъ въ видѣ ласточки обозначаетъ сочетаніе *wr* и поэтому также слово добрый и т. д.

Съ этими словесными знаками своеобразно соединены буквы. Впереди такого знака или, наоборотъ, сзади его ставятъ согласныя, указывающія на произношеніе слова. Такъ напр., къ знаку лютни, обозначающему сочетаніе *nfr*, прибавляютъ еще знаки, обозначающіе согласныя *f* и *r*, такъ, что получается въ сущности сочетаніе *nfr+f+r*. Многіе словесные знаки, соотвѣтствующіе двумъ согласнымъ, превращаются въ родъ обозначенія слоговъ: ихъ вставляютъ въ любыя другія подходящія слова. Пусть, напр., надо написать слово часъ wnwt. Рисуютъ зайца, обозначающаго слогъ *wn*, и присоединяютъ знаки, обозначающіе n, nw, w, t. Чтобы написать слово *wrh* (натирать мазью, умащать), рисуютъ ласточку, обозначающую слогъ *wr*, и присоединяютъ знаки, обозначающіе *r* и *h*. Способъ соединенія этихъ раз-

личныхъ знаковъ былъ уже въ глубокой древности регулированъ прочно установленнымъ правописаніемъ.

Подробныя формы іероглифовъ употреблялись только для надписей на камняхъ и порою для священныхъ рукописей. Для обыденныхъ цѣлей отдѣльные знаки сокращались и получалось іератическое письмо, очень красивое и довольно бѣглое. Въ своемъ позднѣйшемъ видѣ оно едва позволяетъ распознать первичную форму іероглифовъ (демотическое письмо).

Естественно, было не легко усвоить подобную грамоту. Грамотные люди имѣли основаніе гордиться своимъ знаніемъ, и египетскіе писцы не знали болѣе высокаго и выгоднаго положенія, нежели ихъ собственное; они же занимали большую часть чиновничьихъ мѣстъ. Насколько было распространено искусство письма также среди низшихъ классовъ, этого мы не знаемъ; объ общественныхъ профессіональныхъ писцахъ ничего не говорится.

Обученіе, кажется, всегда происходило въ школахъ, которымъ оказывали поддержку богатыя храмовыя управленія. Частое списываніе всякаго рода текстовъ было наилучшимъ средствомъ для усвоенія формы и содержанія переписаннаго. Такія школьныя рукописи сохранились въ большомъ количествѣ. Древнія прославленныя моральныя сочиненія, разсказы, сочиненія религіознаго и магическаго содержанія, но еще чаще письма служили образцами для списыванія. Рукописи часто снабжены поправками учителя, относящимися, впрочемъ, лишь къ формѣ отдѣльныхъ знаковъ. Письменныя принадлежности состояли изъ папируса, черной и красной туши и тонкихъ тростниковыхъ палочекъ, расщепленныхъ на концѣ въ видѣ кисточки.

Что касается содержанія, то египетская письменность, несмотря на ея чудовищный объемъ, не очень разнообразна. На стѣнахъ храмовъ и гробницъ и на могильныхъ камняхъ мы, естественно, не можемъ разсчитывать найти большое количество настоящихъ литературныхъ произведеній. Изъ нагроможденныхъ формулъ и немногихъ фактическихъ данныхъ, по большей части, составлены славословія царей, боговъ и умершихъ; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно найти здѣсь какъ-бы заблудившійся въ этихъ дебряхъ подробный разсказъ. Да и папирусы въ сущности содержатъ весьма немногое, если мы оставимъ въ сторонѣ многочисленныя религіозныя рукописи. Чисто изъ удовольствія разсказывать, безъ

всякой поучительной или иной задней мысли, возникли сказки, сохранившіяся въ изрядномъ количествѣ отъ всевозможныхъ эпохъ. Простымъ и тѣмъ болѣе для насъ пріятнымъ языкомъ разсказана въ нихъ исторія двухъ братьевъ, жившихъ между собою въ мирѣ, пока, наконецъ, не произошла между ними распря, напоминающая библейскій разсказъ, о продажѣ Іосифа братьями. Въ такомъ же родѣ сказка объ очарованномъ царевичѣ, сватающемъ сирійскую царевну; о чудесахъ великихъ волшебниковъ, жившихъ въ эпоху сооруженія пирамидъ; о чудесныхъ приключеніяхъ моряка, въ Индійскомъ океанѣ и т. п. Такіе разсказы часто связаны съ историческими происшествіями. Такъ, напр., есть фактическіе разсказы о взятіи города Яффы въ походѣ Ѳутмозиса III, а также объ изгнаніи гиксовъ. Изъ такого рода источниковъ происходитъ большая часть того, что напр., говоритъ Геродотъ объ египетской исторіи. Это, по большей части, наивные разсказы, передаваемые безъ ораторскихъ прикрасъ; другіе оказываются произведеніями ученыхъ писцовъ. Всего интереснѣе разсказъ о жизни одного знатнаго египтянина, бѣжавшаго въ царствованіе Аменемгета I въ Палестину, гдѣ онъ долго пробылъ и откуда возвратился настоящимъ бедуиномъ. Многочисленныя рѣчи и письма, вставленныя въ этотъ разсказъ, уже отличаются падкостью къ необычайнымъ или устарѣвшимъ словамъ и оборотамъ рѣчи, дѣлающимъ для насъ почти неудобочитаемыми многія египетскія литературныя произведенія. Другой разсказъ „средняго царства" придуманъ лишь съ тою цѣлью, чтобы по возможности составить какъ можно больше такихъ великолѣпныхъ рѣчей.

Молодымъ писцамъ, вѣроятно, стоило не мало труда усвоить такой прекрасный стиль. Ясность и чистота, т. е. то, что всего болѣе восхищаетъ насъ въ хорошемъ стилѣ, это не тѣ качества, которыхъ всего болѣе добивается египтянинъ. Чѣмъ темнѣе и необычайнѣе выраженія, которыя онъ умѣетъ примѣнить, тѣмъ болѣе гордится онъ ими. Многіе достигли въ этой области поразительнаго искусства. Не только мы не способны понять этого краснорѣчія, но то-же бывало и со многими египтянами: такъ, одинъ писецъ сознается товарищу, что не понимаетъ „ни хорошаго ни худого въ древней книгѣ царевича Гардэдефа". Впрочемъ, и этому чистосердечному человѣку его неспособность пониманія тотчасъ ставится въ упрекъ болѣе образованнымъ коллегою. Онъ написалъ о приключеніяхъ одного воина въ Сиріи, и это сочиненіе

разбирается коллегою по косточкамъ, чтобы показать, на сколько ученѣе и умнѣе можно было-бы сдѣлать такое описаніе. Но при чтеніи этой критики мы почти готовы выразить желаніе, чтобы лучше сохранилось осмѣянное произведеніе, нежели ученыя потуги на остроуміе.

Поэзія не строго отдѣлима отъ прозы. Какъ у многихъ другихъ народовъ, такъ и у египтянъ, поэзія является въ сущности лишь болѣе благороднымъ способомъ выраженія прозы, и указанное выше стремленіе къ необыкновеннымъ выраженіямъ въ прозаической рѣчи часто совпадаетъ съ стремленіемъ къ поэтической окраскѣ. Однако, поэзія обладаетъ еще особой формой, такъ наз. „параллелизма членовъ", что мы видимъ и въ древнееврейской поэзіи. Что касается отдѣльныхъ родовъ поэзіи, то драмъ въ уцѣлѣвшихъ произведеніяхъ вовсе нѣтъ, отъ эпоса осталось лишь одно скудное начало, а именно стихотвореніе о сраженіи Рамзеса II съ хетами. Зато сохранились остатки басенъ и лирическихъ, особенно любовныхъ пѣсенъ, заставляющіе пожалѣть о маломъ объемѣ этихъ остатковъ. Большій объемъ имѣютъ славословія въ честь царя, боговъ и т. п. Но какъ разъ эти славословія всего болѣе отличаются напыщенностью и монотонностью. Лишь изрѣдка мы встрѣчаемъ въ нихъ новые, прекрасные образы.

Количество сохранившихся до нашего времени научныхъ сочиненій поразительно мало и содержаніе ихъ далеко не пригодно для того, чтобы позволить увѣровать въ разсказы грековъ о высокомъ уровнѣ египетской науки. Правда, самые памятники, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что лишь немногіе народы древности обладали такимъ же богатствомъ практическихъ свѣдѣній; но у египтянъ мы находимъ лишь ничтожные зачатки того, что мы называемъ наукой, т. е. переработки сырыхъ познаній съ помощью широко обобщающихъ точекъ зрѣнія. Можно было-бы утѣшиться тѣмъ, что до нашего времени сохранилась лишь ничтожная часть египетской литературы, но какъ разъ эта уцѣлѣвшая часть не даетъ намъ права прибѣгнуть къ такой увертке. Славою истинной учености Египетъ обязанъ въ сущности грекамъ, которые расположили знанія, заимствованныя у иноземцевъ, на основаніи принциповъ, давно уже ставшихъ для нихъ очевидными, благодаря ученію ихъ собственныхъ философовъ.

Искать въ Египтѣ философскихъ произведеній было бы

напрасно. То, что можно было бы сюда причислить съ нѣкоторой долей основанія, это собранія моральныхъ предписаній,—примѣрно, вродѣ библейской мудрости. Но движущая идея греческой философіи—объяснить происхожденіе міра лишь посредствомъ примѣненія естественныхъ законовъ, никогда не приходитъ на умъ египтянамъ. Во всѣ эпохи они пребывали въ оковахъ религіозныхъ фантазій.

Всего далѣе подвинулись египтяне, конечно, въ дѣлѣ нахожденія и познанія звѣзднаго неба. Правильный возвратъ наводненій Нила долженъ былъ уже съ раннихъ временъ привести къ наблюденію свѣтилъ. Египтяне соединяли звѣзды въ созвѣздія, подраздѣляли небесный сводъ на 36 такъ наз. *декановъ* и регулярно отмѣчали въ звѣздныхъ таблицахъ положеніе звѣздъ. Извѣстно, что нашъ календарь, въ концѣ концовъ, происходитъ отъ египетскаго.

Историческихъ сочиненій не сохранилось вовсе. Дѣйствительно, списки, содержащіе лишь имена царей и годы ихъ царствованія, не могутъ считаться исторіей. Эти списки служили, конечно, исключительно для практическихъ цѣлей, такъ какъ безъ нихъ было-бы невозможно разобраться въ болѣе древнихъ событіяхъ. Египтяне никогда не додумались до понятія эры; пресловутый періодъ Сотиса (Соѳиса) могъ служить для астрономическихъ вычисленій, но для хронологіи никогда не примѣнялся.

Математическія познанія египтянъ были какъ разъ достаточны для того, чтобы разрѣшить большую часть задачъ, поставленныхъ практическою жизнью. Насколько здѣсь можно вѣрить показаніямъ грековъ, разсказывающихъ объ обширныхъ познаніяхъ жрецовъ, объ этомъ судить трудно; но дошедшее до насъ математическое руководство ставитъ и рѣшаетъ лишь задачи обыденной жизни. Счетъ ведется по десятиричной системѣ; относительно дробей слѣдуетъ замѣтить, что египтянамъ извѣстны лишь дроби съ числителемъ 1. Всего лучше мы освѣдомлены на счетъ египетской медицины. Сохранившіяся произведенія указываютъ множество рецептовъ противъ всевозможныхъ болѣзней. Само собою разумѣется, до сихъ поръ почти невозможно найти соотвѣтствіе названій болѣзней и средствъ съ нашими названіями. Рецепты написаны ясно и просто; имъ часто предшествуетъ подробный діагнозъ. Значеніе приблизительно таково, какое нашли у своихъ предшественниковъ Гиппократъ и его ученики, положившіе первыя основы научной медицины. Ученіе о строеніи человѣческаго тѣла, особенно о распредѣленіи „сосудовъ“ въ тѣлѣ, представляютъ собственно единственную дѣйствительную попытку научнаго изложенія—правда, достаточно наивную съ нашей точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, высокая репутація древне-египетскихъ врачей, особенно окулистовъ, вѣроятно, имѣла основаніе.

Если въ области медицины мы видимъ первую попытку научной работы, то все же здѣсь,—еще болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ,—мы находимъ всепроницающее вліяніе колдовства и заклинаній.

Египетское искусство несправедливо упрекали въ совершенной неподвижности; мы видѣли, что до новаго царства и далѣе здѣсь порою наблюдается постоянное поступательное развитіе; но къ наукѣ этотъ упрекъ болѣе примѣнимъ. Тамъ гдѣ намъ извѣстны факты, относящіеся къ началу и къ концу длиннаго ряда, какъ, напр., въ области математики и медицины, оказывается, что позднѣйшая эпоха почти нигдѣ не сдѣлала ни шага впередъ по сравненію съ древнимъ царствомъ.

Общественная и частная жизнь.

Основою для управленія Египтомъ было въ теченіе всей древности подраздѣленіе на округи, или то, что греки называли *номоі*. Въ болѣе позднее время считалось около 40 такихъ округовъ, но число ихъ и границы, конечно, не всегда оставались одинаковыми. Смотря по потребностямъ управленія, эти округа порою соединялись два въ одинъ или, наоборотъ, раздѣлялись. Многіе изъ округовъ были чисто искусственными, созданными по образцу старинныхъ подраздѣленій. Весьма древними отличіями округовъ были изображенія, вродѣ гербовъ: эти изображенія носили на длинныхъ шестахъ, на подобіе штандартовъ. Званіе окружныхъ князей было обыкновенно наслѣдственнымъ отъ отца къ сыну, пока княжескій родъ былъ угоденъ царю. Если онъ чѣмъ-либо прогнѣвалъ царя, и если царь обладалъ достаточнымъ могуществомъ, то онъ жаловалъ даннымъ округомъ одного изъ своихъ любимцевъ. Какія отрасли управленія были въ рукахъ этихъ князей—рѣшить трудно.

Особенно вліятельнымъ положеніемъ пользовались окружные князья въ теченіе всего древняго и средняго царства;

настоящее могущество выпадало на ихъ долю только во времена ослабленія царской власти, а для Египта это были всегда времена упадка. Едва-ли есть хотя одна страна, которая нуждалась бы въ прочномъ централизованномъ управленіи въ такой мѣрѣ, какъ Египетъ: это зависитъ уже отъ особеннаго устройства ея поверхности.

Первоначально, безъ сомнѣнія, было время, когда цѣлый рядъ позднѣйшихъ округовъ представлялъ рядъ независимыхъ княжествъ. Но уже задолго до начала исторической эпохи эти княжества слились въ два царства, долгое время существовавшія независимо другъ отъ друга. Цари обоихъ царствъ носили разные титулы и носили различныя короны: царь Верхняго Египта имѣлъ „бѣлую" корону, царь Нижняго Египта—„красную". Каждое изъ обоихъ царствъ имѣло свое особое растеніе, служившее для герба: Верхній Египетъ пользовался трудно-опредѣлимымъ теперь растеніемъ, тогда какъ въ Нижнемъ Египтѣ былъ принятъ папирусъ. Божества-покровители обоихъ царствъ также были различны. Царь Верхняго Египта былъ подъ покровительствомъ грифоподобной Нехебтъ, царь Нижняго Египта считалъ своею покровительницей богиню Буто.

Соединеніе этихъ обоихъ царствъ совпадаетъ, быть можетъ, съ началомъ сохранившихся до нашего времени историческихъ преданій. Быть можетъ, и ранѣе были подобныя попытки, но, во всякомъ случаѣ, онѣ произошли не безъ борьбы и эта борьба, повидимому, оказала вліяніе на дальнѣйшее развитіе древняго миѳа о борьбѣ между Горусомъ и Сетомъ. По многимъ даннымъ приходится заключить, что Нижній Египетъ былъ колыбелью болѣе древней культуры, но въ борьбѣ между двумя царствами одержалъ побѣду Верхній Египетъ; послѣднее приходится вывести главнымъ образомъ изъ того, что самымъ обычнымъ наименованіемъ царя сталъ титулъ *сетени*, обозначавшій царя въ Верхнемъ Египтѣ.—Однако, оба царства должны были быть почти равносильными соперниками: иначе было бы непонятно, почему черезъ всю египетскую исторію удерживается тяжелое воспоминаніе объ этомъ дѣленіи.

Центромъ всей государственной жизни Египта во всѣ времена остается личность царя. Самостоятельное сотрудничество народа въ управленіи для египтянина, конечно, немыслимо. Всѣ крупныя предпріятія въ странѣ совершаются отъ имени царя и, собственно говоря, обо всемъ происходящемъ должно быть ему сообщено. Лишь потому, что онъ не въ состояніи исполнить всего лично, онъ поручаетъ чиновникамъ замѣщать свою особу. Поэтому въ надписяхъ очень часто встрѣчается выраженіе, что царь не отдыхаетъ ни днемъ, ни ночью, чтобы отыскать все, полезное для подданныхъ.

Этому идеалу царской власти, конечно, не всегда соотвѣтствовала дѣйствительность, и даже наилучшія намѣренія царей часто встрѣчаютъ помѣхи отъ всевозможныхъ силъ, играющихъ роль въ деспотически управляемомъ государствѣ, въ особенности же на Востокѣ.

Царское достоинство окружено ореоломъ святости. Оно не просто передано властителю богами; онъ самъ сынъ солнечнаго бога Ре (Ра); ему присвоено имя „добраго бога" и особенно охотно называютъ его воплощеніемъ Горуса, побѣдоноснаго юнаго бога. Безпрестанно возвращаются въ текстахъ сравненія царя съ богами, хотя лишь въ новомъ царствѣ дошли до того, что царю стали оказывать настоящее богопочитаніе еще при жизни. Подобно божественнымъ аттрибутамъ, были также строго опредѣлены всѣ отличія на одеждѣ царя. Они восходятъ въ весьма древней эпохѣ и постоянно сохранялись, хотя царская одежда постепенно становилась все болѣе богатою. Прежде всего необходимо указать на своеобразный передникъ съ висящимъ сзади львинымъ хвостомъ, головной платокъ, передній кончикъ котораго падаетъ на грудь, а задніе концы скручены вродѣ косы; болѣе всего слѣдуетъ отмѣтить изображеніе ядовитой змѣи *уракусъ*, свивающееся кольцами на лбу съ головного убора и уничтожающее враговъ царя. Обѣ диковинныя короны уже упомянуты: какъ объединитель обѣихъ странъ, царь носитъ двѣ короны—одна придѣлана къ другой. Въ „новомъ царствѣ" цари часто носили такъ называемый походный шлемъ.

Конечно, и титулъ царя былъ разработанъ самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ собственнаго личнаго имени, принадлежащаго ему, какъ „сыну Ре", царь при восшествіи на престолъ принимаетъ еще 4 различныхъ имени. Прозвище царя и то имя, которое ему принадлежитъ, какъ царю Верхняго и Нижняго Египта, всегда включаются въ овальное кольцо. Само собою разумѣется, что къ этому длинному титулу въ торжественныхъ документахъ присоединяется еще безконечный рядъ хвалебныхъ эпитетовъ.

Формы обращенія къ царю или выраженія объ его особѣ отличаются отъ выраженій о простыхъ смертныхъ. Говорятъ „его величество", „добрый богъ" или даже просто говорятъ о немъ безлично. Сюда принадлежитъ и общеизвѣстное слово *фараонъ*, или по египетски, собственно, перъо (per-o), что означаетъ „большой домъ", т. е. собственно мѣстопребываніе правительства; однако, уже съ давнихъ поръ это слово употреблялось въ смыслѣ „царь". Послѣ сказаннаго, нечего удивляться множеству формальностей, господствовавшихъ при Дворѣ.

Для выполненія повелѣній царя требовалось безконечное количество чиновниковъ. Уже въ самомъ началѣ египетской исторіи мы встрѣчаемъ вполнѣ выработанный чиновный строй. Большая часть надгробныхъ надписей древняго царства состоитъ изъ перечисленія всѣхъ титуловъ, которыми обладалъ умершій при жизни, при чемъ мы встрѣчаемъ тончайшія отличія ранговъ. Къ сожалѣнію, даже въ благопріятнѣйшемъ случаѣ, т. е. когда мы въ состояніи перевести эти титула, они представляютъ для насъ лишь слова, такъ какъ мы почти никогда не можемъ узнать, какая дѣятельность соединена съ каждымъ изъ этихъ титуловъ. Если въ чьей-либо могильной надписи разсказанъ какой-либо поступокъ, казавшійся данному лицу важнымъ при жизни, то это, большею частью, событія, выходящія изъ предѣловъ будничной жизни, и поэтому какъ разъ то, что намъ было бы желательно узнать, тамъ не упоминается. Приходится и здѣсь основываться на общихъ фразахъ. Извѣстенъ лишь одинъ случай, когда чиновникъ заставилъ написать на своей гробницѣ весь свой послужной списокъ.

Для каждаго чиновника грамотность была необходимымъ условіемъ. Поэтому слово „писецъ" почти тожественно съ словомъ „чиновникъ". Грамотность была безусловно необходима, такъ какъ даже обо всемъ, даже о малѣйшихъ должностныхъ полученіяхъ и расходахъ, обязательно велись записи. Такою страстью къ письменному дѣлопроизводству отличались въ древности еще развѣ только древнія царства въ области Евфрата и Тигра. Жалованіе чиновникамъ производилось натурою. Часто, какъ и теперь бываетъ на Востокѣ, часть этого жалованья оставалась въ складахъ ихъ начальства; жалобы на невыдачу жалованья сохранились въ большомъ числѣ. Однако, подчиненные умѣли вознаградить себя, спускаясь еще ниже; что́ долженъ былъ доставлять

мужикъ сверхъ повинностей, объ этомъ мы, разумѣется, ничего не узнаемъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Прежде всего, разумѣется, чиновники старались о томъ, чтобы жить въ ладу съ начальствомъ. Искусство „гнуть спину" въ то время было извѣстно не хуже, чѣмъ теперь; за это вознаграждала сильная поддержка со стороны начальства и также нѣкоторыя осязательныя благодѣянія.

По указаннымъ уже причинамъ чрезвычайно трудно, не прибѣгая къ помощи избыточной фантазіи, составить себѣ сколько-нибудь наглядное представленіе о различнаго рода административныхъ функціяхъ, не вдаваясь въ мелкія подробности. Не слѣдуетъ также забывать, что уже вслѣдствіе политическихъ переворотовъ происходили многочисленныя перемѣны, въ настоящее время скорѣе чувствительныя, нежели ясно сознаваемыя.

Во всѣ времена финансовое управленіе было важнѣйшимъ въ государствѣ. Въ Египтѣ оно было дѣломъ казначейства, называвшагося „серебрянымъ домомъ". Сюда притекали всѣ доходы, идущіе извнутри и извнѣ, здѣсь опредѣлялось также содержаніе всѣхъ чиновниковъ. Фондъ этого серебрянаго дома отличался чрезвычайной пестротой: кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, изъ которыхъ всего болѣе цѣнилось серебро, придавшее казначейству его названіе, большая часть „фонда" состояла изъ рабовъ, хлѣба въ зернѣ, скота и др. предметовъ натурою. Если вспомнимъ, какая масса доходовъ доставлялась государству, напр., въ новомъ царствѣ изъ однѣхъ только подчиненныхъ странъ, то трудно составить себѣ представленіе о грандіозности „серебрянаго дома" съ его амбарами, сараями и т. п., и съ цѣлой арміей высшихъ и низшихъ чиновниковъ. Какимъ образомъ это управленіе, сосредоточивавшееся, разумѣется, въ столицѣ, распредѣляло свои низшіе органы по странѣ, какъ высоки были подати населенія, обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, подати не могли быть черезчуръ низкими. Ихъ высота постоянно, какъ мы знаемъ въ точности по позднѣйшей эпохѣ, соразмѣрялась съ высотою наводненія Нила. Выплачиваніе пошлинъ производилось порою весьма энергичнымъ способомъ. Объ этомъ можно судить по одной гробницѣ древняго царства, на которой изображенъ „приводъ сельскихъ старшинъ къ разсчету", при чемъ за каждымъ старшиной идетъ податной надзиратель съ палкою. Въ какомъ отношеніи находились къ финансо-

вому вѣдомству должности вродѣ „начальника всѣхъ царскихъ работъ“, завѣдывавшаго путями сообщенія и водяными сооруженіями, составляли ли онѣ подчиненныя или самостоятельныя учрежденія, это также неизвѣстно.

По отношенію къ правосудію, древній Египетъ былъ повидимому, хорошо обставленъ; однако здѣсь, какъ и для другихъ странъ и народовъ, мы не должны безусловно довѣрять надгробнымъ надписямъ. Неустанно здѣсь подчеркивается правосудіе каждаго чиновника и его усердное стремленіе предупредить неправду. Постъ верховнаго судьи былъ весьма уважаемымъ въ государствѣ. Судопроизводство имѣло точно опредѣленныя формы. Оно было устнымъ, но относительно всѣхъ показаній велся точный протоколъ.

У насъ сохранились обширныя выдержки изъ актовъ, относящихся къ двумъ большимъ процессамъ. Одинъ изъ этихъ актовъ былъ направленъ противъ шайки воровъ, избравшихъ предметомъ грабежа многочисленныя царскія гробницы на западной сторонѣ Ѳивъ; другой относится къ широко-развѣтвленному заговору, въ которомъ были запутаны многіе придворные.

Судебная должность часто соединялась съ любой иной; но ни одинъ чиновникъ или судья не имѣлъ права назначить любое наказаніе. Былъ точно установленъ предѣлъ власти каждаго въ назначеніи наказаній, идетъ ли рѣчь о тюремномъ заключеніи или объ отсѣченіи руки. Смертные приговоры, повидимому, всегда требовали утвержденія со стороны царя. Хотя въ текстахъ безпрестанно встрѣчается слово „законъ“, но о содержаніи этого закона мы почти ровно ничего не знаемъ. Повидимому, существовали древніе законодательные сборники, но до нашего времени не сохранилось ни одного закона.

Хотя въ области гражданскаго права матеріалъ еще болѣе скуденъ, чѣмъ въ области уголовнаго, однако, множество сохранившихся письменныхъ договоровъ приводитъ къ мысли, что и въ этомъ отношеніи существовалъ твердо установленный порядокъ.

О поддержкѣ порядка и о выполненіи изданныхъ повелѣній заботилась сильная армія полицейскихъ, которая, особенно въ большихъ городахъ, вродѣ Мемфиса и Ѳивъ, должно быть, часто вмѣшивалась въ дѣла. По легко понятнымъ причинамъ, всего охотнѣе вербовали полицейскихъ изъ чужихъ племенъ. Повидимому, особенно охотно выбирали не-

гровъ. Названіе одного нубійскаго племени въ позднѣйшее время стало общеупотребительнымъ словомъ для обозначенія *полицейскаго*, а затѣмъ и солдата.

О крупныхъ походахъ въ *древнемъ царствѣ* мы почти ничего не знаемъ. Это была, вообще говоря, эпоха мирныхъ отношеній къ чужеземцамъ, что зависѣло отъ вообще не воинственнаго характера египетскаго народа, обусловленнаго, въ свою очередь замкнутымъ положеніемъ страны. Съ другой стороны, это зависѣло и отъ безсилія пограничныхъ народовъ по отношенію къ замкнутому и упорядоченному государству. Жители узкой нубійской рѣчной долины и прилегающихъ пустынь никогда не были серьезными и опасными соперниками; отъ нихъ угрожала опасность развѣ при разбойничьихъ нападеніяхъ на караваны. Но въ ихъ области находились большія каменоломни, доставлявшія самый драгоцѣнный строительный матеріалъ—гранитъ; здѣсь же были золотые рудники. Далѣе, черезъ руки этихъ негритянскихъ племенъ проходила вся торговля весьма цѣнившимися въ Египтѣ продуктами Судана, какъ, напр., слоновой костью, страусовыми перьями, шкурами пантеръ и т. п.; отсюда же шла часть торговли благовонностями, и довольно часто случалось, что караваны, посредствомъ которыхъ пытались уже въ древнемъ царствѣ завязать прямыя сношенія съ производящими странами, подвергались ограбленію. Къ этому, очень рано были сдѣланы попытки превратить удлиненную верхнюю долину Нила въ египетскую провинцію. Вполнѣ удалось это лишь царямъ средняго царства. Обладаніе верхней долиной Нила до настоящаго времени остается главнымъ вопросомъ египетской политики. Когда такимъ образомъ Нубія стала провинціей, то слѣдовало еще, какъ и раньше, давать каждому каравану военное прикрытіе, да и въ Нильской долинѣ каждую минуту приходилось подавлять возстанія.

Подобнаго рода противники существовали у египтянъ, главнымъ образомъ, въ эпоху „древняго царства“ въ лицѣ горныхъ племенъ Синая, т. е. области, гдѣ находились рудники, откуда египтяне добывали мѣдь.

Не слѣдуетъ, поэтому, составить себѣ черезчуръ высокое понятіе о походахъ въ эпоху древняго и даже средняго царства. О правильномъ веденіи войны нѣтъ и помину. Совершенно иное мы видимъ, какъ только начинается эпоха новаго царства. Быть можетъ напоръ со стороны другихъ

племенъ привелъ къ тому, что семитическіе туземцы Палестины, такъ наз. гиксы, нахлынули на Египетъ. Во время многолѣтней борьбы, закончившейся изгнаніемъ чужеземцевъ, князья и цари пріохотились къ войнѣ. Сверхъ того, въ Сиріи, служившей посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ съ Месопотаміей, возникла уже культура, способная разжечь завоевательные аппетиты. Здѣсь, однако, приходилось имѣть дѣло совсѣмъ не съ такими соперниками, каковы южныя негритянскія племена и полудикія ливійскія племена на западной границѣ дельты. Здѣсь приходилось, дѣйствительно, предпринимать военные походы въ крупномъ стилѣ, и походы Ѳутмозиса III дѣйствительно нѣсколько напоминаютъ о позднѣйшихъ величественныхъ походахъ ассиріянъ. Но Египту, какъ мы знаемъ, никогда не удавалось удержать Сирію въ теченіе долгаго времени. Нѣсколько неестественнымъ было уже, по географическому положенію, тѣсное соединеніе обѣихъ этихъ странъ, такъ какъ древній Египетъ никогда не былъ морскою державою.

Единственный извѣстный намъ примѣръ морского сраженія это бой, происшедшій при Рамзесѣ III; этотъ царь отбилъ въ сухопутномъ и морскомъ сраженіяхъ нападеніе средиземноморскихъ народовъ.

Подробности военнаго устройства, способы его постоя и занятій въ мирное время—все это въ точности неизвѣстно. Однако, можно заключить, что по большей части войска состояли изъ крестьянъ, которыхъ набирали для каждаго отдѣльнаго похода, снабжая оружіемъ изъ царскихъ цейхгаузовъ. Однако, съ давнихъ поръ, особенно со времени „новаго царства“, ядро арміи образовали уже настоящіе солдаты. Все болѣе и болѣе для этой цѣли вербовали чужеземныхъ наемниковъ. Пестрая смѣсь національностей господствовала поэтому въ египетской арміи. Кромѣ негровъ, были ливійцы, азіаты, но прежде всего, воинственные народы „съ острововъ (Средиземнаго) моря“. Какое вліяніе пріобрѣли впослѣдствіи наемники—это мы уже видѣли.

Въ древнемъ и среднемъ царствѣ войско состояло лишь изъ пѣхоты; въ новомъ царствѣ, съ введеніемъ лошади, боевыя колесницы были позаимствованы у сирійскихъ народовъ, и воины, сражающіеся на колесницахъ, становятся важнѣйшею частью войска. Настоящая конница является лишь гораздо позднѣе.

Щитъ и копье, кинжалъ, или топоръ, лукъ, позднѣе

также мечъ—таково обычное вооруженіе; шлемъ и панцырь не такое вооруженіе, которое было бы доступно каждому солдату.

Изъ военныхъ зданій осталось у насъ нѣсколько крѣпостей; ихъ стѣны обнаруживаютъ особыя приспособленія, имѣющія цѣлью воспрепятствовать приближенію непріятеля посредствомъ рикошетныхъ ударовъ и помѣшать укрѣпленію штурмовыхъ лѣстницъ. Далѣе границъ государства, какъ напр., на восточномъ краѣ дельты и подлѣ перваго порога находились лѣстницы, имѣвшія цѣлью отраженіе внезапныхъ нападеній.

Завоевательныя войны Египта, какъ мы уже видѣли, въ общихъ чертахъ слѣдовали по стопамъ торговли. Протяженіе, на которомъ велись эти войны, не было очень малымъ. Правда, мы не знаемъ, на сколько Египетъ дѣйствовалъ здѣсь активно, однако уже изъ временъ древняго царства мы имѣемъ свѣдѣнія о далекихъ торговыхъ походахъ, а относительно новаго царства мы имѣемъ обширное описаніе огромной экспедиціи къ морю, для завладѣнія странами, доставляющими благовонныя куренія. Сравнительно оживленное судоходство существовало лишь на Красномъ морѣ. О плаваніи по Средиземному морю въ древнѣйшія времена ровно ничего не слышно, и не слѣдуетъ забывать, что свойство морского берега дельты не благопріятствуетъ развитію мореплаванія. Позднѣйшія большія гавани на берегу дельты—это искусственныя сооруженія, которыя появились лишь въ то время, когда стали необходимостью по причинѣ политическаго положенія Египта. Вся торговля до введенія греческой монеты была, естественно, мѣновою. Однако, для облегченія пользовались спиральными кусками металлической проволоки, которые и давались въ уплату по вѣсу. Вѣсы были, поэтому, неизбѣжной принадлежностью при заключеніи торга.

Устройство поверхности Египта привело къ тому, что его главнымъ путемъ сообщенія былъ постоянно Нилъ. Корабль въ различнѣйшихъ видахъ, отъ простого челнока, сдѣланнаго изъ связанныхъ стеблей папируса, до большихъ искусно построенныхъ деревянныхъ кораблей, представляетъ настоящее средство перемѣщенія въ Египтѣ. На ряду съ этимъ игралъ роль также оселъ; лошадь явилась лишь съ эпохи новаго царства и притомъ почти только упряжная, но не верховая. Однако употребленіе экипажа было

роскошью; это понятно, если вспомнимъ, что почти каждая пядь земли утилизировалась для сельскаго хозяйства. Верблюдъ былъ кажется введенъ лишь въ послѣдніе вѣка до нашего лѣтосчисленія. Упоминается онъ впервые въ греческую эпоху.

Такъ часто упоминаемая „замкнутость“ Египта, какъ ее обыкновенно представляютъ себѣ, никогда не существовала, въ особенности же никогда не играла роли политическаго мѣропріятія. Правда, египтянинъ, обладая древней культурой, смотрѣлъ сверху внизъ на всѣхъ чужеземцевъ; но надписи все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ томъ, что во всѣ времена въ Египтѣ жили массы иностранцевъ. Представленіе объ „открытіи доступа въ Египетъ“ чужеземцамъ есть лишь непониманіе событій, происшедшихъ при основаніи Наукратиса. Дѣйствительно, для Египта было совершеннымъ нововведеніемъ то обстоятельство, что Амазисъ позволилъ построить грекамъ городъ на греческій ладъ и предоставилъ жителямъ особыя привилегіи.

Богатство Египта основано на земледѣліи. Но хотя оно здѣсь вознаграждается лучше, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ, однако соединено съ весьма тяжелымъ трудомъ. Наибольшія заботы доставляетъ орошеніе. Со дня на день вынужденъ рабочій стоять у своей водокачки (такъ наз. *шадуфъ*), имѣвшей въ древности совершенно такое же устройство, какъ и теперь, чтобы доставлять оплодотворяющую воду также пахати, значительно удаленной отъ рѣки. Работы земледѣльца изображены на безчисленныхъ надгробныхъ рисункахъ. Землю взрывали простымъ плугомъ, какой и теперь тамъ также употребляется, грубые комья разбивались мотыкой. Затѣмъ сѣяли и гнали по посѣянному скотъ, большею частью стада овецъ, чтобы втоптать зерно. Зрѣлый хлѣбъ жали серпомъ, связывали въ короткіе снопы и упаковывали въ мѣшки. Ослы везли эти мѣшки на топчакъ, гдѣ ослы или толпы воловъ прогонялись по колосьямъ и такимъ образомъ вымолачивали зерно [1]). Затѣмъ хлѣбъ вѣяли для удаленія остатковъ шелухи и очищенное зерно ссыпали въ амбары, т. е. въ зданія съ сводчатой или плоской крышей; на верху кровли была дыра для всыпанія зерна, а внизу, но не на самой землѣ (чтобы помѣшать проникновенію мышей), была дверь для выпоражниванія. Изъ ячменя варили родъ пива, которое во всѣ времена было въ Египтѣ любимымъ напиткомъ. Съ земледѣліемъ было тѣсно связано скотоводство и достигло значительной высоты. Существенную составную часть его образуютъ стада крупнаго рогатаго скота изъ породы, близкой къ зебу, однако безъ характеристическаго горба. Изъ птицъ любимыми были гуси, которыхъ египтяне держали въ большомъ количествѣ.

[1]) Аналогичный способъ еще недавно былъ довольно употребительнымъ въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ Южной Россіи.

Перев.

Въ такой рѣчной странѣ, какъ Египетъ, само собою разумѣется, что рыболовство также было важнымъ промысломъ. Отъ древнѣйшаго времени сохранились рисунки, изображающіе ловлю и потрошенье всякаго рода рыбы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, уже съ давнихъ поръ было признано грѣхомъ ѣсть извѣстныхъ рыбъ, игравшихъ роль въ религіи. Позднѣе дошли до того, что запретили по религіознымъ основаніямъ всякаго рода рыбу. Однако, этихъ правилъ держались лишь самые правовѣрные, судя, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ указаніямъ грековъ. Трудно навсегда извратить естественныя отношенія.

Охота съ давнихъ поръ стала лишь забавою знатныхъ людей; она не могла дать богатой добычи. Иное дѣло ловля птицъ: ее производили большими силками съ усердіемъ и съ успѣхомъ.

Сельское хозяйство, со всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть къ нему причислено, образуетъ, однако, лишь часть матеріальной культуры Египта. Важнѣйшее мѣсто послѣ него занимаютъ ремесла и разныя отрасли промышленности. Во всѣ времена египетскія ткани пользовались высокой репутаціей. Для древнѣйшихъ временъ слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе главнымъ образомъ полотняныя матеріи. Шерсть и даже шелкъ являются лишь позднѣе въ обработанномъ видѣ. Египтяне любили въ своихъ матеріяхъ, въ противоположность, напр., сирійцамъ, снѣжную бѣлизну; однако, ихъ познанія въ дѣлѣ производства цвѣтныхъ и узорчатыхъ матерій,—какъ показываютъ, согласно съ греческими сообщеніями, памятники,—были не ничтожны.

Кромѣ льна Египетъ обладаетъ еще однимъ растеніемъ, высокое значеніе котораго уже было подчеркнуто, а именно папирусомъ. Такъ какъ въ позднѣйшее время Египетъ снабжалъ въ сущности весь тогдашній цивилизованный міръ своими письменными принадлежностями, то можно составить

себѣ представленіе о величинѣ фабрикъ, гдѣ приготовлялась эта бумага.

Почти такое же значеніе имѣло, однако, производство всякаго рода украшеній, амулетовъ и фаянсовыхъ сосудовъ. Кто бывалъ въ музеѣ египетскихъ древностей, тотъ, конечно изумлялся несмѣтному количеству этого рода предметовъ и совершенству техники. Изобрѣтеніе фаянса—спеціально египетскаго происхожденія и этого рода продукты пользовались большимъ успѣхомъ за предѣлами Египта. Всюду въ могилахъ средиземноморскихъ странъ мы находимъ доказательства сказаннаго. Произведенія стеклянныхъ заводовъ временъ 18-ой династіи едва-ли когда либо были превзойдены. Что касается стекла; то предпочитали прозрачныя *цвѣтныя* стекла; выдѣлывали даже сосуды. Выдуваніе стекла было изобрѣтеніемъ, повидимому, сравнительно поздняго времени [1]).

Обработка металловъ изображается уже на рисункахъ, относящихся къ эпохѣ древняго царства. Сохранившіяся украшенія временъ средняго царства возбуждаютъ еще теперь удивленіе ювелировъ. Отливка дутой бронзы была извѣстна, по крайней мѣрѣ, съ начала новаго царства, а золоченіе листовымъ золотомъ примѣнялось еще въ древнемъ царствѣ.

Столярное мастерство уже въ древнемъ царствѣ выработало большую часть пріемовъ, извѣстныхъ намъ теперь. Даже покрытіе худшихъ сортовъ дерева фурниромъ изъ лучшихъ сортовъ примѣнялось въ Египтѣ навѣрное уже въ 800 году до Р. Х. Слѣдуетъ лишь замѣтить, что ни на рисункахъ, ни въ орнаментѣ не нашли для древнѣйшихъ временъ ничего подобнаго рубанку: строганье рубанкомъ замѣнялось полированьемъ посредствомъ камней.

Въ гончарномъ дѣлѣ, въ обработкѣ кожъ и особенно въ обработкѣ даже самыхъ твердыхъ камней египтяне могли поспорить съ любымъ народомъ древности.

До чего одностороннимъ оказывается содержаніе дошедшихъ до нашего времени надписей, въ этомъ ясно убѣждаетъ то обстоятельство, что мы даже не знаемъ, въ какой мѣрѣ жители страны были крѣпостными или свободными. Теоретически, правда, страна со всѣмъ въ ней находящимся

[1]) Мнѣніе, приписывающее первое изобрѣтеніе стекла *финикіянамъ*, лишено всякаго основанія.

Перев.

принадлежала фараону; но какъ далеко проводилось это на практикѣ, и насколько рѣзко было различіе между крѣпостнымъ и свободнымъ, этого мы не знаемъ. Сюда не слѣдуетъ, конечно, примѣшивать вопросъ о многочисленныхъ рабахъ и рабыняхъ, большею частью состоявшихъ изъ военно плѣнныхъ или ихъ потомковъ. Что плѣнъ влечетъ за собою рабство, это было мнѣніе, господствовавшее во всей древности. Греки такъ упорно утверждаютъ, что египетскій народъ былъ раздѣленъ, подобно индійскому, на касты, что по крайней мѣрѣ для позднѣйшаго времени слѣдуетъ допустить нѣчто, позволяющее сдѣлать такое утвержденіе. Въ древнѣйшее время, для котораго мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, такое раздѣленіе едва ли существовало. Мы знаемъ правда, что сынъ, вообще говоря, слѣдовалъ занятію отца, однако, это происходило, сколько извѣстно, безъ законодательнаго принужденія и свободный выборъ занятія былъ также дозволенъ.

Для насъ и для большей части государствъ древности, подраздѣленіе населенныхъ мѣстъ на города и села представляетъ нѣчто само собою очевидное. Было ли то же самое въ древнемъ Египтѣ и какія права или опредѣленія отличали города отъ селъ, этого мы вовсе не знаемъ.. Даже о возникновеніи крупныхъ, естественно выросшихъ городовъ, которые могли бы служить намъ въ этомъ случаѣ указаніемъ, мы ровно ничего не знаемъ, такъ какъ единственный городъ, о заложеніи котораго мы имѣемъ точныя свѣдѣнія—городъ этотъ находится подлѣ нынѣшняго селенія Кагунъ въ Файумѣ—это чисто искусственное поселеніе, такъ же мало способное разъяснить вопросъ о происхожденіи египетскаго города, какъ напр., планъ Маннгейма о происхожденіи германскаго города. Болѣе основательны свѣдѣнія, полученныя нами при помощи новыхъ раскопокъ, относительно вида и устройства жилыхъ домовъ. Раскопки эти показали, что уже въ среднемъ царствѣ въ лучшихъ домахъ распредѣленіе комнатъ въ главныхъ чертахъ было то же, какое еще теперь мы видимъ въ египетско-арабскомъ жиломъ домѣ. Основную составную часть дома образуетъ одна поперечная и одна продольная большая комната. Кругомъ находятся спальни, кухни, кладовыя и т. п. Снаружи, на улицу, дома обладаютъ по большей части простымъ, ничѣмъ не украшеннымъ фасадомъ. Двухъ- и многоэтажныя дома были не рѣдки, въ городахъ же составляли почти общее правило. Внутрен-

нее убранство, конечно, зависѣло отъ богатства и вкуса обладателя.

Какъ всюду на Востокѣ, въ Египтѣ также господствовало многоженство; однако о замкнутой гаремной жизни не было помину. Можно даже сказать, что положеніе женщинъ въ древнемъ Египтѣ не имѣетъ себѣ равнаго во всей древности. Памятники изображаютъ мужчинъ и женщинъ въ обществѣ въ пестрой компаніи: всѣ жены непринужденно веселятся вмѣстѣ, „госпожа дома", какъ она называется по египетски, не только управляла хозяйствомъ, но свободно вращалась и въ обществѣ. Само собою установилось правило, общее и теперь на Востокѣ, а именно, что бѣднѣйшіе, не имѣя возможности содержать многихъ женъ, женились лишь на одной, которая и была ихъ настоящей подругой жизни, хозяйкой и помощницей мужа въ разныхъ его занятіяхъ; болѣе богатыя имѣли сверхъ того нѣсколькихъ второстепенныхъ женъ, которыя однако въ то же время были служанками и компаньонками главной жены. Замѣчателенъ обычай частыхъ браковъ между братьями и сестрами. Нравственность была не выше и не ниже, чѣмъ теперь вообще на Востокѣ.

Картина древняго Египта испытала не малыя измѣненія подъ вліяніемъ новѣйшихъ успѣховъ археологіи. Первоначально Египтомъ восхищались безъ всякой мѣры. Успѣхи нашихъ познаній сняли съ Египта значительную часть незаслуженнй славы; но съ другой стороны, многія, раньше мало замѣченныя подробности, выступаютъ теперь въ лучшемъ свѣтѣ. Но что въ особенности дѣлаетъ для насъ цѣннымъ изученіе египетской исторіи во всѣхъ отношеніяхъ, это то обстоятельство, что навѣрное намъ неизвѣстно съ такою полнотою развитіе ни одной страны за такой же періодъ времени, охватывающій не менѣе 5 тысячелѣтій. Какъ многаго, однако, еще не хватаетъ для сколько нибудь полной картины, въ этомъ могъ убѣдить даже нашъ краткій очеркъ. Для дальнѣйшаго ознакомленія съ Египтомъ я настоятельно рекомендую изученіе какой либо крупной коллекціи: особенно удобенъ въ этомъ отношеніи Берлинскій музей, съ его подробнымъ каталогомъ египетскихъ древностей, съ его гипсовыми слѣпками и папирусами. Изъ книгъ, особенно пригодныхъ для изученія египетской культуры, достаточно назвать сочиненія Эрмана, Э. Мейера и Масперо [1]).

[1]) A. Erman, Aegypten und aegypt. Leben im Altertum, Meyer, Gesch.

Египетскій реформаторъ Аменоѳисъ IV.

(По Масперо. Добавлено въ русскомъ изданіи).

Аменоѳисъ IV былъ сынъ Аменоѳиса III и царицы Туи, женщины низкаго происхожденія, но замѣчательнаго ума и характера. Сынъ ея Аменоѳисъ IV—самый странный изъ монарховъ, царствовавшихъ въ Египтѣ. Онъ искупилъ плебейское происхожденіе своей матери Туи, женившись на царевнѣ болѣе благородной крови, какъ полагали иногда, родомъ сиріянкѣ; болѣе правдоподобно допустить, что она была дочерью одной изъ царицъ „солнечнаго" происхожденія. Очень возможно даже, что она была одною изъ младшихъ сестеръ Аменоѳиса III, т. е. одною изъ тетокъ Аменоѳиса IV, что не мѣшало ей быть моложе своего мужа. Такъ или иначе, имя этой царицы было Нофритити. Мать Аменоѳиса IV, Туи, пользовавшаяся уже большимъ вліяніемъ при жизни своего мужа, теперь стала еще болѣе влiять на всѣ дѣла. Не принимая титула правительницы, она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была настоящей государыней и придала неуклонное направленіе политикѣ своего сына по отношенію къ религіи.

Въ первые дни, повидимому, не произошло никакихъ перемѣнъ. Аменоѳисъ хотѣлъ выразить свое предпочтеніе къ Геліополису, вписавъ въ свой титулъ имя пророка Гармахиса, которое вѣроятно было ему присвоено еще до восшествія на престолъ. Но онъ продолжалъ, подобно отцу, считать столицею Ѳивы и все еще приносилъ жертвы ѳивскимъ богамъ, выполняя всѣ требуемыя церемоніи и участвуя во всѣхъ процессіяхъ. Онъ соорудилъ храмъ своему богу или, быть можетъ, увеличилъ храмъ, воздвинутый отцомъ царя въ Карнакѣ; онъ началъ даже разработку новыхъ каменоломенъ въ Сіенѣ и въ Сильзилехѣ, для добыванія гранита и песчаника, необходимаго на украшенія этого зданія. Вскорѣ, однако, набожность Аменоѳиса IV по отношенію къ „непобѣдимому диску солнца" воодушевила его, сдѣлавъ для него несносною личину набожности, которую онъ былъ вынужденъ надѣвать на себя. Безъ сомнѣнія, никто не могъ ему помѣшать предаться сколько угодно своей естественой склонности. Вельможи и жрецы были слишкомъ привычны къ послушанію для того, чтобы осмѣлиться порицать какія бы то ни было его дѣйствія, даже когда онъ взбудораживалъ все населеніе, отъ Элефантины до моря, съ цѣлью приготовить для самозванца-бога

es alten Aegypten, G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient, Новое изданіе 1896—1897 г.

мѣстопребываніе, которое должно было затмить своимъ великолѣпіемъ блескъ великаго храма. Нѣкоторые изъ приближенныхъ къ царю обратились добровольно къ его любимому культу, но они составляли ничтожное меньшинство. Ѳивы слишкомъ долго были дѣломъ Амона для того, чтобы царю удалось заставить всѣхъ видѣть въ Атону нѣчто болѣе низшаго, служебнаго духа. Каждый городъ принадлежалъ одному изъ боговъ, которому приписывалъ свое происхожденіе, развитіе, богатство, и отъ котораго не могъ отречься, не отрекаясь отъ собственнаго существованія. Ѳивы, разставшіяся съ Амономъ, уже не были настоящими Ѳивами и Аменоѳисъ такъ хорошо зналъ это, что не сдѣлалъ даже попытки заставить городъ отказаться отъ своего патрона. Въ ту минуту, когда пребываніе въ Ѳивахъ стало для него невыносимымъ, царь рѣшился уѣхать и создать себѣ другую столицу. Выборъ не представилъ бы для него затрудненій, если бы онъ могъ рѣшиться предоставить Атону старое мѣсто. Мемфисъ, Гераклеополисъ, Сіутъ, Хмуну—всѣ города Нильской долины сочли бы себя счастливыми, если бы могли принять наслѣдство соперника; но ни одинъ изъ этихъ городовъ не согласился бы измѣнить своимъ убѣжденіямъ и понизить рангъ своего божественнаго основателя, Фта, Гаршафиту, Анубиса, Ѳота. Для бога, недавно возведеннаго на престолъ, требовался новый городъ. Аменоѳисъ бросилъ взглядъ на прекрасную долину, простиравшуюся къ востоку отъ Нила, въ восточной части Гермополитскаго округа, и переселился сюда со всѣмъ своимъ дворомъ около 4 или 5-го года своего царствованія. Тамъ было много деревушекъ, безъ историческихъ или религіозныхъ традицій, почти безъ населенія. Онъ избралъ одну изъ этихъ деревень, ту, которая теперь называется Эль-Телль, и здѣсь соорудилъ дворецъ для себя и храмъ для своего бога. Храмъ назывался точно такъ же, какъ и храмъ бога Ра въ Геліополисѣ,—Гаитъ-Банбону, „дворецъ обелиска". Онъ занималъ чудовищное пространство, въ которомъ лишь наименьшую часть покрывало святилище: построенные изъ кирпича магазины стояли по сторонамъ, а огромная стѣна окружала цѣлое. Обломки показываютъ, что храмъ былъ сооруженъ изъ бѣлаго известняка; постройка была красива, но почти обряжена, недостатокъ времени не дозволилъ украсить этотъ храмъ по обыкновенію. Храму предшествовали колоссальныя ворота. Дворецъ былъ построенъ изъ кирпича и состоялъ изъ огромныхъ залъ, перемѣшанныхъ съ малыми клѣтушками, гдѣ ютилась, какъ умѣла, прислуга. Наскоро были посажены сады изъ рѣдкихъ деревьевъ и изъ сикоморъ; было не мало кладовыхъ для всякихъ припасовъ. Еще и теперь находятъ среди мусора обломки мебели и грубой утвари, наполнявшей комнаты.

Подвалы особенно набиты черепками и лопнувшими кувшинами: на ихъ вытянутомъ горлѣ чернилами написано указаніе на царствованіе и годъ фабрикаціи вина. Массивные каменные алтари были воздвигнуты среди дворовъ. Здѣсь монархъ или одинъ изъ его сановниковъ возлагалъ приношенія и возжигалъ ѳиміамъ утромъ, въ полдень и вечеромъ, въ три рѣшительные момента жизни солнца—Атону. Нѣсколько каменныхъ колоннъ, разрисованныхъ и вызолоченныхъ, поддерживали кровлю главныхъ комнатъ, гдѣ фараонъ принималъ на аудіенціи; всюду стѣны и столбы были покрытой гипсовой или же известковой штукатуркой, на которой были нарисованы красками сцены изъ частной жизни. Полъ былъ украшенъ подобно стѣнамъ. Въ одной изъ залъ, повидимому, имѣвшей отношеніе къ гарему, еще и теперь можно различить изображеніе четыреугольнаго пруда, населеннаго рыбами и покрытаго распустившимся лотосомъ. Заросли водяныхъ растеній и цвѣтущихъ кустарниковъ окаймляютъ берега; въ заросляхъ летаютъ птицы и пасутся или прыгаютъ телята. Столики на одной ножкѣ, обремененные плодами, стоятъ рядами справа и слѣва, и толпы негритянскихъ и сирійскихъ плѣнниковъ, раздѣленныхъ исполинскими арками, гримасничаютъ и шумятъ. Вообще тонъ картины свѣтлый и веселый; животныя нарисованы съ большой свободой, сноровкой и остроуміемъ. Фараонъ привлекъ къ себѣ многихъ изъ лучшихъ тогдашнихъ ѳивскихъ художниковъ: во главѣ ихъ стоялъ старшина цеха скульпторовъ, Бауки; затѣмъ другіе, по всей вѣроятности, присоединились изъ провинціальныхъ мастерскихъ. Въ работѣ не было недостатка. Придворные и чиновники, вынужденные слѣдовать примѣру царя, должны были построить себѣ дома подлѣ его дворца, и цѣлый городъ возникъ въ нѣсколько лѣтъ, по правильному плану, съ прямыми улицами и пространными площадями. Городъ получилъ названіе „Горизонтъ солнечнаго диска". Онъ былъ раздѣленъ на два квартала и былъ богатъ фруктовыми садами и тѣнистыми, увитыми ползучими растеніями, бесѣдками. Вскорѣ явился притокъ рабочихъ, литейщиковъ, стеклянныхъ дѣлъ мастеровъ, ткачей, всѣхъ ремесленниковъ, необходимыхъ для процвѣтанія и роскоши столицы. Царь отрѣзалъ въ пользу города часть территоріи, въ ущербъ древнему княжеству Зайца и заставилъ бога Ѳота обогащать Атону. Онъ отмѣтилъ границы помощью столбовъ, разставленныхъ по горѣ, отъ нынѣшней Джебель-Туна до Дешауитъ на западѣ и отъ Шейхъ-Саидъ до эль Гауата на восточномъ берегу. Явился импровизированный округъ, ради божественнаго узурпатора.

Атону былъ одною изъ формъ солнца, быть можетъ, самою матеріальною изъ всѣхъ, тогда придуманныхъ въ Египтѣ. Его

определяли такъ: „добрый богъ, наслаждающійся истиною, владыка солнечнаго бѣга, владыка солнечнаго диска, господинъ неба, господинъ земли, живой солнечный дискъ, освѣщающій обѣ страны, живой Гармахисъ, поднимающійся на горизонтѣ подъ своимъ именемъ Шу, т. е. дискъ, и вѣчный животворитель“. Духовенство этого бога выполняло обязанности духовенства Гіерополиса, и главный жрецъ его назывался Оири-мау, какъ и жрецъ бога Ра въ Ону. Этотъ санъ принадлежалъ жрецу Марири, котораго царь осыпалъ милостями; одно время Марири былъ первымъ послѣ царя лицомъ въ государствѣ. Атону принималъ то обыкновенный видъ Горуса, то видъ диска, но такого, отъ котораго лучи простираются къ землѣ, въ видѣ рукъ, схватывающихъ жертвоприношенія своими маленькими пястями и раздающими смертнымъ кресты съ ушками — символы жизни. Боги также пользовались благодѣяніями Атону, исключая бога Амона. Послѣдній былъ изгнанъ отовсюду. Его терпѣли только въ Ѳивахъ, да и то требовали, чтобы имя его было стерто всюду, гдѣ оно встрѣчалось. Атону уважалъ, однако, Ра, Горуса и Гармахиса — всѣхъ, кромѣ Амона: онъ соглашался быть царемъ другихъ боговъ, не желая истребить ихъ. Природа Атону не содержала, впрочемъ, ничего ни таинственнаго, ни неяснаго: это былъ славный свѣточъ, освѣщающій человѣчество, ежедневно возжигающійся на небѣ, никогда не блѣднѣющій и не тускнѣющій. Пока онъ скрывается, „міръ остается во мракѣ, подобно мертвымъ, лежащимъ въ своихъ склепахъ, съ головою, обвитой пеленами, съ заткнутыми ноздрями, съ глазами безъ взгляда; тогда можно украсть всѣ драгоцѣнности, даже лежащія подъ ихъ головой, и люди не узнаютъ. Тогда левъ выходитъ изъ логовища, змѣя ползетъ, готовая ужалить; тогда темно, какъ внутри печи, и земля молчитъ, пока создавшій все покоится за ея горизонтомъ“. Но едва онъ всталъ: „Египетъ ликуетъ, всѣ пробуждаются, встаютъ на ноги. Какъ только ты заставилъ встать людей, Атону, они умываютъ свои члены, одѣваются, призываютъ тебя, протягивая руки; и вся земля начинаетъ свои труды, животныя выходятъ на пастбище, деревья и травы распускаются, птицы летятъ въ водяныя заросли, вытягивая крылья, чтобы почтить твоего двойника [1]); скотъ прыгаетъ, всѣ летавшія птицы отряхиваются, когда ты поднимаешься для нихъ: лодки причаливаютъ и уплываютъ, ибо всякій путь открывается при твоемъ появленіи; рѣчныя рыбы прыгаютъ передъ тобою, какъ только лучи твои нисходятъ на воды“. Не даромъ всѣ существа ликуютъ при видѣ Атону: ему они обязаны своимъ существованіемъ, такъ какъ онъ

[1]) Вѣра въ двойниковъ была весьма распространена въ Египтѣ. *Пер.*

„возбуждаетъ плодъ у женщины, производитъ сѣмя у мужчины и даетъ жизнь дитяти въ утробѣ матери. Онъ успокаиваетъ ребенка и прекращаетъ его плачъ, питаетъ его въ материнскомъ чревѣ, расточая дыханіе для одушевленія всего имъ сотвореннаго. И когда ребенокъ выходитъ изъ чрева матери, ты отверзаешь его уста для рѣчи и удовлетворяешь его нуждамъ. Когда цыпленокъ пребываетъ въ яйцѣ, ты доставляешь ему во внутрь воздухъ, чтобы онъ могъ жить; когда ты сдѣлалъ, что онъ развился въ яйцѣ такъ, что можетъ сломать его, онъ выходитъ оттуда, провозглашая свое существованіе пискомъ, и ходитъ, какъ только выйдетъ“. Атону управляетъ вселенной и устраиваетъ судьбу людей, какъ египтянъ, такъ и чужеземцевъ. Нилъ, брызжущій въ подземномъ мірѣ далеко на сѣверѣ, переливается имъ сюда, распространяется по полямъ при наводненіяхъ, чтобы питать всѣ созданія. Онъ устраиваетъ времена года, зиму и лѣто; онъ устроилъ дальнее небо, чтобы тамъ проявляться и созерцать свои дѣла съ высоты. Какъ только онъ тамъ появляется: „села, города, дороги, рѣки, всѣ взоры созерцаютъ его ликъ, ибо онъ есть свѣтило дня надъ землею“. Святилище, куда его призываютъ, содержитъ лишь его „божественную тѣнь“. Самъ онъ никогда не покидаетъ небеснаго свода. Его культъ не принялъ мрачныхъ и грустныхъ оттѣнковъ ѳивскаго культа: здѣсь господствовали пѣсни, гимны съ аккомпаниментомъ арфъ или флейтъ, приношенія хлѣбовъ, пироговъ, овощей, плодовъ, цвѣтовъ, рѣже — одной изъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ, которыми наслаждались другія божества. Царь произвелъ себя въ первосвященника, стоявшаго еще выше главнаго жреца. Онъ лично совершалъ богослуженіе и, стоя на жертвенникѣ, съ распростертыми руками, курилъ ѳиміамъ и призывалъ благословенія свыше. Какъ впослѣдствіи арабскій калифъ Хакимъ, онъ самъ былъ апостоломъ новаго ученія, проповѣдуя его передъ своими придворными: чтобы ему угодить, надо было слушать его поученія и доказать, что воспользовался ими. Отказъ отъ традиціонныхъ вѣрованій солнечной династіи привелъ къ отреченію отъ именъ, подразумѣвавшихъ пламенное поклоненіе изгнанному богу. Аменоѳисъ, т. е. тотъ, къ которому присоединяется Амонъ, превратился въ Хуніатону, т. е. въ славу солнечнаго диска, и всѣ члены его семьи или придворные, имѣвшіе такого рода имена, тотчасъ послѣдовали примѣру царя. Запрещеніе распространилось на письмо. Имя Амона или же его изображеніе уничтожали вездѣ, гдѣ только удавалось его найти; избѣгали употребленія знака коршуна, эмблемы Маутъ, для выраженія понятія матери, (мать по египетски маутъ). Царь не хотѣлъ ни слышать, ни видѣть ничего подлѣ себя, что могло бы напоминать ему постоянно о богахъ или объ ученіи

Өивъ. Первенству Өивъ въ Египтѣ былъ бы положенъ конецъ, если бы царствованіе Аменоөиса - Хуніатону продолжалось такъ долго, какъ можно было надѣяться, судя по молодости царя. Бывъ почти національнымъ вождемъ Африки въ теченіе двухъ вѣковъ, Амонъ внезапно былъ низведенъ на второстепенное мѣсто, на которомъ раньше прозябалъ до изгнанія гиксовъ. Амонъ долженъ былъ уступить свой скипетръ небеснаго и земного царя—даже не тѣмъ изъ своихъ соперниковъ, которые нѣкогда играли первую роль, но второстепенной личности,но кому-то вродѣ полубога, а самъ превратился въ простого мѣстнаго бога, пребывающаго въ уголкѣ Саиса, гдѣ онъ родился. И ему не предоставили даже пользоваться этимъ удѣломъ всецѣло: здѣсь также заставили его дать мѣсто врагу, низложившему его. Храмъ Атону былъ воздвигнутъ у самыхъ воротъ его храма и сходя съ своей паперти, жрецы Амона могли слышать славословія, распѣваемыя невѣрными въ часъ служенія сторукому диску! Царскія приношенія отвратились отъ нихъ, золото Сиріи и Эөіопіи перестало притекать къ жрецамъ Амона; затаили-ли они обиду или же протестовали какимъ-либо образомъ противъ повелѣнія, обрекавшаго ихъ на униженіе и бѣдность? Если сопротивленіе обнаружилось, оно было скоро подавлено, такъ какъ отъ него не сохранилось и слѣда. Толпа народа, духовныя и свѣтскія лица подчинились безропотно; вельможи поспѣшили примкнуть къ оффиціальному исповѣданію царя. Даже князь өивскій, по имени Рамзесъ, согнулъ спину и барельефы на его собственной могилѣ свидѣтельствуютъ о его ренегатствѣ: съ правой стороны онъ признаетъ только Амона, съ лѣвой высказывается за Атону. Благочестивыя воззванія, имена, костюмы, физіономія и внѣшность людей, все измѣняется, и если бы мы положились только на внѣшность, то, сравнивая эти два рисунка, можно было бы подумать, что рѣчь идетъ о двухъ различныхъ царствахъ и двухъ чуждыхъ между собою личностяхъ.

Разрывъ между прошлымъ и настоящимъ, дѣйствительно, былъ настолько полнымъ, что монархъ былъ вынужденъ измѣнить если не свое лицо и внѣшность, то, по крайней мѣрѣ, способы изображенія своей наружности и лица. Имя и личность египтянина были такъ тѣсно связаны между собою, что нельзя было коснуться одного, не коснувшись другого. Хуніатону не могъ оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ Аменоөисъ, и, дѣйствительно, изображенія ихъ различаются до такой степени, что порою сомнѣвались, слѣдуетъ ли признать ихъ изображеніями одного и того же лица. Аменоөисъ едва отличается отъ своего отца: у него черты лица правильныя, но немного неуклюжія, туловище изображено идеальнымъ, поза—условная, какъ у всѣхъ

правовѣрныхъ фараоновъ. Хуніатону изображается съ длинной узкой головой, заканчивающейся подобно сахарной головѣ, съ покатымъ лбомъ, большимъ орлинымъ острымъ носомъ, малымъ ртомъ, чудовищнымъ, выдающимся подбородкомъ и тонкой, вытянутой шеей. Его изображаютъ узкоплечимъ, не мускулистымъ, но съ грудями настолько округленными, животомъ настолько вздутымъ и съ такими широкими ляжками и бедрами, что туловище кажется почти женскимъ. Этикетъ требовалъ, чтобы царскіе слуги и всѣ, добившіеся милостей царя, изображались на барельефахъ храмовъ или на могилахъ совершенно похожими на царя лицомъ и всей внѣшностью. Большая часть современниковъ царя, раньше походившіе на Аменоөиса, превратились въ копіи Хуніатону. На картинахъ, найденыхъ въ Эль-Амарнѣ, мы видимъ исключительно угловатые профили, заостренныя головы, круглыя груди, тонкія таліи, вздутые животы. Въ общемъ, силуэтъ имѣетъ почти каррикатурный видъ;художники преувеличивали,—быть можетъ преднамѣренно. Однако самый образецъ не представлялъ ничего смѣшного. Большая часть статуй царя придаютъ ему томную, почти болѣзненную грацію, не лишенную, впрочемъ, достоинства. Царь былъ добръ и умѣлъ привязываться, онъ страстно любилъ свою жену Нофритити, участвовавшую во всѣхъ проявленіяхъ царской власти. Если онъ выходилъ изъ дому, чтобы пойти во храмъ, она слѣдовала за нимъ въ колесницѣ; если царь награждалъ кого-либо изъ вѣрныхъ слугъ, царица была подлѣ него и помогала раздавать золотыя ожерелья. Она молилась вмѣстѣ съ нимъ солнечному диску; она прислуживала ему въ интимномъ кругу, въ часы, когда онъ отдыхалъ въ своемъ гаремѣ отъ дѣловой сутолоки; ихъ союзъ былъ на столько нѣжнымъ, что, по крайней мѣрѣ на одной картинѣ, мы видимъ царицу сидящею на колѣняхъ у своего мужа, въ позѣ балованной возлюбленной—единственный примѣръ на египетскихъ памятникахъ. На другой картинѣ мы видимъ ихъ обоихъ на одномъ креслѣ, крѣпко обнявшимися. У нихъ было шесть дочерей, воспитанныхъ при родителяхъ въ необычайно интимномъ кругу. Дочери всюду сопровождали отца и мать и играли подлѣ трона въ то время, когда царь и царица выполняли обязанности своего сана. Кротость и веселость царя отражались на жизни подданныхъ. Всѣ сохранившіяся картины изображаютъ процессіи, кавалькады, пиры, увеселенія. Главнаго жреца, Марири, фараонъ осыпаетъ золотомъ и похвалами; народъ пляшетъ кругомъ въ то время, какъ Марири получаетъ достойную награду за свою дѣятельность. На 12-мъ году царствованія, возвращается изъ Сиріи Гуя и торжественно привозитъ дань, собранную во время объѣзда. Царь, сидя въ носилкахъ, несомыхъ его

воинами, приноситъ благодарственную жертву своему богу, при пѣніи гимновъ и вѣяніи большихъ вѣеровъ. Вотъ жрецъ Аи женится на воспитательницѣ одной изъ царевенъ: весь городъ веселится и пируетъ во время свадьбы.

Всѣ эти празднества не мѣшали царю ревностно наблюдать за правильнымъ ходомъ внѣшней политики и внутренняго управленія. Архитекторы не имѣли передышки и, не говоря о поддержкѣ старыхъ зданій, имѣли довольно дѣла при постройкѣ зданій въ честь Атону въ Мемфисѣ и другихъ главныхъ городахъ. Положеніе эѳіопскихъ областей оставалось приблизительно такимъ же, какъ и при отцѣ царя. Кушъ былъ умиротворенъ, прекратились даже разбои кочевыхъ племенъ пустыни, всегда сурово подавляемые намѣстникомъ.

Въ Азіи внезапная немилость, постигшая бога Амона, не привела къ охлажденію между Ѳивами и союзными дворами. Въ Сиріи господствовала неурядица: Тиръ ссорился съ Сидономъ, Сидонъ съ Библосомъ, Іерусалимъ съ Лакишемъ. Всѣ обращались къ Хуніатону, ища его помощи; египетское правительство мало тревожилось, помогая изрѣдка тому или иному изъ соперниковъ, если слишкомъ долгое невмѣшательство могло привести къ бунту. Хуніатону умеръ молодымъ, на 18-омъ году своего царствованія. Его похоронили въ горѣ, на востокъ отъ города, въ глубинѣ жерла, гдѣ его могила оставалась затерянной до нашихъ дней: она найдена лишь въ 1891 году.

Различныя изображенія характеризуютъ жизнь царя и его семейства. Солнечный дискъ паритъ вверху, спуская лучи на все; руки этихъ лучей протягиваютъ кресты къ самому лицу членовъ семьи, онѣ ласкаютъ царицу и ея дочерей, щупаютъ жертвенныя приношенія, проникаютъ даже въ кладовыя, грабя ихъ и благословляя. Хуніатону почти вездѣ присутствуетъ съ женами своего гарема. Вотъ онъ посѣщаетъ одного изъ своихъ служащихъ; вотъ онъ идетъ въ храмъ на открытіе святилища. Его колесница мирно катитъ по улицамъ; на нѣкоторомъ разстояніи за нею слѣдуетъ колесница царевенъ; городская полиція и солдаты его личной охраны, египтяне или чужеземцы бѣгутъ впереди расчищая путь въ толпѣ; главный жрецъ Марири стоитъ у воротъ и принимаетъ царя. Церемонія заканчивается раздачей ожерелій и золотыхъ перстней; народъ топчатъ ногами, выражая радость при видѣ царя. Между тѣмъ, рабы варятъ кушанья, танцовщицы и музыканты упражняются въ своихъ комнатахъ для вечерняго праздника, слуги говорятъ, продолжая ѣсть. Стиль и техника тѣ же, какъ въ усыпальницахъ предыдущей эпохи, и художники, украшавшіе эти памятники, несомнѣнно вышли изъ ѳивской школы. Рисунки ихъ часто очень искуссны, композиція весьма

свободная; на нѣкоторыхъ барельефахъ видна перспектива, приближающаяся къ нашей; изображеніе движенія живой толпы отличается безукоризненною правдивостью. Слѣдуетъ, однако, остеречься отъ мысли, что искусство Египта могло бы принять новое направленіе, если бы послѣдующія событія не вызвали реакціи противъ культа Атону и противъ его приверженцевъ. Хотя могилы этого царствованія рѣзко отличаются отъ другихъ, оригинальность ихъ вида не зависитъ отъ произвольнаго или хотя бы безсознательнаго усилія порвать связь съ вѣковой ремесленной рутиной: своеобразность эта обусловлена исключительно причудливой физіономіей царя и новизной сюжетовъ. Тотъ художникъ, который впервые выразилъ кистью идеи, пущенныя въ ходъ жрецами Атону, былъ, безъ сомнѣнія, мастеромъ, одареннымъ силою фантазіи и несомнѣнными познаніями. Никто не съумѣлъ бы лучше его выразить грацію ребенка, и нарисованные имъ портреты дочерей Хуніатону, голыхъ и играющихъ подлѣ матери: это образчики нѣжности и изящества, хотя и нѣсколько сухого. Но какъ только образчики были однажды придуманы и закончены до мельчайшихъ подробностей, выполненіе было поручено ремесленикамъ средней руки, навербованымъ изъ разныхъ городовъ. Эти добросовѣстные люди срисовывали съ похвальнымъ терпѣніемъ, по частямъ, данные имъ образцы, лишь устраняя или добавляя тѣ или иныя группы, смотря по поверхности, которая покрывалась рисункомъ или по числу родственниковъ и слугъ, пріобщенныхъ къ земному или загробному блаженству ихъ господина. Неуклюжесть выполненія здѣсь часто чувствуется и лишь научный интересъ можетъ сдѣлать такія картины привлекательными.

Хуніатону не оставилъ сыновей. Двое изъ его зятьевъ послѣдовательно были его преемниками: Саакери, женатый на старшей дочери царя Маритатону, затѣмъ Тутанхамонъ, мужъ другой дочери Анхназатонъ. Первый изъ двухъ былъ посаженъ на престолъ еще тестемъ въ роли соправителя; онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ Атону и продолжалъ жить въ новой столицѣ въ теченіе немногихъ лѣтъ, на которые пережилъ тестя. Второй былъ однимъ изъ единокровныхъ братьевъ царя; вѣроятно онъ былъ сыномъ наложницы.

Этотъ царь возвратился къ религіи Амона, и жена его, отрекшись отъ отцовской вѣры, перемѣнила свое имя Анхна*затонъ* на Анхна*замонъ*. Царь покинулъ новую столицу и черезъ два-три года городъ пришелъ въ состояніе упадка также быстро, какъ раньше выросъ. Нѣкоторое время удерживались еще эмалевыя фабрики и фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, но затѣмъ рабочіе выселились, имя «Горизонта Атону» было вычеркнуто изъ списка округовъ, и отъ города,

который могъ стать столицей, остались вскорѣ груды кирпича, да двѣ-три деревушки на восточномъ берегу Нила. Ѳивы, никогда не утрачивавшія своего вліянія и своего населенія, возвратили прежнее положеніе. Такъ окончилась эта попытка реформы, единственная въ египетской исторіи.

Древній Китай.

Составлено германскимъ посланникомъ въ Китаѣ М. фонъ-Брандтомъ.

Происхожденіе и древность китайской культуры.

Главный изъ народовъ монгольской, или, точнѣе, *верхнеазіатской* расы, китайцы, по преданію переселился съ запада въ бассейнъ рѣки Гоангъ-хо. Раньше здѣсь жилъ другой народъ; остатки его, мяо-цзы и другія, въ настоящее время варварскія племена населяютъ отдѣльныя гористыя мѣстности южнаго и западнаго Китая. Эти племена, впрочемъ, не принадлежатъ къ другой расѣ и имѣютъ соотношеніе съ жителями Индо-Китая или малайско-китайскими племенами.

Китай представляетъ огромный бассейнъ, замкнутый тремя горными цѣпями и перерѣзанный тремя мощными рѣками, Гоангъ-хо, Янъ-тзы-кіангомъ и Чжу-кіангомъ. Горы доставляютъ всѣ минералы, необходимые для цивилизованной жизни, а фауна и флора низменностей даютъ всѣ продукты, требуемые для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. На востокѣ морская граница Китая образуетъ хорошо расчлененные берега, облегчающіе сношенія между отдѣльными частями государства, а также съ другими странами. Тѣмъ не менѣе китайцы, особенно въ новое время, ограничиваются прибрежнымъ плаваньемъ и сношеніями съ Индо-Китаемъ.

О древности китайской культуры нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ. Документально установлено, что въ началѣ царствованія династіи Чжоу, т. е. около 1200 л. до Р. Х., Китай образовалъ, по отношенію къ этикѣ, искусству и церемоніалу, расчлененное, тѣсно замкнутое цѣлое, покоившееся всецѣло на старинныхъ преданіяхъ и оставшееся неизмѣннымъ до вторженія буддизма, происшедшаго около 200 г. послѣ Р. Х. Мысль искать начало китайской культуры у иноземцевъ тѣмъ болѣе привлекательна, что несомнѣнно въ древнѣйшемъ народномъ сознаніи Китая играло извѣстную роль воспоминаніе о древней западной родинѣ; но работы Террье де-ла-Купери, Дугласа, Эдкинса и др., отстаивающія эту точку зрѣнія, едва-ли могли доставить надлежащія доказательства этого положенія. Преданія относительно эпохи, когда предки китайцевъ жили зимою въ пещерахъ, а лѣтомъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ на деревьяхъ, при чемъ не знали употребленія огня и не были ни охотниками, ни рыболовами, — всѣ эти преданія сравнительно недавняго происхожденія, хотя основаны на древнихъ сказаніяхъ.

Сами китайцы доводятъ свою исторію до Фоги или Фугъхи, жившаго якобы за 2852 лѣтъ до Р. Х. или же, по крайней мѣрѣ, до Яо, жившаго за 2356 года до Р. Х., тогда какъ миѳическія эпохи охватываютъ милліоны лѣтъ. Съ нѣкоторой достовѣрностью можно считать установленною китайскую хронологію лишь съ начала династіи Чжоу, между 1200 и 1122 г. до Р. Х., или даже съ 722 г. до Р. Х., — годъ, съ котораго начинается произведеніе Конфуція «Весна и Осень», содержащее лѣтопись его ближайшей родины, княжества Лю.

Для большаго удобства, исторію Китая подраздѣляютъ на четыре періода. Первый, полуисторическій, считается отъ Яо до Конфуція (2356 — 552 до Р. Х.); второй, древній, отъ Конфуція до начала династіи Тань (818 послѣ Р. Х.); третій — средневѣковый, представляющій эпоху разцвѣта китайской культуры, заканчивается изгнаніемъ монголовъ (1368); четвертый — новое время, продолжается до настоящаго времени.

О полуисторической эпохѣ Китая извѣстно немногое. Когда народъ «ста семействъ», т. е. черноволосый народъ проникъ въ Китай, это былъ, судя по древнѣйшимъ письменнымъ знакамъ, пастушескій народъ, вскорѣ, однако, ставшій земледѣльческимъ и промышленнымъ. Какую долю технической сноровки, несомнѣнно, свойственной имъ еще въ древности, китайцы вынесли изъ своей прежней родины, научились-ли чему-либо отъ покоренныхъ ими племенъ, это теперь тѣмъ труднѣе установить, что подлинность древнѣйшихъ историческихъ памятниковъ не безъ основанія подвергается сильному сомнѣнію. Что можно принять съ достовѣрностью для государственнаго развитія Китая, это слѣдующее положеніе: въ то время какъ форма правленія при обѣихъ первыхъ династіяхъ, Хя и Шань (2205—1123), была совершенно самодержавной, при династіи Чжоу, признаваемой не безъ основанія не чисто-китайскою, явился родъ феодальной организаціи, т. е. государство распалось на нѣсколько сотъ мелкихъ отдѣльныхъ государствъ. Наконецъ, могущественнѣйшій изъ всѣхъ китайскихъ императоровъ и, быть можетъ, крупнѣйшій изъ всѣхъ правителей Китая, Цинъ-ши-Хвань-ти, т. е. первый божественный императоръ изъ династіи Цинъ, не возстановилъ властною рукою царскаго могущества, разрушивъ навсегда всѣ феодальныя поползновенія. Онъ былъ также построителемъ великой стѣны, въ то время представлявшей главнымъ образомъ земляной валъ или же нагроможденное изъ нетесаныхъ камней укрѣ-

пленіе. Цѣлью этой стѣны была вовсе не защита отъ соприкосновеній съ западными странами, какъ иногда утверждали, но защита сѣверной границы отъ нападенія племенъ, носящихъ теперь общее имя хъюнъ, а прежде дѣлившихся на хю и дъюнъ. Это предпріятіе было въ сущности лишь соединеніемъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ предками императора и другими князьями, въ одно непрерывное цѣлое, противопоставившее плотину вторженію среднеазіатскихъ народовъ: лишь монголамъ удалось прорвать ее. Еще во времена Конфуція, около 550 г. до Р. Х., имперія граничила къ югу не Янъ-тзы-кіангомъ, и область первой династіи еще помѣщалась въ большомъ углѣ, образуемомъ Гоангъ-хо въ провинціи Шанъ-си. Лишь въ 547 году до Р. Х. захватили Чжу-кіангъ, а южный Китай, т. е. Фо-кіенъ, Фуань-тунь, Куань-си, Квей-чжей, на югѣ отъ цѣпи Нань-линь—все это было пріобрѣтено путемъ мирной колонизаціи съ 214 года до Р. Х.

Языкъ и письменность китайцевъ.

По воззрѣніямъ китайцевъ, языкъ есть продуктъ природы. Звуки, испускаемые человѣкомъ, по словамъ китайскихъ ученыхъ, не различаются отъ пѣнія птицъ, отъ журчанья ручья и отъ громовыхъ раскатовъ. Во всякомъ случаѣ, побужденіе къ рѣчи исходитъ извнѣ. Человѣкъ самъ по себѣ нѣмъ, какъ растенія, вода, металлы и камни; онъ говоритъ лишь въ томъ случаѣ, когда не можетъ удержаться отъ того, чтобы говорить. Звуки, исходящіе изъ его устъ, составляютъ слѣдствіе нѣкотораго потрясенія; членораздѣльная рѣчь есть наивысшее развитіе такихъ звуковъ, а искусное соединеніе словъ, т. е. стиль, есть наивысшее развитіе рѣчи. Такъ училъ Ханъ-вень-кунь, жившій съ 768 по 824 г. послѣ Р. Х.

Первоначальная способность рѣчи, развивавшаяся безъ сознательнаго содѣйствія человѣка, разумѣется, была несовершенною и грубою. Дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ языкъ обязанъ, по китайскимъ понятіямъ, древнѣйшимъ монархамъ, изъ которыхъ особенно указываютъ на Хвань-ти, „дававшаго имена". Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что развитіе китайскаго языка до-исторической эпохи, а частью и въ эту эпоху, было совершенно самостоятельнымъ. Лишь съ проникновеніемъ буддизма индійское вліяніе стало проявляться въ дальнѣйшей исторіи развитія. „Индійскій народъ,— говоритъ одинъ китайскій авторъ,—различаетъ звуки и придаетъ имъ значеніе; ихъ звуковая система возбуждаетъ изумленіе и достигаемое ею проникаетъ въ ухо человѣка".

По всей вѣроятности, пришлось имѣть дѣло съ трудностями, которыя встрѣтились буддистскимъ миссіонерамъ при транскрипціи санскритскихъ звуковъ; эти трудности, быть можетъ, послужили побудительной причиной къ болѣе глубокому изученію ими китайскаго языка. Посредствомъ совмѣстной работы съ китайскими учеными былъ, по примѣру санскритскаго алфавита, установленъ рядъ начальныхъ звуковыхъ знаковъ, которые были расположены по голосовымъ органамъ, участвующимъ въ воспроизведеніи этихъ звуковъ; то-же можно сказать о таблицахъ, установившихъ систему произношенія (502—556 г.). Установленіе *интонаціи*, т. е. 4 видоизмѣненій произношенія отдѣльныхъ слоговъ, также, повидимому, должно быть отнесено къ индійскому вліянію, хотя изобрѣтателемъ этой системы признается китаецъ Шенъ-Йо (441—513).

Дальнѣйшее развитіе китайскаго языка произошло внутри его довольно тѣсныхъ границъ и безъ дальнѣйшихъ чуждыхъ вліяній; однако, несмотря на всѣ несомнѣнные недостатки, этотъ несовершенный матеріалъ послужилъ лучшимъ орудіемъ, нежели многія другія, болѣе гибкія, болѣе способныя къ развитію нарѣчія. Контрастъ между средствами китайской рѣчи и тѣмъ, что могло быть ими достигнуто, по замѣчанію Штейнталя, является единственнымъ примѣромъ въ исторіи языка. Лишь высокія способности китайскаго народа и постоянное примѣненіе китайскаго языка лучшими умами Китая позволило достичь того, что это несовершенное орудіе удовлетворяло потребностямъ самостоятельнаго развитія въ теченіе многихъ вѣковъ. Быть можетъ, именно трудность разговорнаго языка привела къ тому, что китайская письменность пріобрѣла, до извѣстной степени, характеръ „всеобщаго письма" или „пазиграфіи", дозволившій ей стать духовною связью не только между китайцами, говорящими на различныхъ нарѣчіяхъ, но и между народами восточной Азіи, говорящими на разныхъ языкахъ. Сами китайцы приписываютъ изобрѣтеніе письма императору Фу-ги (2852 до Р. Х.). Онъ будто бы изобрѣлъ знаки, состоящіе изъ непрерывныхъ и ломанныхъ линій, извѣстные подъ именемъ *ква*. Затѣмъ, въ царствованіе Хвань-ти, нѣкто Цзань-кіи усовершенствовалъ этотъ алфавитъ. Здѣсь также философское воззрѣніе выступаетъ на первый планъ.

Началомъ письменности было, будто бы, желаніе давать чиновникамъ ясныя, недоступныя искаженію, повелѣнія. Вообще, письменность служила цѣлямъ государства „дабы глупцы помнили, а умные развивали свой умъ".

Дѣйствительное происхожденіе письма едва-ли могло произойти этимъ путемъ. Въ то время, какъ древнѣйшіе знаки были только изображеніями предметовъ, еще не обладая зву-

ковымъ значеніемъ, и имѣли цѣлью сохранять воспоминанія о событіяхъ, или сообщать свѣдѣнія, — устная передача подобныхъ посланій мало по малу стала придавать рисунку фонетическое значеніе. Необходимость не только обозначать предметы, но и выражать понятія, вскорѣ дала себя почувствовать; тогда стали пользоваться образомъ, смотря по его звуковому значенію, для обозначенія понятія, имѣющаго такое-же или сходное названіе [1]). Сопоставляя нѣсколько рисунковъ, удавалось выражать понятія идеографическимъ или инымъ способомъ; этому составному рисунку придавалось затѣмъ названіе изображаемаго имъ предмета. Изъ рисунка путемъ упрощенія или передѣлки выработывался письменный знакъ. Какъ скоро и основательно происходило превращеніе гіероглифовъ въ фонетическіе знаки, показываетъ слѣдующій фактъ: въ 89 году послѣ Р. Х. былъ составленъ словарь Шо-венъ, въ которомъ три четверти приведенныхъ знаковъ принадлежатъ къ фонетической системѣ; но, по даннымъ лексикографа XIII столѣтія, Таи-туня, изъ 24325 знаковъ лишь 608 принадлежатъ къ гіероглифическимъ, 107 къ „значащимъ", 740 къ идеографическимъ, 322 къ антитетическимъ (знаки по контрасту), 589 къ метафорическимъ и 21810 къ фонетическимъ.

Что касается формы знаковъ, то въ первыя времена династіи Чжоу (1200 до Р. Х.) наряду съ образнымъ письмомъ существовало и письмо при помощи особыхъ знаковъ. Въ IX столѣтіи до Р. Х. это письмо было замѣнено другимъ, такъ наз. „болѣе крупнымъ печатнымъ письмомъ", въ которомъ уже распознаются существенные элементы теперь еще употребительной системы письменныхъ знаковъ; письмо это до-сихъ-поръ еще употребительно для штемпелей и печатей. Изъ общеупотребительныхъ въ настоящее время родовъ письма, укажемъ на Цзау-цзы—курсивное письмо, служащее для всѣхъ обыденныхъ житейскихъ цѣлей: оно возникло въ I вѣкѣ нашей эры; Кіаи-шу, письмо, употребляемое въ документахъ и съ научными цѣлями, относится къ X—XI в. послѣ Р. Х.; наконецъ, Зунь-шу, печатный алфавитъ, относится къ тому-же времени.

Навѣрное, ни въ одной странѣ на всемъ земномъ шарѣ не писали столько, какъ въ Китаѣ. Историческіе памятники достигаютъ, хотя лишь въ отрывкахъ, 2000 г. до Р. Х. Въ 1407 году послѣ Р. Х. была составлена коммиссія состоявшая изъ 2000 членовъ. Послѣ пятилѣтней работы, эта коммиссія составила рукописную энциклопедію изъ 22937 тетрадей: вотъ примѣръ китайскаго многописанія. Другой примѣръ: въ 1782 году былъ напечатанъ объяснительный каталогъ (то, что французы называютъ Catalogue raisonné), въ которомъ упомянуты всѣ, достойныя замѣчанія, литературныя произведенія. Каталогъ этотъ состоитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ 78731 тетрадей.

[1]) Это можно сравнить съ нынѣшнею игрою въ ребусы и съ происхожденіемъ египетской письменности. *Перев.*

Древнѣйшія культурныя сокровища Китая.

Было уже замѣчено, что древняя культура китайцевъ дошла до нашего времени, какъ нѣчто уже готовое, сложившееся. Такъ, уже за 1000 лѣтъ до Р. Х. мы находимъ у китайцевъ, судя по уложенію династіи Чжоу, всѣ учрежденія, характеризующія вполнѣ упорядоченное государство: такъ, напр. заочно предписаны церемоніи при аудіенціяхъ, при жертвоприношеніяхъ, даже при встрѣчѣ между людьми низшаго званія; существовала уже дѣятельная полиція, были паспорта и писцы при заставахъ, существовали предписанія насчетъ ловли и охраны дичи и рыбы, точныя правила для обработки земли, признававшейся государственною собственностью, которая отдавалась лишь отчасти семьямъ въ пользованіе.

Судя по найденнымъ въ Шантунѣ остаткамъ древнихъ зданій, правда, лишь I вѣка послѣ Р. Х., но зато, несомнѣнно, подлинныхъ (въ чемъ убѣждаютъ, сохранившіся отъ того времени, стихотворныя описанія этихъ сооруженій) — дворцы царей и вельможъ тогда обильно покрывались цвѣтными, черными и красными скульптурными изображеніями, представлявшими миѳическія и историческія сцены и лица; покои, посвященные предкамъ, храмы и алтари обладали особой, строго предписанной архитектурой; жертвенные сосуды изъ мѣди и камня обнаруживаютъ разнообразныя, порою весьма оригинальныя формы. Въ одномъ случаѣ упоминается даже о золотой, снабженной надписью, статуѣ.

Верховая и иная ѣзда, стрѣльба изъ лука, музыка—были необходимой составной частью воспитанія образованнаго человѣка. Богато украшенныя колесницы, служили мужчинамъ и женщинамъ для торжественныхъ процессій, болѣе простыя—для путешествій; часть военной силы монарха состояла изъ боевыхъ колесницъ. Шелководство и приготовленіе шелковыхъ матерій, плотныхъ и тюлевыхъ, повидимому, такъ же древне, какъ и самая китайская цивилизація; также древне упоминовеніе о тканьѣ и обработкѣ рода полотна. Чай лишь позднѣе вошелъ въ употребленіе; однако, нѣкоторыя показанія древнихъ писателей указываютъ на то, что еще гораздо

раньше примѣнялись къ медицинскимъ цѣлямъ декокты изъ горькихъ травъ. Въ старину, бамбуковыя доски, связанныя кожаными ремнями, служили таблицами для письма. На нихъ сначала вырѣзывались, позднѣе рисовались знаки, что было въ употребленіи еще при Конфуціи. Изобрѣтеніе кисти относится къ III столѣтію до Р. Х., однако, уже раньше, вѣроятно, употреблялись деревянныя палочки, которыя обмакивались въ густую лаковую краску. Затѣмъ стали употреблять густо-тканный шелкъ, а кто бѣднѣе — другую матерію, пока (въ 105 году послѣ Р. Х.) не была изобрѣтена бумага изъ древесной коры, пеньки, тряпокъ и т. д. Переходъ къ употребленію бумаги былъ, однако, весьма постепеннымъ, такъ какъ еще въ V вѣкѣ одинъ китайскій писатель замѣчаетъ, что его трудъ написанъ на бамбуковыхъ таблицахъ и на шелковой матеріи. Вѣроятно, одновременно съ изобрѣтеніемъ бумаги явился обычай свертыванія рукописей для храненія въ свитки, вмѣсто прежней формы таблицы или листа. Лишь въ началѣ X столѣтія явилось печатаніе помощью рѣзныхъ деревянныхъ таблицъ: по крайней мѣрѣ въ 952 году послѣ Р. Х. было напечатано первое изданіе девяти китайскихъ классиковъ. Во всякомъ случаѣ, уже въ VI вѣкѣ упоминается о печатаніи посредствомъ деревянныхъ таблицъ; но это были, по всей вѣроятности, лишь отдѣльныя ничтожныя попытки, такъ какъ отъ второй половины VII вѣка имѣются доказательства, что копированіе крупныхъ сочиненій производилось рукописнымъ способомъ. Вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ типографскаго искусства явились также на мѣсто свитковъ длинные, складные листы, которые затѣмъ были замѣнены тетрадями изъ вдвое сложенныхъ листовъ, какія еще и теперь въ употребленіи.

Первыя подвижныя буквы, сдѣланныя изъ обожженной глины и вставленныя въ рамки, снабженныя клѣтками, относятся къ 1041 году; подвижныя буквы изъ мѣди и свинца упоминаются лишь съ 1477 года. Позднѣе, къ концу XVIII вѣка, по повелѣнію императора Кіенъ-луня, стали употреблять отлитыя литеры для печатанія нѣкоторыхъ книгъ, но онѣ не вошли во всеобщее употребленіе, и даже до сихъ поръ старинный способъ печатанія посредствомъ деревянныхъ досчечекъ всюду въ употребленіи тамъ, гдѣ чужеземное вліяніе не успѣло его вытѣснить.

Изобрѣтеніе туши относится къ III или IV вѣку послѣ Р. Х., фарфора — къ VII вѣку, хотя глиняная глазированная посуда употреблялась еще гораздо раньше. Порохъ сталъ извѣстенъ китайцамъ впервые въ V или VI вѣкѣ изъ чуждыхъ источниковъ (византійскихъ и арабскихъ?); для военныхъ цѣлей имъ стали пользоваться въ Китаѣ впервые въ XII вѣкѣ, но собственно его способность метать снаряды была при

мѣнена китайцами впервые въ XV вѣкѣ. Указаніе на сѣверъ (или, какъ говорятъ китайцы, на югъ) помощью магнитной стрѣлки было извѣстно китайцамъ съ древнѣйшихъ временъ, но они не воспользовались этимъ для мореплаванья. Ихъ судоходство было, поэтому, по преимуществу, прибрежнымъ плаваніемъ, однако, особенно къ концу XV вѣка, достигало Персидскаго залива. Торговый духъ и большая самоувѣренность въ торговыхъ предпріятіяхъ всегда отличали китайцевъ; имъ же приписываютъ первое примѣненіе бумажныхъ денегъ. Однако, это утвержденіе основано лишь на объясненіи одного мѣста въ Ши-кингѣ, т. е. Книгѣ Пѣсней, относящейся къ 700 году до Р. Х., комментаторомъ, жившимъ въ XIV вѣкѣ послѣ Р. Х. Утвержденіе, что при династіи Ханъ, т. е. въ I вѣкѣ до Р. Х. употреблялись бумажныя деньги, также мало достовѣрно; быть можетъ, здѣсь (если вообще можно повѣрить тому, что съ этой цѣлью употребляли собственно не бумагу, а кожу живущихъ въ императорскомъ паркѣ, бѣлыхъ оленей) рѣчь идетъ о записи долговъ по императорскимъ займамъ. Драгоцѣнные камни, золото и полотно были въ древнемъ Китаѣ главными посредниками обмѣна; когда явилась потребность въ болѣе удобномъ средствѣ обращенія, то ихъ замѣнила мѣдная монета и позднѣе, а не раньше, какъ прежде ошибочно предполагали, явились бумажныя деньги—едва-ли раньше IX столѣтія нашей эры; въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣнялось и серебро (рубленое серебро). Колебанія между различными системами доставили китайскимъ финансистамъ столько же труда и головоломки, какъ и европейскимъ министрамъ, и въ Китаѣ, какъ и въ Европѣ, напрасно пытались рѣшить задачу—устранить затрудненія, зависящія отъ колебанія цѣнностей.

Китайцамъ принадлежитъ изобрѣтеніе счетовъ, но при вычисленіи въ умѣ они и теперь еще считаютъ по пальцамъ лѣвой руки и стараются сообщить другимъ цѣны, и вообще числа, посредствомъ опредѣленныхъ знаковъ и прикосновеній, напр. покрывая руки длинными рукавами.

Мнимая неподвижность китайской культуры.

Перечисленныя изобрѣтенія и культурныя пріобрѣтенія вынуждаютъ насъ не только къ высокому уваженію древней китайской цивилизаціи, но и къ устраненію ошибочнаго, хотя весьма распространеннаго взгляда, по которому китайская культура будто бы оставалась неподвижною въ теченіе тысячелѣтій и не только не развивалась, но и не была способна ни къ какому развитію. Приведенныя хронологическія дан-

ныя уже показываютъ, что жители Небесной Имперіи все болѣе и болѣе улучшали свою культуру частью самостоятельнымъ размышленіемъ, частью же посредствомъ воспріятія чужихъ мыслей. Стоитъ заглянуть въ любой китайскій словарь, чтобы узнать любопытные факты на этотъ счетъ. Иглы, первоначально изъ бамбука, затѣмъ изъ стали, приводятся въ разныя эпохи въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ ихъ названія причисляются къ разнымъ корнямъ. Чулки выдѣлываются изъ кожи до XIII столѣтія; четырьмя вѣками позднѣе, словарь Каньги подводитъ ихъ подъ корень, обозначающій хлопчатую бумагу; подобныхъ примѣровъ можно привести сотни. Въ пищѣ китайцевъ безъ труда можно указать аналогичныя измѣненія. Маисъ, сахарный тростникъ—позднѣйшаго происхожденія; знаніемъ приготовленія сахара они обязаны лишь индусамъ; болѣе тонкія пряности, гвоздичка, кардамонъ, мускатный орѣхъ и цвѣтъ, камфора, алоэвое дерево—все это является лишь въ 630 г. послѣ Р. Х. съ юга, т. е. изъ Индійскаго архипелага. Чай, какъ уже замѣчено, лишь позднѣе вошелъ въ общее употребленіе. Молоко, масло и сыръ никогда не могли пріобрѣсть права гражданства. Зато употребленіе опія въ послѣднія столѣтія сдѣлало поразительные успѣхи и совершенно вытѣснило употребленіе индійской конопли (гашиша), уже въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. примѣнявшейся для произведенія наркоза при хирургическихъ операціяхъ, подобно тому, какъ теперь, въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая, съ тою же цѣлью пользуются внутренними пріемами и подкожными впрыскиваніями. Опьяняющіе напитки, изъ риса и проса, извѣстны китайцамъ съ древнѣйшихъ временъ; ихъ чрезмѣрное употребленіе, однако, преимущественно встрѣчается у монголовъ, манджуръ и вообще на сѣверѣ. Добываніе соли происходитъ изъ обширныхъ соляныхъ басейновъ на морскомъ берегу и изъ солеваренъ во внутреннемъ Китаѣ. Продажа соли составляетъ государственную монополію.

Въ древнемъ Китаѣ рабство существовало лишь какъ наказаніе, что мы видимъ и теперь подъ именемъ ссылки „въ почтовыя станціи“ и въ отдаленныя мѣста имперіи. На югѣ домашнее рабство такихъ людей, которые сами себя продали въ рабство, а также ихъ потомковъ, не представляетъ особой рѣдкости. На сѣверѣ рабство существуетъ лишь у манджуровъ, и всякій манджуръ въ прошеніяхъ на имя императора называетъ себя не иначе, какъ рабомъ. Въ древнихъ уложеніяхъ наказанія имѣли варварскій характеръ. Со временемъ они нѣсколько смягчились: такъ, вышли изъ употребленія разные роды увѣчій. Пытка, какъ юридическій институтъ, не существуетъ; но въ виду необходимости сознанія обвиняемаго для его осужденія, она фактически примѣняется всюду, порою принимая чрезвычайно свирѣпую форму, хотя въ подобныхъ случаяхъ порою вмѣшиваются (нерѣдко—слишкомъ поздно) высшія власти или правительство. Законъ одинаковъ для всѣхъ; но чиновникамъ и женщинамъ часто удается откупиться отъ наказаній.

Право поземельной собственности испытало въ Китаѣ глубокія перемѣны. Въ древности, вообще, не существовало частной земельной собственности; при трехъ первыхъ династіяхъ государство было единственнымъ законнымъ собственникомъ всѣхъ земельныхъ участковъ, которые подраздѣлялись имъ между семьями съ цѣлью обработки и пользованія. Каждый долженъ былъ, сверхъ того, выполнять въ теченіе года натуральныя повинности; нѣсколько дней въ году онъ долженъ былъ выполнять общественныя работы, относящіяся къ дорогамъ, каналамъ, плотинамъ и т. п. Лишь съ 4-ой династіи частное землевладѣніе стало развиваться все болѣе и болѣе. Фикція права государственной собственности на всю пахатную землю, однако, уцѣлѣла до сихъ поръ и нашла свое выраженіе въ поземельной подати, уплачиваемой съ урожая.

Однако, независимо отъ этого самобытнаго развитія, въ Китаѣ въ разныхъ направленіяхъ чувствовалось также чуждое вліяніе; прежде всего, при вторженіи буддизма, который ввелъ въ орнаментику неизвѣстныя до тѣхъ поръ формы животныхъ и растеній, тогда какъ раньше орнаментъ пользовался главнымъ образомъ архаическими или въ архаическомъ стилѣ построенными рисунками, включающими животныхъ и растенія. Позднѣе пріобрѣтаютъ значеніе индійскія и среднеазіатскія, затѣмъ—правда въ меньшей степени—японскія и, наконецъ, европейскія вліянія, особенно относящіяся къ покрытію глазурью, живописи на эмали, лакированію, вышиванію и украшенію фарфоровыхъ сосудовъ. Относительно духовнаго вліянія иностранцевъ на Китай также нѣтъ недостатка въ фактахъ. Такъ, буддизмъ смѣшивался по всѣмъ направленіямъ съ таосизмомъ и съ конфуціонизмомъ, такъ что теперь трудно, или даже невозможно, отличить настоящее китайское отъ чужеземнаго. Въ философскихъ ученіяхъ буддистскія вліянія также стали руководящими. Въ царствованіе династіи Сунь, въ XII вѣкѣ послѣ Р. Х., несомнѣнно наиболѣе выдающійся комментаторъ китайскихъ

классиковъ, т. е. китайской философіи, Чжу-ги, такъ мало былъ въ состояніи избавиться отъ буддистскихъ вліяній, что со времени прекращенія династіи Минь противъ него явилась сильная оппозиція со стороны китайскихъ пуристовъ,—впрочемъ, до сихъ поръ не успѣвшая поколебать его положенія, какъ представителя правовѣрнаго истолкованія. Тотъ фактъ, однако, что такое движеніе существовало и существуетъ, достаточно показываетъ, что научная жизнь, далеко не вымершая въ Китаѣ, бьется подъ повидимому застывшей поверхностью. Эта архаистическая поверхность, эта приверженность китайца ко всему старинному и приводитъ поверхностнаго наблюдателя къ мысли, что Китай, будто бы, вообще неспособенъ ни къ какому развитію. Однако, достаточно бросить взглядъ на исторію страны, чтобы убѣдится въ противномъ. Если мы попытаемся, основываясь на предметахъ, въ древнѣйшее время изображавшихся гіероглифами или ихъ сочетаніями, составить себѣ картину состоянія Китая въ эти отдаленныя времена, то придется допустить, что Китай былъ населенъ народомъ, переселившимся сюда съ запада и сохранявшимъ еще нѣкоторыя, хотя и неясныя, воспоминанія о древней родинѣ. Народъ этотъ находился на стадіи, составлявшей переходъ отъ кочевой пастушеской жизни къ осѣдлости и къ земледѣлію. Богатство, однако, все еще состояло преимущественно изъ большихъ стадъ; обладаніе ими доставляло могущество и вліяніе. Кража овецъ и быковъ составляетъ обычнѣйшее преступленіе, состояніе здоровья и предупрежденіе побѣга скота—главную заботу. Жена, быть можетъ еще насильственно похищаемая мужемъ, признается подчиненнымъ, завистливымъ, ревнивымъ существомъ, которое слѣдуетъ держать въ строгомъ повиновеніи, возлагая на нее хозяйство и черныя работы. Мужъ обработываетъ поле; ему—свобода и почетъ, женѣ—работа и замкнутость. Тогда уже былъ выработанъ сложный культъ предковъ; по крайней мѣрѣ многочисленные жертвенные сосуды, сохранившіеся до сихъ поръ въ прежней формѣ, указываютъ на обряды, регулированные до мелочей.

Сравнимъ теперь съ этимъ Китай при династіяхъ Тань (618—905), Сунь (960—1126), монгольской династіи (1260—1367), династіи Минь (1368—1693) и царствующей до сихъ поръ манджурской династіи. Двѣ изъ нихъ были иноземнаго происхожденія, но манджурская династія совершенно „окитаичилась“. Китай, если исключить немногія эпохи его паденія,

былъ для окрестныхъ государствъ—Тибета, Бирмы, Сіама, Аннама, Кореи, Японіи тѣмъ, чѣмъ Грецiя въ древности для Рима, а послѣ разрушенія Константинополя, для средней и западной Европы. Его моральное ученіе, его философія, его алфавитъ, государственныя и соціальныя учрежденія были усвоены другими странами; для ученыхъ всѣхъ этихъ странъ Китай въ теченіе вѣковъ былъ alma mater; отсюда шло все, что заслуживало изученія, знанія и желанія.

Общій государственный порядокъ, господствующій въ Китаѣ, несмотря на многочисленныя мѣстныя неурядицы и возстанія и частые, нерѣдко крупные политическіе перевороты, дѣйствовалъ благотворно и побуждалъ къ соревнованію съ сосѣдними народами. Еще и теперь, малочисленность чиновниковъ, получающихъ жалованье отъ государства—немногимъ болѣе 6,000 чиновниковъ на населеніе, состоящее минимумъ изъ 250 милліоновъ жителей—тѣмъ болѣе должна вызывать наше изумленіе, что находящаяся въ ихъ распоряженіи вооруженная сила, весьма значительная *на бумагѣ* (армія зеленаго знамени, т. е. образующая собственно корпусъ полиціи и жандармовъ, состоитъ будто бы изъ 600 тысячъ человѣкъ), на дѣлѣ крайне ничтожна, такъ что власти по отношенію къ населенію вынуждены дѣйствовать почти исключительно помощью моральнаго вліянія.

Каждое повелѣніе въ Китаѣ исходитъ, такъ сказать, изъ отцовскихъ устъ: чиновники именуются отцами и матерями (!) народа, послушаніе—первая обязанность дѣтей и смерть угрожаетъ всякому ослушнику родительской воли [1]). Теоретически неограниченная власть богдыхана (фактически она значительно ограничена церемоніаломъ и прецедентами) основана также на юридическомъ положеніи, въ силу котораго императоръ признается отцомъ народа. Подобные принципы, разумѣется, могутъ быть проведены лишь тамъ, гдѣ весьма развита круговая отвѣтственность и надзоръ; на этомъ основано подраздѣленіе населенія на десятки, сотни и т. д., на общины, округа, даже улицы, при чемъ въ каждой единицѣ каждый отвѣтственъ за всѣхъ и всѣ за каждаго. Всего строже примѣняется этотъ принципъ въ случаѣ убійства родителя: не только преступникъ, но и вся его семья и даже сосѣди, подъ предлогомъ поданія ими дурного примѣра, или даже цѣлая община наказывается разрушеніемъ части городской

[1]) Это уже позволяетъ сомнѣваться въ достоинствѣ китайскихъ порядковъ. *Перев.*

стѣны. Недостаточность полиціи и войска, находящихся въ распоряженіи властей, служитъ также объясненіемъ, почему мѣстные безпорядки такъ часты и разбои на сушѣ и на морѣ не могутъ быть никакъ искоренены. Стремленіе къ образованію тайныхъ обществъ, приносимое китайцами съ собою всюду, даже за границу, также не мало содѣйствуетъ взрыву безпорядковъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ. Этимъ безпорядкамъ порою придаютъ названіе возстаній, тогда какъ въ дѣйствительности рѣчь идетъ большею частью лишь о разбойничьихъ нападеніяхъ болѣе или менѣе крупныхъ шаекъ.

Семейный и родовой бытъ.

По словамъ Конфуція: „Мужчина намѣстникъ неба и властвуетъ надъ всѣмъ. Женщина да повинуется увѣщаніямъ мужа и да поможетъ выполнить его мысли. Поэтому, она не должна ничего сама рѣшать и должна подчиниться правилу *трехъ послушаній*. Дѣвушка да повинуется отцу и старшему брату, замужняя женщина—супругу, а по смерти его своему сыну. Никакія повелѣнія или распоряженія да не изойдутъ изъ устъ ея. Она не должна дѣйствовать по собственной волѣ и не должна принимать никакого рѣшенія по своему усмотрѣнію“. Это постоянное несовершеннолѣтіе женщины, созданное нравами, закономъ и, не въ меньшей мѣрѣ, ученіемъ Конфуція,—представляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ явленій въ семейной жизни китайцевъ. Другой особенностью является рѣзко подчеркнутая исключительная цѣль каждаго китайскаго брака, а именно, производство мужского потомства, которое въ состояніи выполнять обряды, предписанные по смерти отца и должно преклонять душу отца и отдаленныхъ предковъ въ пользу потомства. Это одностороннее отношеніе къ цѣлямъ брака могло первоначально быть поводомъ къ появленію неограниченнаго числа наложницъ (цзіе) на ряду съ женой (цзи). Однако, уже для древнѣйшихъ временъ мы имѣемъ доказательства того, что эта цѣль, по крайней мѣрѣ фактически, отошла на второй планъ по сравненію съ болѣе прямой цѣлью—удовлетвореніемъ мужской похоти. Собственно въ этомъ не было бы ничего удивительнаго; но не мало приходится удивиться тому, что какъ разъ учителя народа, древніе мудрецы, существеннымъ образомъ содѣйствовали развитію этой стороны конкубината. Тѣ самые моралисты, которыхъ приво-

дила въ набожный ужасъ мысль о томъ, что мужчина можетъ сѣсть на одной цыновкѣ съ женщиной или повѣсить свою дежду на вѣшалку, гдѣ висятъ женскія платья—эти нравственные люди прославляютъ сводничество, восхваляя, какъ наивысшее выраженіе женской добродѣтели, подвиги тѣхъ женъ, которыя достаютъ своимъ мужьямъ хорошенькихъ любовницъ. Ревнивость жены до-сихъ-поръ считается однимъ изъ семи поводовъ для развода, признанныхъ нравами и закономъ; другими поводами считаются распутство жены, ея бездѣтность, отвратительныя или неизлѣчимыя болѣзни, неповиновеніе родителямъ мужа, склонность къ воровству и даже болтливость! Все это относится только къ женщинѣ: она въ правѣ требовать съ своей стороны развода лишь въ двухъ случаяхъ: если мужъ бьетъ ее или старается продать. Въ этихъ случаяхъ окружной чиновникъ выдаетъ ей бумагу, разрѣшающую разводъ и вступленіе въ новый бракъ. Вторичный бракъ вдовы дозволенъ закономъ, но воспрещенъ обычаемъ.

„Еще не умершая“—таково китайское наименованіе вдовы—должна, согласно обычаю, думать только о смерти и никогда не въ правѣ желать сдѣлаться супругой другого. „Умереть съ голоду, гласитъ ученіе Конфуція, не бѣда, но утратить цѣломудріе посредствомъ новаго вступленія въ бракъ, это важный проступокъ“. Теорія здѣсь, конечно, не вполнѣ сходится съ практикой. Многія вдовы выходятъ вновь замужъ, по причинѣ нужды или потому, что семья мужа, падающая на нее бременемъ, принуждаетъ ее къ замужеству; иногда быть можетъ, бываютъ браки и по любви. Во всякомъ случаѣ, вѣрность вдовы или даже бывшей наложницы умершему или господину награждается публично почетными досками и тріумфальными арками, тогда какъ отъ вышедшей вторично замужъ вдовы отказываются ея собственныя дѣти и она теряетъ мѣсто въ семейной „галлереѣ предковъ“.

Препятствіемъ къ браку служатъ слѣдующія степени родства: нельзя вступать въ бракъ съ „родителями, дѣдами, прадѣдами, братьями, сестрами, дядями, тетками и вообще родственниками въ восходящей и нисходящей линіи“—до пятой степени родства. Бракъ съ вдовою брата также воспрещенъ; однофамильцы также не въ правѣ вступать между собою въ бракъ; значеніе этого послѣдняго опредѣленія можно понять лишь въ томъ случаѣ, когда узнаемъ, что въ Китаѣ, вообще

существуетъ лишь около 500 различныхъ фамильныхъ именъ [1]). У высшихъ сословій подобные браки считаются неприличными и не встрѣчаются; у низшихъ, если только рѣчь не идетъ о бракахъ въ воспрещенныхъ степеняхъ родства, чиновники большею частью смотрятъ сквозь пальцы на браки между однофамильцами.

Стремленіе избѣгать браковъ между кровными родственниками, безъ сомнѣнія, содѣйствовало тому, что китайская раса сохранила извѣстное физическое превосходство, выражающееся также въ значительной плодовитости. Эта мѣра являлась тѣмъ болѣе необходимою, что и теперь еще члены одного рода часто образуютъ населеніе цѣлой деревни, что въ прежнія времена должно было существовать еще въ большихъ размѣрахъ. Сами китайцы называютъ себя народомъ ста семействъ [2]).

Послѣ обрученія, невѣста считается принадлежащею къ фамиліи мужа. Обрученіе нерасторжимо, разрывъ его преслѣдуется судомъ и лишь невѣрность невѣсты, заболѣваніе проказою или иною неизлѣчимою болѣзнью является законнымъ поводомъ для разрыва. При совершеніи брака важную роль играютъ признаки дѣвственности. Если они отсутствуютъ, мужчина въ правѣ отослать невѣсту родителямъ. Доказательства невинности тщательно хранятся въ семейныхъ архивахъ у родителей невѣсты, чтобы въ случаѣ позднѣйшаго спора имѣть подъ рукою доказательства.

Прелюбодѣяніе даетъ мужу право убить одного изъ виновныхъ или обоихъ; онъ остается безнаказаннымъ, если убійство совершено на мѣстѣ преступленія. При судебномъ разводѣ виновные несутъ отвѣтственность, смотря по обстоятельствамъ. Виновную жену обыкновенно публично продаютъ желающему взять ее въ наложницы, хотя это, по народнымъ понятіямъ, бросаетъ невыгодный свѣтъ также на мужа.

Мертвый формализмъ, прославляемый древними мудрецами какъ величайшая степень совершенства, придалъ китайскому браку еще тысячелѣтія тому назадъ тотъ самый характеръ, которымъ онъ отличается и теперь. Китаянка можетъ и по нашимъ понятіямъ быть хорошей женой, но, вообще говоря, въ китайской семьѣ мужъ и жена другъ

[1]) Сравн. классовую систему у австралійцевъ и тотемныя группы у американскихъ индѣйцевъ. *Перев.*

[2]) Т. е, вѣроятно, первоначальныхъ клановъ. Сравн. предъид. примѣч. и еврейскія „колѣна".

другу—чужіе. Этому не мало способствуетъ то обстоятельство, что, подобно тому, какъ въ своей собственной семьѣ дѣвушка является рабыней родителей, даже называющихъ ее именемъ, обозначающимъ служанку,—такъ и въ семьѣ мужа она рабыня его родителей. Лишь послѣ рожденія сына положеніе ея становится болѣе сноснымъ и лишь по смерти родителей мужа, да и то, если въ семьѣ нѣтъ старшихъ золовокъ, она можетъ надѣяться въ свою очередь стать госпожою. Это дурное положеніе, занимаемое женою въ семьѣ ея мужа, и опасность, угрожающая ей въ случаѣ предпочтенія, оказываемаго мужемъ наложницѣ, привели на югѣ Китая къ тому, что здѣсь молодыя дѣвушки образуютъ тайныя общества, члены которыхъ предпочитаютъ браку—смерть или, по крайней мѣрѣ, стараются сдѣлать бракъ, по возможности, фиктивнымъ. Вообще говоря, общественное мнѣніе оказывается на сторонѣ жены противъ наложницы, и старшіе члены общины порою вмѣшиваются въ ея пользу; однако, и женѣ, и имъ, по китайской пословицѣ, придется напиться уксусу (не-солоно хлебать) и всѣ опредѣленія закона, регулирующія и возвышающія положеніе жены и ея дѣтей по сравненію съ наложницею и ея дѣтьми, не въ состояніи устранить вреда гаремной жизни, къ которому въ императорскихъ семьяхъ присоединяется еще пользованіе услугами евнуховъ.

По теоріи, китаецъ ставитъ мать наравнѣ съ отцомъ: „Небо, земля, отецъ, мать"—гласитъ одна надпись, встрѣчаемая иногда на жертвенныхъ дарахъ; и дѣйствительно, положеніе матери высоко и обезпечено—однако лишь по отношенію къ ея собственнымъ дѣтямъ и только пока ей содѣйствуетъ мужъ. Говорить, по отношенію къ китайцемъ, о бракѣ въ нашемъ смыслѣ слова и объ абстрактной святости брака было бы грубымъ извращеніемъ фактовъ.

Браки заключаются въ Китаѣ въ очень раннемъ возрастѣ: дѣвушки выходятъ замужъ въ возрастѣ 12—14 лѣтъ, жениху бываетъ обыкновенно 14—18 лѣтъ. Желаніе имѣть какъ можно скорѣе мужского потомка и забота о томъ, чтобы трауръ по родителяхъ или по императорѣ или императрицѣ не оттянулъ брака на 27 мѣсяцевъ, вообще говоря, является причиною такихъ раннихъ браковъ. Можетъ быть играетъ роль также желаніе предупредить распутство со стороны молодыхъ людей; но эта цѣль, во всякомъ случаѣ, не достигается, такъ какъ проституція господствуетъ во всемъ Китаѣ;

на сѣверѣ она болѣе скрытна, но зато принимаетъ порою самыя худшія формы.

Подобно тому, какъ въ другихъ странахъ и въ другія эпохи, двѣ причины содѣйствовали распространенію проституціи: съ одной стороны, половая потребность мужчины, съ другой—его стремленія къ болѣе утонченныхъ умственнымъ наслажденіямъ, чѣмъ тѣ, которыми онъ можетъ пользоваться у себя дома. Первая причина привела къ развитію низшихъ формъ проституціи, отличающихся отъ встрѣчаемой въ другихъ странахъ лишь внѣшними признаками; другая породила свободный гетеризмъ, напоминающій, по направленію духовнаго развитія, гетеръ древней Греціи или куртизанокъ средневѣховой Италіи и Франціи XVIII вѣка. Дѣвочекъ покупаютъ въ дѣтскомъ возрастѣ, обучаютъ всѣмъ отраслямъ поэзіи, музыкѣ, искуствамъ и манерамъ и приглашаютъ ихъ на званые обѣды и иныя торжества, чтобы увеселять гостей умомъ и остроуміемъ и оживлять бесѣду. Въ подобныхъ случаяхъ отъ нихъ и не требуется большаго, и гдѣ это водится, тамъ онѣ могутъ не нарушать своихъ общественныхъ обязанностей. Въ эпоху разцвѣта Китайской Имперіи, при династіяхъ Тань и Сунь и при первыхъ императорахъ династіи Минь, имена куртизанокъ, славившихся умомъ и остроуміемъ, еще болѣе, чѣмъ красотою, были у всѣхъ на устахъ. Даже теперь каждый образованный китаецъ узнаетъ съ перваго взгляда портреты подобныхъ красавицъ и съумѣетъ возвать имя, эпоху и мѣстопребываніе оригинала. Но Аспазіи нынѣшняго Китая далеко уступаютъ своимъ предшественницамъ, и вмѣстѣ съ блескомъ Имперіи потускнѣлъ также блескъ служительницъ китайской Венеры.

Религіозное и умственное развитіе китайцевъ.

Древняя народная религія китайцевъ, какъ она выясняется изъ Шу-Кинь, т. е. книги исторіи, имѣетъ, во всякомъ случаѣ, сильный теистическій характеръ. Шань-ти или Хвань-Танъ-Шань-ти т. е. Высочайшій Владыка или Богъ, живущій на высокомъ небѣ и есть источникъ всякаго могущества, чрезъ него царствуютъ императоры и князья; онъ низвергаетъ однихъ и ставитъ другихъ; императоры—служители его воли, защищающіе его народъ и руководящіе народомъ, Его взоръ наблюдаетъ за ними, расточая похвалу или порицаніе, награждая или наказывая, смотря по тому, совершаютъ ли люди правду или неправду. Отъ Небеснаго Владыки происходитъ все доброе и злое, счастье и несчастіе, награда и наказаніе. „Тянъ“ т. е. небо, встрѣчается еще чаще въ Шу-кинь, нежели „Шань-ти“ являясь его синонимомъ. „Небо“ это выраженіе, которымъ древніе китайцы охотно пользовались для выраженія понятія величайшаго могущества. Лишь позднѣйшіе комментароры, жившіе около XII столѣтія нашего лѣтосчисленія, провели между обоими названіями различіе, увѣряя, что Шань-ти обозначаетъ могущество и господство, тогда какъ Тянъ—защиту и попеченіе. Въ Шу-кинь такого различія не видно: здѣсь Шань-ти и Тянъ обозначаютъ одно и тоже. „Тянъ слышитъ, какъ мой народъ слышитъ; онъ видитъ, какъ мой народъ видитъ“,—сказано въ Шу-кинь. Эту значитъ: „гласъ народа—гласъ Божій“.

Теистическій характеръ древне-китайской религіи ни мало не нарушается тѣмъ обстоятельствомъ, что кромѣ высокаго владыки почитаютъ духовъ неба и земли, пахать и нивы, горъ и рѣкъ, временъ года, холода и зноя, солнца, луны и звѣздъ, засухи и наводненія. Подобные посредники и помощники, какъ извѣстно, встрѣчаются и въ другихъ, болѣе строго монотеистическихъ религіяхъ, чѣмъ китайская. Важнѣе, быть можетъ, сопротивленіе или, правильнѣе противопоставленіе неба и земли, встрѣчающееся, впрочемъ, лишь однажды въ Шу-кинь, да и то въ началѣ династіи Чжоу.

Душамъ предковъ также приносятъ жертвы. Храмъ предковъ служитъ для важнѣйшихъ государственныхъ и семейныхъ дѣлъ: усыновленіе, передача власти и другія дѣйствія правительства происходятъ здѣсь; предкамъ, какъ богамъ-покровителямъ, сообщаютъ обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ; въ ихъ храмахъ гадаютъ судьбу по фигурамъ, получаемымъ при нагрѣваніи на огнѣ черепаховой скорлупы, раскрашенной тушью: фигуры эти позволяютъ отгадать повелѣнія боговъ-хранителей. Для той же цѣли можно взять 49 стеблей растенія, которому позднѣйшіе комментаторы приписывали особыя духовныя свойства: стебли складываютъ 18 разными способами по такъ наз. „па ква“, т. е. 8 діаграммамъ Фугъ-си. Гаданье по лопаткѣ, т. е. по растрескиванью на огнѣ лопаточной кости овцы, принадлежитъ лишь позднѣйшему времени.

Вѣра въ воскресеніе мертвыхъ несомнѣнно существуетъ

у китайцевъ. Душа летитъ къ небу, болѣе грубыя части ниспадаютъ въ землю; но небо и адъ въ европейскомъ смыслѣ слова неизвѣстны древнимъ китайцамъ. Наказаній и наградъ на томъ свѣтѣ не существуетъ. Добродѣтель награждается, а порою наказывается еще на землѣ. Заслуги всѣхъ предковъ, взятыхъ въ совокупности, не помогутъ грѣшному властителю: за свои личныя прегрѣшенія онъ подлежитъ гнѣву и карѣ небесъ. Гораздо позднѣйшія свѣдѣнія—о которыхъ нѣтъ и помину въ Шу-кинъ,—объ обычаѣ хоронить вмѣстѣ съ вельможами изображенія людей или даже живыхъ людей — говорятъ также въ пользу вѣры въ загробную жизнь.

Поразительно и достойно вниманія абсолютное отсутствіе въ древней религіи китайцевъ и въ позднѣйшей философіи всякихъ безнравственныхъ мыслей или обычаевъ. По словамъ Медоуза (Meadows), каждое предложеніе въ каноническихъ писаніяхъ китайцевъ можетъ быть прочитано въ любой англійской семьѣ, нисколько не шокируя, и въ богослужебныхъ обрядахъ нѣтъ и намека на безстыдные культы, встрѣчаемые въ другихъ религіяхъ. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ признанія, что противопоставленіе Йень и Йинъ—мужского и женскаго начала—развившееся при династіи Чжоу и позднѣе, легко могло подать поводъ къ самымъ похотливымъ объясненіямъ и церемоніямъ. Съ появленіемъ династіи Чжоу, являются новыя и, по справедливому мнѣнію Гарлеза (Harlez) и др., чуждыя, не-китайскія вліянія, вторгающіяся въ древнюю религію и въ государственность. Относительно болѣе сильнаго выступленія шаманскихъ идей и обрядовъ при династіи Чжоу не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вѣдьмы и волшебники играютъ здѣсь большую роль, они принадлежатъ къ свитѣ монарха и помѣщаются въ государственномъ календарѣ. Человѣческія жертвы при погребеніяхъ должны быть приписаны, повидимому, той же эпохѣ. Раньше погребали чучела изъ соломы или дерева вмѣстѣ съ усопшимъ; и хотя можетъ быть сомнѣніе въ справедливости взгляда, высказаннаго между прочимъ Конфуціемъ, что такой обычай не былъ воспоминаніемъ о прежнихъ человѣческихъ жертвахъ, но, наоборотъ, будто бы привелъ позднѣе къ такимъ жертвамъ — тѣмъ не менѣе, можно считать несомнѣннымъ, что погребеніе живыхъ людей главнымъ образомъ примѣнялось въ первые времена царствованія династіи Чжоу. Это позволяетъ заключить о сѣверно-азіатскихъ, монгольскихъ или

манджурскихъ вліяніяхъ, какъ, напр., и при нынѣшней манджурской династіи человѣческія жертвы при погребеніяхъ были въ употребленіи до середины XVII вѣка, пока не были окончательно упразднены императоромъ Кань-ги.

Въ политическомъ отношеніи, династія Чжоу также произвела существенную перемѣну; на мѣсто прежней объединенной монархіи явилось феодальное государство. Объясненіемъ является, вѣроятно, потребность надѣлить родственниковъ и союзниковъ землею и людьми и такимъ образомъ позаботиться о подавленіи возможныхъ попытокъ къ мятежу и объ упроченіи новой династіи.

Какъ и всѣ другія иноземныя династіи, такъ и династія Чжоу очень скоро усвоила обычаи, нравы и воззрѣнія китайцевъ и стала китайскою. Во всякомъ случаѣ, воспоминаніе о ея вполнѣ или отчасти чуждомъ происхожденіи быстро изгладилось изъ народнаго сознанія и въ такой полной мѣрѣ, что когда послѣ ея тысячелѣтняго существованія князь Цзинскій низвергъ эту династію и съ нею феодальную систему, то какъ разъ грамотѣи, защитники китайской самобытности, оказали ему самое упорное сопротивленіе.

Древняя религія китайцевъ сохранилась существеннымъ образомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась 3000 лѣтъ тому назадъ или еще раньше. „Возвышенный небесный высочайшій владыка“—такова еще и теперь надпись на доскѣ, передъ которою китайскій императоръ въ небесномъ храмѣ въ Пекинѣ совершаетъ молитву. Удержавшіеся при этихъ и при другихъ дѣйствіяхъ государственнаго культа обычаи и церемоніи остались прежними; число божествъ-хранителей, обоготворенныхъ воиновъ и государственныхъ людей, конечно, значительно умножилось въ теченіе тысячелѣтій; божественныя почести оказываются также многимъ неодушевленнымъ предметамъ, какъ, напр., камнямъ, древеснымъ стволамъ, знаменамъ, даже крупповскимъ пушкамъ (!) или, точнѣе, подразумѣваемому въ нихъ духовному началу; однако, и теперь еще теистическій характеръ государственной религіи, въ особенности въ отношеніи, признаваемомъ между императоромъ и шань-ти, стоитъ внѣ сомнѣнія.

Ортодоксальная китайская философія, какъ она существовала въ теченіе тысячелѣтій и какою сохранилась, несмотря на многочисленныя чуждыя вліянія, относящіяся, впрочемъ, по преимуществу къ XII вѣку по Р. Х.,—эта философія, по убѣжденію китайцевъ, была дѣломъ древнихъ властите-

лей и мудрецовъ, относящихся къ временамъ династіи Чжо или къ первымъ ея десятилѣтіямъ. Самъ Конфуцій, по его собственнымъ показаніямъ, не былъ основателемъ новаго ученія, но лишь охранителемъ и комментаторомъ этихъ ученій, дошедшихъ къ намъ отъ незапамятныхъ временъ. Конфуцій или правильнѣе Кунь-фу-цзы, т. е. сановникъ, учитель, былъ отпрыскомъ императорской фамиліи. Предки его поселились въ княжествѣ Лю въ Шанъ-тунѣ и занимали здѣсь незначительныя, частью военныя должности. Родившись въ 549 г. до Р. Х., Конфуцій еще въ ранней молодости посвятилъ себя учительству и пріобрѣлъ, особенно послѣ посѣщенія имперской столицы, такое уваженіе, что вскорѣ онъ, какъ многіе раньше и послѣ его, началъ странствовать съ большою свитою учениковъ въ имперіи отъ одного княжескаго двора къ другому, постоянно съ вѣчно обманчивой надеждой играть гдѣ-либо въ подходящемъ мѣстѣ политическую роль. Запутавшись во внутреннихъ распряхъ въ своемъ отечествѣ, онъ долженъ былъ повернуть ему спину; возвратясь туда по истеченіи нѣкотораго времени, онъ получилъ отъ одной изъ господствующихъ партій сначала малую должность, затѣмъ высшаго судебнаго администратора, вродѣ министра юстиціи; въ этомъ званіи онъ, говорятъ, сдѣлалъ многое, возбудивъ зависть сосѣднихъ князей, приведшую къ его паденію и добровольному изгнанію. Возможно, впрочемъ, также, что онъ, при отправленіи своей обязанности, менѣе потакалъ своимъ покровителямъ, чѣмъ они ожидали, почему они и заставили его удалиться. Затѣмъ онъ снова бродилъ по странѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, не находя примѣненія своимъ притязаніямъ и желаніямъ, и, наконецъ, умеръ въ 477 г. до Р. Х., надломленнымъ, разочарованнымъ, озлобленнымъ старикомъ. Лишь въ началѣ нашей эры прежнее, по премуществу чисто мѣстное уваженіе къ Конфуцію и признаніе его заслугъ замѣнилось всеобщимъ, государственнымъ признаніемъ. Однако, прошло еще 5 или 6 столѣтій, прежде чѣмъ онъ былъ признанъ первымъ, великимъ учителемъ, провозгласителемъ и охранителемъ древнихъ ученій. Его потомкамъ достались на долю богатыя почести; глава рода носитъ титулъ, соотвѣтствующій герцогскому, и хотя не пользуется никакимъ политическимъ вліяніемъ, однако, ему въ его резиденціи въ Шанъ-тунѣ, подлѣ могилы мудреца, оказываютъ высокія почести.

Ученіе, провозглашенное Конфуціемъ, можно всего точнѣе назвать *мірскою мудростью*. Онъ не училъ ничему сверхъестественному, необыкновенному, не брался разсуждать о загробномъ состояніи. „Ты не можешь служить живымъ, какъ же ты берешься служить умершимъ?“ отвѣтилъ онъ одному изъ учениковъ на вопросъ, какъ можно лучше всего служить умершимъ. Отношенія личности къ семьѣ, къ ленному государству, къ императору; обязанности хорошаго сына, хорошаго отца, чиновника, князя, императора, превосходство, необходимо приводящее человѣка отъ одного изъ этихъ положеній къ другому—вотъ вопросы, всего охотнѣе обсуждаемые Конфуціемъ. Его, поэтому, можно, въ извѣстномъ смыслѣ слова, признать отцомъ системы, служащей основою китайскаго чиновничества. Система эта существеннымъ образомъ содѣйствовала тому, что Китай сталъ государствомъ, гдѣ лишь вступленіе въ сословіе чиновниковъ доставляетъ возможность пріобрѣтенія почестей, вліянія и богатства, почему и стремленіе всѣхъ и каждаго клонится къ тому, чтобы туда проникнуть.

На мѣсто практическаго выполненія требуемыхъ для чиновника предписаній добродѣтели, должно было, въ концѣ концовъ, явиться теоретическое познаніе; такимъ образомъ въ Китаѣ существующіе тамъ уже цѣлыя тысячелѣтія состязательные экзамены создали чиновничество, познавшее всѣ добродѣтели и, въ огромномъ большинствѣ, никогда имъ не слѣдующее. Поэтому, какъ ни возвышено ученіе Конфуція само по себѣ, на него, во всякомъ случаѣ, падаетъ значительная доля отвѣтственности за упадокъ имперіи. Что касается моральнаго ученія Конфуція, этотъ мудрецъ, какъ сынъ своего времени, когда кровавая месть еще признавалась священнымъ долгомъ, не могъ стоять на точкѣ зрѣнія, по которой за зло слѣдуетъ платить добромъ. Плати добромъ за добро и справедливостью за зло,—вотъ что онъ рекомендовалъ своимъ ученикамъ и что должно было казаться также наиболѣе правильнымъ съ его точки зрѣнія, проникнутой строгимъ формализмомъ. Дидактизмомъ и доктринерствомъ проникнуто его ученіе о выполненіи обязанностей дѣтей; эти обязанности для него—самое высшее и состоятъ въ слѣдующемъ: служить родителямъ, беречь съ этой цѣлью свое тѣло и добывать славу и почетъ ради родителей. Въ этомъ отношеніи онъ послужилъ руководителемъ всего дальнѣйшаго развитія китайскаго народа. Въ политическомъ отношеніи онъ, несмотря на начавшіяся уже въ его время внутреннія

смуты, былъ преданъ императорскому дому; такъ, напр., въ попыткахъ отдѣльныхъ князей нарушить предписанные леннымъ княжествамъ обряды и жертвы видѣлъ посягательство на императорскія права и порицалъ его.

Почти одновременно съ Конфуціемъ и нѣсколько старше его возрастомъ былъ Ли-пе-янь, болѣе извѣстный подъ именемъ Лао-цзе или Лао-цзы, что значитъ *старый мальчикъ*, прозвище, данное ему по старческому виду, который онъ имѣлъ, когда только что родился на свѣтъ. Лао-цзе является основателемъ единственной туземной китайской религіи, называемой *таоизмомъ* или *даоизмомъ*. О происхожденіи, жизни и характерѣ Лао-цзы, въ противоположность Конфуцію, ничего неизвѣстно. Все, что разсказываютъ гораздо позднѣйшіе писатели о его отношеніяхъ къ Конфуцію, основано на тенденціозныхъ выдумкахъ таоистовъ. Лао-цзы—авторъ книги Тао-те-кинь, что значитъ Путь къ добродѣтели. Въ то время, какъ Конфуцій учитъ стремиться впередъ и ревностно совершенствоваться, Лао-цзы требуетъ чистоты сердца, спокойствія духа, созерцательности и владычества надъ похотями, видя въ этомъ путь къ достиженію нравственнаго совершенства, а смыслъ слова *тао*, означающаго, между прочимъ, путь, не вполнѣ ясенъ даже китайскимъ комментаторамъ, такъ какъ это слово примѣняется то къ внутреннему, то къ внѣшнему міру человѣка, и означаетъ порою творческій принципъ, порою же средство къ достиженію совершенства. Сравненіе съ александрійскимъ *логосомъ* напрашивается на умъ, хотя и было бы ошибкою отожествлять оба понятія. Для древняго, чистаго, несомнѣнно теистическаго таоизма характернымъ является восхваленіе воздержанія отъ всякой дѣятельности; это ученіе о недѣланіи, являясь противоположнымъ стремленіямъ учениковъ Конфуція, дало древнимъ таоистическимъ писателямъ удобный поводъ къ нападкамъ на самого Конфуція и на его послѣдователей.

Лао-цзы также отклонилъ честь быть основателемъ своего ученія; подобно Конфуцію, онъ утверждалъ, что только охраняетъ и объясняетъ древнія ученія прежнихъ мудрецовъ. Долгое время таоизмъ не могъ удержаться въ своей первоначальной чистотѣ. Предписанное удаленіе отъ міра, погруженіе въ созерцательность должно было привести къ мечтательности и къ мистическимъ умозрѣніямъ; а отъ самообмана былъ лишь шагъ къ мороченью другихъ. Новое направленіе таоизма, нашедшее обильную пищу въ занятіяхъ алхиміей,

въ поискахъ за элексиромъ, могущимъ доставить безсмертіе, за философскимъ камнемъ, за способами приготовленія золота — это направленіе было желаннымъ гостемъ при дворахъ императоровъ и встрѣтило у нихъ награду и признаніе. Вмѣстѣ съ упадкомъ могущества имперіи и блеска двора, упалъ съ своей высоты и древній таоизмъ; теперь онъ служитъ не мистически-философскимъ забавамъ вельможъ, а суевѣріямъ народа. Несмотря на это, и не взирая на пренебреженіе, въ которомъ находится большая часть жрецовъ этой религіи, получившихъ отъ старинныхъ миссіонеровъ прозвище: „докторовъ разума“, было бы несправедливостью поставить слишкомъ низко вліяніе и значеніе таоизма. Едва ли существуетъ хотя бы одно изъ событій обыденной жизни, при которомъ не обратились бы за совѣтомъ къ таоистскому жрецу. Въ случаѣ эпидемій, физическихъ или душевныхъ, напр., при отрѣзываніи косъ, будто бы совершаемомъ „бумажнымъ человѣчкомъ“ и періодически повторяющемся въ разныхъ мѣстностяхъ, главный жрецъ религіи тао, родъ папы, или, собственно, наслѣдственный глава секты, вмѣстѣ съ другими духовными лицами, пожинаетъ золотыя жатвы, занимаясь изгнаніемъ и ловлею бѣсовъ. Ученіе Конфуція, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на будущую жизнь и таоизмъ, господствовавшій въ первые вѣка нашего лѣтоисчисленія, главнымъ образомъ при императорскомъ дворѣ, должны были открыть широкій просторъ буддизму, проникшему, правда, сначала въ императорскія придворныя сферы, но затѣмъ распространившемуся въ народѣ, послѣ утраты своей первоначальной чистоты и приспособленія къ народнымъ вѣрованіямъ и суевѣріямъ. Достигнувъ въ высшихъ сферахъ существеннаго вліянія на развитіе конфуціанизма, особенно проявляющагося у комментаторовъ древнихъ каноническихъ писаній временъ династіи Сунь (XII вѣка), буддизмъ всего ярче проявился у наиболѣе значительнаго изъ этихъ комментаторовъ, Чжу-чжи. Въ низшихъ сферахъ онъ, наоборотъ, смѣшался съ самыми грубыми суевѣріями таоизма, такъ что теперь въ глазахъ народа почти нѣтъ различія, между религіей тао и буддизмомъ. Конфуціанизмъ вмѣстѣ съ почитаніемъ предковъ и тѣсно связанными съ нимъ предписаніями сыновней любви, подѣйствовалъ рѣшительно не только на образованные классы (какъ часто ошибочно утверждаютъ), но на весь народъ, придавъ ему опредѣляющее направленіе и форму. Буддизмъ и таоизмъ до того слились

между собою въ религіозномъ отношеніи, что сами китайцы, а въ большинствѣ случаевъ и жрецы или священники обѣихъ религій, не въ состояніи различить, къ какой вѣрѣ они принадлежатъ.

По смерти Конфуція, какъ сообщаютъ китайскіе писатели, чистому ученію настало конецъ. Ученики учениковъ Конфуція раздѣлились на множество различныхъ сектъ, и потребовалось выступленіе новаго великаго человѣка, чтобы, примыкая къ ученіямъ своего предшественника и учителя, доставить конфуціанизму побѣду и сдѣлать его тѣмъ, что онъ есть. Мень-цзы, или по-латыни Менціусъ, родился въ 371 году до Р. Х., также въ нынѣшней провинціи Шантунь. Отецъ его рано умеръ; его мать Чжань-жи прославляютъ, какъ образецъ мудрой воспитательницы. Она была вѣрной совѣтницей и подругой сына до его зрѣлаго возраста и, кажется, на самомъ дѣлѣ была женщиной необычайно даровитой и энергичной; въ случаѣ надобности она не стѣснялась даже, когда ея сынъ уже достигъ знаменитости, защищая свое мнѣніе и настаивая на немъ, если считала сына неправымъ.

Подобно Конфуцію, Менцій также рано посвятилъ себя учительству и подобно ему по цѣлымъ десятилѣтіямъ странствовалъ неустанно отъ одного княжескаго двора къ другому, въ сопровожденіи толпы учениковъ, часто числившейся тысячами.

Онъ былъ въ тягость князьямъ и населенію, надъ нимъ насмѣхались практическіе политики, ему много удивлялись, съ нимъ много враждовали и нигдѣ не давали ему хода, пока, по примѣру учителя, онъ, состарившись и озлобившись, не возвратился на родину, гдѣ еще долго прожилъ въ уединеніи. Онъ умеръ почти забытый, 84 лѣтъ отъ роду. Его заслуги, какъ и Конфуція, тотчасъ были оцѣнены, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ; но прошли тысячелѣтія, прежде чѣмъ его произведенія попали въ число классическихъ; даже теперь его мѣсто въ храмахъ Конфуція лишь четвертое среди главныхъ учениковъ.

Мень-цзы былъ натуры гораздо болѣе энергичной, нежели Конфуцій; сверхъ того, какъ политическое, такъ и моральное состояніе Китая вынуждало его къ гораздо болѣе рѣшительному отстаиванію своего мнѣнія, къ гораздо болѣе боевой позиціи, чѣмъ это было необходимо для его предшественника.

Имперія трещала по всѣмъ швамъ; для зрячаго паденіе

ея было лишь вопросомъ времени. Упадокъ императорскаго могущества могъ, по этическому воззрѣнію китайцевъ, быть объясненъ лишь недостаткомъ моральныхъ качествъ вѣнценосца и зависящимъ отъ этого небеснымъ гнѣвомъ. Мень-цзы былъ, поэтому, вполнѣ въ своей роли, когда обѣщалъ престолъ достойнѣйшему изъ ленныхъ князей и объяснилъ при этомъ, что достойнымъ будетъ навѣрное тотъ, кто выберетъ его своимъ совѣтникомъ.

Политическое положеніе заставило также и его, съ гораздо большей рѣзкостью, нежели Конфуція, выступить въ пользу ученія, по которому народъ является важнѣйшимъ элементомъ націи. Отсюда до теоріи низложенія правителей въ случаѣ ихъ неспособности и даже до оправданія тираннобійства былъ шагъ, на который отважился Мень-цзы. Что подобные взгляды не могли быть пріятными правящимъ классамъ, разумѣется само собою, и потребовалось все вліяніе литераторскаго сословія, чтобы побѣдоносно бороться противъ негодованія, возбужденнаго Мень-цзы въ высшихъ сферахъ. Невозможно, однако, отрицать, что безстрашное отстаиваніе своихъ взглядовъ на роль и положеніе народа и правителя существенно содѣйствовало охраненію Китая отъ крайностей тиранническаго правленія, такъ часто проявляющихся въ исторіи азіатскихъ народовъ.

Другое изреченіе Мень-цзы оказало такое же продолжительное, но гораздо менѣе выгодное вліяніе на судьбы Китая; рѣчь идетъ о слѣдующемъ положеніи: „Я, правда, слышалъ, что варвары научились кое-чему отъ Китая, но никогда еще не слышалъ, чтобы Китай научился чему-либо отъ варваровъ“. Этотъ афоризмъ еще и теперь является символомъ вѣры китайскихъ консерваторовъ и гораздо болѣе содѣйствуетъ замкнутости Китая по отношенію къ европейской цивилизаціи, нежели всѣ прочіе принципы Конфуція.

Въ этическомъ отношеніи Мень-цзы опирается на воззрѣнія своего предшественника; для него „сыновняя любовь“ также является началомъ и концомъ ученія. Природа человѣка признается доброю, чувство состраданія обще всѣмъ людямъ, но только у однихъ дѣйствіе его подразумѣвается само собою, тогда какъ у другихъ оно съ трудомъ пролагаетъ путь. Мень-цзы вѣритъ въ предопредѣленіе; однако, по его словамъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы „кто-либо долженъ былъ становиться подъ падающей стѣной“, и по его словамъ „смерть

въ постели предопредѣлена, но не смерть въ оковахъ и въ тюрьмѣ“.

Раздробленность конфуціанской школы по смерти учителя привела къ образованію многочисленныхъ сектъ и къ появленію многихъ тезисовъ, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривались Мень-цзы тамъ, гдѣ эти мнѣнія пріобрѣли болѣе значительное вліяніе. Гнѣвъ его особенно обрушивается на трехъ изъ философскихъ противниковъ ученія Конфуція. Таоистскій циникъ Янь-чжу пришелъ къ выводу, что въ мірѣ все суета, что жизнь слѣдуетъ переносить, а смерти нечего бояться; наилучшіе властители, какъ и наихудшіе, по смерти превратятся лишь въ груду гніющаго праха. Истинный мудрецъ переноситъ поэтому неизбѣжное, не пытаясь оказать рѣшительнаго вліянія на судьбу имперіи или свою собственную. Взглядъ этотъ оспаривается Мень-цзы, та къкакъ по его мнѣнію, онъ крайне опасенъ и способенъ нарушить правильное отношеніе между властителемъ и подданнымъ и тѣмъ самымъ можетъ нанести ущербъ общему благосостоянію. Другимъ философомъ, противъ котораго онъ выступилъ, былъ Мигъ-тейгъ, — въ латинизированной формѣ Мицiусъ — представитель ученія о всеобщей любви. Страна, истерзанная междоусобіями, по мнѣнію Миція, найдетъ спасеніе лишь въ любви каждаго и всѣхъ къ ближнимъ. Если бы воръ или убійца любилъ свою жертву, какъ самого себя, то, конечно, не пытался бы вредить ей; если бы сановники любили другъ друга, они не строили бы другъ другу козней; если бы сосѣдніе государи любили другъ друга, то войны между ихъ государствами были бы невозможны. Характерно для взглядовъ Мень-цзы, какъ и для большей части населенія, что доводъ, направленный имъ вполнѣ побѣдоносно противъ филантропическаго ученія Мигъ-тейга, состоялъ въ слѣдующемъ: „Всеобщая любовь къ ближнему несовмѣстима съ особенной любовью, которою человѣкъ обязанъ родителямъ, т. е. съ сыновнею любовью“. Третьимъ противникомъ Мень-цзы былъ философъ Кау, который оспаривалъ существованіе радикальнаго различія между добродѣтелью и порокомъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ древни многія воззрѣнія, признаваемыя обыкновенно продуктомъ новѣйшихъ движеній и стремленій, достаточно сказать, что уже Мень-цзы счелъ необходимымъ выступить противъ соціалистическихъ или коммунистическихъ идей, распространявшихся учениками нѣкоего Хіу-Хинга. Ученики эти принадлежали къ сектѣ, производившей себя отъ баснословнаго императора, изобрѣтателя земледѣлія. Они поселились какъ разъ въ томъ ленномъ государствѣ, гдѣ въ то время находился Мень-цзы. Князь этого государства сдѣлалъ попытку равномѣрнаго распредѣленія пахатныхъ земель между подданными, такъ, чтобы каждый получилъ надѣлъ, достаточный для прокормленія семьи. Недовольный этимъ, Хіу-Хингъ выставилъ требованіе, чтобы каждый князь, наравнѣ съ мужикомъ, жилъ лишь плодами, добытыми трудами рукъ своихъ, и потреблялъ лишь то, что произвелъ своимъ трудомъ. Мень-цзы старается опровергнуть это ученіе, приводя его къ нелѣпости. Онъ доказываетъ своему противнику, что если бы каждый производилъ все, въ чемъ онъ нуждается, то это было бы только потерей времени и труда; онъ убѣждаетъ его и въ томъ, что самъ авторъ теоріи нарушаетъ ее, такъ какъ вѣдь онъ не самъ приготовляетъ желѣзныя орудія, необходимыя для воздѣлыванія поля и для варки пищи, но получаетъ въ обмѣнъ. Далѣе, Менцій судитъ еще съ иной точки зрѣнія. „Стало быть,—говоритъ онъ, —только князьямъ запрещено то, что ты позволяешь себѣ самому“—и онъ переходитъ къ обсужденію теоріи, по которой одни работаютъ головою, другіе—руками, причемъ одни правятъ, а другіе кормятъ правящихъ. Этотъ взглядъ на философское движеніе въ древнемъ Китаѣ показываетъ, что моральныя и соціальныя теоріи XIX вѣка лишь съ небольшими измѣненіями звучали уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ на берегахъ Гоангъ-хо.

Съ древнѣйшихъ временъ народное образованіе въ Китаѣ находилось на высокомъ уровнѣ развитія, хотя мнѣніе о поголовной грамотности китайцевъ рѣшительно ошибочно. Своеобразный характеръ китайскаго языка и письма приводитъ къ тому, что даже продолжительное школьное обученіе еще не дѣлаетъ человѣка способнымъ къ чтенію и письму, и даже при извѣстныхъ успѣхахъ масса народа способна справиться лишь съ немногими знаками, такъ что, кромѣ заправскихъ ученыхъ и литераторовъ, всѣ вынуждены читать и писать лишь въ извѣстныхъ тѣсныхъ предѣлахъ.

Граждане Китая распадаются на четыре класса: ученыхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ. Поденщики, по крайней мѣрѣ въ объясненіяхъ къ „Священному Эдикту“ императора Кань-ги, признаются пятымъ сословіемъ, которое при честномъ выполненіи обязанностей обезпечиваетъ себѣ пищу и уваженіе. „Позорящими“ признаются занятія нищихъ, ци-

рюльниковъ, актеровъ и приставовъ. Всѣмъ имъ воспрещено участіе въ экзаменахъ, а стало быть, прегражденъ путь къ государственной службѣ. Пристава презираются на томъ основаніи, что „никто не долженъ быть чиновникомъ, т. е. отцомъ и матерью народа, кто извлекаетъ выгоды изъ страданій народа“.

Несмотря на высокое уваженіе, которымъ пользуется въ Китаѣ общее образованіе, по теоріи являющееся единственною основою для доступа къ должностямъ и почестямъ,— далеко нельзя сказать, чтобы такимъ же почетомъ пользовалась наука. Вся натура китайцевъ побуждаетъ его къ мелочной практической дѣятельности и всѣ ихъ открытія являются не столько результатомъ научной подготовки и изслѣдованія, сколько слѣдствіемъ практическихъ уловокъ и улучшеній. Китайская литература богата и разнообразна. Крупныя поэтическія произведенія съ возвышеннымъ полетомъ, правда, имъ не удаются, по среди мелкихъ есть превосходныя вещи. Обычные пренебрежительные отзывы о китайской литературѣ зависятъ отъ незнакомства съ нею. Здѣсь также существовалъ рядъ стадій развитія: въ этомъ увѣрены всѣ, кто *дѣйствительно* занимался, правда, не легкимъ дѣломъ изученія китайскаго языка и литературы.

Итакъ, въ общемъ, Китай представляетъ картину постепеннаго развитія. Это культурное движеніе протекаетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но оно существуетъ: отъ внимательнаго наблюдателя оно ускользнуть не можетъ. Болѣе медленный и односторонній ходъ развитія зависитъ, впрочемъ, отъ многихъ факторовъ: прежде всего, отъ расовыхъ особенностей, а именно пассивной приспособляемости китайскаго характера, способнаго удерживаться, вопреки всѣмъ климатическимъ различіямъ, въ неприкосновенномъ видѣ. Въ Маймачинѣ, на сибирской границѣ, гдѣ зимою часто замерзаетъ ртуть, китаецъ тотъ же, какъ и въ Сингапурѣ, гдѣ воздѣлываютъ мускатный орѣхъ. Вторженія кочевыхъ ордъ прервали лишь на короткое время непрерывный ростъ Китая. Побѣдоносный чужеземецъ вскорѣ уступилъ умственному превосходству побѣдителей. Монголы и манджуры могли основать династіи, но въ самомъ Китаѣ измѣнилось только имя императорскаго дома.

Сюда присоединяется то обстоятельство, что китайцы отовсюду были окружены народами родственными имъ по крови, но давно отставшими отъ нихъ въ нравственномъ отношеніи.

Замкнутость китайской территоріи дозволила китайцамъ спокойно развиваться въ теченіе тысячелѣтій, прежде чѣмъ имъ стала грозить опасность отъ болѣе сильныхъ народовъ. Конечно, эта географическая замкнутость, впрочемъ не настолько значительная, какъ принято думать, съ другой стороны была невыгодна для китайцевъ, такъ какъ препятствовала самымъ рѣзкимъ формамъ борьбы за существованіе и тѣмъ самымъ преградила путь быстрому движенію впередъ. Всякое спокойное и мирное развитіе—этого никогда не слѣдуетъ забывать—бываетъ весьма медленнымъ; чѣмъ сильнѣе борьба за существованіе, тѣмъ значительнѣе культурный прогрессъ.

Изъ обоихъ этихъ фактовъ—расового элемента и территоріальныхъ особенностей страны—объясняются удовлетворительнымъ образомъ кажущіяся противорѣчія въ культурномъ движеніи китайцевъ. Изъ всѣхъ высокоразвитыхъ народовъ, китайцы менѣе всѣхъ обязаны чужеземнымъ вліяніямъ. Мы, т. е. европейцы и особенно жители сѣвера, примѣрно до XIII вѣка были обязаны почти всѣмъ, исключая нашего языка, обученію, полученному нами отъ другихъ народовъ. Мы—питомцы историческихъ умершихъ націй, китайцы — самоучки. Но они и теперь не пошли далѣе. Мы видимъ всюду, что китайцы не пошли далѣе извѣстной высоты духовнаго развитія. Китайцы обладаютъ самостоятельною письменностью, но только слоговыми, а не звуковыми знаками; они давно открыли стереотипный способъ печатанія, но вновь отказались отъ прежде бывшихъ въ употребленіи подвижныхъ литеръ. Они открыли свойство магнитной стрѣлки указывать на сѣверъ (или на югъ), но не изобрѣли компаса; имъ былъ извѣстенъ порохъ, но они не изобрѣли ружья и пушки; они изобрѣли счеты, но не додумались до изобрѣтенія такого письменнаго счисленія, въ которомъ мѣсто, занимаемое знакомъ, опредѣляло бы его значеніе; китайцы наблюдали звѣзды въ теченіе тысячелѣтій, но даже знаки зодіака имъ пришлось заимствовать извнѣ. У китайцевъ насъ удивляетъ безчисленное множество изобрѣтеній, отъ нихъ мы многое заимствовали; но мы не обязаны имъ ни одной единственной теоріей, ни однимъ глубокомысленнымъ обобщеніемъ, способнымъ обнаружить ближайшія причины явленій. Если въ этомъ отношеніи китайцы представляются совершенно недоразвитыми по сравненію съ нами, то и здѣсь оказывается снова могущество географическихъ отношеній.

Въ своей восточной замкнутости китайцы, какъ было

упомянуто, являлись народомъ, окруженнымъ другими народами, которымъ они мало могли завидовать; этимъ до нѣкоторой степени объясняется ихъ чванство своею древнею культурой. Образцами могли для нихъ явиться другіе народы лишь въ эпоху, когда эти народы далеко успѣли обогнать китайцевъ. Теперь, однако, ихъ начинаетъ тѣснить со всѣхъ сторонъ болѣе зрѣлая культура, и послѣ тысячелѣтняго покоя, на первый разъ представляется имъ борьба въ умственной области, исходъ которой трудно предвидѣть для народа, состоящаго изъ 300 милліоновъ душъ съ его глубоко укоренившимися понятіями и нравами и простыми, здоровыми (?) отношеніями. Едва-ли, однако, мы впадемъ въ ошибку, если несмотря на опытъ послѣдней китайско-японской войны, предположимъ, что потерпитъ ущербъ, быть можетъ, нынѣшняя династія, но не народъ и не имперія, и что китайскій народъ не можетъ исчезнуть изъ ряда важнѣйшихъ факторовъ культульнаго развитія человѣчества.

Очеркъ исторіи Китая.

(Добавленіе переводчика).

По китайскимъ лѣтописямъ, въ древнѣйшія времена родоначальники „черноволосаго народа“ проникли съ сѣверо-запада въ область Гоанго (точнѣе Гуаньго) и подчинили туземцевъ, усвоивъ ихъ нравы и слившись съ ними. Великіе властители, какъ, напр., полумиѳическіе Фу-ги, Яо, Шунъ и Ю, насадили первыя сѣмена нравственности, ввели земледѣліе, провели каналы, ввели культуру шелковичнаго червя, пріучили народъ къ домовитости и общественности, ввели бракъ, повиновеніе законамъ и служеніе небу. Нечего и пояснять, что это не болѣе какъ баснословная исторія и соціологія. Сынъ императора Ю будто бы основалъ за 2205 лѣтъ до Р. Х. первую наслѣдственную династію Хя (2205—1767). При ней и при слѣдующей династіи Шань (1766—1123) Китай занималъ лишь область Хвейхо и нижняго Гоанго до моря. Въ 1122 году на престолъ вступилъ Вувань, настоящій законодатель Китая, основатель династіи Чеу (1122—256). Эта династія владѣла областью Янъ цзы-кіанга, но вслѣдсвіе порочности и слабости монарховъ утратила все свое могущество, такъ что имперія грозила раздробиться и вассальныя княжества стали почти независимыми. Конецъ этому анархическому состоянію положилъ Шигоаньти изъ династіи Цзинь (255 — 206), сломивъ феодальное могущество вельможъ, отнявъ ихъ лены и уничтоживъ всѣ письменные памятники прежней эпохи: нельзя сказать, чтобы онъ этимъ оказалъ услугу исторіи Китая. Ему приписываютъ сооруженіе великой стѣны (см. выше въ текстѣ). Далѣе послѣдовала династія Ханъ (202 до Р. Х. — 263 послѣ Р. Х.), благоволившая ученію Конфуція; но въ I вѣкѣ послѣ Р. Х. сильно стали распространяться также буддизмъ и таоизмъ (см. въ текстѣ). При династіи Ханъ имперія достигла наибольшаго процвѣтанія. Въ походахъ противъ западныхъ разбойническихъ народовъ китайцы достигли Каспійскаго моря и завязали торговыя сношенія съ западомъ. Римскій императоръ Маркъ Аврелій въ 166 г. послѣ Р. Х. послалъ въ Китай посольство.

Въ концѣ царствованія династіи Ханъ императорская власть стала убывать, вспыхнули мятежи и Китай распался на три царства—Хейханъ, Вей и Ву, которыя вели между собою войны. Вути, основатель династіи Цзинъ (263—420) покорилъ снова всю имперію, но царствовалъ онъ не долго. Съ 281 года является 17 побочныхъ династій. Законнымъ императоромъ на югѣ Китая признавался членъ династій Сунь (420—479), Цзи (479—502), Лунь и Чжинъ (502—589) и Зуи (589—617).

Внутренніе мятежи и нападенія конныхъ кочевниковъ терзали имперію. Лишь при „великомъ императорѣ“ Танцзунѣ (627—650) изъ династіи Тань (618—906), покорившемъ земли у Тарима и полуостровъ Корею, Китай снова достигъ блеска. Администрація была упорядочена, торговля, промышленность, литература оживились. При позднѣйшихъ императорахъ той же династіи наступило царство женщинъ и любимцевъ. Споры изъ-за престолонаслѣдства привели (906—961) къ одновременному появленію не менѣе, чѣмъ пяти династій. Воспользовавшись этимъ, татары овладѣли сѣверными областями, и одинъ изъ ихъ хановъ принялъ (въ 947 году) титулъ императора. Танцзи основалъ династію Зунь (961—1230), побѣдилъ татаръ, но его преемникъ вынужденъ былъ платить имъ съ 1043 г. дань и признать также независимость имперіи Хя въ Шензи, когда татарская имперія Хипанъ была въ 1114 году побѣждена манджурами; эти послѣдніе напали на Китай и въ 1127 воду увели императора Кинцзуня плѣн-

никомъ. Въ виду этого, китайская столица была перенесена на югъ, сначала въ Нанкинъ, затѣмъ и въ Ханьчоу. Въ войнѣ манджуръ съ монголами китайцы были сначала на сторонѣ послѣднихъ, но затѣмъ сами подпали подъ власть Кублай-хана (внука Чингизъ-хана), который увелъ въ 1279 году въ плѣнъ послѣдняго изъ императоровъ династіи Зунь. Съ Кублая, перенесшаго столицу въ Пекинъ, начинается эпоха монгольской династіи Юанъ (1280—1367); при дворѣ этой династіи жилъ знаменитый венеціанскій путешественникъ Марко Поло. Монголы сначала правили твердо, сохраняя всѣ китайскія учрежденія. Но позднѣйшие монгольскіе императоры впали въ развратъ, и династія пала вслѣдствіе возстанія, во главѣ котораго находился буддистскій священникъ Чжуюанчань. Многія южныя области примкнули къ нему, онъ разбилъ монгольскихъ вождей, низложивши императора Шюнти, взялъ Пекинъ, изгналъ монголовъ, вступилъ на престолъ подъ именемъ Танцзу и сталъ основателемъ 20-й династіи Минь (1368—1644), стремившейся къ возрожденію китайской самобытности. Имперія ограничилась собственнымъ Китаемъ, такъ какъ монголы удержали свою независимость, — однако, управлялась съ умомъ и силою. Въ общемъ выработалась господствующая еще теперь форма правленія. Въ началѣ XVI вѣка, въ Китаѣ впервые поселились европейцы, а именно португальцы, сначала въ Нинь-по, затѣмъ въ Макао. Позднѣе испанцы и голландцы, правда, съ большими ограниченіями, добились позволенія торговать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. При Хоан-тунѣ (1628—44) имперія была потрясена; ей угрожали манджуры и татары. Когда императоръ увидѣлъ гибель своей столицы, онъ покончилъ самоубійствомъ.

Въ 1644 году основалъ новую манджурскую династію императоръ Шунчжи; это 21 династія, иначе династія Цзинь. Шунчжи пользовался преподаваніемъ нѣмецкаго іезуита Адама Шалля, которому предоставилъ значительное вліяніе на государственныя дѣла. При Шунчжи, его сынѣ Шинь-цзу или Ханьги и при Каоцзунь-шюнѣ (иначе Хянь-лунь) Китай достигъ значительнаго могущества. Всѣ мятежи были подавлены. О-въ Формоза былъ въ 1662 году отнятъ у Нидерландъ и колонизированъ китайцами; большая часть Дзунгаріи, весь Туркестанъ и Тибетъ были покорены. Въ 1646 г. былъ заключенъ торговый договоръ съ Московскимъ царствомъ, хотя и весьма стѣснительный. Въ 1684 году вспыхнула война на на границѣ, покончённая посольствомъ, отправленнымъ въ 1688

году Петромъ Великимъ въ Китай. Россія достигла позволенія посылать въ Пекинъ ежегодно по одному каравану ради торговли и поднесенія подарковъ. Съ тѣхъ поръ Россія содержитъ въ Пекинѣ духовную миссію; французы добились права торговли съ Китаемъ въ 1660 году, англичане лишь съ 1670 г., но въ 1693 году китайцы ограничили права Англіи однимъ Кантономъ. Христіане долго пользовались терпимостью, но съ 1735 года при Кянь-лунѣ начались преслѣдованія, имѣвшія политическія причины. Этотъ императоръ, по китайскимъ даннымъ, былъ необычайно справедливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно жестокъ. Онъ покровительствовалъ наукѣ и основалъ четыре драгоцѣнныя библіотеки. Въ 1796 году онъ отрекся въ пользу своего старшаго сына Кіяхиня и умеръ въ 1799 г. Съ этихъ поръ власть манджуръ начинаетъ убывать. Свирѣпость Кіяхиня возбудила возстанія и заговоры. Морскіе разбойники, засѣвшіе въ Хаинанѣ и на Формозѣ, боролись съ китайскимъ флотомъ и проникали даже вверхъ по рѣкамъ, грабя страну, пока, наконецъ не погибли отъ раздоровъ между собою.

Въ 1807 году въ Китай прибылъ первый протестантскій миссіонеръ; въ 1815 году всѣ католики были изгнаны изъ имперіи. За Кіахинемъ, какъ полагаютъ, убитымъ заговорщиками, послѣдовалъ (1820—1850) Мянъ-пинь, подъ именемъ императора Таокуаня. Безпорядки продолжались, происходили столкновенія съ бурятами, киргизами и съ кокандскимъ ханомъ, приведшія къ расширенію границъ имперіи.

Съ 1792 по 1816 годъ англичане напрасно добивались, при помощи чрезвычайныхъ посольствъ, упраздненія ограниченій торговли и распространенія права торговли съ Кантона на другіе города. Въ концѣ концовъ китайцы запретили ввозъ опіума, что привело къ извѣстной „опійной войнѣ“. Уже въ 1834 году лордъ Непиръ пытался добиться ввоза опіума, но напрасно. Англичане, правда, ввозили сначала опіумъ контрабандой, но 18 (6) марта 1839 года императорскій эдиктъ повелѣлъ конфисковать весь опіумъ, находящійся на судахъ. Было конфисковано 20.263 ящиковъ опіума, на сумму $2^1/_2$ милл. ф. стерл., и ввозъ запрещенъ подъ угрозою смертной казни. Англійскіе купцы бѣжали изъ Кантона въ Макао. Когда англійскіе матросы убили одного китайца, а китайцы, вслѣдствіе отказа въ удовлетвореніи, напали 2 ноября на англійскія суда, но были отбиты, то императорскій указъ 5 января 1840 года объявилъ англичанъ внѣ

закона, прервалъ съ ними торговлю „на вѣчныя времена" и угрожалъ жесточайшими карами всякому другому народу, который осмѣлился бы ввозить англійскіе товары подъ своимъ флагомъ. Тогда англійское правительство приказало адмиралу Джорджу Эллиоту блокировать Кантонъ и занять о-въ Чжучанъ подлѣ Нинь-по, а также объявить всѣ гавани до устья Янцзыекіанга въ состояніи блокады. Такъ какъ все это не помогло, то 7 января 1841 года англичане овладѣли обоими фортами при Бокка-Тигрисъ и двинулись дальше; но китайцы просили перемирія. По предварительному договору, Китай уступилъ о-въ Гонконгъ и обязался уплатить 6 милл. долларовъ. Ратификація договора оттягивалась китайцами по пустячнымъ поводамъ; поэтому Эллиотъ возобновилъ 21 февр. непріязненныя дѣйствія, покорилъ всѣ форты у Жемчужной рѣки и подошелъ къ Кантону. Китайцы вновь просили перемирія. Тѣмъ не менѣе императорскій указъ повелѣлъ „изгнать варваровъ" и оцѣнилъ головы англійскихъ военачальниковъ. Англійскій флотъ еще разъ подошелъ къ Кантону и взялъ западные форты. Для спасенія Кантона, китайцы обѣщали тотчасъ 6 милл. долларовъ, но до 1 іюня заплатили только 5 милл. Тогда англичане подъ начальствомъ Поттингера, прибывшаго съ подкрѣпленіями, заняли 26 авг. 1841 года Амой, Чжучанъ и Чжинхай, а 13 окт. Нинь-по. Китайскій императоръ продолжалъ издавать указы объ истребленіи мятежныхъ „рыжихъ варваровъ", которые „сидѣли въ Ниньпо, какъ рыбы въ сѣти, и не могли ускользнуть отъ гнѣва сына небесъ". Но когда англійскій флотъ, состоявшій изъ 35 боевыхъ и 75 транспортныхъ судовъ отплылъ въ маѣ 1842 года къ рѣкѣ Цзянь-тань, штурмовалъ городъ Чжапу, 19 іюня взялъ Шанхай, а 26 іюля, послѣ кровавой борьбы овладѣлъ Чжинкіангомъ и 6 авг. приготовился къ бомбардировкѣ Нанкина, то императоръ, наконецъ, уступилъ и 29 авг. 1842 г. заключилъ съ англичанами мирный договоръ, которымъ обязался заплатить въ теченіе 3 лѣтъ 21 милл. долларовъ, открыть для британской торговли гавани Кантонъ, Амой, Фу-чу, Нинь-по и Шанхай, допустить туда британскихъ консульскихъ агентовъ и опредѣлить постоянные и низкіе тарифы для ввозныхъ и вывозныхъ, а также транзитныхъ пошлинъ. Островъ Гонконгъ былъ навсегда уступленъ Англіи, а о-ва Чжучанъ и Коляньфу переданы ей въ видѣ залога. Китай открылъ названныя 5 гаваней не только для англичанъ, но для всѣхъ націй, но 3 іюля 1844 года

заключилъ торговый договоръ съ Соединенными Штатами Америки, а 23 окт. 1844 года съ Франціей, предоставивъ имъ тѣ же права, какъ и Англіи. Одинъ изъ пунктовъ французскаго трактата опредѣлилъ, что всѣмъ китайцамъ дозволяется принятіе христіанства. Этотъ пунктъ о терпимости привелъ къ частымъ столкновеніямъ, а китайскіе чиновники не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Ненависть народа къ чужеземцамъ усиливалась, находя опору въ дѣйствіяхъ властей. Въ Кантонѣ правительство, несмотря на предоставленное чужеземцамъ право поселенія, не осмѣлилось осуществить этого права, такъ какъ населеніе было черезчуръ озлоблено.

Преемникомъ императора Таокуаня былъ его старшій сынъ Чжу (1850), присвоившій себѣ титулъ Хьянгфонга (Полнота благословенія). При немъ вспыхнуло великое возстаніе тайпинговъ (тайпиней). Господствующая манджурская династія Цзинь все еще разсматривалась китайцами, какъ иноземная, добившаяся повиновенія народа лишь при помощи грозныхъ манджурскихъ войскъ. Такъ называемые миньшины (mingschin), признающіе себя потомками послѣдней туземной династіи, пытались много разъ низвергнуть династію Цзинь посредствомъ заговоровъ, и со времени несчастнаго исхода войны съ Англіей, обнаружившаго слабость имперіи, они вели мелкую партизанскую войну противъ правительства. Настоящая серьезная угроза династіи явилась лишь со времени революціи тайпинговъ. Предводителемъ явился Хунь-Сіутзуэнъ, сынъ старшины племени хунь, подлѣ Кантона. Сіутзуенъ, человѣкъ въ высшей степени экзальтированный, видѣвшій видѣнія и воображавшій себя призваннымъ царствовать, ознакомился чрезъ посредство миссіонера Гюцлаффа съ христіанствомъ: онъ выбросилъ идоловъ изъ своего дома и сталъ сокрушать ихъ всюду. Когда онъ уничтожилъ одно высокочтимое китайцами чудотворное изображеніе, то правительство выступило противъ него, но племя хунь стало на его сторону. Въ 1850 году племя хакка, боровшееся съ племенемъ пунти, также избрало его вождемъ, и онъ настолько усилился, что осенью 1851 года, послѣ взятія города Юньньяна въ Куаньси, онъ провозгласилъ себя основателемъ новой династіи Тайпинь (Великій миръ) или Тинквокъ (Небесное царство). Мандарины напрасно пытались подавить возстаніе, казня христіанъ и приверженцевъ новаго властителя: мятежники платили имъ кровавымъ возмездіемъ. Побѣдоносно прошелъ Сіутзуэнъ провинціи Куаньси,

Хунанъ, Хупей, Кіанси, Ньянгуй и Кьяньсу, овладѣлъ всей областью къ востоку отъ Цзыкіанга и къ югу отъ Янцзыкіанга и 19 марта 1853 года взялъ Нанкинъ, древнюю столицу имперіи, назвалъ его Тянкинъ (Небесная столица) и сдѣлалъ столицей новой имперіи. Сіутзуэнъ велѣлъ напечатать Старый и Новый Завѣтъ по-китайски въ тысячахъ экземпляровъ и оказывалъ всевозможное покровительство христіанству; самъ онъ, однако, не крестился и прозвалъ себя „младшимъ братомъ Христа". Однако, въ его царствѣ не хватало надлежащей организаціи и дисциплины; проходили годы, а тайпинги, несмотря на отдѣльные успѣхи, не подвигались далѣе впередъ и, сверхъ того, между ними начались внутренніе раздоры. Въ 1858 году они были уже вытѣснены изъ части своихъ областей и съ трудомъ могли удержаться въ Нанкинѣ. Между тѣмъ, императорское правительство попало въ величайшія затрудненія вслѣдствіе войны съ Англіей и Франціей.

Уже много лѣтъ Англія все болѣе строго напоминала объ исполненіи договора 1842 года осноcительно допущенія въ Кантонъ, но ничего не добилась. Въ 1856 году, вслѣдствіе захвата одного короблѧ, шедшаго подъ англійскимъ флагомъ, дѣло дошло до открытаго столкновенія. Англичане требовали удовлетворенія. Такъ какъ оно не послѣдовало, они штурмовали всѣ форты у Жемчужной рѣки и самый городъ Кантонъ, стали обстрѣливать дворецъ главнаго намѣстника Йэ, испепелили одну часть города и истребили 6 ноября 1856 года императорскій флотъ. Такъ какъ наличныхъ боевыхъ силъ, однако, не хватало для того, чтобы воспользоваться плодами побѣды, то китайцы сочли это за доказательство слабости, и правительство обратилось съ воззваніемъ къ народу. Послѣдній и безъ того былъ озлобленъ противъ европейцевъ по причинѣ безсовѣстнаго торга китайскими рабочими (куліями). Жестокое преслѣдованіе, начатое противъ всѣхъ вообще европейцевъ, побудило въ 1857 году Англію и Францію къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Обѣ державы отправили военные флоты подъ начальствомъ адмираловъ Сеймура и Риго де-Женуйльи съ 8000 десантныхъ войскъ въ Гонконгъ, а послѣ того какъ Йэ отклонилъ соглашеніе, союзники бомбардировали 28 дек. Кантонъ съ такимъ успѣхомъ, что сорокатысячное китайское войско бѣжало и городъ сдался на слѣдующій день. Йэ былъ взятъ въ плѣнъ. Между тѣмъ, посланники обѣихъ державъ, лордъ Эльджинъ и баронъ Гросъ, къ которымъ примкнули посланники Россіи и Соединенныхъ

Штатовъ, отправили изъ Шанхая ноты въ Пекинъ. Не получивъ отвѣта, они на военныхъ судахъ прибыли въ апрѣлѣ 1858 года къ устью Пейхо и велѣли 20 мая занять форты Таку. Лишь когда союзники достигли вверхъ по рѣкѣ Тяньцзина, т. е. гавани Пекина, китайскій дворъ подчинился и заключилъ сначала съ посланниками нейтральныхъ державъ, а затѣмъ съ союзными державами 26 и 27 іюня четверной договоръ, по которому на будущее время европейскіе посланные допущены въ Пекинъ, христіанское богослуженіе обезпечено и Китай обязался уплатить Англіи и Франціи контрибуцію (Англіи вдвое большую сумму, чѣмъ Франціи). Вновь пыталось китайское правительство подъ ничтожными предлогами отсрочить ратификацію договора и въ то же время стало укрѣплять форты у Пейхо. Узнавъ объ этомъ, англичане 24 іюня 1859 года пытались разрушить укрѣпленія, однако были отбиты въ убійственной борьбѣ, потерявъ 464 чел. убитыми и ранеными. Чтобы возстановить престижъ европейскаго оружія, западныя державы предприняли экспедицію въ болѣе крупномъ масштабѣ. 12600 англійскихъ войскъ и 7500 французскихъ подъ командой генерала Кузенъ Монтобана въ іюлѣ 1860 года поднялись на военныхъ судахъ отъ Таку вверхъ по Пейхо, взяли всѣ укрѣпленія по обѣимъ сторонамъ рѣки и овладѣли Тяньцзиномъ. Напрасно пытались китайцы задержать движеніе союзниковъ, посылая лицъ, дѣлавшихъ уступки, отъ которыхъ затѣмъ отказывался китайскій дворъ. Союзники достигли 9 сент. до Туньчжао, въ 30 килом. отъ Пекина, и потребовали тріумфальнаго въѣзда посланниковъ въ столицу съ почетнымъ конвоемъ изъ 1000 чел. Во время переговоровъ, англійскіе и французскіе офицеры, пытавшіеся сговориться съ китайскими властями относительно вступленія посланниковъ въ Пекинъ, подверглись, 18 сент. 1860 г., нападенію со стороны татарскихъ солдатъ; одни изъ офицеровъ были убиты, другіе погибли послѣ невѣроятныхъ мученій въ тюрьмахъ. Въ то же время лагери союзниковъ были окружены китайскими войсками. Смѣлая кавалерійская атака союзныхъ войскъ прорвала ряды китайцевъ и въ сраженіи при Паликао 21 сент. китайская армія изъ 50.000 чел. (въ томъ числѣ 30.000 всадниковъ) была совершенно разбита 7000 англо-французовъ. Путь въ Пекинъ былъ теперь открытъ. 5 октября, безъ единаго выстрѣла, французы заняли Лѣтній дворецъ въ Пекинѣ, гдѣ награбили чудовищныя массы сокровищъ. Позднѣе, дворецъ былъ сожженъ въ нака-

заніе за сентябрьское предательство. Высокомѣріе китайцевъ потерпѣло жестокій ударъ. Они сдали одни изъ городскихъ воротъ Пекина, уплатили 4 милл. франковъ за предательство 18 сент. и согласились на вступленіе посланниковъ союзныхъ державъ съ 1000 чел. конвоя. Въ Пекинѣ былъ подписанъ въ концѣ октября 1860 года миръ, и лишь послѣ его ратификаціи въ началѣ ноября городъ былъ очищенъ. Тянь-цзинъ и укрѣпленія по Пейхо долго еще оставались въ рукахъ союзниковъ.

Императоръ Хіянфонгъ умеръ 22 августа 1861 года. За нимъ послѣдовалъ его сынъ Китсіангъ, шести-лѣтній мальчикъ; поэтому правленіе перешло въ руки дяди, принца Конга, прозваннаго, въ качествѣ правителя, Тунчжи (Порядокъ), принцъ Конгъ рѣшился соблюдать договоры, но встрѣтилъ сильную оппозицію въ совѣтѣ регенства. Императрица-мать, соправительница принца, примкнула къ принцу, совѣтъ былъ низвергнутъ, и назначено новое правительство. Китай теперь вступилъ почти со всѣми морскими державами въ правильныя дипломатическія сношенія.

Возстаніе тайпинговъ все еще не прекращалось. Во время продолжительной междоусобицы, постоянно организовались банды, занимавшіяся, подъ видомъ политическихъ цѣлей, исключительно грабежомъ. Въ Юнканѣ, какъ и въ Туркестанѣ, образовались даже новыя царства. Правительство усмотрѣло настоятельную необходимость покончить съ возстаніемъ и нашло поддержку со стороны Англіи и Франціи, опасавшихся, что продолженіе безпорядковъ будетъ угрозою для ихъ торговыхъ интересовъ. Обѣ эти державы поручили поэтому командирамъ своихъ флотовъ въ китайскихъ водахъ, совмѣстно съ императорскими войсками, двинуться противъ мятежниковъ; они дозволили своимъ офицерамъ, служившимъ въ китайской арміи, организовать флотиліи и войска. Особенно отличился при этомъ англичанинъ Гордонъ. Прежде всего рѣчь шла объ обезпеченіи Шанхая, совершенно захваченнаго мятежниками въ 1862 году. Изгнаніе тайпинговъ удалось въ теченіе 2 лѣтъ. Въ 1864 году франко-китайскій корпусъ, послѣ продолжительной осады, взялъ Ханьчжоу, главный городъ области Чже-Кіангъ, тогда какъ англо-китайскій корпусъ еще раньше взялъ Сучжоу, а затѣмъ и Чжаньчжоу. Теперь тайпинги сосредоточились въ одномъ лишь Нанкинѣ, гдѣ пребывалъ императоръ мятежниковъ Тіенвань. Подъ руководствомъ англичанъ, китайскія войска начали осаду и взяли городъ 19

іюля 1864 года, послѣ того какъ Тіенвань сжегъ себя со своими женами. Однако, мандарины были такъ раздражены участіемъ иностранцевъ въ подавленіи возстанія, что осенью того же года иностранный легіонъ былъ распущенъ. Регентству предстояла еще нелегкая загача уничтожить такъ наз. ніенфей, т. е. банды, образованныя разсѣявшимися тайпингами и угрожавшими особенно Хонану и Шантуню. Пришлось имѣть дѣло также съ другими бандами, усилившимися на западѣ вслѣдствіе безтолковости правительства, въ 1859 году совсѣмъ потерявшаго голову. Въ общемъ, революція тайпинговъ поглотила 2 милл. жертвъ и сильно повредила округамъ, культивирующимъ чай и шелкъ.

Предстояло еще усмирить возстанія китайскихъ магометанъ. Дунганы, магометанскіе обитатели областей Консу и Шенси, граничащихъ съ Монголіей, терпя притѣсненія отъ властей, возстали и начали бродить толпами отъ 3 до 6 тысячъ человѣкъ по западнымъ областямъ, грабя богатые буддистскіе монастыри. Лишь въ 1871 году имъ противопоставили значительное войско, но покореніе ихъ было достигнуто не раньше 1876 года. Точно также въ одномъ походѣ противъ магометанскаго, былъ изгнанъ Пантаи, въ Юнканѣ, мѣстный властитель Сулейманъ Ибнъ-и-Абдулъ Рахманъ и страна была очищена отъ разбойниковъ. Дольше удерживался Якубъ-бегъ, провозгласившій себя владѣтелемъ Кашгара въ восточномъ Туркестанѣ. По его смерти, сынъ его— Бегъ-Кули-Бегъ правилъ одинъ годъ (1877—78), но былъ низверженъ китайцами, приславшими на его мѣсто своихъ чиновниковъ.

Императоръ Тунчжи умеръ 13 янв. 1875 года, въ 20-лѣтнемъ возрастѣ отъ оспы, не оставивъ преемника мужскаго пола—первый примѣръ въ династіи Цзинь. Жребій палъ на племянника умершаго, 4-лѣтняго Цзайтяна, правительство котораго названо кваньсю (блистательный успѣхъ). До 1889 года правило регентство. Отношенія къ европейскимъ государствамъ становились все болѣе удовлетворительными. Этому не мало содѣйствовало учрежденіе постоянныхъ китайскихъ посольствъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, а позднѣе въ Вашингтонѣ.

Въ 1874 году Японія вступила въ первое столкновеніе съ Китаемъ, требуя вознагражденія за разграбленіе своихъ подданныхъ на о-вѣ Формозѣ. Обѣ стороны стали вооружаться, однако, англійскому посланнику въ Пекинѣ удалось

уладить дѣло. Но менѣе уступчивымъ оказался Китай по отношенію къ Англіи въ 1875 году по поводу убійства Маргери на китайско-бирманской границѣ. Для безпристрастнаго изслѣдованнія фактовъ, Китай дозволилъ англійскому посольству проѣхать отъ Шанхая черезъ китайскую територію въ британскую Бирму и издалъ (1876) вынужденную прокламацію (конвенція въ Чжифу), въ которой сказано, что правительство сожалѣетъ объ убійствѣ Маргери и предоставляетъ чужеземцамъ путешествовать постранѣ подъ охраною властей. Повелѣніе 1875 года уже воспретило при сношеніяхъ съ иностранцами употреблять слово **И**, означающее варваровъ, а также оказывать обиды христіанскимъ миссіонерамъ, новообращеннымъ и ихъ церквамъ. Съ этого же времени начинается и воздѣйствіе германской дипломатіи на Китай. По случаю разбойническаго нападенія на шкуну Анна въ 1875 году Германія обратилась къ Китаю съ нотой, подкрѣпивъ ее посылкой флотилии изъ 6 судовъ съ 1380 экипажа. Включенные въ договоръ державы, Англія, Россія и Соединенные Штаты, обѣщали Германіи поддержку и въ мартѣ 1876 г. все было готово къ десанту съ 340 орудіями. Китай уступилъ и принялъ мѣры противъ морскихъ разбоевъ.

Съ половины семидесятыхъ годовъ изъ Китая начинается массовая эмиграція въ зап. Америку, на Зондскіе о-ва и въ Австралію. Не сливаясь съ бѣлыми, китайцы замѣчательно понизили цѣну на трудъ. Въ Сѣв. Америкѣ въ 1882 году былъ изданъ законъ, воспретившій на 20 лѣтъ китайскую иммиграцію; подобный же законъ издали австралійскія колоніи Англіи. Однако, въ Америкѣ президентъ, опасаясь репрессалій Китая, не выполнилъ законъ; лишь въ 1884 г. былъ изданъ законъ на 10 лѣтъ, а въ 1892 г.—усиленъ.

Послѣ обратнаго завоеванія Кашгара, Китай (1878) потребовалъ отъ Россіи возвращенія Кульджи, занятой русскими съ 1871 года для предупрежденія разбойническихъ нападеній со стороны таранчей. Россія предъявила счетъ издержекъ по оккупаціи и потребовала гарантіи добрыхъ сосѣдскихъ отношеній; для веденія переговоровъ, Китай прислалъ въ Петербургъ сановника Чжуньхоу. Этотъ послѣдній заключилъ 25 (13) сент. 1879 года договоръ о возвращеніи Кульджи, сочтенный китайскимъ правительствомъ унизительнымъ. Чжуньхоу былъ отозванъ и приговоренъ къ смертной казни. Договоръ былъ отвергнутъ и обѣ стороны двинули къ границѣ

войска. Однако, 14 (2) февр. 1881 года, маркизъ Цзенгъ заключилъ новый договоръ, удовлетворившій обѣ стороны: по этому трактату Россія уступила Китаю Кульджу обратно. Не такъ мирно протекли переговоры съ Франціей, посягнувшей на Анамъ и Тонкинъ, области, съ давнихъ поръ признаваемыя Китаемъ вассальными. Послѣ неудачи переговоровъ, Франція овладѣла рѣчною дельтою въ Тонкинѣ, прогнавъ китайскія войска при Сонтаю и Бакнингѣ и подчинивъ себѣ Анамъ. Китайскій вице-король Лихуньчжанъ заключилъ послѣ этого (1884) съ французскимъ уполномоченнымъ Фурнье въ Тяньцзинѣ договоръ, обѣщая очистить Тонкинъ. До истеченія срока французы напали на занятый китайцами Бакле, но были отбиты. Французы объясняли эту неудачу предательствомъ, потребовали крупнаго вознагражденія и, получивъ отказъ, приступили къ репрессаліямъ. Адмиралъ Курбэ овладѣлъ входомъ въ гавань Фучжу, уничтожилъ нѣсколько китайскихъ военныхъ судовъ и разрушилъ арсеналъ. Далѣе, французы утвердились на о-вѣ Формозѣ. Здѣсь и на китайской границѣ произошелъ рядъ стычекъ, и въ мартѣ 1885 г. китайцамъ удалось одержать побѣду надъ французами при Ляньсонѣ. Между тѣмъ, эта дорого стоившая война давно порицалась французскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и французское правительство, при посредствѣ Англіи, поспѣшило заключить 9 іюня тяньцзинскій договоръ. Китай предоставилъ Франціи протекторатъ надъ Анамомъ и присоединеніе Тонкина, но, въ общемъ, сыгралъ роль побѣдителя, весьма необходимую для предотвращенія внутреннихъ смутъ.

Недавняя война съ Японіей нанесла, быть можетъ, болѣе жестокій ударъ Китаю, чѣмъ всѣ войны съ европейцами, такъ какъ въ этомъ случаѣ китайцы имѣли дѣло съ народомъ, близкимъ по крови и нѣкогда учившимся у Китая. Престижъ Китая въ Азіи надолго поколебленъ этой войной; она, быть можетъ, нѣсколько ускоритъ сближеніе китайцевъ съ европейской культурой, оказавшей такія услуги Японіи.

Современная китайская культура.

(Добавленіе переводчика).

Наружность китайца общеизвѣстна. Не мѣшаетъ лишь замѣтить, что настоящіе китайцы народъ малорослый; рѣдко

они бываютъ выше 152 сантиметровъ, а женщины и того менѣе. Бритье головы вошло въ обычай лишь со времени завоеванія Китая манджурами (1644). Жители сѣвернаго Китая, вообще говоря, крѣпче сложены, чѣмъ южане; послѣдніе болѣе смуглы, сѣверяне красноваты, жители же средняго Китая имѣютъ свѣтложелтую кожу. Въ Китаѣ различаютъ 4 сословія: ученыхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ; происхожденіе играетъ малую роль по сравненію съ вліяніемъ чиновничества. Аристократію образуютъ не князья, а сановники. Императорскіе принцы подраздѣляются на 6000 степеней; если принцъ не имѣетъ должности, то едва пользуется значеніемъ. Званія и титула не наслѣдственны и сословіе ученыхъ, господствующее въ странѣ, вербуется изъ всѣхъ слоевъ населенія, изъ богатыхъ и бѣдныхъ. Только ученые и вышедшіе изъ ихъ сословія чиновники признаются высшими классами. Всѣ классы, впрочемъ, стремятся больше всего къ наживѣ, и отсутствіе знаній порою замѣняется взятками; поэтому, въ концѣ концовъ, богачъ почти всегда добивается виднаго положенія.

Рабство существуетъ издавна. Преступникъ, приговоренный къ каторгѣ, на всю жизнь лишается свободы. Въ III вѣкѣ послѣ Р. Х. бѣдняки получили разрѣшеніе продавать дѣтей въ рабство; отсюда возникло дворовое холопство. Съ такими покупными рабами, однако, обращаются не хуже, чѣмъ съ дѣтьми и отъ дурного обращенія они ограждены закономъ. Рабыни переходятъ съ выходомъ замужъ во власть мужа. Ограниченія гражданскихъ правъ относятся къ актерамъ, проституткамъ, палачамъ, тюремнымъ сторожамъ и тѣмъ слугамъ, которые бѣгутъ впереди господъ по улицѣ, расчищая путь.

Китайскій языкъ можетъ считаться въ этимологическомъ отношеніи однимъ изъ первобытнѣйшихъ на земномъ шарѣ, такъ какъ состоитъ изъ односложныхъ слоевъ и лишенъ всякихъ склоненій и спряженій. Смыслъ частей предложенія опредѣляется строгими правилами относительно разстановки словъ, замѣняющими синтаксисъ. Обыденная рѣчь распадается на нѣсколько діалектовъ, до того различающихся по выговору и сочлененію словъ, что жители разныхъ областей порою не понимаютъ другъ друга. Общимъ распространеніемъ пользуется такъ наз. куангоа (общій языкъ). Діалектъ сѣверныхъ провинцій считается придворнымъ. Имъ говорятъ чиновники и, вообще, образованные люди.

Китайскій языкъ принадлежитъ къ группѣ такъ называемыхъ индокитайскихъ, иначе „односложныхъ, изолирующихъ“ языковъ, распространенныхъ въ Китаѣ, Тибетѣ и Индо-Китаѣ, исключая Малайскаго полуострова (Малакки); по-китайски говорятъ большая часть образованныхъ людей въ Кореѣ и Анамѣ и до новѣйшихъ временъ говорятъ на этомъ языкѣ многіе японцы. Въ теченіе времени языкъ китайцевъ, конечно, потерпѣлъ существенныя измѣненія. Односложныя слова часто сливались и образовали составныя выраженія, все больше входили въ употребленіе разныя приставки, старинныя выраженія выходили изъ употребленія или же измѣняли смыслъ, значительно измѣнился также выговоръ. Нѣкоторыя древнія китайскія пѣсни совершенно непонятны нынѣшнимъ китайцамъ.

Діалектъ одной изъ столицъ—Нанкина—давно одержалъ верхъ надъ прочими и получилъ названіе „общаго языка“ (а не нарѣчія мандариновъ, какъ иногда невѣрно переводили); при монгольской династіи этимъ языкомъ стали пользоваться для болѣе легкихъ литературныхъ произведеній. Отъ него отличается отрывистый древній книжный языкъ *кувенъ*. Въ новѣйшее время все болѣе одерживаетъ верхъ сѣверный, пекинскій діалектъ; однако, „древній стиль“ еще преобладаетъ въ серьезной литературѣ. Середину между *кувенъ* и *куангоа* составляетъ *венчжанъ*.

Что касается китайской фонетики, китайскія гласныя ближе подходятъ къ русскимъ, чѣмъ къ западно-европейскимъ. У китайцевъ есть гласныя а, е, и, о, у, ю, ы, я; въ нѣкоторыхъ діалектахъ слышатся оттѣнки вродѣ э, ё, и, т. п. Въ китайскомъ языкѣ возможны необычайныя стеченія гласныхъ, иногда до 4, напр. іуеи, что, впрочемъ, произносится почти какъ русское юэй. Согласныя, наоборотъ, рѣдко бываютъ двойными, да и то лишь такія, какъ *тс* (почти какъ ц), *дз* или *цз* и *чж*. Въ началѣ слоговъ встрѣчаются к, х, г (какъ малороссійское г или латинское h), п, ф, т, чж, ц, цз, л, м, н, с, ш, ж, нь, в, й, а въ концѣ н, нь. Лишь въ нѣкоторыхъ діалектахъ встрѣчаются г, б, дж, д (въ началѣ слога) и м, п, к, т (въ концѣ). Язычное р отсутствуетъ, но въ *куангоа* есть особый слогъ изъ гортаннаго р. Отсюда видно, какъ бѣдна китайская фонетика; въ куангоа считается едва 500 слоговъ, всего болѣе въ діалектѣ фукіанъ (до 850).

Эта скудость отчасти пополняется „акцентомъ“ или *удареніемъ*. Когда мы, напр., говоримъ слово *да* утвердительно,

то удареніе на немъ иное, чѣмъ когда мы, переспрашивая другое лицо, говоримъ съ видомъ сомнѣнія *да*? Такія тонкости произношенія придаютъ у китайцевъ другой смыслъ слову. Такъ, напр., слово *чжи* съ протяжнымъ удареніемъ означаетъ: знать, паукъ, вѣтка и жиръ. Слово *чжи* съ тупымъ удареніемъ означаетъ: держаться, островъ, бумага, боярышникъ; *чжи* съ острымъ удареніемъ: хотѣть, помнить, достигать, хищная птица, залогъ, спотыкаться, свинья; *чжи*, произносимое весьма кратко, означаетъ: повергнуть, сковать, сокъ, взойти, вещество, топоръ. По этимъ примѣрамъ можно судить о двусмысленности китайской рѣчи и обиліи невольныхъ каламбуровъ! Лишь употребленіе многочисленныхъ сложныхъ словъ позволяетъ придать фразѣ опредѣленный смыслъ.

Китайская грамматика необычайно проста. Мѣстные ученые подраздѣляютъ всѣ слова на полныя (знаменательныя, значущія) и пустыя (вспомогательныя, служебныя) и при этомъ первыя на живыя (глаголы) и мертвыя (имена и всѣ прочія знаменательныя слова). Однако, у китайцевъ, особенно въ ихъ древнемъ стилѣ, различіе между частями рѣчи далеко не такъ рѣзко, какъ у насъ. Одно и то же слово ньянъ обозначаетъ, напр., то существительное (покой), то прилагательное (покойный), то глаголъ дѣйствительнаго залога (успокаивать) или иныхъ залоговъ (покоиться, быть успокоеннымъ); смыслъ выясняется конструкціей фразы. Законы синтаксиса или, точнѣе, словорасположенія, приводятся къ четыремъ: 1) подлежащее стоитъ передъ сказуемымъ; 2) дополненіе стоитъ передъ управляющимъ словомъ (т. е. глаголомъ или предлогомъ); 3) опредѣленіе стоитъ передъ опредѣляемымъ и слово, выражающее обстоятельство, передъ глаголомъ; 4) приложеніе ставится послѣ опредѣляемаго имъ слова.

Что касается китайскихъ частицъ, онѣ замѣняютъ не только наши союзы и проч., но и знаки препинанія. Частицы раздѣляются на: 1) мѣстоименныя опредѣлительныя. 2) отглагольныя, 3) заключительныя и выразительныя — послѣднія обозначаютъ вопросъ, восклицаніе и т. п. Сверхъ того, особенно въ новѣйшее время, у китайцевъ явилось множество стереотипныхъ сочетаній словъ. Такъ, сочетаніе: большой— малый обозначаетъ количество и т. п. Грамматическій родъ отсутствуетъ. Кромѣ единственнаго и множественнаго числа есть еще „всеобщее“ число, но числа выражаются условными числительными или нарѣчіями, обозначающими „вмѣстѣ“ и т. п., или наконецъ, сочетаніемъ существительныхъ. Признаками хорошаго слога считаются: краткость выраженія, благозвучность и равномѣрность частей предложенія и рѣзкость антитезъ (противоположеній). Китайскій языкъ бѣденъ, но многія сочетанія, образуемыя имъ изъ односложныхъ словъ, весьма выразительны и при переводѣ на европейскіе языки требуютъ сложныхъ описательныхъ выраженій; надо отдать справедливость китайскимъ писателямъ, они умѣло пользуются рессурсами своего языка.

Трудность китайскаго языка и письма, конечно, велика, но порою преувеличивается. То, что на первый разъ кажется хаосомъ, при ближайшемъ ознакомленіи оказывается доступнымъ обобщенію и образное письмо китайца скорѣе облегчаетъ, чѣмъ затрудняетъ изученіе языка. Китайскія письмена порою грубо символичны. Такъ, напр., ⊙ означаетъ (какъ у насъ въ астрономіи) солнце, 丄 означаетъ вверху, 丅 внизу. Если поставить вмѣстѣ два знака, обозначающіе дерево, то это означаетъ лѣсъ; двѣ женщины означаютъ ссору, женщина съ ребенкомъ—любовь, знакъ птицы и знакъ рта—пѣсню. Такъ какъ многія слова звучатъ одинаково, то къ нимъ присоединяютъ идеографическій знакъ. Такъ, знакъ сердца въ сложныхъ словахъ обозначаетъ душевныя состоянія, знакъ огня— горючесть и т. п. Зная отъ 2 до 3 тысячъ наиболѣе употребительныхъ знаковъ, можно прочесть почти любую китайскую книгу [1]).

Любимую форму китайской литературы составляетъ энциклопедія. Почти въ каждомъ китайскомъ домѣ, даже у бѣдняка, можно найти маленькую книжку съ характеромъ энциклопедіи, называемую кяпао; многочисленныя сто и тысячетомныя энциклопедіи стремятся ознакомить обладателя ихъ со „всѣмъ“. Даже первоклассные ученые Китая работали въ этой области; но во главѣ всѣхъ энциклопедистовъ стоитъ Матуанлинъ (1245—1322), составившій книгу Венхянтоньхао изъ 348 томовъ, куда включена вся совокупность китайской науки. Преемники Матуанлина написали къ его книгѣ два дополненія изъ 300 тетрадей, доведя сообщаемыя имъ историческія и иныя свѣдѣнія до конца XVIII вѣка. Нѣсколько меньше, но зато снабжена обильными рисунками, другая китайская энциклопедія, болѣе распространенная въ

[1]) Изъ китайскихъ грамматикъ можно рекомендовать грамматику о. Іакинѳа Бичурина (СПБ. 1838), и новѣйшую Gabelenz, Anfangsgründe der chin. Grammatik, 1883), а изъ словарей лучшіе—китайско-англійскіе напр., Giles'a.

Японіи, чѣмъ въ самомъ Китаѣ. Императорская библіотека въ Пекинѣ обладаетъ двумя величайшими въ мірѣ энциклопедіями (одна изъ 10000 томовъ, другая изъ 22870). Расположеніе матеріала въ китайскихъ энциклопедіяхъ не алфавитное, но предметное.

Что касается поэтическихъ произведеній китайцевъ, то умѣніе сочинять стихи считается необходимой принадлежностью утонченнаго образованія. Китайская лирика особенно развилась при династіи Тань (618—906), когда жили оба знаменитыхъ поэта Туфу и Литхаипе. Послѣдній былъ разнузданный геній, личный другъ императора, позволявшій себѣ всевозможныя выходки. Китайцы—любители природы, что сказывается въ ихъ поэзіи точно такъ же, какъ въ садоводствѣ. Игра словъ пользуется въ китайской поэзіи большимъ почетомъ. Стихи у китайцевъ риѳмованные,—размѣръ разнообразенъ.

Менѣе развито драматическое искусство, хотя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ китайцевъ замѣтно искусство въ обрисовкѣ напряженныхъ положеній. То же можно сказать о романахъ. Изъ послѣднихъ одни имѣютъ сказочный характеръ и наполнены чертями и вѣдьмами, но существуетъ не мало историческихъ и семейныхъ романовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были переведены и имѣли заслуженный успѣхъ въ Европѣ. Таковъ романъ Юкяоли (Исторія двухъ кузинъ), переведенный Ремюза и Жюльеномъ, и Хаокьючжуанъ (Счастливое соединеніе), переведенный Дэвисомъ. Любовь и бракъ играютъ въ китайскихъ романахъ второстепенную роль, хотя не рѣдко обрисовывается чистая любовь. Главный интересъ романа обыкновенно состоитъ въ описаніи приключеній долго непризнаваемаго и гибнущаго таланта, наконецъ достигающаго славы и почестей.

Одежда китайцевъ общеизвѣстна; однако, не мѣшаетъ замѣтить, что о нижнемъ бѣльѣ, о салфеткахъ и носовыхъ платкахъ китайцы не имѣютъ понятія. Женщины никогда не носятъ покрывалъ; онѣ красятъ брови, щеки и губы; замужнія носятъ прически, укрѣпляя ихъ золотыми и серебряными шпильками и булавками, украшая золотыми пластинками, жемчугами, живыми и искусственными цвѣтами. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ длинныя косы. Пресловутая коса китайцевъ-мужчинъ напрасно считается исконнымъ обычаемъ: она введена лишь нынѣшнею династіей. Носить усы раньше 40 лѣтъ или длинную бороду раньше 60 считается неприличнымъ.

На лѣвой рукѣ многіе китайцы отпускаютъ длинные ногти. Что касается изуродованныхъ женскихъ ногъ, то не мѣшаетъ знать, что этому уродованію подвергаются лишь дочери знатныхъ китайцевъ, и подобныя аристократки называются „золотыми лиліями“. Однако, это не относится къ манджурскимъ женщинамъ: онѣ, и въ томъ числѣ жены и наложницы императора, никогда не уродуютъ ногъ.

Жилища у китайцевъ довольно разнообразны. По рѣкамъ и въ большихъ гаваняхъ многіе китайцы живутъ на корабляхъ и баркахъ, другіе—на неподвижныхъ плотахъ. Дома одноэтажные, рѣдко двухъэтажные; боковыя стѣны иногда изъ кирпича—обожженнаго или необожженнаго; остальныя стѣны изъ досокъ, изъ хвороста съ глиной или даже изъ рогожъ. Полъ не вымощенъ и неровенъ; въ окнахъ бумага вмѣсто стекла. Мебель состоитъ изъ немногихъ стульевъ и столиковъ. У знатныхъ людей всегда есть особый „залъ предковъ“, гдѣ висятъ родословныя таблицы, курится ѳиміамъ и на столикахъ стоятъ прекрасныя чашечки съ чаемъ и блюдца съ вареннымъ рисомъ. У богачей къ домамъ примыкаютъ устроенные со вкусомъ парки и сады.

Семейная жизнь китайцевъ была достаточно описана въ текстѣ. Можно добавить слѣдующее: было время, когда въ Китаѣ свирѣпствовало дѣтоубійство; часто убивали дѣвочекъ—топили въ водѣ или выбрасывали. Въ новѣйшее время этому противодѣйствуютъ воспитательные дома, устраиваемые по подпискѣ. Дѣвочки получаютъ скудное образованіе. У состоятельныхъ людей дѣвушка 12—13 лѣтъ не смѣетъ болѣе показываться мущинамъ, даже своимъ старшимъ братьямъ, и выходитъ изъ дому только въ закрытыхъ носилкахъ. Мальчикъ, ставшій юношей (12—15 лѣтъ), получаетъ шапку; дѣвушка въ извѣстномъ возрастѣ получаетъ шпильки.

Погребальныя церемоніи у китайцевъ весьма многочисленны: иногда плотно замкнутый гробъ оставляютъ на 40 дней и болѣе. Мужчинъ хоронятъ въ лучшихъ шелковыхъ одеждахъ, женщинъ—въ бѣломъ съ серебромъ; передъ опусканіемъ въ землю, изгоняютъ бѣсовъ. На могилѣ приносятъ жертвы. Трауръ по родителямъ и жены по мужѣ длится 27 мѣсяцевъ; мужа по женѣ и родителей по дѣтямъ—годъ. Траурные цвѣта — бѣлый, синій и пепельно-сѣрый, но никогда не черный. Наслѣдуютъ сыновья; таблица предковъ поступаетъ къ старшему сыну, который, обыкновенно, пользуется двойной долей по сравненію съ прочими.

Древніе арійцы.

Составлено проф. Лефманномъ (S. Lefmann).

Былъ 1789 годъ. Посреди бури возстаній и переворотовъ потрясшихъ западъ Европы, явилась изъ далекаго Востока вѣсть объ отысканіи поэтическаго произведенія, изображавшаго покой и миръ индійской рощи, гдѣ скрываются кающіеся. То была картина полная прелести и силы, пропитанная ароматомъ цвѣтовъ. Немногіе замѣтили это извѣстіе, весьма немногіе обратили на него вниманіе. Но кто занялся этимъ вопросомъ, тотъ уже не могъ отстать отъ него; стали изслѣдовать далѣе, стали изучать невѣдомый языкъ и неожиданно открыли богатую цивилизацію, на высотѣ которой явилась Сакунтала, драма поэта Калидасы. Съ этимъ изслѣдованіемъ связано происхожденіе новой науки.

Говорить объ этомъ подробно, впрочемъ, не будетъ нашей цѣлью. Мы не станемъ распространяться о томъ, что зародыши этой науки были заложены въ нѣдрахъ романтизма; о томъ, что романтики мечтали о „первобытномъ откровеніи", послѣ котораго человѣчество начнетъ наслаждаться „блаженнымъ пребываніемъ въ свѣтѣ разума"; не станемъ пояснять, какъ трезвое, серьезное изслѣдованіе смѣнило романтизмъ, основавъ историко-критическое, т. е., сравнительное языкознаніе. Мы оставимъ въ сторонѣ развитіе науки и ограничимся ея осязательными результатами, насколько они способны пролить свѣтъ на первобытное и культурное состояніе арійскихъ или индоевропейскихъ языковъ и обществъ. Библейское благословеніе: „плодитесь и множитесь, наполняйте землю и овладѣвайте ею", есть культурный завѣтъ человѣчеству. Изъ семьи должны возникнуть роды, изъ семей и родовъ—племена и народы; они должны разсѣяться по землѣ и подчинить ее, ея природу, ея произведенія и силы. Въ этихъ предѣлахъ находится или движется всякая стадія культурнаго развитія.

Посмотримъ, что говоритъ библейское сказаніе о первыхъ людяхъ, жившихъ, по его словамъ, между теченіями Пишона на востокѣ и Гихона на западѣ. Пишонъ, это—Паясванъ, Синдгу или Индъ; Гихонъ, это—Шихоръ, Ниля или Нилъ. Въ томъ же источникѣ читаемъ о семьяхъ сыновей Ноя; по-еврейски Ноахъ или собственно Маноахъ—это библейская транскрипція Ману. „Отъ него произошли народы земли послѣ потопа". По библейской таблицѣ народовъ, потомки Сима или Шема, старшаго изъ сыновей Ноя, ушли всего далѣе по ту сторону (Евфрата) на югъ и юго-востокъ. Они занимали почти всю нынѣшнюю Аравію и, исходя отъ Краснаго моря на сѣверо-западъ, сузское плоскогорье (Эламъ), Ассуръ, Халдею, Арамъ и Лидъ (Лидію)—все это въ Малой Азіи. Сыновья Хама, а именно Кушъ и Мицраимъ, Футъ и Кена-анъ поселились по морскому берегу на востокъ до Либъ (Ливіи) и на сушѣ къ западу отъ Аравійскаго залива, далѣе въ низменности Кена-анъ, въ Филистеѣ и Финикіи по Средиземному морю. Къ сѣверу отъ тѣхъ и другихъ, и всего далѣе на сѣверъ распространились потомки Іафета или Іефета, младшаго изъ всѣхъ; первыхъ трое Гомеръ, Магогъ и Мадаи по дугѣ, идущей съ сѣв.-зап. на юго-востокъ отъ Чернаго моря, на сѣверъ до Каспійскаго, на югѣ и вокругъ Каспійскаго моря. Слѣдующіе три—Іаванъ (іонійцы), Ѳубалъ и Мешехъ съ зап. на вост. по дугѣ, идущей чрезъ Малую Азію, и на югъ отъ Чернаго моря; седьмое имя Ѳирасъ (Ѳракъ, ѳракіецъ) относится къ народамъ на сѣверо-западѣ, на европейскомъ берегу. Потомки Гомера, Аскенасъ, Рифатъ (а не Дифатъ) и Ѳогарма, и потомки Іавана, Элиша и Ѳаршишъ, Киттимъ и Доданимъ снова даютъ семь племенъ, въ которыхъ можно узнать племена Малой Азіи, Кавказа, прибрежныхъ и островныхъ странъ Средиземнаго моря. Болѣе подробное объясненіе было бы здѣсь неумѣстно; но замѣчательно для времени установленія этой генеалогіи, что въ числѣ первыхъ семи племенъ мы не находимъ настоящихъ арійцевъ-индусовъ и иранцевъ, если только не считать таковыми Гогъ и Магогъ (Масака, Массагеты) и Мадаи (мидянъ). Какъ бы то ни было, мы имѣемъ здѣсь передъ собою древнѣйшія документальныя свѣдѣнія о генеалогической связи между индо-европейскими и иными племенами.

Вотъ уже 50 лѣтъ ищутъ первобытную родину индоевропейскихъ народовъ; общій языкъ предполагаетъ совмѣстное жительство. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія твердо вѣрили тому, что было предположено съ самаго начала. Въ Азіи искали рая, откуда вышелъ человѣческій родъ. Области по ту сторону Каспійскаго моря, въ туранской землѣ, гдѣ протекаютъ Оксусъ и Яксартъ, были мѣстомъ, откуда вышла несомнѣнно позднѣе всѣхъ отдѣлившаяся индо-иранская вѣтвь, двинувшись на югъ и юго-востокъ: именно поэтому должны

были оттуда выйти также и другія, болѣе или менѣе рано удалившіяся на западъ, сѣверъ и сѣверо-западъ. Но въ началѣ 60-хъ годовъ явилось сомнѣніе. Лингвистически-палеонтологическая основа показалась недостаточною, такъ какъ въ предполагаемомъ „первобытномъ языкѣ“ не нашли названій для всего того, что оказывается общеизвѣстнымъ въ предполагаемой родинѣ, съ ея фауной и флорой; и обратно, въ этой родинѣ не нашли многаго изъ того, что оказывается одинаково названнымъ въ различныхъ арійскихъ языкахъ. По этой причинѣ стали искать родины арійцевъ или индоевропейцевъ въ другомъ мѣстѣ и, исключая крайняго востока и запада Стараго Свѣта, перебрали почти всѣ страны Европы и Азіи, но до сихъ поръ ни на чемъ не остановились.

Повидимому, послѣ всего этого остается лишь одно, а именно установить не индо-европейскую родину, а, такъ сказать, индо-европейскій первобытный языкъ и лишь на основаніи этого языка опредѣлить родину. Какъ это дѣлали до сихъ поръ, т. е. путемъ критическаго сравненія арійскихъ языковъ, нѣтъ возможности идти далѣе послѣднихъ элементовъ или основныхъ формъ языковъ. Однако, можно считать установленнымъ также первичное единство арійскихъ, семитическихъ и хамитическихъ языковъ, а поэтому возможно и необходимо болѣе широкое сравнительное изученіе. Правда, такое сравненіе не можетъ быть непосредственнымъ и картина культуры не достигается изученіемъ однѣхъ такъ наз. коренныхъ формъ. Необходимо прибѣгнуть къ самымъ словамъ и именамъ: здѣсь только можно различить, что было раньше или позднѣе утрачено или заимствовано. Итакъ, прежде новыхъ поисковъ за родиной арійцевъ, постараемся набросать въ общемъ картину ихъ первобытной культуры, правда, отрывочную, такъ какъ для полноты ея не хватаетъ лингвистическаго матеріала.

Вмѣстѣ съ искусствомъ пользоваться огнемъ начинается человѣческая культура и является первая основа осѣдлости. Огонь, пламя и свѣтъ, добываніе огня сверленіемъ и треніемъ — все это уже извѣстно всѣмъ семитамъ и арійцамъ. Прометей сошелъ къ людямъ задолго до древнѣйшаго извѣстнаго намъ раздѣленія народовъ и языковъ.

Однако, арійское первобытное общество еще не достигло прочной осѣдлости, хотя понятія о жильѣ и кочевьѣ уже различались. Древнѣйшіе арійцы владѣли не землею, не пахатью, а стадами быковъ, овецъ и козъ, и числомъ этихъ

стадъ опредѣлялось богатство отдѣльныхъ лицъ, семействъ и родовъ. Одежда и пища существенно основывались на скотоводствѣ, какъ и вообще имущества и средства обмѣна. Скотъ служилъ для опредѣленія мѣновой цѣнности (сравн. древне-русскій скотъ, латинское pecunia); основное же понятіе о скотѣ связано съ понятіемъ, означающимъ сторожить, осматривать.

Шкура, волосы и шерсть скота служили, однако, не всюду и не исключительно для одежды; не одно мясо и молоко служило для пищи и питья. Знали и приготовляли уже растительную пищу и плодовый сокъ; выдѣлывали изъ растительныхъ веществъ, изъ лыка или луба и т. п., покрывала и рогожи; что не росло само собою, то уже научились воздѣлывать.

Такимъ образомъ арійцы [1]) были полукочевники, не только скотоводы, но уже отчасти земледѣльцы. Они умѣли обрабатывать почву особымъ орудіемъ; названія плуга и паханья рѣшительнымъ образомъ существуютъ у всѣхъ арійцевъ и семитовъ. Что̀ именно воздѣлывали въ томъ или въ иномъ мѣстѣ? Это трудно опредѣлить въ подробностяхъ, но несомнѣнно, что уже воздѣлывались злаки, зерновые хлѣба, вѣроятно, ячмень, названіе котораго встрѣчается въ одинаковой мѣрѣ у семитовъ и арійцевъ, затѣмъ и пшеница. Разъ существовалъ зерновой хлѣбъ, стало быть, знали уже способы молоть, превращать зерна въ муку между камнями [2]), а изъ муки жарились или пеклись разныя блюда, хлѣбы или пироги. Изъ бобовыхъ навѣрное уже были горохъ и бобы; можетъ быть, также весьма давно или раньше всѣхъ прочихъ стала извѣстна чечевица. Какъ сказано, въ этомъ отношеніи многое еще не ясно. Навѣрное, любимымъ питьемъ было уже не молоко и не вареный медъ, но выжатый сокъ — виноградное вино, и точно также несомнѣнно, что варили ячменный напитокъ вродѣ пива. Далѣе, былъ извѣстенъ ленъ или конопля, вообще растеніе, стебель котораго трепали; пряли изъ волоконъ нити, а изъ нитей веревки и ткани. Все это подтверждается лингвистическими данными.

Это приводитъ насъ къ вопросу объ одеждѣ и къ названіямъ, которыя, представляя сходства, какъ у арійцевъ,

[1]) Авторъ, большею частью, прибавляетъ индо-германцы, но это такъ же не основательно, какъ если бы мы стали писать индо-славяне или индо-кельты.
[2]) Однако, зерна могли потребляться и въ вареномъ видѣ, вродѣ кутьи.

Перев.

такъ и у семитовъ, указываютъ также на матеріалъ. Кромѣ звѣриныхъ шкуръ, волоса или шерсти, мы встрѣчаемъ лыко или лубъ (*bakala, bagada*), холстъ или полотно (kshuna, kthuna, греч. chiton), откуда производится названіе одежды. Прясть, ткать, плести, портняжничать—всѣ эти слова имѣютъ свою исторію и представляютъ сходства у разныхъ народовъ. Не такъ наз. „корни" словъ, не пустыя абстрактныя формы, а названія именъ и предметовъ представляютъ значеніе для первобытнаго языка. Трудно рѣшить вопросъ, какъ носили платья: судя по нѣкоторымъ названіямъ, сначала это были поясные покровы или же передники (*vasas*, *asar*), а можетъ быть и плащи или родъ накидки черезъ одно плечо; трудно рѣшить также вопросъ объ обуви и головномъ покровѣ. Но несомнѣнно уже существовали украшенія, вродѣ колецъ, шнурковъ съ металлическими пластинками и т. п.

Безъ всякаго сомнѣнія, арійское первобытное населеніе уже обладало извѣстнымъ жильемъ, хижиной и изгородью, возомъ и упряжью для выѣзда или переселенія. То и другое идетъ рука объ руку. Стоитъ сравнить арійскія и семитическія слова, названія для воза, шатра, колеса и ѣзды, кузова, обоза и т. п., и наше предположеніе будетъ доказано. Это и естественно, такъ какъ полукочевому населенію необходимъ подвижный шатеръ, какъ кровъ, а во время стоянки обозъ служитъ лагеремъ. Неподвижныя избы сооружаются лишь при долговременномъ пребываніи на мѣстѣ.

Для передвиженія возовъ употребляли воловъ и быковъ. Лошади также были навѣрное извѣстны и кое-гдѣ приручены; однако, въ роли ломовыхъ и верховыхъ онѣ употреблялись рѣдко, быть можетъ, лишь у немногихъ болѣе воинственныхъ племенъ. Ослы и мулы также были извѣстны, но лишь изрѣдка употреблялись, какъ вьючныя животныя и для верховой ѣзды. Раньше и чаще держали собаку, сторожившую стада и дома.

Какъ далеко уже зашли въ сооруженіи возовъ и телѣгъ, показываетъ исторія языка, убѣждающая въ томъ, что у всѣхъ арійцевъ отдѣльныя части телѣги уже получили общія названія. Возъ дѣлали сначала изъ дерева, ось—изъ древеснаго ствола, концы котораго или ступицы свободно вращались въ чекахъ. Родъ топора (сравн. арійское *kart* и семитическое *gars*, арійское *paraku* и семитическое *paraq*) былъ древнѣйшимъ и лучшимъ орудіемъ для экипажнаго производства.

Какъ арійскія, такъ и семитическія названія доказы-

ваютъ, что люди, подобно животнымъ, искали убѣжища въ естественныхъ, а еще болѣе въ вырытыхъ ими самими пещерахъ, въ подвалахъ или до половины подвальныхъ землянкахъ. Цѣлыя мѣстности получили соотвѣтственныя названія, къ чему поводомъ послужила природа мѣстности, по причинѣ-ли множества пещеръ или же по причинѣ недостатка въ деревьяхъ. Сообразно съ этимъ, такое обыкновеніе сохранилось отъ до-историческихъ временъ и перешло даже въ историческія.

Впрочемъ, какъ было замѣчено, сооруженіе шалашей и хижинъ относится къ необычайно давней эпохѣ и всюду примыкаетъ къ самой природѣ. Поставивъ нѣсколько стволовъ или балокъ кругообразно и въ косвенномъ направленіи (круговая форма, естественно, древнѣйшая), соединивъ верхніе концы и скрѣпивъ ихъ, укрѣпивъ промежутки посредствомъ стропилъ, оставивъ лишь отверстіе для входа и выхода, тогда какъ все остальное переплеталось вѣтвями и покрывалось листвой, соломой и т. п., получали шалашъ, курень, кровъ для семьи (арійское *pur*, семитическое *qur*, *qir*). Или же балки прислонялись къ естественной скалѣ и образовали родъ искусственной пещеры, на что также указываетъ словопроизводство. Наконецъ, стали устраивать неподвижный шатеръ или хижину, до половины подземную [1]); подземная часть также покрывалась глиняной обмазкой. Все это формы сооруженій, до сихъ поръ еще встрѣчающіяся у дикарей; большая или меньшая тщательность и прочность сооруженія зависѣла отъ продолжительности пребыванія. Настоящіе дома (*dama*, *domus*), какъ жилища и сферы владѣнія отдѣльныхъ лицъ, могли явиться, очевидно, лишь при упроченіи осѣдлости. Однако, навѣрное уже и такіе дома существовали у первобытныхъ арійцевъ, а совокупность нѣсколькихъ хижинъ или домовъ образовала городъ, село или поселокъ.

Болѣе подробное описаніе жилища арійцевъ едва-ли можетъ быть дано. Относительно внутренняго устройства можно сказать, что по рединѣ былъ домашній очагъ или огнище, кругомъ были ложа для семьи. У болѣе бѣдныхъ люди, вѣроятно, спали подъ однимъ кровомъ со скотомъ, въ крайнемъ случаѣ отдѣленнымъ перегородкою. Болѣе богатые сооружали загоны.

Вмѣстѣ съ возней вокругъ огня, жареньемъ и варкою

[1]) Такія землянки до сихъ поръ иногда сооружаются бѣднѣйшими крестьянами въ Украйнѣ. *Ред.*

пищи, развилось также приготовленіе огнеупорной посуды. Глиняные горшки, чашки, миски, кружки, обожженные на огнѣ, являются съ древнѣйшаго времени. Гончарное искусство необычайно древне: на это указываетъ не только археологія, но и лингвистика, такъ какъ арійскія названія и здѣсь сходны съ семитическими. Иное дѣло—металлическая утварь. Металлы были уже извѣстны: прежде всего мѣдь и бронза, затѣмъ, вѣроятно, олово, свинецъ, серебро и золото. Ихъ названія, особенно двухъ благородныхъ металловъ, постоянно связаны съ названіями блеска и пламени, и какъ по наружному виду, такъ и по способу добыванія, связаны также съ названіями тайнаго искусства и волшебства. Названія вродѣ Nahusha, Kaçуар и др., вѣроятно, найдутъ въ этомъ объясненіе и ихъ миѳологическое значеніе станетъ понятнымъ.—Это важно какъ для исторіи культуры, такъ и для исторіи языка: то и другое мало еще обратило на себя вниманія. Кто обработываетъ блестящій металлъ, кто его бьетъ молотомъ, выдѣлываетъ изъ него украшенія, тотъ, по преимуществу, считается умнымъ, искуснымъ мастеромъ. Плавленіе и очистка металловъ, приготовленіе бронзы и отливка ея въ формы, уже судя по сходству названій, были весьма давно извѣстны, но судя по тѣмъ же основаніямъ, не была извѣстна ковка на огнѣ, именно ковка желѣза. Поэтому, вообще говоря, распространеніе и примѣненіе такихъ кованыхъ орудій еще не можетъ быть приписано первобытнымъ арійцамъ. То, что утверждаютъ миѳы и былины о кузнецахъ и о кузнечномъ горнѣ, относится лишь къ позднѣйшему времени.

Сказанное объ утвари относится и къ оружію. Извѣстны и получили особыя названія лукъ, стрѣлы, топоръ, молотъ, дротикъ и копье, праща и дубина, мечъ и ножъ и вообще вооруженіе, и въ названіяхъ есть даже совпаденія, указывающія на первобытную общность языковъ, восходящую раньше раздѣленія на арійскую и семитическую вѣтви. Это весьма замѣчательно уже по той причинѣ, что позднѣе какъ - разъ названія оружія, даже при весьма близкомъ лингвистическомъ родствѣ, обнаруживаютъ поразительныя различія. Замѣчательно, однако же, что формы именъ, восходящія къ фонетическому единству и къ единству понятій, вполнѣ опредѣленно указываютъ на камень, каменные осколки, дерево, обработанныя деревянныя колья, частоколы и т. п., но не на желѣзо и металлическія части. Подобнымъ же образомъ, деревянная утварь (ведра, чаны и т. п.) и оружіе (дротикъ,

дубина) вообще называются деревомъ; очень твердое дерево (кедръ) и такія орудія и оружія, какъ молотокъ и метательное оружіе, носятъ названіе камня. Даже для меча и ножа главное еще — понятія о метаньи и объ острыхъ краяхъ, а не о матеріалѣ (металлъ вовсе не упоминается), оружіе же вообще означаетъ понятія остраго, рѣжущаго, блестящаго. Стало быть, гдѣ не употреблялось исключительно дерево, тамъ были въ ходу каменныя и костяныя орудія и острія стрѣлъ и дротиковъ, которыя съ давнихъ временъ уже напитывались ядомъ. Металлическія острія, прежде всего изъ мѣди и бронзы, вѣроятно, явились сначала, какъ рѣдкость, затѣмъ, уже послѣ отдѣленія семитовъ отъ арійцевъ, появились сначала у семитовъ (чрезъ посредство финикіянъ и ихъ колоніальной торговли). Наконецъ, несомнѣнно, что мы встрѣчаемъ общія названія для оружій нападенія, но не защиты (вродѣ щита, панцыря и т. п.).

Названія войны и боя указываютъ на нападеніе; война и охота какъ у семитовъ, такъ и у арійцевъ имѣютъ одинаковое названіе (yudh, zud). Скотоводъ долженъ былъ защищаться отъ разбойниковъ и враговъ всякаго рода, однако нападеніе и для него является средствомъ обороны имущества и жизни. Охота еще не является предметомъ удовольствія и забавы, а рыбная ловля—еще менѣе того.

Что касается названія „звѣря“, опаснаго людямъ или страшнаго для нихъ, то это названіе, какъ и имена мѣстныхъ деревьевъ, относится къ древнеарійскимъ. Извѣстны уже букъ и сосна, вязъ и ясень, вѣроятно, также кленъ и ольха; эти названія въ большей или меньшей мѣрѣ общи, по крайней мѣрѣ, сѣверо-западнымъ, т. е. европейскимъ вѣтвямъ арійцевъ; что касается юго-восточныхъ, т. е. азіатскихъ, то имъ, совмѣстно съ первыми, общи названія лишь березы и дуба, при чемъ самое названіе, какъ у арійцевъ, такъ и у семитовъ служитъ для родового обозначенія дерева (какъ растущаго, такъ и въ смыслѣ дровъ). Такимъ же образомъ, изъ лѣсныхъ и степныхъ животныхъ упоминаются лишь медвѣдь, волкъ, бобръ, мышь, заяцъ, орелъ или коршунъ, выдра, змѣя, какъ общеарійскія названія; лиса и рысь, кабанъ, олень и лось—лишь какъ общеевропейскія. Но трудно сказать что-либо объ *утраченныхъ*, нѣкогда общихъ именахъ: память о нихъ могла изгладиться съ перемѣною мѣста; не менѣе трудно сказать, подразумѣваются-ли подъ сохранив-

шимися именами всегда одни и тѣ же существа [1]). Это можно допустить съ увѣренностью лишь въ томъ случаѣ, когда съ однимъ и тѣмъ же именемъ является опредѣленный признакъ, какъ, напр., когда идетъ рѣчь о названіяхъ березы, змѣи и т. п., въ которыхъ выражены одинаковымъ образомъ вполнѣ несомнѣнные признаки. То же мы видимъ какъ въ арійскихъ, такъ и въ семитическихъ названіяхъ орла или коршуна, шакала, лисицы и волка, а также льва, несмотря на всѣ возраженія лингвистовъ, опиравшихся на законы фонетики.

Мы такимъ образомъ дошли до имени льва, которое разсматривалось въ недавнее время, какъ не принадлежащее къ первобытнымъ арійско-семитическимъ формамъ, и это обстоятельство было даже однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ вновь искать древне-арійскую родину. Прежде чѣмъ возвратиться къ этому вопросу, слѣдуетъ выяснить еще нѣкоторыя стороны древне-арійской культуры.

Чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ изслѣдованіи культурнаго развитія людей, народовъ и группъ народностей, чѣмъ болѣе приближаемся къ начаткамъ культуры, тѣмъ болѣе съуживается все въ узкій кругъ, естественно образующій семью.

Первымъ въ семьѣ, производителемъ и покровителемъ является отецъ, его подругой или супругой—мать, ея дѣти — это произведенные, рожденные, молодые. Сыновья и дочери образуютъ „толпу", „дворъ" главы семьи. Эти и подобныя понятія довольно ясно выражены въ первобытной основной формѣ соотвѣтственныхъ названій. Но какъ только мы переходимъ къ наименованіямъ второй, третьей, четвертой степени родства, какъ по прямой линіи, такъ и по боковымъ, то представляется замѣчательное различіе между арійскими и семитическими именами. Это позволило бы допустить обособленное, явившееся послѣ раздѣленія языковъ, существенно неодинаковое пониманіе и образованіе словъ, если бы въ этихъ древнихъ, весьма употребительныхъ и различно звучащихъ именахъ нельзя было усмотрѣть первичное единство и сходство въ гораздо высшей степени, чѣмъ до сихъ поръ предполагали. Такъ, Schwester, Schwager, Schwäher (сестра, шуринъ, свекоръ) въ арійской и въ семитической, навѣрное одинаковой основной формѣ (svas, yachtas) означаютъ не что иное,

[1]) Сравни нынѣшнее нѣмецкое Elenn—лось, тогда какъ русское олень (елень) обозначаетъ другой видъ. *Перев.*

какъ рожденіе или происхожденіе. Мы не можемъ здѣсь привести данныхъ сравнительнаго языкознанія: замѣтимъ только, что для арійской первобытной общины мы видимъ уже значильное обиліе особыхъ названій для родственниковъ и свойственниковъ, для предковъ и потомковъ, что указываетъ на широкое развитіе и богатое расчлененіе; относительно постороннихъ всѣ они именуются друзьями или союзниками, и ихъ совокупность, обозначаемая домомъ, семьею и т. п., указываетъ на тѣсную замкнутость этой первой и древнѣйшей общины [1]).

Сознаніе родства въ третьемъ поколѣніи было, напр., еще очень живымъ; совмѣстная жизнь порождала извѣстную общность интересовъ поселка, при чемъ подчиненіе старшему въ родѣ или особенно уважаемому лицу обезпечивало ему содѣйствіе отдѣльныхъ членовъ общины (арійск. vaç, семит. yaq). Поселенія изъ шатровъ или хижинъ, судя по лингвистическимъ даннымъ, располагались по преимуществу въ ущельяхъ, долинахъ, руслахъ ручьевъ или рѣкъ (арійск. *nagara*, семит. *nachal*). За предѣлы рода или поселка распространяется, конечно, сознаніе родства и одинаковости происхожденія всего племени (ар. *vança*, семит. *yanq*). Наиболѣе тѣсныя и сильныя узы доставляетъ языкъ, затѣмъ также преданіе, обычаи, нравы, передающіеся (ар. *khyâ*, сем. *chwâ*) изъ рода въ родъ. Впрочемъ, нравы и обычаи всюду живучи и ихъ святость, зависящая отъ древности, позволила имъ уцѣлѣть въ историческую эпоху въ прежнемъ видѣ: таковы обычаи при родинахъ, на свадьбѣ и на похоронахъ.

Все, что не принадлежитъ къ племени, то чуждо и враждебно. Естественно, это относится къ другимъ болѣе или менѣе кочевымъ племенамъ: ихъ приближеніе грозитъ нуждою и требуетъ отпора. Оно относится также и къ одинокому путнику, приходящему въ качествѣ гостя (*gast-s*, *hostis*, *fostis*); имя гостя несомнѣнно приводится къ основному понятію „ѣсть" [2]).

Чужеземецъ всюду лишенъ правъ и защиты. По мѣрѣ возрастанія культурности и осѣдлости, мирный пришелецъ

[1]) Весьма сомнительно, чтобы описанная авторомъ патріархальная семейная община могла считаться «древнѣйшею» формою общиннаго быта. *Перев.*

[2]) Изъ этого еще нельзя вывести, что «гостя» съѣдали: судя по многимъ нынѣшнимъ кочевымъ народамъ, арійцы могли быть гостепріимны и ѣсть вмѣстѣ съ гостемъ. Болѣе основательна была бы ссылка на то, что hostis означало и гостя, и врага. *Перев.*

могъ найти извѣстный кровъ; но отсюда еще далеко до гостепріимства, до заповѣди: любите чужеземца. Лишь тотъ, кто самъ свободенъ, кто нравственно освобожденъ даже отъ ярма природы, тотъ только можетъ этому внять и это понять. Пока дикари имѣютъ у себя и находятъ подъ рукою все, что имъ надо, невозможно съ другой стороны ожидать и дружественнаго сочувствія извнѣ. Лишь вмѣстѣ съ познаніемъ чужого добра возникаетъ потребность въ немъ и желаніе его, раньше или позднѣе находящее удовлетвореніе. Разсчетъ на выгоду заставляетъ тогда чужеземнаго гостя пренебрегать опасностью. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ данныя лингвистики, показывая намъ въ первичныхъ общихъ формахъ существованіе сношеній, добываніе выгодъ путемъ купли и продажи, особенно путемъ обмѣна. Языкъ указываетъ на названія для пути, для странниковъ и торговцевъ, для гостей, привозящихъ товары. Мы находимъ также одинаковыя арійскія и семитическія названія для кораблей или скорѣе челноковъ— простыхъ выдолбленныхъ стволовъ—и для веселъ.

Само собою разумѣется, что и понятія о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ, истинѣ и лжи, долгѣ и имуществѣ существуютъ въ изобиліи и, что еще болѣе замѣчательно, они указываютъ на общность развитыхъ воззрѣній. Замѣчательно, напр., что понятія о добромъ, хорошемъ, славномъ (ар. *vasu*, сем. *yashar*), о цѣломъ, сохранномъ, мирномъ (ар. *sarva*, сем. *shalva*), имѣвшія первоначально матеріальное значеніе, становятся этическими. Физическій актъ держанія и твердости также повсюду переходитъ въ моральный (сдержать слово и т. п.); эта перемѣна значенія, всюду одинаковая, указываетъ на равномѣрное развитіе народнаго духа, творящаго культуру.

Одновременно съ наименованіями нравственныхъ началъ, языкъ всюду приноситъ наименованія сверхчеловѣческихъ силъ, внушающихъ страхъ или почтеніе. Люди стараются снискать милость и отвратить гнѣвъ этихъ силъ. Такое чувство страха и почтенія, постоянно сливаясь съ вѣрованіями, дѣлаетъ труднымъ объясненіе миѳологическихъ образовъ. Не слѣдуетъ, однако, еще призывать на помощь души умершихъ или ожидать развитія искусства пѣвцовъ или жрецовъ, чтобы понять, какимъ образомъ дѣти природы могли населить небо, солнце, словомъ все окружающее, другими, лишь необычайно могущественными людьми, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ встрѣ-

чалось что-либо непостижимое, „опутывавшее“ ихъ чувства, внушавшее имъ ужасъ или радость, сулившее благословеніе или гибель. Цѣлый рядъ такихъ небожителей (*deva* отъ *div*, семит. *siv*), „живыхъ“ и „сильныхъ“ (*asu*, *vasu*), мощныхъ (*valentes*, арійск. *bal*, сем. *el*) фигурируютъ въ роли боговъ первобытныхъ арійцевъ. Это силы природы, какъ богъ неба *діаусъ* (Zeus, германское Tiu), какъ Сурья (Helios) отъ *svar* (семитическое sohar) солнечный блескъ, какъ Ушасъ (Eos, отъ ush, vas, семит. ush, ur), какъ Паранья, богъ грозы (Перкунъ, Перунъ, сравн. семитич. *barak*), и еще другія имена, болѣе или менѣе общія. Свою божественность, великолѣпіе и достоинство многіе пріобрѣли уже вмѣстѣ со своимъ именемъ (сравн. названія вродѣ господинъ, отецъ), другіе лишь въ историческую эпоху, исключая случаевъ, когда мы имѣемъ соотвѣтственныя семитическія формы, вродѣ *сивъ* и др. Что касается богопочитанія, мы вправѣ предполагать лишь нѣкоторый жертвенный культъ и извѣстнаго рода призыванія.

Въ развитіи языка всего болѣе и всего своеобразнѣе выражается умственная сила, общность и раздѣльность народовъ; нигдѣ эта сила не проявилась такъ живо и творчески, какъ у арійцевъ и у семитовъ. Вполнѣ сходные въ основныхъ формахъ, въ первичныхъ обозначеніяхъ понятій, арійскіе и семитическіе языки уже въ началѣ развитія, на первой стадіи измѣненія смысла словъ, выказываютъ фонетическіе оттѣнки этихъ основныхъ формъ (измѣненіе корней); родственныя или усиленныя понятія различаются посредствомъ фонетически-родственнаго или усиленнаго, помощью ударeній, приставокъ и вставокъ. Обнаруживаются значительныя различія и каждая группа языковъ идетъ своимъ собственнымъ путемъ, когда образуются дальнѣйшія знаменательныя выраженія для обозначенія вещей или образа дѣйствія [1]).

Является вопросъ: нельзя-ли опредѣлить также эпоху и мѣстность, гдѣ произошло раздѣленіе, или, по крайней мѣрѣ, провести мѣстное разграниченіе между семитами и арійцами?

Возвратимся къ библейской таблицѣ народовъ. Слѣдя по дугѣ, отрѣзывающей южное морское побережье Малой Азіи и, какъ сказано, идущей далѣе отъ сѣверо-востока Средиземнаго моря до южной оконечности Каспійскаго моря, мы увидимъ, что таврическая и кавказская горная мѣстность

[1]) Главу эту мы нѣсколько сократили и измѣнили (не выбросивъ ни одного факта); въ подлинникѣ она изложена съ совершенно излишними стилистическими длиннотами; съ другой стороны, мы добавили въ концѣ главы дополнительныя свѣдѣнія, отсутствующія въ оригиналѣ. *Перев.*

отдѣлится отъ южныхъ террасъ и низменностей. Къ югу находятся лишь семиты; къ сѣверу, подъ именемъ потомковъ Яфета, упомянуты лишь арійцы: гомеръ, магогъ, мадаи (кимерійцы, скиѳы, мидяне); іаванъ, ѳубалъ, мешекъ (іонійцы, ѳибаренцы, мосхи); ѳирасъ (ѳракійцы); аскеназъ (асканійцы); рифатъ (иберійцы), ѳогарма (армяне)—древніе обитатели прикаспійскихъ и припонтійскихъ странъ, Кавказа и Малой Азіи. Они въ совокупности образуютъ великую сѣверо-западную (европейскую) вѣтвь арійской первобытной расы; прибывъ сюда съ востока, они распространились (давъ многочисленное потомство) далѣе на сѣверъ и на западъ по европейской области.—Наоборотъ, въ библейской таблицѣ не названы азіатскіе арійцы, двинувшіеся изъ своей первобытной родины на югъ, чтобы позднѣе раздѣлиться на южную и юго-восточную вѣтвь. Гдѣ же, спрашивается, исходный пунктъ и колыбель обѣихъ вѣтвей, сѣверо-западной и юго-восточной? Гдѣ находились ихъ семьи и орды, уже отличаясь между собою нарѣчіями? Конечно, только въ Азіи и не только вообще въ Азіи, но въ томъ раю, который находится къ востоку отъ Каспійскаго моря, въ „туранскихъ“ земляхъ, въ Хивѣ, по Оксу и Яксарту и въ области ихъ источниковъ [1]). Съ точки зрѣнія „первобытнаго языка“, флоры, фауны, климата ничего нельзя возразить; возраженія съ этнографической точки зрѣнія также неосновательны. Наоборотъ, этнографическая гипотеза, по которой арійцы (стало быть, также иранцы и индусы!) вышли изъ Европы, Скандинавіи, Литвы и т. д., опровергаются ни болѣе, ни менѣе, какъ всѣми (?) лингвистическими данными.

Указывали на неодинаковое наименованіе моря у сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ арійцевъ и пытались вывесть отсюда первобытное общее незнакомство съ моремъ. Не всѣ европейскіе арійцы называли море по его „горечи“ или „солености“, тогда какъ у грековъ оно называлось „солью“ или „соленой водою“. Такіе выводы всегда сомнительны. Имена даются по рѣзкимъ признакамъ, они остаются общими, хотя бы исчезло понятіе, послужившее имъ основой. У семитовъ море есть „вода“ (*ма*), хотя съ другой стороны семитическое выраженіе *ямъ* (yam) обозначаетъ бурное, сильное (сравн. санскритское *Sagara*).

Труднѣе, хотя важнѣе опредѣлить эпоху и послѣдовательность удаленія отдѣльныхъ членовъ первобытной арійской

[1]) Сравн. возраженія въ „Прибавленіи“. *Перев.*

семьи изъ древнѣйшей родины и достиженіе ими самостоятельнаго существованія. Изученіе языка доставляетъ здѣсь въ лучшемъ случаѣ аналогію историческихъ отношеній съ доисторическими, напр., при сравненіи съ происхожденіемъ и образованіемъ романскихъ и германскихъ языковъ. Здѣсь мы не видимъ расщепленія на основные языки, а этихъ послѣднихъ—на дальнѣйшія отдѣльныя вѣтви, но постоянное передвиженіе или, точнѣе, непрерывное взаимное „переливаніе“ діалектовъ, пока, наконецъ, особенности болѣе тѣснаго круга нарѣчій не станутъ достаточно сильными, чтобы оттолкнуть отъ себя другія нарѣчія, какъ чуждыя. Своеобразное соглашеніе относительно политическихъ границъ, затѣмъ въ особенности единство преданій усиливаетъ и упрочиваетъ лингвистическую самостоятельность и замкнутость. Быть можетъ, кельтическія нарѣчія, какъ наиболѣе западныя, прошли наибольшій путь для достиженія самостоятельности и всего болѣе удалились отъ другихъ; возможно, что германскіе и литовско-славянскіе языки, подвигаясь на сѣверъ, всего долѣе существовали рядомъ; возможно, что греческій языкъ позднѣе всѣхъ перешелъ на европейскую почву и, однако, раньше всѣхъ достигъ самостоятельности. Можно сказать съ увѣренностью лишь одно: юго-восточная или азіатская вѣтвь арійцевъ позднѣе всѣхъ оставила первобытную родину; достовѣрно, что обѣ ея отрасли, иранцы и индусы, остались ближе всего къ первобытному общему состоянію; достовѣрно, наконецъ, и то, что ихъ разъединеніе, т. е. вступленіе арійцевъ въ Индію, произошло, весьма вѣроятно, раньше, но навѣрное не позднѣе, чѣмъ въ 1500 году до Р. Х.

Споръ объ арійцахъ.

(Добавленіе переводчика).

Названіе арійцевъ происходитъ отъ санскритскаго ârya, благородные, знатные, и его слѣдовало бы употреблять только для индоиранцевъ. Правда, нѣкоторые ученые доказываютъ, что названіе арійцевъ встрѣчалось еще въ „первобытномъ“ языкѣ, указывая на то, что оно уцѣлѣло въ названіи Ирландіи (Эринъ); но этотъ выводъ сомнителенъ. Доказано существованіе названія арійцевъ у индусовъ, персовъ и скиѳскихъ племенъ; оно сохранилось и по настоящее время въ наиме-

нованіи Ирана и въ народномъ имени иронъ (у кавказскихъ осетинъ). Весьма возможно, что арійцы въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. предки индоиранцевъ, жили по склонамъ Гиндукуша, у источниковъ Оксуса, откуда распространились частью по Ирану, частью черезъ Кабулъ добрались въ Индію. Отсюда, однако, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы область по рѣкамъ Оксусу и Яксарту была первобытной родиной всѣхъ индоевропейцевъ или арійцевъ въ обширномъ смыслѣ слова, въ какомъ и мы, по примѣру англичанъ, употребляемъ это названіе. Противъ происхожденія арійцевъ изъ области подлѣ Оксуса накопилось много вѣскихъ данныхъ. Такъ, напр., существованіе общихъ названій для березы, бука и дуба, но отсутствіе таковыхъ для тигра и верблюда, общность названій для снѣга и льда скорѣе указываетъ на сѣверный климатъ. Есть также данныя, указывающія на то, что арійцы были бѣлокуры и голубоглазы. Къ сожалѣнію, авторы, признающіе родиной арійцевъ Европу, также далеко не пришли къ согласнымъ между собою выводамъ. Такъ, по Шрадеру, этой родиной является среднее теченіе Волги, по Латаму — Польша, Литва и Бѣлоруссія, по Бенфею — область между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, по Куно — сѣверная Европа вообще, по Пенка — Скандинавія. Относительно сродства отдѣльныхъ отраслей и порядка раздѣленій также не установилось соглашенія: общепризнано лишь близкое родство иранцевъ съ индусами и славянъ съ литовцами [1]).

Послѣ того какъ Боппъ въ своей „Сравнительной грамматикѣ“ окончательно установилъ родство цѣлой группы языковъ, которые онъ назвалъ не совсѣмъ удачно индогерманскими (сюда входятъ даже языки албанскій и армянскій), Максъ Мюллеръ наименовалъ эту группу арійскою, что указываетъ на древнюю Аріану, область, окружающую Гератъ. Максъ Мюллеръ въ своихъ „Лекціяхъ по наукѣ о языкѣ“ говоритъ объ арійской расѣ въ томъ смыслѣ, что „предки индусовъ, персовъ, грековъ, римлянъ, славянъ, кельтовъ, германцевъ“ жили „подъ одной кровлей“.

Однако, родство языка далеко не всегда доказываетъ родство расъ. Брока указываетъ, напр., на то, что бельгійцы, говорящіе по-французски, имѣютъ весьма мало общаго съ ла-

[1]) Сравн. Fick, Vergl. Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. 1890—94 O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte (есть русск. пер.). 2 Aufl. 1890. Hahn, Kulturpflanzen und Haustiere 1894, Penka, Die Herkunft der Arier 1886. Taylor, The Origin of Aryans (есть русск. пер.).

тинскими народами. По замѣчанію Топинара, сами французы по расѣ „кимвры на сѣверѣ и кельты въ центрѣ“.

Мнѣніе, что Азія должна быть колыбелью человѣчества и что арійцы — потомки Іафета, держится весьма упорно, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что лингвисты не желаютъ считаться съ данными до-исторической археологіи, палеонтологіи и геологіи.

Послѣ того, какъ палеонтологія въ связи съ геологіей доказала, что на западѣ Европы человѣкъ былъ современникомъ многихъ вымершихъ животныхъ, пришлось поставить вопросъ: не представляютъ-ли современные европейцы, главнымъ образомъ, потомковъ неолитическихъ расъ? Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ дали антропологическія изслѣдованія. Удалось, напр., доказать, что черепа нынѣшнихъ обитателей средней Франціи представляютъ тотъ же типъ, какъ и черепа пещерныхъ обитателей, сооружавшихъ здѣсь дольмены въ началѣ неолитическаго вѣка. Съ другой стороны, извѣстный филологъ Латамъ еще въ 1851 году утверждалъ, что въ пользу азіатскаго происхожденія арійцевъ нѣтъ вѣскихъ данныхъ. Основываясь на сходствѣ литовскаго языка съ санскритомъ и на архаичности перваго, Латамъ предложилъ вопросъ: отдѣлилась-ли меньшая группа отъ большей или наоборотъ? Считая вѣроятнымъ послѣднее, Латамъ утверждалъ, что арійцы Европы образуютъ круговую цѣпь изъ шести звеньевъ, въ которой не хватаетъ одного звена, такъ какъ именно оно и дало индоиранскую вѣтвь, ядро же группы находилось въ Европѣ. Гипотеза Латама долго разсматривалась, какъ эксцентричная выходка англичанина. Но съ тѣхъ поръ, какъ его мнѣнія встрѣтили сторонника въ лицѣ Уитнея, германскіе ученые, какъ, напр., Фиккъ, въ свою очередь, выставили рядъ доводовъ противъ азіатской теоріи.

Важные доводы были приведены Фиккомъ въ книгѣ, появившейся съ предисловіемъ Бенфея. Здѣсь знаменитый санскритологъ утверждалъ, что, судя по названіямъ животныхъ и растеній, первобытные арійцы, не знавшіе даже верблюда, не могли быть родомъ изъ областей къ востоку отъ Каспійскаго моря. У грековъ левъ носилъ семитическое названіе [1]), а у индусовъ имя, этимологія котораго не арійская. Хотя не всѣ заключенія Бенфея можно считать доказанными, все же ими

[1]) Мы видѣли, однако, что это мнѣніе оспаривается Лефманомъ. Впрочемъ, именно левъ водился еще въ недавнюю геологическую эпоху въ Европѣ. *Пер.*

было оказано значительное содѣйствіе противникомъ азіатской теоріи.

Гейгеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit", въ свою очередь, присоединился къ мнѣнію Бенфея, однако, съ тѣмъ различіемъ, что Бенфей помѣщаетъ родину арійцевъ на сѣверъ отъ Чернаго моря, тогда какъ Гейгеръ — въ Германіи. Гейгеръ указываетъ на арійскія названія березы, бука и дуба. Греческое phegos, дубъ, лингвистически соотвѣтствуетъ нѣмецкому Buche, англ. beech, русск. букъ, латинскому *fagus*. Отсюда Гейгеръ выводитъ, что греки вышли изъ страны буковъ въ страну дубовъ и приложили имя бука къ дубу, такъ какъ оба растенія даютъ съѣдобные плоды. Греція, дѣйствительно, изобилуетъ дубами (напр., окрестности Додоны и Спарты). Можно было бы, однако, возразить, что дубы есть и въ Германіи. На это, въ свою очередь, возражаютъ, что санскритское и тевтонское названіе дерева соотвѣтствуетъ греческому и кельтическому названію дуба.

Гейгеръ утверждалъ, что арійцы до своего раздѣленія жили въ холодной сѣверной области, на что указываетъ общеарійское названіе березы, а по мнѣнію Гейгера также и *ржи*. Рожь, нѣм. Roggen, отожествлена Гриммомъ съ санскритскимъ рисъ. Сравнивая въ ѳракійскимъ briza (рожь) приходится допустить, что первоначальное названіе ржи у южноазіатскихъ арійцевъ было примѣнено къ рису. Гейгеръ отвергаетъ существованіе общеарійскаго названія пшеницы. Арійцы до раздѣленія имѣли названіе для зимы и весны, но не для лѣта и осени. Пьетреманъ, правда, возражалъ, что и въ Азіи, напр., подлѣ озера Балкаша, есть аналогичныя условія: однако, эта мѣстность во всѣ историческія времена была обитаема монгольскими племенами. Одновременно съ Гейгеромъ отстаивалъ „европейскую теорію" Куно. По его мнѣнію, первобытные арійцы представляли не небольшое племя, а многочисленный народъ, распространенный по обширной территоріи, а именно на всей великой европейской низменности, отъ сѣверной Франціи до Уральскихъ горъ. Краніологія, археологія и лингвистическая палеонтологія, по основательному замѣчанію Куно, вполнѣ подтверждаютъ это воззрѣніе. Куно впадаетъ, однако, въ крайность, утверждая, что діалектическія различія арійскаго языка произошли лишь отъ географическаго раздѣленія. Іоганнъ Шмидтъ значительно усовершенствовалъ „европейскую теорію", показавъ отсутствіе

какихъ-либо вѣскихъ доказательствъ въ пользу послѣдовательныхъ переселеній арійцевъ съ востока и указавъ на то, что отношенія между различными арійскими языками имѣютъ характеръ не столько развѣтвленій, сколько распространенія волнъ изъ центровъ возмущенія. Долго спорили о томъ, является-ли. напр., славянскій языкъ вѣтвью иранскаго или же тевтонскаго корня? Шмидтъ показалъ, что онъ обладаетъ нѣкоторыми особенностями, сближающими его то съ тевтонскимъ, то съ иранскимъ. Сверхъ того, чѣмъ болѣе географически отдалены два арійскихъ языка, тѣмъ малочисленнѣе ихъ общія особенности. Такъ, напр., въ то время, какъ славяно-литовскій и тевтонскій обладаютъ 55 общими корнями и словами, а славяно-литовскій и индо-иранскій 61, индо-иранскій и тевтонскій имѣютъ ихъ только 13. Латинскому и греческому общи 132 корня; греческому и индо-иранскому 99; индо-иранскому и латинскому—20. Славянскій языкъ представляетъ, поэтому, переходъ отъ тевтонскаго къ иранскому, а греческій— отъ латинскаго къ санскриту. Здѣсь, какъ въ органическомъ мірѣ, наблюдается, по замѣчанію проф. Пауля, истребленіе промежуточныхъ разновидностей.

Пенка дополнилъ теорію Куно и Шмидта, указавъ, что арійцы включили въ свою среду много не-арійскихъ расъ, откуда могли произойти новыя діалектическія различія. Такъ, напр., особенности, общія литовцамъ и славянамъ, могли произойти отъ включенія финскихъ племенъ, а особенности, общія славянамъ и иранцамъ,—отъ включенія угровъ. Исчезновеніе удареній въ французскомъ и персидскомъ языкахъ, по Тайлору, произошло отъ трудности для завоевателей (франковъ въ первомъ случаѣ и арабовъ во второмъ) произносить иностранныя слова. Англійскій языкъ также измѣнился отъ соединенія съ языками разныхъ народовъ [1]).

Самый сильный доводъ въ пользу „азіатской гипотезы" это тотъ, который выставленъ Гоммелемъ, Деличемъ, Кремеромъ и Лефманномъ (сравн въ текстѣ). Доводъ этотъ состоитъ въ указаніи основныхъ сходствъ между арійскими и семитическими языками. Деличъ пытается отожествить до 100 корней семитическихъ съ арійскими. На это можно возразить, что, во-первыхъ, не всѣ народы, говорящіе по-арійски—арійской расы. Весьма возможно, какъ утверждаетъ Тейлоръ,

[1]) Упрощеніе склоненій въ англійскомъ языкѣ есть какъбы возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Сравн. соотношеніе между атавизмомъ и скрещиваньемъ, указанное Дарвиномъ. (Изм. жив. и раст. т. II, Наслѣдственность). *Ред.*

что средиземноморская раса была берберской или хамитской. Съ другой стороны, въ дѣлѣ грамматической конструкціи существенное различіе между арійскими и семитическими языками едва-ли подлежитъ сомнѣнію.

Шрадеръ, подводя итогъ всѣмъ прежнимъ лингвистическимъ работамъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) самое древнее мѣстопребываніе *европейскихъ* арійцевъ было на сѣверѣ Европы, а азіатскихъ на Яксартѣ; 2) индо-иранскій языкъ нельзя считать болѣе архаическимъ, чѣмъ европейскіе; 3) результаты лингвистики не имѣютъ рѣшающаго значенія; однако, судя по общности названій снѣга и льда, колыбелью первобытныхъ арійцевъ были сѣверныя страны; 4) первобытные арійцы были распространены по очень обширной области; 5) степень цивилизаціи, достигнутая арійцами, согласуется съ указаніями древнихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка; 6) движенія арійцевъ направлялись съ сѣвера къ югу, а не съ востока на западъ.

Древняя Индія.

Составл. проф. Лефманномъ.

1. Индоиранскій періодъ.

Изъ предыдущаго ясно, во всякомъ случаѣ, слѣдующее: было время, когда иранцы и индусы образовали еще нераздѣльный народъ съ общимъ языкомъ. Это еще болѣе вѣроятно, чѣмъ то предположеніе, что всѣ индоевропейскіе языки представляютъ общность, заставляющую признать одинъ основной языкъ [1]). Основной индоиранскій языкъ, въ послѣднее время особенно подробно изученный проф. Бартоломэ, является, стало быть, общимъ родоначальникомъ древнеиндійскаго и древнеиранскаго. Онъ уклоняется отъ своихъ дочернихъ языковъ въ гораздо меньшей степени, нежели латинскій отъ итальянскаго и испанскаго и два послѣдніе между собою. Древнеиндійскій и древнеиранскій языки, въ

[1]) Изъ нашихъ добавленій видно, что первое изъ приведенныхъ положеній признается всѣми (общность индоиранцевъ), тогда какъ существованіе единаго арійскаго языка въ какую бы то ни было эпоху многими оспаривается. Діалектическія различія могли возникнуть одновременно съ выдѣленіемъ арійской группы, подобно тому, какъ, напр., различіе между кошкой и львомъ могло возникнуть одновременно съ обособленіемъ всей группы кошачьихъ. *Перев.*

особенности языкъ Авесты или Зороастрова канона, извѣстный намъ гораздо лучше, нежели другая вѣтвь древнеиранскаго, а именно древнеперсидскій языкъ клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ,—эти языки различаются между собою лишь діалектически. Малое различіе языковъ, видимо, усиливается тѣмъ, что въ нихъ находятъ выраженіе двѣ различныя культуры, индійская и иранская, идущія съ этихъ поръ каждая своимъ собственнымъ путемъ. Вспомнимъ, однако, что это расчлененіе культурнаго развитія тогда лишь стало совершившимся фактомъ, когда индійскій языкъ получилъ большее единство и округленіе въ ведическую эпоху, а восточноиранскій пріобрѣлъ единство, благодаря реформаторской дѣятельности Заратуштры. Вспомнимъ далѣе, что до этой поры оба народа или племени, индусы и восточные иранцы, были болѣе близкими сосѣдями и языки ихъ различались между собою еще въ меньшей степени, нежели въ историческую эпоху. Зная это, мы не будемъ въ состояніи отказаться отъ вывода, что взаимное пониманіе и обмѣнъ культурныхъ пріобрѣтеній должны были представлять непрерывную традицію. Поэтому неумѣстно пытаться набросать картину общаго состоянія *первобытныхъ арійцевъ*, путемъ извлеченія общихъ чертъ, свойственныхъ *индоиранской* группѣ. Нѣсколько болѣе умѣстно это по отношенію къ религіознымъ и миѳологическимъ представленіямъ, которыя болѣе консервативны, нежели матеріальная сторона культуры, и не такъ легко усваиваются отъ чуждаго или отчужденнаго племени, какъ матеріальныя пріобрѣтенія. Не вдаваясь въ излишнія подробности, мы обратимъ, однако, вниманіе на многое изъ особенно замѣчательнаго въ этомъ отношеніи.

Одна изъ главныхъ фигуръ въ Ведахъ это Индра, убійца Вритры, прозванный поэтому *Вритраганъ*. Въ Авестѣ первое изъ приведенныхъ именъ неизвѣстно, зато второе, въ формѣ *Вереѳрагхна*, часто упоминается, какъ имя могучаго божества. Нѣчто подобное мы видимъ также относительно индійскаго *Варуна*, котораго нельзя отдѣлить отъ греческаго *Ураноса*, такъ что происхожденіе его приходится отнести еще къ арійской первобытной эпохѣ. Онъ величайшій изъ *асуровъ*. Въ Авестѣ онъ превратился въ величайшаго бога *Агурамазду* (агура все равно, что асура); тождество Агурамазды съ Варуной доказывается многими существенными чертами, общими обоимъ божествамъ. Оба тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ богомъ свѣта, Митрой, персидскимъ Миѳ-

рой, занимающимъ такое высокое положенiе у иранскихъ народовъ. Общею обоимъ народамъ является легенда о первомъ человѣкѣ, о царѣ въ царствѣ мертвыхъ, Яма, сынѣ Вивасванта (въ Авестѣ Йима, сынъ Виванхванта). Далѣе, объ убiйцѣ дракона Трита Аптья, играющемъ въ Ведѣ второстепенную роль, тогда какъ въ Авестѣ онъ фигурируетъ часто подъ именемъ Өрэтона, сына Аөвья, тождественнаго съ героемъ Феридуномъ въ позднѣйшей поэмѣ Фирдуси Шахнамэ. Подобнымъ же образомъ ведическiй Апамнапатъ встрѣчается въ Авестѣ подъ именемъ Апанмъ-напао. Можно было бы назвать еще много именъ божественныхъ или полубожественныхъ существъ, относительно которыхъ можно утверждать съ большей или меньшей увѣренностью, что они относятся еще къ эпохѣ арiйской общности.

Еще болѣе тѣсная общность идей, нежели въ указанныхъ миѳологическихъ образахъ, проявляется въ религiозномъ культѣ обоихъ народовъ. Здѣсь прежде всего необходимо указать на общiя обоимъ народамъ главныя жертвоприношенiя: индусское *сома* соотвѣтствуетъ персидскому *гаома*, царю растенiй, принесенному съ горъ орломъ. Изъ этого растенiя добывался опьяняющiй напитокъ. Какъ сома, такъ и гаома были затѣмъ олицетворены, возведены въ Индiи на степень божества и соединены съ божествомъ луны. Далѣе, у обоихъ народовъ мы находимъ важную составную часть жертвы подъ одинаковымъ именемъ, а именно *баригсъ*, въ Авестѣ *баресманъ;* точно также, жрецъ или священникъ, произносящiй молитвенныя формулы, называется у индусовъ *готаръ*, въ Авестѣ *заотаръ*, тогда какъ для другого рода жрецовъ, индiйскаго *адхварью*, персидскаго *раөви* мы находимъ совпаденiе лишь функцiй, но не имени. Всего рѣшительнѣе подтверждается первобытное согласованiе религiозныхъ идей тѣмъ обстоятельствомъ, что многiя изреченiя Ведъ и Авесты, примѣненныя къ жертвѣ, часто обладаютъ формою, сходною до невозможности различенiя. Ясно, стало быть, что нѣкогда религiозное чувствованiе и мышленiе обоихъ народовъ, какъ и практика жертвоприношенiя, соприкасались между собою тѣснѣйшимъ образомъ, прежде чѣмъ самостоятельное развитiе указало каждому свой особый путь. Какимъ образомъ были преобразованы персами нѣкогда общiя идеи, это мы узнаемъ въ свое время при разсмотрѣнiи религiи Зороастра.

Ведическiй перiодъ.

Первобытною ареною культурной исторiи Индiи является крайнiй сѣверо-западный уголъ Индiи въ Пунджабѣ или Пятирѣчьи, странѣ, орошаемой Индомъ и его притоками, и къ западу отъ этой области, въ Кабулѣ, гдѣ жили гандхары и другiя племена, пока еще далѣе къ западу и сѣверу не отдѣлились постепенно индiйскiя племена отъ персидскихъ и другихъ. Намъ извѣстны также названiя многихъ выдающихся племенъ того времени, отчасти сохранившiяся еще въ позднѣйшую историческую эпоху, какъ, напр., бгарата, пуру, турваса, яду и т. п. Эти племена, руководимыя смѣлыми вождями или царьками, враждовали или союзничали между собою. Такова эпоха, когда возникли гимны Ригъ-Веды, древнѣйшаго памятника индiйской культуры и религiи. Эти гимны, числомъ нѣсколько болѣе тысячи, представляютъ продукты жреческой поэзiи, относящiеся къ почитавшимся тогда божествамъ. Такiе гимны читались или пѣлись во время жертвоприношенiй. Сохранились названiя авторовъ или семействъ жрецовъ, въ которыхъ возникли эти гимны и передавались изъ рода въ родъ. Въ числѣ ихъ находятся родоначальники или же предки, къ которымъ относятъ свое происхожденiе браминскiе роды позднѣйшаго времени. Для объясненiя существующихъ фактовъ намъ нечего прибѣгать къ предположенiю, что индусы поселились лишь въ эпоху, слѣдующую за составленiемъ Ригъ-Веды, въ находящуюся далѣе къ востоку область Индiи, и спецiально въ область Ганга: для подобнаго предположенiя, при отсутствiи какихъ бы то ни было опредѣленныхъ историческихъ указанiй, отсутствуетъ всякая точка опоры. Намъ, наоборотъ, придется установить какъ непреложный фактъ, что первоначально центръ тяжести индiйской культуры находился въ сѣверо-западномъ углу Индiи и лишь позднѣе, приблизительно въ III вѣкѣ до Р. Х., былъ перемѣщенъ далѣе на востокъ, въ область Ганга.

Въ эту вторую эпоху, называемую браминскою или брахманскою, область между Гималайскими горами и Виндiей съ одной стороны, до Бенгалiи—съ другой, называлась *страною арiевъ* (Арьяварта). Въ предѣлахъ этой области мы находимъ два особенно-священныхъ округа: во-первыхъ, низменность Курукшетра, находящуюся по теченiю изсякающихъ въ пустынѣ рѣкъ Сарасвати и Дришадвати, а затѣмъ къ востоку.

Даже видимъ Арьяварту, область панкаловъ, между Гангомъ и Ямуной. Эта послѣдняя, въ свою очередь, образуетъ лишь часть срединной области или *Мадхьядеса*, включавшей, кромѣ названныхъ странъ, еще области къ югу и сѣверу отъ Ямуны и Ганга до горъ, тянущихся на сѣверѣ и на югѣ.

Чтобы лучше оріентироваться, присмотримся къ литературнымъ памятникамъ, дающимъ понятіе объ этой и слѣдующей эпохѣ. О Ригъ-Ведѣ (буквально вѣдѣніе или знаніе пѣсенъ) было уже сказано. Кромѣ этой Веды, было еще три другія Веды, изъ которыхъ четвертая, Атхарва-Веда, по своему характеру, походитъ на Ригъ-Веду, представляя также собраніе гимновъ. Но самые гимны въ значительной степени отличаются отъ находящихся въ Ригъ-Ведѣ.

Правда и здѣсь мы находимъ еще многіе гимны боговъ Ригъ-Веды, но преобладаютъ формулы заклинаній и заговоровъ. Языкъ Атхарвы-Веды обнаруживаетъ болѣе недавнее происхожденіе, хотя духовныя потребности которымъ онъ служитъ, вѣроятно, существовали уже въ древнѣйшее время. Двѣ другія Веды содержатъ жертвенныя пѣснопѣнія, такъ наз. Сама, и жертвенныя формулы. Эти древнѣйшія составныя части, пѣсни или изрѣченія, называемыя мантра, образуютъ четыре Самхиты (Samhitâs) или собранія: Ригведа, Сама-Веда, Яджуръ-Веда и Атхарва-Веда. Къ нимъ примыкаютъ прозаическіе трактаты, брахманы (Brâhmana), въ которыхъ разсматривается жертвенный ритуалъ и при томъ съ точки зрѣнія четырехъ служащихъ при главныхъ жертвоприношеніяхъ священниковъ, *готаръ*, *удгатаръ*, *адхварью* и *брахманъ*, такъ что каждая изъ Ведъ предназначена собственно для одного изъ четырехъ жреческихъ классовъ. Послѣдніе отдѣлы, брахманъ, всѣ относятся къ философскому тайному ученію и называются *араньяка*; они превратились также въ самостоятельный родъ литературнаго творчества въ такъ наз. Упанишадагъ. Все это имѣетъ значеніе „откровенія“ (çruti). Примыкающія сюда позднѣйшія произведенія называютъ преданіемъ (smriti). На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ указать Сраута-Сутра, систематическія описанія жертвъ для отдѣльныхъ классовъ жрецовъ; далѣе Грихья-Сутра разсматривающія домашніе обычаи, затѣмъ Дхарма-Сутра, т. е. изложеніе права въ самомъ обширномъ смыслѣ слова и др. Не мѣшаетъ еще замѣтить, что въ каждой Ведѣ есть своя особая Брахмана и Сутра. Сказанное позволяетъ оріентироваться въ древнѣйшей литературѣ индусовъ. Объ устномъ преданіи будетъ сказано ниже. Какъ уже ясно изъ предыдущихъ замѣчаній, эти древнѣйшіе памятники позволяютъ намъ судить главнымъ образомъ о религіозной сторонѣ культурнаго развитія индусовъ. Все что мы знаемъ о прочей духовной и матеріальной культурѣ древнѣйшей Индіи, находится въ Ведахъ лишь побочнымъ образомъ и случайно, при чемъ болѣе подробное знаніе исторической жизни Индіи позволяетъ намъ истолковывать смыслъ этихъ скудныхъ свѣдѣній.

Прежде всего разсмотримъ религію древнѣйшей эпохи, какою она отражается въ Ригъ-Ведѣ. Картина получится одностороняя, такъ какъ мы извлечемъ отсюда лишь болѣе развитыя религіозныя идеи; она можетъ быть дополнена изученіемъ того, что дается послѣдующимъ періодомъ.

Ведическая религія.

Народныя повѣрья въ нынѣшней Индіи, помимо высшихъ божествъ, знаютъ неисчислимое количество лѣсныхъ, полевыхъ и луговыхъ божествъ, духовъ, демоновъ, вѣдьмъ и волшебниковъ, добрыхъ и злыхъ геніевъ, частью пользующихся лишь мѣстнымъ почитаніемъ и ограниченною сферою дѣйствія, частью достигшихъ общаго признанія. Та форма религіозныхъ вѣрованій, которую обозначаютъ именемъ *анимизма*, доказана этнологіей у различнѣйшихъ народовъ земного шара, а именно, у народовъ, стоящихъ на низкой и даже самой низкой степени культуры. Достаточные слѣды такихъ вѣрованій находятся также въ Ведахъ, и при томъ обильнѣе въ *позднѣйшихъ* отдѣлахъ по сравненію съ древнѣйшими, такъ что нельзя утверждать навѣрное существованіе такихъ вѣрованій для самыхъ древнихъ временъ: впрочемъ эти послѣднія ускользаютъ отъ прямого изслѣдованія, такъ какъ древнѣйшіе памятники посвящены какъ разъ культу высшихъ божествъ. Мы вынуждены разсматривать этотъ міръ духовъ и демоновъ, какъ родъ миѳологическаго фона, на которомъ поднялись высшія божества, встрѣчаемыя нами въ Ведахъ.

Эти высшія божества еще не составляютъ семьи боговъ, подобно греческимъ богамъ: ихъ миѳы не сплелись въ родъ исторіи боговъ, но каждое отдѣльное божество стоитъ болѣе или менѣе одиноко, лишь случайно вступая въ дружественное или враждебное соприкосновеніе съ другими. Существуетъ еще немного разработанныхъ миѳовъ; болѣе

многочислены отдѣльныя дѣла, приписываемыя тому или другому богу. Всего болѣе антропоморфиченъ Индра, могущій имѣть притязаніе получить наименованіе національнаго бога, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время онъ, какъ извѣстно, сталъ богомъ неба и предводителемъ боговъ.

Ведическій Индра произошелъ отъ болѣе древняго, быть можетъ, еще арійскаго бога грозы, и въ его борьбѣ съ змѣею Вритра, вѣроятно, отражается „грозовой миѳъ", встрѣчающійся у весьма многихъ народовъ. Однако, это его настоящее значеніе почти забыто въ Индіи. Своими почитателями онъ признается, по преимуществу, героемъ среди боговъ, убивающимъ демоновъ засухи, Вритра, Ахи, Сушна и др. Борьба съ Вритра, которой онъ обязанъ также своимъ именемъ Вритрасанъ (въ Авестѣ Вереѳрагхна) является любимою темою ведическихъ поэтовъ. Въ то время, какъ другіе боги удаляются изъ страха передъ дракономъ, держащимъ воды взаперти, Индра, опьяненный напиткомъ *сома* и сопровождаемый своимъ товарищемъ *Марутсъ*, идетъ ему на встрѣчу. Въ жестокомъ бою поражаетъ онъ громовой стрѣлою или дубиною демона; теперь воды снова освобождены и текутъ по-прежнему. Въ другомъ миѳѣ, посланница Индры Сарама напрасно требуетъ похищенныхъ демономъ Пани и скрытыхъ въ скалистыхъ пещерахъ коровъ. Тогда приходитъ самъ Индра съ Ангирасами, открываетъ пещеру и выгоняетъ коровъ. Сверхъ того, онъ побѣждаетъ еще многихъ боговъ и героевъ. Онъ величайшій и старѣйшій богъ, на подвиги его подкрѣпляетъ божественный напитокъ Сома, принесенный ему орломъ со скалъ. Онъ великій пьяница; въ роли любовника онъ выступаетъ болѣе въ слѣдующемъ періодѣ. Подлѣ Индры находится блѣдное божество Брихаспати или Брахманаспати, владыка молитвъ, божественный брахманъ. Онъ относится къ Индрѣ приблизительно такъ, какъ Пурогита, или домовый жрецъ, къ земному царю. Ему приписывается также заслуга нѣкоторыхъ подвиговъ Индры, а порою и самые подвиги.

Совсѣмъ иначе представляется богъ, чаще всего призываемый въ Ведахъ, именно Агни, богъ огня, котораго представляли себѣ скорѣе подъ видомъ мудраго жреца. Здѣсь мы не видимъ никакой пластической антропоморфической разработки. Дѣйствительно, огонь, пылающій на очагѣ при сожженіи жертвы, самъ по себѣ представляетъ божество, сущность котораго представляется этимъ первобытнымъ мыслителямъ въ высшей степени таинственю. У иранцевъ

огонь находится даже, такъ сказать, въ центрѣ культа; почему послѣдователей Зороастра (Заратуштры) обыкновенно называютъ огнепоклонниками. Какія противорѣчія скрываетъ природа огня, объ этомъ часто говорятъ ведическіе пѣвцы. Огонь родился на небѣ и въ водѣ. Онъ удалился назадъ на небо, откуда его принесъ Матарисванъ, или индійскій Прометей, людямъ племени *бхрибу*. Теперь огонь каждое утро воспроизводится посредствомъ двухъ подвергаемыхъ взаимному тренію кусковъ дерева, называемыхъ его родителями. Ему передаютъ жертвенные дары и „вручаютъ" молитвы, онъ переноситъ ихъ богамъ и привлекаетъ боговъ къ жертвѣ. Онъ живетъ у людей, какъ ихъ дорогой домашній другъ, защищаетъ ихъ отъ мрака и даетъ имъ богатства. Агни и Индра это наиболѣе часто призываемые боги Ригъ-Веды. Но, кромѣ него, мы узнаемъ изъ Ригъ-Веды еще цѣлую толпу иныхъ. Ближе къ Индрѣ можно поставить Парану, дождевого бога, имя котораго мы находимъ у литовцевъ (Перкунасъ) и у славянъ (Перунъ). Далѣе Ванъ и Вата — двухъ боговъ вѣтра, и Марутсъ, или боговъ грозы. Отцомъ этихъ послѣднихъ признается Рудра, страшный богъ, котораго признаютъ большей частью божествомъ грозы или смерча. Въ Ригъ-Ведѣ онъ изображается, однако, подъ видомъ грознаго стрѣльца, приносящаго моровую язву и смерть людямъ и скоту, но также доставляющаго исцѣленіе своими лѣкарствами. Въ позднѣйшихъ индійскихъ текстахъ синекрасный владыка скота, живущій въ горахъ, обладаетъ особенно ужасными атрибутами. Изъ него выработался позднѣйшій Сива.

Болѣе привлекательны свѣтлыя божества: Сурья, или богъ солнца, и Сома, или богъ луны; первый изображается болѣе натуралистически, второй—болѣе мистически. Солнечнаго бога представляли себѣ какъ животворителя и возбудителя всей природы. Далѣе слѣдуетъ Ушасъ—утренняя заря. Это единственная богиня, достигшая самостоятельнаго значенія. Гимны къ ней часто отличаются поэтическою красотою, которая лишь изрѣдка придаетъ цѣнность іератической поэзіи Ведъ. Это улыбающаяся богиня дивной прелести, ежедневно возвращающаяся съ прежней красотою и пробуждающая всѣхъ къ новой дѣятельности. Къ ея сферѣ принадлежали также оба Асвинъ, индійскіе діоскуры, изображающіе утреннюю и вечернюю звѣзду. Но это ихъ натуралистическое значеніе можетъ быть только выведено косвеннымъ путемъ. Веда изображаетъ ихъ какъ двухъ боговъ дивной красоты, плывущихъ

на дивномъ суднѣ. Дочь солнца Сурья всходитъ на ихъ колесницу и выбираетъ ихъ себѣ въ мужья. Многія чудеса были совершены героями, многимъ несчастнымъ они помогли въ нуждѣ. Особый циклъ боговъ свѣта образуютъ Адитьи (adityas). Матерью ихъ признается корова Адити—„необузданность“, загадочное существо, находившееся въ связи съ разными мистическими умозрѣніями и въ недавнее время признанная нѣкоторыми учеными за олицетвореніе земли. У нея семеро сыновей, изъ которыхъ, однако, выдвигаются лишь двое—Митра и Варуна. Первоначальное натуралистическое значеніе Митры, потускнѣвшее въ Ведѣ, выясняется въ Авестѣ, такъ какъ у персовъ Митра, какъ извѣстно, является вполнѣ опредѣленнымъ божествомъ свѣта; относительно Варуны Авеста не сообщаетъ намъ ничего, если только этотъ богъ, какъ было замѣчено выше, дѣйствительно тождественъ съ Ормуздомъ (Агурамаздой). Это высшее персидское божество еще въ большей степени, нежели индійское, усвоило этическія функціи. Объ его сущности много спорили; нѣкоторые, какъ напримѣръ, Ольденбергъ видятъ въ немъ луннаго бога, другіе—бога морей и водъ,—роль, принадлежащая Варунѣ въ позднѣйшей миѳологіи. Однако, каково бы ни было его первоначальное значеніе, Варуна и большею частью соединяемый съ нимъ Митра пріобрѣтаютъ значеніе главнымъ образомъ потому, что они стали богами рита, т. е. физическаго и нравственнаго мірового порядка. Поэтому съ новѣйшей точки зрѣнія они божественнѣе прочихъ боговъ. Только Агни приписывается подобная же роль на-ряду съ другими его функціями. Со своего высокаго небеснаго ложа Варуна видитъ все, отъ его соглядатаевъ ничто не укрыто. Грѣшника онъ опутываетъ оковами и караетъ злыхъ. Но когда онъ милостивъ, то распутываетъ вновь путы или же вредитъ врагу просящаго.

Назовемъ еще нѣсколькихъ божествъ. Таковъ Пушанъ, знатокъ путей, почитавшійся вѣроятно, низшими слоями населенія, Птваштаръ, художникъ среди боговъ и его соперники, трое Рибхусъ, далѣе Вишну, измѣрившій три міра тремя шагами и сражавшійся, въ качествѣ друга Индры, рядомъ съ нимъ противъ демона Вритры. Впослѣдствіи Вишну достигъ въ индійскомъ пантеонѣ одной изъ высочайшихъ ступеней: онъ сталъ вторымъ лицомъ индійской троицы. Въ Ведахъ объ этомъ нѣтъ еще и помину.

Бросимъ, однако, еще взглядъ на низшій міръ духовъ и

демоновъ. Здѣсь мы видимъ прекрасныхъ апсарасъ, т. е., судя по имени, нимфъ или русалокъ, хотя онѣ живутъ также на деревьяхъ. Одна изъ нимфъ Урваси вышла замужъ за человѣческаго царя Пурураваса и затѣмъ бросила его, когда онъ не исполнилъ условія фиктивнаго брака; это тотъ же миѳъ о лебединыхъ дѣвахъ (Schwanenjungfrauen) другихъ народовъ. Вмѣстѣ съ апсарасами въ роли ихъ любовниковъ являются гандхары, духи, неяснаго натуралистическаго происхожденія. Злые духи являются въ Ригъ-Ведѣ подъ именами Ракшасъ, Писака и Ятудхана; ихъ можно было бы назвать чертями, нечистыми и колдунами. Сюда еще присоединяется домовой (хранитель дома), владыка полей, лѣшіе (владыки лѣсовъ—священныя деревья); есть и лѣсная богиня. Даже рѣки и горы, орудія и оружія являются предметами почитанія; ихъ стараются расположить въ свою пользу.

Брахманическій періодъ.

Культурное развитіе брахманскаго періода.

Было замѣчено, что наши представленія о религіозной жизни древнѣйшаго періода должны быть дополнены свѣдѣніями, имѣющимися относительно послѣдующей эпохи Въ гимнахъ Ригъ-Веды мы, очевидно, узнаемъ религію съ ея лучшей стороны; это навѣрное наивысшее, до чего поднялось жречество—мы вправѣ уже сказать „жреческая каста“. Религія обыкновеннаго смертнаго основывалась на болѣе грубыхъ представленіяхъ. Многія изъ ея чертъ,—правда, въ просвѣтленномъ видѣ,—сохранены для насъ въ Атхарвѣ-Ведѣ; полнѣе и реалистичнѣе картина, которую мы можемъ набросать, основываясь на позднѣйшихъ трудахъ этой эпохи. Многочисленные обряды и церемоніи основаны здѣсь не воззрѣніяхъ, незначительно отличающихся отъ вѣрованій дикарей, признающихъ волшебство. Мы видимъ здѣсь неопредѣленную вѣру въ присутствіе таинственной силы, присущей извѣстнымъ предметамъ, въ особенности же—священнымъ принадлежностямъ культа, напр. предметамъ, употребляемымъ при жертвоприношеніи или же находящимся въ связи съ грозными силами смерти. Вмѣсто силы иногда подразумѣвается мощная субстанція или родъ тонкой жидкости, способной отчасти перейти въ человѣка и причинить ему то вредъ, то пользу.

Если приходилось имѣть дѣло съ враждебными силами, то стремились не доставить въ ихъ распоряженіе ни одного слабаго мѣста. Остерегались дотронуться до вещей, къ которымъ относилось дурное предзнаменованіе; ихъ старались обонять, даже не видѣть. Такъ какъ опасная жидкость или иная субстанція можетъ войти въ организмъ съ пищей, то является постничество, играющее роль при подготовкѣ и выполненіи разныхъ обрядовъ, что мы видимъ и теперь у разныхъ дикарей. Часто вмѣсто этого является также запрещеніе извѣстныхъ блюдъ, особенно мясныхъ, соленыхъ или пряныхъ. Подобнаго же рода значеніе, какъ и постъ, имѣютъ другія предписанія. напр. бодрствованіе, воздержаніе отъ полового акта, спанье на землѣ, молчаніе,не-оглядываніе назадъ, не-прикосновеніе къ разнымъ предметамъ или зарываніе въ землю предметовъ, которые считались наполненными опасной сущностью. Но если думали, что въ кого-либо вошелъ злой духъ или вредное вещество (вина и грѣхъ относились къ этой же категоріи) то пытались очиститься. Вода играетъ въ этомъ случаѣ важную роль: отсюда религіозное значеніе купанья. Купель снимаетъ грѣхъ, удаляетъ дурныя и опасныя вещества или сущности, поселившіяся въ человѣкѣ; купанье дѣлаетъ человѣка снова способнымъ къ общенію съ себѣ подобными послѣ того какъ онъ, при посредствѣ жертвоприношенія или инымъ способомъ, пришелъ въ соприкосновеніе съ божественными существами. Подобное же значеніе имѣетъ огонь: онъ прогоняетъ демоновъ и злыхъ духовъ: поэтому соприкосновеніе съ нимъ очищаетъ. Роль, принадлежащая омовенью при настоящемъ жертвоприношеніи, выяснится для насъ впослѣдствіи. Горѣніе и окуриваніе, отбрасываніе и отряханіе, производство шума и метаніе стрѣлъ —все это служило къ тому, чтобы отдѣлаться отъ вредныхъ существъ или веществъ, и по самой чувственности этихъ средствъ можно распознать, какъ матеріально относились люди къ высшимъ силамъ.

При подобныхъ воззрѣніяхъ нечего удивляться тому, что всѣ твердо вѣрили въ колдовство. Порицали волшебство у враговъ, но сами практиковали его. Весьма распространенной формой волшебства была слѣдующая: старались навлечь духовъ или таинственныя силы на себя или на другихъ, либо посредствомъ соприкосновенія съ вещами или лицами, гдѣ находились эти силы, или посредствомъ намазыванья, поливанья, ѣды или всматриванья. Кромѣ того, также зарывали

въ землю нѣкоторые предметы, пользовались, при извѣстныхъ церемоніяхъ, особыми орудіями и ожидали отъ нихъ желаннаго дѣйствія. Другой родъ волшебства состоитъ въ символическомъ изображеніи того, чего стремятся достичь. Такъ существуютъ разнаго рода символическія колдовства съ цѣлью вызвать дождь: выливаютъ воду, бросаютъ въ воду выдру и т. п. Символическимъ дѣйствіемъ является также прокалыванье изображенія врага, чѣмъ стремятся достичь, чтобы онъ претерпѣлъ въ натурѣ то, что продѣлано надъ его изображеніемъ. Разнаго рода гадовъ и насѣкомыхъ также пытались изгнать символическими дѣйствіями.

Но самый дѣйствительный символъ—это *слово*. Слово—символъ вещи, имъ обозначаемой, и, по первобытному воззрѣнію, между словами и вещью существуетъ таинственная связь. На этомъ основано дѣйствіе слова въ волшебныхъ формулахъ и заклинаніяхъ. Такіе заговоры и заклинанія обыкновенно сочинены въ стихахъ, избранныхъ отчасти изъ существовавшихъ уже стихотвореніи, основываясь на разныхъ соотношеніяхъ, часто совершенно внѣшнихъ или даже воображаемыхъ. Сюда же относится и проклятіе, представляющее также родъ волшебной формулы. Дѣйствія его чрезвычайно страшились, тѣмъ болѣе, чѣмъ священнѣе или чѣмъ способнѣе къ колдовству считался произносившій это проклятіе. Пытались отвратить его отъ себя или перенести на виновника. Въ позднѣйшее время полагали, что проклинающій не въ состояніи снять своего проклятія, но въ лучшемъ случаѣ можетъ его смягчить или же положить извѣстныя границы его дѣйствію; въ такой степени разсматривали проклятіе какъ объебтивную силу.

Наконецъ, необходимо упомянуть еще о другой теоріи, восходящей къ воззрѣніямъ дикарей. У различныхъ дикихъ племенъ знахари приводятъ себя въ состояніе экстаза посредствомъ поста, потѣнія и др. средствъ самоистязанія и такимъ образомъ надѣются овладѣть высшей демонической силой и способностью. Подобныя же средства примѣняли также индусы съ цѣлью подготовиться къ усвоенію мистическаго могущества. Такимъ же образомъ каждый, желающій принесть жертву, долженъ подвергнуться такого рода испытаніямъ, которыя влекутъ за собой состоянія экстаза. Достигнутая подобнымъ образомъ сила или пріобрѣтенная мистическая сущность называлась *тапасъ*, что означаетъ собственно жаръ, пылъ, также и то, посредствомъ чего достигается экс-

тазъ, а именно аскетическое воздержаніе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ понятіемъ, которому было суждено достичь величайшаго значенія въ исторіи религіознаго развитія Индіи, при чемъ, впрочемъ, это понятіе пріобрѣло чуждое ему на первыхъ порахъ этическое содержаніе. Основу для вліянія аскетизма, какимъ онъ явился позднѣе, усматривали въ самообузданіи, въ обузданіи чувственности. Но представленіе о могуществѣ, достигаемомъ этимъ путемъ, было сходно съ тѣмъ, какое существовало съ самаго начала. *Тапасъ* можно разсматривать, какъ родъ „духовной жидкости", втекавшей въ кающагося и удалявшейся изъ него при какихъ бы то ни было проступкахъ. Аскетъ пріобрѣталъ грозную силу, которая тревожила самихъ боговъ, съ Индрою во главѣ. Во многихъ этическихъ разсказахъ описывается, какъ небесная нимфа Апсаразе была послана Индрою къ аскету: ради ея объятій онъ забываетъ о своемъ покаяніи и теряетъ добытую тысячелѣтіями *тапасъ*, отъ сочетанія аскета съ божественою нимфой происходитъ чудесное существо. Или же кающійся, съ помощью своего *тапасъ*, склоняетъ въ свою пользу какое-либо божество, которое затѣмъ, почти противъ его воли, выполняетъ любыя его пожеланія и верховныя блага.

Послѣ того, какъ мы, такимъ образомъ, узнали основныя воззрѣнія, сохранившіяся отъ прежнихъ стадій развитія, разсмотримъ теперь высшій культъ, завершающійся жертвоприношеніемъ и въ значительной мѣрѣ проникнутый, указанными болѣе первобытными представленіями. Культъ этотъ состоитъ въ почитаньи высшихъ боговъ и добрыхъ духовъ, а также въ отвращеніи зловредныхъ силъ и демоновъ. Жертвоприношеніе уже въ эпоху Ригведы не представлявшее простого дѣйствія, но принявшее весьма сложную форму, было просительной или очистительной жертвой. Характерно для образа мыслей индусовъ, что настоящія благодарственныя жертвы отсутствуютъ или, по крайней мѣрѣ, не достигаютъ самостоятельнаго значенія. Жертвою служатъ молоко, масло, зерно и сдѣланныя изъ него блюда: это называли *иши*. На-ряду съ этимъ приносили въ жертву также животныхъ, а именно козъ и овецъ, которыхъ, однако, не рѣзали, а убивали удушеніемъ или удавленіемъ. Сначала приносили въ жертву жировой слой, такъ называемый сальникъ животнаго, затѣмъ части отъ прочаго мяса, тогда какъ кровью и потрохами должны были довольствоваться демоны. Находятся также

слѣды человѣческихъ жертвъ; это, правда, не настоящія жертвы, а магическія дѣйствія. Чудовищный обычай человѣческихъ жертвоприношеній вымеръ въ высшихъ формахъ религіи; у дикихъ племенъ онъ еще сохранился, и въ классическую эпоху мы находимъ его у нѣкоторыхъ горныхъ племенъ и на горахъ Виндья въ связи съ культомъ Сивы въ его чудовищной формѣ.

Но наилучшимъ жертвоприношеніемъ былъ сома, опьяняющій напитокъ, который добывался изъ горнаго растенія (вѣроятно изъ Sarcostemma acidum); для этого выжимали сокъ, процѣживали его чрезъ цѣдилку и часто смѣшивали съ молокомъ. Жрецъ и вообще приносящій жертву, если онъ браминъ (брахманъ), вкушаетъ пищу, остающуюся отъ жертвы. Это родъ лѣкарства, отъ котораго переходитъ къ вкушающему часть мистической, освящающей силы жертвы. Та же мысль находится въ основѣ всѣхъ обрядовыхъ вкушеній пищи. Наоборотъ, при жертвоприношеніяхъ усопшимъ и жертвахъ нечистымъ силамъ ничего не ѣдятъ: вмѣсто этого жертву порою окуриваютъ.

Главную роль при жертвоприношеніи играетъ огонь, къ которому направился культъ уже въ индоиранскую эпоху. Различаютъ жертву, приносимую у домашняго очага и главою семейства (это жертва *грихья*) отъ болѣе значительныхъ жертвенныхъ дѣйствій (*ваитаника*), для которыхъ требуются три огня. Эти священные жертвенные огни разводились на мѣстѣ, по большей части возвышенномъ и находящемся въ сохранномъ мѣстѣ, при соблюденіи многочисленныхъ обрядовъ. На первомъ огнѣ, *гархапатья*, жертва приготовлялась. Къ востоку отъ него разводили заимствованный отъ него огонь *ахаванія*, предназначенный къ воспріятію жертвы. На южной сторонѣ зажигали огонь, также взятый отъ перваго и называвшійся *анвахарьяпачана* или *дакшин агни*: онъ находится въ центрѣ при принесеніи жертвы усопшимъ. Между тремя огнями находился алтарь *веди*, родъ продолговатой четыреугольной, и образованной съ помощью четырехъ круговыхъ сегментовъ фигуры. Этотъ алтарь, покрытый жертвенной подстилкой, *бархисъ* былъ предназначенъ для возложенія жертвенныхъ яствъ. Изъ жертвенной утвари достаточно назвать сосуды, необходимые для приготовленія сомы, да еще жертвенный столбъ, мечъ, разные ложки и кувшины. Сожигаемую жертву уносилъ къ

богамъ Агни, тотъ самый богъ огня, который также привлекалъ боговъ къ жертвѣ.

Три высшія касты имѣли право на благословеніе, становились причастными къ нему посредствомъ жертвы; четвертая каста, судры, положительно исключается отъ участія. Жертва приносилась или совершалась, даже въ древнѣйшія времена, профессіональными жрецами: ихъ должность или сословіе уже въ эпоху Ригъ-Веды были наслѣдственны. Жрецы бываютъ либо *пурогита*, духовные совѣтники царя и руководители его обрядовыхъ дѣлъ—важный постъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ царской властью — или же настоящіе жрецы, т. е. жертвоприносители, *ритвіясъ* же въ Ригъ-Ведѣ названо и перечислено семь родовъ жрецовъ: *Готаръ* читаетъ гимны и призываетъ боговъ. *Адхварью* выполняетъ жертвенныя дѣйствія. Ему помогаетъ *Агнидхъ* или „огнераздуватель“, тогда какъ Прасастаръ или *Маитраваруна* содѣйствуетъ *Готару*. Пѣвецъ гимновъ (Udgâtar) еще не выступаетъ въ Ригъ-Ведѣ. Точно также званіе брамина (брахмана), какъ надзирающаго и руководящаго жертвоприношеніемъ священника, относится къ позднѣйшему времени. Браминъ, молча и не вмѣшиваясь, надзираетъ за жертвеннымъ дѣйствіемъ. Его задача—исправлять всѣ ошибки, возможныя при священнодѣйствіи и могущія повлечь наихудшія слѣдствія: такія упущенія исправляютъ искупленіемъ или разнаго рода предписанными обрядами. Въ развитой жертвенной практикѣ браминъ естественно достигъ особаго почета. Для него предназначена Атхарва-Веда и его роль принимаетъ на себя, большею частью, пурогита, если жертву приносятъ отъ имени царя.

Жертвы, для которыхъ требовались особые, вышеупомянутые огни, бывали частью регулярно повторяющіяся, обязательныя, частью необычайныя. Приносить такія жертвы обязанъ лишь тотъ, кто поддерживаетъ жертвенный огонь *гархапатья*, отъ котораго, какъ мы видѣли, заимствуются оба прочихъ огня. Прежде всего мы видимъ правильно повторяющееся утреннее и вечернее сожженіе жертвы, состоящее изъ первой молочной жертвы *агниготра*. Каждыя двѣ недѣли возвращаются жертвы, относящіяся къ полнолунію и новолунію, при чемъ служатъ пять священниковъ. Соотвѣтственные дни для приносящаго жертву, передъ тѣмъ принесшаго ее душамъ умершихъ, оказываются постными, *упавазатха*. Избираются жрецы, приготовляющіе жертвенный

пирогъ, и вообще все необходимое для жертвоприношенія. Приносятъ пять масляныхъ жертвъ и двѣ изъ жертвеннаго пирога; жертвенное варево вкушается жрецомъ и приносящимъ жертву. Послѣ дальнѣйшихъ обрядностей, дѣйствіе заключается тремя шагами (вишнукрама) приносящаго жертву—символическимъ изображеніемъ трехъ шаговъ, посредствомъ которыхъ Вишну овладѣлъ міромъ. Три раза въ годъ, въ началѣ трехъ индійскихъ временъ года, т. е. лѣта, дождливаго времени года (осени) и зимы, приносятся третныя или четырехъ-мѣсячныя жертвы (чатурмасья). Жертва передъ началомъ дождливаго времени года называлась также варунапрагаса, т. е. пожираніе Варуны. Она отличается тѣмъ, что соединена съ торжественнымъ искупленіемъ вины, тогда какъ съ третьей четырехъ-мѣсячной жертвой связана великая жертва усопшимъ и жертва богу Рудра. Другія релулярныя жертвы—это празднество весеннихъ плодовъ, принесеніе въ жертву животнаго при обоихъ поворотахъ солнца и жертва сомы при наступленіи новаго года.

Изъ другихъ жертвъ подчеркнемъ „конскую жертву“ *асвамедха*. Ее приносилъ царь, „покорившій весь міръ“, для исполненія своихъ пожеланій и для благословенія страны и народа. Выпускали коня и давали ему бродить цѣлый годъ, причемъ его, однако, сопровождало и охраняло 400 вооруженныхъ юношей; а на мѣстѣ жертвоприношенія праздновали, пѣли пѣсни, играли на инструментахъ и разсказывали сказки. Наконецъ, коня приносили въ жертву съ разными странными обрядами.

Главный интересъ самыхъ жрецовъ обратился, однако, въ ведическую эпоху къ жертвѣ сомы, совершавшейся подъ семью различными видами. При такихъ жертвоприношеніяхъ, приносящій ихъ и его жена должны были подвергнуться посвященію *дикта*, дѣйствію, требовавшему, по крайней мѣрѣ, цѣлаго дня. Къ концу жертвоприношенія они принимали купель, авабгритха, послѣ того какъ все, соприкасавшееся съ сомой, бросалось въ воду. Проф. Ольденбергъ даетъ слѣдующее картинное описаніе жертвоприношенія [1]: „Толпа духовныхъ и свѣтскихъ зрителей стекается со всѣхъ сторонъ. На площади, гдѣ приносится жертва, самой высокой въ окрестности, свободной отъ деревьевъ, но густо покрытой

[1]) Prof. Oldenberg, Religion der Veda, 459 и слѣд.

травою, горятъ три огня, окруженные жертвенной травой. Между ними, ближе всего къ восточному, предназначенному для приношеній, огню, находится искусственно углубленная, посыпанная травою, площадь *веди*, продолговатый четыреугольникъ съ закругленными сторонами. Тамъ и сямъ можно видѣть разные навѣсы, столбы, къ которымъ привязываютъ жертвенныхъ животныхъ, сѣдалища и очаги отдѣльныхъ жрецовъ, кропильные сосуды съ освященною водою, снаряды для выжимки сока, чаны и чашки для сомы. Между алтарями—толпа молчаливыхъ или бормочущихъ и священнодѣйствующихъ духовныхъ лицъ, съ ихъ служителями и помощниками всякаго рода; далѣе самъ жертвоприноситель съ своей женой, отощавшій отъ лишеній во время подготовительнаго поста. Дѣйствіе, къ которому готовились такъ долго, начинается утромъ моленіемъ рано блуждающимъ божествамъ. Вскорѣ приступаютъ къ приготовленію и приношенію жертвенныхъ пироговъ и молочныхъ приношеній, то являясь съ жертвою 11 козловъ разнымъ богамъ, то выжимая сокъ сомы, то очищая добытый напитокъ. Занимаются разнаго рода смѣшиваніемъ, наливаніемъ и переливаніемъ въ разные сосуды, возліяніемъ сомы богамъ. Жрецы выпиваютъ свою долю. Между тѣмъ раздаются повелѣнія однихъ жрецовъ другимъ, взаимныя восклицанія; жрецы хватаются другъ за друга руками, кланяются передъ пылающими алтарями, прикасаются къ сосудамъ и къ собственному тѣлу; происходитъ раздача даровъ жрецамъ—раздаютъ быковъ, коней, золото, платья. Очищеніе священнаго напитка посредствомъ сита изъ бараньяго волоса сопровождается монотоннымъ, состоящимъ изъ немногихъ тоновъ, пѣніемъ трехъ священнослужителей, сидящихъ рядомъ, съ взорами, пристально обращенными къ горизонту. Сидя читаютъ также священники, которымъ отвѣчаетъ адхварью, главнѣйшій исполнитель настоящихъ жертвенныхъ дѣйствій; сидя напротивъ, онъ возглашаетъ отвѣтное *омъ* (аминь). Стереотипные обороты рѣчи и искусственная игра загадками и тайнами позволяютъ, однако, видѣть проблескъ мыслей, полныхъ остроумной поэзіи и словъ, полныхъ смѣлой красоты, обращенныхъ къ невидимымъ слушателямъ, яко бы сидящимъ на жертвенной подстилкѣ, т. е. къ совокупнымъ сонмищамъ боговъ и богинь, и прежде всего къ богу Индрѣ, прибывшему со своими булаными конями; не стѣсняясь призывами другихъ жертвователей, боги и богини пьютъ предлагаемый имъ

опьяняющій напитокъ. Такъ перемѣшиваются дѣйствія и рѣчи со дня на день по тремъ смѣнамъ; утреннее выжиманіе сока сомы, полдневное и третье вечернее. Обычаи древняго и болѣе новаго происхожденія, воззванія къ богамъ—новое изобрѣтеніе индійскаго духа—все это перемѣшивается съ индоиранскими и арійскими чертами и съ еще болѣе древнимъ колдовствомъ, хранящимъ слѣды отдаленнѣйшаго дикаго прошлаго".

Если жрецы ведической эпохи и выработали съ особенной тщательностью ритуалъ, относящійся къ жертвѣ сомы, то онъ во всякомъ случаѣ не могъ пріобрѣсть болѣе широкаго значенія для религіи толпы. Съ одной стороны, такая жертва требовала слишкомъ большихъ расходовъ, доступныхъ только для богатыхъ; съ другой стороны, значеніе, искусственный символизмъ отдѣльныхъ дѣйствій и смыслъ изреченій и гимновъ—все это должно было оставаться непонятнымъ для массы, хотя торжественность всего служенія не преминула оказать на нее впечатлѣніе и таинственность должна была преисполнить массу почтительнымъ страхомъ. Иначе обстояло дѣло съ церемоніями, сопровождавшими жизнь каждаго отдѣльнаго лица отъ рожденія до могилы. Многочисленны и отчасти восходятъ къ первобытнѣйшимъ временамъ свадебные обычаи. Сватанье, подготовка брака, свадьба и вступленіе въ новый домъ, все это было обставлено символическими обрядами и сопровождалось древними изреченіями, указывавшими на прочность, счастье и плодовитость брака. Бракъ заключался такимъ образомъ, что женихъ схватывалъ за руку невѣсту и обходилъ съ нею вокругъ огня. Позднѣйшій гнусный обычай устраивать браки между дѣтьми, кажется, еще не выработался въ древнѣйшія времена. Бракъ признавался нерасторжимымъ, но моногамія, хотя и составлявшая обычную форму, не была узаконена. Дѣйствительно, такъ какъ бракъ имѣлъ цѣлью произведеніе потомства, то если не было дѣтей, приходилось брать другую жену. Хотя было дозволено брать женъ изъ другой касты, но жена своей касты всегда предпочиталась. Что касается положенія жены и ея подчиненія, оно въ древней Индіи было приблизительно таково, какъ и въ Китаѣ; не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что имущество жены было обезпечено законами. Необходимость такого обезпеченія при полигаміи была особенно настоятельна и вызвала соотвѣтственные законы. Съ другой стороны, полигамія,—быть можетъ,

явившаяся узаконеніемъ наложничества, и развитіе гаремной жизни, въ свою очередь, повліяли на бракъ и привели къ замкнутости и затворничеству женщинъ, по крайней мѣрѣ, высшихъ классовъ, въ позднѣйшія времена.

Многіе обряды сопровождали беременность женщины. Такъ, на четвертомъ мѣсяцѣ беременности волосы расчесывались на обѣ стороны съ проборомъ, тогда какъ раньше существовала другая прическа. Особенно важны затѣмъ обычаи, слѣдующіе за рожденіемъ (ята-карманъ) до десятаго дня, когда вызванный рожденіемъ періодъ „нечистоты" родителей оканчивался и новорожденному давалось имя. Другіе моменты жизни ребенка также связывались съ церемоніями: такъ, напр., когда дитя впервые принимаетъ твердую пищу (аннапраасна), когда ему впервые на третьемъ году обрѣзываютъ волосы (чуджакарманъ) и когда юношѣ впервые брѣютъ бороду (годанакарманъ).

Но важнѣйшимъ празднествомъ все же было посвященіе юноши (упанаяна), которое разсматривалось какъ духовное второе рожденіе, причемъ посвященный принимался въ сообщество дважды рожденныхъ, т. е. трехъ высшихъ кастъ, такъ какъ судры исключались. Посвященіе совершалъ учитель, опоясывая священнымъ шнуркомъ или поясомъ того, кто долженъ изучать отъ него Веды. Ученикъ, обязанный соблюдать во все продолженіе ученія цѣломудріе (брахмачаринъ), долженъ во всемъ помогать учителю и служить ему, какъ сынъ. Но главной его обязанностью является изученіе Ведъ. По окончаніи этого ученія, учитель, получивъ отъ ученика подарокъ, отпускаетъ его, совершивъ торжественный обрядъ самавартана, въ которомъ главную роль играетъ купанье. Съ этихъ поръ ученикъ, ставъ самостоятельнымъ, называется спатака, т. е. омовеннымъ. Лишь съ этихъ поръ онъ можетъ приступить къ основанію собственнаго хозяйства, къ браку; онъ становится затѣмъ хозяиномъ, владыкою дома, григастха, и съ этихъ поръ входитъ въ кругъ новыхъ, ясно предписанныхъ обязанностей, религіозныхъ и иныхъ.

Для соціальной жизни Индіи представляетъ выдающееся значеніе то обстоятельство, что семья играетъ въ ней гораздо большую роль, чѣмъ, напр., у насъ. Отдѣльное лицо могло оставаться въ теченіе всей жизни, какъ членъ семейства, въ состояніи извѣстной несамостоятельности, а именно по отношенію къ имущественнымъ правамъ. Дѣйствительно, семья обладала общимъ имуществомъ, въ которомъ сливалось

все, добытое отдѣльными членами; управлялъ всѣмъ глава семьи; существовало, стало быть, домашнее общеніе того рода, какое еще и теперь встрѣчаемъ у южныхъ славянъ [1]). Можно представить себѣ, что при подобныхъ учрежденіяхъ семейное право и право наслѣдованія получило совсѣмъ не такое развитіе, какъ у насъ. Естественно, что семья не могла оставаться до безконечности сплоченною: однако, очень часто образовывались замкнутыя группы изъ многихъ поколѣній. Когда союзъ становился слишкомъ большимъ или когда этого требовали другія обстоятельства, то члены его приступали къ раздѣлу семейнаго имущества, что̀ предвидѣли особыя предписанія.

Однако, состояніе главы семьи еще не заканчивало жизнь. За нимъ слѣдовала третья ступень, а именно отшельничества (ванапрастха, ваикханаза). По древнему предписанію, кто видѣлъ лицо сына своего сына, долженъ удалиться въ лѣсъ. Очевидно, это изреченіе представляетъ лишь религіозное выраженіе господствующаго у дикарей и у варваровъ обычая, состоящаго въ томъ, что старые и немощные люди оставляются безъ всякаго призрѣнія. Жизнь въ лѣсу была естественнымъ образомъ самою простою, потребности, удовлетворяемыя произведеніями лѣса, возможно малы: тѣмъ большее значеніе придавалось религіознымъ обязанностямъ. Четвертую и послѣднюю ступень религіозной жизни составляло состояніе аскета (бхикзу, самньясинъ). Аскетъ живетъ милостыней, блуждая безъ крова и жилья, нагой или полуодѣтый. Онъ не совершаетъ жертвоприношеній, но только произноситъ стихи изъ Ведъ и размышляетъ о міровой душѣ. Онъ долженъ также соблюдать пять заповѣдей: не убивать ни одного живого существа, говорить правду, не посягать на чужое имущество, соблюдать цѣломудріе, быть щедрымъ. Впрочемъ, никто не былъ обязанъ пройти всѣ эти четыре стадіи или асрама. Было обязательно лишь состояніе ученичества: даже не вступивъ въ бракъ, можно было сразу сдѣлаться отшельникомъ или аскетомъ. Въ позднѣйшую эпоху явились схематическія разграниченія. Только брамины должны были пройти всѣ четыре ступени, кшатріи лишь первыя три и т. д. Развитіе шло, однако, инымъ путемъ. Въ историче-

---

[1]) Если судить на основаніи отношеній, господствующихъ въ южнославянской задругѣ, то власть главы семьи оказывается далеко не деспотическою, и голоса всѣхъ взрослыхъ членовъ (у славянъ—даже женщинъ) принимаются во вниманіе.

Перев.

скую эпоху стремленіе къ лѣсной жизни постепенно слабѣетъ, но зато все болѣе усиливается стремленіе къ аскетизму, какъ вершинѣ религіозной жизни и самому дѣйствительному средству достиженія вѣчнаго блаженства: браминскій аскетъ былъ образцомъ для буддистскихъ монаховъ и для іогиновъ.

Съ этими четырьмя *асрама*, или ступенями религіозной жизни не слѣдуетъ смѣшивать четыре *касты*. Названіе кастъ, *варна*, обозначаетъ собственно цвѣтъ. Это показываетъ, что при раздѣленіи всего населенія на четыре касты главную роль играли расовыя отношенія. Цвѣтъ кожи опредѣлялся степенью смѣшенія пришедшихъ въ Индію въ до-историческія времена арійцевъ съ темнокожими туземцами: дравидами, коляріями и др. Первая каста это—брамины (брахманы). Она возникла изъ древнихъ жреческихъ родовъ, выводившихъ себя отъ семи *риши*, т. е. ведическихъ пѣвцовъ. Легко понять, почему именно жрецы, у которыхъ священная наука и таинственное искусство жертвоприношенія были наслѣдственными, замкнулись въ особую касту. Впрочемъ, каста браминовъ распадается въ свою очередь на много малыхъ союзовъ, также называемыхъ кастами: при образованіи ихъ играли роль частью ведическія школы, частью мѣстныя условія. Эти отдѣльныя браминскія касты не всѣ признаютъ другъ друга равноправными. Лишь сравнительно немногія допускаютъ, напр., бракъ и общее пиршество: большею частью довольствуются тѣмъ, что признаютъ другъ друга равноправными въ дѣлѣ изученія и преподаванія Ведъ. Занятія браминовъ по преимуществу духовныя или, по крайней мѣрѣ, умственныя. Они—призванные учителя, преподающіе Веды сохраняющіе ихъ традиціи. Они одни имѣли право приносить жертвы и получали взамѣнъ жертвенный даръ дакшинья. Они функціонировали при всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ церемоніяхъ семейной жизни, разумѣется за плату, въ видѣ даровъ или угощенія. Они занимались науками, первоначально примыкавшими къ изученію и объясненію Ведъ. Они одни были знатоками и блюстителями права, неотдѣлимаго отъ религіозныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, они были рожденными должностными лицами и занимали почти всѣ должности отъ первосвященника (пурогиты) до писца. Сверхъ того, они, какъ ученые, встрѣчали частью временную, частью постоянную поддержку со стороны князей и вельможъ, интересовавшихся искусствомъ и науками. Земледѣліемъ и торговлей,

какъ и денежными дѣлами, они не должны были заниматься лично, но могли кормиться этими промыслами, если грубая работа выполнялась кѣмъ-либо другимъ. Сверхъ того, они не должны были торговать извѣстнаго рода товарами. Нарушеніе этихъ предписаній, исключая случая крайней нужды, влекло за собою потерю касты. Брамины представляютъ родъ духовной знати, не имѣвшей, однако, никакихъ правъ на землю и владѣвшихъ поземельной собственностью лишь получивъ ее въ даръ отъ царя.

Настоящее дворянство образовали воины или кшатріи, по всей вѣроятности, владѣвшіе обширными поземельными участками большею частью путемъ завоеванія. Кто не былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, тотъ добывалъ пропитаніе, какъ воинъ, на царской службѣ. Царь первоначально принадлежалъ всегда къ кастѣ кшатріевъ, и эти послѣдніе, по имени царя (раджи), назывались также *раджанья*. Царь или князь, или вождь долженъ былъ заботиться о безопасности подданныхъ и ихъ имущества, о соблюденіи законнаго порядка и мѣстныхъ обычаевъ. Въ концѣ концовъ, ему принадлежала и юрисдикція, тогда какъ законодательной властью онъ не обладалъ. За исполненіе своей обязанности онъ получалъ подати, всего тяжелѣе падавшія на земледѣліе; по праву царю принадлежало отъ $^{1}/_{10}$ до $^{1}/_{6}$ урожая. Сверхъ того, купцы, ремесленники и скотоводы, должны были платить дань. Правленіе имѣло патріархальный характеръ. Царь несъ расходы по управленію и платилъ всѣмъ должностнымъ лицамъ. Государственныя учрежденія при этомъ, разумѣется, не проникали глубоко и едва-ли могли привести къ государственному развитію, въ новѣйшемъ смыслѣ слова. О многомъ должно было заботиться самоуправленіе, если назвать этимъ словомъ кастовыя, цеховыя, сельскія и общинныя организаціи, судя по надзору за отдѣльными членами такихъ союзовъ. Обезпеченіе своего положенія, своего престола отъ внутреннихъ и нѣшнихъ враговъ во многихъ случаяхъ привлекало непрерывное вниманіе царя. Онъ долженъ былъ опираться на извѣстную партію. Съ увѣренностью онъ могъ разсчитывать на свой собственный родъ, если этотъ послѣдній самъ не былъ раздѣленъ дворцовыми интригами. Затѣмъ, надо было, съ помощью шпіоновъ, освѣдомляться о намѣреніяхъ разныхъ классовъ подданныхъ; необходимо было пріобрѣсть въ ихъ средѣ мощныхъ союзниковъ, надо было сдѣлать безвредными враговъ. Словомъ, приходилось основывать все на интригѣ и

лавированіи, составляющемъ государственную мудрость Востока. Сюда присоединялись опасности, грозившія извнѣ, со стороны могущественныхъ сосѣдей, предупреждаемыя союзами, парализуемыя вассальными отношеніями. Вспомнимъ, какъ мало защиты представляютъ на низменности естественныя границы между отдѣльными странами: мы увидимъ, какъ должна была непрерывно измѣняться политическая картина Индіи. Безпрестанныя войны и распри должны были замедлять, даже дѣлать невозможнымъ непрерывный прогрессъ. Индійская исторія можетъ указать лишь одинъ шагъ впередъ по сравненію съ патріархальной царской властью, а именно, превращеніе въ восточную деспотію, приведшую къ основанію обширныхъ государствъ; но это относится уже къ исторіи позднѣйшаго времени. Какъ въ кастѣ браминовъ, такъ и въ кастѣ кшатріевъ, единство было лишь въ идеалѣ; въ дѣйствительности существовали многочисленные кланы, также подъ именемъ кастъ. Съ древнѣйшихъ временъ, какъ и теперь, эти кланы вѣроятно расщеплялись, разлагались, сливались съ другими составными частями и снова соединялись въ новые кланы, такъ что трудно ожидать самую чистую арійскую кровь въ жилахъ многихъ, признающихъ себя кшатріями.

Остальную массу арійскихъ индусовъ образовали ваисіи. Это были земледѣльцы, торговцы, скотоводы, ростовщики [1]). Зато четвертую касту, судръ, не признавали аріями, ихъ нельзя было обучать Ведамъ, за нихъ нельзя было приносить жертвъ. Они не принимаютъ посвященія и не являются, стало быть, дважды-рожденными. Они играютъ роль слугъ, рабочихъ, ремесленниковъ и т. п. Къ судрамъ слѣдуетъ причислить также полудикія охотничьи и рыбачьи племена, отчасти жившія внѣ всякаго государственнаго союза. Судры и ваисіи также распадаются на много отдѣловъ или кастъ. Эти касты отчасти имѣютъ основою одинаковость ремесла или промысла, частью же являются мѣстными группами того или иного состава, число кастъ въ нынѣшней Индіи достигаетъ *нѣсколькихъ тысячъ*. О происхожденіи ихъ еще нѣтъ общепринятой теоріи, хотя едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь играли роль и родовыя группы (кланы), и мѣстные союзы, и цехи изъ ремесленниковъ и вообще людей одной профессіи.

---

[1]) Въ подлинникѣ сказано „банкиры“. *Перев.*

Разсмотримъ теперь индійскую теорію, какою она представляется, напр., въ законодательствѣ Ману. По этой теоріи существуютъ лишь четыре настоящія или истинныя касты. Изъ этихъ четырехъ возникли остальныя касты, частью путемъ смѣшенія, частью вслѣдствіе пониженія аріевъ до низшихъ ступеней, вслѣдствіе пренебреженія религіозными обязанностями, частью же вслѣдствіе нарушенія извѣстныхъ предписаній. Если отецъ принадлежитъ къ другой кастѣ, нежели мать, то дѣти не принадлежатъ ни къ одной изъ кастъ родителей, но къ смѣшанной кастѣ, и притомъ эта послѣдняя занимаетъ самый низшій рангъ, если мать высшей касты, чѣмъ отецъ [1]). Такъ отъ союза судры съ браминкой происходитъ *чандала*, „низшій изъ людей“. Дальнѣйшее смѣшеніе даетъ новыя смѣшанныя касты. Съ другой стороны, такія новыя касты происходятъ отъ тѣхъ арійцевъ, которые пренебрегли своими религіозными обязанностями (вратья). Даже „іаваны, саки, чины“ и другіе чужеземцы признаются кшатріями, не слѣдовавшими религіозному закону и за это понизившимися до состоянія судровъ.

Существеннѣе нежели эта, вѣроятно, чисто фантастичная браминская теорія, другой взглядъ на рангъ четырехъ главныхъ кастъ, состоящій въ слѣдующемъ: во всей литературѣ браминскаго періода до новѣйшаго времени защищается, тысячу разъ высказывается и проводится до крайнихъ логическихъ послѣдствій тотъ взглядъ, что брамины образуютъ высшую и верховную касту, что они — земные боги, что ихъ проступки подлежатъ болѣе кроткимъ мѣрамъ, тогда какъ проступки, совершенные противъ нихъ, должны подвергаться суровѣйшимъ карамъ. Этимъ высокомѣріемъ проникнуты всѣ брамины и хотя ихъ притязанія порою весьма мало соотвѣтствовали дѣйствительнымъ отношеніямъ, все же имъ удалось, по крайней мѣрѣ въ теоріи, достичь признанія своихъ притязаній. Удивительно, какимъ образомъ жреческое сословіе, не обладавшее ни малѣйшимъ внѣшнимъ могуществомъ и не представлявшее никакой іерархіи, раздѣленное раздорами,—да еще въ массѣ, состоявшее изъ людей бѣдныхъ, могло добиться подобнаго положенія. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что эти жрецы обладали безспорно извѣстной монополіей духовныхъ функцій. Только браминъ могъ совершить жертво-

---

[1]) У насъ дѣти княжны, вышедшей за мѣщанина, становятся мѣщанами; но у индусовъ они перешли бы въ еще низшее сословіе, напр., въ крестьянское. *Перев.*

приношеніе; его помощь была необходима при всѣхъ церемоніяхъ, къ которымъ давала поводъ семейная жизнь. Браминъ, какъ духовный совѣтникъ, былъ необходимъ и царю, и простолюдину. Сюда присоединялось то обстоятельство, что при развитіи культуры браминъ былъ представителемъ умственнаго развитія; хотя онъ и не старался подавить соперниковъ изъ другихъ кастъ, но по причинѣ наслѣдственности умственныхъ способностей, постоянно превосходилъ ихъ. Признаніе ихъ могущества и вліянія, къ чему брамины неустанно стремились, было добыто неутомимымъ умственнымъ напряженіемъ. Брамины достигли своей цѣли, а именно браминизированія Индіи. И это не малая слава. Тамъ, гдѣ рѣчь шла о многомилліонномъ, частью еще варварскомъ, частью полуварварскомъ населеніи, сложившемся изъ различнѣйшихъ расъ, для того, чтобы поднять это пестрое населеніе на высшую культурную ступень, требовалась вѣчно дѣйствующая сила. Гдѣ-же было возможно ее найти, еслибы носители культуры не имѣли такого высокаго понятія о ея значеніи и миссіи? Пусть пружинами были во многихъ случаяхъ мракобѣсіе и тщеславіе, слѣпое честолюбіе и корысть: въ общемъ это движеніе все же принесло благіе плоды. Несмотря на все различіе подробностей, явилась единая по сущности культура, охватившая всю область отъ Гималая до мыса Коморина, отъ Аравійскаго залива до Бенгальскаго и переступившая даже границы Индіи.

Возвратимся къ четыремъ *асрамамъ* или стадіямъ и къ посвященію или *упанаяна*, посредствомъ котораго юноша вступалъ въ союзъ взрослыхъ арійцевъ или дважды-рожденныхъ. Всѣ событія въ дальнѣйшей жизни были связаны съ церемоніями; для всего существовали обрядовыя формулы. Важнѣйшій, а именно свадебный ритуалъ, былъ уже упомянутъ выше. Скажемъ, однако, еще пару словъ объ обращеніи съ мертвыми. Изъ различныхъ родовъ обращенія съ трупами, каково погребеніе, выбрасываніе и т. д., у индусовъ достигъ всеобщаго распространенія обычай сожигать трупы. Умершаго очищали, увѣнчивали и одѣвали въ свѣжія платья. Съ воплями возлагали его на носилки и несли къ мосту, гдѣ сооружался костеръ. Послѣ нѣсколькихъ символическихъ обрядовъ и возгласовъ, дрова поджигались, и трупъ, покрытый частями убитаго жертвеннаго животнаго, предавался пламени. На третій день собирали пепелъ и, положивъ въ кружку или урну, зарывали въ землю. Этимъ оканчивается также періодъ

нечистоты, замѣняющій трауръ. Позднѣе, спустя много лѣтъ, на томъ же мѣстѣ воздвигается могильный холмъ. Въ позднѣйшее время сожигалась и вдова съ трупомъ мужа; но этотъ варварскій обычай одержалъ верхъ лишь постепенно: въ древности онъ вовсе не былъ всеобщимъ. Изъ одного изреченія Ригъ-Веды ясно, что жена ложилась подлѣ тѣла мужа, но затѣмъ ей приказывали вставать со словами: „Востань о жена, въ міръ живущихъ". Сожженіе вдовъ, однако, практикуется у многихъ дикарей и варваровъ. Въ Индіи оно такъ-же, какъ рѣдкое явленіе, существовало, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ, но не было правиломъ: позднѣе пытались возвести эти случаи въ общее правило. Насколько этотъ обычай постепенно сросся съ религіозными воззрѣніями индусовъ, ясно, главнымъ образомъ, изъ того, что запрещеніе этого обычая англичанами показалось народу самымъ тяжелымъ вмѣшательствомъ въ его частныя дѣла, и для искорененія этого безобразія пришлось прибѣгать къ угрозѣ смертной казнью не только исполнителямъ сожженія, но и всѣмъ зрителямъ.

Но вмѣстѣ съ похоронами не заканчивались заботы объ умершемъ. Ежемѣсячно въ новолуніе и по извѣстнымъ днямъ въ году приносилась имъ жертва срадха, при чемъ призывали предковъ, а именно отца, дѣда и прадѣда и приносили жертву изъ воды, лепешекъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, а полагая ихъ въ ямы, покрытыя травою дарбха. Воображали, что души усопшихъ ѣдятъ эти жертвы и что безъ нихъ мертвые испытываютъ на томъ свѣтѣ жалкую участь. Поэтому обязанностью всякаго считалось родить сына, который могъ бы приносить приличную жертву предкамъ. Такимъ образомъ искупляли „вину" по отношенію къ отцамъ.

Представленія древнѣйшей эпохи, выражающіяся въ Ригъ-Ведѣ, когда погребальные обряды уже пріобрѣли форму, сходную съ нынѣшней, были чрезвычайно непохожи на позднѣйшія вѣрованія. Душа разсматривалась какъ олицетворенная жизненная сила, *асу*, или какъ духъ, *манасъ*, способный еще при жизни покидать тѣло и бродить, наводя страхъ. Душа продолжаетъ свое посмертное существованіе въ свѣтломъ небесномъ мірѣ, гдѣ царствуетъ царь мертвыхъ Яма, сынъ Вивасванта. Относительно нѣкоторыхъ душъ полагали, что онѣ достигаютъ солнца. На-ряду съ представленіемъ о небѣ для блаженныхъ, мы находимъ еще слѣды вѣрованія въ подземный міръ. Жертва усопшимъ, пища, предлагаемая ихъ душамъ, исходитъ изъ представленія, что души живутъ подъ

землею. Впрочемъ, только души добрыхъ достигаютъ небеснаго блаженства и участвуютъ въ наслажденіяхъ духовныхъ существъ. Онѣ вкушаютъ въ особенности жертвы, приносимыя имъ потомками и тѣ жертвенные дары, которые ими самими были принесены на землѣ богамъ. Половыя наслажденія также сулятся въ будущей жизни. Но души злыхъ низвергаются въ адъ, на который, хотя и въ немногихъ мѣстахъ, указываетъ уже Ригъ-Веда. Воображали, что души умершихъ могутъ принесть благословеніе; къ нимъ обращаются относительно отдѣльныхъ даровъ, но особенно для дарованія потомства. Однако, онѣ могутъ также повредить, особенно чужимъ. Души, еще не достигшія вѣчнаго покоя, представляютъ родъ призраковъ, бродящихъ въ мѣстахъ своей земной жизни. Немногіе слѣды намекаютъ на вѣру въ превращеніе душъ. Онѣ превращаются въ растенія, въ животныхъ, но особенно въ звѣзды. Не слѣдуетъ-ли видѣть въ этой вѣрѣ въ оборотней первые признаки господствующей въ теченіе всей послѣдующей эпохи вѣры въ переселеніе душъ?

Философское развитіе.

Религіозное развитіе, съ которымъ мы ознакомились выше, попало въ мертвую колею. Сколько ни примѣнялось остроумія и мистики къ жертвѣ, сколько ни влагали таинствъ въ ритуалъ, этимъ путемъ все же было невозможно достичь высшей ступени религіозной культуры. Дѣйствительно, хотя въ жертвоприношеніи воздавалось почитаніе богамъ, все же боговъ подчиняли другой, далеко не высшей цѣли. Ихъ мыслили, какъ силы, и пользовались ими въ этомъ смыслѣ, чтобы достичь магическаго дѣйствія жертвы. Боги теряютъ свою самостоятельность; ихъ почти считали въ своей власти. Чѣмъ болѣе усложнялась жертва, тѣмъ болѣе утрачивала истинно-религіозное содержаніе и тѣмъ болѣе принимала характеръ колдовства.

Дальнѣйшее религіозное развитіе примкнуло къ другой нити, которую можно прослѣдить назадъ до самой Ригъ-Веды и которая проходитъ чрезъ всю браминскую эпоху. Эта нить, въ концѣ концовъ, сплетается въ ткань индійской философіи. Уже въ Ригъ-Ведѣ ставится вопросъ о строителѣ вселенной, Висвакарманъ, имя котораго Праджапати, владыка потомства, встрѣчается тамъ нѣсколько разъ. Въ браминскихъ сказаніяхъ, Праджапати фигурируетъ уже какъ творецъ міра и всѣхъ существъ, а въ эпическую эпоху мы встрѣчаемъ тѣ же идеи и то же имя въ перемежку съ двумя другими: Питамаха, (собственно дѣдъ,) и Брахманъ, являющійся въ роли творца первымъ лицомъ индійской троицы. Но индійское стремленіе къ абсолюту не закончилось постановкой вопроса о творцѣ всѣхъ вещей. Вопросъ о томъ, какъ все произошло, вопросъ, что такое существо, что такое, скрытое за всѣми вещами, вѣчное бытіе—эта задача занимала индійскихъ мыслителей. Уже въ „брахманахъ" возникаютъ понятія, около которыхъ вращается мысль послѣдующихъ періодовъ. Прежде всего рѣчь идетъ о брахманѣ; это брахманъ есть существо средняго рода и первоначально обозначаетъ просто молитву. Но его значеніе все болѣе углубляется, оно начинаетъ мыслиться, какъ космогоническая сила, включающая въ себѣ все, что свято; оно становится до извѣстной степени мистической субстанціей жертвы, въ которую вложены священныя изреченія и гимны Веды. Другое понятіе выражается словомъ атманъ, этимологически обозначающимъ „жизненное дыханіе". Затѣмъ это слово обозначаетъ „самое", неизмѣнное истинное бытіе, находящееся позади вещей. Мало-по-малу оба понятія сливаются въ одно. Брахманъ и атманъ — одно и то же, оба слова обозначаютъ абсолютъ. Умозрѣнія объ абсолютѣ наполняютъ *араньяки*, т. е. заключительныя мѣста *брахманъ*, содержащія тайное ученіе, а также самостоятельные труды того-же рода, Упанишады. Но въ нихъ философія еще не систематична, она носитъ скорѣе вдохновенный, прорицательный характеръ. Исходя изъ различнѣйшихъ точекъ, идя разнообразнѣйшими путями, стремятся достигнуть абсолюта. На-ряду съ различными умозрѣніями другого рода, возникаетъ постоянно главный вопросъ: что такое это „самое", этотъ атманъ, это брахманъ? Подразумѣваемое здѣсь можно было бы назвать всеобщей душою, но эта основа всѣхъ вещей, чрезъ которую и въ которой пребываетъ весь міръ, ускользаетъ отъ опредѣленія. Можно сказать: оно или онъ есть; но всякое сказуемое, всякій аттрибутъ, который могъ бы быть приписанъ этому подлежащему, долженъ быть отрицаемъ. Основная мысль, скрывающаяся въ этихъ умозрѣніяхъ, была приведена ведантической философіей въ систему.

Постараемся сначала составить себѣ ясное представленіе

объ основныхъ понятіяхъ, отъ которыхъ исходитъ индійская систематическая философія. Дѣйствительно, лишь ознакомившись съ этими понятіями, можно понять также задачи этой философіи и попытки къ рѣшенію; одно изъ этихъ основныхъ понятій, правильное познаніе котораго составляетъ главную задачу, уже намъ извѣстно: это *атманъ*, *самое*. Здѣсь исходная мысль та же, какая господствовала и въ элейской философіи въ Греціи: истинное бытіе должно быть постояннымъ и неизмѣннымъ; стало-быть, всякую эволюцію можетъ представлять лишь измѣнчивое бытіе, а не допускаемое истинное бытіе. Но гдѣ же въ этомъ мірѣ. гдѣ все возникаетъ и погибаетъ, находится истинное бытіе, вѣчно неизмѣнное, само въ себѣ инертное? Какъ познать его, какъ постичь? Характерно для индійскаго мышленія, что оно искало этого скрывающагося за явленіями истиннаго бытія не столько во *внѣшнемъ* мірѣ, какъ находящуюся въ основѣ всѣхъ вещей первоматерію, откуда всѣ онѣ возникали (хотя и въ этомъ направленіи сдѣланы многія попытки въ Брахманахъ и въ Упанишадахъ), сколько въ собственной душевной жизни: здѣсь именно думали найти неизмѣнное бытіе, истинное самое или атманъ. Вѣдь наше „я", хотя и не остается неизмѣннымъ съ теченіемъ времени, все же одно и то же отъ рожденія до могилы. Старикъ узнаетъ себя какъ то-же лицо, какимъ онъ былъ ребенкомъ, юношей, въ цвѣтѣ лѣтъ. Вотъ гдѣ, стало-быть, „покоющійся полюсъ въ быстрой смѣнѣ явленій". Но присматриваясь внимательнѣе, не удавалось найти въ непосредственно подверженной нашему наблюденію душевной жизни ничего такого, что̀ мы могли бы, безъ дальнѣйшихъ околичностей признать за „самое". Дѣйствительно, явленія нашей душевной жизни, сознаваемыя нами непосредственно, также обнаруживаютъ непрерывное измѣненіе, стало-быть возникновеніе и исчезновеніе; мы же ищемъ остающееся вѣчно себѣ равнымъ. Насъ увлекаютъ страсти, изъ которыхъ одна смѣняетъ другую. Мы постоянно гоняемся за измѣнчивыми цѣлями, и узнаемъ, что онѣ праздны и ничтожны, какъ только мы ихъ достигли или послѣ того, какъ онѣ напрасно манили насъ. Страсти и настроенія не могутъ, стало быть, принадлежать „самому", они представляютъ для него внѣшнее. Наша мысль также есть лишь явленіе, а не истинное бытіе. Дѣйствительно, въ вѣчной смѣнѣ проходятъ чрезъ наше сознаніе все новыя мысли, смотря по тому, какой матеріалъ доставляютъ чувства на-

шему мышленію. Стало быть, и мышленіе не можетъ, собственно говоря, принадлежать „самому", и ни страсти, ни умъ не должны быть отождествляемы съ нимъ. „Самое", атманъ, выражаясь новѣйшими философскими терминами, есть „душа, какъ вещь въ себѣ". Но спрашивается, какимъ же образомъ необходимо мыслить отношеніе между неизмѣннымъ атманомъ и непрерывно измѣняющимся внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ? Какъ мыслить ихъ взаимное отношеніе между собою? Какимъ образомъ вышло, что это абсолютное безусловное „самое" связано съ измѣнчивостью и, повидимому, поглощено круговоротомъ эволюціи [1])? На это философскія системы индусовъ даютъ различные отвѣты, которые позднѣе будутъ изложены нами болѣе подробно. Философы исходятъ при обработкѣ этихъ задачъ изъ двухъ основныхъ воззрѣній, представляющихъ для нихъ родъ аксіомъ, настолько связанныхъ со всѣмъ мышленіемъ, что выставляются какъ факты, не требующіе доказательства. Эти догмы—ученіе о переселеніи душъ и ученіе о *карманъ*.

Вѣра въ переселеніе душъ существуетъ у многихъ народовъ. У индусовъ она вытѣснила первоначальныя воззрѣнія на посмертное существованіе и затѣмъ утвердилась до настоящаго времени. Господствовало, стало быть, представленіе, что душа послѣ смерти вселяется въ новое тѣло. Растенія также „одушевлены"; поэтому душа растенія можетъ стать душою животнаго или же можетъ вселиться въ тѣло бѣса, человѣка или бога. Растенія, животныя, люди, бѣсы и боги поэтому не принципіально различны, но во всѣхъ живетъ „самое" и испытываетъ лишь различную участь послѣ различныхъ рожденій. Душа странствуетъ въ этомъ постепенномъ ряду существъ и смотря по ихъ заслугамъ. Мы видимъ вѣчный круговоротъ рожденій, міровую жизнь, *самсара*, какъ ее называютъ индусы; нѣтъ покоя, есть лишь вѣчное новое страданіе. Дѣйствительно, индусъ твердо убѣжденъ въ томъ, что въ земномъ существованіи страданіе одерживаетъ верхъ, такъ что для людей съ болѣе утонченными чувствами существуетъ лишь страданіе и ко всякой радости примѣшивается также страданіе. Это индійская міровая скорбь (Weltschmerz нѣмецкихъ философовъ), принимающая во вниманіе не только нашу современную жизнь, но и вѣчныя времена въ прошедшемъ и будущемъ, преисполненныя страдаль-

[1]) Терминомъ эволюція мы переводимъ пресловутое нѣмецкое Werden, буквально обозначающее „становленіе" отъ werden, становиться. *Пер.*

ческимъ существованіемъ нашей неуничтожаемой души. Правда, человѣкъ вмѣстѣ съ рожденіемъ утрачиваетъ воспоминаніе о своихъ прежнихъ существованіяхъ, но когда, при содѣйствіи аскетическаго воздержанія, ему удалось подняться на ступень высшей чистоты, или когда онъ, вслѣдствіе сильно потрясшаго его событія, испытываетъ молніеносное просвѣтленіе, — въ такія эпохи онъ вспоминаетъ о своихъ прежнихъ рожденіяхъ или объ отдѣльныхъ событіяхъ изъ своихъ прежнихъ существованій. Этимъ мотивомъ часто пользуются индійскія сказки и повѣсти.

Душа связана съ *самсара*, т. е. съ круговоротомъ рожденій, своими собственными дѣяніями и заслугами, это придаетъ ей новое тѣло и опредѣляетъ ея участь при каждомъ рожденіи. Каждое дѣяніе каждаго существа оказываетъ обратное дѣйствіе на него самого, на его атманъ, вліяетъ на него на долгое время. Какъ возникло подобное представленіе, на это даютъ намъ указаніе факты, сообщенные въ предъидущемъ отдѣлѣ. Мы видѣли, что грѣхъ мыслился какъ родъ духовной субстанціи, пристающей къ данному лицу; отъ нея можно было освободиться очистительными дѣйствіями, вродѣ купанья, прикосновенія къ огню и т. п. Такимъ-же образомъ, отъ каждаго совершеннаго имъ поступка къ человѣку пристаетъ нѣчто, входя въ его внутреннюю жизнь, какъ новый факторъ. Продуктъ всякаго поступка (карманъ) есть либо заслуга (дхарма), либо вина (адхарма); онъ исчезаетъ лишь оказавъ свое дѣйствіе, состоящее въ навлеченіи на людей доброй или злой судьбы, — до извѣстной степени возбуждая эту судьбу. „Карманъ“ каждаго человѣка создаетъ для его „атмана“ новое дѣло и опредѣляетъ его судьбу. Пока человѣкъ совершаетъ поступки, онъ накопляетъ новый „карманъ“ и пока этотъ карманъ не изгладился, человѣкъ привязанъ къ мірской жизни. Здѣсь можно, стало быть, говорить о сохраненіи силы или энергіи въ психической области, переступающей, однако, и въ физическую область. Дѣйствительно, движущая сила въ мірѣ есть вѣдь, въ концѣ концовъ, карманъ, т. е. поступокъ или дѣятельность сущностей; стремясь уравновѣситься, эта сила возбуждаетъ явленія и также во внѣшнемъ мірѣ процессы, обусловливающіе или представляющіе собою судьбы отдѣльныхъ лицъ. Изъ сказаннаго вытекаетъ отсутствіе фатума (роковой судьбы), такъ какъ каждый самъ себѣ заслуживаетъ свою собственную судьбу. О судьбѣ можетъ еще идти рѣчь въ томъ смыслѣ, что, по взгля-

дамъ нѣкоторыхъ философовъ, необходимъ какой либо распредѣлитель жребіевъ соразмѣрно съ „карманомъ“, т. е. дѣятельностью каждаго единичнаго лица. Этимъ руководителемъ судебъ является брахманъ (въ мужескомъ родѣ), творецъ; онъ, впрочемъ, какъ и всѣ прочіе боги, не вѣченъ, но занимаетъ свое мѣсто, опредѣляемое впрочемъ, эонами, и тогда уступаетъ мѣсто другому брахману.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть о представленіяхъ, относящихся къ регулярнымъ созиданіямъ и разрушеніямъ міра. Возникнувъ въ періодѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, т. е. предшествующемъ настоящимъ философскимъ догмамъ, эти представленія были усвоены также философами. Согласно съ этими представленіями, міръ погибаетъ въ правильные промежутки времени, продолжительность которыхъ составляетъ 12.000 божественныхъ лѣтъ: каждый такой годъ составляетъ 360 человѣческихъ. Затѣмъ міръ создается вновь. Такой міровой періодъ составляетъ одну большую іугу (annus maximus) и распадается затѣмъ на четыре меньшихъ іуги, постепенно все менѣе продолжительныхъ и менѣе важныхъ, а именно Крита, Трета, Двапара и Кали, равныхъ $\frac{4}{10}$, $\frac{3}{10}$, $\frac{2}{10}$ и $\frac{1}{10}$ *махаіуги* (большой іуги). Въ настоящее время мы находимся въ 6 кали-іугѣ, т. е. въ желѣзномъ, нечестивомъ вѣкѣ, который, по теоріи индійскихъ астрономовъ, начался за 3101 лѣтъ до Р. Х.

Но возвратимся къ собственно философскимъ основнымъ понятіямъ. Цѣлью человѣка, желающаго достичь философскаго знанія, является: искупленіе души изъ мірской жизни; утвержденіе конца для ряда новыхъ рожденій, приведеніе *атмана* къ его абсолютному состоянію, изъ котораго онъ тогда болѣе не возвратился къ мірской жизни. Эта цѣль называется *мокша* (освобожденіе), *нирврити* (вѣчное блаженство) или также *нирвана* (угасаніе, уничтоженіе). Достигается эта цѣль, въ концѣ концовъ, познаніемъ атмана въ его отличіи отъ міра явленій. Поэтому также путь спасенія, которому учитъ философія, называется путемъ познанія, *джнанамарга*, въ противоположность пути дѣлъ, *кармамарга*, которымъ обозначаются ведическая религія, жертвы и иныя церемоніи. Но новый методъ спасенія не противорѣчитъ прежнему и не желаетъ уничтожить его. Наоборотъ, рѣшительно указывается, что на путь познанія можно вступить съ успѣхомъ лишь послѣ того, какъ шли по предписанному пути

дѣлъ. Дѣйствительно, въ брахманической Индіи развитіе никогда не идетъ скачками. Съ прошлымъ никогда не порываютъ, но его пріобрѣтенія остаются въ силѣ: по крайней мѣрѣ въ теоріи, они пользуются тѣмъ же признаніемъ, какого нѣкогда достигли. Существуетъ *шесть* системъ, признаваемымъ ортодоксальными. Одна изъ нихъ, *Пурва мимамса* занимается главнымъ образомъ истолкованіемъ Ведъ; настоящія философскія умозрѣнія существуютъ лишь какъ нѣчто стоpостепенное. Эту систему мы можемъ оставить здѣсь въ сторонѣ. Съ нею сопоставляется другая система, *Уттара мимамса* или Веданта, въ которой отстаивается монистическое міровоззрѣніе. Дуализмъ господствуетъ въ *санкхья* и въ *іога;* философская основа ихъ одинакова, но первая система болѣе стремится къ познанію, тогда какъ вторая къ практикѣ аскетизма. Третью пару образуютъ *Ньяйя* и *Вайсешика*, направленныя къ болѣе точному познанію физическихъ и психическихъ фактовъ: первая относится болѣе къ развитію діалектики и логики, вторая—болѣе къ развитію физики.

Всѣ эти системы выработались въ философскихъ школахъ и такимъ образомъ установились ихъ философскія ученія. Но отъ всего этого хода развитія у насъ остался лишь конечный результатъ въ кодексѣ каждой изъ шести школъ, въ ея дарсанѣ или сутрѣ, гдѣ изложены философскія основы въ видѣ сжатыхъ изреченій, а также доказательства, возраженія, и ихъ опроверженіе, обыкновенно съ помощью извѣстныхъ излюбленныхъ фразъ. Эпоху этихъ сутра невозможно опредѣлить; судя по формѣ, онѣ не особенно древни и, вѣроятно, принадлежатъ началу нашего лѣтосчисленія. Но это еще не рѣшаетъ вопроса относительно возраста проповѣдуемыхъ здѣсь ученій. Сутра, т. е. кодексъ для Веданты, приписывается Бадараянѣ; кодексъ Санкхья—Капилѣ, кодексъ Іоги—Патанджали, кодексъ Ньяйя—Готамѣ и, наконецъ, Вайсешика—Канадѣ.

Веданта, какъ было сказано, представляетъ собою монистическое міросозерцаніе. Существуетъ лишь одно истинно сущее, абсолютное бытіе, это атманъ или брахманъ (средняго рода). Это брахманъ вполнѣ единично, лишено аттрибутовъ; оно опредѣляется, какъ чистое бытіе, чистый разумъ и блаженство, но въ томъ смыслѣ, чтобы бытіе, разумъ и блаженство были присущи брахману, какъ аттрибуты. Всѣ эти три выраженія обозначаютъ просто одно и то же и являются лишь различными названіями для существа брахмана.

Брахманъ не мыслитъ, онъ есть мысль. Мы можемъ представить себѣ брахманъ, какъ всеобщую или міровую душу, какъ вещь въ себѣ, „ноуменъ". Это брахманъ надѣлено теперь силой, называемой *авидья* (незнаніе), или *майа* (обманъ, иллюзія). Сила эта не можетъ быть названа сущей (sat), потому что только брахманъ есть истинно сущее; однако, ея нельзя назвать и не существующей (asat), потому что она причиняетъ кажущуюся дѣйствительность міра. Это кажущееся бытіе вызываетъ теперь иллюзію, которой обязаны всѣ единичныя существа и весь матеріальный міръ своимъ, правда, только кажущимся, но для насъ реальнымъ существованіемъ. Брахманъ (средн. рода) снабженное этой майей, производитъ изъ себя міръ. Въ соединеніи съ ней онъ становится творцомъ міра (брахманомъ муж. рода) и въ то же время его матеріальной причиной. Какъ таковой, онъ брахманъ (муж. рода) или Исвара. Подъ его руководствомъ майа развивается въ отдѣльныя существа, изъ которыхъ состоитъ міръ.

Во всѣхъ этихъ вещахъ присутствуетъ Исвара, но не какъ единый. По причинѣ ограничивающихъ его условій, т. е. разныхъ эволюцій майи, онъ расщепляется на много единичныхъ существъ, джива. Единичная душа реальна, поскольку она, до извѣстной степени, образуетъ часть Исвара; но то, посредствомъ чего она выступаетъ, какъ самостоятельный индивидуумъ, т. е. ея мышленіе, чувствованіе и хотѣнье, это есть лишь функція ея органовъ, которые и какъ продуктъ майи, не вещественны, хотя и не лишены прозрачной дѣйствительности. Единичныя души подвержены иллюзіи, въ силу которой представляютъ себѣ, что имъ, какъ и внѣшнему міру, присуще истинное бытіе. Но это заблужденіе есть лишь слѣдствіе майи или же авидьи (незнанія, невѣжества). Вслѣдствіе истиннаго незнанія, которому содѣйствуетъ философія, это невѣжество исчезаетъ, и мы познаемъ брахмана, какъ единственно сущее, и познаемъ себя, какъ тожественныхъ съ нимъ. Если затѣмъ, послѣ набожной жизни, вмѣстѣ со смертью исчезаетъ условіе для единичнаго существованія, то единичная душа, признавшая себя тожественною съ брахманомъ, вновь растворяется въ брахманѣ, т. е. во всеобщей душѣ, и для нея заканчивается круговоротъ рожденій, изъ котораго она окончательно выступаетъ.—Мы здѣсь не въ состояніи подробнѣе разсмотрѣть отдѣльныя черты этой системы и не станемъ объяснять, какъ представляли себѣ разные продукты майи и въ какомъ порядкѣ они

происходили изъ нея, а также не станемъ говорить о томъ, какія составныя части образуютъ болѣе тонкія и болѣе грубыя части души. Сказаннаго достаточно для того, чтобы дать представленіе о пантеистической системѣ индусовъ, которая постоянно оставалась наиболѣе близкою къ ихъ мышленію и срослась съ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ: даже въ этомъ ученіи пытались увидѣть истинный смыслъ Ведъ и особенно Упанишадъ. Ученіе это защищалось въ VIII столѣтіи послѣ Р. Х. Санкарою (неправильно — Шанкара) и было изложено во многихъ сочиненіяхъ. Но его истолкованіе не осталось единственнымъ. Ему противостоитъ другое, по которому брахманъ, правда, также является единственно реальной сущностью; но онъ при этомъ охватываетъ и составляетъ все сущее: міръ, всѣ вещи, отдѣльныя существа представляютъ его тѣло. Вещи и души въ немъ, а не подлѣ него; они поэтому не самостоятельныя существованія, но составныя части брахмана. Это, отличающееся отъ раньше указаннаго, ведантистское ученіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи усвоило сильную миѳологическую примѣсь, такъ какъ брахманъ или міровая душа отожествился съ народнымъ божествомъ Нараяньей. Такимъ образомъ возникла система, доставившая теософическое основаніе для народныхъ религій и сектъ позднѣйшаго времени.

Обратимся теперь ко второй группѣ философскихъ системъ, а именно къ *санкхъя* и *іога*, отстаивающимъ дуализмъ. По этимъ теоріямъ, существуетъ безконечное число единичныхъ душъ, *пуруша* или атманъ. Эти души, какъ монады, совершенно другъ отъ друга независимы; онѣ единичны, неизмѣнны и существуютъ „отъ вѣчности до вѣчности". Все, что измѣнчиво [1]), приводится къ другому принципу *пракрити*, роду хаоса. Пракрити, первоматерія, есть вещество само по себѣ безжизненное; но отъ вліянія души, пуруша, отъ ея близости приводится въ возбужденіе. Пракрити состоитъ изъ трехъ составныхъ частей, изъ матеріально-мыслимыхъ качествъ: доброты (саттва), энергіи (раджасъ) и тьмы (тамасъ). Изъ пракрити, какъ первый продуктъ, вытекаетъ мыслящая субстанція, буддхи, образующая органъ мышленія отдѣльныхъ существъ. Можетъ показаться страннымъ это выраженіе—мыслящая субстанція, но логично допустить, что органъ мысли матеріаленъ, если онъ возникъ, какъ сказано, изъ первоматеріи. Въ мыслящей субстанціи отражается пуруша;

[1]) Въ подлинникѣ сказано, наоборотъ: „все, что неизмѣнно" (?).

такимъ образомъ эта субстанція становится разумною и по мѣрѣ того, какъ она воспринимаетъ изображеніе вещей, и по мѣрѣ того, какъ эти вещи отражаются въ пурушѣ, — возникаютъ мысли. Итакъ, пуруша мыслитъ безъ того, чтобы въ ней самой были мысли, и вообще безъ того, чтобы она испытала какое-либо измѣненіе. Изъ мыслящей субстанціи развилась другая, менѣе тонкая и чистая, а именно агамкара. Вслѣдствіе этого пуруша, снабженная этой субостанціей, представляется дѣйствующей и руководящей, не будучи таковою на самомъ дѣлѣ, такъ какъ ощущенія, чувства и страсти—это лишь процессы въ агамкара, отражающіеся въ пуруша. Изъ этого „органа субъективаціи" (такъ переводитъ проф. Гарбе выраженіе агамкара) возникаютъ пять чувствъ и пять ихъ тѣлесныхъ органовъ, а также внутреннее чувство (манасъ); этому послѣднему приписываются съ одной стороны функціи размышленія и желанія, съ другой—отправленія нашей нервной системы, по скольку она передаетъ мыслящей субстанціи впечатлѣнія чувствъ. Все до сихъ поръ названное образуетъ тончайшій организмъ души (пуруши), не оставляющій ея и во время переселенія. Мы еще находимся, стало быть, по ту сторону того, что въ наше время назвали бы матеріей, т. е. по ту сторону чувственно-воспринимаемыхъ вещей. Что касается этихъ послѣднихъ, съ ними дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ агамкары, т. е. субстанціи данной индивидуальности, возникаютъ пять болѣе тонкихъ стихій: танматрасъ. Это матеріально-мыслимыя свойства пяти стихій; запахъ, вкусъ, цвѣтъ, осязаемое, звукъ. Изъ нихъ проистекаютъ самыя стихіи: земля, вода, огонь, вѣтеръ и воздухъ, изъ которыхъ сооружается весь чувственно-воспринимаемый міръ. Такимъ образомъ душа связана съ міромъ посредствомъ ряда органовъ, описывая ихъ и отражая въ себѣ ихъ двигательные процессы. Но эта связь можетъ быть также расторгнута. Когда страсти и прочія функціи индивидуальности (агамкары) подавлены, связь эта становится недѣятельною; если затѣмъ органъ мысли отвлекается отъ внѣшнихъ вещей и направляется исключительно на душу, въ которой отражается „какъ солнце въ гладкомъ озерѣ", онъ также перестаетъ функціонировать и душа освобождается отъ путъ пракрити. Она въ этомъ случаѣ освобождена (*мукта*), и никогда болѣе не возвращается къ мірской жизни. Система эта, представляющаяся такою фантастическою для западнаго мышленія, пріобрѣла еще особое значеніе тѣмъ, что

доставила теорію (іога) для практики аскетизма. Такъ какъ всѣ внутренніе и внѣшніе предметы возникли изъ мыслящей субстанціи, мы пріобрѣтаемъ власть надъ этими предметами, если овладѣваемъ мыслящей субстанціей, т. е. если мы правильно культивируемъ свой разумъ, то ему подчиняются всѣ вещи. Правильнымъ средствомъ является размышленіе, исключительное направленіе мыслей на какой-либо предметъ. Вслѣдствіе этого мы овладѣваемъ предметомъ, достигаемъ сверхъестественныхъ силъ. Погружающійся въ созерцаніе по правиламъ Іоги, называется іогиномъ: слово іогинъ означаетъ, поэтому, также волшебника. Но достиженіе магическихъ силъ составляетъ, до извѣстной степени, подобный продуктъ или скорѣе подготовку къ высшей стадіи, на которой подавляются всѣ мысли. Когда эта стадія достигнута, внутри насъ свѣтитъ чистая пуруша, образъ которой искажался въ органѣ мысли другими мыслями.

Система Санкхья атеистична, Іога—теистична. По ученію Іоги, дѣйствительно, изъ всѣхъ душъ есть одна, высшей природы. Эта душа есть Исвара, богъ. Ему повинуется цѣлая пракрити, первоматерія; чрезъ это онъ становится творцомъ. По системѣ Санкхья нѣтъ такой высшей души, но всѣ души абсолютно равны между собою; однако, всегда есть нѣкоторая сущность, которая по своимъ заслугамъ обладаетъ высшимъ могуществомъ, и эта сущность становится тогда брахманомъ или міроправителемъ, пока не исчерпаются ея заслуги и пока она не достигнетъ новаго существованія или искупленія.

Третья группа философскихъ ученій Ньяйя и Вайсешика, навѣрное, позднѣе всего достигла разработки. Въ этомъ убѣждаетъ уже ея характеръ. Дѣйствительно, въ то время, какъ разсмотрѣнныя выше системы построены, собственно говоря, при помощи минимальныхъ точныхъ знаній и на болѣе или менѣе фантастической почвѣ, Ньяйя и Вайсешика достигаютъ положительныхъ знаній помощью философскаго метода. Ньяйя съ любовью занимается діалектикой и логикой. Здѣсь, напримѣръ, основательно трактуется ученіе объ умозаключеніи. Изслѣдуется все, что необходимо для правильнаго вывода, сколько есть родовъ умозаключенія, каковы ошибки въ умозаключеніяхъ и т. д., при чемъ является силлогистика, существенно отличающіяся отъ аристотелевской, однако не менѣе ея правильная. Въ Вайсешикѣ центръ тяжести находится со стороны естествознанія. Здѣсь изслѣдуются субстанціи, ихъ свойства, силы, родъ и индивидуальность вещей и отношеніе субстанцій къ другимъ категоріямъ. Изъ субстанцій перечисляются: пять стихій, земля, вода, огонь, вѣтеръ, воздухъ и 4 субстанціи другого рода: душа, внутреннее чувство, время и пространство. Субстанціи либо атомистичны, какъ, напримѣръ, 4 первыя стихіи и внутреннее чувство, либо непрерывны и „наполняютъ все“, какъ воздухъ, пространство, время и души. Душъ есть безчисленное множество: всѣ онѣ самостоятельны и различаются между собою. Мышленіе, чувствованіе, хотѣніе и т. д.,—свойства душъ; однако, эти свойства могутъ быть подавлены, и затѣмъ наступаетъ освобожденіе,—цѣль, къ которой должна стремиться всякая правовѣрная философія индусовъ. Ньяйя и Вайсешика, порою соединяемыя вмѣстѣ, не такъ глубокомыслены, какъ раньше разсмотрѣнныя системы: однако, они обозначаютъ успѣхъ въ познаніи, стремленіе воздать должное фактамъ опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Значительно далѣе въ этомъ направленіи не удалось подвинуться. Хотя удалось выработать ученіе объ атомахъ и о волнообразномъ распространеніи звука, но далѣе этого естественно-научное познаніе не подвинулось. Трудъ послѣдующаго времени состоялъ въ схоластическомъ опредѣленіи добытыхъ результатовъ и въ отдѣльныхъ ничтожныхъ видоизмѣненіяхъ. Но эта философія осталась школой для изощренія мысли до настоящаго дня. Необходимо теперь сдѣлать нѣкоторое отступленіе назадъ, чтобы нѣсколькими словами охарактеризовать литературное развитіе также въ другихъ областяхъ.

Развитіе литературы.

Изъ предыдущаго мы ознакомились съ содержаніемъ ведической религіи и съ ея дальнѣйшимъ развитіемъ въ философскомъ умозрѣніи. Чтобы усовершенствовать картину умственной жизни того времени и понять дальнѣйшее развитіе культуры, мы должны отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ сохранилось совокупное знаніе той эпохи, выразившееся въ названныхъ трудахъ, въ *самхитахъ* и *брахманахъ*. Еще не рѣшенъ вопросъ, существовала-ли уже въ то время въ Индіи письменность. Во всякомъ случаѣ, сохраненіе Ведъ не требовало письменности. Учителя знали наизусть всѣ Веды и брахманы и говорили ихъ ежедневно ученикамъ до тѣхъ

поръ, пока послѣднiе, въ свою очередь, не удерживали въ памяти. Эта работа памяти, для насъ, живущихъ при совершенно иныхъ условiяхъ, представляется просто невѣроятною. Однако, если память изощряется съ самыхъ юныхъ лѣтъ, она оказывается способною на удивительныя вещи: во всякомъ случаѣ, это происходитъ на счетъ другихъ душевныхъ способностей, которыя при этомъ должны выродиться. Еще въ настоящее время находятъ въ Индiи людей, разсказывающимъ наизустъ цѣлую Веду со всѣми принадлежащими къ ней трудами, ни разу не сбиваясь. Эти люди— своего рода живыя библiотеки. Однако, они знаютъ лишь слова, но большею частью не понимаютъ ихъ смысла и не умѣютъ, напр., принести жертвы, о которой идетъ рѣчь въ заученной ими сутрѣ. Первоначально каждая изъ четырехъ Ведъ вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ брахманами передавалась въ особыхъ семьяхъ или школахъ. Но со временемъ явились различiя въ этого рода передачѣ; одинъ и тотъ же текстъ получилъ, смотря по школамъ, разный видъ или же одна школа усваивала новый текстъ, какимъ не располагала другая, къ ней близкая. Явились, поэтому, различныя чтенiя одного и того же текста. Они назывались сакха, что собственно обозначаетъ вѣтвь. Каждая школа (чаранья) ограничивается одной сакха для Самхиты, Браманы и Сутры. Было сказано, что сутры представляли попросту руководства, въ которыхъ систематически разрабатывались вопросы, важные для чтенiя и пониманiя Ведъ, для правильнаго принесенiя жертвы. Такимъ образовъ со временемъ выработались извѣстныя ученiя, которыя обозначали какъ „члены Веды", Веданга: жертвенный обрядникъ, грамматика, фонетика, метрика, астрономiя. Сюда присоединялись произведенiя сходнаго характера, которыя, однако, не могли быть приведены къ Ведамъ, къ откровенiю. Такъ, напр., право (дхарма), домовый обрядникъ (грирхья) и т. п. Постепенно все болѣе накоплялся научный матерiалъ въ школахъ и, наконецъ, дошло до того, что отдѣльный человѣкъ болѣе не былъ способенъ къ дальнѣйшему проникновенiю въ разрабатываемыя ученiя. Но вотъ является перемѣна, въ высшей степени важная для дальнѣйшаго времени. Изученiе отдѣльныхъ наукъ, какъ, напр., права или грамматики, первоначально составлявшее часть курса ведическихъ школъ, стало отъ нихъ независимымъ и перешло въ специальныя школы. Такъ возникли школы—юридическiя, грамматическiя и иныя, въ которыхъ изучаются ком-

петентные труды различныхъ ведическихъ школъ. Изъ такихъ специальныхъ школъ и отъ такихъ специальныхъ ученыхъ исходятъ учебники и научныя изслѣдованiя о преподаваемыхъ ими предметамъ. Высшее образованiе становится въ позднѣйшее время специальнымъ. Ученый (паньдита) знаетъ свой предметъ основательно или же изучаетъ нѣсколько предметовъ и получаетъ болѣе обширное образованiе. Ведическiя школы все болѣе утрачиваютъ значенiе, хотя выработанные ими ученые ни мало не утрачиваютъ изъ своей святости.

По всей вѣроятности, грамматика представляетъ ту науку, которая прежде всего отдѣлалась отъ ведической школы. Она составляетъ основу всего знанiя, ею должно начаться въ Индiи всякое изученiе. Это было необходимо для того, чтобы вполнѣ овладѣть священнымъ языкомъ, санскритомъ. Дѣйствительны, санскритъ, какимъ мы его знаемъ, никогда не былъ языкомъ массъ, но всегда лишь языкомъ самыхъ образованныхъ, т. е. браминовъ тогда какъ народный языкъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ санскрита. Въ III вѣкѣ до Р. Х. мы встрѣчаемъ народный языкъ, пракритъ. Онъ уже въ это время настолько удаленъ отъ санскрита, какъ итальянскiй языкъ отъ латыни. Но вся высшая литература Индiи санскритская, а поэтому грамматическое изученiе стало необходимостью. Грамматика выступаетъ впервые въ полномъ видѣ въ 8 главахъ граматическихъ правилъ, написанныхъ Паньини. Когда жилъ этотъ ученый остается еще неизвѣстнымъ, хотя вѣроятность говоритъ въ пользу IV или V вѣка до Р. Х. Правила Паньини до того кратки, что имѣютъ характеръ загадокъ. Все построенiе необычайно сложнаго санскритского языка изложено въ нихъ такъ сжато, что всѣ правила занимаютъ, если ихъ напечатать связно, не болѣе 50 малыхъ страницъ октавнаго формата. Само собою разумѣется, Паньини не можетъ считаться основателемъ грамматической науки. Вѣковое развитiе этой науки должно было произойти передъ тѣмъ, какъ онъ и его оба комментатора Катьяйана и Патанджали завершили эту науку, такъ что будущему времени осталось лишь комментировать и иначе распредѣлять готовый матерiалъ. Индiя прiобрѣла при посредствѣ работъ грамматиковъ неизмѣнный языкъ, до сихъ поръ еще употребляемый для литературныхъ произведенiй. Дѣйствительно, во все будущее время признавалось правильнымъ лишь то, что согласно съ правилами Паньини. Сами

по себѣ труды индійскихъ грамматиковъ выше всякой похвалы эти ученые гораздо глубже проникли въ строеніе рѣчи, нежели греки и римляне, отъ которыхъ мы заимствовали наши познанія. Лишь послѣ ознакомленія съ трудами индійскихъ грамматиковъ наша наука о языкѣ поднялась выше низкаго уровня, на которомъ оставалась до того времени.

Здѣсь было бы вполнѣ умѣстно также упомянуть вкратцѣ объ индійскомъ письмѣ. Оно выступаетъ впервые въ надписяхъ III столѣтія до Р. Х. и притомъ въ двухъ видахъ: одно, подвигающееся слѣва направо, заимствовано изъ Персіи, другое—справа налѣво—происходитъ отъ арамейскаго. Послѣдній родъ письма сталъ прототипомъ многочисленныхъ другихъ, находящихся въ употребленіи въ Индіи, Тибетѣ, на Индокитаѣ и индійскихъ о-вахъ. Во всѣхъ этихъ родахъ письма мы видимъ, что гласныя не вытѣснены (по примѣру семитическихъ письменъ), однако не поставлены наравнѣ съ согласными (какъ въ западныхъ письменахъ). Мы имѣемъ дѣло, въ сущности, съ слоговымъ письмомъ: каждый знакъ обозначаетъ слогъ, но такъ, что согласныя образуютъ основу, тогда какъ гласныя присоединяются сверху, снизу или сбоку. Эти письмена, развившіяся изъ семитическихъ, были введены, вѣроятно, въ VIII в. до Р. Х. Имѣли-ли индусы ранѣе этого другое письмо, нѣчто вродѣ гіероглифовъ—вопросъ, до сихъ поръ не рѣшенный.

Но возвратимся къ развитію наукъ, на которое навѣрное оказывало значительное вліяніе все болѣе и болѣе распространявшееся примѣненіе письменности. На ряду съ философіей, ревностно обрабатывалось также право, переставъ составлять часть предметовъ, преподававшихся въ ведическихъ школахъ. Правовыя нормы были обработаны въ метрической формѣ и такимъ образомъ возникла распространенная и разносторонняя афористическая правовая мудрость, въ значительной мѣрѣ слившаяся съ эпосомъ. Съ другой стороны, эта мудрость была также кодифицирована и юридическія формулы расположены въ систему. Этимъ путемъ возникли метрически написанныя сочиненія по юриспруденціи, какъ, напримѣръ, знаменитый кодексъ Ману. Существовали разные варіанты этого кодекса, изъ которыхъ для насъ сохранился лишь послѣдній. Эти юридическія сочиненія называются *смритисъ*: отъ нихъ отдѣлились древнія дхармасутры, принадлежащія къ ведическимъ школамъ.

Мы здѣсь, однако, не имѣемъ возможности изслѣдовать

всѣхъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые явились лишь въ послѣднее время. Сказаннаго достаточно, чтобы показать, что въ то время, скажемъ въ первую треть перваго вѣка до начала нашей эры, уже существовали начала высшей духовной культуры, позволяющей установить періодъ, стоящій далеко выше ведической эпохи. Рука объ руку съ духовной культурой шла и матеріальная; благосостояніе возростало, торговля перемѣщала произведенія земледѣлія и ремесла и достигала заморскихъ народовъ. Искусство развивалось: сначала поэзія, затѣмъ эпосъ. Изъ этого послѣдняго мы узнаемъ о жизни, достигшей, отъ совмѣстнаго дѣйствія стольких культурныхъ элементовъ, гораздо большей высоты, чѣмъ та, которая отражается въ ведическихъ сказаніяхъ. Поэтому прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изслѣдованію развитія религіи и особенно буддизма, необходимо присмотрѣться къ эпосу.

Индійскій эпосъ [1].

Эпическое творчество восходитъ въ Индіи къ весьма отдаленной эпохѣ. Уже въ Ригъ-Ведѣ мы находимъ гимны, свидѣтельствующіе о существованіи эпоса. Дальнѣйшія свидѣтельства доставляютъ брахманы и позднѣйшія произведенія ведической литературы. Но лишь вмѣстѣ съ обѣими обширными эпическими поэмами, Рамаяной и Махабхаратой, мы вступаемъ въ періодъ, который принято называть эпическимъ. Не слѣдуетъ только думать, что въ этихъ эпическихъ произведеніяхъ мы имѣемъ передъ собою произведенія непосредственнаго народнаго эпическаго творчества. Послѣднее доставило лишь матеріалъ, собранный эпическими поэтами, быть можетъ, браминскаго происхожденія и переработанный въ болѣе или менѣе цѣльныя крупныя поэмы. Можно даже съ увѣренностью утверждать, что уже подобныя болѣе обширныя поэмы, а не отдѣльныя пѣсни существовали, когда къ работѣ приступили авторы обѣихъ крупныхъ эпическихъ поэмъ. Дѣйствительно, если бы они не имѣли уже подобныхъ рапсодій, то не могли бы сочинять эпопей по подобному чудовищному плану. Дѣйствительно, чудовищны эти поэмы—Рамаяна съ ея 24.000 „слоками“ (двустиші-

[1]) При транскрипціи именъ мы слѣдуемъ, по возможности, правильному произношенію. *Перев.*

ями) и Махабхарата, состоящая изъ 100.000 „слокъ". Чтобы составить себѣ понятіе объ объемѣ этихъ произведеній, достаточно замѣтить, что Магабхарата превышаетъ Иліаду и Одиссею въ семь разъ, а Пѣснь о Нибелунгахъ—въ двадцать разъ.

Обѣ названныя поэмы составлены на санскритскомъ языкѣ, правда не томъ, съ которымъ мы познакомились изъ ведическихъ поэмъ, но и не на классическомъ санскритѣ позднѣйшаго времени, а на языкѣ, отличающемся отъ санскрита въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ; происхожденіе его, вѣроятно, слѣдуетъ приписать литературнымъ школамъ. Но такъ какъ эти поэмы были разсчитаны на то, чтобы читаться и вельможамъ и простолюдинамъ, то отсюда слѣдуетъ, что санскритъ былъ въ то время понятенъ обширнымъ кругамъ населенія и еще не могъ превратиться въ литературный языкъ, доступный лишь высшимъ сословіямъ. Эти и иные пункты, о которыхъ мы здѣсь не можемъ распространяться, оправдываютъ допущеніе, что эпическій періодъ долженъ быть отнесенъ не позднѣе, чѣмъ къ первой половинѣ I вѣка до Р. Х.

По непоколебимому и вполнѣ заслуживающему довѣрія преданію индусовъ, Рамаяна—древнѣйшая изъ обѣихъ поэмъ и составлена поэтомъ Вальмики, котораго представляли себѣ, какъ ясновидца, риши. Преданіе ставитъ его въ тѣсную связь съ владѣтельнымъ домомъ Айодхья, дѣла котораго онъ воспѣваетъ. Быть можетъ, это основано на истинной подкладкѣ: дѣйствительно, вполнѣ умѣстно, чтобы придворный поэтъ воспѣвалъ сначала родословную владѣтельнаго дома, въ услугахъ котораго онъ состоитъ. Такъ какъ этотъ домъ правилъ въ нынѣшней Оудхе, то придется отнести происхожденіе Рамаяны туда, т. е. болѣе въ восточную половину Индустана. Изъ самой поэмы вытекаетъ, что она была передана устно-профессіональными бардами, прежде чѣмъ ее записали въ позднѣйшее время, еще не поддающееся опредѣленію. Но трудъ Вальмики не остался неизмѣннымъ. Его значительно пополнили и къ нему придѣлали предшествующую исторію и продолженіе. Если оставить въ сторонѣ эти добавленія, то содержаніе Рамаяны окажется цѣльнымъ и въ главныхъ чертахъ представитъ приблизительно слѣдующее. Въ Айодхья, столицѣ страны Косалы, царствовалъ Дасаратха. У него были три жены, Каусалья, Каикейи и Сумитра [1]).

[1]) Не смѣшивать съ Сумантрой. *Пер.*

Первая родила ему сына Раму, вторая Бхарату, третья Лакшманью и Сатругхну. Рама, любимецъ отца, женился на Ситѣ, дочери Джанаки, царя Видеги. Однажды, когда этотъ царь пахалъ землю, эта дочь чудеснымъ образомъ явилась изъ земли. Чтобы добыть ея руку, требовалось условіе: женихъ долженъ былъ натянуть лукъ бога Сивы, хранившійся въ родѣ царя Джанаки. Ни одному жениху это не удалось: лишь Рама натянулъ и сломалъ лукъ. Онъ и его братъ по отцу Лакшманья были неразлучны, такъ же какъ и Бхарата съ Сатругхной. Эта послѣдняя пара въ эпоху, съ которой начинается дѣйствіе въ поэмѣ, воспитывалась у дяди Асвапати, царя Кекайи, далеко въ западной Индіи. Когда царь Дасаратха достигъ престарѣлаго возраста, онъ при радостномъ одобреніи своихъ совѣтниковъ и подданныхъ велѣлъ посвятить своего любимаго сына себѣ въ преемники. Праздникъ былъ уже подготовленъ, какъ вдругъ планъ царя былъ разстроенъ его второю женою Каикейи. Горбатая рабыня Мантхара лукаво подговорила эту царицу обезпечить престолонаслѣдіе за своимъ собственнымъ сыномъ Бхаратой; для этой цѣли она должна была сообщить царю два еще невысказанныхъ пожеланія; выполненіе ихъ онъ ей обѣщалъ нѣкогда въ видѣ благодарности за помощь, оказанную ему, когда его жизнь подвергалась опасности. Дасаратха входитъ въ комнаты царицы, чтобы объявить ей о предстоящемъ посвященіи Рамы, и узнаетъ, что она лежитъ на полу въ своей уборной. Царь пытается укрѣпить ее обѣщаніями. Тогда она высказываетъ оба свои пожеланія: вмѣсто Рамы долженъ быть посвященъ въ престолонаслѣдники Бхарата, а Рама долженъ подвергнуться на 14 лѣтъ изгнанію въ лѣсъ. Царь въ отчаяньи: но всѣ его жалобы, проклятья, мольбы, даже съ преклоненіемъ до земли, неспособны смягчить суровый нравъ царицы. Такъ проходитъ ночь. Утромъ Раму зовутъ къ царю, и онъ узнаетъ отъ той же Каикейи о своей участи. Безропотно онъ тотчасъ удаляется: честь отца для него выше его счастія, а отецъ далъ слово. Въ тотъ же день онъ хочетъ уйти въ изгнаніе. Слѣдуютъ трогательныя сцены, когда Рама объявляетъ своей матери Каусальѣ, а затѣмъ женѣ Ситѣ о внезапной перемѣнѣ судьбы. Совѣтъ брата Лакшманьи защищать свои права силою, отвергается имъ: для него нѣтъ долга выше послушанія родителю. Тогда Сита и Лакшманья рѣшаются сопровождать его въ изгнаніе. Всѣ трое на прощанье идутъ къ царю, который отрекается

отъ жестокой Каикейи. Поразительно описана разлука: лишь съ трудомъ удается изгнаннику вырваться. Въ колесницѣ, управляемой вѣрнымъ Сумантрой, они уѣзжаютъ, сопровождаемые огромной толпой народа. Надломленный страшнымъ горемъ, Дасаратха ослѣпъ въ слѣдующую ночь. Его конецъ приближается, онъ испускаетъ духъ въ присутствіи двухъ женъ.

Вельможи призываютъ по смерти Дасаратхи находящагося у дяди Бхарату. Когда послѣдній узнаетъ о ходѣ событій, онъ отклоняетъ царскій санъ и въ сопровожденіи большой свиты отправляется въ путь, чтобы возвратить Раму. Но этотъ послѣдній прибылъ на югъ отъ Ганга, гдѣ отпустилъ Сумантру съ колесницей, надѣлъ одежду кающагося и пѣшкомъ продолжалъ путь съ Ситой и Лакшманьей до горы Читракутья, гдѣ соорудилъ себѣ хижину. Здѣсь они спокойно живутъ въ лѣсномъ уединеніи, какъ вдругъ изъ облака пыли выступаютъ со своимъ войскомъ Бхарата и послѣ пламенныхъ объятій бросается брату Рамѣ въ ноги, умоляя его возвратиться въ родной городъ и занять осиротѣлый престолъ. Однако, Рама и послѣ смерти отца чтитъ его слово; рѣчи вельможъ, даже святого Васиштхи не могутъ заставить его измѣнить свое рѣшеніе пробыть въ изгнаніи ровно 14 лѣтъ. Однако, не менѣе тверда рѣшимость Бхараты самому не принимать бразды правленія. Онъ поэтому выпрашиваетъ для себя сандаліи Рамы, которыя ставитъ на престолъ внѣ столицы въ Нандиграмѣ, чтобы править самому съ вельможами лишь въ роли намѣстника Рамы.

Рама считалъ себя, однако, небезопаснымъ въ своемъ прежнемъ убѣжищѣ отъ новыхъ посѣщеній, а поэтому отправился съ Ситой и Лакшманьей дальше на юго-западъ, сражаясь съ чудовищами и пребывая у святыхъ отшельниковъ въ качествѣ гостя. Разсказъ, однако, быстро минуетъ 12 или 13 лѣтъ лѣсной жизни и описываетъ дѣла Рамы, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его изгнанія. Это дѣла, ради которыхъ онъ вообще покорился своей участи. Дѣло въ томъ, что по общему взгляду, выражающемуся уже въ древнѣйшихъ частяхъ поэмы, Рама представляетъ не что иное, какъ воплощеніе бога Вишну, сошедшаго на землю, чтобы положить конецъ злодѣяніямъ демона Раваньи. Этотъ Раванья, десятиглавый царь ракшасовъ (злыхъ великановъ), царствовалъ по ту сторону южнаго океана въ городѣ Ланка, находящемся на высокой горѣ: рѣчь идетъ, какъ полагаютъ, о Цейлонѣ. Послѣ суроваго постничества, Раванья добился отъ Брахмана обѣщанія, что его не побѣдитъ ни одно существо, „кромѣ человѣка“: людей въ своемъ тщеславіи онъ не боялся. Съ этихъ поръ для высокомѣрія Раваньи не было предѣла: сами боги должны были уступать его силѣ.

Сестра Раваньи, Сурпаньякха, „съ лопатоподобными когтями“, увидѣла Раму въ лѣсу, влюбилась въ него и дѣлаетъ ему предложеніе. Рама, шутя, предлагаетъ ее брату Лакшманьѣ, но и тотъ отвергаетъ ее. Тогда Сурпаньякха яростно бросается на Ситу, чтобы ее пожрать, но Рама является на помощь и отсѣкаетъ чудовищу уши и носъ; пыхтя отъ ярости, вѣдьма убѣгаетъ къ своему брату Кхарѣ, имѣющему въ Джанастханѣ войско изъ 14000 великановъ, и подстрекаетъ его напасть на Раму. Но послѣдній одолѣваетъ многочисленныхъ враговъ: вооружившись лукомъ Вишну, онъ перестрѣлялъ ихъ всѣхъ. Тогда Сурпаньякха бѣжитъ къ царю великановъ, т. е. къ своему брату Раваньѣ, и, сообщивъ ему о гибели войска, описываетъ Ситу такой красавицей, что царь, желая овладѣть ею, стремится къ похищенію, чтобы наказать Раму за побѣду надъ ракшасами. Но пока мужъ и шуринъ защищаютъ ее, даже самъ мощный демонъ не рѣшается посягнуть на Ситу. Поэтому онъ велитъ подвластному себѣ чародѣю, бѣсу Марича, превратиться въ золотистую газель и привлечь къ себѣ вниманіе Ситы. Эта послѣдняя чувствуетъ сильнѣйшее желаніе овладѣть чудеснымъ животнымъ и побуждаетъ Раму преслѣдовать его. Марича, обернувшись газелью, все далѣе и далѣе завлекаетъ Раму въ дѣвственный лѣсъ, пока, наконецъ, онъ не теряетъ терпѣнія. Пустивъ свою, никогда не дающую промаха, стрѣлу, Рама убиваетъ газель. Тогда умирающій демонъ громко кричитъ голосомъ Рамы: Лакшманья, Сита! Сита слышитъ голосъ и, принимая за крикъ мужа о помощи, посылаетъ Лакшманью помочь брату въ опасности. Теперь, когда Сита осталась одна и безъ защиты, Раванья приближается къ ней и, употребивъ сначала понапрасну свое краснорѣчіе, силою уводитъ ее чрезъ воздухъ въ южномъ направленіи. Однако, къ Ситѣ является помощникъ въ лицѣ царя коршуновъ Джатьяюса, который препятствуетъ полету демона, однако, подъ конецъ, получивъ жестокія раны, погибаетъ. Раванья летитъ далѣе, несмотря на сопротивленіе Ситы. Наконецъ, они достигаютъ Ланки, гдѣ Раванья держитъ Ситу въ плѣну въ бесѣдкѣ, подъ охраной женъ ракшасовъ. Всѣ его ласки и угрозы, однако, не производятъ на вѣрную жену Рамы никакого впечатлѣнія.

Между тѣмъ Лакшманья нашелъ Раму и оба возвратились въ хижину, гдѣ не нашли Ситы. Они предпринимаютъ поиски и, наконецъ, находятъ умирающаго царя коршуновъ Джатьяюса, который разсказываетъ имъ происшедше и называетъ имя похитителя Ситы. Поиски продолжаются. Братья встрѣчаютъ обезьяну Ганумана. Эти обезьяны, союзники Рамы въ борьбѣ съ демонами, изображены какъ родъ людей или великановъ въ образѣ обезьянъ. Онѣ говорятъ и дѣйствуютъ по-человѣчьи и лишь изрѣдка обнаруживаютъ свою обезьяную природу. Гануманъ уводитъ братьевъ къ своему господину Сугривѣ, обезьяньему царю, изгнанному своимъ братомъ Валинъ и робко бродящему по горамъ. Заключается торжественный союзъ, при чемъ Сугрива обѣщаетъ Рамѣ помощь въ дѣлѣ овладѣнія Ситой, а Рама въ свою очередь обѣщаетъ Сугривѣ сдѣлать его обезьяньимъ царемъ вмѣсто Валина. Они затѣмъ отправляются къ Кишкиндхѣ, столицѣ Валина. Сугрива вызываетъ своего болѣе сильнаго брата на единоборство и погибъ бы въ этомъ поединкѣ, если бы, наконецъ, Рама не убилъ врага своей мѣткой стрѣлой, пущенной изъ засады. Сугрива становится царемъ, но посвящаетъ сына Валина, Ангаду, въ наслѣдники. По истеченіи 4 мѣсяцевъ, въ концѣ дождливаго времени года, обезьяній царь долженъ выполнить свое обѣщаніе. По погрязши въ похоти, онъ уступаетъ лишь напоминаніямъ и посылаетъ Ганумана съ Ангадой и съ толпою обезьянъ, съ цѣлью выискать убѣжище Раваньи. Напрасно обезьяны обыскали лѣса и ущелья горъ Виндхья (Виндія); наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онѣ достигаютъ морского берега у подошвы этихъ горъ. Назначенный имъ Сугривой срокъ уже прошелъ, а задача все еще не исполнена. Уже пытаются онѣ въ отчаяньи предать себя голодной смерти, какъ вдругъ прилетаетъ исполинскій коршунъ, желая ихъ пожрать; но когда онъ слышитъ среди воплей Ангады имя Джатьяюса, то говоритъ, что онъ братъ его, Сампати, и что, летая въ перегонку къ солнцу, онъ сжегъ себѣ крылья и прожилъ въ этихъ горахъ много тысячъ лѣтъ, при чемъ его кормилъ его сынъ Супарсва. Сампати указываетъ обезьянамъ и на мѣстопребываніе Раваньи, за 100 миль по ту сторону моря. Сынъ его видѣлъ, какъ демонъ летѣлъ съ Ситой къ Ланкѣ. Для обезьянъ является теперь трудная задача перебраться черезъ море, но Гануманъ догадывается, какъ помочь горю: онъ можетъ сдѣлать прыжокъ въ сто миль. Рѣшившись на такой подвигъ, Гануманъ под-

нимается мощнымъ прыжкомъ въ воздухъ чрезъ облака, чрезъ море и, наконецъ, преодолѣвъ множество опасностей и послѣ многихъ приключеній, онъ достигаетъ того берега. Ночью входитъ онъ въ городъ, обыскиваетъ дворецъ Раваньи и находитъ, наконецъ, Ситу въ ея убѣжищѣ, гдѣ демонъ только что напрасно посѣтилъ ее. Гануманъ послѣ этого выдаетъ себя Ситѣ, передаетъ ей перстень Рамы и принимаетъ отъ нея порученія къ мужу. Передъ возвращеніемъ онъ, однако, устраиваетъ въ Ланкѣ всевозможныя пакости и долженъ выдержать не одно кровавое столкновеніе съ демонами. Наконецъ онъ перебирается снова черезъ море и возвращается съ своими сутниками къ Рамѣ; послѣдній, радуясь добрымъ вѣстямъ о женѣ, убѣждаетъ Сугриву повести свое войско противъ Раваньи.

Раванья теперь знаетъ, что ему предстоитъ серьезное сраженіе, и совѣтуется съ вельможами, какъ быть. Братъ его Вибхишанья настоятельнно совѣтуетъ отдать Ситу. Тогда всѣ ракшаны приходятъ въ неистовую ярость и угрожаютъ совѣтчику смертью. Вибхишанья летитъ по воздуху на другой морской берегъ, гдѣ уже стояло лагеремъ обезьяне войско. Здѣсь онъ встрѣчается съ Рамой и заключаетъ съ нимъ договоръ, по которому ему послѣ гибели Раваньи должно быть опезпечено господство надъ Ланкой. Но какъ начать войну съ Раваньей, какъ переправить огромное войско черезъ обширное море въ Ланку? Рама пытается подѣйствовать на владыку моря Сагару при помощи средства, еще и теперь съ успѣхомъ примѣняемаго браминами, настаивающими на своемъ требованіи: они грозятъ заморить себя голодомъ передъ домомъ лица, которому предъявляютъ требованіе. Но когда это средство не дало никакого результата, Рама надѣлъ оружіе Брамы, посредствомъ котораго онъ могъ бы уничтожить весь міръ. Тогда является Сагара и указываетъ ему на обезьяну Наля, способную провести мостъ до Ланки, въ качествѣ сына божественнаго архитектора Висмакармана: всѣ вообще обезьяньи цари и князья— сыновья отъ брака боговъ съ нимфами, такъ, напр., Валинъ сынъ Индры, Сугрива сынъ Сурьи (солнечнаго бога), Ганумань сынъ Маруты (бога вѣтра). Обезьяны стаскиваютъ скалы и горы со всѣхъ частей Индіи и въ нѣсколько дней сооружаютъ мостъ или плотину до Ланки.

По народнымъ повѣрьямъ, скалистые рифы, идущіе большой дугой отъ материка Индіи до о-ва Цейлона, предста-

вляютъ собою развалины этого моста: стало быть, баснословный о-въ Ланка отожествляется съ Цейлономъ. По этому мосту обезьяны достигаютъ Ланки и вскорѣ начинается между ними и демонами война, ведущаяся при помощи оружія всякаго рода, деревьями, скалми, божественными стрѣлами, при пользованьи чародѣйствомъ и для обмороченья враговъ или съ цѣлью сдѣлать ихъ беззащитными. Здѣсь нѣтъ возможности передать подробности этого фантастическаго описанія. Достаточно замѣтить, что главные герои ракшасовъ погибаютъ. Такъ, Рама убиваетъ брата Раваньи, Кумбхакарнью, грозное чудовище, постоянно спящее, погода, чтобы затѣмъ бодрствовать одинъ день; Лакшманья убиваетъ сына Раваньи Индраджита, нѣкогда побѣдившаго Индру. Наконецъ, самъ Раванья погибаетъ въ жестокомъ поединкѣ отъ руки Рамы, которому Индра далъ свою колесницу съ возницею Матали. Теперь цѣль достигнута. Но Рама боится вновь принять Ситу какъ жену, потому что ея долгое пребываніе въ домѣ Раваньи заставляетъ его подозрѣвать, что жена болѣе его недостойна. Однако, испытаніе огнемъ, при которомъ появляются сами боги, доказываетъ всѣмъ сомнѣвающимся ея чистоту. Тогда только Рама со своими направляется въ обратный путь на чудесной, летающей по воздухѣ колесницѣ пушпака, уносящей ихъ всѣхъ въ Айодхью. Здѣсь Бхарата передаетъ брату власть и Рама посвящается въ цари; онъ отпускаетъ Вибхишанью и обезьянъ и подъ его властью, повидимому, наступаетъ вновь золотой вѣкъ.

Здѣсь оканчивается древняя поэма. Позднѣйшее, присоединенное къ ней продолженіе повѣствуетъ много чудеснаго о позднѣйшихъ годахъ жизни Рамы. Ему все еще предстоитъ великое страданіе. Народъ не вѣритъ въ чистоту Ситы. Голосу его повинуется Рама и отвергаетъ жену, которая, живя у ясновидца Вальмики, рождаетъ ему двухъ сыновей, Кусу и Лаву. Сыновья эти изучаютъ у Вальмики Рамаяну и поютъ ее однажды передъ Рамой. Это приводитъ къ свиданію между супругами, послѣ чего, однако, мать-земля принимаетъ Ситу въ свои нѣдра. Послѣ продолжительнаго благословеннаго царствованія, Рама, наконецъ, восходитъ вмѣстѣ съ гражданами Айодхьи на небо.

Таково содержаніе Рамаяны. Правда, по поэтическимъ красотамъ, это произведеніе не можетъ быть поставлено наряду съ Одиссеей; но его нравственная чистота и высота идеаловъ добродѣтели, трагизмъ судьбы въ первой части поэмы, удачное изображеніе всего міра чудесъ во второй части — все это наполняетъ насъ справедливымъ изумленіемъ. Для индусовъ, исторія Рамы стала въ безчисленныхъ обработкахъ постоянно новымъ источникомъ поученія, такъ какъ уже замѣченно, что герой поэмы признавался воплощеніемъ Вишну. Обработка Рамаяны, на сѣверно-индійскомъ народномъ языкѣ, принадлежавшія жившему въ XVI столѣтіи нашей эры поэту Тулси Дасъ, до сихъ поръ еще представляетъ наиболѣе читаемую книгу Индустана. У всѣхъ, отъ простолюдина до вельможи, она пользуется уваженіемъ, подобно Библіи, и ея чистое содержаніе оказывало и все еще оказываетъ могущественное вліяніе на нравственность народныхъ массъ.

Другая санскритская поэма, Махабхарата, согласуется съ Рамаяной по языку, стилю, метрикѣ и изложенію; однако, она имѣетъ другого рода характеръ. Рамаяна обладаетъ чрезвычайно цѣльнымъ содержаніемъ; Махабхарату, наоборотъ, можно было бы назвать эпически-дидактической энциклопедіей. Правда, все разнообразное соединенное въ ней содержаніе, поставлено въ болѣе или менѣе искусственную связь съ главнымъ дѣйствіемъ, но разсказъ, посвященный этому послѣднему, занимаетъ едва третью часть всей поэмы. Вставлены многочисленные эпизоды, изъ которыхъ разсказъ оНалѣ (Наля) и Дамаянти, о Сакунталѣ, о Савитри, о змѣяной жертвѣ, передѣлка Рамаяны и др., въ свою очередь, могутъ быть названы маленькими поэмами. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ длинныя дидактическія части, изъ которыхъ Бхагавадгита, божественная пѣснь, по справедливости достигла такой знаменитости. Цѣлая треть Махабхараты чисто дидактична и разсматриваетъ юридическіе, религіозные и иные вопросы, представлявшіе интересъ для высшихъ сословій, къ которымъ и обращалась поэма. Но, не смотря на разнообразіе содержанія, цѣльный характеръ Махабхараты не допускаетъ сомнѣнія. Очевидно, составитель не удовольствовался простымъ собираніемъ и склеиваніемъ: онъ также передѣлывалъ и притомъ нѣкоторыя части болѣе другихъ. Поэтомъ, обработавшимъ это исполинское сочиненіе, преданіе считаетъ Вьясу, миѳическую личность, играющую въ главномъ изъ сказаній Махабхараты также значительную роль и стоящую въ тѣсномъ соотношеніи къ герою поэмы. Этому Вьясѣ также приписывается редакція Ведъ, и Махабхарата поэтому охотно называется также пятою Ведой. Во всякомъ случаѣ эта поэма оказала

величайшее вліяніе на послѣдующую эпоху, искавшую въ ней не только отдыха и наслажденія, но также поученія о разнообразнѣйшихъ вопросахъ. Относительно времени сочиненія этой поэмы мы должны, какъ и для всѣхъ древнѣйшихъ произведеній индійской литературы, довольствоваться приблизительной оцѣнкой. Поэма эта во всякомъ случаѣ моложе Рамаяны, но древнѣе, нежели распространеніе буддизма. Мы не слишкомъ промахнемся, если отнесемъ ея происхожденіе къ V или VI до-христіанскому вѣку: такъ какъ въ этой поэмѣ мы имѣемъ сказаніе, относящееся къ Западной Индіи къ великой истребительной борьбѣ, происходившей между *куруитами* и *пандуитами* на равнинѣ Куру (объ этомъ см. далѣе), то возможно, что поэма возникла именно тамъ, въ Западной Индіи, тогда какъ происхожденіе Рамаяны мы должны были отнести къ восточному Индостану.

Послѣ сказаннаго, становится яснымъ, что для насъ невозможно въ поставленныхъ нами предѣлахъ передать содержаніе Махабхараты хотя-бы съ приблизительной полнотой: мы должны поэтому ограничиться приведеніемъ лишь главнаго преданія въ самыхъ общихъ чертахъ. При этомъ мы минуемъ вступительное повѣствованіе о „лунномъ родѣ", къ которому, между прочимъ, принадлежали цари Бхарата и Куру. Отъ перваго получило названіе племя бхаратовъ, отъ второго племя куруитовъ; это то племя, къ которому принадлежали главные герои Махабхараты, отъ этого племени произошелъ и Сантану, царь Хастинапура (теперь Дельхи или Дели). Онъ имѣлъ отъ Ганги сына Бхишму, но позднѣе взялъ другую жену Сатьявати, родившую чудеснымъ образомъ, отъ Парасара, сына, воображаемаго пѣвца Махабхараты. Бхишма, приведшій отцу эту жену, отказался въ пользу ея потомковъ отъ престола и отъ брака. Сатьявати имѣла отъ Сантару двухъ сыновей, Читраитраду и Вичитравирью. Первый умираетъ въ ранней молодости, второй женится на сестрахъ, Амбикѣ и Амбаликѣ, но умираетъ бездѣтнымъ отъ грудной болѣзни [1]). Обѣимъ женамъ, по повелѣнію Сатьявати, ея престарѣлый сынъ Вьяса производитъ потомство: слѣпого Дхритараштру и Паньдю. Но когда ясновидецъ въ третій разъ вздумалъ посѣтить одну изъ царицъ, та подсунула ему служанку, съ которой онъ произвелъ Видуру. Дхритараштра, принявшій бразды правленія, женился на Гандхари, дочери царя Субаля и

[1]) Въ нѣмецк. подлинникѣ сказано отъ «чахотки».

имѣлъ отъ нея сто сыновей и одну дочь. Старшій изъ сыновей, Дурьедхана, главный герой противной партіи: онъ и его братъ Духсасана куютъ всѣ интриги. У Паньдю было двѣ жены, Кунта и Мадри; ихъ сыновья, пандуиты, называются Юдхиштьхира, Бхима и Арджуна и близнецы Накуля и Сахадева. Ихъ ссора съ сыновьями Дхритараштры, куруитами, и образуетъ главную суть Махабхараты. Чрезъ свою мать Кунти, пандуиты ближе къ одной боковой линіи ея рода: она именно была сестрой Васудевы; ея отецъ Сура далъ ее Кунтибходжѣ въ пріемныя дочери. Чудеснымъ образомъ рождаетъ она отъ солнечнаго бога мальчика Карню, явившагося на свѣтъ въ золотой бронѣ и въ серьгахъ. Мать подкидываетъ Карню, котораго воспитываетъ одинъ возница. Ея мать Кунти становится вновь дѣвой и избираетъ себѣ въ мужья Паньдю. Сынъ ея брата Кришна (собственно Кришня) владыка Ядавы и въ тоже время богъ, такъ какъ въ немъ воплотился Вишну. Но Паньдю, жившій въ лѣсу съ обѣим и своими женами, не могъ произвесть дѣтей, такъ какъ на немъ тяготѣетъ проклятіе: онъ долженъ умереть, какъ только обнимаетъ женщину. Поэтому, по его желанію, обѣ жены призываютъ боговъ, отъ которыхъ имѣютъ сыновей. Кунти рождаетъ отъ Дхармы, бога справедливости, справедливаго Юдхиштьхиру, отъ Ваю—сильнаго Бхиму, отъ Индры—славнаго и мужественнаго Арджуну; Мадри рождаетъ отъ Асвиновъ Накулю и Сахадеву. Однако, Паньдю не избѣгаетъ своей участи. Онъ умираетъ въ объятіяхъ Мадри, которая затѣмъ сожигаетъ себя вмѣстѣ съ трупомъ мужа. Затѣмъ Кунти, со своими дѣтьми, пандуитами, отправляется въ городъ, чтобы воспитывать ихъ вмѣстѣ съ племянниками, куруитами... Мы не безъ умысла привели здѣсь эту, скучную для современнаго читателя, завязку. Какая невообразимая путаница семейныхъ отношеній! Очевидно, поэтъ рисуетъ жизнь правящаго дома одного изъ клановъ, какихъ въ дѣйствительности могли быть сотни. Нѣсколько поколѣній живутъ вмѣстѣ; изъ старѣйшихъ мы видимъ: стараго Бхишму, героя, несмотря на его лѣта, и пріемнаго сына его отца, Крипу, воина браминскаго происхожденія. Къ слѣдующему поколѣнію относятся слабый слѣпой царь Дхритараштра и его неравный по рожденію братъ, мудрый Видура; далѣе, царица, жена слѣпца Гандхари, и Кунти, вдова Паньдю. Третье поколѣніе состоитъ изъ ста куруитовъ и пандуитовъ, а ихъ дѣти образуютъ вскорѣ четвертое поколѣніе. Сюда присоединяются свойственники,

шурины и проч. и еще совѣтники и наперсники. Глава всей этой семьи слѣпъ и неспособенъ, такъ что каждый изъ членовъ пытается поставить во главѣ свой собственный совѣтъ и вліяніе. Не обходится безъ столкновеній; основаніемъ ихъ служитъ взаимная ревность двоюродныхъ братьевъ, которыхъ въ совокупности воспитываетъ браминъ Дроня, „обучая ихъ ремеслу оружейниковъ“. На публичномъ испытаніи всѣ они выказываютъ свое искусство, но всѣхъ превосходитъ Арджуна. Во время состязанія вдругъ выступаетъ юноша и повторяетъ всѣ дѣла Арджуны. Это Карня, котораго куруиты тотчасъ переманиваютъ къ себѣ, тогда какъ Бхима насмѣхается надъ нимъ, какъ надъ сыномъ возницы. Однако, Дурьедхана провозглашаетъ Карню царемъ Ангасовъ. Распря началась и не прекращается болѣе. Такъ какъ народъ хочетъ посадить на престолъ Юдхиштьхиру, то слѣпого царя удается уговорить прогнать пандуитовъ. Отъ коварнаго замысла куруитовъ, пытавшихся сжечь изгнанниковъ въ просмоленой хижинѣ, эти послѣдніе незамѣтно спасаются своевременнымъ побѣгомъ. Они блуждаютъ съ матерью въ лѣсу, испытывая различныя приключенія. Бхима убиваетъ въ жестокой борьбѣ великана-людоѣда Хидимбу, но женится на влюбленной въ него сестрѣ этого великана, одноименной съ убитымъ, и живетъ съ ней, пока она не родитъ ему сына, великана Гхатьеткачу. Позднѣе онъ убиваетъ другого великана, Баку, ежедневно пожиравшаго по одному человѣку; порабощенное населеніе должно было посылать ему эту страшную дань. Не смотря на то, пандуиты не открываютъ своихъ именъ. Не узнанные, они выступаютъ на одномъ состязаніи, устроенномъ Друпадой, царемъ Панчаловъ. Дочь этого царя, по имени Драупади, чудеснымъ образомъ спасшаяся со своимъ братомъ Дхриштядюмна отъ жертвеннаго огня, должна выйти замужъ за того, кто натянетъ знаменитый лукъ. Явилось много жениховъ, куруиты и многіе другіе знаменитые цари; никто не натянулъ лука, только Карня натягиваетъ. Но Драупади громко восклицаетъ: не хочу быть женой возницы! Тогда выходитъ Арджуна, также натягиваетъ лукъ и попадаетъ въ цѣль. Царевна вѣнчаетъ побѣдителя, но остальные женихи не хотятъ отдать ему невѣсты. Между ними и пандуитами, которыхъ успѣли узнать, завязывается кровавый бой. Пандуиты остаются побѣдителями и удаляются съ невѣстой, которая, по завѣту Кунти, становится общей женой ея пяти сыновей. Это черта, необъяснимая уже для самого поэта:

вѣроятно, она восходитъ къ временамъ дикости, такъ какъ поліандрія была въ браминской Индіи рѣшительно наказуема [1]). Было постановлено, что если одинъ изъ братьевъ явится, когда Драупади находится наединѣ съ другимъ, то первый долженъ отправиться на 12 лѣтъ въ изгнаніе. Эта судьба постигаетъ Арджуну, что даетъ поэту поводъ сообщить о разнообразныхъ приключеніяхъ своего любимаго героя. Упомянемъ только, что онъ къ концу изгнанія, посѣтивъ однажды Кришну, похищаетъ его сестру Субхадру съ согласія брата. Съ ней Арджуна имѣетъ сына Абхиманью, позднѣйшаго героя большого сраженія.

Пандуиты между тѣмъ основали на берегу Ямуны городъ Кханьдяваправстха, сдѣлавъ его центромъ могущественнаго царства. Между ними и ихъ двоюродными братьями въ Хастинапурѣ снова возникли сносныя отношенія. Но когда однажды куруиты, приглашенные на праздникъ, узнали могущество пандуитовъ и роскошь ихъ дворцовъ, то вновь вспылала прежняя зависть въ груди Дурьедханы. Напрасно пытались старѣйшие укротить его: онъ замышляетъ погубить двоюродныхъ. Съ этой цѣлью онъ приглашаетъ ихъ въ свою столицу. Въ то время какъ всѣ вельможи царства и члены царскаго семейства собираются въ праздничномъ залѣ, Дурьедхана вызываетъ Юдхиштьхиру играть съ нимъ въ кости и, не смотря на противорѣчіе старѣйшихъ, тотъ принимаетъ вызовъ. Знатокъ игры, Сакуни, дядя Дурьедханы по матери, бросаетъ для него кости и племянникъ постоянно выигрываетъ шулерскими пріемами. Юдхиштьхира проигрываетъ всѣ ставки, всѣ свои сокровища, царство, братьевъ, наконецъ, самого себя. Ему дозволяютъ бросить еще разъ. Онъ ставитъ на ставку свою Драупади и проигрываетъ также ее. Но Драупади отказывается явиться въ залъ; она говоритъ, что Юдхиштьхира утратилъ на нее всѣ права, послѣ того, какъ проигралъ собственную свободу. Тогда Дурьедхана посылаетъ своего брата Духсасану, который тащитъ непокорную за волосы въ собраніе князей, гдѣ Карня насмѣхается надъ ней, какъ надъ рабыней и желаетъ отдать ее Дурьедханѣ въ наложницы, а этотъ послѣдній обнажается передъ ней. Тутъ вскипѣла долго скрывавшаяся ярость Бхимы, и происходитъ сцена—величественно-дикая и страстная, такъ что ничего

[1]) Возможно, что намекомъ эту черту является изображеніе многоголовыхъ божествъ мужского пола рядомъ съ женщиной—женой многоголоваго существа; таково изображеніе Брамы съ Сарасвати. *Перев.*

подобнаго не знаетъ никакая иная литература. Но еще разъ разсудительность старѣйшихъ одерживаетъ верхъ. Слѣпой царь Дхритараштра позволяетъ Драупади сказать одну просьбу; она выбираетъ свободу своихъ мужей. Такимъ образомъ пандуиты свободны; но они должны 13 лѣтъ пробыть въ изгнаніи и послѣдній годъ оставаться никому неизвѣстными.

Начинаются скитанья. Изгнанники бродятъ по разнымъ священнымъ мѣстамъ, особенно по Гималаямъ и по баснословнымъ горамъ Гандхамадана къ сѣверу отъ Гималаевъ. Они являются въ скиты знаменитыхъ отшельниковъ, которые увѣщеваютъ и утѣшаютъ ихъ, разсказывая при этомъ древнія сказанія, что даетъ поэту поводъ къ длиннымъ эпизодамъ. Но имъ приходится также испытать разнаго рода приключенія. Такъ напр. Арджуна борется съ богомъ Сивой, переодѣтымъ въ вождя дикихъ горцевъ, и получаетъ отъ него чудесное оружіе; затѣмъ онъ посѣщаетъ Индру на его небѣ и пребываетъ тамъ много лѣтъ. Драупади также угрожаютъ разныя опасности. Яядратха, царь Синдху, увидѣвъ ее, похищаетъ, но вскорѣ самъ попадаетъ въ плѣнъ и отпускается послѣ униженій. Наконецъ, наступаетъ послѣдній годъ изгнанія; теперь наши герои должны остаться неизвѣстными. Переодѣвшись разнымъ образомъ, они нанимаются къ Виратьѣ, царю Матсьевъ. Ихъ пребываніе при дворѣ Виратьи не безопасно. Могущественный полководецъ Кичака преслѣдуетъ Драупади своимъ ухаживаньемъ. Она увлекаетъ его въ одну комнату на свиданіе, гдѣ вмѣсто нея въ постели лежитъ Бхима, который невзначай убиваетъ Кичаку. По смерти грознаго полководца, сосѣди царя Виратьи считаютъ его беззащитнымъ. Съ сѣвера идетъ царь Тригартовъ въ его царство и, взявъ въ плѣнъ Виратью, увелъ бы его, еслибы не явились Юдхиштьхира, Бхима и младшіе братья, которые побиваютъ враговъ. Съ юга нападаетъ на неприкрытую войскомъ страну Дурьедхана. Но въ лицѣ Арджуны, до сихъ поръ переодѣтаго въ „евнуха женскаго пола", а теперь правящаго боевой колесницей князя Уттары, куруиты встрѣчаютъ соперника, который гонитъ ихъ толпами, такъ что они рады, когда унесли ноги въ свою столицу.

Такимъ образомъ прошло 13 лѣтъ изгнанія и пандуиты могутъ раскрыть свое инкогнито. Они вступаютъ въ союзъ съ Виратьей и призываютъ своихъ друзей и вассаловъ, прежде всего—своего близкаго союзника Панчалу, затѣмъ царя Друпаду и его сына Дхриштядюмну и составляютъ

совѣтъ. Является также Кришна, играющій съ этихъ поръ выдающуюся роль, какъ совѣтникъ пандуитовъ и другъ Арджуны. Вѣстники снуютъ взадъ и впередъ между пандуитами и куруитами; но послѣдніе не хотятъ идти ни на какія сдѣлки. Война становится неизбѣжной и съ обѣихъ сторонъ притягиваютъ необозримыя силы для генеральнаго сраженія. Бой долженъ произойти на равнинѣ Куру. Вскорѣ оба войска располагаются одно противъ другого и начинается истребительная война между враждующими родственниками. Кромѣ Дурьедханы, его братьевъ и Карни, настроены дружественно вожди куруитовъ, Бхишма и Крипа,—т. е. оба старѣйшихъ, Дроня, оружейный мастеръ и Салья, князь Мадровъ; но вѣрность повелѣваетъ имъ оставаться въ лагерѣ куруитовъ и, повинуясь воинскому долгу, идти на смерть: всѣ они погибаютъ въ великомъ 18-дневномъ сраженіи. Описаніе событій этого сраженія занимаетъ въ поэмѣ свыше 20000 двустишій и поэтому здѣсь немыслимо передать его. Достаточно указать на загадочный (?) фактъ, состоящій въ томъ, что названные герои куруитовъ погибаютъ не отъ перевѣса силы противниковъ, но отъ ихъ коварства: всѣ эти козни сочиняетъ и отстаиваетъ Кришна, божественный возница Арджуны. Поэтому, для новѣйшаго читателя, симпатія къ герою сказанія здѣсь испытываетъ сильный ущербъ, хотя поэтъ защищаетъ героя всѣми силами. Наконецъ и Дурьедхана погибаетъ въ нечестномъ бою: послѣ того, какъ всѣ его войска были разбиты, онъ спрятался въ болотѣ. Его нашли и онъ принимаетъ вызовъ Бхимы драться съ нимъ на поединкѣ дубинами. Было правиломъ боя, чтобы ни одинъ изъ противниковъ не наносилъ удара ниже груди противника; но когда Бхима почувствовалъ, что ему не справиться съ соперникомъ, онъ ударилъ его дубиной въ бедро и сломалъ ему кость. Наконецъ, послѣ 18-дневнаго боя, пандуиты побѣдили. Они заняли лагерь куруитовъ, оставивъ въ своемъ лагерѣ сыновей, друзей и союзниковъ.

Однако, еще оставалось трое героевъ-куруитовъ: Асваттхаманъ, Крипа и Критаварманъ. Они нашли умирающаго Дурьедхану и поклялись отмстить за него. Ночью они прокрадываются въ лагерь пандуитовъ и убиваютъ всѣхъ, кого только могутъ найти. Затѣмъ они сообщаютъ испускающему духъ Дурьедханѣ о своемъ подвигѣ и убѣгаютъ. Такъ погибли всѣ герои: лишь пятеро сыновей Паньдю, занявшіе лагерь куруитовъ, ускользнули отъ ночного нападенія. Они позднѣе примиряются съ главою куруитовъ, слѣпымъ Дхри-

тараштрой, у котораго всѣ сыновья пали въ сраженіи, и Юдхиштхира принимаетъ бразды правленія.

Какъ всюду, такъ и здѣсь эпосъ не останавливается на развязкѣ и разсказъ о судьбѣ героевъ, повидимому, закончившійся ихъ смертью, продолжается взятіемъ ихъ на небо Индры. Но мы здѣсь прервемъ наше повѣствованіе: читатель, быть можетъ, и безъ того найдетъ, что разсказъ былъ слишкомъ длиненъ и, пожалуй, задастся вопросомъ: принадлежитъ-ли такой разсказъ къ исторіи культуры? Я полагаю, однако, что здѣсь невозможно было обойти индійскій эпосъ. Дѣйствительно, онъ представляетъ намъ, какъ въ зеркалѣ, картину давно прошедшихъ временъ, отъ которыхъ мы имѣли бы безъ такого разсказа лишь отрывочныя свѣдѣнія. Сверхъ того, Рамаяна и Махабхарата будутъ занимать выдающееся мѣсто во всемірной литературѣ, до тѣхъ поръ, пока еще останется свѣжимъ интересъ къ поэтическимъ произведеніямъ чужихъ народовъ и отдаленныхъ временъ.

Въ концѣ этого отдѣла необходимо подчеркнуть, что въ Махабхаратѣ мы впервые встрѣчаемъ въ законченномъ видѣ новую форму религіи. Это та религія, которую индусы называютъ преданностью или любовью (бхактимарга); это третій элементъ, присоединяющійся къ указаннымъ выше путямъ добрыхъ дѣлъ и познанія. Существеннымъ въ этомъ новомъ пути къ спасенію является то, что люди всецѣло предаются одному божеству, которое затѣмъ ставятъ выше всѣхъ другихъ, ожидая отъ него всяческаго спасенія. Въ Махабхаратѣ это положеніе занимаетъ Кришна; хотя князь и родственникъ пандуитовъ, онъ представляетъ воплощеніе Вишну (Нараяна). Такимъ образомъ была найдена форма религіи, содѣйствовавшая распространенію въ массахъ населенія болѣе чистыхъ представленій о божественномъ началѣ; здѣсь явилось хотя нѣкоторое ограниченіе прежней вѣры въ духовъ и въ волшебство. Насколько это содѣйствовало религіозной потребности образованныхъ людей, показываетъ результатъ. Наибольшая часть религіозныхъ сектъ (исключая буддизма и джинизма) вступили на этотъ „спасительный путь любви“. Въ этомъ всѣ согласны, хотя объектъ поклоненія, Сива или Вишну, или одно изъ различныхъ воплощеній послѣдняго, измѣнялся и философское обоснованіе ученія не всегда было одинаково. Буддизмъ, о которомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, также не избѣжалъ вліянія новаго пути

спасенія. Дѣйствительно, хотя буддистскій монашескій орденъ исходилъ изъ совсѣмъ иныхъ идей и былъ проникнутъ другими началами, во всякомъ случаѣ община мірянъ-буддистовъ искала предмета поклоненія, могущаго удовлетворить ея сердечному влеченію; и она нашла этотъ предметъ въ лицѣ Будды (собственно Буддха) и его воображаемыхъ предшественниковъ.

Царства мидянъ и персовъ.

Составилъ приватъ-доцентъ Павелъ Горнъ.

Исторія и культура.

Иранское плоскогорье, арена своеобразной культуры, ограничивается съ запада мощною системою складчатыхъ горныхъ образованій, идущихъ террасами параллельно берегу Персидскаго залива съ ю.-з. на с.-в.

На сѣверо-западѣ это плато переходитъ въ армянско-малоазіатское плоскогорье; его горы примыкаютъ къ юго-западнымъ цѣпямъ, непосредственно къ югу отъ Каспійскаго моря, гдѣ еще присоединяются дальнѣйшія складчатыя горообразованія до самаго Гиндукуша. Восточный край образуютъ горныя цѣпи, идущія съ сѣвера къ югу, ограждающія Индійскую низменность; на югѣ границу составляетъ Индійскій океанъ и Персидскій заливъ, оба окаймляемые крутыми гористыми берегами. Протяженіе этой рѣзко ограниченной области съ востока на югъ составляетъ 2500 километровъ, а съ сѣвера на югъ 1100 километровъ; внутренняя поверхность составляетъ свыше $2^1/_2$ милліоновъ квадратныхъ километровъ. Въ центрѣ эту поверхность пересѣкаетъ мощная солончаковая степь, проходящая почти въ томъ же направленіи, какъ и горы, и раздѣляющая страну на двѣ половины. Небогатыя водою рѣки, посылаемыя горными долинами, большею частью усыхаютъ внутри страны; лишь немногія достигаютъ моря.

Очень часто, въ теченіе долгаго времени, Иранъ распространялъ сферу своего могущества за свои естественные географическіе предѣлы. Такъ, помимо мощнаго распространенія царства Ахеменидовъ, до самаго арабскаго завоеванія, границы Ирана постоянно переходили за предѣлы Месопо-

таміи, гдѣ находились даже столицы— Вавилонъ и Ктезифонъ. Да и позднѣе, городъ халифовъ, Багдадъ, снова попалъ подъ власть Персіи, пока не сталъ въ 1534 году турецкимъ владѣніемъ, какимъ остался до-сихъ-поръ, исключая непродолжительнаго времени обратнаго завоеванія (1623—1638). Точно также Басра при Керимъ-ханѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до 1779 года снова была на короткое время подъ персидскимъ владычествомъ. Сильныя потери внутри Иранскаго плоскогорья потерпѣла нынѣшняя Персія на востокѣ, гдѣ она утратила Кандагаръ, Кабулъ (послѣдній, правда, лишь на короткое время принадлежалъ новому персидскому царству) и Гератъ, однимъ словомъ весь нынѣшній юго-западный Афганистанъ, окончательно утерянный Персіей со времени усиленія афганцевъ послѣ смерти Надиръшаха. Нѣсколько позднѣе (1787) Персія утратила также Мервъ. Ея вліяніе въ Белуджистанѣ всегда было лишь очень слабымъ: съ 1747 года это персидское вассальное государство стало самостоятельнымъ. Такимъ образомъ, нынѣшняя Персія ограничена западной половиной Иранскаго плоскогорья; однако она обладаетъ также на востокѣ естественной границей въ видѣ пограничныхъ горъ.

Древнѣйшее населеніе, встрѣчаемое нами въ выше очерченной области, до извѣстной степени ускользаетъ отъ этнографическаго опредѣленія. Мы принимаемъ здѣсь во вниманіе лишь его арійскія составныя части. Имя аріевъ, первоначально данное индусамъ и иранцамъ, когда тѣ и другіе образовали еще единый, нераздѣльный народъ, это имя персы присвоили затѣмъ себѣ однимъ и оно осталось за ними до настоящаго времени. Они называютъ свое царство Ираномъ (болѣе древняя форма — Эранъ), самихъ себя Ираніянъ (иранцами), тогда какъ Парсъ, иначе Фарсъ, что соотвѣтствуетъ нашему слову Персія, обозначаетъ собственно лишь одну область, древнюю Персиду; парсами-же называютъ новѣйшихъ приверженцевъ религіи Зороастра, наиболѣе чистыхъ представителей древнихъ иранцевъ, избѣжавшихъ всякаго смѣшенія съ иновѣрцами.

Въ западномъ Иранѣ уже въ ассирійскую эпоху находились иранскіе мидяне (амадаи, мадаи ассирійскихъ надписей, мадаи клинообразныхъ письменъ); нѣкоторые изъ нихъ были еще въ 836 году до Р. Х. покорены Салманассаромъ. Такъ называемое ассирійское господство, быть можетъ, распространялось позднѣе случайнымъ образомъ до области ве-

ликой солончаковой пустыни на разныя мидійскія племена, но его можно было удержать, да и то чисто номинально, лишь посредствомъ постоянно повторяющихся крестовыхъ походовъ. Быть можетъ, мы сами въ этомъ случаѣ черезчуръ довѣряемся хвастливымъ ассирійскимъ надписямъ. Позднѣе, на югѣ, являются другіе иранцы—персы (Pârsai древне-персидскихъ клинообразныхъ письменъ). Общеевропейское названіе персіянъ или персовъ заимствовано отъ іонійскихъ грековъ, замѣнившихъ звукъ â звукомъ η, а позднѣе ε. Персы также распадались на различныя пастушескія и земледѣльческія племена. Какъ кочевники, упоминаются въ особенности персидскія племена сагартовъ (древнеперсидское Asagartija), вѣроятно, тожественныхъ съ зигиртами, отраженными Саргономъ въ 722—705 до Р. Х.; далѣе, саттагиды (древнеперс. Θатагусъ), которыхъ Дарій причисляетъ къ своимъ подданнымъ. У Каспійскаго моря находились не-мидійскія племена: амарды (Амулъ), тапуры (Табаристанъ), гелы (Гилянь), гирканцы (древнеперс. вркана, новоперс. гурганъ) и мн. др., точно такъ же, какъ внутри страны рядъ племенъ неизвѣстнаго происхожденія. Въ Хузистанѣ, носившемъ это имя (Хувдса) уже въ надписяхъ Ахеменидовъ, древнѣйшее населеніе—не-иранское. *Парсуа* ассирійскихъ надписей были, замѣтимъ кстати, не-арійскимъ горнымъ племенемъ въ зап. Мидіи, точно такъ же, какъ Эллипи, Намри и др. Отдѣльныя иранскія собственныя имена, какъ, напр., Багдатти у умильдовъ и Испрабара у эллипи, не въ состояніи доказать арійскаго происхожденія этихъ народцевъ. Обращаясь теперь къ восточному Ирану, мы находимъ здѣсь на самомъ крайнемъ сѣверовостокѣ, уже внѣ нашего горнаго плато, *согдовъ* (древнеперс. сугуда) и *бактровъ* (древнеперс. бахтри, теперь балхъ), къ которымъ на западѣ примыкаютъ жители оазисовъ въ Хорасміи (древнеперс. Хуваразми, въ Авестѣ Хваириземъ, теперь Хварезмъ) и Маргіанѣ (древнеперс. Маргу, теперь Мервъ), а внутри указанной области находятся еще пароянe (древнеперс. пароава). Въ серединѣ у Герируда находятся ари (не смѣшивать съ арійцами, такъ какъ въ ихъ имени звукъ і краткій) — это древнеперсидскіе Гараива (новоперс. и арабск. Гератъ), а у Гамунскаго озера заранги (древнеперс. заранка, греческ. xarangai); на востокъ отъ нихъ *арахозы* (древнеперс. Harahuvati или *пакты* (теперь пахтунъ или пуштунъ, афганцы); южный берегъ занимаютъ кочевые *гедрозиы*. Такъ называемая „таблица народовъ" въ Авестѣ

позднѣйшаго происхожденія: въ ней перемѣшаны миѳическія и историческія страны и на нее не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на историческій памятникъ.

На сѣверѣ, въ большой киргизско-туркменской степи хозяйничали иранскіе кочевники, которымъ древніе персы придавали общее названіе саковъ (Saka), а греки — скиѳовъ. Но также и къ западу отъ Урала, быть можетъ до самой Ѳракіи, кочевали тѣ же номады; здѣсь они раньше выступили въ исторіи, чѣмъ на востокѣ. Такъ, къ исторической эпохѣ принадлежитъ уже упомянутое вторженіе зигирту (сагартовъ); примѣрно спустя одно поколѣніе, ворвались въ Азію черезъ Кавказъ толпы киммерійцевъ (вѣроятно, *кимвровъ. Перев.*) и паденіе Ассирійскаго царства было затѣмъ подготовлено съ востока новымъ вторженіемъ саковъ. Цари изъ Ахеменидовъ позднѣе, съ своей стороны, предпринимали достопамятные походы въ область родственныхъ персамъ степныхъ народовъ, отплачивая за ихъ нападенія — Киръ на востокѣ, Дарій на западѣ, да и всѣ послѣдующія персидскія династіи вынуждены были считаться съ подобными ордами. Уже древнѣйшія сказанія полны противоположностей между осѣдлыми и кочевыми арійцами. Наслѣдственная вражда царитъ между *тура* (туранцами), *дану*, *дага* (Dâha)—въ Ведахъ соотвѣтственное индійское слово dâsa обозначаетъ даже вообще врага; и все это названія, обозначающія воинственныя разбойничьи племена,—и земледѣльческими осѣдлыми арійцами. У древнихъ встрѣчается еще не мало другихъ именъ, но только имена туранцевъ и саковъ (въ Систанѣ, раньше Сигистанъ) сохранились до нашего времени.

Когда и какимъ образомъ впервые поселились въ своихъ областяхъ эти иранскія племена? Едва ли вопросъ этотъ будетъ когда-либо рѣшенъ удовлетворительно. Эта эпоха черезчуръ далека отъ всякихъ историческихъ свидѣтельствъ. Упомянутые раньше, точно опредѣлимые по времени вторженія номадовъ доставляютъ намъ, однако, цѣнныя указанія на то, что слѣдуетъ думать о доисторическихъ вторженіяхъ иранцевъ. Нѣкогда иранцы образовали вмѣстѣ съ индусами вѣтвь великой индо-европейской семьи народовъ; ея первичное мѣстопребываніе искали раньше въ Азіи, но теперь готовы искать также и въ Европѣ. Въ историческую эпоху иранцы, какъ и индусы, уже раздѣлились на многочисленныя отдѣльныя народности, весьма различной культуры. Очень вѣроятно, что восточная половина Ирана была

раньше занята иранцами, нежели западная; въ первой находится главное мѣсто дѣйствія древнѣйшихъ иранскихъ сказаній, во второй протекаетъ древнѣйшій настоящій историческій періодъ иранскихъ племенъ.

Такъ какъ нынѣшній персъ въ сущности живетъ еще на той самой землѣ, гдѣ его предки впервые выступили на арену всемірной исторіи, то не придется особенно удивляться тому обстоятельству, что у эпигоновъ мы находимъ, сохранившійся въ основныхъ чертахъ, образъ ихъ предковъ. Даже такой рѣзкій переворотъ, какова замѣна исконной туземной религіи, *маздаизма*, исламомъ, не повлекъ за собою существенныхъ перемѣнъ; не болѣе повліяли чудовищныя смѣшенія крови, испытанныя иранской расой въ теченіе вѣковъ на своей родной землѣ. Истинная персидская самобытность пережила все это. Персидская культура всегда значительно превосходила завоевателей въ умственномъ отношеніи и поэтому вскорѣ подчиняла себѣ своихъ господъ косвеннымъ путемъ. Древнѣйшую характеристику народнаго характера персовъ мы встрѣчаемъ у Геродота (I, 136); здѣсь мы находимъ прелестное по наивности сообщеніе, что молодыхъ персовъ отъ 5 до 20-лѣтняго возраста, ничему не учатъ, кромѣ верховой ѣзды, стрѣльбы изъ лука и еще... говорить правду. Въ верховой ѣздѣ и въ стрѣльбѣ персы, дѣйствительно, всегда отличались, но относительно правдивости ушли недалеко. У перса въ крови склонность къ вранью и хвастовству; по словамъ одного превосходнаго знатока Востока, персъ слишкомъ уменъ, чтобы говорить голую, не прикрашенную правду. Царедворецъ Прексаспъ, котораго призываетъ Камбизъ, чтобы, по капризу деспота, застрѣлить въ его присутствіи его сына, восклицаетъ: „Богъ не стрѣляетъ лучше!“ искусно таитъ мщеніе, составляетъ заговоръ и, наконецъ, низвергаетъ царя: вотъ типъ настоящаго перса! То же самое утверждаетъ шейхъ Саади въ необычайно характерномъ изреченіи:

Злой тиранъ осѣ подобенъ:
Всѣхъ онъ жалитъ, вѣчно злобенъ.
Подожди счастливыхъ дней
И лежачаго добей.

Привычка къ произволу, испытываемому ежедневно на своей шкурѣ, знаніе того, что каждую минуту онъ можетъ быть поднятъ изъ праха до величайшихъ почестей или, обратно, повергнутъ въ глубочайшее униженіе — все это

заставляетъ перса считать вполнѣ естественнымъ тотъ фактъ, что и величайшіе его правители, выйдя изъ самаго низкаго состоянія, возвысились хитростью и насиліемъ. Поэтому сказанія о возвышеніи Кира у Ктезія и Ардешира въ персидскомъ романѣ звучатъ чисто по-ирански, изображая намъ судьбы основателей династій Ахеменидовъ и Сассанидовъ. Черта рыцарства, поэтически украшающая личности многихъ выдающихся персовъ въ сказаніяхъ и въ исторіи, дѣлая этихъ героевъ такъ симпатичными для насъ, еще и теперь не вымерла; но также не исчезла утонченная жестокость, обнаруживаемая новѣйшимъ персомъ при медленной казни приговоренныхъ къ смерти: въ этомъ случаѣ персу нечего бояться сравненія со своими предками. Умственная подвижность, ставящая персовъ почти выше всѣхъ народовъ Востока, составляетъ также древнѣйшее наслѣдство этой націи. Персъ легко перенимаетъ чужое, но умѣетъ переработать заимствованное такъ, что въ концѣ концовъ оно снова пріобрѣтаетъ характеръ чего-то вполнѣ оригинальнаго. Персидскій геній совершилъ великое: не одинъ скороспѣлый цвѣтокъ, какъ у многихъ другихъ культурныхъ народовъ древности, выросъ въ нѣдрахъ этого народа; нѣтъ, много разъ онъ поднимался изъ униженнаго состоянія и основывалъ міровыя державы. Но только при успѣхѣ онъ развивался до подлежащей высоты; въ несчастіи ослабѣваетъ его энергія, которой чужда именно стойкость. Отсюда такое частое полное паденіе послѣ величайшаго блеска,—почти всегда непосредственно за нимъ слѣдовавшее.

Легкомысліе, веселость, подкупающая любезность не оставляетъ перса и въ несчастіи и помогаетъ ему переносить съ достоинствомъ превратности судьбы въ твердомъ упованіи на будущія лучшія времена. Наилучшее изображеніе персидскаго характера, какое намъ только приходилось встрѣтить, это „Хаджи-Баба изъ Исфагани“ въ романѣ Морьера [1]).

Это признаютъ даже новѣйшіе персы, принимая романъ Морьера вполнѣ „въ серьезъ“ и относясь къ нему съ ненавистью.

---

[1]) Джемсъ Морьеръ (Morier), англійскій литераторъ и дипломатъ (1780—1849) былъ сначала частнымъ секретаремъ англійскаго посла въ Константинополѣ, лорда Эльджина, затѣмъ сопровождалъ великаго визиря въ Египетъ во время кампаніи и попалъ въ плѣнъ къ французамъ. По освобожденіи, былъ секретаремъ посольства въ Персіи. Изучивъ нравы Востока, онъ написалъ нѣсколько путешествій и романовъ, изъ которыхъ особенно прославился романъ «Приключенія Хаджи-Бабы испаганскаго». Лондонъ, 1824—1828, 4 тома.

Перев.

Къ сожалѣнію, для перваго историческаго царства иранскаго корня, а именно для Индіи, мы страдаемъ полнымъ отсутствіемъ туземныхъ источниковъ. До насъ не дошли ни надписи, ни зданія мидійскаго происхожденія: можетъ быть, однако, сюда относится такъ наз. экбатанскій левъ. Въ Экбатанѣ, мидійской столицѣ (нынѣшнемъ Гамаданѣ), раскопки привели бы, по всей вѣроятности, къ неоцѣнимымъ результатамъ, однако, онѣ уже заранѣе чудовищно затруднены тѣмъ, что развалины древняго города придется искать подъ нынѣшними домами. Съ другой стороны, нѣтъ надежныхъ преданій о положеніи мидійскихъ, а позднѣе ахеменидовскихъ и пароянскихъ дворцовъ, такъ что, вѣроятно, пришлось бы напрасно работать въ теченіе весьма долгаго времени, даже въ томъ случаѣ, если бы удалось добиться отъ персидскаго правительства разрѣшенія производить раскопки. Само собою разумѣется, что ожидать отъ самого правительства особеннаго энтузіазма по поводу возможнаго отысканія культурныхъ останковъ первой націальной династіи было бы довольно трудно, и поэтому намъ еще надолго придется отказаться отъ надежды найти одинъ изъ древнѣйшихъ слѣдовъ индоевропейской культуры.

На-ряду съ ассирійскими надписями, мы особенно обязаны благодарностью *грекамъ* за сообщенныя ими свѣдѣнія о мидянахъ. Относительно царства Ахеменидовъ мы также, помимо клинообразныхъ надписей самихъ царей, вынуждены обращаться лишь къ иноземнымъ источникамъ, правда, здѣсь текущимъ болѣе изобильно, чѣмъ въ предъидущія эпохи, но тѣмъ не менѣе всюду оставляющимъ крупные пробѣлы. Именно тамъ, гдѣ мы уже знаемъ многое, мы охотно узнали бы еще болѣе. Преданія персовъ объ этомъ періодѣ совершенно легендарны. По счастью, греки очень хорошо освѣдомлены о древнеперсидскихъ отношеніяхъ. Никогда не было недостатка при персидскомъ Дворѣ въ посланникахъ, каковы Каллій, Кононъ, Анталкидъ, Пелопидъ, Исменій; въ политическихъ бѣглецахъ, вродѣ Гистіэя милетскаго, Демарата, Ѳемистокла, Алкивіада; въ людяхъ, служившихъ „великому царю" въ роли полководцевъ, художниковъ, ученыхъ, вродѣ Тимоѳея аѳинскаго, Конона, скульптора Телефана фокейскаго, врачей Демокеда и Ктезія; было также не мало гречанокъ въ гаремахъ вельможъ и самого великаго царя; не мало было и авантюристовъ, которые могли прямо или косвенно сообщить о пережитомъ. На первомъ планѣ

находятся въ этомъ отношеніи многочисленныя толпы наемниковъ, бывшія въ персидской службѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что персидскій языкъ признавался греками весьма труднымъ для изученія и, напр., Ѳемистоклу ставилось въ большую заслугу то обстоятельство, что онъ могъ свободно говорить на этомъ языкѣ послѣ всего лишь годичнаго изученія.

Мнѣніе Опперта, по которому ахеменидовскія клинообразныя письмена, такъ наз. второго рода, сообщаютъ намъ *мидійскія* надписи, всѣми отвергнуто; теперь большею частью признаютъ языкъ этихъ письменъ ново-сузскимъ. Родъ негативнаго баланса мидійской культуры, хотя и не весьма значительнаго, можно пріобрѣсть, основываясь на позитивномъ балансѣ культуры древнеперсидской. Греки единодушно сообщаютъ, что персы заимствовали свои государственныя и военныя учрежденія, даже одежду войскъ и вообще всю культуру отъ мидянъ. Судя по этому, культура мидянъ къ концу ихъ царства не могла стоять на очень низкой ступени. Основы ея естественно примыкаютъ прямо къ ассирійско-вавилонскимъ элементамъ; такъ, напр., судя по описаніямъ укрѣпленій экбатанскаго кремля, находящимся у Геродота и Полибія, приходится подозрѣвать вліяніе вавилонскаго поклоненія звѣздамъ. Свѣдѣніе, по которому персы усвоили также религію мидянъ, требуетъ, однако, поправки, такъ какъ персы уже въ то время вѣрили въ Агурамазду (Ормузда).

Трудно повѣрить, чтобы молодой, сильный народъ началъ свое поприще съ оставленія своей религіи [1]).

При Фраортѣ (Фравартисъ) Мидія представляется уже великой державой подъ властью одного царя. Все, что говорятъ греки о доисторическомъ народовластіи мидянъ, хотя это позднѣе утверждалось и персами, имѣетъ легендарный характеръ и поэтому оставлено здѣсь безъ вниманія. Преемникъ Фраорта, Кіаксаръ (Гувахсатара) побѣдилъ затѣмъ ассирійскихъ сараковъ (синсарискунъ), при чемъ вся ассирійская національность была стерта съ лица земли. Власть мидянъ распространилась теперь по Малой Азіи до Галиса и точно также далеко на востокъ; дальній востокъ Ирана, однако, едвали былъ когда-либо подвластенъ мидянамъ. Столкновеніе съ Лидіей закончилось послѣ пятилѣтней войны мирнымъ

[1]) Апріорной трудности здѣсь нѣтъ, и мы видимъ, напр., что многіе европейскіе народы выступили на историческое поприще, главнымъ образомъ, послѣ принятія христіанства. Но самый фактъ заимствованія персами религіи мидянъ подлежитъ сомнѣнію.
Перев.

образомъ вслѣдствіе страха, наведеннаго полнымъ солнечнымъ затменіемъ 28 мая 585 года до Р. Х. на обѣ враждующія стороны. Преемникъ Кіаксара, Астіагъ (вавилонскій Иштувигу) утратилъ свое царство въ пользу Кира, послѣ того, какъ оно просуществовало около 150 лѣтъ. Какъ могущественно оно было, показываетъ то обстоятельство, что имя его было вполнѣ обыденнымъ у грековъ, хотя они никогда не вступали въ прямыя соприкосновенія съ Мидіей. Еще спустя поколѣніе послѣ паденія этого царства, греки, какъ и евреи, называли персовъ большею частью „мидянами"; войны же персовъ противъ мидянъ, за освобожденіе, греки называютъ просто „та Мидика", т. е. мидійскія событія. По Г. Винклеру, судя по вавилонскимъ источникамъ, Астіагъ былъ скиѳомъ и онъ, а не Киръ положилъ конецъ царству Кіаксара своимъ вторженіемъ. Однако, при этой точкѣ зрѣнія многое становится неудобопонятнымъ и вовсе нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ, чтобы умманманды съ ихъ вождемъ Иштумигу были скиѳами.

Персидское царство въ основѣ было совершенно сходно съ мидійскимъ. По причинѣ сосѣдства съ мидянами и эламитянами, персы уже ознакомились съ нѣсколько высшей культурой, что позволило этому необычайно подвижному въ умственномъ отношеніи народу въ теченіе весьма короткаго времени совершенно занять мѣсто мидянъ, какъ руководителей государства. Да и языки обоихъ племенъ были очень близки между собою. Нынѣшній ново-персидскій языкъ приводится, чрезъ посредство средне-персидскаго (пехлеви, т. е. пароянскій), къ древнеперсидскому клинообразныхъ надписей; однако, онъ сохранилъ многія мидійскія составныя части. Новая династія Ахеменидовъ (древнеперс. Гахаманисія) явилась приблизительно въ началѣ утвержденія независимости Мидіи и возникла въ Персидѣ. Киръ (Курушъ) первый историческій властитель Персіи, носитъ, вавилонскихъ надписяхъ титулъ царя Аншанскаго или Анзанскаго. Положеніе этой области подлежитъ спору; во всякомъ случаѣ, она не тожественна съ Эламомъ (Сузіаной), какъ прежде утверждали. Съ изумительной быстротой сокрушилъ Киръ образовавшуюся противъ него коалицію великихъ державъ, Лидіи, Вавилоніи и Египта, къ которымъ присоединилась еще Спарта.

Въ годъ смерти Кира (529 до Р. Х.), Лидія, Вавилонія и малоазіатскіе греческіе города, подчиненные прежде Крезу,

стали персидскими областями. Египетъ былъ покоренъ (525 г.) сыномъ Кира, Камбизомъ (Камбудзія). Востокъ также сталъ на обширномъ пространствѣ персидскимъ, Иранъ обратился въ первую міровую державу и былъ величайшимъ изъ царствъ, когда-либо существовавшихъ до того времени.

Однако, наивысшій пунктъ еще не былъ достигнутъ: это выпало на долю Дарія (Дараявагусъ). При немъ Персія простиралась отъ Инда до малоазіатскихъ о-вовъ, отъ Яксарта до нижняго Нила. Дальнѣйшее распространеніе могло быть достигнуто, лишь переступивъ черезъ Геллеспонтъ, къ чему вполнѣ естественно побуждали событія. Достопамятному столкновенію съ греками предшествовалъ еще рискованный походъ Дарія противъ понтійскихъ скиѳовъ (заморскихъ саковъ, какъ сказано въ надписи великаго царя). Затѣмъ начались войны съ греками, принесшія персамъ больше дипломатическихъ успѣховъ, (достигнутыхъ могуществомъ ихъ золота и отсутствіемъ согласія между эллинами), нежели побѣдоносныхъ битвъ. Относительно внутренней пустоты и слабости міровой державы, въ послѣднія 150 лѣтъ ея существованія, еще заблуждались, благодаря прежнему обаянію, пока, наконецъ, не наступила внезапная катастрофа при Александрѣ Великомъ. Евреи также ничего не знаютъ объ уменьшеніи значенія великаго царя, хотя они могли ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ страны посредствомъ личнаго изученія еще гораздо лучше, нежели греки. Властитель, царствовавшій въ Сузѣ, оставался постоянно окруженнымъ ореоломъ наивысшаго земного блеска, его неисчерпаемыя золотыя сокровища обезпечивали ему до послѣдняго времени выдающееся вліяніе въ древнемъ мірѣ и въ особенности греки не пренебрегали искать его милостей за звонкій металлъ. Искусная политика „свободной руки" дозволяла персидскому царю, поддерживая то одну, то другую эллинскую республику, постоянно говорить рѣшающее слово въ греческихъ распряхъ. Такъ, спартанцевъ чрезвычайно озлобило признаніе Артаксерксомъ II независимости Мессеніи, а гораздо болѣе удаленнымъ кротонцамъ это дало поводъ къ особымъ пріемамъ, когда они осмѣлились сопротивляться мужамъ Дарія и не выдать имъ Демокеда (Athenaeus, XII, 22 p. 522, сравни Геродотъ III, 27). Стрѣлки дарейковъ (золотыхъ монетъ) лучше ограждали Персію, нежели стрѣлки ея арміи (сравни ироническія слова Агезилая у Плутарха, Агезилай, 15).

Въ эпоху своего вступленія на историческое поприще,

персы были еще неиспорченнымъ, первобытнымъ народомъ, вскорѣ, однако, заимствовавшимъ пышность, роскошь, расточительство побѣжденной націи. Не надолго имъ удалось избѣжать гибельнаго вліянія этой перемѣны. Изъ различнѣйшихъ странъ собирались культурныя пріобрѣтенія иноземныхъ народовъ при дворѣ великаго царя, проникли, прежде всего, въ дома вельможъ, а затѣмъ и въ дальнѣйшіе слои населенія. Такъ, напр., персидскій придворный столъ сдѣлался у грековъ нарицательнымъ именемъ утонченности и возбужденія чувственности. Извѣстенъ анекдотъ, какимъ образомъ Павзаній, послѣ битвы при Платеѣ, заставилъ плѣнныхъ поваровъ Мардонія приготовить персидскій обѣдъ при чемъ, конечно, обнаружился существенный контрастъ съ спартанской умѣренностью. Другой анекдотъ, по которому персидское обжорство было еще превзойдено египетскимъ, очевидно, является лишь подражаніемъ этому болѣе древнему разсказу Геродота.

Такимъ образомъ, древняя простота, естественно, хотя, сначала лишь постепенно, должна была исчезнуть, и персъ сталъ особенно стараться именно о томъ, чтобы, пользуясь добытымъ, избавить себя отъ дальнѣйшихъ утомительныхъ усилій. Подъ жаркимъ солнцемъ Азіи и безъ того энергія ослабѣваетъ легче, чѣмъ въ умѣренныхъ, менѣе подверженныхъ рѣзкимъ контрастамъ, поясахъ. Такимъ образомъ объясняется тотъ фактъ, что персы, по истеченіи менѣе нежели 200-лѣтняго существованія своего царства, такъ легко пали подъ ударами македонянъ. То, что они сами раньше видѣли у мидянъ, было теперь испытано ими самими.

Церемоніалъ при дворѣ „царя царей" (этотъ гордый титулъ достигъ теперь въ Персіи древности 500 лѣтъ), былъ, по восточному обычаю, необычайно внушителенъ. Новѣйшій титулъ Шахиншахъ точно соотвѣтствуетъ ахеменидоскому Хшаяѳіянамъ Хшаяѳія; также и оффиціальный титулъ турецкаго султана падишахъ—древнеперсидскаго происхожденія. Что касается царской власти, то когда Геродотъ говоритъ, что персы называли Кира своимъ отцомъ, то это не болѣе, какъ греческія прикрасы: азіатъ не могъ бы выйти изъ сферы понятій, по которымъ подданный является рабомъ властелина. До самыхъ войнъ съ эллинами, персидское военное устройство и искусство цѣнилось очень высоко и сдѣлало возможными быстрые успѣхи первыхъ великихъ царей. Сильную тактическую организацію войска персы нашли уже у мидянъ, когда Кіаксаръ впервые замѣнилъ, по ассирійскому образцу, прежнюю путаницу всѣхъ родовъ оружія, подраздѣливъ войско на тяжеловооруженныхъ и легкихъ пѣхотинцевъ и конницу. Во многихъ войскахъ и во всевозможныхъ климатахъ закалились войска Кира, Камбиза и Дарія; ихъ регулярныя войска, въ составъ которыхъ были включены всѣ подчиненные народы, обязанные военною службою, могли разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ противъ—превосходныхъ, впрочемъ, ополченій, изъ которыхъ состояли почти всѣ греческія арміи, кромѣ спартанской. Гвардія „безсмертныхъ", изъ 10000 воиновъ, пользовалась міровою славою не только ради своего блестящаго вооруженія. Въ замѣчательномъ трудѣ г. Деллбрюка показано, какъ искусно пользовались персидскіе полководцы трудными условіями въ чужой странѣ. Побѣда грековъ зависѣла отъ того, что они умѣли въ рѣшительныхъ бояхъ отыскивать удобную мѣстность, на которой непріятель не былъ въ состояніи воспользоваться превосходствомъ своей кавалеріи; а противъ тяжеловооруженныхъ гоплитовъ иранская, по преимуществу легковооруженная пѣхота не могла держаться. За проигранныя морскія сраженія нельзя считать персовъ отвѣтственными: здѣсь они были не въ своей стихіи. Послѣ неблагопріятнаго столкновенія съ греческой тактикой, въ персидскомъ войскѣ все чаще являются эллинскіе наемники; прежніе профессіональные воины уступаютъ имъ мѣсто.

Огромныя области царства Ахеменидовъ естественно не могли быть всецѣло управляемы изъ центра; отдѣльныя провинціи были подчинены намѣстникамъ, носившимъ названіе сатраповъ (хсатрапаванъ, охранители страны). Дарій, организаторъ царства, изумительнымъ образомъ съумѣлъ провести объединенное управленіе даже до отдаленнѣйшихъ частей царства. Существенно-персидское всюду рѣзко выступало до отдаленнѣйшихъ областей, даже у не-иранскихъ подданныхъ, въ остальномъ сохранявшихъ свои національныя особенности. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть доказательство высокой даровитости Ахеменидовъ. Несмотря на очевидную неспособность большинства послѣднихъ властителей, обширная монархія обладала до конца изумительнымъ сознаніемъ единства и необычайной силою сцѣпленія и встрѣчая то же самое позднѣе при Сассанидахъ, мы получаемъ право признать подобный организаторскій талантъ общею чертою персидскаго характера. Правда, Ахемениды заимствовали многія

основныя черты государственаго устройства отъ мидянъ; но Дарій ввелъ существенныя улучшенія, и вся государственная машина прониклась его духомъ. Такъ, онъ впервые на Востокѣ ввелъ опредѣленный размѣръ податного обложенія отдѣльныхъ областей вмѣсто „подарковъ", до тѣхъ поръ регулярно собиравшихся сатрапами въ своихъ областяхъ. Геродотъ сохранилъ по этому предмету статистическія данныя, вѣроятно, заимствованныя отъ Гекатея. Какъ вообще было принято на Востокѣ, сатрапъ со своимъ придворнымъ штатомъ жилъ на счетъ своей провинціи; кромѣ приносимыхъ царю податей, провинціи должны были еще доставлять кормленіе намѣстнику.

Это точно тотъ же принципъ, какъ и *медахиль* новой Персіи. Неожиданныя инспекціи и ревизіи при посредствѣ особыхъ сановниковъ, „очей и ушей" великаго царя, могли всегда захватить врасплохъ сатраповъ, такъ что даже на дальнемъ разстояніи отъ придворнаго лагеря они не могли убаюкивать себя спокойствіемъ, казалось, обезпеченнымъ ихъ неограниченною властью. Какъ точно слѣдили при Дворѣ за ходомъ дѣлъ въ провинціяхъ, показываетъ, между прочимъ, одно повелѣніе Дарія малоазіатскому сатрапу Гадату, изъ котораго мы узнаемъ любопытный фактъ, что въ завоеванныхъ странахъ должны были систематически насаждаться плодовыя деревья [1]). Но всюду, кромѣ гражданскаго управленія, находилось также и военное въ рукахъ сатрапа. Большею частью, особенно въ древности, провинціи имѣли еще особыхъ военачальниковъ. Всѣхъ сатрапій, по Геродоту, было 20; Дарій въ своихъ надписяхъ перечисляетъ 28 покоренныхъ странъ, и это число осталось также впослѣдствіи оффиціальнымъ, когда уже нѣкоторыя изъ областей были вновь утрачены. Величественно задуманныя и тщательно содержимыя большія дороги сдѣлали возможными быстрыя сношенія провинцій со столицами. Отъ Сузы шла „царская дорога" черезъ Арбелы и Ниневію до Сардъ; другія—въ Экбатану и Рагэ, въ Вавилонъ и Дамаскъ до моря, такимъ образомъ царскіе гонцы могли быстро и безпрепятственно переносить повелѣнія властелина во всѣ части обширнаго царства. На „царской дорогѣ" такіе гонцы между Сузами и Сардами находили въ 111 станціонныхъ домахъ свѣжихъ лошадей; этого рода устройство до сихъ поръ сохранилось

[1]) Bull. de Correspondence hellénique. Vol. XIII, 529 и слѣд.

въ Персіи: такія почты называются чапарханаки. Различіе въ томъ, что теперь почтою пользуется отчасти также публика, тогда какъ раньше она была исключительно къ услугамъ правительства. Непрерывная почта доводила постоянно до свѣдѣнія царя о состояніи провинцій. Еще арабы нашли въ Персіи превосходную основу, на которой могла быть организована знаменитая почта халифовъ. Арабы удержали даже персидскій титулъ почтмейстера *фарванаки*, а въ древнеперсидскую эпоху далеко заходила молва объ ихъ почталіонахъ, которыхъ греки называли angaroi и asgandai. Къ мореплаванью персы всегда испытывали явное отвращеніе. Флоты, отправленные Ахеменидами противъ грековъ и египтянъ, были выставлены финикіянами и малоазійскими греками, а въ эпоху Сассанидовъ мы слышимъ о морскихъ экспедиціяхъ только въ царствованіе Хозрау Ануширвана противъ Ямена (около 570 послѣ Р. Х.) и въ царствованіе Хозрау Парвеза, при временномъ занятіи Египта въ 614 г. послѣ Р. Х. и слѣд. Но и эти успѣхи на морѣ не оживили персидской морской торговли. Какъ только Фирдауси пытается описать въ Шахъ-Намэ морскія плаванія, мы ясно видимъ, что у него отсутствуетъ всякая географическая оріентировка. Шахъ Аббасъ Великій (1587—1628) пытался насильственно создать мореплаваніе. Его гавань Бендеръ Аббасъ (портъ Аббаса) у Персидскаго залива, переименованная имъ изъ Гамруна, посѣщалась англійскими, португальскими, французскими и голландскими кораблями, но запустѣла, какъ только было сломлено европейское вліяніе. Подобныя же стремленія Надиръ-шаха (1736—1747) постигъ такой же неуспѣхъ. Еще теперь моряки въ Персидскомъ заливѣ, какъ были и раньше, исключительно арабской крови. Во всякомъ случаѣ, уже Дарій отлично понялъ значеніе удобныхъ морскихъ сообщеній: по его повелѣнію былъ оконченъ давно уже начатый каналъ, соединявшій Нилъ съ Краснымъ Моремъ.

Богато послѣдствіями для международныхъ сношеній было повелѣніе Дарія установить соотношеніе между золотомъ и серебромъ, чѣмъ онъ впервые рѣшилъ вопросъ о *биметаллизмѣ*, до-сихъ-поръ еще волнующій финансистовъ и экономистовъ. Чеканка монеты была изобрѣтена, вѣроятно, въ серединѣ VII вѣка до Р. Х. въ Лидіи. До Дарія господствовала всеобщая путаница въ денежномъ обращеніи греческихъ городовъ Малой Азіи и европейскаго материка, включая Сицилію и Италію; поэтому новое изобрѣтеніе быстро-

распространилось. Повелѣніе Дарія установить отношеніе золота къ серебру, какъ $13\frac{1}{2}:1$, было принято со всѣхъ сторонъ и впослѣдствіи достигло также Македоніи. Золотые дарейки вѣсили 8,4 *граммовъ*, содержа 124 *грана* чистаго золота, стало быть, имѣли цѣнность приблизительно 21 германской имперской марки; 3000 дарейковъ составляли одинъ эвбейскій талантъ. Серебряную монету могли чеканить также сатрапы, но она не считалась государственной монетой, а оцѣнивалась на золото по вѣсу. Большая часть отчеканеннаго золота находилась обыкновенно въ сокровищницѣ царя; крупныя суммы уходили отсюда въ руки высшихъ сановниковъ или уходили за границу, тогда какъ въ народномъ обращеніи, особенно внутри государства, находилось лишь самое ничтожное количество. Другія сокровища, накопленныя великими царями, также были неизмѣримы, какъ оказалось при македонскомъ завоеваніи. Здѣсь повторилось то самое зрѣлище, которое нѣкогда было пережито самими персами при взятіи Экбатаны, Вавилона, Сардъ: безчисленные караваны изъ вьючныхъ животныхъ едва могли увезти накопленныя драгоцѣнности. Даже до настоящаго времени ни одно персидское правительство, быть можетъ за единственнымъ исключеніемъ умнаго Керимъ-хана (1750—1779), не употребило своего золота безкорыстно на пользу страны и подданныхъ. Ихъ благо всегда стояло лишь на второмъ или третьемъ мѣстѣ. „Государство—это я“, такова естественная, наивная основная мысль восточнаго абсолютизма. За-то сильныя правительства постоянно заботились объ обезпеченіи народнаго имущества не только отъ разбойниковъ на большой дорогѣ, но, что было еще важнѣе, отъ насилій высшихъ чиновниковъ. Персія всегда процвѣтала, когда ея подданные могли спокойно предаваться своимъ занятіямъ; обѣдненіе и упадокъ благосостоянія всегда сопровождали неспособность и слабость правительства.

Относительно численности населенія въ древнемъ Иранѣ, къ сожалѣнію, у насъ отсутствуютъ какія бы то ни было свѣдѣнія. По Ксенофонту, въ Персидѣ было 120.000 взрослыхъ мужчинъ, стало быть, около полумилліона жителей. Но такъ какъ большая часть остальныхъ областей государства были навѣрное населены скуднѣе, то это число представляется слишкомъ малымъ. Вообще, романъ Ксенофонта оказывается почти всюду лишеннымъ цѣны, если

мы пытаемся пользоваться имъ, какъ историческимъ источникомъ.

О сооруженіяхъ Ахеменидовъ даютъ намъ прежде всего понятіе развалины Персеполя, поражающія каждаго посѣтителя. Персеполь въ коренной области, сила династіи, близъ города. Пасаргадъ, теоретически считался столицей; въ дѣйствительности, по причинѣ его удаленности, эта честь принадлежала Сузѣ, Экбатанѣ и Вавилону. Персидское названіе Персеполя не извѣстно; греческое имя Персеполисъ безобразно: слѣдовало, по крайней мѣрѣ, сказать Персополисъ. Александръ Македонскій велѣлъ сжечь здѣшніе царскіе дворцы; по Нёльдеке, въ этомъ слѣдуетъ видѣть хорошо обдуманный поступокъ, разсчитанный на воображеніе азіатовъ и имѣвшій цѣлью показать, что царство окончательно погибло и что Александръ единственный властелинъ.

Въ *архитектурѣ* персы по преимуществу заимствовали иноземныя формы, однако, самостоятельно переработывали ихъ. Капители колоннъ у нихъ, напр., въ высшей степени оригинальны; точно также все примѣненіе колоннъ указываетъ на плодотворныя, самостоятельныя мысли. Строительное исскусство Ахеменидовъ, несмотря на все подражаніе чужимъ образцамъ, производитъ поэтому впечатлѣніе своеобразности. Его вполнѣ національный типъ представляетъ жертвенный алтарь (родъ очага), сохранившій свою первоначальную форму отъ эпохи пареянъ и Сассанидовъ до настоящаго времени, тогда какъ дворцовыя сооруженія великихъ царей представляютъ лишь продуктъ оффиціальнаго, придворнаго, династическаго искусства. „Живописная неправильность“ въ закладкѣ отдѣльныхъ зданій по сравненію съ окружающимъ ихъ пространствомъ и съ цѣлымъ, къ которому они принадлежатъ, по словамъ Шипье, встрѣчается также въ новѣйшей Персіи, какъ наслѣдіе прошлаго [1]). Впрочемъ, возможно, что древнеперсидская архитектура, какъ не вполнѣ оригинальная, подверглась вліянію даже индійскаго стиля.

Менѣе многочисленны другіе остатки древнеперсидскаго искусства. Наиболѣе выдающееся въ этой области представляютъ найденные въ Сузѣ пестрыя фаянсовыя фрески, представляющіе теперь одно изъ главныхъ украшеній Луврскаго

---

[1]) Сравн. Perrot et Chipiez, Hist. de l'art dans l'antiquité T. V. Perse etc. Paris 1890. Капитальнѣйшій трудъ о древнеперсидскомъ искусствѣ.

музея въ Парижѣ [1]). Раньше усматривали въ сокровищахъ Микенъ участіе микенцевъ въ персидской военной добычѣ; но по мнѣнію новыхъ компетентныхъ изслѣдователей это ошибка. Произведенія персидскаго искусства или промышленности, попадавшія въ Европу (въ Малой Азіи греки къ нимъ достаточно привыкли), возбуждали всегда общее изумленіе, какъ, напр., подарки Артаксеркса II Тимагору и Анталкиду Athenaeus, II, 31 p. 48). Этимъ не сказано, что такое подарки всегда были персидской работы. Въ Персіи было достаточное количество иноземныхъ художниковъ, пересадившихъ туда технику своего отечества. Вліяніе жившихъ въ Персіи греческихъ художниковъ всего яснѣе сказывается въ пластикѣ и особенно въ обработкѣ одежды и способѣ драпировки складокъ. Въ Иранѣ можно было имѣть передъ глазами даже мастерскія произведенія эллинской скульптуры. Дарій привезъ изъ Милета въ Экбатану статую дидимейского Аполлона, Ксерксъ вывезъ изъ Аѳинъ въ Сузу группу Антенора (тираноубійцъ); такимъ образомъ Александръ нашелъ многочисленные побѣдные трофеи, привезенные изъ Эллады, Малой Азіи, Вавилона и др. мѣстъ въ главные города Персіи. Такимъ образомъ явился родъ греко-персидскаго искусства. Здѣсь достаточно упомянуть о двухъ серебряныхъ ручкахъ драгоцѣннаго ковша, изъ которыхъ одна хранится въ Берлинскомъ Королевскомъ Музеѣ, а другая—въ собраніи графа Тышкевича въ Мюнхенѣ.

Съ древнихъ временъ любимымъ мотивомъ персидскаго искусства является изображеніе охотничьихъ сценъ. Персы всегда были большими любителями охоты. Каждый изъ ихъ властителей ревностно предавался этому „благородному“ искусству, и не только по отношенію къ безопасной дичи, вродѣ оленей, антилопъ, дикихъ ословъ и т. п., но и противъ опасныхъ хищныхъ звѣрей. Такъ, царь убиваетъ изображеннаго въ вавилонско-ассирійскомъ стилѣ баснословнаго звѣря, названнаго греками „сузскимъ звѣремъ“. Часто изображается левъ, еще и теперь украшающій персидскій гербъ, сзади быка и это изображеніе мы находимъ позднѣе вновь на сассанидскихъ геммахъ (драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камняхъ) лишь съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь вмѣсто быковъ изображаются зебу, олени, каменные бараны и т. п.

[1]) Прекрасное изображеніе одной изъ этихъ группъ находится въ роскошномъ изданіи «Byzantinische Zellen Emails Frankfurt a. M. 1892». Собраніе А. В. Звенигородскаго. Табл. XXII Фреска дворца Дарія.

Этотъ мотивъ, хотя первоначально заимствованный отъ ассирійцевъ, сталъ спеціально персидскимъ и отъ персовъ уже рано перешелъ къ грекамъ и др. народамъ. На большой ракѣ (ящикъ съ мощами) персидской работы въ Берлинскомъ художественномъ ремесленномъ музеѣ [1]) мы видимъ также львовъ, прыгающихъ сзади на оленей и сверхъ того „антилопъ, пожирающихъ змѣй“.

Такую же самостоятельную обработку иноземныхъ сюжетовъ, какую мы находимъ въ архитектурѣ, встрѣчаемъ также въ древнеперсидскихъ клинообразныхъ письменахъ. Въ основѣ, эти письмена построены по ассиро-вавилонскому образцу; но элементы ассиро-вавилонскихъ письменъ, клинья, примѣнены къ созданію новыхъ буквенныхъ знаковъ. При этомъ, однако, персидская передѣлка оказывается простѣйшею изъ всѣхъ однородныхъ письменъ; она именно и сдѣлала возможнымъ дешифрированіе другихъ. Быть можетъ этого рода письменами впервые воспользовался Дарій; что касается короткой надписи: „Я, Курушъ, царь, Ахеменидъ“, то приписывать ее съ такою увѣренностью Киру, какъ обыкновенно дѣлаютъ, едва-ли есть основаніе. Нельдеке высказалъ предположеніе, что уже мидійскіе цари составили свои надписи въ клинообразныхъ письменахъ. Во всякомъ случаѣ, клинообразныя письмена примѣняли лишь на камняхъ, печатяхъ, грузахъ, алебастровыхъ вазахъ и т. п., а въ письменныхъ сношеніяхъ для государственныхъ и частныхъ цѣлей пользовались другимъ болѣе бѣглымъ письмомъ, напр., также въ государственномъ архивѣ (Ктезій у Діодора, II, 32). Канцелярскимъ языкомъ въ странѣ былъ арамейскій; на немъ навѣрное было написано и письмо царя къ спартанцамъ (425 до Р. Х.), которое Ѳукидидъ (IV, 50) называетъ написаннымъ по-ассирійски. По-истинѣ монументальный языкъ клинообразныхъ письменъ составляетъ, быть можетъ, прекраснѣйшій остатокъ самой блестящей эпохи изъ жизни Персіи; вызвать его вновь къ жизни было однимъ изъ геніальнѣйшихъ подвиговъ науки. Правленіе почти всѣхъ послѣднихъ „великихъ царей“ изъ династіи Ахеменидовъ отличается поразительнымъ господствомъ женскаго вліянія, и это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію положенія женщины въ древнеперсидскую эпоху. Это положеніе было совершенно инымъ, чѣмъ въ новѣйшей магометанской Персіи. Въ Авестѣ мужчина и женщина оказываются даже рав-

[1]) Въ Готической залѣ № IX.

ноправными по отношенію къ культу, и точно также при Ахеменидахъ положеніе женщины было свободнымъ: во всякомъ случаѣ, наши заключенія основаны лишь на положеніи царицъ, такъ какъ у насъ совершенно нѣтъ свѣдѣній о положеніи женщинъ средняго круга. Камбизъ, по словамъ древнихъ, назвалъ Мероэ именемъ своей сестры—въ то же время жены: бракъ между ближайшими кровными родственниками, даже между матерью и сыномъ, допускался по Зороастру. Ктезій, придворный врачъ Артаксеркса II и его жены Паризатисъ, особенно охотно повѣствуетъ о гаремныхъ интригахъ и злодѣяніяхъ, о чемъ онъ долженъ былъ имѣть точныя свѣдѣнія. Отсюда мы знакомимся съ могуществомъ и съ вреднымъ вліяніемъ испорченныхъ женщинъ и многія событія напоминаютъ исторію Меровинговъ. Достаточно назвать Аместрисъ (жену Ксеркса I), Амитисъ (сестру Артаксеркса I), Паризатисъ (жену Дарія II) и Статейру (его невѣстку). По персидскимъ сказаніямъ, уже жена царя Виштаспы, Гутаоза, покровительствовавшая Зороастру, играла важную роль въ дѣлѣ распространенія его религіи; въ царствѣ Сассанидовъ мы находимъ даже двухъ женщинъ, бывшимъ „великими царицами". Одинъ китайскій писатель (129 г. до Р. Х.) сообщаетъ о восточныхъ иранцахъ, что они оказывали женамъ большое почтеніе: мужъ дѣлалъ все по волѣ жены; наоборотъ, у пароянъ женщины жили въ затворничествѣ. Во всякомъ случаѣ, въ древней Персіи существовалъ уже унизительный для женщины институтъ надзирателей - евнуховъ: однако, вліяніе ихъ въ гаремѣ навѣрное было далеко не такимъ могущественнымъ, какъ въ семитическихъ странахъ. Все же ихъ почетное положеніе при дворѣ великаго царя немало содѣйствовало дальнѣйшему распространенію этого учрежденія въ Азіи. Одинъ *богоасъ*, игравшій въ концѣ существованія царства въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ роль всемогущаго „дѣлателя царей", во всякомъ случаѣ, стоялъ далеко выше своего сословія. Самооскопленіе въ видѣ культа, встрѣчавшееся въ древней Сиріи, Фригіи и др. мѣстахъ, никогда не существовало въ Персіи. Древневосточный порокъ любви къ мальчикамъ также игралъ малую роль въ древней Персіи; Авеста осуждаетъ этотъ порокъ весьма рѣзко; однако, онъ всегда существовалъ и особенно развился позднѣе. Геродотъ ошибочно утверждаетъ, что этотъ порокъ занесенъ изъ Греціи въ Персію: правильнѣе допустить обратное. Настоящее развитіе придали ему на Востокѣ лишь турки.

Религія Зороастра.

Наиболѣе прочное вліяніе, оказанное когда-либо Персіей на остальной міръ и еще теперь продолжающееся съ значительной силою, относится къ области религіи. Ученіе христіанства представляетъ различные въ высшей степени важные пункты, встрѣчаемые уже въ древне-иранскомъ маздаизмѣ и перешедшіе отъ него къ іудейству. Чтобы понять это, необходимо сначала дать обзоръ древней религіи Ирана; разумѣется, онъ будетъ чрезвычайно сжатымъ.

Въ восточномъ Иранѣ, быть можетъ, въ Бактріи, впервые выступилъ со своимъ ученіемъ пророкъ Зороастръ (Заратуштра); древнее преданіе рѣшительно указываетъ въ этомъ случаѣ на Востокъ. Названіе индійской касты жрецовъ, а именно маговъ, которые также у персовъ несли обязанности священнослужителей (древнеперс. магусъ) не можетъ служить доказательствомъ въ пользу часто встрѣчаемаго утвержденія, будто религія возникла въ Мидіи. Имя маговъ, быть можетъ, вавилонскаго происхожденія: въ Авестѣ оно не находится. Весьма возможно, что оно было заимствовано мидянами съ запада и затѣмъ передано ими персамъ. Уже мидійскіе маги были не племенемъ, а лишь сословіемъ; персидскіе маги, естественно, ни въ какомъ случаѣ не были всѣ мидійской національности. У грековъ имя маговъ рано сочеталось съ понятіемъ таинственной мудрости Востока, представителями которой являются также при рожденіи Христа трое волхвовъ или маговъ. Эпоха дѣятельности Зороастра совершенно неопредѣленна. Если ее относятъ приблизительно за 1000 лѣтъ до Р. Х., то это во всякомъ случаѣ основано лишь на вѣроятности. Древне-иранская форма его имени Заратуштра обозначаетъ вовсе не Золотую Звѣзду, какъ думали, судя по греческому Зороастръ, но нѣчто гораздо болѣе прозаичное: владѣющій верблюдами. Зороастръ жилъ при царѣ Виштаспа (греч. Гистаспъ), котораго по догадкѣ, впрочемъ, ошибочной, отожествляли съ отцомъ великаго Дарія. Изъ густого тумана миѳовъ, окружающихъ, вообще, пророка, его личность сама по себѣ выступаетъ явственно и рѣзко; мы имѣемъ отъ него еще гимны (гаѳасъ), составляющіе древнѣйшую часть Авесты, въ которыхъ онъ провозглашалъ свое ученіе молодой общинѣ.

Въ этомъ ученіи, прежде всего, бросается въ глаза чрезвычайно рѣзко выраженная противоположность между добромъ и зломъ, воплощенная въ лицѣ двухъ духовъ Агурамазды (Гормиздъ, Ормуздъ) и Анроманюша (Ариманъ). Оба существовали на „начала"; они находятся въ вѣчной борьбѣ, пока, наконецъ, побѣда не достанется Агурамаздѣ, который уничтожитъ царство злого духа. Подобно тому, какъ все сотворенное принадлежитъ либо Ормузду, либо Ариману, такъ и человѣкъ долженъ выбирать между обоими; смотря по дѣламъ его, онъ множитъ могущество и царство того или другого. Обоимъ подчинены дѣятельные духи, имѣющіе, однако, характеръ скорѣе абстракцій и олицетворенныхъ идей, нежели дѣйствующихъ живыхъ существъ. Такъ, на сторонѣ Ормузда находятся *благомысліе* (идея добра, побуждающая человѣка творить добро, т. е. именно угодное Ормузду), *правда* (идея вѣчной справедливости и истины), *царство блаженства* (которое нѣкогда наступитъ во всемъ совершенствѣ, какое ему сообщитъ Ормуздъ), *святая покорность, совершенство, здоровье* и *безсмертіе*: таковы шесть „безсмертныхъ святыхъ", къ которымъ позднѣе присоединился Ормуздъ, какъ седьмой и наивысшій. На сторонѣ Аримана, въ свою очередь, находится „злой умыселъ" и рядъ демоновъ (дайвасъ). Злой духъ является также въ видѣ *друджъ*, лжи. Злое, темное и лживое тожественны; точно также доброе, свѣтлое и истинное. Здѣсь слѣдуетъ видѣть источникъ сообщенія Геродота о воспитаніи персидскаго юношества, которому, по его словамъ, внушали правдивость. Извѣстное освященіе правдивости, дѣйствительно, давала религія, такъ рѣзко подчеркивавшая противоположность между ложью и истиной. Не удивительно поэтому, что настолько глубоко-этическія требованія слишкомъ тяжелы для ежедневнаго обихода человѣчества, и поэтому уже съ самаго начала въ нихъ скрывалась большая опасность чисто показной добродѣтели. Такія строгія требованія, какія предъявлялись Зороастромъ относительно добрыхъ мыслей, словъ и дѣлъ, своимъ приверженцамъ, эти требованія могутъ занять мѣсто непосредственно подлѣ словъ Христа: „Говорю вамъ, кто посмотритъ на женщину съ пожеланіемъ, тотъ уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ"; не удивительно, что они легко превратились у послѣдователей Зороастра въ показную набожность. Позднѣе мы находимъ обязанности маздаиста точно кодифицированными, при чемъ казуистика доходитъ до такихъ же

смѣшныхъ подробностей, какъ, напр., въ Талмудѣ. Смыслъ давно исчезъ, осталась только форма. Кто ежедневно носится съ показной правдивостью, выставляя себя врагомъ лжи, тотъ легко утрачиваетъ сознаніе серьезнаго значенія своего исповѣданія, особенно, если находится подъ властью разнузданнаго азіатскаго деспотизма, безпрестанно заставляющаго его притворяться и скрывать свои чувства.

Такія требованія, однако, до того характеристичны для ученія Зороастра, они до того не отдѣлимы отъ личности его основателя, что о раздѣленіи не можетъ быть рѣчи. Народная религія неспособна возвыситься ни до чего подобнаго. Итакъ, если мы ее встрѣчаемъ, какъ въ восточномъ, такъ и въ западномъ Иранѣ уже въ древнѣйшія извѣстныя намъ времена, то, повидимому, невозможно отдѣлаться отъ вывода, что тамъ и здѣсь господствующей религіей было ученіе Зороастра. Относительно этого насъ не можетъ сбить съ толку даже такой поразительный фактъ, какъ тотъ, что Геродотъ при своихъ подробныхъ разспросахъ о персидской религіи и культѣ ни разу не слышалъ имени человѣка, оставившаго на вѣчныя времена неизгладимый слѣдъ своего духа на этой религіи: по крайней мѣрѣ, Геродотъ не упоминаетъ имени Зороастра. Ничего не доказываетъ и то обстоятельство, что злой духъ не встрѣчается въ ахеменидовскихъ клинообразныхъ надписяхъ; древніе персы называли его Ахраманюшъ, на что указываетъ его новоперсидское имя Ахриманъ; если-бы онъ происходилъ изъ Авесты, то долженъ былъ бы называться Анраманомъ. Затѣмъ, во всемъ, что извѣстно намъ относительно религіи Ахеменидовъ, оказывается, что она, какъ разъ, согласуется съ системою Зороастра, правда, нерѣдко съ видоизмѣненіями первоначальнаго типа, встрѣчаемыми и въ позднѣйшей Авестѣ. Если Геродотъ и дошедшій къ намъ въ скудныхъ фрагментахъ Ктезій не упоминаютъ о Зороастрѣ, за то цитаты изъ Ксанѳа мидійскаго, Ѳеопомпа и др., правда, большей частью дошедшія къ намъ изъ вторыхъ рукъ, упоминаютъ о Зороастрѣ. Пытались также истолковать древне-персидскія собственныя имена въ духѣ Зороастра. Эти попытки стоятъ вниманія и любопытны, хотя имена не могутъ служить доказательствомъ того, что ихъ собственники были поклонниками Зороастра, тѣмъ болѣе, что этимологія въ этой области всегда шатка.

Послѣ смерти, человѣкъ, по ученію Зороастра, подвергается суду, причемъ судья Ормуздъ (новоперс. Гормиздъ)

взвѣшиваетъ добрыя дѣла по сравненію съ злыми, судя по записямъ въ своей книгѣ. Рай, среднее царство (родъ чистилища) и адъ указываются душѣ, смотря по судебному приговору. Послѣ окончательной побѣды добра, всѣ тѣла воскреснутъ; набожные, послѣ страшнаго суда, отправятся въ вѣчное царство Ормузда, злые, вмѣстѣ съ Ариманомъ, и всѣмъ его твореніемъ будутъ навсегда уничтожены. Въ частностяхъ эти мысли получили позднѣе дальнѣйшее развитіе, но зерно ихъ встрѣчается уже въ гимнахъ (гаѳасъ) Зороастра.

Высокое политическое значеніе проповѣди Зороастра также вытекаетъ изъ гимновъ. Онъ оказывается сторонникомъ культуры земледѣлія, осѣдлости, противникомъ бродячей некультурности; въ особенности беретъ онъ подъ свое покровительство вола, существеннаго помощника мужика-пахаря, и обѣщаетъ благословеніе Ормузда тому, кто защищаетъ это животное отъ дурного обращенія и побоевъ. Вспашка еще необработанной нови была основнымъ требованіемъ древне-иранской религіи. Нынѣшняя Персія существуетъ еще до сихъ поръ главнымъ образомъ благодаря древней системѣ орошенія помощью каналовъ; гдѣ эти каналы усыхаютъ, тамъ возникаетъ вновь степь и пустыня, такъ какъ новыя подобныя культурныя сооруженія ужъ съ давнихъ поръ не предпринимаются. Основать семью — это также чисто въ духѣ религіи Зороастра. Обиліе потомства вознаграждалось отъ великихъ царей, какъ заслуга, подарками.

Въ самыхъ краткихъ чертахъ, ученіе Зороастра, если изложить его основываясь на гимнахъ (гаѳасъ), это ученіе окажется „лучшимъ путемъ для души,“ [1]); такъ и Дарій говоритъ, въ древне-арійскомъ духѣ, о *правомъ* пути. Во всякомъ случаѣ, при первой попыткѣ изложенія, тотчасъ бросаются въ глаза значительныя уклоненія отъ древнеарійской миѳологіи. Не мало приходится удивляться отсутствію даже такихъ божествъ, каковы: Миѳра, Хаума, Вереѳрагхна и др., встрѣчающихся еще въ позднѣйшей Авестѣ. Но Зороастръ былъ реформаторъ, его стремленія клонились именно къ устраненію древнихъ популярныхъ боговъ, не подходившихъ къ его философской умозрительной системѣ. Уже образъ Агурамазды, „мудраго господина“, производитъ впечатлѣніе результата догматическаго умозрѣнія. Зороастръ порвалъ съ древнеарійскимъ политеизмомъ и поставилъ на его мѣсто

[1]) Gatha 31, 2.

въ сущности чистый монотеизмъ. Дѣйствительно, дуализмъ добра и зла не есть настоящее двоебожіе, такъ какъ добру заранѣе предопредѣлена побѣда. Въ клинообразныхъ надписяхъ Агурамазда называется просто „великимъ богомъ“, какъ персидскій царь „великимъ царемъ.“ „Величайшій изъ боговъ, творецъ замли, неба и человѣка, радость человѣка“. онъ оказываетъ человѣку помощь, по одной его волѣ происходитъ все въ мірѣ. Чисто субъективнымъ созданіемъ одного мыслителя представляется также превращеніе древнеарійскихъ добрыхъ духовъ (древне-индійское Дева) въ злыхъ (Дайва), и, сообразно съ этимъ, впослѣдствіи также ведическія божества Индра, Сарва, Насатья превращаются въ демоновъ, съ именами Индра, Саурва, Наонгаиѳья. Здѣсь можно упомянуть также о *кави*, которые, вмѣстѣ съ *карапанами*, являются въ Авестѣ врагами маздаизма; это имена придаваемыя въ Ригъ-Ведѣ разнымъ богамъ; въ иранскомъ языкѣ слово кави сохранило старое значеніе лишь въ именахъ властителей. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ возможны простонародная, древнеарійская передѣлка, да и, вообще, далеко не всѣ различія между иранской и индійской миѳологіей могутъ быть приписаны всецѣло и единственно Зороастру. Само по себѣ даже возможно, что монотеизмъ съ Агурамаздой во главѣ существовалъ уже до реформы, совершенный пророкомъ. Приводили употребленіе древнеарійскаго Асура, господинъ, Господь (иранск. Агура въ словѣ Агурамазда), въ смыслѣ духовъ позднѣйшей Веды, первоначально враждебныхъ Асурамъ. Это сравнивали съ упомянутой аналогичной перемѣной смысла слова девасъ; однако, здѣсь вопросъ слѣдуетъ поставить иначе. Асуры были „господа“ нѣкоторой таинственной силы“ Майи: сила эта могла быть присуща и злымъ духамъ. Указанное употребленіе слова асуры, поэтому, весьма древне.

До извѣстной степени, реформа Зороастра была вполнѣ удачна; но попытка совершенно искоренить народныя божества, вродѣ Миѳры и т. п., потерпѣла полное крушеніе. Если онъ не хотѣлъ ограничить свою религію узкимъ кружкомъ высокообразованныхъ людей, то долженъ былъ оставить народу его боговъ или же вновь вернуть ихъ изъ изгнанія. Такимъ образомъ въ позднѣйшей Авестѣ, удаленной Зороастромъ на задній планъ. Гаума является вновь съ прежнимъ значеніемъ. Пророкъ весьма рѣзко возставалъ противъ священнодѣйственныхъ попоекъ въ честь этого бога. Однажды

онъ говоритъ въ „гаѳасахъ“: „И когда, наконецъ, выгребутъ грязь попойки!“ Но въ позднѣйшей Авестѣ мы читаемъ иное. „Всякое опьянѣніе влечетъ за собою гнѣвъ и раны отъ оружія, но опьянѣніе Гаумы сопровождается мирной набожностью.“ Миѳра, древнеарійскій богъ свѣта, позднѣе правда, еще не въ Авестѣ, выступаетъ совершенно на передній планъ и даже поднимается высоко надъ Агурамаздой. Мы встрѣчаемъ его въ Арменіи, Малой Азіи и даже въ римскомъ Пантеонѣ, гдѣ, однако, его первоначальная сущность едва можетъ быть распознана подъ покровомъ мистерій.

Сюда принадлежитъ далѣе Анагиста (богиня водъ затѣмъ и плодородія), Вереѳрагхна (богъ побѣды), Аши-Вануги (геній домашняго счастья, родъ домового), Тиштрья, (Сиріусъ), фравашисъ (души усопшихъ) и т. п. Наоборотъ, у другихъ язатовъ (боговъ) Авесты еще и позднѣе сказывается ихъ характеръ, какъ олицетворенныхъ идей, напр. въ такихъ именахъ, какъ Срауша (слухъ, послушанье.—Позднѣе ангелъ) и Серошъ, приносящій людямъ повелѣнія Ормузда, особенно въ сновидѣніяхъ; далѣе Рашну-разишта „правдивѣйшая справедливость“ или ея блюститель.

По Геродоту, древніе персы почитали солнце, луну, землю, вѣтеръ, воду и огонь; въ Авестѣ мы находимъ также соотвѣтственные гимны. Огонь обладаетъ особенною очистительной силой; къ нему присоединяются жертвоприношенія и заклинанія—это важнѣйшія средства борьбы благочестивыхъ противъ злого творенія. Замѣтное преобладаніе огня въ культѣ привело къ тому, что вся религія получила названіе огнепоклонничества; но это имя способно внушить самыя превратныя представленія. Кромѣ приношеній, вродѣ цвѣтовъ, плодовъ, молока, масла, жертвенныхъ пироговъ и ароматовъ, всегда приносились и кровавыя жертвы; но безкровныя жертвы въ связи съ заклинаніями считаются высшими, по крайней мѣрѣ самъ Агурамазда приноситъ только такія жертвы другимъ богамъ, и Зороастръ не приноситъ никакихъ иныхъ. Сожиганіе жертвенныхъ животныхъ не въ духѣ персовъ. „Когда персы хотятъ принести въ жертву животное,—говоритъ Геродотъ,—они не зажигаютъ никакого огня“. Точно также невѣроятно, чтобы Киръ приговорилъ Креза къ сожженію на кострѣ; простѣйшее истолкованіе этого эпизода состоитъ въ допущеніи самопожертвованія (?) лидійскаго царя. Ссылкой на сумасшедшаго Камбиза, приказавшаго сжечь му-

мію Амазиса, нельзя было бы объяснить чудовищное кощунство со стороны Кира. Когда персы требовали отъ покоренныхъ народовъ воды и земли, то это естественно не имѣло ничего общаго съ святостью названныхъ стихій. Скорѣе слѣдуетъ напомнить о томъ, что вода всегда была въ Персіи царской монополией; кто не платилъ наложенной на нее подати, могъ по приказу царя лишиться возможности орошать свои поля. Земля очевидно составляла собственность властелина. Передача „земли и воды“ обозначала поэтому полную передачу территоріи.

Мы впали бы въ заблужденіе, если бы, судя по нравственной суровости, которою пропитано ученіе Зороастра, представили себѣ этого пророка какимъ-то аскетомъ, враждебнымъ ко всѣмъ радостямъ жизни. Маздаизмъ никогда не представлялъ распинающаго себя аскетизма; наоборотъ, радостное пользованіе жизнью вполнѣ дозволено исповѣдующему это ученіе. Въ гимнахъ Зороастра богатство упоминается какъ награда людей набожныхъ; долголѣтіе обѣщано людямъ, какъ милость Агурамазды. При этомъ вспоминается привѣтствіе, съ которымъ обращаются къ персидскимъ царямъ: „Да живетъ царь вѣчно!“ День рожденія царя персы праздновали, какъ особенно радостный; въ праздновании дня рожденія великаго царя участвовалъ весь народъ. На-ряду съ этимъ было еще такое множество праздниковъ, что позднѣе у магометанъ вошло въ пословицу выраженіе: „праздновать, какъ персы“. Въ новоперсидской лирикѣ, какъ, напримѣръ, у Гафиза, слово мугкэдэ (буквально—домъ маговъ) обозначаетъ винный погребъ, кабакъ, мугбэчэ (буквально—мальчикъ маговъ) это сидѣлецъ въ винной лавкѣ.

Титулъ мага, обозначавшій прежде священника, превратился въ общее наименованіе послѣдователей Зороастра. Ничего подобнаго индійскимъ факирамъ, сузскимъ дервишамъ и христіанскимъ отшельникамъ нельзя указать въ исторіи маздаизма.

По той же причинѣ самоубійство представляетъ для послѣдователей Зороастра нѣчто неслыханное. Авеста нигдѣ не упоминаетъ о самоубійцахъ, позднѣйшія произведенія причисляютъ самоубійство къ числу грѣховъ „достойныхъ смерти“. Самоубійство Камбиза было дѣломъ сумасшедшаго; страхъ передъ мучительной смертью заставилъ прибѣгнуть къ самоубійству Ойбара (Ктезій, Перс. дѣла, 5) и Аріаспа (Плутархъ, Артаксерксъ, 30). Разсказъ о смерти Прексаспа

у Геродота совершенно легендаренъ (III, 74,5); относительно Арсита, Арріанъ (Анабазисъ I, 16,3) разсказываетъ лишь „по слухамъ". Вполнѣ въ духѣ персовъ отвѣтъ, данный впослѣдствіи Азарцидомъ Артабаномъ II императору Тиберію, которому Арбатанъ въ насмѣшку совѣтуетъ умертвить себя, чтобы уйти отъ ненависти своихъ подданныхъ *).

Отправленіе священническихъ обязанностей находилось, какъ уже замѣчено, въ рукахъ особой касты, маговъ.

Далѣе религіозной стороны, жречество въ царствѣ Ахеменидовъ никогда не пользовалось вліяніемъ. Отсюда его терпимость по отношенію къ иновѣрцамъ. Ученію Зороастра, основатель котораго въ своихъ „гаѳасахъ" рѣшительно объявляетъ себя „невоинственнымъ человѣкомъ", первоначально было совершенно чуждо стремленіе къ насильственному распространенію.

Такое стремленіе мы находимъ впервые при Сассанидахъ, когда духовенство стало опредѣляющимъ государственнымъ факторомъ; однако, и здѣсь дѣло не зашло дальше попытокъ насильственнаго обращенія армянъ, бывшихъ главною жертвою такой пропаганды.

Разрушеніе древне-греческихъ храмовъ начинается лишь послѣ пожара Сардъ: не только Крезъ посылалъ жертвенные дары въ Делосъ, но и Датисъ имѣлъ такое же порученіе отъ великаго царя (Геродотъ V, 97).

По Геродоту, жречество въ ахеменидовской Персіи не погребало своихъ мертвыхъ, какъ міряне, но предоставляло коршунамъ пожирать трупы. Этотъ обычай, единственно употребительный въ Авестѣ и въ позднѣйшей Персіи въ эпоху Зороастра, вѣроятно, представлялся древнимъ персамъ отвратительнымъ, почему они его и не усвоили; оскверненія земли соприкосновеніемъ съ трупами они избѣгали такимъ образомъ, что погребали ихъ лишь въ восковой оболочкѣ. Настоящія высѣченныя въ скалахъ или сооруженныя на равнинѣ гробницы сохранились только отъ царей.

Этическая разработка маздаизма естественно должна была сильно привлекать евреевъ, хотя на первыхъ порахъ внѣшній,—повидимому, весьма рѣзкій дуализмъ былъ противенъ ихъ строго-монотеистическому чувству. Уже въ 722 году до

*) Примѣч. къ Вендидадъ, 7, 136 „Если (кто-либо) умретъ отъ самоубійства вполнѣ обдуманно, то спустя три ночи произойдетъ разсчетъ (для его души)". Это мѣсто до сихъ поръ оставалось непонятымъ, такъ какъ печатный текстъ невѣренъ. Въ одной тегеранской рукописи найденъ правильный текстъ

Р. Х., послѣ завоеванія Самаріи, мы находимъ евреевъ въ персидскихъ городахъ, куда ихъ переселилъ Саргонъ (II Книга Царствъ, XVII и XVIII).

Въ 538 году также лишь сравнительно немногіе изъ изгнанныхъ въ Вавилонъ евреевъ воспользовались полученнымъ отъ Кира дозволеніемъ возвратиться на родину. Большинство осталось въ Персіи, и многіе достигали даже весьма вліятельнаго положенія, какъ, напр., Нехэмія (Неемія). Судя по книгѣ Эсѳирь (III, 8), іудеи жили во всѣхъ областяхъ царства. Хотя это само по себѣ не невѣроятно, однако, не можетъ считаться и исторически достовѣрнымъ. Въ тѣхъ книгахъ Библіи, которыя относятся къ временамъ послѣ изгнанія, какъ и въ позднѣйшихъ талмудическихъ указаніяхъ, встрѣчаются религіозныя идеи, имѣющія источникомъ не догмы древнѣйшаго іудейства, но ученіе маздаизма. Сюда принадлежатъ, прежде всего, эсхатологическія части израильской религіи, а посредствомъ ея—и христіанства. Ученіе о воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ, о блаженствѣ благочестивыхъ и наказаніи злыхъ, о книгѣ, куда записываются дѣянія людей, объ устройствѣ небеснаго царства или рая (самое слово *парадизъ*, употребительное во многихъ европейскихъ языкахъ, персидскаго происхожденія), объ адѣ, о добрыхъ и злыхъ ангелахъ и особенно о сатанѣ,—частью прямо заимствовано изъ маздаизма, частью произошло путемъ развитія зародышей, скрывавшихся уже въ іудаизмѣ, но оплодотворенныхъ и существенно видоизмѣненныхъ вліяніемъ маздаизма.

Съ другой стороны, точно также естественно, что маздаизмъ, въ свою очередь, находясь въ продолжительномъ сосѣдствѣ съ іудаизмомъ, заимствовалъ отъ него многое. Сюда относятся, напр., сходныя черты въ персидско-іудейскомъ разсказѣ о грѣхопаденіи. Разсказъ этотъ въ парсизмѣ навѣрное моложе, чѣмъ у іудеевъ. То же можно сказать объ идеѣ Мессіи (въ Авестѣ Саушьянсъ), какъ сынѣ дѣвы (сравн. Исайи, VII, 14). Попытка Дармштетера выставить ученіе Зороастра произведеніемъ мидійскихъ маговъ, затѣмъ подвергшимся въ два первые вѣка послѣ Р. Х. рѣшительному вліянію неоплатонизма и іудейства, едва-ли встрѣтитъ чье-либо сочувствіе. Тотъ фактъ, что неоплатоническія идеи встрѣчаются въ парсизмѣ, не подлежитъ сомнѣнію: но дѣлать его исходнымъ и главнымъ пунктомъ изслѣдованія, значитъ поставить все историческое развитіе вверхъ ногами.

Отношенія религіи Зороастра къ другимъ древнѣйшимъ семитическимъ религіямъ, кромѣ іудейской, въ настоящее время не ясны. Поклоненіе звѣздамъ, во всякомъ случаѣ, вавилонскаго происхожденія.

Изъ египетской религіи навѣрное ничто не перешло къ маздаизму, хотя земля фараоновъ при Сассанидахъ, правда лишь на короткое время, стала снова персидской. Персы, впрочемъ, всегда относились къ египтянамъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Единственное, что могло, наконецъ, побудить къ сопротивленію терпѣливый и покорный народъ, было слишкомъ ясно выраженное пренебреженіе къ его мистеріямъ. Въ одномъ подобномъ случаѣ даже великій царь Ксерксъ и его сынъ должны были удалиться изъ Саисскаго дворца. Въ египетской надписи, по Бругшу, сказано даже что они были „выброшены“, но египтяне благоразумно написали это лишь когда персидское владычество давно миновало. Зато въ египетской религіи борьба между Озирисомъ и Сетомъ, быть можетъ на почвѣ маздаизма, превратилась въ этическую, и Сетъ, какъ нравственно-порочное божество, былъ изгнанъ изъ сонма боговъ. Исламъ, помимо персидскихъ вліяній, дѣйствовавшихъ чрезъ посредство еврейства, заимствовалъ кое-что изъ парсизма, какъ, напр., мостъ Сиратъ, протянутый чрезъ адъ и воспроизводящій парсистскій судебный мостъ, который должна перейти послѣ смерти всякая душа. Отдѣльныя фигуры иранской миѳологіи перебрались также на сѣверъ и на сѣверо-востокъ къ иноплеменнымъ народамъ; уже и Авеста сообщаетъ объ обращеніяхъ въ этихъ странахъ.

Обозрѣніе содержанія Авесты читатель найдетъ въ позднѣйшемъ отдѣлѣ, относящемся къ царству Сассанидовъ, такъ какъ этой эпохѣ принадлежитъ та редакція Авесты, которая дошла въ отрывкахъ до нашего времени.

Послѣ обзора культурнаго положенія и значенія древней Мидіи и Персіи, мы въ заключеніе должны задаться вопросомъ: чѣмъ стала бы Европа, если бы побѣду въ достопамятномъ столкновеніи одержали не греки, а иранцы? Во всякомъ случаѣ, счастье, что не случилось послѣднее; дѣйствительно, персы никогда не были бы въ состояніи понять свободный полетъ греческаго духа. Они не могли бы содѣйствовать дѣятельности этого духа, опредѣлившаго развитіе всего человѣчества; въ наилучшемъ случаѣ они могли бы только не составить помѣхи.

Каковы бы ни были культурные элементы, которые Европа могла бы усвоить отъ Персіи, во всякомъ случаѣ азіатскій деспотизмъ преграждалъ персамъ всякій путь къ содѣйствію всемірно-исторической миссіи Греціи. Поэтому, можно прибавить: счастье, что Греція не одолѣла Александра Македонскаго, вступивъ въ союзъ съ Персіей, когда этотъ союзъ, такъ сказать, висѣлъ въ воздухѣ. Вѣчно ссорившіяся и соперничавшія между собою многочисленныя греческія республики не могли бы на долгое время удержать духовную гегемонію, а Персія, въ свою очередь, не могла имъ въ этомъ случаѣ послужить опорой. Македонія вступила вполнѣ вооруженной во владѣніе греческимъ наслѣдствомъ и передала его остальному міру, причемъ, однако, Персія осталась, къ сожалѣнію, почти съ пустыми руками.

Семитическая культура въ Передней Азіи.

Составилъ доцентъ д-ръ Ф. Швалли (Schwally).

Семитическіе народы и языки.

Семитами называютъ всѣ тѣ племена, которыя употребляютъ еврейскій языкъ или одинъ изъ родственныхъ съ нимъ. Сюда принадлежатъ, кромѣ израильтянъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей, хананеяне или финикіяне, жители Аммона, Моава и Эдома, арамеи, вавилоняне и ассиріяне, арабы, сабеи и эѳіопы. Названные народы родственны однако не только по языку, но и по расѣ. Если оставимъ въ сторонѣ абиссинцевъ, то область, въ которой распространены языки этихъ народовъ, представляетъ вполнѣ связное цѣлое. Она охватываетъ большой Аравійскій полуостровъ, бассейнъ Нижняго Евфрата и Тигра и всю область отсюда до Средиземнаго моря на западѣ. Съ этимъ географическимъ распространеніемъ связывается также то обстоятельство, что семитическіе языки находятся между собою въ гораздо ближайшемъ сродствѣ, нежели напр. индо-европейскіе. При этомъ ихъ главная особенность—преобладаніе корней, состоящихъ изъ трехъ согласныхъ—эта особенность такъ рѣзко выражена, что не можетъ почти быть сомнѣнія относительно того, принадлежитъ-ли данный языкъ къ этой семьѣ или нѣтъ. Если-же обратно, мы попытаемся дать общую характеристику душевнаго склада семитовъ, то при этомъ мы подвергнемся опасности, (что часто и случалось) указать временныя и пріобрѣтенныя историческимъ путемъ особенности и отмѣтить такія ограниченія, которыя на самомъ дѣлѣ не существуютъ! Какіе только недостатки не приписывались, хотя-бы въ нынѣшнемъ столѣтіи, врожденнымъ особенностямъ семитовъ! Кто ставитъ напр. упрекъ относи-

тельно недостатка силы творчества, того я отсылаю къ исторіи религій, такъ какъ обѣ главныя міровыя религіи, а именно, христіанство и исламъ, были изобрѣтены семитами. Кто въ свою очередь утверждаетъ, что семиты лишены воинскаго и политическаго организаторскаго таланта, тому я укажу на мощныя созданія оммаядскаго и аббасидскаго халифата.

На Востокѣ нѣкогда существовало весьма распространеное мнѣніе, что арамейскій языкъ является первобытнымъ языкомъ человѣческаго рода; точно также въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые богословы утверждали, будто всѣ языки произошли отъ еврейскаго. Это величайшая нелѣпость. Однако и въ новое время часто повторялись попытки доказать родство индо-европейскихъ и семитическихъ языковъ; эти попытки потерпѣли жалкое крушеніе [1]). Правда, въ концѣ концовъ, придется привести всѣ языки къ одному единственному первобытному языку. Но научное языкознаніе не въ состояніи привести къ одному общему корню всѣ тѣ колоссальныя различія, которыя выработались въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ. Столько же пришлось ломать голову по вопросу о первобытной родинѣ семитовъ. Прежнее мнѣніе, будто семиты происходятъ изъ Арменіи, выводится изъ первой книги Моисея, гдѣ нѣкоторые дѣйствительно семитическіе народы выведены изъ Арпахсада. Но ни одинъ народъ въ мірѣ не сохранилъ точныхъ воспоминаній о своемъ происхожденіи. Наоборотъ, можно считать правильнымъ то наблюденіе, что до настоящаго времени въ Сиріи существуетъ безпрерывное переселеніе небольшихъ бедуинскихъ племенъ въ ближайшія земледѣльческія области. Относительно израильтянъ извѣстно, по преданію, что они перешли Іорданъ изъ Сирійской пустыни и то же самое слѣдуетъ сказать о побѣдителяхъ сумерійскихъ и аккадскихъ народовъ. Довольно вѣроятно также, что семиты, прежде чѣмъ они наводнили Малую Азію, находились въ Аравіи. Однако, отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы Аравія была ихъ первобытною родиной. Пустынный характеръ этой страны заставляетъ насъ придти даже къ обратному предположенію. Не добровольно, но подъ давленіемъ неизвѣстныхъ намъ переселеній народовъ, были вытѣснены семиты изъ величайшаго

[1]) Мы видѣли однако, что проф. Лефманнъ и теперь основывается на предположеніи такого родства, когда отвергаетъ европейскую теорію происхожденія арійцевъ. *Пер.*

очага народовъ на всемъ земномъ шарѣ, а именно изъ Африки, черезъ Красное море. Отношеніе семитическихъ языковъ къ хамитическимъ также основано на довольно точныхъ доказательствахъ.

Эпохи вавилонской и ассирійской исторіи.

Не всегда пребывали семиты въ рѣчныхъ областяхъ Евфрата и Тигра. Однако, они уже съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ къ намъ дошли какія либо свидѣтельства, т. е. приблизительно съ 3-го тысячелѣтія до Рождества Христова, оставили по себѣ извѣстныя воспоминанія. Въ этихъ областяхъ они нашли уже высоко развитую культуру, которую можно сравнить только съ египетской. Хранителями этой культуры были сумерійцы и аккадійцы, изъ которыхъ первые пребывали по Нижнему Евфрату и имѣли столицу Уръ, тогда какъ вторые жили по верхнему Тигру, начиная отъ Урука, и имѣли столицу Аккадъ. Насколько намъ извѣстенъ языкъ этого первобытнаго населенія, онъ не находится въ родствѣ ни съ какой другой изслѣдованной семьею языковъ. Зависимость поселившихся здѣсь семитовъ отъ древней месопотамской культуры легче всего можетъ быть изучена по происхожденію письма. Туземное населеніе обладало выработаннымъ іероглифическимъ письмомъ, которое начерталось на глиняныхъ табличкахъ и состояло изъ значительнаго количества знаковъ для слоговъ и для словъ, выражающихъ понятія (идеограммъ). Семиты восприняли это письмо, чтобы писать имъ на своемъ языкѣ. Какая путаница произошла вслѣдствіе этого въ системѣ и безъ того достаточно сложной, обнаруживается, напр. изъ слѣдующаго случая. Опредѣленный знакъ обозначалъ по-сумерійски бога и небо, поэтому, семиты воспользовались имъ для обозначенія *саму* (небо) или *илу* (богъ). Но такъ какъ по сумерійски небо называется *ану*, тотъ-же знакъ, между прочимъ, сталъ обозначать слогъ анъ. Первичное образное значеніе этого письма все болѣе и болѣе отступало на задній планъ до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, отдѣльные знаки не стали совокупностью черточекъ, имѣющихъ видъ клиньевъ, такъ какъ ихъ нацарапывали на глинѣ угловатой палочкой, для того чтобы рука пишущаго могла оказать болѣе сильное давленіе на палочку въ началѣ черточки, откуда и произошло названіе клинообразныхъ письменъ.

Въ началѣ вавилонской исторіи еще не существовало Вавилонскаго Царства, но былъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ гражданскихъ общинъ, начальники которыхъ тѣмъ не менѣе приписывали себѣ царскій титулъ. Древнѣйшій, о которомъ сохранились извѣстія, царь Саргонъ Аккадскій, какъ полагаютъ, жилъ около 3750 г. Однако онъ носитъ также семитическое имя Сарукину (настоящій царь). Исторія его юности напоминаетъ исторію библейскаго Моисея, что впрочемъ едвали увеличиваетъ ея правдоподобіе. Наоборотъ, свѣдѣніе, что онъ объѣхалъ „море заходящаго солнца" т. е. Средиземное море—это свѣдѣніе носитъ вполнѣ достовѣрный характеръ. До недавняго времени въ пользу этого извѣстія можно было выставить только общее предположеніе, что фактическая зависимость Сиріи отъ вавилонской культуры, по всей вѣроятности, должна была имѣть продолжительную исторію. Съ-тѣхъ поръ однако на таблицахъ въ Телль-Эль-Амарна были найдены письма туземныхъ палестинскихъ князей фараону Аменофису IV Египетскому, относящіяся приблизительно къ 1450 г. до Рождества Христова и написанныя на ассирійскомъ языкѣ. Отсюда становится вѣроятнымъ, что уже древнѣйшая вавилонская династія создала міровую державу, достигавшую береговъ Средиземнаго моря. Начало болѣе обширныхъ государствъ вѣроятно имѣло источникомъ Уръ въ странѣ сумерійцевъ, такъ какъ титулъ властителей этого города—царь Ура, царь Сумера и царь Аккада—долженъ же былъ основываться на какихъ либо фактическихъ данныхъ, даже въ томъ случаѣ, если мы и не сочтемъ его вполнѣ точнымъ, такъ какъ на ряду съ нимъ встрѣчаемъ титулъ царя 4-хъ странъ свѣта. Кромѣ Ура были еще въ то время города Нипуръ, Эриду, Урукъ и другіе, цари которыхъ обращали особенное вниманіе на сооруженіе храмовъ. Владычество туземныхъ династій съ теченіемъ времени прерывалось нѣсколько разъ вторженіемъ чуждыхъ народовъ. Около 2300 года Вавилонія была подчинена царями Элама, страны, находящейся къ востоку отъ Евфрата, съ главнымъ городомъ Сузой. Въ библейскомъ разсказѣ о походѣ царя Кедорлаомера Эламскаго въ Палестину не только имя царя, но даже и самая экспедиція должна считаться исторической: вспомнимъ сказанное выше о Саргонѣ. Точно также приблизительно 300 лѣтъ длилось

чужеземное господство сѣверно-восточныхъ сосѣдей вавилонянъ, такъ называемыхъ кассу (1518 и слѣд. годы). Въ промежуткѣ этого времени въ городѣ Бабиль (Вавилонъ) жили властители, которые покорили сосѣднія провинціи Сумера и Аккада, просоединивъ ихъ къ Вавилонскому царству. Съ этихъ поръ, а именно съ царствованія Хаммураби, Вавилонъ оставался постоянно столицей Вавилонскаго царства.

Нашествіе семитовъ распространилось не только на область Кардунію подлѣ Сумера и Аккада, но и далѣе на сѣверъ отъ Нижняго Цаба вверхъ по Евфрату. Эта страна называется Ассиріей. Она, если принять во вниманіе время, оказывается болѣе подвернувшейся вліянію семитическаго элемента, нежели Вавилонія: по всей вѣроятности туземное населеніе здѣсь легче и скорѣе смѣшалось съ побѣдителями. Отсюда приходится сдѣлать предположеніе, что эта область имѣла не въ такой степени самостоятельный и рѣзко выраженный національный характеръ, какъ южныя области. Но крайней мѣрѣ слѣдуетъ считать неоспоримымъ тотъ фактъ, что Ассирія, съ тѣхъ поръ, какъ мы ее знаемъ, въ своей культурѣ всегда чувствовала зависимость отъ Вавилоніи. Это, по всей вѣроятности, было справедливо и для эпохи, предшествовавшей семитическому нашествію. Въ то время какъ вавилоняне усвоили всю умственную культуру туземцевъ, Ассирія всегда оставалась военнымъ и хищническимъ государствомъ.

Выступленіе Ассиріи на поприще міровой исторіи, а именно въ спискѣ данниковъ фараона Тоутмеса III послѣ битвы при Мегиддо (около 1550 г.) едва-ли можетъ считаться особенно славнымъ. Однако этотъ фактъ не воспрепятствовалъ распространенію ассирійскаго могущества. У насъ есть еще письмо вавилонскаго царя Буррабурьяша фараону Аменофису IV, въ которомъ первый проситъ послѣдняго не оказывать никакой поддержки обращавшихся къ нему ассирійцамъ, стремившимся къ независимости отъ Вавилона. Вавилонское царство должно было уже утратить свое верховенство надъ Сиріей. Это ясно вытекаетъ изъ дипломатической переписки между различными палестинскими князьями и тѣмъ же фараономъ. Тѣмъ скорѣе должны были ассирійцы думать, что насталъ часъ предпринять что-либо рѣшительно противъ Вавилона. Уже Тиглатпаласаръ I подчинилъ себѣ не только весь югъ почти до Вавилона, но и сѣверъ до Чернаго моря и распространилъ свои завоеванія до са-

мой Сиріи. Правда эти пріобрѣтенія не были долговѣчны. Лишь области по Белиху, притоку Евфрата, на которомъ находился сирійскій городъ Гарранъ, повидимому остались въ рукахъ ассирійцевъ. Вавилонъ также пріобрѣлъ вновь независимость. Въ царствованіе Тиглатпаласара явился военный обычай переселять знатнѣйшихъ жителей покоренной территоріи въ весьма удаленныя области царства, а вмѣсто нихъ поселять чужеземцевъ, которые въ свою очередь обыкновенно вывозились насильственно изъ своей родины. Этого рода ссылка оказалась превосходнымъ средствомъ для умиротворенія новыхъ областей и немало содѣйствовала нивеллированію. Ассурназирпалъ и Сальманассаръ II основали прочное великое Ассирійское царство (950 г. и слѣд.). Это царство простиралось до Ливана: „всѣ цари этихъ странъ пришли ко мнѣ, обнимали мои ноги и я взялъ у нихъ заложниковъ". Когда Сальманассаръ въ 854 г. началъ походъ, съ цѣлью вновь укрѣпить за собою эти пріобрѣтенія, то на встрѣчу ему при Каркарѣ на р. Оронтѣ выступили соединенныя войска.—Гададезера изъ Дамаска, Ирхулины изъ Гамата и Ахава изъ Израиля.

Хотя союзники, судя по ассирійскимъ лѣтописямъ, были побѣждены, однако понадобились еще многократные походы на западъ для полнаго покоренія финикійскихъ городовъ и израильскаго Іегу (846 г.). Еще раньше (852) Ассирія счастливо вмѣшалась въ вавилонскія придворныя неурядицы. Могущественнѣйшіе владыки Южной Вавилоніи должны были подчиниться Ассиріи. Взятіе Дамаска, неудавшееся Ассурназирпалу въ 846 г. было достигнуто вторымъ вслѣдъ за нимъ преемникомъ Раманнирари III (811 по 782). При царѣ Ассурнирарѣ вспыхнуло возстаніе, приведшее къ паденію династіи, царствовавшей по ея собственнымъ указаніямъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Когда Тиглатпаласаръ II вступилъ на престолъ, онъ былъ узурпаторомъ; но вскорѣ оказался вполнѣ достойнымъ величайшихъ изъ своихъ законныхъ преемниковъ и его слѣдуетъ считать настоящимъ основателемъ ассирійской міровой державы. Прежде всего почувствовали его властную руку многочисленные князки южной Вавилоніи, жившіе по берегамъ Тигра, Евфрата, Сурапу и Акну до „Нижняго моря". Многочисленные обитатели были сосланы въ отдаленныя провинціи, а упорствующіе вельможи посажены на колъ. Однако прошло еще добрыхъ 20 лѣтъ, прежде чѣмъ ассирійское владычество было признано всѣми,

въ томъ числѣ и Вавилономъ. Съ 743 по 738 годъ столица царя находилась въ Сиріи, гдѣ удалось покорить Каркамишъ, Арпадъ съ сѣверу отъ Халева и почти всю долину Оронта. Вслѣдъ за этимъ и финикійскіе города вмѣстѣ съ царями Гамата, Дамаска и Израиля (царь Менахемъ) сочли себя вынужденными къ платежу дани (см. вторую книгу Царствъ). Какъ намъ извѣстно изъ писаній израильскихъ пророковъ, наиболѣе проницательные люди Сиріи были убѣждены въ томъ, что продолжительное сопротивленіе ассирійскому могуществу не можетъ быть успѣшно и что поэтому всего лучше покориться безъ боя или, однажды покорившись, выполнять принятыя на себя повинности. Едва только царь Пуль, какъ его называетъ Библія, отступилъ вновь, какъ сирійскіе владыки вступили въ борьбу между собою. Въ Израилѣ послѣ смерти Менахема (Менехіи) сынъ его Пекахія былъ убитъ своимъ военачальникомъ Пекахъ-бенъ-Ремалья. Князь Резонъ Дамасскій вступилъ въ союзъ съ названнымъ военачальникомъ противъ царя іудейскаго Іотама-бенъ-Азарьи. Сынъ его Ахазъ, осажденный, по смерти отца, нарушителями мира въ своей собственной столицѣ Іерусалимѣ, не нашелъ никакого иного исхода, какъ только призвать на помощь своего владыку, царя Ассирійскаго. Узнавъ о приближеніи ассирійскаго войска, оба его противника поспѣшили убраться во-свояси. Дамаскъ былъ вынужденъ вновь покориться и подвергся суровымъ карамъ и ссылкамъ. Ахазъ, царь Іудейскій, лично явился въ Дамаскъ, чтобы поблагодарить своего властелина.

Съ этихъ поръ, весь сѣверъ царства израильскаго сталъ ассирійской провинціей и новымъ царемъ былъ поставленъ Госея (Осія). Этотъ царь платилъ первоначально дань также и слѣдующему ассирійскому царю. Но когда эѳіопъ Сабаконъ покорилъ Египетъ, Осія надѣялся съ его помощью оказать сопротивленіе ассиріянамъ. Однако Сальманассаръ быстро прибылъ на мѣсто. Осія неизвѣстно какимъ образомъ сразу попалъ въ его руки. Укрѣпленная столица однако сопротивлялась еще въ теченіе трехъ лѣтъ. Между тѣмъ Сальманассаръ умеръ. Его преемникъ Саргонъ быстро расправился съ покореннымъ городомъ. Знатнѣйшіе жители, въ числѣ 27,280 душъ, если вѣрить хвастливой надписи царя, были сосланы въ другія области царства, а на ихъ мѣсто поселены другіе ссыльные. Вся страна, какъ ассирійская провинція, была подчинена намѣстнику. Такъ какъ Саргонъ

въ своихъ надписяхъ никогда не упоминаетъ имени своего отца, но всегда лишь древнѣйшихъ царей Ассиріи, которыхъ онъ называетъ своими предками, то весьма вѣроятно, что онъ не былъ сыномъ своего предшественника, но лишь новымъ узурпаторомъ въ династіи узурпаторовъ. Съ этимъ предположеніемъ хорошо согласуется фактъ многочисленныхъ безпорядковъ, вспыхнувшихъ теперь во всѣхъ концахъ обширнаго царства. Саргонъ вскорѣ одолѣлъ бунтовщиковъ. Властелину Гаматскому, Оллубиту, возбудившему возстаніе въ Сиріи послѣ покоренія Каркара въ 720 году была содрана кожа. Другіе союзники, имѣя во главѣ царя египетскаго Сабакона, были разбиты на голову при Рафіи, на южной границѣ страны Филистимской. На сѣверѣ и востокѣ царства, Саргонъ одержалъ такія же побѣды. Между прочимъ была покорена почти вся Мидія. Одинъ мидійскій князь, по имени Даяукку, былъ взятъ въ плѣнъ и вмѣстѣ со многими вельможами сосланъ въ Гаматъ (715), послѣ покоренія Каркамиша и взятія въ плѣнъ Пизириса, царя Хетскаго. Еще за 2 года передъ тѣмъ былъ положенъ конецъ его царству. Въ 711 г. произошло новое возстаніе сирійскихъ племенъ, во главѣ котораго на этотъ разъ стоялъ Азури изъ Асдода. Какія событія привели къ тому, что уже въ 715 г. египетскій фараонъ фигурируетъ въ спискѣ данниковъ Саргона, этого мы въ точности не знаемъ. Въ 709 г. царь Мардукбалидинъ Вавилонскій былъ побѣжденъ въ войнѣ, точныхъ причинъ которой мы не знаемъ, и царство его было соединено съ Ассиріей посредствомъ личной уніи. Начиная съ 709 г., Саргонъ именуется царемъ Вавилона. Какъ обыкновенно случается послѣ всякой подобной перемѣны, такъ и въ этомъ случаѣ, послѣ вступленія на престолъ Сенахериба, многія подвластныя провинціи вновь подняли голову; но сынъ справился съ ними также скоро, какъ раньше отецъ. Изъ всѣхъ сирійскихъ государствъ одинъ только Аккаронъ соблюдалъ вѣрность Ассиріи. Съ неожиданной быстротой выполнилъ свой планъ „великій царь" (701 г.). Финикійскіе города должны были подчиниться; только находящійся на островѣ городъ Тиръ 5 лѣтъ выдерживалъ осаду. Между тѣмъ великій царь перенесъ свою главную квартиру въ Лакисъ. Отсюда онъ затѣялъ покореніе страны Филистимской и Іерусалима, а затѣмъ отбросилъ египетскую армію, бывшую подъ начальствомъ Тагарки. Побѣда повидимому была одержана имъ почти на всѣхъ пунк-

тахъ, какъ вдругъ онъ внезапно былъ вынужденъ къ отступленію, по всей вѣроятности по причинѣ появившейся въ его войскѣ чумы. Что тѣмъ не менѣе онъ могъ себя считать побѣдителемъ, это становится яснымъ изъ послѣдующихъ событій. Хотя Іерусалимъ не былъ покоренъ, однако Гисскія долженъ былъ уплачивать дань Ассиріи. Ни фараоны, ни дружественные съ ними сирійскіе князья долгое время не осмѣливались ничего предпринять противъ Ассиріи. Сверхъ того Сенахерибъ, едва возвратившись домой, располагалъ еще достаточными силами, для того, чтобы въ союзѣ съ Эламомъ нанести рѣшительные удары возставшей Вавилоніи. Заключеніемъ войны было совершенное разрушеніе Вавилона огнемъ и мечемъ (692). Къ концу царствованія возникли неурядицы въ собственномъ домѣ царя, причемъ великій полководецъ былъ убитъ предательски своими сыновьями Нергальсарусуромъ и Адармаликомъ. Тѣмъ не менѣе корона не досталась отцеубійцамъ, но другому брату, Асаргадону. Этотъ царь былъ самымъ миролюбивымъ изъ всѣхъ солдатскихъ царей Ассиріи. Одной изъ первыхъ заботъ его правленія было возстановленіе Вавилона, что онъ считалъ священнымъ долгомъ богу этого города, Мардуку. Величайшимъ его воинскимъ подвигомъ была экспедиція въ Египетъ, во время которой былъ покоренъ Мемфисъ. Вскорѣ послѣ этого Асаргадонъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, уступилъ власть своему сыну Ассурбанипалу, тогда какъ вавилонскія провинціи управлялись вице-королемъ Саммассумукиномъ. Многократныя попытки Египта возстановить независимость подъ предводительствомъ Тагарки и Танутамона совершенно не удались и въ тоже время стали могилою египетской эѳіопской династіи (662). Въ то время, какъ ассирійскіе полководцы сражались въ Египтѣ, царь спокойно сидѣлъ дома и посвящалъ себя дѣламъ мира. Прежде всего онъ составилъ огромную библіотеку, причемъ собиралъ разныя древнія литературныя произведенія, приказывая переводить ихъ на новѣйшій языкъ и съ помощью новыхъ письменъ. Большая часть изъ того, что собрано въ европейскихъ библіотекахъ изъ области клинообразной письменности взято изъ собраній этого царя. Библіотека его находилась въ перестроенномъ дворцѣ Сенахериба въ Нинуа (Ниневіи), а именно въ такъ называемомъ юго-западномъ дворцѣ. Здѣсь находилась также резиденція. Изъ 4-хъ главныхъ городовъ, въ которыхъ порою жили цари Ассиріи, самый древнѣйшій

это Ассуръ. Арбелы всегда оставались священнымъ городомъ. Лишь Салманассаръ I построилъ себѣ дворецъ въ Ниневіи. Саргонъ основалъ новую резиденцію, получившую отъ него имя города Саргона (Дуръ-Сарукинъ). Ассурбанипалъ избралъ городъ Каллахъ, построенный Салманасаромъ I.

Въ своихъ дѣйствіяхъ относительно вавилонской провинціи царь Асаргадонъ сдѣлалъ двѣ, обильныя послѣдствіями, политическія ошибки: въ началѣ своего царствованія онъ возстановилъ Вавилонъ, а незадолго до отреченія предоставилъ постъ вавилонскаго вице-короля одному изъ принцевъ своего дома. Этотъ послѣдній воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ, причемъ онъ естественно имѣлъ на своей сторонѣ все туземное населеніе. Эламъ, какъ и раньше, былъ союзникомъ, всегда готовымъ къ услугамъ, но кровавые придворные перевороты въ этомъ царствѣ препятствовали выступленію обѣщанныхъ вспомогательныхъ войскъ. Такимъ образомъ Ассурбанипалъ снова имѣлъ дѣло только съ однимъ Вавилономъ, который ему удалось совершенно покорить. Онъ былъ достаточно благоразуменъ для того, чтобы не посадить туда новаго властелина и прислалъ только намѣстника. (648 г.). Однако, быть можетъ, было бы еще лучше стереть съ лица земли опасный городъ. Вскорѣ послѣ этого, по случаю выдачи военноплѣнныхъ ассиріянъ, возникли новые раздоры съ Эламомъ, окончившіеся покореніемъ страны и раздробленіемъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, включая и столицу Сузу (666 г.). Эти войны до того заняли силы Ассиріи, что отпаденіе Египта въ царствованіе Псамметика I стало неизбѣжнымъ. Но еще худшая судьба ожидала Ассурбанипала. Намѣстникъ Вавилоніи Набополласаръ въ 608 г. поднялъ знамя возстанія. Союзниками его были на этотъ разъ не жители Элама, но мидяне, которые, неизвѣстно какимъ образомъ,—въ связи ли съ переселеніемъ народовъ или съ нашествіями скиѳовъ, или какимъ либо инымъ способомъ,—достигли необычайнаго развитія силъ. Къ сожалѣнію, намъ очень немногое извѣстно о ходѣ сраженія. Достовѣрно лишь одно, а именно, что Ассурба нипалъ погибъ, что всѣ 4 его столицы были обращены въ развалины и что ассирійское государство и весь народъ внезапно исчезли съ лица земли. Яркое выраженіе ликованія народовъ Передней Азіи по случаю гибели ненавистнаго народа мы находимъ у Цефаніи (Софоніи).

Ново-Вавилонское царство было халдейскимъ. Дѣйстви-

тельно, Набо поласаръ принадлежалъ къ племени Калду, которое, примѣрно со времени нашествія кассу, утвердилось на югѣ Вавилоніи и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе подвигалось на сѣверъ.

Отъ чудовищнаго ассирійскаго царства часть отпала въ пользу Мидіи, а именно области къ востоку и сѣверу отъ Тигра. Мидіи удалось теперь распространиться еще далѣе на востокъ. Весьма возможно, что персидскіе цари, послѣ того, какъ они уже утвердились въ Сузѣ, признавали верховенство мидянъ. Болѣе или менѣе проницательные люди, конечно, догадывались объ опасности, угрожавшей Вавилоніи съ этой стороны. Въ то время какъ на востокѣ Вавилоніи политическое положеніе постоянно измѣнялось,—на западѣ вѣчная наслѣдственная вражда Египта и сирійскихъ князьковъ представляли гораздо меньшую опасность. Фараонъ Нехо, желавшій воспользоваться паденіемъ Ассура съ цѣлью овладѣть Сиріей, былъ разбитъ на голову при Каркамишѣ и вся страна отъ порубежнаго египетскаго ручейка до самаго Евфрата была у него отобрана (604). Теперь сынъ и преемникъ Набополасара, Набу-кудуръ-усуръ (Навуходоноссоръ) могъ уже сдѣлать попытку вновь возстановить, помощью культурныхъ сооруженій, Вавилонію, жестоко пострадавшую отъ продолжительныхъ войнъ. Имъ были предприняты въ крупномъ масштабѣ сооруженія городовъ, каналовъ, плотинъ и разныя сельско-хозяйственныя работы. Вавилонъ былъ окруженъ чудовищной двойной стѣною. Конечно, это мощное укрѣпленіе также мало могло помочь его династіи, какъ и боги Мардукъ и Набу, которымъ онъ оказалъ почтеніе сооруженіемъ храмовъ и разныхъ учрежденій. Не помогли они даже тому, чтобы послѣ его смерти не явился рядъ царей, одинъ другого неспособнѣе. Лучшимъ изъ нихъ былъ Набунаидъ (555—539); онъ занимался почти исключительно сооруженіемъ храмовъ и выкапываніемъ лѣтописей, относящихся къ основанію древнихъ святынь. Между тѣмъ на востокѣ наступили новыя событія. Персидскій царь Курушъ II (Киръ) низвергъ мидійца Астіага и сталъ теперь царемъ Персіи, Элама и Мидіи. Совершенная политическая неспособность Набунаида сказывается въ томъ, что онъ принялъ эти событія за особенную милость, оказанную ему богомъ Мардукомъ. Вскорѣ ему пришлось однако убѣдиться, что Киръ горазд опаснѣе мидянъ. Въ 547 г. шуринъ павшаго Астіага, Крезъ, царь лидійскій,

побудилъ его вступить съ нимъ въ союзъ противъ персидскаго царя. Къ этому союзу присоединился также Амазисъ, царь египетскій. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что здѣсь впервые выступаютъ на сцену греческіе наемники, играющіе роль въ этихъ азіатскихъ междуусобицахъ: Спарта обѣщала лидянамъ вспомогательное войско. Но войска Кира гораздо болѣе были пригодны къ бою, нежели эта тяжеловѣсная коалиція. Уже въ 546 г. Сарды были взяты штурмомъ и Крезъ уведенъ въ плѣнъ. Относительно подробностей войны съ Вавилономъ извѣстно лишь одно, а именно что Набунаидъ сдался на капитуляцію. Третьяго Мархашвана, персъ Киръ, не вынувъ меча, вступилъ въ первую столицу міра. Семитическая міровая держава погибла подъ ударами сильнѣйшей арійской державы. Лишь тысячу лѣтъ спустя, семиты вновь стали господами. Багдадскій халифатъ оставилъ въ тѣни даже персидское владычество.

Матеріальная культура вавилонянъ и ассиріянъ.

Въ то время, какъ въ египетскомъ государствѣ господствовалъ іерархическій элементъ, въ Ассиріи преобладалъ элементъ деспотизма. Естественнымъ образомъ въ Египтѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ храмъ, въ Ассиріи дворецъ, тогда какъ въ Вавилонѣ обѣ эти элемента находятся приблизительно къ равновѣсіи. Въ общемъ, родство вавилонскихъ и ассирійскихъ произведеній настолько велико, что здѣсь достаточно ограничиться общей характеристикой. Фундаменты дворцовъ состояли изъ кирпичныхъ кладокъ, причемъ отдѣльные кирпичи соединялись между собою не известковою штукатуркою, но древесной смолой. Какъ бы ни былъ великъ объемъ этихъ сооруженій, все же подобный матеріалъ, въ особенности на болотистой низменной почвѣ, образовалъ слишкомъ рыхлую и податливую основу. Вотъ почему въ надписяхъ мы такъ часто читаемъ о быстромъ упадкѣ зданій. Стѣны состояли изъ глиняныхъ кирпичей, эти послѣдніе были покрыты алебастровыми пластинками, на которыхъ находились скульптурныя изображенія. Въ рѣдкихъ случаяхъ и только на тѣхъ мѣстахъ, которыя требовали особенной прочности, употреблялись также плитняки, доставлявшіеся въ Вавилонъ изъ отдаленныхъ каменоломенъ. Что касается ассирійцевъ, они имѣли каменоломни по близости, и тѣмъ

удивительнѣе ихъ абсолютная несамостоятельность и зависимость отъ южныхъ сосѣдей. Дѣйствительно, въ то время, какъ въ Вавилоніи кирпичныя постройки были необходимостью, по причинѣ отсутствія другого строительнаго матеріала, въ Ассиріи онѣ явились лишь слѣдствіемъ подражанія и, страннымъ образомъ, кирпичъ шелъ даже на фундаменты. Залы были высоки и продолговаты, длинны, но несообразно узки, такъ какъ для потолковъ употреблялись цѣльныя балки, которыя не всегда удавалось найти требуемыхъ размѣровъ. Это неудобство можно было бы устранить при помощи колоннъ или арокъ, однако, повидимому ни каменныя, ни кирпичныя колонны не были извѣстны, а деревянные столбы употреблялись лишь въ малыхъ сооруженіяхъ. Первое начало сводчатаго строенія наблюдается правда уже въ могильныхъ постройкахъ и при устройствѣ каналовъ съ древнѣйшихъ временъ, но настоящее сооруженіе арокъ, доставляющее возможно широкій просторъ, никогда не было въ употребленіи. Типъ построекъ остался на томъ самомъ уровнѣ, который существовалъ еще у сумерійцевъ и аккадійцевъ. Состояли-ли дворцы изъ многихъ этажей, это еще до-сихъ-поръ не извѣстно. Что касается сооруженій болѣе мелкаго стиля, то въ настоящее время, разумѣется, мы не можемъ судить на основаніи фундаментовъ, и единственный матеріалъ для сужденія доставляютъ еще кое-гдѣ сохранившіяся изображенія. Частные дома производятъ впечатлѣніе первобытныхъ глиняныхъ мазанокъ. Сверхъ того на скульптурныхъ изображеніяхъ мы видимъ порою болѣе крупныя зданія, отличающіяся болѣе обильнымъ употребленіемъ деревянныхъ столбовъ, какихъ мы не видѣли въ дворцахъ. Эти столбы имѣютъ особое основаніе, а на верху находятся капители. Отсюда, какъ полагаютъ, развился впослѣдствіи іоническій стиль.

Храмы представляютъ чисто каменныя зданія, какъ и дворцы, но ихъ внѣшнее украшеніе еще проще. Они представляли форму исполинскихъ квадратныхъ зданій съ нагроможденными другъ на друга этажами въ видѣ террассъ, причемъ въ самомъ верхнемъ находилось настоящее святилище, т. е. мѣстопребываніе бога.

Не смотря на то, что семиты въ Месопотаміи весьма мало развили строительную технику, усвоенную отъ предшественниковъ, все-же въ области архитектуры они были учителями всей Передней Азіи. Это доказываютъ многочисленныя слова, относящіяся къ строительному искусству, заимствованныя отъ семитовъ Месопотаміи и достигшія Сиріи и Палестины, такъ напр. слова, обозначающія архитектора, дворецъ, стропила, плотника, порогъ, каналъ, плотину, глину, мѣрить, закладывать фундаментъ, мостить, улица, ворота и т. д.

Главнымъ украшеніемъ дворцовъ были рельефы на алебастровой штукатуркѣ. Здѣсь находятся всевозможныя изображенія: изображены военные походы, осады, охоты, частная жизнь. Всѣ эти изображенія нерѣдко отличаются значительною живостью. Особенно же правдиво и согласно съ природой изображены животныя. Перспектива, однако, вполнѣ отсутствуетъ. Сверхъ того, во всѣхъ изображеніяхъ замѣчается стремленіе воспроизвести не какое-либо минутное событіе, но цѣлый рядъ послѣдовательныхъ событій. Техника была по всей вѣроятности высоко выработана, такъ какъ для рельефныхъ работъ употребляли не только глину, мраморъ, алебастръ и бронзу, но даже базальтъ, весьма трудно поддающійся обработкѣ. Эти рельефныя скульптурныя изображенія, кромѣ внутреннихъ стѣнъ дворцовъ, встрѣчаются также на глиняныхъ призмахъ и обелискахъ, которые воздвигались царями для прославленія своихъ подвиговъ. Ихъ можно встрѣтить также на скалахъ, въ завоеванныхъ земляхъ въ Сиріи, подлѣ Каркара, а также на дверяхъ, на цилиндрахъ, служившихъ какъ печати, таблицахъ, на которыхъ писались союзные договоры, наконецъ на камеяхъ и геммахъ. Эти скульптурныя изображенія большею частью представляютъ собою барельефы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. великолѣпный левъ на портикѣ храма въ Нимрудѣ, они получили такую прекрасную обработку, что ихъ почти можно назвать статуями.

Дошедшія до насъ царскія статуи всѣ представляютъ нѣчто въ высшей степени тяжеловѣсное. Жесткія прически волосъ и бородъ очень мало содѣйствуютъ тому, чтобы придать этимъ фигурамъ жизненность. Цари изображаются большею частью въ остроконечныхъ шапкахъ, лѣвая рука лежитъ на рукояти меча, тогда какъ правая держитъ длинный царскій жезлъ. Иногда руки сложены также на груди. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ часто утверждаютъ, художникъ пытался изобразить набожность. Однако такимъ же образомъ изображается и богъ Нэбо. Подобно грекамъ, также и ассиріяне часто красили свои статуи.

Вопросъ объ отношеніи ассиро-вавилонской культуры къ египетской ставился очень часто. Зависимость отъ Египта весьма вѣроятна, если принять во вниманіе, что задолго до возникновенія древнѣйшихъ вавилонскихъ памятниковъ, египетское искусство достигло уже наивысшей точки своего процвѣтанія и создало такія произведенія искусства, съ которыми успѣли сравниться только греки. Однако древнѣйшіе ассирійскіе памятники все-же не даютъ никакихъ ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу египетскаго вліянія.

Древнѣйшее устройство жилищъ, насколько можно судить о немъ по рельефнымъ изображеніямъ, совершенно отличалось отъ того, какое мы видимъ теперь на Востокѣ. Ассиріяне, какъ и древніе израильтяне, употребляли стулья и кресла и подобно намъ обѣдали за столомъ. На одномъ весьма любопытномъ рельефномъ изображеніи, мы видимъ царя Ассурбанипала лежащимъ на диванѣ въ виноградной бесѣдкѣ. У ногъ его сидитъ на высокомъ стулѣ царица, сама же она поставила ноги на скамейку. Посрединѣ стоитъ столъ, стоящій на звѣриныхъ ножкахъ.

Промышленность достигла очень высокой ступени. Было извѣстно производство стекла и искусство эмальированія; выдѣлывали въ высшей степени художественные сосуды изъ глины и алебастра. Глиняные товары покрывались глазурью и красились. Отливка и ковка металловъ достигли высокой степени совершенства. Наиболѣе употребительнымъ металломъ, какъ почти и у всѣхъ народовъ древности, были мѣдь или бронза, рѣже желѣзо. Оружейное искусство было чрезвычайно высоко развито. Щиты, мечи и шлемы часто покрыты богатыми украшеніями. Изъ другихъ родовъ оружія стоитъ еще назвать дротики и топоры. Лошадиная сбруя у знатныхъ воиновъ была покрыта богатымъ убранствомъ. Наиболѣе знатнымъ боевымъ сооруженіемъ считалась колесница, короткая двухколесная телѣга, въ которую запрягалась одна лошадь, рѣже 3 лошади рядомъ. Подлѣ воина, которому принадлежала колесница и который всегда принадлежалъ къ знати, стоялъ возница, державшій возжи въ обѣихъ рукахъ, а сверхъ того въ правой рукѣ еще ременный кнутъ на короткой палкѣ. Верхомъ на лошади ѣздили очень рѣдко.

Превосходство вавилонской промышленности нашло выраженіе и въ языкѣ,—въ томъ именно, что какъ въ сирійскомъ, такъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ названія стола,

сосуда, башмачника, боевой колесницы, топора, щита и т. п. заимствованы съ ассирійскаго. Быть можетъ также арамейскія и еврейскія названія туники и полотна были первоначально ассирійскаго происхожденія. Съ этимъ согласуется также и показаніе пророка Іезекіиля, что ассирійскіе торговцы посѣщали рынокъ въ Тирѣ, привозя съ собою пестрыя матеріи. На обелискѣ царя Салманассара, приносящіе дань израильтяне одѣты въ верхнюю одежду совершенно такого же покроя, какъ и сами ассиріяне. Эта одежда, существенно отличающаяся отъ египетской, несомнѣнно ассирійскаго происхожденія. Въ то время какъ израильтяне носили тюрбанъ, ассиріяне обыкновенно ходили съ непокрытою головою; даже знатные люди во время охоты имѣли на головѣ всегда лишь легкую повязку. Этимъ, быть можетъ, объясняется необычайная тщательность, съ которою ассиріяне завивали свои длинные волосы на головѣ и на бородѣ, тогда какъ еврейскія бороды изображаются обыкновенно довольно растрепанными. Что касается ношенія браслетовъ, амулетовъ и серегъ, то это не только ассирійскій, но вообще восточный обычай. У ассирійцевъ мы однако не встрѣчаемъ кольца, продѣваемаго въ ноздри, что бывало у другихъ народовъ. Развитая промышленность обыкновенно даетъ начало торговымъ сношеніямъ, и крупные военные походы ассиріянъ предпринимались навѣрное также съ торговыми цѣлями. По показанію пророка Наума, въ Ниневіи было болѣе купцовъ, нежели на небѣ звѣздъ. Города Низибисъ, Харранъ, Каркамишъ, Галатъ и Дамаскъ были главными пунктами великаго торговаго пути на западъ. Купецъ, называющійся по древнееврейски кенаани, т. е. финикіянинъ, по арамейски носитъ ассирійское имя таггаръ. Естественно существовали также торговыя сношенія Месопотаміи съ Востокомъ. Морская торговля была повидимому незначительна. Но на Евфратѣ и на многочисленныхъ каналахъ господствовали оживленныя сношенія при помощи судовъ. Еврейскія названія корабля и матроса замѣчательнымъ образомъ ассирійскаго, а не финикійскаго происхожденія. Ассирійскій купецъ ввелъ также свою систему вѣсовъ во всѣ концы Передней Азіи. Это были 60 минъ, равныя 1 таланту, такъ какъ въ Вавилонѣ господствовала шестидесятиричная система счисленія. Съ другой стороны, локоть, а также мѣры сыпучихъ тѣлъ проникли обратнымъ путемъ изъ Египта въ Ассирію. Чеканка монетъ была еще неизвѣстна. Она была изобрѣтена лишь въ сере-

динѣ 7-го столѣтія до Рожд. Христ. въ Малоазіатской Лидіи. Основою всей вавилонско-ассирійской культуры и ея исходнымъ пунктомъ было земледѣліе. Въ настоящее время эти страны пустынны и угрюмы; въ древности здѣсь былъ настоящій рай—правда не въ томъ смыслѣ, чтобы глазъ могъ здѣсь любоваться какими-либо привлекательными ландшафтами; вѣдь это была низменность, имѣвшая, даже въ свои лучшія времена, приблизительно характеръ Ломбардіи. Но то былъ рай по плодородію. Причиною нынѣшняго упадка этой мѣстности служитъ не измѣненіе климата или же почвы, но пренебреженіе тѣми работами, которыя безусловно необходимы для регулированія воды. Въ этой области сочетаются самыя благопріятныя условія для земледѣльческой культуры. Почва здѣсь наносная, заливная, климатъ весьма жаркій, даже въ Багдадѣ въ теченіе лѣта термометръ часто показываетъ 49 град. Ц. въ тѣни. Вода находилась въ изобиліи, ежегодное наводненіе, зависящее отъ разлитія двухъ большихъ рѣкъ, а именно Тигра съ марта по май и Евфрата съ середины марта по конецъ іюня, сообщали этой, почти лишенной съ мая по ноябрь дождей странѣ, естественное орошеніе, какъ бы указывая человѣку на его земледѣльческія задачи. Древніе обитатели поняли этотъ намекъ природы и съ помощью обширной сѣти плотинъ и каналовъ правильно регулировали орошеніе всей способной къ обработкѣ почвы. Плодородіе страны было вслѣдствіе этого баснословнымъ. Еще Страбонъ замѣчаетъ: „Страна эта даетъ столько ячменя, какъ никакая другая; урожай здѣсь бываетъ, какъ говорятъ, самъ - 300. Остальныя нужды покрываются финиковою пальмой, изъ нея выдѣлываютъ хлѣбъ, сверхъ того уксусъ, медъ, вино, муку и всякаго рода плетеныя вещи. Кузнецы употребляютъ въ этой бѣдной дровами странѣ стержни финиковыхъ пальмъ вмѣсто угольевъ. Въ размягченномъ видѣ эти стержни служатъ для кормленія коровъ и овецъ, а что касается масла здѣсь въ употребленіи сезамовое масло“. Эта характеристика Страбона указываетъ на наиболѣе существенныя черты земледѣлія; онъ забылъ только упомянуть о пшеницѣ. Съ другой стороны, оливковое дерево и смоковница, безъ которыхъ невозможно себѣ вообразить Палестину и Сирію, здѣсь никогда не воздѣлывались. Лишь при арабахъ, т. е. при Аббасидскомъ халифатѣ, Вавилонія въ послѣдній разъ обратилась въ земной рай.

Религія вавилонянъ и ассиріянъ.

Точное изображеніе вавилонской религіи въ настоящее время еще не возможно. Правда, объемъ опубкикованной до сихъ поръ ассирійской литературы весьма значителенъ, однако эта послѣдняя представляетъ частью лишь сухой перечень именъ, частью миѳологическія умозрѣнія. Что касается наиболѣе надежныхъ источниковъ, а именно историческихъ надписей, онѣ не даютъ намъ еще никакой возможности понять характеръ религіи народной массы.

Предметами вавилонской религіи являются боги и духи. Подъ духами слѣдуетъ подразумѣвать такія существа, которыя бродятъ свободно по свѣту, но могутъ также временно или даже навсегда поселиться въ какомъ-либо животномъ. или даже въ любомъ неодушевленномъ предметѣ, напр., въ камнѣ, деревѣ, водѣ. Число этихъ духовъ въ древнемъ Вавилонѣ легіонъ, на что въ особенности указываютъ сохранившіяся таблицы съ заклинаніями. Небо, земля, вода и горы, а также пустыня имѣли своихъ духовъ. Этимъ духамъ приписывались всевозможныя бѣдствія человѣка. Для избавленія отъ этихъ бѣдствій укрощали духовъ посредствомъ заговоровъ, амулетовъ, талисмановъ и волшебныхъ напитковъ. Весьма возможно, что крылатые быки и львы съ человѣческими головами, изображаемые при входахъ въ храмы и дворцы, представляли подобныя духовныя существа. Добрыми геніями должны, во всякомъ случаѣ, считаться крылатыя существа съ человѣческимъ туловищемъ, съ головою коршуна, а иногда и человѣка, въ томъ случаѣ, когда въ ихъ лѣвой рукѣ мы видимъ котелъ, а въ правой плодъ, протягиваемый стоящимъ передъ ними. Другихъ духовъ изображали въ видѣ драконовъ, грифовъ и иныхъ фантастическихъ существъ.

Боговъ изображали съ человѣческими туловищами и звѣриными головами или, наоборотъ, съ звѣриными туловищами и человѣческими головами. Отсюда видно, что они произошли первонанально отъ духовъ, переселившихся въ животныхъ, т. е. въ своихъ фетишей. Легко понять, что съ теченіемъ времени, многіе духи могли достичь ранга божествъ, тогда какъ другіе остались на полдорогѣ. О нѣкоторыхъ богахъ трудно сказать, привадлежатъ ли они къ той или другой категоріи. Какихъ боговъ считать главными, это также сомнительно, такъ какъ на большихъ историческихъ надписяхъ

нѣкоторые цари перечисляютъ 7 главныхъ боговъ, другіе 13 и притомъ въ разномъ порядкѣ. Зависимость Ассиріи отъ Вавилона обнаруживается и здѣсь, а именно въ томъ, что всѣ боги вавилонскаго Пантеона стали также ассирійскими. Что касается своеобразнаго божества Ассура, то, быть можетъ, это просто новый эпитетъ какого-либо вавилонскаго божества. Для ассирійцевъ Ассуръ является наивысшимъ богомъ, царемъ боговъ, покровителемъ царства въ войнѣ и во время мира. О какомъ-либо космическомъ значеніи этого божества ровно ничего не извѣстно. Въ позднѣйшее время его очень часто изображали надъ изображеніями царей, снабжая его лукомъ и стрѣлами и придавая ему заимствованный изъ Египта солнечный дискъ. Подобное изображеніе, производящее на насъ лишь комическое впечатлѣніе, произвело такое сильное впечатлѣніе на персовъ, что они заимствовали его, какъ образецъ для своего высочайшаго бога Агурамазды (Ормузда). Главнымъ изъ вавилонско-ассирійскихъ божествъ является Ану (по сумерійски небо). Этому богу подчинены духи: богъ Белъ называется отцомъ боговъ, владыкою земель, богъ Эа — владыка водъ, его изображаютъ съ рыбьимъ туловищемъ и человѣческою головой; богъ Оаннесъ, о которомъ упоминаетъ Берозъ, былъ, по всей вѣроятности, тожественъ съ Дагономъ, богомъ филистимлянъ: богъ Синъ—это божество луны; культъ его въ особенности развился, уцѣлѣвъ до послѣднихъ временъ, причемъ его чтили даже болѣе, нежели солнечнаго бога Самаса. Этотъ послѣдній судитъ небо и землю, онъ видитъ всякое преступленіе и грѣхъ и губитъ виновнаго. Замѣчательно, что въ миѳахъ борьба между свѣтомъ и тьмою почти не играетъ роли. Раманъ это богъ облачнаго неба, грозы, грома и молніи. Адаръ (Нинипъ) и Нергалъ—это грозные боги войны, изображавшіеся, быть можетъ, въ видѣ крылатыхъ львовъ или быковъ съ человѣческими головами. Перваго изъ нихъ впослѣдствіи отожествили съ планетою Сатурномъ, и послѣднято съ Марсомъ. Мардукъ это главный богъ Вавилона н вавилонскій хрямъ Эсагила былъ посвященъ ему. Здѣшніе жрецы придавали ему наивысшія божественцыя свойства и соединили его съ планетою Юпитеръ. Его также представляли себѣ богомъ войны. Символомъ его было кольцо, внутри котораго онъ стоялъ на двухъ быкахъ, держа въ рукѣ натянутый лукъ. Во второмъ по значенію городѣ Вавилоніи,

а именно въ Борсиппѣ, было святилищѣ Эцида, посвященное богу Нэбо—то былъ богъ свѣта и земледѣлія.

Существовали также и богини; но всѣ онѣ, за исключеніемъ Истаръ, повидимому, обязаны своимъ существованіемъ черезчуръ усерднымъ жрецамъ. Истаръ называлась также Белитъ—это Мелитта Геродота. Ея культъ въ высшей степени древняго происхожденія. Въ Агидѣ ее изображали, какъ богиню войны, вооруженную лукомъ и стрѣлой, но въ то то же время и какъ богиню уттенней звѣзды. Въ Урукѣ ей молились, какъ щедрой богинѣ плодородія и любовныхъ наслажденій, отожествляя ее съ вечерней звѣздой. Въ другомъ храмѣ того же города, Урука, называвшаяся Э-ана, ее призывали подъ именемъ Нана и признавали богиней уничтоженія и смерти. Въ Ассиріи лучшіе ея храмы были въ Арбелахъ и Ниневіи. Эту богиню изображали стоящею на львѣ, вооруженною или обнаженною, богато украшенною, съ длинными прядями волосъ и роскошною грудью. Порою она также кормитъ маленькаго ребенка или же брыжжетъ молокомъ, нажимая сосокъ. Геродотъ узналъ относительно ея культа, что вавилонскія женщины, разъ въ жизни, въ ея святилищѣ, приносили жертву богинѣ, предаваясь распутству въ храмахъ, а именно отдаваясь любому мужчинѣ, за что получали дары, шедшіе въ пользу храма. Туземные памятники совершенно умалчиваютъ объ этомъ, но самъ по себѣ этотъ фактъ, повидимому, прочно установленъ. Безъ сомнѣнія, эта Истаръ тождественна съ Астартой, имѣвшей въ Палестинѣ съ древнѣйшихъ временъ безчисленныя святилища. Въ восточно-іорданской области существовала мѣстность Астаротъ-Карнаимъ; въ филистимской области Бетъ-Сеанъ, у нея также былъ храмъ. Въ первой и во второй книгѣ царствъ культъ этой богини называется сидонскою мерзостью. Этотъ культъ имѣлъ многихъ приверженцевъ въ Израилѣ въ эпоху Манассіи и Іосіи. Женщины пекли богинѣ, по словамъ пророка Іереміи, пироги и приносили жертвенныя возліянія. Въ древнемъ Израилѣ этотъ культъ повидимому не игралъ никакой роли, хотя почти несомнѣнно, что ханаанскіе, т. е. финикійскіе туземцы обладали имъ. Освященная религіей проституція, въ древнія времена сильно распространенная у израильтянъ, могла быть только культомъ Астарты даже въ томъ случаѣ, когда приписывалась служенію Іеговѣ. Упомянутое названіе Астаротъ-Карнаимъ возникло гораздо древнѣе эпохи Манассіи, когда этотъ культъ снова былъ

возобновленъ. Если древніе израильтяне заимствовали культъ Астарты отъ жителей Ханаана, то въ эпоху Манассіи онъ былъ введенъ непосредственно изъ Ассиріи.

Давно уже спорятъ о томъ, слѣдуетъ ли считать Астарту божествомъ первобытныхъ семитовъ? Въ пользу этого говоритъ тотъ фактъ, что это имя находится какъ въ сабейскомъ языкѣ, такъ и въ арамейскомъ, сохраняя свою древнюю форму. Противъ этого предположенія существуютъ данныя, относящіяся къ исторіи религіи. Если признать за достовѣрное, что первобытные семиты были фетишистами, то нельзя допустить у нихъ существованіе божества съ такой рѣзко выраженной личностью. Въ такомъ случаѣ пришлось бы признать, что Астарта не есть собственное имя, но подобно слову Белъ—нарицательное. Съ этимъ вполнѣ согласуется тотъ фактъ, что по ассирійски *Истаръ* обозначаетъ также вообще богиню. Но Истаръ есть слово звучащее настолько не по-семитически, что лишь съ большимъ трудомъ можно отказаться отъ мысли приписать ему сумерійское происхожденіе.

Въ Финикіи Астарта изображалась въ видѣ коровы, такъ какъ Ваалъ, по примѣру египетскаго Амунъ-Ра, почитался подъ видомъ быка. Когда впослѣдствіи Астарта превратилась въ богиню луны, то коровьи рога стали относить къ лунному серпу. Весь вавилонско-ассирійскій пантеонъ не семитическаго происхожденія. Белъ и Беллитъ это просто нарицательныя имена, т. е. общія названія для бога и богини. Что касается боговъ Самаса и Рамана, то у нихъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь названіе семитическое.

Сумерійцы также обладали выработанной миѳологіей — новое доказательство глубокой древности, которой достигла ихъ культура въ эпоху семитическаго поселенія. Здѣсь насъ интересуютъ впрочемъ не столько различныя отношенія родства, которыя удалось установить между богами, сколько миѳы, ставшіе составною частью всемірной литературы.

Богиня Истаръ добивается любви знаменитаго героя Издубара или Гильгамеса. Не встрѣчая взаимности, она обращается къ своему отцу Ану, требуя мести. Этотъ послѣдній посылаетъ страшнаго быка, котораго однако Издубаръ убиваетъ при помощи Эабани. Такъ называемое путешествіе Истаръ въ адъ вѣроятно не находится въ связи съ этимъ миѳомъ. Дѣйствительно, здѣсь богиня не ищетъ возлюбленнаго, но отправляется на поиски за живой водой

(водою жизни). По дорогѣ въ преисподнюю она должна пройти 7 воротъ и сложить здѣсь всѣ свои украшенія. Когда Истаръ исчезаетъ съ земли, то внезапно прекращается всякое плодородіе, всякая производительная способность. Изъ состраданія, небесные боги посылаютъ вѣстника, который окропляетъ Истаръ живою водою и снова выводитъ ее на свѣтъ.

Другой возлюбленный богини Истаръ—это прекрасный юноша Думузи (по еврейски Таммузъ). Въ финикійскомъ городѣ Гедалъ (Библосѣ) разсказывали, что Астарта или Баалатъ влюбилась въ юношу Адониса, который вслѣдствіе этого погибъ на охотѣ жертвою зависти боговъ. Въ воспоминаніе этого, ежегодно устраивали родъ поминокъ или погребальнаго пира на берегахъ р. Адонисъ (Нахръ-эль-Кельбъ). Другой варіантъ того же преданія состоитъ въ томъ, что возлюбленный богини добровольно обратился въ кастрата, вслѣдствіе чего и служители этого культа подвергали себя оскопленію. Этотъ варіантъ найденъ впрочемъ только на ассирійской почвѣ.

Еще большаго распространенія достигли, черезъ посредство евреевъ и христіанъ, космогоническіе миѳы. „Когда тамъ наверху на небѣ ничто еще не имѣло имени и внизу на землѣ все было безъименно; когда еще не произошло ни одного изъ божествъ, въ тѣ времена Апсу, подземный океанъ и Тіаматъ, надземный океанъ, соединили свои воды воедино и создали прежде всего множество боговъ, въ томъ числѣ Ану. Затѣмъ Тіаматъ возстаетъ противъ боговъ и начинается ужасный бой. Наконецъ, богъ Мардукъ берется отомстить за другихъ боговъ. Послѣ пира, во время котораго безсмертные напиваются до безчувствія, онъ получаетъ вмѣсто оружія шапку, сѣть и перунъ. Ему удается одержать побѣду надъ Тіаматомъ, котораго Мардукъ разсѣкаетъ мечомъ пополамъ; изъ одной половины онъ дѣлаетъ небесный сводъ, а изъ другой дѣлаетъ кровлю надъ подземнымъ океаномъ Апсу.“ Затѣмъ начинается сотвореніе всѣхъ существъ, подраздѣленіе годовъ и мѣсяцевъ, созданіе звѣрей и человѣка. Библейскій разсказъ много почерпнулъ изъ этого сказанія, придавъ ему однако монотеистическій характеръ. Преданіе о потопѣ также происходитъ изъ Ассиріи. Цитнапиштинъ получаетъ во снѣ отъ бога Эа извѣстіе, что боги рѣшили потопить землю, и богъ даетъ ему совѣтъ построить корабль. Цитнапиштинъ строитъ въ 7 дней корабль и помѣ-

щаетъ туда всю свою семью и все свое имущество, скотъ и орудіе, потопъ и буря разрушаютъ на землѣ всю жизнь и сами боги приходятъ въ ужасъ. По истеченіи 7 дней потопъ начинаетъ убывать и ковчегъ остается на горѣ Низиръ. Тогда Циппапиштинъ выпускаетъ поочередно голубя, ласточку и ворона. Когда воронъ болѣе не возвращается, человѣкъ выпускаетъ звѣрей на всѣ 4 стороны и приноситъ на вершинѣ горы жертву. Какъ только Белъ увидѣлъ корабль, онъ пришелъ въ ярость, узнавъ, что на немъ уцѣлѣлъ человѣкъ, но Эа дѣлаетъ богу горькіе упреки за его безразсудство. Пусть Белъ впослѣдствіи караетъ преступниковъ за грѣхи, но пусть не устраиваетъ болѣе потопа. Бела удается укротить, онъ благословляетъ Цитнапиштина и его жену, дѣлаетъ ихъ богоподобными существами и поселяетъ возлѣ устья рѣкъ.

Точно также разсказы о раѣ, о вавилонскомъ столпотвореніи и объ Енохѣ имѣютъ связь съ вавилонскими миѳами. Это абсолютно достовѣрно по внутреннимъ основаніямъ, хотя оригиналы еще не найдены въ памятникахъ. Рай первоначально означаетъ вавилонскій божій садъ, куда могли попадать избранные смертные. Древо жизни и древо познанія находились именно въ этомъ саду, позволяя достичь равенства съ богами и сохранить это равенство. Изгнаніе изъ рая могло быть приписано только зависти какого-либо божества. Это довольно ясно проглядываетъ даже въ передѣлкѣ, находящейся въ I-й книгѣ Моисея. Находящееся тамъ выраженіе „человѣкъ сталъ подобнымъ одному изъ насъ" указываетъ на то, что первоначально въ раю господствовали многіе боги. Однако змѣй-искуситель не можетъ быть втиснутъ въ рамки вавилонской легенды, воспроизведенной нами выше. По этой же причинѣ весьма сомнительно, можно ли признать рельефныя изображенія на одномъ вавилонскомъ цилиндрѣ (гдѣ мы находимъ дерево съ двумя плодами, одно человѣческое существо, рогатаго бога и змѣю) относящимися къ библейскому разсказу. Миѳъ объ Адапѣ не можетъ считаться оригиналомъ библейскаго разсказа о раѣ.

Относительно религій, господствовавшихъ въ народной массѣ, наши источники не говорятъ ничего: мы знаемъ лишь о томъ, что мыслили въ кругу жрецовъ. Даже формулы заклинаній въ томъ видѣ, въ какомъ они шли до нашего времени, навѣрное не примѣнялись профанами. Подобная катехизація была бы черезчуръ сложною для простолю-

дина. Жреческія школы несомнѣнно превратили употреблявшіяся тамъ и сямъ изрѣченія въ чудовищныя комбинаціи, имѣвшія впрочемъ строго математическое расположеніе. Наивысшимъ пунктомъ вавилонской мантики была астрологія, возникшая въ связи съ развитіемъ боговъ и духовъ, превратившихся въ звѣзды. Въ храмахъ, имѣвшихъ видъ террасъ, не только совершался культъ, но производились и астрономическія наблюденія, имѣвшія настоящее научное значеніе. Семидневная недѣля есть вавилонское изобрѣтеніе и еврейское слово саббатъ (шабашъ) ассирійскаго происхожденія. Весьма возможно также, что и наше подраздѣленіе часа на 60 минутъ имѣетъ тоже начало: было уже упомянуто, что у сумерійцевъ существовало шестидесятиричная система счисленія. Тоже относится къ установленію связи между 5 планетами и богами Меркуріемъ, Венерою, Марсомъ, Юпитеромъ и Сатурномъ. Тоже происхожденіе имѣли и знаки зодіака. Несомнѣнно, что созвѣздія, обозначаемыя теперь названіями Овна, Тельца, Близнецовъ и т. п., не представляютъ ни малѣйшаго сходства съ обозначаемыми ими животными, даже при условіяхъ самой необузданной фантазіи. Отсюда пришли къ выводу, что эти названія животныхъ относилось первоначально не съ созвѣздіямъ, въ которыхъ въ настоящее время пребываетъ солнце въ то или другое время года, но къ символическимъ изображеніямъ характера солнца въ то или другое время; лишь впослѣдствіи эти символы были отнесены къ созвѣздіямъ. Но мы знаемъ, что въ вавилонской миѳологіи быкъ былъ символомъ бога Мардука, т. е. бога восходящаго солнца, а левъ символомъ заходящаго; далѣе мы знаемъ, что въ борьбѣ между Мардукомъ и Тіаматомъ играютъ роль человѣкъ-скорпіонъ, человѣкъ-козерогъ и человѣкъ-рыба. Весьма возможно поэтому, что 3 послѣдніе знака были примѣнены къ обозначенію дождливаго и зимняго времени года, тогда какъ быкъ обозначалъ весну, а левъ—лѣто. Въ то время, какъ теперь солнцѣ 21 марта новаго стиля находится въ знакѣ Рыбъ, въ эпоху, когда явились указанныя названія, солнце должно было въ началѣ весны находиться въ знакѣ тельца, такъ какъ именно быкъ былъ священнымъ животнымъ Мардука. Вычисленія показываютъ, что такого рода астрономическія явленія должны были дѣйствительно происходить за 2500 лѣтъ до Рождества Христова. Что касается водолея, то слишкомъ ясно, что онъ обозначалъ дождливое время года. Сочетаніе астрологіи съ

астрономіей, какое существовало въ древнемъ Вавилонѣ, оставалось неизмѣннымъ еще въ теченіе 2-хъ тысячелѣтій. Родовое имя послѣдней вавилонской династіи, а именно Халдеи послѣ паденія вавилонскаго государства надолго осталось названіемъ всякаго астролога и прорицателя.

Литература вавилонъ и ассиріянъ.

Вся извѣстная намъ ассиро-вавилонская литература состоитъ изъ надписей. За исключеніемъ немногихъ надписей на стѣнахъ скалъ, вся она написана на особенно приготовленномъ матеріалѣ. Цари воздвигали въ воспоминаніе своихъ славныхъ подвиговъ призматическіе столбы и обелиски, снабженные не толкко рельефами, но и надписями. Не стѣснялись даже исписывать вдолъ и поперекъ цѣлыя статуи. Но самая значительная часть ассиро-вавилонской литературы, это та, которая написана написано на глиняныхъ таблицахъ. Цари собрали у себя цѣлыя библіотеки такихъ таблицъ, которыя однако были недоступны для народа, но только для самаго царя, его высшихъ чиновниковъ и жрецовъ. Вообще искусство чтенія и письма было доступно только немногимъ, а по этой причинѣ для подписей обыкновенно пользовались печатями въ видѣ цилиндровъ. Что касается содержанія, то почти всѣ отрасли литературы представлены на этихъ таблицахъ, за исключеніемъ однако драматическихъ произведеній. Наибольшій объемъ въ этой литературѣ занимаютъ историческіе тексты, сообщающіе о сооруженіяхъ и о воинскихъ подвигахъ (государственныя лѣтописи); сухія перечисленія чиновниковъ и походовъ, списки царей, синхронистическія таблицы вавилонской и ассирійской исторіи, дипломатическія кореспонденція, указы, лѣтописи, относящіеся къ различныхъ благотворительнымъ и инымъ учрежденіямъ. Не слѣдуетъ однако забывать о томъ, что эта богатая и обширная литература исключительно занимается государственными дѣлами и что во всякомъ случаѣ она имѣетъ оффиціальный отпечатокъ. Такимъ образомъ, вообще, гдѣ мы имѣемъ какіе нибудь источники, они въ нѣкоторой степени освѣдомляютъ насъ о ходѣ политической исторіи, но почти ни въ одномъ случаѣ мы не можемъ судить о томъ, что думали въ обширныхъ кругахъ народа. Это въ особенности неудобно и невыгодно для нашихъ познаній относительно

соціальнаго состоянія и народной религіи. Произведенія поэтической литературы также очень многочисленны. О крупныхъ эпическихъ произведеніяхъ и миѳахъ было уже упомянуто. Далѣе сюда же принадлежитъ животный эпосъ, молитвы, обрядники и формы заклинанія. Изъ научныя литературы заслуживаютъ упоминанія лексикографическіе сборники, географическія свѣдѣнія, математическіе, астрономическіе и астрологическіе труды. Нѣтъ надобности подробнѣе разъяснять здѣсь эти вопросы, такъ какъ все, что представляетъ какой либо интересъ, было уже достаточно разсмотрѣно, когда шла рѣчь объ исторіи, искусствѣ и религіи. Само собой разумѣется, что въ такихъ прочныхъ государствахъ, каковы Ассирія и Вавилонія, правовой порядокъ также имѣлъ выработанную форму. По этой причинѣ до нашего времени дошло также значительное количество памятниковъ, относящихся къ частному праву, разумѣется написанныхъ глиняныхъ таблицахъ. Памятники, относящіеся къ древнѣйшему времени имѣютъ въ высшей степени характеристичную форму. На таблицѣ писался контрактъ, затѣмъ его окружала глиняная оболочка, и на этой послѣдней контрактъ писался вновь. Печати, приложенныя судьями и свидѣтелями, находились лишь на этой оболочкѣ, тогда какъ таблица, включенная внутри, и которую можно было достать не иначе, какъ сломавъ оболочку, служила дубликатомъ или копіей, на случай порчи оригинала,

Наивысшую степень художественнаго развитія въ ассиро-вавилонской литературѣ имѣютъ поэтическіе миѳы. Они интересны по-стольку, по-скольку могутъ считаться наиболѣе свободными продуктами индивидуальнаго духовнаго творчества ассиріянъ. Размѣръ, употребительный въ ассиро-вавилонской поэзіи—это двухстишный куплетъ, причемъ каждая строфа состоитъ изъ двухъ полустишій въ 2 повышеніями. Даже въ нѣкоторыхъ историческихъ документахъ можно усмотрѣть, если не настоящій размѣръ, то во всякомъ случаѣ родъ параллелизма мысли, получившаго міровую извѣстность благодаря сочиненіямъ пророковъ въ ветхомъ завѣтѣ, а также псалмамъ. Возможно, что поэтическая художественная форма израильтянъ возникла подъ вліяніемъ вавилонской литературы. Вѣдь извѣстно, что около середины 2-го тысячелѣтія туземные палестинскіе князья египетскому фараону Аменофису IV письма на асссирійскомъ языкѣ и ассирійскими письменами. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что ев-

рейскія названія книги и письма ассирійскаго происхожденія. Если бы ассиро-вавилонская система письменныхъ знаковъ не была такою сложною и трудною, то навѣрное всѣ народы Передней Азіи вступили бы и въ это наслѣдство.

Соціальныя отношенія вавилонянъ и ассиріянъ.

Изъ только что приведеннаго обзора литературы становится яснымъ, что относительно соціальнаго строя Вавилоніи и Ассиріи сохранилось лишь необычайно малое количество свѣдѣній. Кое-что извѣстно лишь о состояніи придворныхъ дѣлъ. Много разъ уже было указано на то, что князьки этихъ областей были въ то-же время верховными жрецами (патези, изакку). Сообразно съ этимъ также и главы вавилонскаго и ассирійскаго царства носили титулъ верховныхъ жрецовъ. Однако въ Вавилоніи жреческое достоинство выступало гораздо болѣе, нежели въ Ассиріи. Сверхъ этого изъ высшихъ жреческихъ должностей упоминается только *калю*, который почти всегда были княжескаго происхожденія. Наивысшимъ государственнымъ чиновникомъ былъ *тартанъ*, соединявшій въ своемъ лицѣ перваго министра и полководца, слѣдующимъ по достоинству былъ „рабшакэ“. Къ сожалѣнію, самое имя, а тѣмъ болѣе его значеніе плохо установлено. Далѣе слѣдовали нагиръ-экалли (управляющій дворцомъ), тукульту (родъ министра) амилусамятумъ (родъ губернатора). Далѣе уже слѣдовали намѣстники областей (шакну, пеку). Все это болѣе или менѣе извѣстно изъ такъ называемыхъ эпонимныхъ списковъ. Дѣло въ томъ, что въ Вавилоніи лѣтосчисленіе велось по годамъ царствованія, тогда какъ въ Ассиріи каждый годъ носилъ имя одного изъ высшихъ сановниковъ. Годъ вступленія какого нибудь царя на престолъ носилъ еще то имя, которое онъ имѣлъ при его предшественникѣ. Лишь второй годъ царствованія носилъ имя царствующаго. Затѣмъ слѣдовали годы выше названныхъ главныхъ сановниковъ и наконецъ уже годы, носившіе имена намѣстниковъ. Происхожденіе этого устройства совершенно темно, тѣмъ болѣе, что въ Вавилоніи оно было не извѣстно. Учрежденіе это собственно не носитъ характера деспотическаго правленія; оно скорѣе предполагаетъ союзное государство, въ которомъ царь былъ первымъ между равными. Лишь при преемникахъ Саргона

было введено вавилонское лѣточисленіе, господствовавшее также въ Израилѣ.

Естественнымъ образомъ цари имѣли также богато устроенный гаремъ, пополнявшійся не только взятыми въ плѣнъ, но и знатнѣйшими туземными дѣвушками и дочерями иноземныхъ царей. Наиболѣе подходящимъ служителемъ гарема былъ конечно евнухъ и этихъ слугъ было множество при дворцѣ царя. На памятникахъ они часто появляются, сопровождая царя или царицу, которыхъ обмахиваютъ пальмовыми опахалами. Ихъ легко узнать по ихъ безбородымъ, жирнымъ лицамъ, двойнымъ подбородкамъ и круглымъ женственнымъ формамъ. Ими командовалъ одинъ главный. Онъ считался однимъ изъ высшихъ сановниковъ страны и на войнѣ часто занималъ высокія военныя должности, какъ впослѣдствіи у арабскихъ халифовъ. Израильскіе цари заимствовали это учрежденіе у ассиріянъ, такъ напр. въ спискѣ сосланныхъ въ 586 г. до Рожд. Христ. послѣ разрушенія Іерусалима іудеевъ фигурируетъ одинъ евнухъ, занимавшій высокій военный постъ.

Эти евнухи были, разумѣется, рабами. Но это не были единственные рабы; большая часть рабочихъ и слугъ здѣсь, какъ и во всей древности, были крѣпостными. Впрочемъ, можно сказать, что всѣ вообще женщины были только товаромъ, который можно было продавать, покупать или дарить сколько угодно.

Народъ израильскій.

Наиболѣе достовѣрныя историческія соображенія относительно происхожденія израильскаго народа состоятъ приблизительно въ слѣдующемъ сыновей. Далеко на берегахъ Евфрата, подлѣ Уръ-Касдима, жилъ въ поколѣніи отъ Ноя, Ѳерахъ. Этотъ послѣдній съ своимъ сыномъ Авраамомъ, племянникомъ послѣдняго Лотомъ и женою Авраама, Сарроюи, направился въ Харранъ. Здѣсь Авраамъ, по преданію, получилъ повелѣніе отъ Бога отправиться въ Ханаанъ, т. е. въ Палестину. Исполняя повелѣніе, онъ раскидываетъ палатки между Бетелемъ и Аи. Здѣсь онъ успѣлъ пріобрѣсть довольно значительно имущество. По его смерти его единственный сынъ Исаакъ (правильнѣе Ицехакъ) вступилъ въ наслѣдство перешедшее впослѣдствіи хитрому Іакову, устранившему

Исава. Еще при жизни Іакова наступилъ голодъ и отецъ долженъ былъ отправить своихъ сыновей въ Египетъ покупать пищу. Въ концѣ концовъ—и это единственное, что достаточно извѣстно изъ Библіи,—мы находимъ всѣхъ сыновей вмѣстѣ съ патріархомъ владѣльцами страны Госенъ, тогда какъ любимый сынъ патріарха, Іосифъ, становится первымъ министромъ египетскаго фараона. Въ Госенѣ изъ семьи Іакова возникаетъ израильскій народъ, унижаемый и угнетаемый неправедными фараонами; этотъ народъ возстаетъ и такъ какъ его не пускаютъ добровольно онъ уходитъ силою. Однако понадобилось 40 лѣтъ, чтобы достичь обѣтованной страны черезъ Синайскую пустыню.

Новѣйшая историческая наука смотритъ на этотъ разсказъ, какъ на поэтическую легенду. Цѣлый народъ не могъ возникнуть изъ одной семьи. Египетскіе источники ровно ничего не знаютъ о пребываніи народа Израильскаго въ Нильской долинѣ. Во всемъ израильскомъ культѣ можно найти едва слѣды египетскаго вліянія. Всѣ приведенныя древнія преданія, это не болѣе, какъ олицетвореніе *исторіи племенъ*. Имя Авраама напоминаетъ имена древнихъ божествъ. Отношенія Израиля къ Месопотаміи чисто культурныя, а не генеалогическія. Что касается Египта, то въ лучшемъ случаѣ можно допустить переселеніе туда одного какого либо изъ іудейскихъ племенъ.

Какъ только сыны Израиля впервые выступаютъ въ исторіи, они имѣютъ характеръ кочевыхъ племенъ, бродившихъ на югѣ Палестины до самаго Синая. Они соединились тамъ подъ предводительствомъ вождя и первосвященника Моисея, зятя одного мадіанитскаго или кенитскаго жреца. Это въ высшей степени замѣчательно, потому что кочевыя племена, вродѣ бедуиновъ, ведутъ всегда между собою кровавыя распри; каждое племя имѣетъ обыкновенно своихъ особыхъ боговъ или духовъ, не пользующихся уваженіемъ у другихъ племенъ. Если эти, подобныя бедуинамъ, племена все-таки соединились и образовали общее судилище, то къ этому ихъ должны были принудить серьезные общіе интересы. Но эти интересы могли явиться лишь въ войнѣ противъ кого либо третьяго. Такъ какъ въ древности немыслимъ никакой союзъ безъ бога, его охраняющаго, то Іегова (правильнѣе Іагве) долженъ признаваться такимъ союзнымъ богомъ. Первоначально онъ былъ, по всей вѣроятности, богомъ самаго могущественнаго изъ союзныхъ племенъ, живших около Синая. Поэтому именно Синай и считался его мѣстопребываніемъ. Въ послѣдующія времена Іагве всегда оставался воинствующимъ богомъ израильскихъ воинствъ. Отправляясь на войну, необходимо было имѣть съ собою бога, способнаго оказать покровительство, но это было не трудно, такъ какъ онъ пребывалъ въ священныхъ камняхъ, а камни носили съ собою въ ящикахъ или въ ковчегахъ, Іагве былъ первоначально духомъ горъ; ему такъ мало предавали личный характеръ, что онъ могъ поселяться въ камнѣ и любой скалѣ. Какъ духъ грозы, онъ и называется Іагве, что значить сокрушитель. Онъ проявляется въ громѣ и молніи. Поселяясь въ священныхъ камняхъ, онъ поглощаетъ поставленные на нихъ хлѣбы, исходя изъ камня въ видѣ пламени. Само собою разумѣется, что Іагве былъ не единственнымъ богомъ, котораго почитали израильскіе бедуины. Правда уже древнѣйшая исторія евреевъ отождествила всѣхъ прежнихъ боговъ съ Іагве, но это не соотвѣтствуетъ истинной исторіи. Всякая выдающаяся скала, всякій холодный ключъ, всякое тѣнистое дерево имѣло своего особеннаго духа, которому приносили жертву. Для отдѣльнаго лица разумѣется играли роль только духи въ кругѣ его жительства, но кочевой образъ жизни бедуиновъ ставилъ ихъ въ дурное положеніе. При многочисленныхъ перекочевкахъ оберегали себя при помощи фетиша, да сверхъ того еще приносили жертвы различнымъ духамъ, живущимъ въ чужихъ областяхъ. Впрочемъ понятно, что вслѣдствіе своего необузданнаго образа жизни, полнаго свободы и простора, бедуинъ легко склоняется къ извѣстному индиферентизму. Съ другой стороны однажды усвоенный богъ, какъ хранитель союза, могъ пользоватся гораздо большимъ вліяніемъ, нежели у осѣдлыхъ крестьянъ, у которыхъ религіозныя потребности болѣе правильны, а фантазія ограниченнѣе. Богатая творческа фантазія семитической религіи, сношеніе духовъ, принимающихъ форму путниковъ, съ смертными людьми, все это навѣрное возникло не въ мозгу крестьянина: отъ этихъ преданій вѣетъ атмосферою пустыни. Пустыня кишитъ духами и призраками и всѣ они порою въ видѣ бедуиновъ присоединяются къ людямъ. Вѣстники или ангелы—подобныя же духовныя существа. Если бедуинъ встрѣчаетъ какое либо неизвѣстное ему лицо, онъ никогда не можетъ знать навѣрное, не встрѣтился ли онъ съ духомъ. Правда, это духовное существо не всегда выдаетъ себя: иногда человѣкъ з-

наетъ о своей встрѣчѣ лишь потому, что гость внезапно исчезаетъ безъ слѣда.

Общій врагъ, съ которымъ приходилось бороться израильскимъ бедуинамъ, образовавшимъ упомянутый союзъ, это было, безъ сомнѣнія, земледѣльческое населеніе, расположенное въ восточно-іорданской области на краю пустыни. Борьба должна была длиться довольно значительное время и ее вели соединенными силами: въ противномъ случаѣ культъ бога воинства Іагве не могъ бы укорениться такъ прочно. Въ концѣ концовъ, удалось покорить царство Сихона, владыки Амoритскаго и поселиться къ сѣверу отъ Арнона. Какъ долго здѣсь жили израильтяне, неизвѣстно; когда, однако, отдѣльныя племена вторглись въ западно-іорданскую область, то связи между племенамя и родами, приверженными Іагве, должна была стать уже въ высшей степени прочною, такъ какъ культъ Іагве ие погибъ, несмотря на то, что различныя племена проникли въ свои новыя мѣстопребыванія въ совершенно различныя эпохи, дѣйствуя часто каждое на свой страхъ.

Если только можно признать справедливымъ, что люди племени хабиру, о которыхъ идетъ рѣчь, въ 1450 г. до Р. Хр., на таблицахъ, найденныхъ въ Телль-Эль-Амарнѣ, были дѣйствительно евреями, т. е. пришельцами съ той стороны Іордана, въ такомъ случаѣ приходится допустить, что упомянутое переселеніе народовъ произошло раньше 1560 г., по всей вѣроятности, между 1560—2000 гг. до Р. Христ. Укрѣпленіе въ заіорданской области удалось лишь постепенно прежде всего, разумѣется на низменности. Города финикіянъ и филистимскій берегъ никогда не были покорены: даже внутри страны такіе города такъ Іебусъ, Гибеонъ, Газеръ, Мегиддо были взяты лишь гораздо позже. Какой бы выводъ мы не сдѣлали изъ этихъ ничтожныхъ пріобрѣтеній, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что израильтяне никогда не были народомъ, отличающимся особенными воинскими доблестями. Крупнѣйшее и сильнѣйшее изъ племенъ, племя Іосифа, поселилось въ гористой странѣ отъ Іерусалима до Кармеля, но Киссонская низменность оставалась долгое время ханаанскою. Въ пѣснѣ Деборы (см. книгу Судей) еще сохранилось воспоминаніе о жестокихъ сраженіяхъ, тамъ происходившихъ. Обычный порядокъ и число 12 колѣнъ Израиля такъ мало соотвѣтствуютъ фактическимъ отношеніямъ эпохи, непосредственно предшествующей первымъ царямъ,

что самое могущественное племя Іосифа (племя Веніамина является лишь подраздѣленіемъ) стоитъ въ самомъ концѣ, тогда какъ Рувимъ, Симеонъ и Леви, въ то время почти исчезнувшія племена, красуются въ самомъ началѣ. Племена Данъ, Невфалимъ, Ассеръ, Завулонъ никогда не достигали историческаго значенія. Отъ племени Данъ мы, впрочемъ, сохранили отрывки чрезвычайно любопытной исторіи его происхожденія (книга Судей 17 и 18). Племени Іуда удалось только покореніе гористой мѣстности вокругъ Виѳлеема. Область его распространенія, впрочемъ, расширилась посредствомъ сліянія съ чужими элементами, какъ напр., съ племенами Калебъ, Каинъ, Кенацъ. Въ царствованіе Давида Калебскій (Халевскій) Хевронъ сталъ даже столицею. Въ древнѣйшее время племя Іуды не играло никакой роли, оно было даже отдѣлено отъ племени Веніамина лишь полосою Ханаанской земли.

Въ до-царскій періодъ, называемый обыкновенно эпохою судей, не существовало объединеннаго государства. Крупнѣйшей единицей было племя или колѣно, но и внутри племени менѣе важныя дѣла рѣшались въ болѣе узкихъ кругахъ, въ общинахъ или даже въ семьяхъ. Когда угрожала большая опасность, то какому-либо энергичному человѣку удавалось порою соединять отдѣльные роды племени въ союзъ для самозащиты. Но это происходило не на основаніи какого-либо права или обязательства. Подобнаго же рода учрежденія мы и теперь видимъ туркменовъ и у бродячихъ племенъ центральной Аравіи. Еще рѣже, конечно, случалось, что родственныя племена соглашались прянимать участіе въ общихъ воинскихъ предпріятіяхъ. Для этого необходима была близость какого-либо грознаго врага или надежда на добычу.

Такъ однажды соединились племена Невфалима, Завулона, Ефраима и Веніамина, подъ предводительсткомъ Барака, вождя иссахарскаго, противъ ханаанскихъ городовъ Киссонской долины. Подобнаго рода эпизоды рано или поздно должны были привести къ учрежденію царской власти. Вождю одного изъ подраздѣленій племени Манассіи, Іероваалу, удалось отбить нападеніе мадіанскихъ бедуиновъ и забрать богатую добычу. Эти или же другія пручины содѣйствовали тому, что, дѣйствуя изъ города Офры, онъ покорилъ всю страну Манассіи. По смерти его, одинъ изъ его многочисленныхъ сыновей, Абимелехъ, достигъ престола съ помощью сихемскихъ родственниковъ своей матери, дѣйствуя убійствомъ

и предательствомъ. Но въ междоусобной войнѣ онъ встрѣтилъ позорную смерть, такъ какъ во время осады города Тебена одна женщина бросила ему въ голову мельничный камень. Вскорѣ послѣ этого царство Манассіи нашло свой конецъ.

Второю попыткою основанія царства были дѣйствія другаго племени, а именно Веніаминова. Поводъ былъ совершенно такой же. Однажды знатный человѣкъ изъ племени Веніамина, Саулъ-бенъ-Кисъ, возвратился домой съ своими упряжными волами. Вдругъ онъ узнаетъ, что явились въ Гилеадъ посланные изъ Іабеша, прося помощи племени Веніамина противъ аммонитскихъ бедуиновъ, стоявшихъ лагеремъ передъ ихъ городомъ. Немедленно Саулъ промѣнялъ плугъ на мечъ и собралъ значительное вайско. Ему удалось разбить бедуиновъ на голову. Радуясь побѣдѣ, соплеменники избрали его въ Гибеѣ своимъ царемъ. Избиратели, разумѣется, не желали ничего иного, какъ выразить довѣріе своему вождю, да и самъ Саулъ отлично зналъ, что его помазаніе въ цари равносильно объявленію войны филистимлянамъ, которымъ племя Веніамина въ то время платило дань. Филистимляне, о которыхъ мы здѣсь слышимъ въ первый разъ, народъ неизвѣстной, но во всякомъ случаѣ семитической національности. Они занимали полосу земли къ югу отъ Яффы до Газы: область ихъ распадалась на 5 городовъ, считавшихъ себя царствомъ, а именно Газа, Аздодъ, Аскалонъ, Гатъ и Аккаронъ. Филистимляне были очевидно болѣе воинственны, нежели ханаанцы и подвинули свои границы далеко во внутрь страны. Въ Гибеѣ, гдѣ вѣнчался на царство Саулъ, у нихъ былъ правитель. Разумѣется, филистимляне не могли отнестись спокойно къ вызывающему образу дѣйствій племени Веніамина. Но настоящая война началась лишь тогда, когда сынъ Саула, Іонаѳанъ, убилъ филистимскаго правителя. Хотя племени Веніамина, съ помощью окружающихъ племенъ, удалось набрать нѣсколько тысячъ человѣкъ, но съ такимъ, воинственнымъ народомъ, каковы филистимляне, нельзя было покончить такъ скоро, какъ съ аммонитскими бедуинами. Поэтому въ книгѣ Самуила и сказано, что борьба была упорна и продолжалась во всѣ дни царствованія Саула, и когда Саулъ видѣлъ какого-либо героя или славнаго воина, то призывалъ его къ себѣ. Такимъ же способомъ прибылъ ко двору Саула и одинъ знаменитый іудейскій воинъ, пращникъ Давидъ-бенъ-Исай изъ Виѳлеема.

Давидъ такъ отличился въ войнахъ противъ филистимлянъ, что возбудилъ зависть и ненависть самого царя. Это, однако, не помѣшало Саулу выдать за Давида свою дочь Михаль: онъ назначилъ даже цѣну своей дочери, сообразно съ военными обычаями тѣхъ временъ, потребовавъ, чтобы Давидъ убилъ и изуродовалъ 300 филистимлянъ, принеся трофеи отъ оскопленныхъ враговъ. Но въ концѣ концовъ, пребываніе Давида при дворѣ стало невозможнымъ. Царь уже съ давнихъ поръ страдалъ приступами помѣшательства. Разъ, въ припадкѣ бѣшенства, онъ забылся до того, что бросилъ въ Давида копье. Впрочемъ, ненависть Саула была не совсѣмъ не основательна. По всей вѣроятности, между его сыномъ Іонаѳаномъ и Давидомъ существовалъ заговоръ лишить сумасшедшаго царя престола и весьма возможно, что такой смѣлый авантюристъ, какъ Давидъ, уже въ то время гораздо болѣе помышлялъ о своихъ собственныхъ преемникахъ, чѣмъ о наслѣдникахъ Іонаѳана. По всей вѣроятности въ это дѣло былъ вмѣшанъ и первосвященникъ Абимелехъ. Какъ только Саулъ узналъ, что бѣжавшій Давидъ укрѣпился, какъ онъ велѣлъ обезглавить этого жреца и его сыновей. Только одному Эбьятару удалось убѣжать къ Давиду, который сдѣлалъ его священникомъ. Попытки Саула овладѣть бѣглецами потерпѣли неудачу. Давидъ собралъ вокругъ себя отчаянныхъ бандитовъ и велъ партизанскую войну между Кармелемъ и Энгеди. Бѣглецъ вступилъ теперь въ союзъ съ филистимлянами съ тѣмъ, чтобы обойти и ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Но они стояли на сторожѣ и въ рѣшительномъ сраженіи противъ племени Веніамина Давиду не удалось участвовать. На этотъ разъ филистимляне нанесли израильтянамъ при Гильбоа рѣшительное пораженіе, въ которомъ нашли смерть Саулъ и трое его сыновей, въ томъ числѣ Іонаѳанъ. Между тѣмъ Давидъ, какъ вассалъ филистимлянъ, разбилъ амалекитскихъ бедуиновъ за то, что они разграбили Циклагъ. Воспользовавшись награбленной богатой добычей, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ іудейскія семьи и племена. Впрочемъ, послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ избраніе его царемъ племени Іуды произошло еще съ согласія его филистимскаго господина Ахиса. Такъ какъ оставшійся въ живыхъ сынъ Саула, Избаалъ, былъ еще несовершеннолѣтнимъ, то вмѣсто его правилъ дядя его отца Абнеръ, который, однако, счелъ себя вынужденнымъ перенести столицу въ Маханаимъ по ту сторону Іордана. Возможно, что онъ хотѣлъ

вновать здѣсь особое царство. Когда его внучатный племянникъ подросъ и не былъ уже такъ удобенъ, какъ малолѣтнее дитя, Абнеръ вступилъ въ переговоры съ Давидомъ. Однако, послѣ свиданія съ Давидомъ въ Хевронѣ, онъ былъ убитъ полководцемъ Іоавомъ, который хотѣлъ отомстить ему за кровь одного изъ своихъ родственниковъ. Избаалу, однако, все же не повезло. Вскорѣ послѣ того онъ былъ убитъ двумя военачальниками.

Послѣ этого веніаминская знать явилась къ Давиду и предложила ему корону Веніамина. Это былъ очевидный разрывъ вассальныхъ отношеній къ филистимлянамъ. Эти послѣдніе тотчасъ перешли въ наступленіе. О ходѣ войны ничего неизвѣстно: кончилась она тѣмъ, что Давидъ отобралъ у филистимлянъ „власть столицы". Слѣдующимъ крупнымъ предпріятіемъ его было покореніе находившейся еще въ рукахъ ханааанцевъ крѣпости Іебусъ, расположенной подлѣ ручья Кедрона. Сюда Давидъ перенесъ изъ Хеврона свою столицу, назвавъ ее городомъ Давида (Иръ Давидъ). Сюда же была перенесена и воинская святыня, т. е. ковчегъ. Избраніе этой столицы, впослѣдствіи получившей названіе Іерусалима, свидѣтельствуетъ о значительной политической проницательности. Іерусалимъ находился внѣ всѣхъ старинныхъ областей, принадлежавшихъ племенамъ Израиля, а это облегчало другимъ племенамъ присоединеніе къ новому государственному строю. Для того, чтобы найти защиту противъ внутреннихъ неурядицъ, Давидъ создалъ родъ гвардіи, состоявшей, большею частью, изъ чужеземныхъ элементовъ. Эта гвардія носила имя Крети или Плети. Онъ пользовался ею не только, какъ почетною стражею, но и какъ войскомъ, стоявшимъ всегда подъ оружіемъ. По своему международному происхожденію, эта гвардія не считала себя связанною съ интересами какого-либо отдѣльнаго племени, у нея не было никакой совѣсти, исключая совѣсти ея господина, и съ нимъ она была готова на какія угодно дѣла, хотя бы самыя позорныя. Въ какой формѣ и при какихъ условіахъ различныя племена сѣвернаго царства признали Давида, объ этомъ, къ сожалѣнію, наши источники ничего не говорятъ. Во всякомъ случаѣ это признаніе должно было произойти еще раньше войнъ съ амалекитянами. Во время этихъ войнъ случилось еще слѣдующее. Для Давида должно было представлять значительный интересъ фигурировать въ своемъ новомъ царскомъ достоинствѣ передъ другими сосѣдними царствами.

Первымъ представившимся для этого случаемъ была смерть аммонитскаго царя Нагаса. Давидъ отправилъ его сыну письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, но это письмо не встрѣтило надлежащаго пріема. Молодой царь, получивъ письмо, дошелъ въ своемъ презрѣніи къ выскочкѣ Давиду до такой степени, что велѣлъ сбрить бороды и обрѣзать имъ полы кафтановъ. Но Давидъ быстро отомстилъ за это поруганіе. Однако, столица аммонитянъ, Рабба, была взята лишь послѣ трехлѣтняго похода. Величайшимъ успѣхомъ этого похода была побѣда надъ арамейскимъ царемъ Хададезеромъ. Царь этотъ хотѣлъ помочь аммонитянамъ, но былъ разбитъ подлѣ Халама, близь рѣки. Затѣмъ былъ покоренъ и Дамаскъ. Позднѣе Давидъ покорилъ страну моавитянъ и эдомитянъ.

Когда власть Давида была укрѣплена извнутри и извнѣ, герой, повидимому, погрузился въ спячку, свойственную жителямъ Востока. Вполнѣ въ порядкѣ вещей было то обстоятельство, что онъ имѣлъ обширный гаремъ, такъ какъ многоженство существовало у евреевъ съ древнѣйшихъ временъ. Сверхъ того, для такого выскочки, какъ Давидъ, было правиломъ политической мудрости породниться съ возможно большимъ количествомъ знатныхъ фамилій. Хуже всего было, однако, что онъ, какъ показываетъ исторія Уріи и Батебы, позволилъ себѣ вторгаться въ чужія семьи, ухаживая за чужими женами; еще опаснѣе стало положеніе съ тѣхъ поръ, когда разныя скандальныя исторіи въ гаремахъ и женскія интриги всецѣло овладѣли имъ. Аммонъ-бенъ-Давидъ могъ безнаказанно изнасиловать свою единокровную сестру Тамаръ. По этой и по другимъ причинамъ, сыну Давида, Авессалому, удалось достичь избранія въ цари въ древнемъ городѣ Хевронѣ. Когда Авессаломъ со своими приверженцами подошелъ къ Іерусалиму, перепуганный царь позорно убѣжалъ по ту сторону Іордана. Подлѣ Маханаима произошло сраженіе: свѣдѣнія объ этомъ событіи, повидимому, сильно искажены. Если бы Авессаломъ не погибъ по какому-то несчастному случаю, то, по всей вѣроятности, Давиду не пришлось бы вернуться никогда въ свою столицу. Насколько спорною является побѣда Давида подлѣ Маханаима, показываетъ возстаніе сѣверныхъ племенъ подъ начальствомъ Себа-бенъ-Бихри. Правда, на этотъ разъ полководцу Іоаву, испытанному воину, удалось побѣдить мятежниковъ, но сердца подданныхъ нельзя было пріобрѣсть мечемъ. При іерусалимскомъ дворѣ господствовали гаремныя дамы и царская при-

дворная стража, тогда какъ царь со дня на день становился все болѣе слабоумнымъ.

Такимъ образомъ Батебѣ, съ помощью начальника стражи Бенаи и первосвященника Цаддока, удалось доставить своему любимому сыну Соломону престолъ помимо законнаго наслѣдника Адоніи. Главнымъ сторонникомъ Адоніи былъ испытанный полководецъ Іоавъ. Какъ почти всѣ приверженцы Адоніи, онъ долженъ былъ поплатиться жизнью. Не смерть ослабѣвшаго отъ старости Давида, но убійство главнаго сторонника династіи Давида, вѣроятно, послужила сигналомъ къ отпаденію недавно покоренныхъ областей. Въ Эдомѣ на престолъ взошелъ туземный князь Гададъ, которому помогали Египтяне. Въ сѣверной Сиріи явился Резонъ-бенъ-Гададезеръ. Какимъ образомъ Соломону, несмотря на отдѣленіе Эдома, было возможно развить мореплаваніе на Красномъ морѣ, начиная отъ Эсіонъ Гедера,—это трудно сказать. Мы не знаемъ также, отнесся ли Соломонъ спокойно къ отпаденію Сиріи и Эдома, такъ какъ весьма возможно, что молчаніе источниковъ было продиктовано съ тенденціозною цѣлью выставить Соломона хранителемъ мира. Во всякомъ случаѣ ясно, что онъ не былъ военнымъ героемъ, подобно Давиду въ лучшіе его дни. Онъ выросъ не въ лагерѣ, а въ гаремѣ и посреди жрецовъ. Все, что разсказываютъ о его богатствѣ и о его мудрости, придумано еврейской фантазіей, такъ какъ основанное имъ городское капище стало впослѣдствіи единственнымъ законнымъ мѣстомъ жертвоприношенія для всѣхъ іудеевъ и стало для нихъ нарицательнымъ именемъ роскоши и великолѣпія. Какъ бы то ни было, сооруженіе храма и дворца дѣйствительно было величайшимъ подвигомъ Соломона. Естественно, что въ то время, какъ и въ эпоху Давида (см. 2 книгу Самуила) для этого сооруженія потребовались финикійскіе ремесленники. Главный строительный матеріалъ, а именно кедръ, вмѣсто употребляемой въ Израилѣ сикоморы, былъ доставленъ финикійскимъ Ливаномъ. Израильскіе же крѣпостные крестьяне были въ состояніи произвести лишь главныя черныя работы. Законченная въ теченіе 13 лѣтъ крѣпость имѣла приблизительно слѣдующій видъ. Если вступить въ нее съ юга, то прежде всего входили во дворъ, въ которомъ находились 2 зданія вродѣ галлерей, во-первыхъ ливанскій „лѣсной домъ", длиною въ 52 съ половиною метра, шириною въ 26 съ четвертью, вышиною въ 15 и три четверти, служившій,

по всей вѣроятности, цейхаузомъ. Далѣе галлерея съ колоннами (длина 26 съ четвертью м., шириною 15,75 м.) вмѣстѣ съ залою суда или же тронною залою. Въ находящемся къ сѣверу заднемъ дворѣ было собственное жилище царя и гаремъ. Оба эти зданія были построены такимъ же образомъ, какъ и упомянутая галлерея съ колоннами. Еще далѣе кзади находился храмъ дл. 31,5, шир. 10,5 в. 15,75 м. Положеніе храма въ самомъ заднемъ дворѣ показываетъ очевиднымъ образомъ, что это святилище имѣло строго частный характеръ и было предназначено первоначально только для обитателей дворца. Сравненіе указанныхъ размѣровъ съ величиною другихъ античныхъ и новѣйшихъ построекъ убѣждаетъ въ томъ, что сооруженіе Соломона далеко не заслуживаетъ того изумленія, съ какимъ къ нимъ относятся нѣкоторые новѣйшіе писатели. Дворцы Іезреэля, Кизры и Самаріи были навѣрное болѣе величественны.

Ради этихъ сооруженій Соломонъ не только былъ вынужденъ принудить народъ къ тяжкой крѣпостной работѣ, но и обложить его необычайно высокими податями. Послѣдствіемъ этого было возстаніе подъ начальствомъ знатнаго ефраимита Іеровоама-бенъ-Небата. Впрочемъ, это возстаніе было подавлено и Іеровоамъ бѣжалъ въ Египетъ къ фараону Шешонку. По смерти Соломона его сынъ и наслѣдникъ Рехавеамъ (Ровоамъ) вздувалъ продолжать деспотическое правленіе отца. Тогда почти всѣ племена устроили собраніе въ Сихемѣ и потребовали отъ царя облегченія тяжелыхъ податей. Такъ какъ онъ воспротивился, всѣ племена отпали, за исключеніемъ племени Іуды и избрали себѣ царемъ Іеровоама. Съ тѣхъ поръ Іудея осталась навсегда племеннымъ княжествомъ.

Къ сожалѣнію, израильскому царству не было суждено достичь сколько-нибудь прочнаго политическаго развитія. Большая часть династій не доживали далѣе 2-го или 3-го поколѣнія, лишь въ династіи Омри считалось 4 царя, а въ династіи Іегу даже 5. Наоборотъ, въ маломъ іудейскомъ царствѣ господствовало законное престолонаслѣдіе и домъ Давида пережилъ всѣ прочіе царскіе роды. Одной самаритянской принцессѣ Аѳаліи удалось сдѣлать первую попытку къ устраненію іудейской династіи. Къ концу іудейскаго царства явилось, правда, много революцій: это не были, подобно тому, какъ въ сѣверномъ царствѣ, обыкновенные военные бунты, но народныя возстанія, никогда не направлявшіяся собственно

противъ династіи. Что касается многочисленныхъ распрей между враждебными, но братскими по племени государствами, а также ихъ замѣшательствъ во внѣшнихъ войнахъ, все это не представляетъ всемірно-историческаго интереса. Прочной заслугой сѣвернаго царства является возбужденіе движенія, извѣстнаго подъ именемъ дѣятельности пророковъ, о чемъ, впрочемъ, будетѣ сказано въ слѣдующей главѣ. Это религіозное развитіе было рѣзко оборвано ассирійскимъ нашествіемъ въ 722 до Р. Хр. Болѣе 2700 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ числа знатныхъ и годныхъ къ войнѣ людей, были выселены въ Ассирію, а вмѣсто нихъ были ввезены чужеземные колонисты. Конечно, израильская національность уцѣлѣла также на территоріяхъ бывшаго сѣвернаго царства. Это доказывается, 2 года спустя, возстаніемъ самаритянъ. Древній культъ Іеговы уцѣлѣлъ долгое время; даже ассирійскіе колонисты участвовали въ этомъ культѣ, не пренебрегая, впрочемъ, и своимъ, привезеннымъ изъ родины. Но существованіе національнаго государства прекратилось навсегда и теперь маленькому іудейскому царству выпало на долю хранить и далѣе развивать національныя и религіозныя воспоминанія. Исторія Іудеи съ этихъ поръ и до самой погибели государства является въ то же время исторіей пророческаго движенія. Пророки стали болѣе духовными, но въ то же время и болѣе политическими дѣятелями и, именно, это обстоятельство въ особенности заставляетъ симпатизировать такимъ героямъ, каковы Исайя и Іеремія. Только Манассія и Амонъ не позволили пророкамъ и священникамъ подавить своей воли. Именно поэтому объ нихъ и утверждается, что они творили злое передъ лицомъ Іеговы. Во всякомъ случаѣ можно было предположить, что въ одинъ прекрасный день царь станетъ совершенно духовнымъ лицомъ или, наоборотъ, глава духовенства превратится въ царя. Но какъ разъ въ это время Іудея еще разъ была вовлечена въ водоворотъ міровой политики.

Царь Нехо II, египетскій фараонъ, воспользовался придворнымъ переворотомъ въ Ассиріи, чтобы снова овладѣть Сиріей, Царь Іосія-бенъ-Амонъ по неизвѣстнымъ причинамъ выступилъ противъ него и проигралъ войну и жизнь (605 г.). Но вскорѣ вслѣдъ затѣмъ фараонъ былъ разбитъ на голову Небукадрецаромъ или Набу-кудуръ-усуромъ (Навуходоносоромъ) и утратилъ Сирію. Въ 597 г. Іудея снова отказалась платить дань, но халдеи быстро прибыли на мѣсто, взяли Іерусалимъ и увели царя вмѣстѣ съ лучшею частью жителей (числомъ 10.000) въ плѣнъ. Братъ Іоакима, Матанія, подъ именемъ Цедекіи (Седекіи) былъ сдѣланъ царемъ. Слѣдуетъ считать необычайнымъ ослѣпленіемъ этого человѣка, что 11 лѣтъ спустя онъ дозволилъ фараону Гофра увлечь себя въ походъ противъ Вавилона. Въ январѣ 587 г. до Р. Х. халдеи вторично явились передъ Іерусалимомъ. Почти въ теченіи 18 мѣсяцевъ городъ оказывалъ героическое сопротивленіе. Когда уже была проломлена брешь, царь Седекія рѣшился на отчаянное предпріятіе—прорваться съ остальнымъ войскомъ черезъ непріятеля. Ему дѣйствительно удалось прорвать непріятельскую цѣпь, но онъ былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ во вражеской квартирѣ, послѣ того, какъ его сыновья были убиты передъ его глазами. Съ городомъ на этотъ разъ было поступлено очень круто. Іерусалимъ былъ разрушенъ до основанія, въ немъ не было оставлено камня на камнѣ. Большая часть населенія была отправлена въ ссылку, только бѣдныхъ крестьянъ оставили на мѣстѣ. Высшіе чиновники и знать подверглись казнямъ въ Риблѣ по повелѣнію великаго царя. Управленіе страною перешло въ руки намѣстника, которой поселился въ Миспѣ.

Очень часто говорятъ о такъ называемомъ вавилонскомъ плѣненіи. Это названіе въ сущности не правильно. Сосланные жили вмѣстѣ какъ и на родинѣ и могли заниматься чѣмъ хотѣли, имъ только не было дозволено возвращаться въ Палестину. Намъ неизвѣстно, по какимъ мотивамъ персидскій царь Киръ далъ іудеямъ отпускную (536 до Р. Х.). Онъ однако не просчитался. Іудеямъ было сколько хлопотъ съ религіей, что въ политическомъ отношеніи они не были опасны. Они были довольны, если не дѣлалось никакихъ затрудненій ихъ культу.

Послѣ смерти великаго Александра, Палестина попала въ руки Птолемеевъ, а въ 198 г. перешла къ Селевкидамъ. Еще въ эпоху процвѣтанія Греціи весь тогдашній образованный міръ сталъ населяться дѣтьми Израиля. Въ то время они уже были торговцами, тогда какъ еще въ эпоху Неемія въ роли купцовъ являлись главнымъ образомъ финикіяне и филистимляне, въ особенности жители Аздода. Отъ торговаго народа, филистимлянъ, обѣтованная страна получила даже свое имя Палестины. Нельзя думать, что положеніе іудеевъ въ то эпоху было очень розовымъ. Подати стали невыносимы и чужеземное господство для набожныхъ іудеевъ было

постоянно предметомъ печали. Но они спокойно выносили все, надѣясь на будущее. Лишь въ томъ случаѣ, если кто либо касался ихъ религіи, можно, было ихъ вывести изъ терпѣнія. Антіохъ IV не безъ основанія вообразилъ, что іудеи, твердо держась своего культа, выражаютъ этимъ политическую оппозицію противъ его особы и по этой причинѣ велѣлъ соорудить въ Іерусалимѣ и въ Іудеѣ языческіе алтари. Египетскіе іудеи, пользуясь этимъ религіознымъ преслѣдованіемъ, соорудили свой собственный храмъ въ Леонтополѣ; такъ далеко зашелъ космополитизмъ іудеевъ, вкусившихъ эллинской цивилизаціи. Между тѣмъ въ святой землѣ явился спаситель, какъ въ эпоху судей. Это былъ Матаѳія бенъ-Іохананъ изъ рода Гасмонеевъ. Его сынъ, Іуда Маккавей, руководившій возстаніемъ послѣ его смерти, побѣдоносно продолжалъ войну и въ декабрѣ 165 г. до Р. Х., черезъ 3 года послѣ оскверненія, въ Іерусалимѣ можно было возстановить прежній культъ. Окрестные язычники, ободренные примѣромъ Антіоха, устроли со всѣхъ сторонъ еврейскіе погромы Но Маккавеи сочли обязанностью помочь и этимъ своимъ угнетеннымъ единовѣрцамъ. Впрочемъ, число евреевъ, жившихъ внѣ Іудеи въ Палестинѣ,было сравнительно ничтожно. Послѣ многочисленныхъ превратностей судьбы, Маккавею Іонаѳану, въ роли первосвященника и главы племени, удалось достичь утвержденія отъ Селевкида Дмитрія (145 г.). Въ то же время Гирканъ сталъ независимымъ отъ Сиріи и искалъ дружбы римлянъ. Преемница Александра Іаннаи, его вдова Сальма, посадила своего сына Гиркана на первосвященническій престолъ, такъ какъ сама, будучи женщиной, не могла взять на себя этотъ санъ. По ея настоянію главные книжники получили мѣсто и голосъ въ правительственномъ органѣ Синедріонѣ. При сыновьяхъ Сальмы начались придворныя распри, въ которыя вмѣшались римляне. Въ 64 г. Помпей взялъ Іерусалимъ и вступилъ со своимъ штабомъ даже въ зданій дворъ храма. Впрочемъ онъ не коснулся іудейскаго культа. Іудея и Перея (іудейская страна по ту сторону Іордана) стали римскою провинціей. Гирканъ былъ утвержденъ первосвященникомъ; но въ 47 г. по благоволенію Цезаря получилъ также этнархатъ. Настоящая власть однако находилась въ рукахъ идумейца Антипатра. Сынъ его Иродъ, ловко пользуясь обстоятельствами, добился отъ Антонія сана іудейскаго царя (40 г.). Проливъ потоки крови, онъ низвергъ Гасмонейскую династію и ея привеж-

женцевъ, что ему однако не помѣшало жениться на гасмонейской царевнѣ Маріамѣ. Этотъ бракъ былъ источникомъ безпрерывныхъ раздоровъ въ его семьѣ и окончился тѣмъ, что Маріамна умерла отъ руки палача. Первосвященникомъ Иродъ не могъ стать, какъ чужеземецъ, но онъ могъ посадить, кого хотѣлъ. Онъ затратилъ сумашедшія деньги на эллинизированіе страны, лишь бы понравиться императору. Онъ не пренебрегалъ никакими злодѣйствами, если того требовала политическая необходимость. Избіеніе младенцевъ вь Виѳлеемѣ—легенда, но она показываетъ, какъ смотрѣлъ народъ на этого человѣка. По его смерти царство перешло 3-мъ сыновьямъ его, Архелаю, Антипу и Филиппу. Теперь начались возстанія по всѣмъ уголкамъ края противъ чужеземцевъ. Въ общемъ, слѣдуетъ однако сказать, что римляне щадили и уважали іудейское самоуправленіе и народныя особенности. Синедріонъ пользовался не только судебной, но и административной властью: лишь смертные приговоры должны были утверждаться римскимъ прокураторомъ. Подати сдавались, по римскому обыкновенію, откупщикамъ съ торговъ. Туземная мѣдная монета не носила изображенія императора; ни одинъ римскій орелъ не появился въ Іерусалимѣ. Римскія власти даже наблюдали за тѣмъ, чтобы ни одинъ не-еврей, подъ угрозою смертной казни, не смѣлъ вступить въ священный округъ храма. Разумѣется, можно указать отдѣльные промахи прокураторовъ, да сверхъ того и терпѣливѣйшіе изъ нихъ могли потерять терпѣніе, имѣя дѣло съ еврейскимъ упрямствомъ. Озлобленіе достигло врайности, когда, послѣ смерти Агриппы, Траянъ не допустилъ ни одной туземной династіи, но передалъ страну непосредственно римскимъ властямъ. Теперь не было конца столкновеніямъ и возстаніямъ.

Въ то время какъ фарисеи, участвуя въ синедріонѣ, поняли выгодную сторону политическаго благоразумія, наиболѣе радикальный элементъ среди нихъ, такъ называемые зилоты, стали во главѣ національнаго движенія. Это возстаніе закончилось разрушеніемъ Іерусалима и его храма (16 августа 70 г. послѣ Р. Х.). Вмѣстѣ съ паденіемъ первосвященничества и синедріона, былъ положенъ конецъ іудейскому царству. Но дѣти Израиля не были новичками въ подобныхъ бѣдствіяхъ. Вавилонское изгнаніе послужило для нихъ хорошей подготовкой. Книжная мудрость основала школу для изученія закона и создала центральную коллегію. Здѣсь изъ канона

священныхъ книгъ возникли новые труды, основанные на казуистическомъ, схоластическомъ истолкованіи прежнихъ. Наиболѣе замѣчательными продуктами этого творчества являются Мишна и Талмудъ. Прошло уже почти 2000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ іудеи устратили свое національное существованіе. Но іудейская раса наводнила весь міръ. Численность ея въ настоящее время достигаетъ не менѣе 7,000,000, тогда какъ въ древней Палестинской землѣ въ настоящее время едва ли живутъ милліонъ человѣкъ, да едва ли когда либо и жило большее число, потому что большая часть страны всегда была мало плодородна. Молоко и медъ текли здѣсь лишь для тѣхъ, кто привыкъ къ безплодію пустыни—или же для преувеличенной фантазіи поэтовъ и пророковъ. Въ общемъ іудейская раса, не смотря на всѣ свои испытанія, по крайней мѣрѣ удесятирилась. Силы ея теперь неисчерпаемы. Могущество новѣйшихъ евреевъ конечно далеко значительнѣе, чѣмъ іудейскаго царства въ его лучшія времена.

Религія израильтянъ.

Хотя израильскій народъ явился собственно лишь со временъ Давида, все же израильскія племена, до своего вторженія въ Палестину, обладали настолько общей исторіей, что имѣли одного общаго бога воинствъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ священный ковчегъ. По обычному мнѣнію, въ этомъ ковчегѣ находились таблицы съ 10 заповѣдями. Но въ то же время извѣстно, что ковчегъ былъ захваченъ филистимлянами и поставленъ въ храмѣ Дагона въ Аздодѣ, гдѣ онъ, по преданію, разбилъ статую этого бога на куски и убивалъ приближавшихся къ нему людей. Очевидно, что такія чудеса совершали не таблицы съ заповѣдями, но пребывавшій въ ковчегѣ грозный духъ. Источники повѣствуютъ лишь объ одномъ единственномъ ковчегѣ, находившемся въ эпоху Иліи въ ефраимитскомъ городѣ Силонѣ и игравшемъ роль въ войнѣ съ филистимлянами. Затѣмъ Давидъ построилъ новую крѣпость Сіонъ, но поставилъ ковчегъ въ палаткѣ, такъ какъ богъ кочевого племени не можетъ пребывать въ домѣ. Наконецъ, Соломонъ перенесъ ковчегъ въ задніе покои іерусалимскаго храма. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что существовало нѣсколько ковчеговъ, о которыхъ народное преданіе не упоминаетъ лмбо случайно, либо съ

намѣреніемъ. Существовали же въ древнѣйшее время въ Израилѣ многіе священные камни, въ которыхъ пребывалъ Іагве, какъ напр., въ Бетелѣ. Въ Офрѣ существовала даже священная скала, на которой находился алтарь для всесожженія въ іерусалимскомъ храмѣ и надъ которымъ теперь высится мечеть Омара. Іагве находился также и подъ священными деревьями Офры, Сихема и Гибеи и у священныхъ ручьевъ (Бееръ, Лахайрой, Кадесъ и Барнаа). Если даже допустить, что всѣ эти священныя мѣста и многія другія были основаны не израильскими поселенцами, но древними жителями Ханаана, то во всякомъ случаѣ израильтяне приняли эти мѣста на свой счетъ и немало не смущались тѣмъ, что ихъ племенной богъ пребывалъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Внутри храма Соломона были три различныхъ святыхъ мѣста, въ которыхъ предполагалось присутствіе Іагве, а именно священный камень подъ алтаремъ всесожженія, ковчегъ и загадочные херувимы, изъ которыхъ каждый въ сущности долженъ былъ бы исключить другихъ.

Въ то время, какъ Іудея послѣ раздѣленія царствъ держалась еще стариннаго фетишизма, въ болѣе культурномъ сѣверномъ царствѣ стали представлять себѣ божество въ болѣе личной формѣ, слѣдуя при этомъ примѣру жителей Ханаана, которые, подобно египтянамъ, изображали свои многочисленныя мѣстныя божества съ общимъ нарицательнымъ именемъ Ваала въ видѣ быковъ. Золотые, т. е. по всей вѣроятности вызолоченные тельцы, найдены въ Самаріи, Бетелѣ и Данѣ. Подобныя же изображенія существовали, повидимому, въ Офрѣ и Нобѣ. Къ сожалѣнію, объ ихъ формѣ мы знаемъ такъ же мало, какъ и о тѣхъ золотыхъ и серебрянныхъ идолахъ, которыхъ громитъ пророкъ Исайя. Въ Іерусалимъ, повидимому, проникли въ старину лишь рога божества, изображавшагося въ видѣ тельца. Ихъ вѣшали на жертвенномъ алтарѣ. Въ царствованіе Ахава Израильскаго, проникъ даже культъ финикійскаго Ваала, но былъ быстро подавленъ сопротивленіемъ пророка Иліи. За то о почитаніи Астарты до временъ Манассіи нѣтъ свѣдѣній ни въ одномъ сколько-нибудь достовѣрномъ источникѣ. Вообще лишь при этомъ царѣ чужеземный культъ проникъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Были поставлены солнечныя колесницы и солнечные кони. На кровляхъ появились алтари Астарты, замѣнившіе туземные храмы, содержавшіеся на террасахъ. Культъ Астарты въ особенности понравился жен-

щинамъ, точно также какъ и культъ Тамуза (Iезекiиль гл. 6). Этотъ культъ пережилъ даже разрушенiе Iерусалима. Обычное изложенiе исторiи евреевъ слишкомъ основано на односторонней точкѣ зрѣнiя iудейскихъ пророковъ, для которыхъ главною цѣлью была борьба съ язычествомъ и съ отступничествомъ отъ культа Iагве. На самомъ дѣлѣ этотъ культъ никогда не покидался даже въ эпоху самыхъ сильныхъ чужеземныхъ влiянiй. Съ другой стороны, даже въ тѣ времена, когда въ древнемъ Израилѣ почитался одинъ только Iагве, израильтяне вовсе не были того мнѣнiя, что нѣтъ никакихъ иныхъ боговъ. Iагве былъ богъ Израиля, какъ Кемосъ богъ Моава, Милькомъ—Аммона, Вельзевулъ—Аккарона. Какъ только израильтянинъ покидаетъ предѣлы своей страны, онъ считаетъ вполнѣ естественнымъ служенiе чужимъ богамъ (см. кн. I Самуила, гл. 26). На короткое время Iагве можетъ, впрочемъ, появиться и внѣ предѣловъ Израиля, ведя свои войска на побѣду. Если израильское войско терпитъ пораженiе, это значитъ, что богъ чужаго народа оказался болѣе могущественнымъ. При подобныхъ воззрѣнiяхъ, нисколько не изумительно, что когда больной царь израильскiй Ахазъ не находилъ исцѣленiя, несмотря на мольбы своему богу, онъ сталъ искать помощи у Вельзевула въ Аккаронѣ. А когда iудеи увидѣли, какихъ чудовищныхъ политическихъ успѣховъ достигли въ передней Азiи ассирiйцы, то неудивительно, что они стали поклоняться знатнѣйшимъ божествамъ этой мiровой державы. Такiе политеистическiе оттѣнки въ религiи Израиля были вовсе не послѣдствiемъ особаго нечестiя, но несовершенствомъ религiознаго развитiя, за которое отвѣтственна лишъ эпоха, а не отдѣльныя личности. Iагве не признавался всемогущимъ, но только очень могущественнымъ, онъ не былъ всезнающимъ, но только много знающимъ, вѣрили въ его святость, но святость въ древности означала только неприступность. Къ святому ковчегу могли прикасаться лишь особые стражи, иначе богъ исходитъ изъ него въ видѣ молнiи и поражаетъ дерзкаго. Какъ богъ грозы, онъ въ облакахъ мчится надъ вершинами страны и голосъ его слышится въ раскатахъ грома. Въ легендѣ о патрiархахъ встрѣчаются совершенно иныя представленiя о Iагве. Здѣсь онъ проявляется въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ ангела, и обращается съ людьми какъ-бы имъ равный. Онъ является Аврааму въ дубравѣ Мамре, Агари подлѣ источника, Iакову возлѣ Пенуэля. Было бы, однако же, крайне

ошибочно вывести отсюда, что Iагве представляли себѣ, какъ личное существо. Выше уже было замѣчено, что эта форма божества относится къ кочевому перiоду и что въ ней слились всевозможныя представленiя о духовныхъ существахъ. Путника также мало можно отожествлять съ духомъ, какъ и съ Iагве, онъ представляетъ лишь родъ фетиша, въ которомъ пребываетъ духъ. Если позднѣйшая форма легенды о патрiархахъ, стараясь устранить антропоморфизмъ, сдѣлала изъ одного ангела (что имѣетъ ясный смыслъ) трехъ, то это въ сущности совершенно излишняя прибавка. Ангелы являются также съ враждебными намѣренiями: такъ, однажды, ангелъ ночью подступаетъ къ Моисею, желая его убить; онъ выступаетъ противъ Валаама съ мечемъ въ рукѣ. Такъ называемый ангелъ смерти избиваетъ египетскихъ первенцевъ и караетъ предпринятую Давидомъ перепись, принося чуму.

Хуже всего было не то, что Iагве могъ не только благословлять, но и карать, а то, что было трудно угадать, когда онъ милуетъ и когда караетъ. Человѣкъ долженъ былъ находиться въ постоянномъ трепетѣ передъ неисповѣдимыми судьбами божiими и ему слѣдовало бы придти въ отчаянiе, если бы не существовало путей и средствъ устроить довольно хорошiя отношенiя къ ревнивому богу. Этими средствами были жертвы и молитвы, а также оракулъ. Подобно древнему человѣку и нынѣшнему полуцивилизованному, являющемуся къ своему царю не иначе, какъ съ дарами, израильтянинъ не смѣлъ являться къ Iагве съ пустыми руками. Жертвами умилостивляли гнѣвнаго бога и благодарили за милость. Само собою разумѣется, для него были хороши лишь самыя жирныя животныя въ стадѣ и самыя лучшiя зерна съ полей. Жертвами ему служили также такъ называемые опрѣсноки iерусалимскаго храма, и масло, которымъ мазали священные камни. Человѣкъ жертвуетъ божеству, вообще говоря, лишь такихъ животныхъ, мясо которыхъ ѣстъ онъ самъ; всѣ остальные считались нечистыми, т. е. находящимися въ сношенiи съ чуждыми богами. Съ какими либо гигiеническими цѣлями,— воспрещенiя того или другаго рода пищи, встрѣчающiяся въ ветхомъ завѣтѣ не имѣютъ ничего общаго [1]). Человѣческiя жертвы встрѣчаются, правда, очень рѣдко, служа для умилостивленiя Iагве лишь въ самое древнѣйшее время. Таковы

[1]) Здѣсь явное преувеличенiе: конечно, Моисей ничего не зналъ о трихинахъ, но народный инстинктъ и опытъ умнѣйшихъ людей могъ убѣдить въ томъ, что свиное мясо часто порождаетъ болѣзни и т. п. *Ред.*

жертвоприношенія Исаака, дочери Іевфая и др. Въ то время, какъ человѣческія жертвы представляютъ остатокъ до-исторической эпохи, принесеніе въ жертву маленькихъ дѣтей было обычаемъ, по всей вѣроятности заимствованнымъ отъ жителей Ханаана и встрѣчавшимся довольно часто, вслѣдствіе чего противъ него были направлены очень строгія запрещенія.

Молитва есть необходимая принадлежность жертвы. На мѣстѣ богослуженія, по всей вѣроятности, никогда не обходилось безъ жертвъ; поэтому самостоятельная молитва значительно отступаетъ на второй планъ и имѣетъ нѣсколько большее значеніе лишь въ формѣ проклятія или благословенія. То и другое заставляетъ предполагать, что призываемое божество выполняетъ какъ добрыя, такъ и худыя пожеланія людей. Такъ напр., если было совершено преступленіе, злодѣй не былъ найденъ, то надъ неизвѣстнымъ произносилось проклятіе: „будь проклятъ для Іеговы сдѣлавшій то или иное". Далѣе было уже дѣломъ бога найти виновнаго и покарать его. Если злодѣй являлся самъ добровольно и его хотѣли помиловать, то проклятіе снимали, произнося слова: „да будетъ благословенъ такой-то Іеговѣ (См. Книгу Судей гл. 17)".

Жертву могъ приносить любой взрослый израильтянинъ; такъ какъ обыкновенныя жертвы были обѣдами, отъ которыхъ божество получало лишь принадлежащую ему часть, то настоящимъ приносителемъ жертвъ былъ отецъ семейства. Для болѣе значительныхъ жертвъ сходились вѣроятно семьи, принадлежавшія къ одному роду, подъ руководствомъ наиболѣе уважаемаго представителя рода, руководившаго жертвой и жертвеннымъ пиршествомъ. Выше было указано, что отдѣльный израильтянинъ, когда онъ помышлялъ о неисповѣдимыхъ проявленіяхъ могущества своего бога, долженъ былъ находиться въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ. Однако въ первобытной естественной религіи и въ грубой дѣйствительности практической жизни подобное настроеніе можетъ быть лишь мимолетнымъ. Некультурный человѣкъ всегда оптимистъ, даже по отношенію къ своему богу. Въ наиболѣе возвышенные моменты своей жизни, а именно во время жертвенныхъ пиршествъ, онъ ѣстъ и пьетъ и ликуетъ передъ Іеговой. Конечно и въ древнемъ Израилѣ были священники или жрецы; но эти священники имѣли не болѣе сношенія съ жертвами, нежели всякій иной израильтянинъ. Ихъ главной обязанностью было произнесеніе оракуловъ и охрана изображеній

бога. Лишь въ качествѣ прорицателей брали съ собою священниковъ въ походъ, какъ Давидъ, такъ и Саулъ. Напр., послѣ сраженія подъ Михмасомъ, была совершена жертва, то нельзя было видѣть и слышать ни одного жреца, хотя въ лагерѣ присутствовалъ священникъ Авія изъ Зилона вмѣстѣ съ священнымъ ковчегомъ; воины собственными руками зарѣзали быковъ и пролили жертвенную кровь на камни (I Книга Самуила гл. 14). Поэтому священникъ (когенъ) называется также метателемъ жребія (морэ). Насколько извѣстно, при прорицаніяхъ бросали палочки, причемъ на одной было написано „нѣтъ" (уримъ, что значитъ собственно проклятіе), а на другомъ „да" (туммимъ).

Священническая профессія была родомъ ремесла, которымъ, сколько извѣстно, занимались по преимуществу люди низкаго происхожденія. Если въ пятой книгѣ Моисея (гл. 33) о нихъ сказано, что они не знаютъ ни отца, ни матери, то здѣсь, по всей вѣроятности, нужда возведена въ добродѣтель. Впрочемъ, пользованіе людьми безъ роду и безъ племени въ роли прорицателей могло-бы предпочитаться по причинѣ ихъ безпристрастія. Священниковъ назначали князья или вообще богатые люди, которые могли себѣ позволить роскошь изображенія бога, или устройства капища, это дѣлали обыкновенно цѣлыя общины (Данъ, Бетель, Самарія, Іерусалимъ и т. д.) Впрочемъ расходы на это окупались, такъ какъ каждое прорицаніе оплачивалось. Священникъ жилъ въ божьемъ домѣ и большею частью игралъ также роль привратника или сторожа. Само собою разумѣется, такъ какъ священникъ, а также порою и его господинъ, жили отъ указанныхъ доходовъ, то подобныхъ храмовъ не могло быть много. Профессія священниковъ восходитъ ко времени Моисея. Этотъ послѣдній, хотя не можетъ считаться древнѣйшимъ, во всякомъ случаѣ былъ знаменитѣйшимъ представителемъ своего цѣха. Это чисто коллегіальное родство было позднѣе превращено въ генеалогическое, а такъ какъ Моисей принадлежалъ къ вскорѣ затѣмъ угасшему племени Леви, то священники назвались левитами.

Хотя священники, игравшіе роль прорицателей, оказывали значительное вліяніе на жизнь и на политику, все же ихъ вліяніе не могло считаться рѣшающимъ. Они во всякомъ случаѣ оставались чиновниками, зависимыми отъ своихъ господъ. Могущественными личностями, повліявшими на развитіе Израиля, были пророки. Правда, когда они вы-

ступаютъ въ исторіи впервые, а именно при Саулѣ, то это вліяніе далеко не обнаруживается ясно. Въ тѣ времена они представляютъ толпы изступленныхъ людей, утверждающихъ, что на нихъ снизошелъ духъ Іеговы и бродящихъ по странѣ съ литаврами, барабанами, флейтами и дудками, бросающихся въ экстазѣ на землю, при чемъ у нихъ изо рта бьетъ пѣна (I книга Самуила гл. 10). Было опасно встрѣтиться съ нимъ по пути, такъ какъ этотъ экстазъ дѣйствовалъ заразительно и самъ царь Саулъ былъ однажды увлеченъ имъ. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той самой священной болѣзнью, которою были одержимы слуги Діонисія. Ораторы нѣкоторыхъ христіанскихъ общинъ въ первые вѣка христіанской эры, а также дервиши нынѣшняго ислама представляютъ подобныя же вліянія, мало еще изученное въ психологическомъ и въ физіологическомъ отношеніи. Достаточно сказать, что это былъ особый родъ служенія божеству. Не вполнѣ ясно, явилась ли эта религіозная эпидемія въ Израилѣ самостоятельно, или же была занесена извнѣ. Во всякомъ случаѣ оказывается,—когда это движеніе послѣ Саула вновь упоминается въ нашихъ источникахъ,—что также Ваалъ и Астарта имѣли своихъ пророковъ въ сѣверномъ царствѣ. Эти пророки плясали вокругъ алтарей и рѣзали себя ножами, такъ что текла кровь. Но въ лицѣ тизбійца Иліи они встрѣтили грознаго противника. Судя по источникамъ, элементъ экстаза отступаетъ у этого человѣка почти совсѣмъ на заднiй планъ. Онъ проявляется только въ томъ случаѣ, когда Илія, подобно бурѣ, спѣшитъ обогнать царя, ѣдущаго отъ Кармельскаго жертвенника въ столицу Изреель. Въ другихъ случаяхъ у Иліи на мѣсто экстаза является чудо. Онъ очаровываетъ масло въ кружкѣ воды, низводитъ съ небесъ пламя на алтарь, накликаетъ на страну несчастія и воскрешаетъ мертвыхъ. Все это онъ дѣлаетъ по повелѣнію Іеговы. Онъ сознаетъ свою миссію, состоящую въ томъ, чтобы бороться за Іегову и не допускать въ Израилѣ никакого другого культа. Пророки ввели этотъ пуризмъ (едва-ли это можно приписать уже Моисею) и хотя ихъ рвеніе часто бывало слѣпымъ, но историческое развитіе показало, что они были правы. Илія выступаетъ также какъ нравственный проповѣдникъ, дѣйствуя противъ царя и гордой тирской царевны Іезавели и призывая ихъ къ отвѣту за произведенное въ Наботѣ судебное убійство. Такъ какъ Иліѣ не удалось провести своихъ требованій, то его партія обрушилась съ ненавистью на цар-

ствующую династію. При второмъ преемникѣ Ахава, Іорамѣ, эта партія подъ, руководствомъ Елисея, приняла участіе въ военномъ мятежѣ, посредствомъ котораго на престолъ былъ возведенъ человѣкъ, не пренебрегавшій никакими средствами, Іегу-бенъ-Нимси. Относительно Елисея нѣтъ никакихъ указаній на черты экстаза, а чудеса его своеобразны (напр. извѣстное происшествіе съ бранившими его мальчиками, съѣденными медвѣдями). Однако о значеніи этого человѣка нельзя судить по подобнымъ преданіямъ. Онъ несомнѣнно игралъ важную политическую роль, отличался рѣшительностью и пользовался сильнымъ вліяніемъ, хотя знатные люди изъ числа окружавшихъ Іегу называли его сумашедшимъ (мешугга). Чѣмъ болѣе старый пророкъ вмѣшивался въ общественныя дѣла, тѣмъ болѣе, разумѣется, его собственныя поступки должны были терять свой священный характеръ. Позднѣйшее преданіе показываетъ, что это дѣйствительно было такъ, причемъ, быть можетъ, значительная часть этихъ преданій дошла до насъ въ урѣзанномъ видѣ. Однако еще отъ Исайи мы узнаемъ (Исайя гл. 20), что онъ однажды явился передъ народомъ совершенно голымъ. Конечно нельзя было порицать того, что пророкъ находился въ сообщеніи съ Іеговой и что Іегова все что онъ дѣлаетъ, сообщаетъ своему пророку (Амосъ гл. 3). Уже іудей Амосъ, выступившій въ Бетели при Іеровоамѣ II, рѣшительно отклоняетъ всякое сопоставленіе съ древними пророками (наби). „Я не пророкъ отвѣчаетъ онъ священнику Амасіи и не сынъ пророка, но пастухъ быковъ и крестьянинъ, воздѣлывающій сикоморы“. Амосъ и выступающій послѣ него въ сѣверномъ царствѣ Осія имѣютъ за собою ту заслугу, что ими введенъ моральный элементъ въ религію. Жертвы во всякомъ случаѣ необходимы, но жертвоприношенія сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣны въ томъ случаѣ, когда царствуетъ клятвопреступленіе, убійство, воровство, угнетеніе слабыхъ. Осія еще болѣе строгъ, чѣмъ Амосъ. Онъ требуетъ уничтожить изображеніе тельцовъ. Исторія послѣднихъ столѣтій убѣдила его въ томъ, что все учрежденіе царства было отпаденіемъ отъ Іеговы. Слѣдующія за тѣмъ событія—разрушеніе Самаріи и ссылка знатнѣйшихъ гражданъ въ 721 г.—показали, что онъ былъ правъ. Теперь Іудея стала единственнымъ еще существующимъ іудейскимъ государствомъ и естественно на ея долю выпала задача охранять національныя преданія. Однако

національный элементъ и здѣсь значительно отступилъ передъ религіознымъ.

Іудейскіе пророки развиваютъ далѣе мысль Амоса и Осіи; они однако никогда не заходили такъ далеко, чтобы отдѣлять совершенно религію отъ политики. Можно даже сказать, что величайшіе изъ нихъ, Исайя и Іеремія, были крупнѣйшими государственными людьми своего времени. Однако всѣ ихъ религіозныя сужденія о политикѣ имѣютъ лишь субъективную цѣнность. Они не могутъ служить руководствомъ для историка. Руководящіе круги Іудеи все болѣе и болѣе подпадали подъ вліяніе религіозной партіи. Эта партія однако не могла воспрепятствовать при Манассіи введенію въ Іерусалимскій храмъ ассирійскихъ божествъ. Реакція наступила при Іосіи, какъ слѣдствіе союза между фанатическимъ пуризмомъ пророковъ и эгоистическимъ честолюбіемъ іерусалимскихъ храмовыхъ священниковъ. Первые требовали устраненія языческаго культа и языческихъ обрядностей, вторые хлопотали о своихъ доходахъ и о конкуренціи своихъ коллегъ въ крупныхъ священныхъ мѣстахъ страны, все еще оставлявшихъ въ тѣни Сіонскій храмъ, по причинѣ своего болѣе почтеннаго возраста. Помощью подложнаго документа удалось убѣдить царя въ томъ, что весь предшествующій способъ богослуженія былъ прямымъ нарушеніемъ категорическаго повелѣнія Іеговы, даннаго, въ поляхъ моавитскихъ, дѣтямъ Израиля черезъ посредство Моисея. Повелѣніе состояло будто бы въ томъ, что жертвы можно было приносить только въ Іерусалимѣ. Хотя царь и не повѣрилъ, но частью изъ мѣстнаго патріотизма, частью изъ политическихъ и грубо-матеріальныхъ интересовъ, онъ принялъ сторону своихъ святыхъ мужей и провозгласилъ этотъ документъ государственнымъ закономъ (сравни Второзаконіе, особенно съ 12 гл. по 26). На основаніи новаго законодательства въ Іерусалимѣ были устранены всѣ чуждые культы и внѣ Іерусалима было запрещено приносить какія бы то ни было жертвы. Священники, служившіе въ другихъ мѣстахъ, должны были переселиться въ Іерусалимъ. Прежде всякій убой животнаго былъ соединенъ съ жертвой, теперь пришлось рѣзать животныхъ, не принося жертвы. Однако промыселъ мясника не сталъ въ Израилѣ такимъ свѣтскимъ, какъ впослѣдствіи у христіанъ. Даже у новѣйшихъ іудеевъ рѣзничество представляется священнымъ актомъ.

Второзаконіе нанесло ударъ экономическому существо-

ванію тысячъ людей. Дѣйствительно, священныя мѣста страны были въ то же время торговыми центрами. Большіе жатвенные праздники, существовавшіе весною (песахъ маццотъ, т. е. пасха), лѣтомъ (шабуотъ, пятидесятница), и осенью (суккотъ, праздникъ кущей, время сбора винограда),—эти праздники были также временемъ, когда израильскіе мужи обладали средствами обмѣна и деньгами и производили закупки на многіе мѣсяцы или даже на цѣлый годъ. Подлѣ мѣстныхъ святилищъ находились ярмарки и базары. Вслѣдствіе реформы, установленной во Второзаконіи, расходы частныхъ лицъ на разные предметы культа были значительно повышены; сверхъ того, были разорваны прежнія жилы, по которымъ протекала торговля и происходило сообщеніе. Столица выиграла, тогда какъ благосостояніе всей страны было разрушено.

Но и съ политической и династической точки зрѣнія, эта реформа, или скорѣе этотъ переворотъ былъ крупною ошибкой. Слѣдовало опасаться, что безсовѣстные и честолюбивые іерусалимскіе жрецы въ одинъ прекрасный день воспользуются мыслью пророковъ, а именно, что только Іегова есть земной царь и учредятъ теократическое государство съ духовенствомъ во главѣ, и весьма возможно, что первосвященнику Хилькіи, бывшему при Іосіи, представлялась подобная мысль. Во всякомъ случаѣ ясно, что подобныя новшества не легко было ввести. По счастью Іудея, игравшая въ этомъ вопросѣ главную роль, была лишь крошечнымъ государствомъ, а за предѣлами Іудеи царская рука не была властна. Сверхъ того Іудея, вскорѣ послѣ того, снова была вовлечена въ борьбу между міровыми державами, а спустя одно поколѣніе навсегда утратила свою національную самостоятельность. Бѣднымъ мужикамъ, оставленнымъ въ странѣ халдеями, не могло придти на умъ выступить въ пользу Второзаконія. Уважаемыя древнія святыни процвѣтали по прежнему. Однако, если бы въ страну не явились чуждыя завоеванія, то результатомъ всего этого броженія была бы соціальная революція. Разрушеніе государства и ссылка знатнѣйшихъ людей привели къ тому, что новшества, введенныя Второзаконіемъ, одержали побѣду. Можно назвать ироніей исторіи то обстоятельство, что одна изъ произвольнѣйшихъ мѣръ восточнаго деспотизма оказала огромное вліяніе на іудейскую религію,—такъ сказать одухотворила ее. Религіозная централизація сдѣлала жертвоприношенія крайне затруднительными, но потребности массы

искали какого либо удовлетворенія, или по крайней мѣрѣ занятія. Такимъ образомъ все болѣе и болѣе стало выступать значеніе молитвы, тогда какъ значеніе жертвы, относящееся, собственно говоря, къ религіи природы, отступило на заднiй планъ. Такъ была подготовлена почва для того воззрѣнія, что молитва и богобоязнь должны быть предпочитаемы крови телятъ и быковъ. Суровое сужденіе, высказанное нами относительно введенія Второзаконія, тѣмъ не менѣе остается въ силѣ: всякій поступокъ можно судить лишь по руководящимъ мотивамъ, что же касается отдаленныхъ послѣдствій, то заинтересованныя въ дѣлѣ лица не могли ихъ даже предчувствовать.

Если бы іудеи, сосланные въ 597 г. послѣ покоренія Іерусалима, могли еще надѣяться на скорое возвращеніе, то эта надежда была постыдно разрушена совершеннымъ уничтоженіемъ города и государства въ 586 г. Но идеализмъ пророковъ, продолжавшихъ свою дѣятельность въ изгнаніи, былъ непоколебимъ. Если до тѣхъ поръ пророки, и въ особенности наиболѣе пламенно чувствующій изъ нихъ Іеремія, прорицали погибель государства, то когда ихъ предсказанія исполнились, они на этомъ не успокоились, но приступили къ возбужденію въ Израилѣ вѣры въ отдаленное будущее. Ихъ религіозный энтузіазмъ не могъ быть лишеннымъ патріотической почвы. Іезекіиль придумалъ также другую утѣшительную мысль, а именно, что Іегова не желаетъ смерти грѣшника, но стремится къ его обращенію и жизни. Точно также авторъ, написавшій гл. 40 книги пр. Исаіи, основываетъ свою надежду на возвращеніе въ святой городъ на правѣ почитателей Іеговы по сравненію съ язычниками. Впрочемъ даже помимо проповѣди пророка, мысли, выраженныя во второзаконіи, должны были утвердиться въ массѣ. Погибель государства невольно представлялась наказаніемъ за невыполненіе закона. Іерусалимъ, какъ столица утраченной родины, все болѣе и болѣе становился центромъ. Всякія вообще жертвоприношенія должны были прекратиться на чужбинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпали также и наиболѣе существенныя части большихъ праздниковъ и на передній планъ выступило празднованіе субботы. Обрѣзаніе, представлявшее прежде родъ жертвы отъ зрѣлаго юноши богу (оно не имѣло ровно ничего общаго съ гигіеной) стало религіознымъ и союзнымъ знаменіемъ, подобно нашему крещенію и поэтому было отнесено къ самому раннему дѣтству. На мѣсто жертвъ явилась молитва, на мѣсто радостнаго пира — настойчивыя рѣчи пророковъ и

чтеніе древнихъ преданій и сказаній о быломъ. Изгнанники (гола) постепенно стали чувствовать себя въ роли набожныхъ рабовъ, которые должны были пострадать за грѣхи другихъ, въ особенности тѣхъ, которые остались въ Палестинѣ. Покореніе Вавилона персидскимъ царемъ Киромъ наконецъ доставило желанное возвращеніе. Правда, на первый разъ далеко не всѣ воспользовались разрѣшеніемъ, но навѣрное масса набожныхъ людей поспѣшила на родину. Эти послѣдніе поселились какъ можно ближе къ Іерусалиму и тотчасъ соорудили жертвенный алтарь. Однако ихъ напряженныя ожиданія не исполнились. Даже когда былъ вновь сооруженъ храмъ (516 г.) все еще не было замѣтно ни слѣда присутствія Іеговы среди своего народа. Обстоятельства остались жалкими: высокія подати, жестокіе налоги и главное—чувство подданичества языческой власти. Мечты пророковъ о царѣ будущаго, о Мессіи, которому суждено основать великое іудейское царство и покорить весь міръ, съ тѣхъ поръ не прекращались, хотя умы даже наиболѣе набожныхъ людей были подавлены гораздо болѣе насущными заботами. Само собою разумѣется, что оставшіеся на родинѣ братья стали добиваться принятія въ новую общину. Дать на это согласіе было моральною обязанностью и политическою заповѣдью. Вскорѣ однако оказалось, что это позволеніе было соединено съ серьезною опасностью для общинъ пуристовъ. Брачные союзы между оставшимися и окружавшими ихъ народностями по прежнему продолжались. Они появились даже среди богатыхъ и знатныхъ изъ числа возвратившихся изгнанниковъ и сами священники иногда женились на язычницахъ. Священникъ Эздра, прибывшій съ новой толпой вавилонскихъ іудеевъ (458), напрасно добивался перемѣны. Лишь Неемія, набожный іудейскій міранинъ, два раза (въ 445 и 432 г.) облеченный чрезвычайными полномочіями великаго царя, по прибытіи въ Іерусалимъ измѣнилъ порядки и обязалъ общину слѣдовать новому закону (такъ называемому священническому кодексу). Монополія культа здѣсь проведена еще далѣе, чѣмъ во Второзаконіи, причемъ туземные левиты были сдѣланы второстепенными служителями. Лишь іерусалимская священническая фамилія, а именно родъ Цаддоковъ, получилъ священническія права. Главою этой фамиліи былъ первосвященникъ, преемникъ Аарона. На этого послѣдняго перешли также всѣ полномочія, раньше принадлежавшіе царю, какъ господину своей дворцовой святыни. У Іезекіиля князь (наси) уже

почти не имѣетъ никакого дѣла: наименованія царя (мелехъ) нарочно избѣгали. Обязанности князя сводятся къ тому, что онъ оплачиваетъ священниковъ и доставляетъ жертвенныхъ животныхъ. Въ священническомъ кодексѣ для князя вовсе нѣтъ мѣста. Все это въ этой новой книгѣ представляется не какъ новое требованіе, а какъ нѣчто такое, что существовало съ древнѣйшихъ временъ. Такая теократія будто бы существовала еще въ законодательствѣ, данномъ на Синаѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что во время странствованія въ пустынѣ мѣсто храма занимала деревянная переносная палатка. Въ священническомъ кодексѣ все сообщается такимъ образомъ, какъ будто это подразумѣвается само собою и какъ будто не наступило никакой перемѣны. Этотъ своеобразный способъ изложенія привелъ къ тому, что для христіанской науки потребовалось почти 2000 лѣтъ, чтобы разъяснить то простое обстоятельство, что никакой палатки никогда не существовало и что это не болѣе какъ храмъ іудеевъ, возвратившихся послѣ изгнанія, мысленно перенесенный въ сѣдую древность. Три великіе годовые праздника, которые еще во Второзаконіи имѣютъ характеръ жатвенныхъ празднествъ, послѣ перенесенія жертвенниковъ въ Іерусалимъ должны были въ значительной степени утратить свой прежній естественный характеръ. Священническій кодексъ продолжалъ это дѣло денатурированія и совершенно подавилъ самое существенное, а именно пожертвованіе первинокъ отъ стада и отъ поля, введя цѣлую массу жертвъ, приносимыхъ во имя грѣховъ. Превращеніе жатвенныхъ празднествъ въ поминки и въ воспоминаніе о выдающихся событіяхъ прошедшаго, высказывается напр. въ томъ, что пасха была связана съ исходомъ сыновъ Израиля изъ Египта, что мы видимъ уже изъ Второзаконія. Позднѣе тотъ же взглядъ переносится на праздникъ Кущей, изъ котораго дѣлаютъ воспоминаніе о пребываніи въ пустынѣ. Съ другой стороны праздникъ пятидесятницы лишь у позднѣйшихъ іудеевъ связывается съ синайскимъ законодательствомъ. Циклъ трехъ большихъ празднествъ дополняется четвертымъ, который, однако, провозглашается главнѣйшимъ и наиболѣе существеннымъ. Это великій праздникъ искупленія 10 числа 7-го мѣсяца. Ужасные удары судьбы, испытанные націей и истолкованные пророками въ смыслѣ небесной кары, превратили чувство грѣха и сознаніе виновности во вторую природу іудейства. По священническому кодексу, вся жизнь въ сущности направлена Богомъ

къ тому, чтобы дать случай для искупленія и искупительныхъ жертвъ. Поэтому церковный годъ заканчивается въ день искупленія всеобщимъ покояніемъ. Суббота становится еженедѣльнымъ жертвеннымъ днемъ и въ то время какъ прежде работа прекращалась лишь на время богослуженія, теперь она абсолютно запрещается. Празднованіе и прекращеніе работъ было прежде естественнымъ послѣдствіемъ культа; теперь оно становится самостоятельною цѣлью. Принесеніе жертвъ отходитъ на второй планъ. Дѣйствительно, теперь любой день недѣли становится жертвеннымъ днемъ, когда можетъ быть принесенъ тамидъ (вѣчная жертва). Всѣ эти учрежденія, безъ всякаго сомнѣнія, превратили старинную естественную религію въ мертвый механизмъ. Однако они становятся краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, какъ значительно усилилось въ религіи внутреннее чувство.

Хотя Неемія также потерпѣлъ неудачу, когда вздумалъ ввести въ новое законодательство запрещеніе жениться на не-іудейскихъ женщинахъ, однако, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ крайней безпощадностью. Одинъ изъ членовъ первосвященническаго дома, не желавшій развестись съ своей женой-язычницей, былъ изгнанъ изъ Іерусалима. Онъ, однако, бѣжалъ къ своему тестю Санбаллату въ Сихемъ и соорудилъ на горѣ Гаризимъ собственный храмъ. Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы эта гора лишь съ этихъ поръ стала мѣстомъ культа: она еще раньше, и конечно, съ очень древнѣйшихъ временъ считалась священнымъ мѣстомъ, хотя и не играла выдающейся роли. На этотъ разъ она стала знаменитѣйшей горной святыней (бама) внѣ Іерусалима—единственною, которая пережила тысячелѣтнія бури. Храмъ на горѣ Гаризимъ былъ первоначально частнымъ развлеченіемъ фамиліи Санбаллата. Однако, здѣсь не возникло никакой общины, она впослѣдствіи выросла самопроизвольно подъ вліяніемъ условій. Многіе изъ тѣхъ, кому не нравились пуризмъ и исключительность Эздры и Нееміи, примкнули къ новой общинѣ. Съ теченіемъ времени, все что не хотѣло отдѣлиться отъ древнихъ языческихъ формъ и отказаться отъ культа на горахъ и подъ зелеными деревьями, бѣжало подъ защиту дома Санбаллата и его преемниковъ. Такъ возникла секта самарянъ. Эти послѣдніе, по сравненію съ оффиціальнымъ іудействомъ, не представляли собою никакихъ принципіальныхъ религіозныхъ мнѣній, но лишь церковно-политическіе интересы. Поэтому эта секта удержала ставшій каноническимъ

законникъ, т. е., 5 книгъ Моисея, хотя этотъ законникъ во Второзаконіи и въ священническомъ кодексѣ не признавалъ никакого храма внѣ Іерусалима. Святыня самарянъ была разрушена іудейскимъ первосвященникомъ Іоаннемъ Гирканомъ приблизительно въ 128 г. до Р. Х. Хотя она и не была вновь отстроена, все же эта гора осталась навсегда мѣстомъ, куда стекались пилигримы этой секты и даже въ настоящее время ея представители ежегодно закалываютъ здѣсь пасхальныя жертвы. Въ то время, какъ еще въ 6-мъ вѣкѣ нашей эры самаряне обладали синагогами въ Римѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ имперіи, въ настоящее время они встрѣчаются только въ Наблусѣ, образуя кучку въ какихъ-нибудь 200 душъ. Тотъ фактъ, что эта кучка такъ долго удержалась, слѣдуетъ приписать скорѣе политическимъ условіямъ, нежели заслугамъ „глупаго сихемскаго народа".

Радикальнымъ послѣдствіемъ проповѣди пророковъ была бы отмѣна жертвеннаго культа, если бы только она была послѣдовательно проведена среди іудеевъ. Вскорѣ, однако, явилась потребность найти для празднованія субботы какое-либо возмѣщеніе за отпавшія жертвенныя празднества. Стали мало-по-малу превращать празднованіе субботы въ молитву и въ чтеніе священнаго писанія. Такимъ обрзомъ возникли синагоги. Такъ какъ не существовало какого-либо духовенства помимо священника, которому былъ ввѣренъ жертвенный культъ, то на любого взрослаго израильтянина была возложена обязанность быть въ состояніи читать священныя книги. О началѣ іудейскихъ народныхъ школъ мы, правда, ровно ничего не знаемъ, но самый фактъ ихъ древности неоспоримъ. Синагоги возникли не въ Іерусалимѣ, но въ провинціи. Книжники принадлежали къ кругамъ мірянъ. Низшее духовенство совершенно замкнулось въ вѣчномъ однообразіи культа. Первосвященники вообще мало охраняли религію, у нихъ были болѣе мірскіе интересы и они держали сторону знатныхъ, въ особенностя, когда стали во главѣ коллегіи старѣйшинъ, изображавшей для Іерусалима и провинціи высшую мірскую власть. Набожность и вѣра коренились въ разныхъ уголкахъ страны и въ этихъ-то глухихъ уголкахъ было сдѣлано новое религіозное открытіе, а именно возникла надежда на воскресеніе мертвыхъ. Религія Іеговы въ древнемъ Израилѣ была лишь религіей живыхъ: грѣшникъ, котораго Іегова не покаралъ при жизни, ускользалъ отъ всякой кары.

Древній Израиль, правда, имѣетъ понятіе о преисподней, куда попадаетъ всякій правильно погребенный. Въ этомъ подземномъ мірѣ люди, погребенные въ общемъ склепѣ, въ свою очередь, живутъ семьями и родами. Но эта вѣра принадлежитъ къ кругу анимистическихъ представленій, центромъ которыхъ является предокъ, почитаемый подобно богу,

Могущество Іеговы оканчивалось у вратъ преисподней. Даже впослѣдствіи, когда оно значительно возросло, въ народномъ представленіи все еще страшились найти какое-либо соотношеніе между Іеговой и смертью. Человѣкъ, имѣющій какое-либо отношеніе къ преисподней, становился нечистымъ, т. е. на извѣстное время неспособнымъ участвовать въ культѣ Іеговы. Лишь въ мессіанистической догматикѣ, богъ Израиля становится владыкою царства мертвыхъ. По ученію мессіанизма настанетъ послѣдній день, когда Богъ возстановитъ на землѣ правду и справедливость. Центромъ этого царства будетъ Іерусалимъ, а всѣ его подданные будутъ приверженцами еврейской религіи. Эта надежда на Мессію становится популярною въ первое десятилѣтіе втораго до-христіанскаго столѣтія. Дѣйствительно, въ это время, болѣе чѣмъ когда-либо, приходилось ожидать всяческаго спасенія отъ личнаго вмѣшательства Іеговы. Народъ стоналъ подъ гнетомъ чужеземцевъ. Терроризмъ сирійцевъ въ эпоху Селевкидовъ привелъ къ возстанію Маккавеевъ. Римское нашествіе позаботилось о томъ, чтобы пылъ воодушевленія, возбужденнаго идеею Мессіи, не скоро погасъ. Казалось жестокимъ неправосудіемъ, чтобы въ этомъ ожидаемомъ царствѣ не приняли участія раньше умершіе набожные люди: отсюда и явилась мысль, что въ судный день раскроются гробы и выйдутъ мертвецы, причемъ одни будутъ обречены на жизнь вѣчную, другіе на вѣчное осужденіе. Въ эпоху Христа, этого рода надежды поддерживались фарисеями. Имъ слѣдовали огромныя толпы народа, для которыхъ фарисеи были учителями и руководителями.

Въ этомъ смыслѣ, заслуга фарисеевъ, поддерживавшихъ вѣру въ загробную жизнь, была безспорна; однако, нельзя не указать и на оборотную сторону. Фарисеи отлично поняли, что съ одними жертвами нельзя ничего сдѣлать, что человѣкъ долженъ также жить безупречно и быть справедливымъ. Но они опутали набожность сѣтью безчисленныхъ запрещеній и предписаній, такъ-что оказалось, что обыкновенный человѣкъ не можетъ ничего сдѣлать, не помышляя

днемъ и ночью о законѣ. Они требовали строгаго выполненія всѣхъ обрядностей. Подача милостыни считалась особенною заслугой. Они ломали себѣ голову, обсуждая всевозможныя мелочи и при этомъ совершенно упуская изъ виду широкую нравственную точку зрѣнія. Набожность стала дѣломъ кропотливаго изученія и искусства, но въ этомъ искусствѣ фарисеи были не художниками, а лишь жалкими ремесленниками, хотя они и смотрѣли на мірянъ сверху внизъ.

Іисусъ изъ Назарета разоблачилъ набожность фарисеевъ и сдѣлалъ душевное настроеніе мѣриломъ, посредствомъ котораго также и нищіе духомъ могли достичь небеснаго царства. Отношеніе его къ жертвенному культу можетъ быть сопоставлено съ псалмами, гдѣ выведены послѣдствія изъ мыслей, высказанныхъ пророками. Со времени возникновенія христіанства, женщина стала религіозною личностью, тогда какъ у правовѣрныхъ евреевъ, даже въ XIX столѣтіи послѣ Р. X, женщина до-сихъ-поръ еще не считается полноправнымъ членомъ религіозной общины: она служитъ лишь орудіемъ извѣстныхъ обрядовыхъ учрежденій. Въ то время какъ у іудеевъ для совершенія богослуженія необходимо, по крайней мѣрѣ, 10 взрослыхъ мущинъ (такъ назыв. миньянъ), Іисусъ провозгласилъ, что онъ всюду тамъ, гдѣ во имя его собралось двое или трое. Въ то время, какъ набожность фарисеевъ была либо тревогою передъ гнѣвомъ божьимъ, либо гордостью по поводу свой собственной праведности, религія, вышедшая изъ Назарета, наполнила новую общину радостнымъ довѣріемъ дѣтей божіихъ къ любимому отцу.

Іисусъ, однако, сбросилъ не только тѣ путы, которыми фарисеи окружили законъ, но и другія, которыя были возложены іудействомъ на свою религію и расу. Въ этомъ онъ также „исполнилъ волю пророкоиъ", а именно превратилъ національную религію въ міровую.

Вѣра въ Мессію и воскрешеніе мертвыхъ была усвоена также христіанствомъ, причемъ понятіе о пророкѣ слилось съ понятіемъ Мессіи и царство Мессіи стало не отъ міра сего.

Литература израильтянъ.

То, чѣмъ мы обладаемъ въ области литературы израильскаго и іудейскаго народа, существеннымъ образомъ заключается въ Ветхомъ Завѣтѣ; сюда, однако же, могутъ быть

причислены еще апокрифы и нѣкоторыя другія сочиненія апокалиптическаго характера. Такъ какъ Ветхій Завѣтъ есть священное писаніе, то само собою разумѣется, что онъ содержитъ лишь односторонній сводъ существовавшей въ то время литературы. Обычное подраздѣленіе книгъ Ветхаго Завѣта на историческія, пророческія и поэтическія довольно правильно. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у евреевъ, поэтическая литература древнѣе прозаической. Однако, огромное большинство дошедшихъ до насъ произведеній прозаичны; сохранились лишь жалкіе отрывки двухъ знаменитыхъ поэмъ, а именно книги о войнахъ Іеговы и книга Яшаръ. Далѣе можно указать на пѣснь Деборы: въ ней воспѣваются воинскіе подвиги племенъ (или колѣнъ) въ стихахъ. Прозаическая исторія гораздо новѣе. Въ книгахъ Судей, Самуила и Царствъ сохранилось многое отъ древней исторіографіи. Записи легендъ о патріархахъ явились позднѣе. Сохранившіяся историческія книги—это не какія-либо цѣльныя оригинальныя работы, но компиляціи изъ источниковъ различнаго возраста и происхожденія, впослѣдствіи значительно вновь переработанныя, смотря по измѣненію религіозныхъ воззрѣній. Древнѣйшія составныя части отличаются эпической наглядностью и драматической жизненностью. Было бы поэтому неправильно сказать, что израильтяне не обладали талантомъ къ эпосу и драмѣ.

Съ 9 по конецъ 5 вѣка, пророки являются движущими силами народа. Отъ Иліи не сохранилось никакихъ сочиненій, о немъ есть только легенды. Амосъ первый пророкъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ записывалъ свои рѣчи. Эпоха стала болѣе литературною. Старинные пророки писали стихами, въ особенности Амосъ и Исайя. Позднѣе, чѣмъ болѣе экстазъ уступалъ мѣсто трезвому размышленію, тѣмъ прозаичнѣе становился стиль, въ особенности у Іезекіиля. У автора, написавшаго 40—56 главы пророка Исайи, на мѣсто поэтической риторики все болѣе выступаетъ лиризмъ. Пророческая литература достигла до насъ въ такомъ же измѣненномъ видѣ, какъ и историческія лѣтописи. За исключеніемъ Іезекіиля, нѣтъ ни одной книги пророчествъ, не содержащей вставокъ новѣйшаго происхожденія, попавшихъ туда случайно или же по особой тенденціи. Обыкновенно по этой причинѣ даже подлинные отрывки перерабатывались для согласованія со вставками. Поэтому для всякаго отдѣльнаго текста прежде всего надо поставить вопросъ, принад-

лежитъ ли онъ автору, указанному преданіемъ или же нѣтъ? Послѣднимъ остаткомъ пророчества является апокалиптическая литература, играющая въ іудействѣ важную роль. Въ то время, какъ у пророковъ прорицанія являются лишь случайною составною частью ихъ увѣщательныхъ рѣчей, апокалиптики являются прорицателями по профессіи. Изъ политики или же изъ скромности они обыкновенно скрываютъ свою личность, прячась за именемъ одного изъ знаменитыхъ мудрецовъ давняго прошлаго. Древнѣйшимъ апокалипсисомъ является книга пророка Даніила, составленная между 165 и 144 г. Р. Х. Она написана, чтобы вызвать протестъ противъ позорившаго іудейскую религію Антіоха Епифана.

Не только пророки, но и священники имѣли свою литературу: въ древнѣйшее время они, быть можетъ, составляли хронику и исторію святынь, которымъ служили. Вѣроятно они же записывали древнія обычныя права. Въ то время какъ у пророковъ полемика противъ слѣдовъ язычества и нечестія іудейскаго народа принимаетъ художественныя формы, въ рукахъ священниковъ она становится ремесленною и топорною. Въ этомъ духѣ написано Второзаконіе. Составленный въ изгнаніи священническій кодексъ отказывается отъ полемики, но за то окончательно теряетъ живость и силу. Стиль становится скучнымъ и сухимъ, даже въ томъ случаѣ, когда матеріалъ самъ по себѣ интересенъ.

Въ то время, какъ набожность становится въ іудействѣ все болѣе и индивидуальною, такой же характеръ пріобрѣтаетъ и человѣческая личность. Въ священническомъ кодексѣ, правда, этого еще нельзя замѣтить, но уже Эздра пишетъ свои мемуары. Однако, кромѣ Неемія, онъ не нашелъ ни одного подражателя. Эта эпоха впрочемъ произвела другіе, въ высшей степени оригинальные труды. Книга Іова разсматриваетъ религіозную задачу о страданіяхъ справедливаго человѣка философскимъ образомъ и превосходнымъ языкомъ. Слѣдуетъ однако пожалѣть о томъ, что поэтъ уже слишкомъ злоупотребляетъ словами и никакъ не можетъ кончить. Книга Когелетъ (такъ называемыя притчи Соломона)—одна изъ самыхъ позднѣйшихъ книгъ ветхаго завѣта—представляетъ философскія разсужденія о суетности міра. Соломонъ такъ же мало имѣетъ отношенія къ этой книгѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ сочиненіямъ, ему приписываемымъ. Въ ветхомъ завѣтѣ есть также два романа: книга Эсѳирь повѣствуетъ прекрасно и наглядно о происхожденіи праздника пуримъ, но іудейское самомнѣніе и притязательность здѣсь еще баснословнѣе, нежели требованія, предъявляемыя легковѣрности читателя. Совершенно другимъ характеромъ отличается прелестный разсказъ о Руѳи, доставляющій эстетическое наслажденіе даже новѣйшему читателю, если только исключить изъ него *одно* мѣсто.

На радостныхъ жертвенныхъ пиршествахъ въ эпоху израильскихъ царей не малую роль играла также пѣсня. Къ сожалѣнію, отъ этихъ жертвенныхъ пѣсенъ не осталось никакого слѣда. Вѣроятно священные предметы здѣсь настолько смѣшивались съ мірскими, что это должно было шокировать позднѣйшихъ іудеевъ. Новая набожность требовала новыхъ, болѣе духовныхъ пѣсней. Псалмы удовлетворяли этой потребности. Большая часть ихъ не приспособлена къ богослуженію; это проявленія субъективнаго религіознаго чувства. Они на столько же большею частью противны жертвенному культу, какъ напр. книга Исайи въ первой главѣ. Ихъ авторовъ слѣдуетъ искать въ тихихъ сельскихъ убѣжищахъ, въ набожномъ уединеніи, гдѣ существовалъ страхъ передъ мірскимъ настроеніемъ знатной партіи жрецовъ іерусалимскихъ. Простые люди не могли повѣрить тому, чтобы Іегова принималъ жертву не иначе, какъ черезъ посредство касты, находившейся въ состояніи религіознаго и политическаго упадка; но такъ какъ того требовала буква закона, то эти люди придумали другія жертвы, а именно жертву благодарности и славословія въ видѣ молитвъ и гимновъ. Отсюда псалмы перешли въ синагоги, изъ синагогъ въ храмы, а въ концѣ концовъ, стали сочиняться спеціальные гимны для богослуженія, происходившаго во храмахъ. Въ христіанской церкви псалмы навсегда остались недостижимымъ образцомъ религіознаго поэтическаго творчества, и на это есть полное основаніе. Однако не слѣдуетъ забывать о томъ, что горизонтъ псалмопѣвца очень узокъ, и что оригинальность присуща лишь немногимъ изъ псалмовъ. Религіозная терминологія здѣсь довольно устарѣлая и слѣдуетъ признать, что это заимствованіе изъ умолкнувшихъ пѣсенъ относится къ древнимъ жертвеннымъ гимнамъ. Давидъ во всемъ этомъ конечно нисколько не повиненъ.

Сколько намъ извѣстно, религіозный элементъ всегда былъ господствующимъ направленіемъ іудейства, хотя далеко не въ той степени, какъ слѣдовало бы думать, судя по сохранившейся литературѣ. Единственное мірское произведе-

ніе въ ветхомъ завѣтѣ, это пѣснь пѣсней. За то это жемчужина, хотя любовь, прославляемая въ этомъ сборникѣ пѣсенъ ничто иное, какъ чувственная любовь. Эту книгу можно отнести куда угодно, но только не къ канону священныхъ книгъ. Лишь загадочный цвѣтистый языкъ дозволилъ аллегорическое толкованіе, позволившее этой книгѣ появиться на полкахъ канонической литературы.

Гораздо менѣе поэтична литература афоризмовъ, относящаяся къ эпохѣ послѣ изгнанія. Сюда относятся такъ называемыя причти Соломона и книга Іисуса, сына Сирахова. (200 г. до Р. Х.) Здѣсь въ сжатой формѣ сообщаются всевозможныя правила житейской мудрости и при томъ, по большей части, съ религіозной окраской. Боязнь Бога есть начало всякой премудрости. Обѣ эти книги не выдерживають никакого сравненія съ изреченіями Іисуса изъ Назарета.

Хотя Іисусъ не оставилъ послѣ себя ничего писаннаго, но можно сказать, что его изреченія довели литературу притчей до полнаго разцвѣта. Отъ древней израильской эпохи не осталось никакой книги притчей; но совершенство формы нѣкоторыхъ отрывковъ (см: книгу Судей гл. 9; 2 книгу Самуила гл. 12), показываетъ, что эта отрасль литературы когда-то была въ большомъ ходу. Законченность формъ, какую мы встрѣчаемъ въ притчѣ объ овечкѣ бѣдняка (2 книга Самуила гл. 12) едва ли превзойдена даже притчами Новаго Завѣта.

Финикіяне.

Когда въ 1500 г. Р. Х. израильтяне вторглись въ Палестину, она была населена семитическими народами, которые въ ветхомъ завѣтѣ носятъ названіе *кенаани* или *амори*. Эти народы не образовали прочнаго политическаго цѣлаго, но различныя городскія общины были вполнѣ самостоятельны; онѣ обладали высоко развитой культурой, вполнѣ однако зависѣвшей отъ Египта и Вавилоніи. Съ 3000 года оружіе финикіянъ и ихъ торговля открыли имъ побѣдоносный путь до самаго западнаго моря. Величайшее могущество принадлежало впрочемъ не ханаанскому населенію внутренней страны, но приморскимъ городамъ. Дѣйствительно, ни израильскія орды, ни позднѣйшіе цари не дѣлали даже ни малѣйшей попытки овладѣть этими приморскими городами.

Египтяне называли палестинское прибрежье Кафтъ, а его жителей фенху. Отсюда быть можетъ возникло греческое названіе финикесъ (phoinikes) или же латинское пени (poeni) Пуническіе крестьяне сѣверной Африки, по словамъ отца церкви Августина, еще называли себя *ханаани*. Древнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ городомъ финикіянъ былъ Сидонъ, что быть можетъ обозначаетъ рыбачій городъ, по имени котораго и весь народъ въ ветхомъ завѣтѣ называется сидонскимъ. Къ югу отъ Сидона находились Сарепта и Тиръ—послѣдній на морскомъ островѣ; къ сѣверу Бейрутъ и Гебалъ (Библосъ) съ большимъ центральнымъ святилищемъ. Даже Яффа, Аскалонъ и Газа въ древнѣйшее время повидимому были финикійскими. Эта область, еще задолго до Саула, перешла въ руки филистимлянъ, далеко превосходившихъ финикійцевъ воинскимъ талантомъ и болѣе прочной организаціей. Черезъ посредство Газы они овладѣли важнѣйшимъ мѣстомъ для сухопутной торговли съ Египтомъ и Аравіей.

Въ крупныхъ политическихъ событіяхъ Передней Азіи финикіяне играли роль, сходную съ той, которая принадлежала ихъ сосѣдямъ израильтянамъ. Они были игрушкою въ рукахъ соперничавшихъ державъ, Египта и Вавилоніи съ Ассиріей. Фараонъ Ѳутмозисъ III взялъ Арадъ и разграбилъ область Заги (1450 г. до Р. Х.). Въ царствованіе Аменофисовъ, III и IV, финикійскіе города частью держали сторону хетовъ, оспаривавшихъ у фараоновъ господство надъ Сиріей; такъ царь Рибъ-Адди Гебальскій пишетъ фараону: „Пусть узнаетъ мой царь и господинъ, что вражда Абли Аширти противъ меня ужасна; онъ пытается овладѣть тѣми единственными городами, которые у меня остались въ рукахъ, и хочетъ отнять ихъ у царя“.

Около 1100 г., послѣ продолжительнаго промежутка, семиты съ Евфрата вновь выступаютъ на первый планъ. Тиглатъ Пилезеръ (Пиласаръ) I заставляетъ Арадосъ доставить въ его распоряженіе корабли. Отношенія къ израильскимъ царямъ, повидимому, постоянно были дружественными: Тирамъ, царь Тирскій, доставлялъ Давиду кедровое дерево и присылалъ ремесленниковъ. Охотникъ до построекъ, Соломонъ также прибѣгалъ къ его помощи и въ видѣ вознагражденія долженъ былъ уступить ему 20 галилейскихъ мѣстечекъ. Даже имя тирскаго литейнаго мастера Хурамъ-аби еще сохранилось въ Ветхомъ Завѣтѣ. Когда же Соломонъ вздумалъ заниматься судоходствомъ, начиная отъ Эсіонъ Гебера подлѣ Элата на

Красномъ морѣ, то Гирамъ далъ въ распоряженіе матросовъ, а быть можетъ еще многое другое. Дочь царя Иттобаала Тирскаго, Изевель (Іезавель) была женою царя Ахава израильскаго.

Какъ всѣ другія сирійскія государства, такъ и финикійскіе города, тяготились ассирійскимъ верховенствомъ, какъ раньше египетскимъ. Поэтому почти во всѣхъ крупныхъ возстаніяхъ противъ великихъ царей они играли какую-либо роль. Подлѣ Каркара, въ 854 г., на сторонѣ союзниковъ сражался царь Маттанбаалъ Арадскій. Царь Люли Тирскій былъ членомъ союза, заключеннаго египетскимъ царемъ Тагаркою и іудейскимъ Гискіей противъ Сеннахериба. Однако ассиріяне одержали побѣду. Люли долженъ былъ смириться, точно также какъ смирились Арадъ и Гебалъ. Финикійскихъ матросовъ и корабельныхъ плотниковъ потащили въ Ниневію. Сидонъ въ это время уже не первый городъ по морскому берегу. Первое мѣсто занявъ Тиръ, къ которому теперь перешелъ родъ гегемоніи надъ Сидономъ, Арадомъ и Гебаломъ. При новой попыткѣ возстанія, въ 678 г., Сидонъ былъ взятъ Асаргадономъ и разрушенъ. Жителей сослали въ отдаленныя ассирійскія области и вмѣсто того поселили сюда чужихъ колонистовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Тиръ лишь съ трудомъ избавился отъ подобной судьбы посредствомъ добровольнаго подчиненія и уплаты чудовищной суммы. Царь Іакинлу Арадскій былъ на столько уменъ, что поступилъ точно также. Но наконецъ, національный патріотизмъ одержалъ вверхъ. Даже ужасная судьба Іерусалима не помѣщала Тиру сопротивляться Навуходоносору. Иттобаалъ защищался такъ упорно, что халдеи, по преданію, должны были осаждать находящійся на островѣ городъ въ теченіе 13 лѣтъ. Хотя подъ конецъ онъ былъ вынужденъ сдаться, но все же былъ въ состояніи выговорить выгодныя условія капитуляціи.

Въ персидскую эпоху мы слышимъ о союзѣ Сидона, Арада и Тира; ихъ цари и вельможи собирались для совѣщанія объ общихъ дѣлахъ въ городѣ, получившемъ отъ грековъ названіе Триполиса: финикійское имя не извѣстно. Этотъ союзъ былъ въ состояніи выставить персамъ 300 триремъ. Царь Эшмуназаръ Тирскій въ 400 г. до Р. Х. получилъ отъ великаго царя Доръ и Яффу. Но Александръ Македонскій положилъ тирійскому величію страшный конецъ. Такъ какъ городъ не хотѣлъ его впустить, то былъ взятъ; 8000 чел. убито, а 30.000 продано въ рабство. Съ тѣхъ поръ начинается эллинизированіе Палестины. Отсюда видно, что финикіяне никогда не достигли образованія сплоченнаго государства; такимъ образомъ они лишились единственнаго средства, которое дало-бы имъ возможность сопротивляться продолжительно великимъ державамъ. Вина однако падаетъ не столько на ихъ малую политическую способность, сколько на природу населенной ими страны. Не безъ основанія утверждали, что Финикія вообще не можетъ считаться *страною*, но представляетъ рядъ гаваней, къ каждой изъ которыхъ принадлежала узкая полоса земли. Длина страны составляетъ отъ 200 до 300 километровъ, смотря по тому, по какой линіи считать, тогда какъ ширина колеблется между одной четвертью и половиною нѣмецкой мили. Во многихъ мѣстахъ горы даютъ, безъ всякаго образованія береговъ, крутой спускъ непосредственно въ море. Это географическое устройство страны повело къ тому, что каждый городъ по отношенію къ защитѣ зависѣлъ отъ другого. Всѣ были съ суши легко доступны, а съ другой стороны имѣли наилучшимъ оплотомъ море. Города, находившіеся на островахъ, какъ напр., Тиръ и Арадъ, были въ значительной спепени независимы.

Всѣ эти фактическіе недостатки не помѣшали однако тому, что финикіяне стали великимъ торговымъ народомъ. Малая поверхность страны естественно исключала возможность, чтобы ея земледѣльческіе продукты стали существеннымъ предметомъ торговли. Путешествуя въ настоящее время по Финикіи, изумляешься роскошнымъ, покрытымъ садами мѣстностямъ и древеснымъ плантаціямъ, находящимся въ окрестностяхъ деревень и городовъ. Климатъ мягкій, какъ вообще у средиземноморскихъ странъ, орошеніе богатое, благодаря многочисленнымъ ручьямъ, доставляющимъ почвѣ не только влагу, но и значительное количество известковыхъ рухляковъ. Поэтому, почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ вообще только возможно воздѣлываніе, крестьянинъ могъ получать, безъ особаго удобренія, хорошіе урожаи. Если страна Заги, какъ она называется въ египетскихъ памятникахъ, была уже въ древнѣйшія времена богата зерномъ и масломъ, то все же легко видѣть, что даже при самыхъ богатыхъ урожаяхъ ихъ едва хватало на прокормленіе туземнаго населенія.

Финикійская торговля была транзитной: всѣ товары, появлявшіеся въ Сиріи, съ юга Аравіи черезъ Теиму, Газу или же приходившіе изъ Египта, перевозились далѣе фини-

кійскими купцами къ Гаматъ, Каркамишъ, Харранъ, Нисибисъ до самой Ниневіи. Точно также, всѣ ассирійскіе и сѣверно-сирійскіе продукты, вывозившіеся на западъ и на югъ въ Египетъ и Аравію, проходили черезъ руки финикіянъ. Въ древнемъ Израилѣ купецъ назывался попросу кенаани, т. е. финикіянинъ. Строевой лѣсъ находился только въ лѣсахъ Ливана, а именно кипарисъ и кедръ. Дубы приходилось привозить изъ Басана. Арменія доставляла колесницы, лошадей и муловъ. Изъ отдаленной части Сиріи вывозили пшеницу масло и медъ. Бедуины приводили овецъ, козъ и шерсть. Изъ Дедана и Савы приходили караваны съ бальзамомъ, корицею, золотомъ и драгоцѣнными каменьями, слоновой костью и черным деревомъ. Это описаніе заимствовано изъ 29 гл. пророка Іезекіиля. Два важнѣйшіе источника—Ассирія и Египетъ—въ этой главѣ едва лишь упомянуты тамъ, гдѣ идетъ рѣчь лишь о различныхъ тонкихъ льняныхъ и камчатныхъ матеріяхъ (виссонъ и т. п.) Впрочемъ было бы на самомъ дѣлѣ новозможно перечислитъ безчисленные предметы, вывозившіеся изъ этихъ обѣихъ странъ.

Образчики, естественнымъ образомъ, побуждали къ подражанію и такимъ образомъ возникла промышленность. Мы знаемъ напр., что финикійскіе мѣдники вырабатывали сосуды для Соломонова храма. Во многихъ случаяхъ не рѣшено, былъ-ли какой либо предметъ египетскимъ, финикійскимъ или же ассирійскимъ продуктомъ? Послѣднее можно утверждать съ нѣкоторою увѣренностью лишь о тѣхъ находкахъ, въ которыхъ обнаруживается смѣшеніе ассирійскаго стиля съ египетскимъ. Финикійскіе художники ни мало не смущались, примѣняя къ одному и тому же предмету два различныхъ стиля. Если въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій не дошли до того, чтобы соединить оба эти стиля въ высшее единство, то это слѣдуетъ приписать недостатку художественнаго чутья у этого семитическаго племени.

Архитектурный стиль финикіянъ очевидно находится подъ египетскимъ вліяніемъ. Изъ долины Нила производятъ далѣе символическія фигуры вродѣ сфинкса, солнечнаго диска, іероглифа жизни, впослѣдствіи принявшаго форму женщины, знака, обозначающаго луну, священнаго жука, змѣи уреусъ, далѣе ястреба, посвященнаго богу Гору и лотоса. Другія изображенія, какъ напр., грифы, крылатыя чудовища, розетки, разныя божества, поставленныя на звѣрей, далѣе техника выдѣлки сосудовъ и рѣзныхъ камней—все это вавилонскаго происхожденія. Съ

другой стороны возможно, что геометрическія украшенія сосудовъ, какъ напр., такъ называемая меандровая линія, крючковатый крестъ и зигзаги были изобрѣтены въ самой Финикіи. Въ дѣлѣ карабелестроенія финикіяне были большими мастерами и даже ассиріяне признавали это мастерство. Замѣчательно однакоже, что морякъ назывался, по всей вѣроятности, ассирійскимъ именемъ маллахъ; для еврейскаго языка это несомнѣнно; кажется даже, что, кромѣ пурпура, едва ли хотя единственное изъ многихъ изобрѣтеній, приписанныхъ этому народу во всѣхъ учебникахъ, принадлежало ему на самомъ дѣлѣ. Стеклянные товары Сидона пользовались въ древности большую славою, такъ какъ песокъ рѣки Бела доставлялъ превосходный матеріалъ для стекла, но изобрѣтеніе плавки стекла было сдѣлано по всей вѣроятности въ Египтѣ. Съ другой стороны, изобрѣтеніе пурпура, кажется, дѣйствительно принадлежитъ финикіянамъ. Эта краска, какъ извѣстно, добывалась изъ железъ раковинъ, принадлежащихъ къ классу брюхоногихъ; еще и теперь эти раковины находятъ на палестинскомъ берегу. Сверхъ того, эти раковины находятся въ изобиліи на берегу Каріи, Трои и Лаконіи, по крайней мѣрѣ по показаніямъ древнихъ; точно также на берегу Европы и на островѣ Мениксъ подлѣ Карѳагена. По словамъ пророка Іезекіиля, пурпуръ добывался съ острова Элиса. Такъ какъ все это едва такія мѣстности, которымъ можно было приписать подобное открытіе, то кажется приходится приписать финикіянамъ честь изобрѣтенія этой краски.

Гораздо хуже шансы финикіянъ, когда рѣчь идетъ объ изобрѣтеніи такъ называемой финикійской азбуки. Въ серединѣ 15 столѣтія до Р. Х. палестинскіе князья, въ перепискѣ съ египетскими фараонами, пользовались еще ассирійскимъ языкомъ и письмомъ. Обиходною рѣчью этихъ людей конечно была не ассирійская, но ханаанская, а въ Египтѣ многіе свѣдущіе люди безъ сомнѣнія знали оба эти языка одинаково хорошо. Но какъ только приходилось ему писать, то нельзя было пользоваться ханаанскимъ письмомъ, такъ какъ не существовало ханаанскихъ письменъ.—600 лѣтъ спустя на одномъ побѣдномъ памятникѣ ханаанскаго царя Месы мы находимъ правильныя и красивыя буквы такъ называемой финикійской азбуки. Это было одно изъ крупнѣйшихъ когда-либо сдѣланныхъ изобрѣтеній. Ассирійское письмо было существеннымъ образомъ слоговымъ письмомъ. Египетское пред-

ставляло смѣсь согласныхъ и слоговыхъ знаковъ. Есть достаточно основаній въ пользу предположенія, что азбука на памятникѣ Месы приводится къ египетскому письму. Однако буквы на этомъ памятникѣ такъ правильны, что ихъ приходится считать результатомъ продолжительнаго развитія. Фактъ этотъ подтверждается также сравненіемъ съ египетскимъ письмомъ. Но до-тѣхъ-поръ, пока неизвѣстны промежуточныя ступени, вопросъ объ изобрѣтеніи финикійскихъ письменъ нельзя еще считать рѣшеннымъ окончательно. До-поры до-времени остается болѣе вѣроятнымъ, что семитическіе знаки для согласныхъ были изобрѣтены въ одномъ изъ древнихъ культурныхъ центровъ сѣверной Сиріи вродѣ Гамата, Каркамиша или Харрана, но не были дѣломъ финикійскихъ торгашей. Естественно впрочемъ, что эти торгаши всего болѣе способствовали распространенію изобрѣтенія.

Обо всемъ этомъ мы будемъ имѣть возможность судить съ большей увѣренностью въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтемъ болѣе точныя свѣдѣнія о соціальныхъ отношеніяхъ и объ уровнѣ литературнаго образованія и когда составимъ себѣ представленіе объ отношеніяхъ владѣльцевъ мастерскихъ къ рабочимъ, а купцовъ и судовладѣльцевъ къ торгашамъ, и узнаемъ что либо о распредѣленіи поземельной собственности въ городахъ и на низменности. По всей вѣроятности, массы промышленныхъ рабочихъ крестьянъ и матросовъ состояли изъ рабовъ, да и свободные граждане принимали мало участія въ правленіи. Судя по преданію, сохраненному Іустиномъ, въ персидскую эпоху тирійскіе рабы однажды взбунтовались противъ своихъ господъ. Въ Карѳагенѣ мы встрѣчаемъ противоположность между гражданами и ремесленниками. Между рабами и примыкавшими къ нимъ неимущими слоями городскаго населенія съ одной стороны и крупными негоціантами и владѣльцами плантацій—съ другой, существовала пропасть, не заполненная никакимъ среднимъ состояніемъ. Карѳагенскій агрономъ Магонъ требуетъ, чтобы управляющій поземельными участками, даже если онъ рабъ, умѣлъ читать и писать. Отсюда, повидимому, приходится заключить, что также и купцы и фабриканты въ Финикіи, какъ метрополіи Карѳагена, обладали литературными познаніями. Сухопутная торговля финикіянъ сама по себѣ была бы достаточной для того, чтобы обезпечить за ними выдающееся мѣсто во всемірной исторіи. Но слава, которую

они добыли при посредствѣ морской торговли и колонизаціи, несравненно значительнѣе. Хотя Финикія представляетъ лишь морскую страну или даже морское побережье, во всякомъ случаѣ чрезвычайно изумительно, что жители именно этого прибрежья были величайшимъ морскимъ народомъ всей древности. Прежде, вопреки очевидности, утверждали, что будто бы берегъ Финикіи богато расчлененъ и изобилуетъ превосходными гаванями. Простой взглядъ на карту показываетъ, что здѣсь нѣтъ ни слова правды, и что наилучшія гавани, какъ напр., Яффа и Бейрутъ, въ древности далеко не были знаменитѣйшими. Всѣ гавани финикіянъ были маленькія и мелкія; конечно и тогдашнія суда были соотвѣтственно малы и мало погружались въ воду. Если сравнить гавани финикійской древности съ нынѣшними торговыми столицами, напр. Сидонъ и Тиръ съ Сиднеемъ, Санъ-Франциско и Бомбеемъ, то древнія гавани окажутся дѣтскими игрушками, вполнѣ пропорціонально съ размѣрами тогдашней и нынѣшней торговли. Въ гавани Сиднея можно проплавать цѣлый день и не увидѣть даже половины короблей, здѣсь находящихся; въ гавань Сидона можно было войти лишь въ очень маленькомъ челнокѣ, чтобы не натолкнуться тотчасъ-же на другой конецъ. Выборъ выдающихся мѣстъ, повидимому, относился нисколько не къ удобствамъ мореплаванія, но къ безопасности вражескаго нападенія со стороны суши. Географическое положеніе заставило финикіянъ заниматься главнымъ образомъ лишь внутренней торговлей, но пріобрѣтенный такимъ образомъ торговый духъ побудилъ ихъ къ дальнѣйшимъ морскимъ предпріятіямъ. Къ серединѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. мореплаваніе финикіянъ уже достигло полнаго разцвѣта. Въ это время они уже обладали Кипромъ,—островомъ, богатымъ мѣдью и строевымъ лѣсомъ. Здѣсь были превосходныя гавани и островъ отстоялъ лишь на сутки пути. Изъ здѣшнихъ мѣстныхъ названій однако лишь два безъ сомнѣнія семитическаго происхожденія, а именно Солой (отъ селахъ—скала) и въ особенности Каръ-хадастъ (тоже что Карѳаганъ, т. е. новый городъ). При фараонѣ Ѳутмозисѣ III упоминается одинъ царь острова Асеби, что вѣроятно обозначаетъ Кипръ. Изъ этого сообщенія вытекаетъ тотъ интересный фактъ, что весь островъ былъ колонизированъ и соединенъ въ одно политическое тѣло. Подобныя колоніи образовались еще почти только на островѣ Родосѣ въ сѣверной Африкѣ и въ южной Испаніи. Вообще

финикіяне вовсе не отличались политическимъ духомъ, они ограничились основаніемъ торговыхъ поселеній, гдѣ выгружали свои товары, обмѣнивая ихъ на земледѣльческіе продукты и на рабовъ. Разработку рудниковъ они обыкновенно забирали въ собственныя руки. Ихъ факторіи поэтому удержались долгое время лишь тамъ, гдѣ финикіянамъ приходилось имѣть дѣло съ неспособными къ цивилизаціи полуварварами.

Лишь послѣ того, какъ финикіяне прочно утвердились на островѣ Кипрѣ, они отважились перейти въ Малую Азію. Трудно впрочемъ слѣдить здѣсь за ними въ мелкихъ подробностяхъ. Въ нѣкоторыхъ именахъ усматривали правда финикійскія названія, но все это не достовѣрно и даже попросту ложно. Маллосъ, быть можетъ, происходитъ отъ *мала*, вершина, но имя рѣки Саро (царь) указываетъ скорѣе на Ассирію. Родосъ, на который перешли, по всей вѣроятности, съ противоположнаго материка, былъ столицею финикіянъ. Доказательствомъ этому служатъ многочисленныя находки. Также названіе горъ Атабиріосъ по всей вѣроятности приводится къ семитическому слову таборъ. Родосъ былъ самымъ удобнымъ переходнымъ пунктомъ къ островамъ и берегамъ Эгейскаго моря. Раньше полагали, что удалось узнать очень многое о путешествіяхъ и поселеніяхъ сидонцевъ въ этихъ широтахъ. Съ этою цѣлью безчисленнымъ мѣстнымъ названіямъ приписывали семитическую этимологію. Но большая часть подобныхъ этимологій оказалась лишенной всякаго основанія. Такъ, напр., названіе рѣки Іордана встрѣчается на Критѣ и въ Элидѣ, но отсюда вовсе еще не вытекаетъ, что Іорданъ есть семитическое слово. Сверхъ того необходило быть очень осторожнымъ по отношенію къ греческимъ преданіямъ. Такъ, напр., теперь почти всѣ допускаютъ, что древнѣйшія свидѣтельства относительно Кадма встрѣчаются лишь для Віотіи и ни мало не свидѣтельствуютъ о какихъ либо отношеніяхъ его къ Европѣ, къ Фениксу и къ финикійскому происхожденію. Поэтому вовсе не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія и другой легендѣ, по которой Зевсъ привелъ къ подошвѣ Иды сидонскую царевну Европу. И если въ одномъ мѣстѣ найдены многочисленные предметы несомнѣнно финикійскаго производства, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы финикіяне основали здѣсь, или вообще въ Греціи, какія-либо поселенія. Это прежде всего относится къ Микенамъ и къ Троѣ; но тотъ фактъ, что финикіяне дѣй-

ствительно были въ этой мѣстности и обладали многими факторіями и мѣстами, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и эллины никогда не забывали, какъ многимъ они обязаны этому народу. Иліада и Одиссея не знали уже сидонцевъ въ роли колонистовъ, но лишь какъ странствующихъ купцовъ, привозившихъ искусно выдѣланныя кружки и превосходныя ткани, золотыя и янтарныя украшенія и торговавшихъ толпами рабовъ. Финикійскіе золотые рудники возбуждали еще изумленіе позднѣйшихъ писателей. Мореплаваніе существовало въ Эгейскомъ морѣ, повидимому съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь поселился человѣкъ; тѣмъ не менѣе величайшія усовершенствованія въ этомъ дѣлѣ были сдѣланы семитами. Полярная звѣзда, по которой направляли путь кораблей, называется финикійскою звѣздою. Къ несомнѣннымъ доказательствамъ ихъ вліянія относятся встрѣчающіяся въ греческомъ языкѣ, заимствованныя съ финикійскаго, слова. Къ сожалѣнію во многихъ случаяхъ нельзя сказать, введено ли какое-либо слово финикійцами или же оно проникло изъ Сиріи сухимъ путемъ въ Элладу черезъ Малую Азію. Быть можетъ финикійскаго происхожденія слѣдующія слова: дактилосъ—пальма, сикаминосъ—смоковница, китто—корица, кассія—пряность, крокосъ—шафранъ, мна—мина (вѣсовая мѣра) и др. Большая часть этихъ названій относятся къ разнымъ пряностямъ и въ свою очередь усвоены семитами изъ другихъ языковъ. Всѣ они однако обозначаютъ продукты культуры. Болѣе подозрительны по заимствованію слова это фикосъ—румяна и паллакисъ—блудница; подъ этимъ словомъ собственно подразумѣвали рабынь, и по словамъ пророка Іезекіиля, рабыни, вмѣстѣ съ бронзовыми сосудами, были наилучшимъ товаромъ, вывозившимся въ Іаванъ (Іонію).

Быть можетъ, наилучшимъ даромъ, полученнымъ эллинами отъ финикіянъ, была азбука. Кромѣ этихъ знаковъ, повидимому, было заимствовано одно единственное слово, относящееся къ письменности, а именно дельтосъ, таблица или доска для письма. Впрочемъ, греки и здѣсь обнаружили свой природный талантъ и поразительную самостоятельность, дополнивъ финикійскую азбуку пятью гласными. Черезъ посредство грековъ, финикійская азбука сдѣлалась образцомъ всѣхъ европейскихъ алфавитовъ. Весьма замѣчательно, что позднѣе на Кипрѣ, представлявшемъ главную финикійскую колонію, поселившіеся здѣсь греки пользовались не этой азбукой, но особеннымъ слоговымъ письмомъ.

Хотя вліяніе финикіянъ на жителей Эгейскаго моря было весьма значительно, однако, они никогда не пользовались здѣсь политической властью. Они даже не обнаружили ни малѣйшаго поползновенія на это, что было со стороны финикіянъ роковою ошибкою. Греческое населеніе поразительно быстро усвоило привозную культуру и забрало въ руки посредническую торговлю. Такимъ образомъ финикіяне были вынуждены сдать грекамъ одну торговую станцію вслѣдъ за другой. Такъ какъ они занимались исключительно торговыми оборотами и никогда не поселяли значительной массы колонистовъ, то когда греческое населеніе достигло экономической самостоятельности, финикіяне утратили всякую почву подъ ногами. Греки распространились даже далѣе: они населили, начиная съ островов, значительную часть Малой Азіи и, вѣроятно, еще раньше, чѣмъ за 1000 лѣтъ до Р. Х., достигли Кипра.

Утрата этихъ областей, служащихъ для сбыта товаровъ, была для финикіянъ тѣмъ болѣе чувствительна, что всѣ эти мѣста находились очень близко и отличались доступностью. Чтобы вознаградить себя за такую потерю, финикіяне оживили теперь сношенія съ западной средиземно-морской областью. Финикійскія поселенія встрѣчаются на Мальтѣ, Сициліи, Сардиніи, сѣверной Африкѣ и въ южной Испаніи. Къ сожалѣнію, трудно опредѣлить въ подробностяхъ, какимъ образомъ на Западѣ нѣкоторыя торговыя поселенія развились въ большіе города. А въ Карѳагенѣ возникло финикійское государство, которое отважилось помѣряться даже съ римлянами. Отчасти это могло зависѣть отъ того, что мѣстное населеніе не было такъ воспріимчиво къ культурѣ, какъ греки; другой причиной была та, что разстояніе отъ метрополіи, съ тогдашней точки зрѣнія, было чудовищно. Кадиксъ вчетверо дальше отъ Тира, нежели Критъ; въ греческую эпоху для подобнаго путешествія требовалось 80 сутокъ.

Главною цѣлью западныхъ плаваній была южная Испанія страна Тарзисъ (по-гречески Тартессосъ). Для такихъ дальнихъ плаваній, разумѣется, необходимо было сооружать большіе корабли. Это были такъ называемые тартесскіе корабли, такъ часто прославляемые въ Ветхомъ Завѣтѣ. Названіе это было впослѣдствіи примѣнено ко всѣмъ большимъ торговымъ кораблямъ, даже въ томъ случаѣ, когда они плавали, напр., въ Офиръ или куда бы то ни было. Важнѣйшимъ городомъ въ Тарзисѣ былъ Гадеръ, нынѣшній Кадиксъ, на островѣ близъ устья Гвадалквивира. Семитическими колоніями были также Абдера, Картеха, Малага, и др. Что больше всего привлекало финикіянъ въ Испанію, это минеральныя богатства страны, въ особенности серебро, но также желѣзо и свинецъ. Большая часть обращавшагося отъ древности серебра вышла изъ Испаніи. Много находили также драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ Испанія, какъ извѣстно, богата бирюзою, топазами и рубинами. Камни эти въ Ветхомъ Завѣтѣ даже называются *тарзисъ* и ставятся наравнѣ съ сапфиромъ (см. Исходъ гл. 28, Іезекіиль гл. 1 и Іоиль гл. 5). Необходимое для производства бронзы олово, которое также указываютъ среди другихъ предметовъ груза, болѣе всего добывалось въ Британіи. Мы ровно ничего не знаемъ, разрабатывались-ли въ то время оловянные рудники въ испанской Галисіи и въ Лузитаніи. Точно также сомнительно, привозились-ли на рынки древняго Востока эти металлы изъ Крита или изъ закавказской Грузіи. Во всякомъ случаѣ Британія доставляла наибольшее количество олова. Такъ какъ въ Британіи не найдено никакихъ слѣдовъ финикійскихъ колоній, то невѣроятно, чтобы эти азіаты занимались здѣсь горнымъ дѣломъ. Возможно также, что они не посѣщали британскихъ береговъ даже какъ мореплаватели. Дѣйствительно, несомнѣнно, что существовала въ высшей степени древняя сухопутная торговля отъ сѣвера до береговъ Средиземнаго моря. Оловянные слитки, встрѣчающіеся среди швейцарскихъ древностей бронзоваго вѣка, могли попасть въ Гельвецію только сухимъ путемъ. Большіе торговые пути, въ древности, въ особенности, игравшіе роль при перевозкѣ олова, перерѣзывали большею частію древнюю Галлію. Діодоръ Сицилійскій оставилъ намъ точное описаніе торговли оловомъ, какая существовала въ его время въ вполнѣ выработанномъ видѣ. Съ морскаго берега, въ своихъ покрытыхъ мѣхами и сплетенныхъ изъ ивовыхъ вѣтвей челнокахъ или же на телѣгахъ, по морскому берегу, покинутому моремъ во время отлива, привозили бритты свое олово на островъ Иктисъ, гдѣ оно покупалось чужеземными купцами. Затѣмъ это олово перевозили вдоль рѣчныхъ долинъ по Галліи—путешествіе, для котораго требовалось около тридцати дней.

Наряду съ оловомъ, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ предметовъ тартесской торговли былъ янтарь. Если финикіяне не привозили олова изъ его родины, то отсюда слѣдуетъ вы-

вести, что они никогда не достигали восточной части Нѣмецкаго моря, а тѣмъ болѣе Балтійскаго. Въ Микенахъ найдены настоящія янтарныя бусы и греки знали также, что янтарь—ископаемое вещество, напоминающее цвѣтомъ промывное золото—выбрасывалось моремъ въ сѣверо-западномъ океанѣ; однако названіе янтаря на греческомъ языкѣ (электронъ) не семитическаго происхожденія.

Дальнія плаванія къ берегамъ Испаніи ободряли финикіянъ и побудили ихъ также къ попыткѣ добывать скорѣе и дешевле морскимъ путемъ товары, которые привозились караванами савеевъ и израильтянъ къ Газу. Царь Гирамъ Тирскій (I кн. Царствъ гл. 10) съ этой цѣлью вступилъ въ союзъ съ царемъ Соломономъ, такъ какъ единственная подходящая гавань Эсіонъ-геберъ находилась въ области эдомитянъ, въ то время признававшихъ верховенство израильскаго царства. Если даже допустить, что бедуины, разбивавшіе палатки между Мертвымъ моремъ и заливомъ Акаба, не обнаруживали никакихъ враждебныхъ чувствъ, то все же было бы исполинской работой—перевозить необходимый строительный матеріалъ черезъ лишенныя всякихъ дорогъ и тропинокъ каменистыя пустыни и по труднымъ горнымъ дорогамъ,—если бы пришлось вести товары отъ берега Средиземнаго моря до этой гавани. Если тартесскіе корабли были даже прекрасно построены, то во всякомъ случаѣ имъ угрожали при отчаливаніи многочисленные подводныя скалы и караллoвые рифы бурнаго морскаго залива. Не смотря на всѣ эти трудности, судя по преданію, удалось предпринять плаваніе къ Офиру, т. е. къ южной Аравіи, откуда привозили золото и серебро, слоновую кость, обезьянъ и павлиновъ. Однако финикіяне вскорѣ снова отказались отъ этихъ плаваній, отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе небезопасности пустыни Эдома. Іосафатъ Іудейскій, возобновившій эти попытки, приблизительно черезъ 100 лѣтъ спустя, вскорѣ отъ нихъ отказался, такъ какъ его корабли потерпѣли крушеніе въ гавани. Арабская сухопутная торговля все болѣе развивалась. Лишь въ эпоху Римской имперіи плаваніе по Красному морю достигло новаго разцвѣта. Вслѣдствіе этого, поселенія набатейцевъ и савейцевъ запустѣли и превратились въ такія же песчаныя пустыни, какими были раньше.

Изъ финикійскихъ колоній на сѣверномъ берегу Африки древнѣйшемъ признается Утика; она упоминается уже въ царствованіе Гирама I Тирскаго (по Менандру съ 969—936 г.),

который долженъ былъ силою принуждать ее къ платежу дани. Сверхъ того упоминаются еще города Гадруметъ, Гиппо (Бона) и Гебда. Всего знаменитѣе сталъ Карѳагенъ (Картъхадастъ) т. е. новый городъ. Основаніе Карѳагена слѣдуетъ приписать поселенцамъ изъ Тира, хотя разсказъ о царевнѣ Дидонѣ-Элиссѣ принадлежитъ къ числу басенъ. Положиться на Тимея, относящаго этого событіе къ 813 или же къ 814 г. до Р. X., ни въ какомъ случаѣ не возможно. Какъ бы то ни было, городъ достигъ процвѣтанія лишь въ 6 столѣтіи до Р. X.

Своимъ политическимъ разцвѣтомъ Карѳагенъ обязанъ гораздо менѣе собственной иниціативѣ, нежели обстоятельствамъ, т. е. опасности, грозившей отъ постоянно надвигавщихся грековъ. Эти послѣдніе уже основали Массилію (Марсель) и Кирену и овладѣли восточной Сициліей. Финикійскія колоніи этого острова могли защищаться отъ грековъ лишь съ помощью своихъ африканскихъ братьевъ. Такимъ образомъ Карѳагенъ, почти противъ своей воли, вынужденъ былъ заниматься политикой. Всѣ семитическія владѣнія въ этихъ широтахъ подверглись бы опасности, если бы не соединились между собою для защиты. Естественнымъ образомъ могущественный городъ Карѳагенъ пріобрѣлъ родъ гегемоніи не только въ Сициліи, но также и въ колоніяхъ на тунисскомъ берегу, а именно въ Гиппонѣ, Гадруметѣ и Гебдѣ. Только Утика, хотя лишь чисто оффиціально, удержала полную равноправность съ Карѳагеномъ, а такъ какъ въ Карѳагенской государственной кассѣ всегда находились достаточныя средства, то было очень легкимъ дѣломъ вербовать и содержать значительное войско изъ наемниковъ. Теперь стало возможнымъ расширять посредствомъ завоеванія также африканскія владѣнія и выжимать отъ мѣстнаго варварскаго населенія поземельныя подати, чему прежде противодѣйствовала политическая косность. Прежніе владѣльцы земли вынуждены были отдавать четвертую часть поземельнаго дохода пунійцамъ и дозволить вербовку для вновь созданныхъ войскъ. Другія области были округлены въ обширныя плантаціи, которыя обрабатывались рабами. Это хозяйство, на ряду съ торговлей, стало величайшимъ источникомъ богатства Карѳагена. На этотъ вопросъ обратили необычайное вниманіе, и сельскохозяйственныя сочиненія пунійцевъ еще долго признавались образцовыми.

Государственное устройство было первоначально монархи-

ческимъ. Во главѣ стоялъ царь. Позднѣе оно перешло въ родъ олигархіи, во главѣ которой стояли суффеты (шофетимъ, т. е. судьи). Лишь въ объединенномъ начальствѣ надъ войскомъ сохранилось воспоминаніе о древней царской эпохѣ. Еще въ 6-мъ вѣкѣ пунійцы овладѣли балеарскими и сардинскими колоніями. На берегу Атлантическаго океана они, какъ говорятъ, имѣли до 300 колоній. Продолжительныя войны съ Сиракузами привели къ подраздѣленію Сициліи между семитами и мѣстными тиранами (365 г.).

Чѣмъ могущественнѣе становилось карѳагенское государство, тѣмъ болѣе возрастало его соперничество съ римлянами. Это соперничество стало для Карѳагена роковымъ. Военная сила пунійцевъ основывалась на чужеземныхъ наемникахъ, служившихъ ради золота, и на туземныхъ варварскихъ солдатахъ, которыхъ вербовали насильно и которые были исполнены пламенной ненавистью противъ своихъ угнетателей. Римляне, наоборотъ, имѣли народное войско, сражавшееся ради патріотизма. Хотя карѳагеняне встрѣтили въ лицѣ Ганнибала одного изъ величайшихъ полководцевъ и величайшихъ государственныхъ людей всѣхъ временъ, но въ концѣ концовъ все же Карѳагенъ былъ побѣжденъ. И такъ какъ карѳагеняне не съумѣли привязать къ себѣ покорныя народности предоставленіемъ имъ правъ, то однажды побѣжденные, они уже болѣе не встрѣтили ни малѣйшей опоры въ туземномъ населеніи. Послѣ разрушенія города во второй пунической войнѣ (145 г. до Р. Х.) карѳагенское государство поэтому исчезло съ лица земли. Финикійскій Гадеръ сталъ римскимъ еще за 50 лѣтъ передъ тѣмъ.

Финикійскія колоніи по западному побережью Средиземнаго моря находились въ тѣсной связи съ метрополіей, что доказывается уже плаваніемъ знаменитыхъ тартесскихъ кораблей. Ежегодный платежъ дани въ пользу метрополіи былъ выраженіемъ зависимости отъ нея. Такое отношеніе положительно утверждается преданіемъ относительно одного изъ знаменитѣйшихъ колоніальныхъ городовъ, а именно Утики. Меньшіе города навѣрное находились въ болѣе полной зависимости. Даже могущественный Карѳагенъ въ эпоху своего наивысшаго процвѣтанія регулярно посылалъ на годичныя большія празднества особыя торжественныя посольства. Когда Александръ Македонскій взялъ штурмомъ Тиръ, тамъ какъ разъ находилось подобное посольство и оно вмѣстѣ съ царемъ Аземильку единственно уцѣлѣло отъ кровопролитія и рабства.

Оба такъ называемые классическіе народа древности подготовляли гибель финикійской народности и культуры,—послѣ того, какъ заимствовали отъ нея безконечно многое. Замѣчательной прихотью всемірной исторіи слѣдуетъ считать, что приблизительно 800 лѣтъ спустя послѣ паденія Карѳагена, мѣстности, гдѣ находились важнѣйшія финикійскія поселенія, вмѣстѣ съ самой метрополіей, снова подпали подъ власть семитовъ. Магометанскіе арабы явились въ эти страны не какъ лавочники и торгаши, но съ саблей въ одной рукѣ и съ кораномъ въ другой. Религіозный энтузіазмъ придалъ войскамъ замѣстителя пророка исполинскія силы, и они создали царство, простиравшееся отъ степей Туркестана до Геркулевовыхъ столповъ.

Между тѣмъ семитическая религія, отдѣлившаяся отъ оффиціальнаго іудейства, послѣ того, какъ она напрасно пыталась его реформировать, начала свой побѣдоносный походъ по вселенной. Уже 400 лѣтъ передъ тѣмъ она стала для грекоримской имперіи государственной религіей. Въ настоящее время почти весь цивилизованный міръ призналъ ее. Можно сказать, что почти вся наша позднѣйшая культура восходитъ черезъ посредство грековъ къ вавилонянамъ и финикіянамъ, а черезъ посредство христіанства къ іудеямъ. Поэтому можно назвать довольно странной ироніей судьбы, что употребительное теперь наименованіе страны между Іорданомъ и Средиземнымъ моремъ, а именно *Палестина*, относится не къ двумъ важнѣйшимъ культурнымъ народамъ этой области, т. е. финикіянамъ и іудеямъ, но къ землякамъ великана Голіаѳа.

Описаніе рисунковъ.

1. Свайная постройка (по В. Гроссу.).

2. Находки каменнаго вѣка: 1. Полированный кремневый топоръ, найденный въ топи подлѣ Гадерслебена. 2. Законченный, но и не полированный топоръ, найденный въ одной могилѣ подлѣ Докеенгейде на Эльбѣ. 3. Каменный топоръ, найденный подлѣ Любека. 4. Кремневый кинжалъ, найденный подлѣ Каппельна. 5. Каменный топоръ, найденный подлѣ Борнгэведа. 6. Продыравленый звѣриный зубъ, служившій украшеніемъ. 7, 8. Янтарныя бусы, въ видѣ топориковъ, найденныя въ могилахъ. 9, 10. Наконечники стрѣлъ изъ времня, найденные въ топи подлѣ Тондерна. 11, 12. Кремневые кинжалы, найденные въ Швансейнѣ. 13 и 14 глиняная посуда, найденная въ могильныхъ холмахъ 15. Такъ называемый топоръ амазонки, найденный въ одной каменной камерѣ Аренсбурга. 16. Каменный топоръ, найденный въ Шлезвигѣ. 17, 18. Топоры изъ оленьяго рога. 19. Гарпуны изъ костей, найденные въ сѣверномъ Шлезвигѣ. 20. Кремневый дротикъ съ обломаннымъ наконечникомъ, съ зазубреннымъ краемъ, найденъ подлѣ Нейнмюнстера.

3. Урна въ видѣ домика изъ Ашерслебена, оригиналъ находится въ Берлинскомъ музеѣ. Въ $^1/_9$ естественной величины.

4. Камень изъ Готторпа, покрытый рунами. Оригиналъ въ музеѣ г. Киля.

5. Дольменъ подлѣ Аррайолоса въ Португаліи.

6. Дольменъ съ рунами, крестомъ и украшеніями на островѣ Мэнъ.

7. Каменные топоры изъ Англіи. (Британскій музей).

8. Новокаменное оружіе изъ Даніи, не полированное.

9. Находки въ свайныхъ постройкахъ, изъ Лайбахской топи.

10. Глиняное изображеніе луннаго серпа съ звѣриными головами, изъ одного могильнаго холма каменнаго вѣка подлѣ Эденбурга.

11. Кремневые наконечники стрѣлъ изъ Исландіи.

12. Терракоттовые предметы неизвѣстнаго употребленія, найденные въ Ирландіи (Британскій музей).

13. Находки въ свайныхъ постройкахъ изъ Оверньe (Швейцарія).

14. Бронзовый шлемъ, найденный въ Бейчѣ, подлѣ Пфердтена (Бранденбургъ) и два кинжала, найденные въ Нейенхейлигенѣ подлѣ Лангензальца (Британскій музей).

15. Шведскіе рисунки бронзоваго вѣка, на скалахъ.

16. Бронзовыя находки изъ Шлезвигъ Гольштейна.

17. Украшенія изъ свайной постройки въ Пескьерѣ, на озерѣ Гарда.

18. Могильная урна изъ Эденбурга (15-я часть естественной величины).

19. Манардъ-Маундъ въ Арканзасѣ (на переднемъ планѣ глиняная посуда).

20. Могила китайскаго императора Юнь-Ло.

21. Ламаитскій жрецъ.

22. Храмъ Неба въ Пекинѣ (Главный алтарь).

23. Пагода въ Тунь-Чжоу.

24. Путешествіе китайскаго семейства въ старину.

25. Памятныя таблицы въ храмѣ Конфуція въ Пекинѣ.

26. Брама и Сарасвати.

27. Скульптура въ Махамалайпурѣ.

28. Египетскій богъ Беза.

29. Кароопанасами (индійское божество).

30. Махадева и Бхавани.

31. Часть развалины храма въ Орисѣ.

32. Живопись изъ храма въ скалахъ Аджунты.

33. Брама, Вишну и Лакшми.

34. Рельефъ изъ храма Дарія въ Персеполѣ, изображающій льва и быка.

35. Рельефъ изъ дворца Дарія въ Персеполѣ.

36. Аменоѳисъ III. Голова статуи, найденной въ Стовратныхъ Ѳивахъ (Британскій музей).

37. Голова царицы Туйя, супруги Аменоѳиса III.

38. Рамзесъ II, на боевой колесницѣ, побиваетъ хетовъ. Храмовая фреска.

39. Сцены изъ боевыхъ походовъ Рамзеса II противъ эѳіоповъ. (Храмовая фреска).

40. Сцены изъ завоевательныхъ походовъ Рамзеса II. противъ эѳіоповъ. (Храмовая фреска).

41. Нектанебо, фараонъ 30-й династіи, приносящій жертву (Британскій музей).

42. Поклоненіе солнцу. Живопись изъ храма Рамзеса II въ Ѳивахъ.

43. Статуя египетской богини Сехетъ.

44. Судъ надъ мертвецами и вѣсы справедливости (виньетка изъ египетской Книги Мертвыхъ въ Британскомъ музеѣ)

45. Стадо воловъ пригоняется для счета, производимаго надсмотрщиками. Стѣнная живопись изъ Ѳивъ (Британскій музей).

46. Сцены изъ египетскаго пира (стѣнная живопись изъ Ѳивскихъ могилъ).

47. Дворецъ Ксеркса въ Персеполѣ: Пропилеи, реставрированные археологомъ Шипье.

СОДЕРЖАНІЕ.

Исторія первобытной и восточной культуры.

Первобытная культура проф. *Л. Бюхнера.*

Восточная культура.

Древній Китай М. Ф. Брандта.

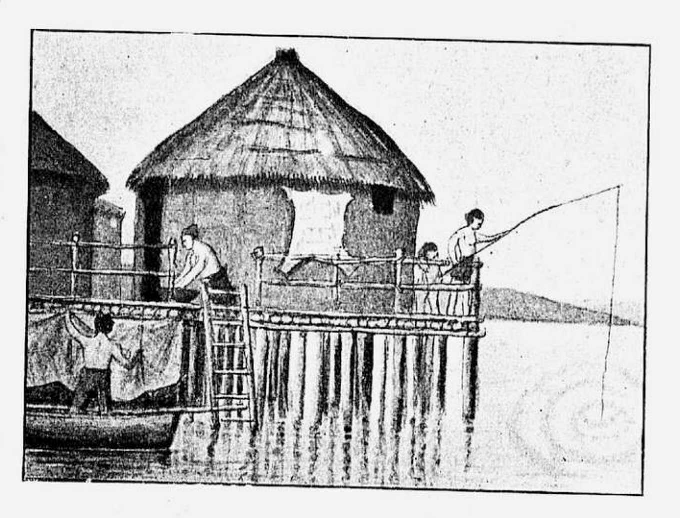
Древняя Индія Проф. Лефманна.

Царства мидянъ и персовъ.

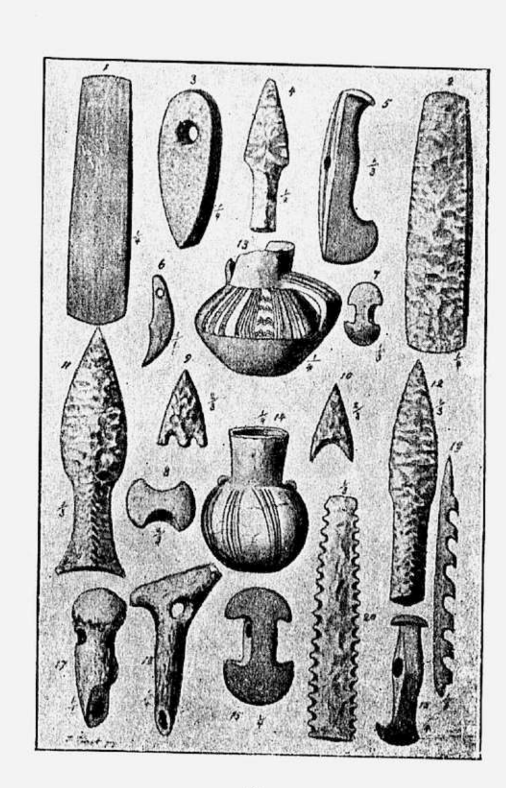
Семитическая культура въ Передней Азіи.

---

[1]) Въ текстѣ здѣсь ошибка въ пагинаціи 179 вм. 279.
[2]) Въ текстѣ 186.



1



2.

3.

4.

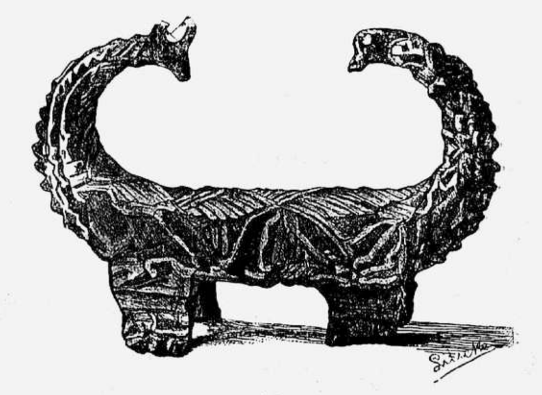
5.

6.

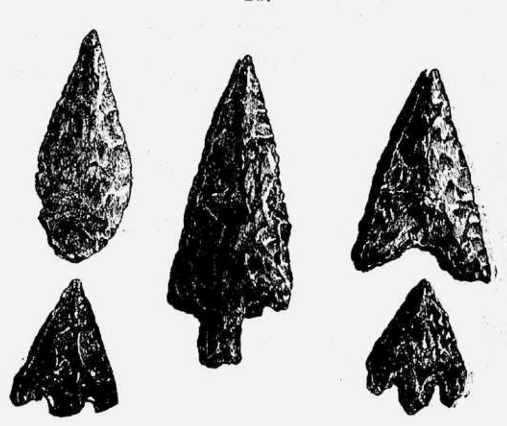
7.

8.

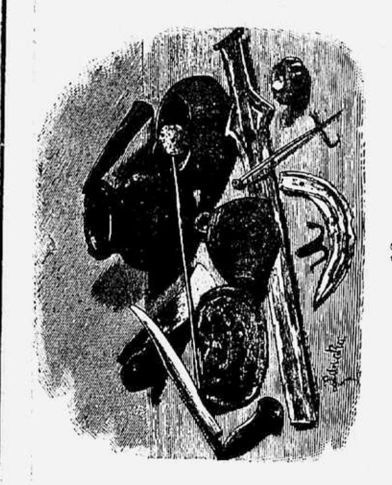
9.



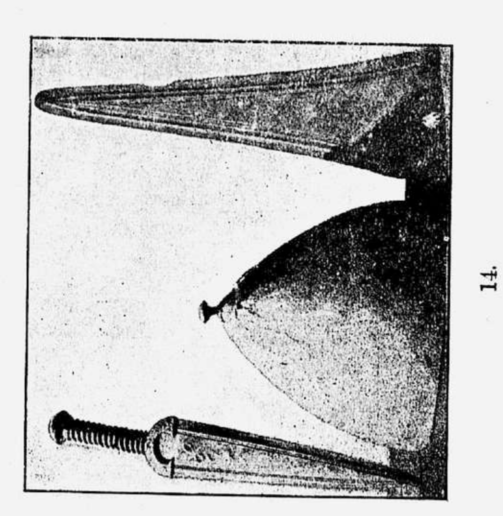
10.



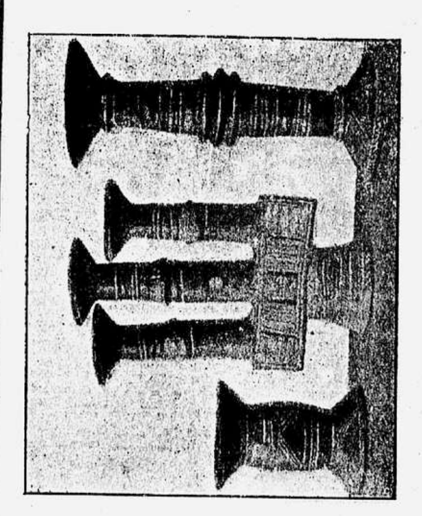
11.



13.



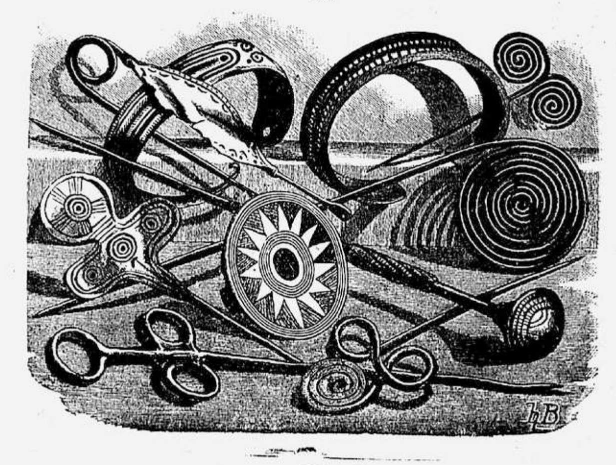
14.



12.

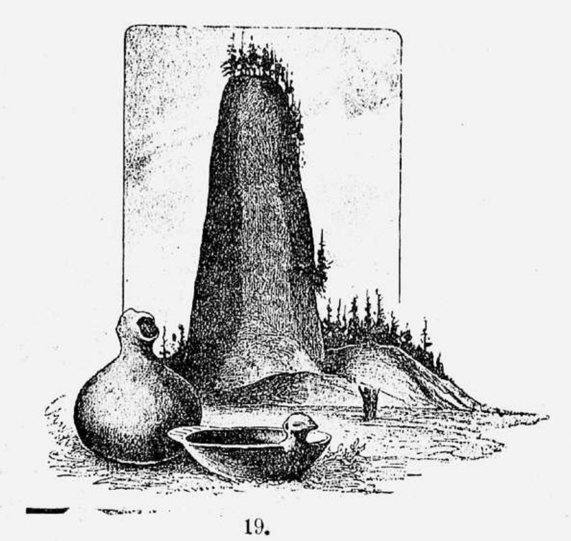
15.

16.

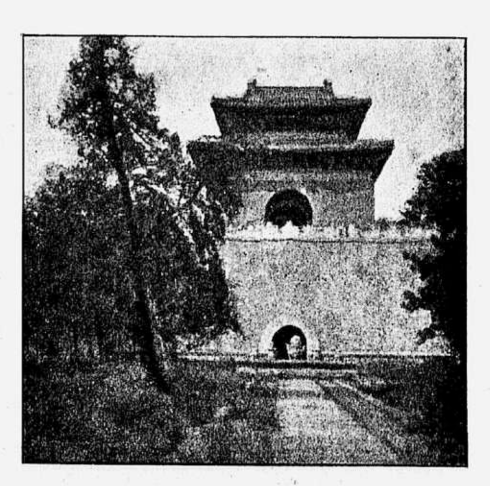


17

18.

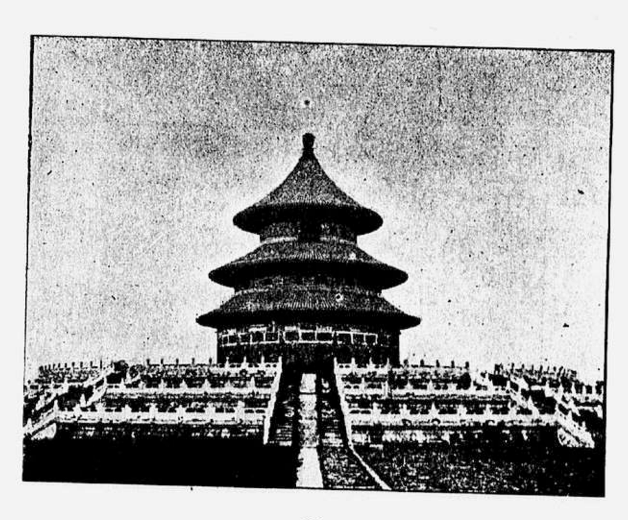


19.



20.

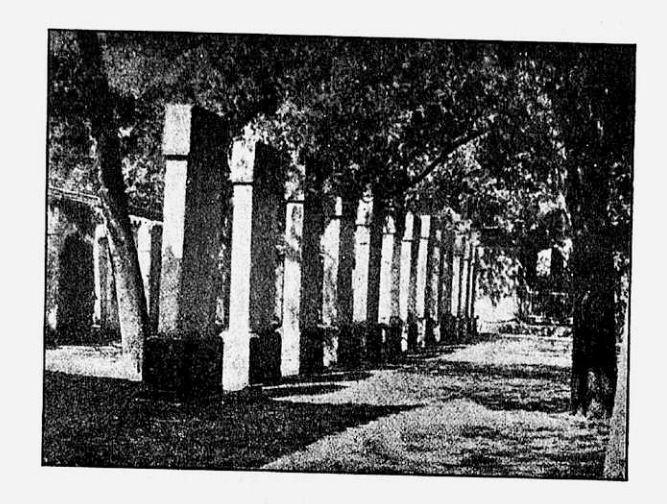
21.



22.

23.

24.



25

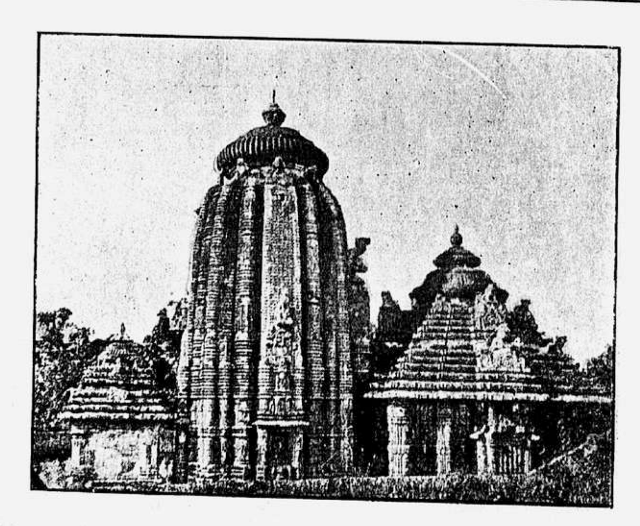
26.

27.

28.

29.

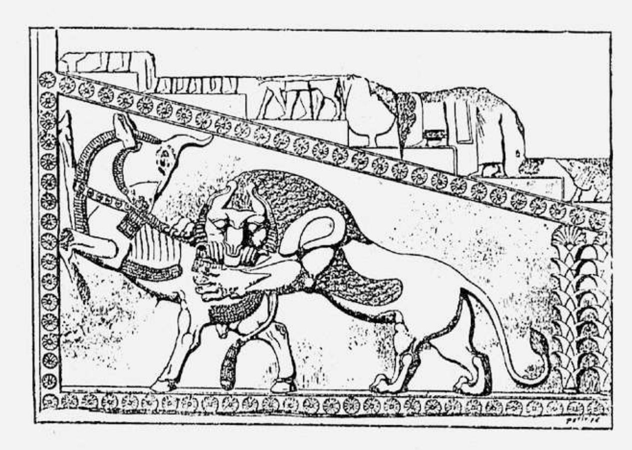
30.



31.

32.

33.

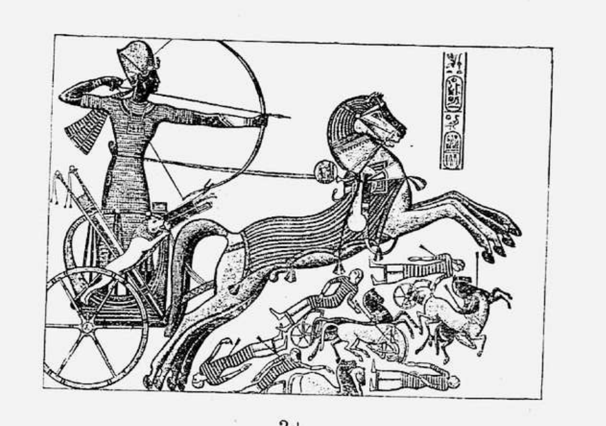


34.

35.

36.

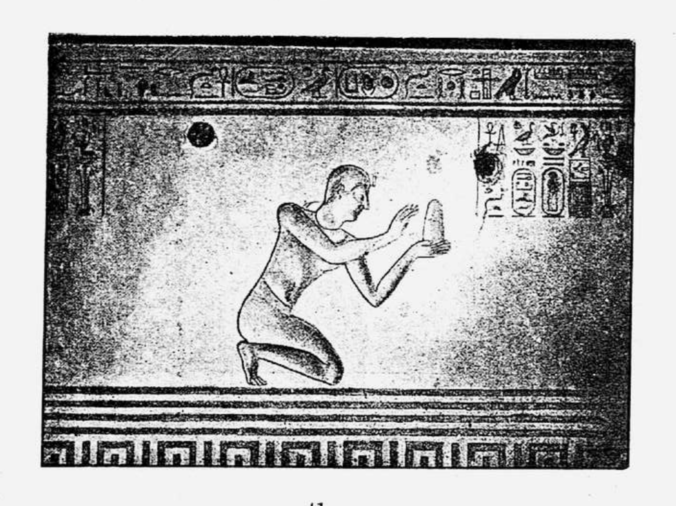
37.


38.

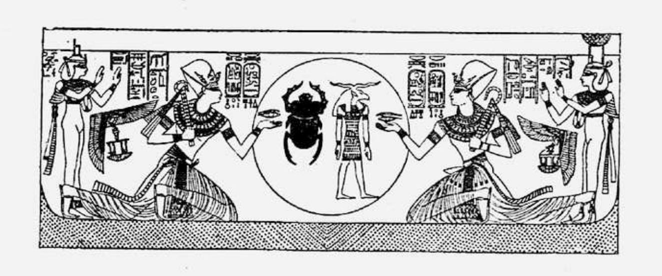
39.

40.

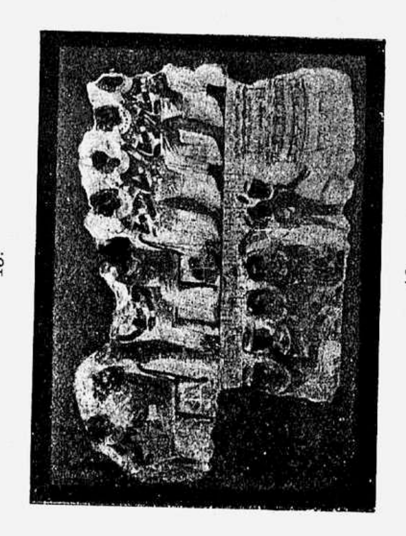
43.


41.

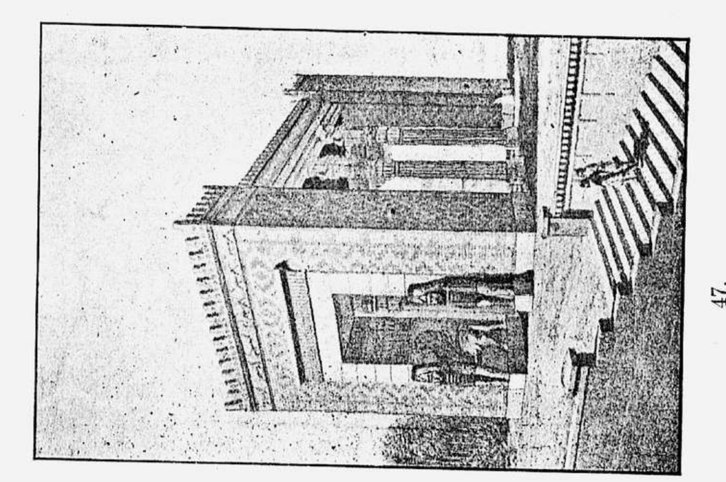
44.


42.

45.



46.



47.

Дозвол. цензурою Спб., 19 декабря 1897 г.

Типогр. А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.